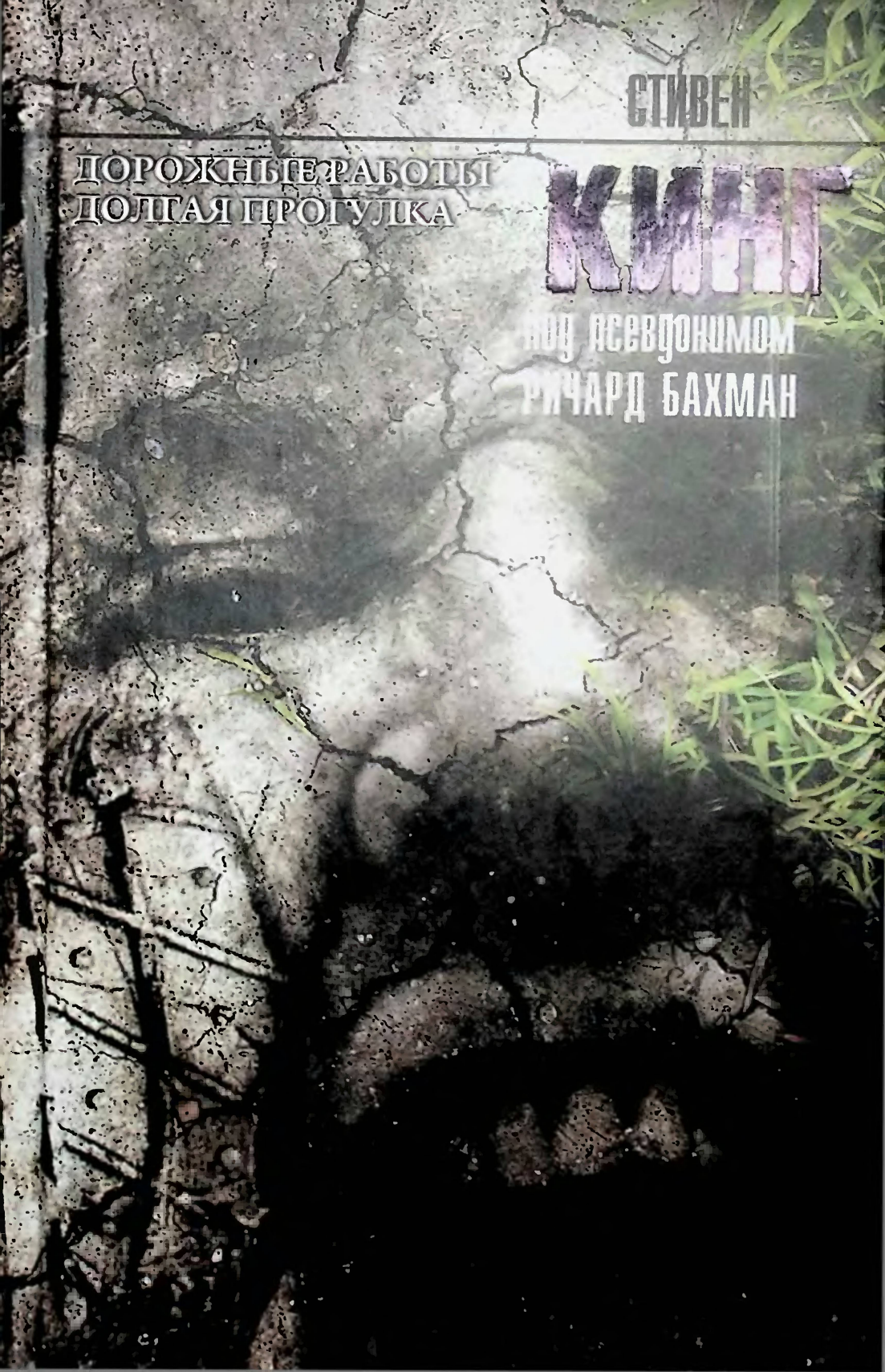

СТИВЕН
КИНГ
ДОРОЖНЫЕ РАБОТЫ
ДОЛГАЯ ПРОГУЛКА
под псевдонимом
РИЧАРД БАХМАН

СТИВЕН

КИНГ

ПОД ПСЕВДОНИМОМ
РИЧАРД БАХМАН

СТИВЕН

КИНГ

под псевдонимом

РИЧАРД БАХМАН

ДОРОЖНЫЕ РАБОТЫ
ДОЛГАЯ ПРОГУЛКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Сое)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
(Richard Bachman)
ROADWORK
THE LONG WALK

Перевод с английского А. Санина («Дорожные работы»)
и А. Георгиева («Долгая Прогулка»)

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Дорожные работы. Долгая Прогулка : [романы; пер. с англ.] / Стивен Кинг. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 605, [3] с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-086678-6

...В обычном маленьком городке живет обычный человек, медленно, но верно погружающийся в пучину черной ненависти к себе и окружающим. Нужен всего лишь повод, чтобы ненависть выплеснулась на волю потоком хлещущей крови. И когда повод находится, обычного человека, ставшего убийцей, уже не остановить.

...Это была страшная игра — игра на выживание. Это была Долгая Прогулка. Прогулка со Смертью, ибо смерть ожидала каждого упавшего. Дорога к счастью — потому что победивший в игре получал все.

На долгую прогулку вышли многие — но закончит ее только один. Остальные лягут мертвыми на дороге — потому что дорога к счастью для одного станет последней дорогой для многих.

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Сое)-44

© Stephen King, 1979, 1981
© Перевод. А.В. Санин, 1998
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ДОРОЖНЫЕ РАБОТЫ

Памяти Шарлотты Литфилд посвящается

Я и сам не знаю почему. Да и вы не знаете. Думаю, что и сам Господь не знает. Это все штучки-дрючки нашего правительства, вот и все дела.

Из личного интервью
по поводу войны во Вьетнаме,
приблиз. 1967 г.

Пролог

Однако вьетнамская война завершилась, и жизнь в стране продолжалась.

В тот жаркий августовский день 1972 года неподалеку от Уэстгейта, в самом конце автострады номер 784, был припаркован телевизионный «ньюсмобил». Вокруг наспех сколоченного подиума, деревянный костяк которого, словно кожа, обтягивал атлас, собралась небольшая толпа. Позади него на поросшем травой склоне выстроились будки для взимания дорожного сбора. Впереди до самой окраины города протянулась открытая болотистая местность.

В ожидании приезда на церемонию начала строительства мэра и губернатора молодой журналист Дейв Альберт выборочно брал интервью у собравшихся.

Подойдя к старику в темных очках, он поднес к его лицу микрофон.

— Ну, — заговорил старик, с опаской глядя в зрачок камеры, — я считаю, что для нашего города это просто здорово. Мы давно этого ждали. Да, здорово... для нашего города. — Он сглотнул, понимая, что талдычит одно и то же, но никак не мог оторвать взгляда от камеры, словно завороженный ее немигающим циклопьим оком. — Очень здорово, — неловко добавил он. — Для нашего города. Здорово, да...

— Спасибо, сэр. Большое спасибо.

— Как считаете, меня покажут по телевизору? — взволнованно спросил старик. — В сегодняшних «Новостях»?

Альберт сверкнул профессиональной, ничего не значащей улыбкой:

— Трудно сказать, сэр. Вполне возможно.

Его звукооператор указал на подъездную площадку, к которой только что подкатил губернаторский «крайслер-империал», переливающийся и сверкающий, словно хромированный бильярдный шар на солнце.

Альберт кивнул и показал помощнику один палец. Они подошли к мужчине в белой рубашке с закатанными рукавами, который хмуро взирал на подиум.

— А вы не поделитесь с нами своим мнением по поводу этого проекта, мистер...

— Доус. С удовольствием поделюсь. — Голос у него был негромкий и приятный.

— Мотор, — шепнул оператор.

Не повышая голоса и тем же приятным тоном мистер Доус промолвил:

— По-моему, это просто дерьмо собачье.

Оператор поморщился. Альберт кивнул и, метнув на говорившего укоризненный взгляд, резко скрестил два пальца на правой руке — знак помощнику, что это интервью придется вырезать.

Старик следил за этой сценой с непритворным ужасом. Тем временем губернатор уже выбрался из «империала» и величественно поднимался по травянистому склону. На нем был зеленый галстук с блестками, которые яркими искорками вспыхивали в солнечных лучах.

— А когда меня покажут — в шестичасовом выпуске или в одиннадцать? — вежливо осведомился мистер Доус.

— Ну вы даете, приятель, — хмыкнул Альберт и, отвернувшись от него, принялся рассекать толпу, направляясь к губернатору. Оператор последовал за ним. Мужчина в белой рубашке задумчиво посмотрел им вслед.

Семнадцать месяцев спустя Альберт и мужчина в белой рубашке встретились вновь, хотя ни один из них так и не вспомнил про первую встречу.

Часть первая
НОЯБРЬ

Вчера поздно ночью дождь стучал мне в окно
Я пересек темную комнату
и при отблеске фонаря
Мне показалось что я вижу на улице
Дух века
Который говорит нам
что все мы стоим на самой кромке

Эл Стюарт

20 ноября 1973 года

Он по-прежнему делал все чисто машинально, не позволяя себе задуматься над своими поступками. Так было безопаснее. Словно в голове у него был установлен невидимый прерыватель, который щелкал и отключал его от сети питания всякий раз, как мозг спрашивал: *Слушай, ну зачем ты так делаешь*? И часть мозга тут же погружалась в темноту. Эй, Джорджи, а кто выключил свет? Кажется, я. Должно быть, замыкание какое-то. Сейчас проверю. Бац — свет вспыхивает. А вот предыдущей мысли уже и след простыл. Все чудесно. Продолжим, Фредди, — на чем мы остановились?

Он уже подходил к автобусной остановке, когда увидел вывеску:

БОЕПРИПАСЫ И АМУНИЦИЯ
ОРУЖЕЙНАЯ ЛАВКА ГАРВИ
«РЕМИНГТОН», «ВИНЧЕСТЕР», «КОЛЬТ»,
«СМИТ-ВЕССОН»
ОХОТНИКИ, ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

С серого неба сыпал мелкий снег. Это были самые первые в этом году снежинки, которые покрывали улицы белесыми пятнами, похожими на рассыпанную соду, а потом быстро таяли.

Он увидел мальчишку в красной шапочке, который шел с раскрытым ртом и ловил снежинки языком, далеко, до нелепости, высунутым наружу. Все равно растает, Фредди, подумал он, глядя на мальчугана, но тот все так же продолжал идти с задранной головой.

Остановившись перед оружейной лавкой, он осмотрелся, переминаясь с ноги на ногу. На журнальной стойке, установленной перед входом, разместились свежие выпуски газет. В глаза ему бросился заголовок:

ЗЫБКОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ОГНЯ
ЕЩЕ СОХРАНЯЕТСЯ

Чуть ниже смазанная надпись на листе картона гласила:

ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПЛАТИТЬ
ЗА ГАЗЕТЫ!
ПРОДАВЕЦ ЗА НИХ УЖЕ РАСПЛАТИЛСЯ

Внутри было тепло. Магазинчик был длинный и узкий. С одним-единственным проходом. За дверью по левую сторону располагался застекленный прилавок, заставленный коробочками с патронами. Он сразу узнал патроны двадцать второго калибра — в детстве, когда он еще жил в Коннектикуте, у него было одноствольное ружье, стрелявшее такими патронами. Года три он мечтал об этом ружье, а потом, заполучив, не знал, что с ним делать. Палил по пустым жестянкам, а однажды подстрелил сойку. Неудачно подстрелил. Сойка жалась в снегу, вокруг нее расплывалось кровавое пятно, а клюв раненой птицы медленно открывался и закрывался. Беззвучно. После этого случая он повесил ружье на стену, где оно и провисело еще три года, пока он не продал его

одному парнишке с их же улицы за девять долларов и коробку комиксов.

Другие патроны выглядели менее знакомыми. Да, это для ружья калибра тридцать-тридцать, это — триста шесть, а рядышком нечто напоминающее гаубичные снаряды, только меньшего размера. На кого, интересно, можно охотиться с такими? На тигров? Динозавров? Как завороженный он уставился на эти мини-снаряды, гордо выстроившиеся рядком за стеклом, словно шоколадные зверюшки в кондитерской лавке.

Продавец — или владелец — беседовал с каким-то толстяком в зеленых брюках и рубашке защитного цвета. С накладными карманами. Речь шла о пистолете, который лежал на прилавке, наполовину разобранный. Толстяк отодвинул затвор и показывал продавцу смазанные внутренности. Потом произнес нечто, вызвавшее у продавца смех.

— Кто тебе сказал, Мак, что в пистолетах вечно что-то заклинивает? Папаша твой, что ли?

— Слушай, Гарри, не будь таким задавакой!

И ты тоже задавака, Фред, подумал он. Причем отъявленный. Ты это знаешь, Фредди?

Фред ответил, что знает.

Вдоль всей правой стены протянулась застекленная витрина, в которой были развешаны всевозможные ружья. Он сразу узнал несколько двуствольных дробовиков, но вот все остальное видел впервые. Для него это оружие казалось загадкой. Для него, но не для других. Другие люди — скажем, эти двое — разбирались в оружии с такой же легкостью, как он в свое время — в курсе бухгалтерского дела, в котором специализировался, обучаясь в колледже.

Пройдя дальше, он остановился перед прилавком, под стеклом которого были разложены пистолеты. Пневматические, пара мелкокалиберных, револьвер тридцать восьмого калибра с обрубленным рылом и рукояткой, инкрустированной деревом, пистолет сорок пятого калибра и еще один пистолет, который он узнал — «магнум» сорок четвертого, — такой он уже видел в кино, у Грязного Гарри*. Как-то раз в

прачечной Рон Стоун обсуждал этот фильм с Винни Мейсоном, и Винни сказал: «Нельзя, чтобы городские копы ходили с такими жуткими пушками. Ведь из них человека за целую милю продырявить можно».

Тем временем толстяк по имени Мак и продавец — или владелец — по имени Гарри (как Грязный Гарри!) снова собрали пистолет.

— Звякни мне, когда тебе этот «меншлер» доставят, — попросил Мак.

— Ладно... хотя ты зря так против автоматических пистолетов выступаешь, — проворчал Гарри. (Он решил, что Гарри все-таки владелец магазина; продавец не стал бы настолько фамильярничать с покупателем.) — А «кобра» тебе уже на следующей неделе понадобится?

— Да, желательно, — кивнул Мак.

— Боюсь, что не могу обещать.

— Ты никогда не обещаешь... но, сам знаешь, ты единственный в нашей дыре, кто знает толк в оружии.

— Пожалуй.

Мак на прощание похлопал лежавший на прилавке пистолет и, повернувшись, чтобы идти, наткнулся на вошедшего посетителя — *Полегче на поворотах, Мак. Извиняться надо!* — и даже ухом не поведя затопал к выходу. Под мышкой Мак держал газету, и он успел прочитать:

ЗЫБКОЕ ПРЕКРАЩ...

Гарри, по-прежнему улыбаясь, неодобрительно покачал головой и посмотрел на него:

— Чем могу помочь?

— Сейчас объясню. Только хочу сразу предупредить — в оружии я ни уха ни рыла не смыслю.

---

* Имеется в виду герой одноименного голливудского фильма с Клинтом Иствудом в роли Грязного Гарри — Гарри Каллахэна. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Гарри пожал плечами:

— А вы вовсе и не обязаны смыслить. Что, вам подарок нужен? К Рождеству?

— Да, именно. — Он поспешил ухватиться за спасительную соломинку. — Для моего кузена — его Ник зовут. Ник Адамс. Он в Мичигане живет, и у него просто изумительные ружья. Да. Он увлекается охотой, но дело даже не в охоте. У него это самое настоящее... как бы выразиться...

— Хобби? — подсказал Гарри, улыбаясь.

— Да, точно. Именно хобби. — Он чуть было не сказал «нечто вроде *фетиша*». Потупив взор, он посмотрел на кассовый аппарат, к которому была приклеена старая, выцветшая от времени наклейка. На ней было написано:

ЕСЛИ ОБЪЯВИТЬ ОРУЖИЕ ВНЕ ЗАКОНА,
ТО ВЛАДЕТЬ ИМ БУДУТ ТОЛЬКО БАНДИТЫ

Он улыбнулся Гарри и сказал:

— А ведь это и впрямь так.

— Конечно, — кивнул Гарри. — Значит, ваш кузен...

— Да, дело в том, что я ему обязан по гроб жизни. Он знает, как я люблю на моторках гонять, и на прошлое Рождество подарил мне роскошный эвинтрудовский мотор мощностью в шестьдесят «лошадей». Специальной почтой доставили. А вот я ему всего лишь охотничью куртку подарил. Последним болваном себя потом чувствовал.

Гарри сочувственно закивал.

— Ну вот, а полтора месяца назад он мне письмо прислал. Совершенно восторженное, словно написал его шестилетний мальчуган, которому контрамарку в цирк дали. Оказывается, он и еще шестеро приятелей скинулись и купили себе тур в Мексику, туда, где устроено что-то вроде охотничьего парка...

— С охотой без ограничений?

— Да, именно так. Без всяких ограничений. — Он усмехнулся. — Там можно палить сколько душе угодно. Туда по-

стоянно поставляют любых животных. Оленей, антилоп, медведей, бизонов. Каких угодно.

— Может, это Бока-Рио?

— Точно не помню. По-моему, название чуть подлиннее.

Глаза Гарри мечтательно затуманились.

— В шестьдесят пятом году мы вот с этим клиентом, который только что ушел, и еще двумя парнями смотались в Бока-Рио. Я там зебру подстрелил. Представляете — зебру! Я набил ее чучело и выставил дома в комнате, где остальные трофеи держу. В жизни больше такого наслаждения не испытывал... Эх, завидую я вашему кузену!

— Так вот, я посоветовался с женой, — продолжил он, — и она меня поддержала. Тем более что год у нас удачный выдался. Я ведь в прачечном комбинате работаю. В «Блю Риббон», что в Вест-Энде.

— Да, знаю.

Он вдруг понял, что может говорить с Гарри часами, а то и даже днями — хоть до самого Нового года, — переплетая ложь с правдой в искусный узор. И плевать он хотел на все остальное. На нехватку бензина, и на дорогую говядину, и на зыбкое прекращение огня. Начхать на все! Давай-ка лучше придумаем историю про несуществующего кузена, а, Фред? Давай, Джорджи.

— В этом году к нам и центральная больница перешла, и психбольница, да и несколько новых мотелей...

— «Кволити мотор-корт», что на Франклин-авеню, тоже ваши клиенты?

— Да.

— Я останавливался там пару раз, — промолвил Гарри. — Простыни и впрямь были словно новенькие. Забавно — когда останавливаешься где-то переночевать, никогда не задумываешься, кто все белье стирает.

— Да, так что год выдался удачный. Вот я и подумал: а куплю-ка Нику пистолет и ружьишко. Я знаю — он давно мечтал о «магнуме». Как-то раз он сказал мне, что...

Гарри достал из-под прилавка «магнум» сорок четвертого калибра и осторожно положил на стекло. Он взял его в руки, взвешивая. Ощущение ему понравилось. Пистолет был увесистый и... внушающий уверенность. С таким шутки плохи.

Он опустил «магнум» на прилавок.

— Патронник у него... — начал было Гарри.

Он расхохотался и предупреждающе поднял руку:

— Нечего меня уговаривать. Я уже сам уговорился. Дилетанту ведь много не надо. А как насчет амуниции?

Гарри пожал плечами:

— Я бы на вашем месте взял коробочек десять. Если понадобится, ваш кузен легко достанет еще. Стоит эта игрушка двести девяносто девять долларов плюс налог, но я готов отдать вам ее за двести восемьдесят, включая патроны. Устраивает?

— Еще бы, — сказал он совершенно искренне. А затем, понимая, что от него ожидают еще чего-то, добавил: — Красивая штучка.

— Если речь и впрямь идет о Бока-Рио, ваш кузен найдет ему применение.

— Теперь о ружье...

— А что у него есть?

Он беспомощно пожал плечами и развел руками:

— Понятия не имею. Два или три дробовика, кажется, и еще что-то, самозаряжающееся...

— «Ремингтон»? — Гарри спросил так быстро, что он даже испугался; у него вдруг возникло ощущение, что он прыгнул в реку, а дно ушло из-под ног.

— Да, кажется. Но я могу и ошибиться.

— Лучше «ремингтона» ничего не сыскать, — сказал Гарри, одобрительно кивая. Он сразу почувствовал себя лучше. — На какую сумму вы рассчитываете?

— Сейчас скажу. Мотор обошелся ему сотни в четыре. Я бы хотел уложиться в пятьсот долларов. Самое большее — в шестьсот.

— Да, вижу, кузен вам дорог.

— Мы вместе выросли, — искренне заверил он. — Господи, да ради Ника я бы правую руку отдал!

— Что ж, сейчас я вам кое-что покажу, — сказал Гарри.

Выбрав из связки нужный ключ, он подошел к одному из застекленных шкафов и отомкнул его. Затем влез на табурет и снял с крючка длинное тяжелое ружье с инкрустированным ложем.

— Оно, пожалуй, тянет чуть подороже, чем вы рассчитываете, но зато качество совершенно отменное, — сказал Гарри, вручая ему ружье. — Просто исключительное.

— Как оно называется?

— «Уэзерби», четыреста шестьдесят. Зарядов такого большого калибра у меня сейчас нет. Закажу в Чикаго — сколько вам понадобится. На это потребуется неделя. Балансировка изумительная. А убойная сила свыше восьми тысяч фунтов... Все равно что грузовик на вас налетит. Если попадете из него оленю в голову, то в качестве трофея один хвост останется.

— Не знаю, — с сомнением произнес он, хотя уже твердо решил, что купит именно это ружье. — Старина Ник как раз любит трофеи. Он ради них...

— Это понятно, — промолвил Гарри. Взял у него «уэзерби» и переломил ствол. Диаметр канала патронника был столь велик, что в него пролетел бы голубь. — В Бока-Рио за мясом не ездят. Ваш кузен будет целить в брюхо. Имея такую игрушку, ему не придется двенадцать миль преследовать по кустам и оврагам раненое и безумно страдающее животное, да и на ужин он не опоздает. Нет, от такой пули кишки на двадцать футов разлетятся.

— Сколько?

— Сейчас скажу. В городе с ним делать нечего. Кому здесь нужна такая противотанковая пушка, если в окрестностях ничего крупнее фазана не водится? А разить от подстреленной дичи будет, как от выхлопной трубы. В розницу эта игрушка тянет на девятьсот пятьдесят, а оптовая цена — шестьсот тридцать. Вам бы я уступил ее за семь сотен.

— То есть всего получается... почти тысяча?

— На покупки свыше трехсот долларов мы даем десятипроцентную скидку. Так что остается девятьсот. — Гарри пожал плечами. — Зато могу твердо гарантировать, что такого ружья у вашего кузена нет. В противном случае я тут же выкуплю его у вас назад за семьсот пятьдесят баксов. Готов даже расписку написать.

— На полном серьезе?

— Да. А то как же. Конечно, если это слишком дорого, тут уж ничего не попишешь. Давайте еще другие ружья посмотрим. Но если ваш кузен и вправду такой заядлый охотник, то все остальное у него уже вполне может быть.

— Понимаю. — Он сделал вид, что размышляет. — У вас есть телефон?

— Да, вон там сзади. Хотите с женой посоветоваться?

— Да, так будет вернее.

— Идемте, я покажу.

Гарри провел его в захламленную комнатенку. Рядом со скамьей высился обшарпанный деревянный стол, на котором в беспорядке валялись оружейные детали, пружинки и винтики, распечатанные инструкции, стояли бутылочки с чистящей жидкостью и пронумерованные баночки с пулями.

— Вон телефон, — указал Гарри.

Он уселся на скамью, снял трубку и начал накручивать диск, а Гарри вернулся в лавку и занялся упаковкой «магнума».

— Спасибо, что позвонили в бюро метеосправки, — радостно приветствовал его записанный на пленку голос. — Сегодня днем ожидается сильный снегопад, который к вечеру постепенно ослабеет...

— Алло, Мэри? — перебил он. — Привет. Я в оружейной лавке Гарви. Да, по поводу Ники. Пистолет этот я уже взял, все нормально. Прямо с витрины. А потом Гарри показал мне одно ружье...

— ...завтра днем наладится. Давление будет постепенно расти. К вечеру вероятность осадков...

— Ну так что мне делать? — Гарри стоял в дверном проеме у него за спиной; он видел его тень.

— Да, — сказал он, чуть помолчав. — Я *знаю*.

— Спасибо, что позвонили в бюро метеосправки, — прощебетал ему в ухо женский голос. — Не забудьте в шесть часов вечера включить телевизор и послушать свежий прогноз погоды, подготовленный для вас Бобом Рейнольдсом. До свидания.

— Ты не шутишь? Я и сам отлично понимаю, что это слишком дорого.

— Спасибо, что позвонили в бюро метеосправки. Сегодня днем ожидается сильный снегопад, который к вечеру постепенно ослабеет...

— Ты уверена, милая?

— К вечеру вероятность осадков возрастет до восьмидесяти процентов...

— Что ж, давай так и сделаем. — Он повернул голову, улыбнулся Гарри и жестом показал, что все в порядке. — Он очень славный парень. Гарантирует, что такого ружья у Ника нет.

— ...наладится. Давление будет постепенно...

— Да, Мэри, я тоже тебя люблю. Пока. — Он положил трубку. Здорово, Фредди, ничего не скажешь. Да, Джорджи, я тоже доволен. Но и ты ведь не лыком шит.

Он встал.

— Она не возражает, если я согласен. А я согласен.

Гарри улыбнулся:

— А что вы сделаете, если в следующий раз кузен подарит вам глиссер?

Он улыбнулся в ответ:

— Отошлю его назад, не вскрывая.

Они направились к прилавку. Гарри спросил:

— Чек или наличные?

— «Американ экспресс», если возможно.

— О, разумеется.

Он извлек из бумажника кредитную карточку. На именной полоске с обратной стороны значилось:

БАРТОН ДЖОРДЖ ДОУС

— А вы уверены, что заряды пришлют достаточно быстро, чтобы мне успеть отослать все Фреду вовремя?

Гарри, заполнявший бланк расчета по кредитной карточке, приподнял голову:

— Какому Фреду?

Его улыбка стала шире.

— Ник — это Фред, а Фред — это Ник, — сказал он. — Николас Фредерик Адамс. Мы вечно дразнили его из-за имени. С самого детства.

— Понятно. — Гарри вежливо улыбнулся, как улыбаются люди, признавая за другими право на чудачество. — Распишитесь, пожалуйста.

Он расписался.

Гарри достал из-под прилавка увесистую амбарную книгу, через которую сверху, у самого корешка, была пропущена стальная цепочка.

— Ваши имя и адрес, пожалуйста. Так нужно — для фэбээровцев.

Пальцы его, державшие авторучку, напряглись.

— Да, конечно, — сказал он. — Господи, никогда оружия не покупал, а тут сразу столько...

И он послушно вывел в книге:

Бартон Джордж Доус 1241
Западная Крестоллен-стрит.

— Всюду эти феды свой нос суют, — проворчал он.

— Да. Как будто им больше всех нужно, — кивнул Гарри.

— Это точно. Знаете, что вчера по радио передали? Они требуют принятия закона, чтобы все мотоциклисты, кроме шлема, носили еще и нагубник. Представляете — *нагубник*? Совсем оборзели! Какое им дело, если добропорядочный гражданин хочет добровольно сломать себе челюсть?

— Ну, от меня-то только адреса и имена требуют, — проворчал Гарри, убирая книгу под прилавок.

— Или взять хотя бы продолжение этой чертовой автострады, которую они собираются проложить прямо через Вест-Энд. Какой-то выскочка-инженер говорит: «Она вот здесь пройдет», — и наше дражайшее правительство тут же рассылает кучу писем с уведомлением: «Извините, но через Ваш район пройдет продолжение автострады номер 784. В течение ближайшего года Вы должны подыскать себе новое жилье».

— Свинство, конечно.

— Вот именно. Какое дело людям до «права государства на принудительное отторжение частной собственности», если они двадцать лет в своем доме прожили? Предавались любви с женами, детей растили и возвращались из отпусков? Нет, они все эти законы специально изобрели, чтобы нас легче одурачить было.

Осторожнее, что-то ты слишком разболтался. Просто выключатель сработал с запозданием и кое-что успело просочиться.

Гарри метнул на него внимательный взгляд.

— Вы себя нормально чувствуете? — поинтересовался он.

— Да, вполне. Просто сандвич с консервами на ленч съел. Сам виноват. Всякий раз от них живот дует.

— Попробуйте вот это средство, — предложил Гарри, доставая из нагрудного кармана коробочку с пастилками. На обратной стороне было написано:

РОЛЭЙДС

— Спасибо, — поблагодарил он. Извлек одну пастилку и отправил в рот. — Вот, полюбуйтесь на меня, я звезда телерекламы. Это волшебное средство. Поглощает лишнюю кислоту в сорок семь раз больше собственного веса.

— Я только ими и спасаюсь, — сказал Гарри.

— Так насчет зарядов...

— Да, да. Неделя. Максимум — две. Я возьму вам семьдесят штук.

— А можно, я пока оставлю оружие у вас? Пометьте только, что оно мое. Я понимаю, это глупо, но мне как-то боязно его дома держать. Глупо, да?

— Кто как привык, — уклончиво ответил Гарри.

— Да. Только позвольте, я оставлю вам свой служебный номер. Когда прибудут пули...

— Патроны, — перебил его Гарри. — Патроны или заряды.

— Ну да, патроны, — улыбнулся он. — Позвоните мне, когда их пришлют, ладно? Я заберу оружие и договорюсь об отправке. Думаю, на почте мне не откажут?

— Нет. Только вашему кузену придется потом расписаться в получении, вот и все.

Он записал свой служебный телефон на обратной стороне визитной карточки Гарри. На визитке значилось:

Гарольд Суиннертон 849-6330
ОРУЖЕЙНАЯ ЛАВКА ГАРВИ
Амуниция. Старинное оружие

— Послушайте, — спросил он. — Если вы Гарольд, то кто — Гарви?

— Мой покойный брат. Он умер восемь лет назад.

— Ох, извините.

— Да, так вот. Пришел утром, открыл лавку, снял кассу и — умер на месте. Сердечный приступ. Чудесный был человек, добрейшая душа. Бывало, оленя с двухсот ярдов наповал укладывал.

Он протянул руку через прилавок, и они обменялись рукопожатием.

— Я позвоню, — пообещал Гарри.

— Счастливо вам.

Он снова вышел на заснеженную улицу и приостановился возле газет с заголовком «ЗЫБКОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ

ОГНЯ ЕЩЕ СОХРАНЯЕТСЯ». Снегопад усилился, а перчатки он оставил дома.

Что ты здесь делал, Джордж?

Хлоп, выключатель сработал.

К тому времени как он добрался до автобусной остановки, случившееся напрочь стерлось из его памяти. С таким же успехом он мог прочесть об этом в газете.

Длинная и извилистая Западная Крестоллен-стрит на большем своем протяжении тянулась по косогору. Прежде, до начала застройки, с вершины холма открывался прекрасный вид на парк и реку; теперь же высокие многоэтажки, отстроенные два года назад на Вестфилд-авеню, начисто перекрыли этот вид.

Дом номер 1241 был возведен уступами на террасах. Рядом располагался небольшой гараж на одну машину. Длинный передний двор был пуст, но снег еще не покрыл его. К дому вела аккуратная подъездная аллея, заново заасфальтированная лишь прошлой весной.

Войдя в дом, он услышал звук работающего телевизора, новой крупногабаритной модели «Зенита», которую они с женой приобрели прошлым летом. Антенну на крыше — причем с дальним радиусом приема — он установил сам. Поначалу жена была против — уже тогда им было известно, что придется перебираться жить в другое место, — но он настоял. Ведь если антенну можно возвести, то что потом стоит ее снять? — так он рассуждал. Барт, не дури. Это лишние расходы, да и для тебя лишняя возня... Однако он был непреклонен, и в конце концов Мэри сказала, что, так и быть, она его «ублажит». Именно этим словечком она пользовалась в тех редких случаях, когда предмет спора настолько задевал его за живое, что он начинал с ней всерьез пререкаться. Хорошо, Барт, будь по-твоему. Так и быть, я «ублажу» тебя.

Сейчас она сидела перед телевизором и наблюдала, как Мерв Гриффин болтает с очередной знаменитостью. В качестве знаменитости на этот раз выступал Лорн Грин, рас-

пинавшийся про свой новый полицейский сериал «Грифф». Он рассказывал Мерву, какое блаженство испытывал во время съемок. Затем появится очередная темнокожая певица (черномазая певичка, так он подумал) и затянет очередной шлягер. Что-нибудь вроде «Мое сердце осталось в Сан-Франциско».

— Привет, Мэри! — поздоровался он.

— Привет, Барт.

Почта на столе. Он перебрал конверты и счета. Письмо для Мэри от ее полупомешанной сестрицы из Балтимора. Счет на кредитную карточку «Галф» — 38 долларов. Выписка из банковского счета: 49 расходных операций, 9 поступлений, остаток — 954 доллара 47 центов. Да, это удачно, что в оружейной лавке он воспользовался кредитной карточкой.

— Кофе еще горячий, — сказала Мэри. — Или хочешь что-нибудь выпить?

— Лучше выпить. Я сам приготовлю.

Еще какие-то бумажки. Напоминание из библиотеки о просроченной книге: «Лицом к лицу со львами» Тома Уикера. Месяц назад Уикер выступал на встрече ротарианского клуба; все потом единодушно признали, что лучшего оратора еще не слышали.

Записка от Стивена Орднера, одного из крупных заправил «Амроко», корпорации, которая владела контрольным пакетом акций «Блю Риббон». Орднер приглашал его зайти в гости, чтобы обсудить предстоящую сделку с фабрикой в Уотерфорде. Устроит ли Бартона пятница, или он собирается махнуть куда-нибудь на празднование Дня благодарения? Если да — просьба позвонить. Если нет — приглашение приехать вместе с Мэри. Карла, оказывается, давно уже мечтает потрепаться с Мэри и т.д. и т.п.

Очередное уведомление от компании, прокладывающей автостраду номер 784.

Он долго стоял, разглядывая это послание при сером свете, проникающем через окно, затем убрал всю почту на сервант. Приготовил себе виски со льдом и прошел в гостиную.

Мерв по-прежнему оживленно болтал с Лорном. Краски на новом «Зените» были не просто изумительные — они завораживали. Будь наши межконтинентальные баллистические ракеты столь же замечательными, подумал он, вот славно было бы где-нибудь бабахнуть. У Лорна была абсолютно седая шевелюра. Серебристая. Немыслимого оттенка серебра. Он вдруг, сам не зная почему, представил себе Лорна лысым. *Плешивый как коленка*, вспомнил он и смешливо хрюкнул. Хотя непонятно, чем так рассмешил его мысленный образ внезапно облысевшего Лорна Грина.

Мэри, улыбаясь, подняла голову.

— Смешинка в рот попала? — спросила она.

— Да так. — Он покачал головой. — Вспомнил кое-что.

Усевшись рядом с женой, он чмокнул ее в щеку. Высокая тридцативосьмилетняя женщина, она вступила в тот противоречивый возраст, когда женская красота как бы определяет, какой стать в зрелом возрасте. Кожа у нее была гладкая, а груди небольшие и упругие; такие не провиснут. В еде Мэри себе не отказывала, но подвижный образ жизни не позволял ей располнеть. Во всяком случае, и лет через десять ее не испугает приглашение появиться в купальнике на общественном пляже. Его мысли невольно перенеслись к собственному брюшку. Да брось ты, Фредди, где ты видел хоть какого-то руководителя без пуза? Живот в наши дни — символ успеха и процветания. Как «Дельта-88». Да, Джордж, ты прав. Следи за своим четырехкамерным моторчиком, избегай рака — и дотянешь до восьмидесяти.

— Как прошел день? — спросила Мэри.

— Прекрасно.

— Ты уже смотрел новую фабрику в Уотерфорде?

— Нет, в другой раз.

Он не был в Уотерфорде с октября. Орднер это знал — кто-то наверняка ему напел, — поэтому и прислал это письмо. Новая фабрика должна была разместиться на месте бывшего прядильного комбината, и представитель мелкой риэлтерской фирмы то и дело названивал ему, пытаясь ускорить сделку. Вы ведь

не единственные покупатели, напоминал он. Я тоже времени зря не теряю, отвечал он риэлтеру. Потерпите еще немного.

— Как насчет этого кирпичного дома на Кресент? — спросила Мэри. — Ты еще не смотрел?

— Он нам не по зубам, — ответил он. — За него сорок восемь тысяч просят.

— За такую лачугу! — вознегодовала Мэри. — Да это грабеж на большой дороге!

— Вот именно. — Он отпил виски. — Что рассказывает наша милая Беа из Балтимора?

— Ничего нового. Устроилась в какую-то сверхмодную клинику, где лечат с помощью гидротерапии. Потрясно, да? Слушай, Барт...

— Что?

— Нам ведь переезжать пора. Двадцатое января на носу. А то нас на улицу выставят.

— Я делаю все, что в моих силах, — заверил он. — Потерпи немного.

— Этот маленький особняк в колониальном стиле на Юнион-стрит...

— ...уже продан, — закончил он за нее, допивая виски.

— Вот именно об этом я тебе и толкую, — недовольно сказала Мэри. — Нам с тобой он бы подошел идеально. С учетом компенсации мы бы вполне потянули.

— Он мне не понравился.

— Что-то тебе в последнее время не угодишь, — проворчала Мэри. — Не понравился он ему, — пожаловалась она телевизору. На экране уже дергалась певичка-негритянка. Она пела «Эльфи».

— Мэри, я делаю все, что в моих силах, — терпеливо повторил он.

Она повернулась и посмотрела на него. Глаза ее сочувственно увлажнились.

— Барт, я прекрасно понимаю, насколько тебе дорог этот дом... — дрогнувшим голосом начала она.

— Нет, — сказал он. — Не понимаешь.

21 ноября 1973 года

За ночь все кругом покрылось тонким снежным ковром; сойдя с автобуса на тротуар, он сразу обратил внимание на следы людей, побывавших здесь до него. Он повернул на улицу Елей, а автобус, рыча по-тигриному, покатил дальше. Вскоре его обогнал Джонни Уокер, совершавший уже свою вторую за утро ездку за бельем. Джонни приветливо помахал ему из кабины бело-голубого фургончика, а он помахал в ответ. Было чуть больше восьми утра.

Рабочий день в их прачечной начинался в семь утра с приходом управляющего Рона Стоуна и техника-смотрителя Дейва Рэднера, которые отпирали двери и запускали бойлер. В семь тридцать появлялись первые девушки, отвечавшие за сорочки, а работницы, обслуживающие скоростную гладильную машину, подходили к восьми. Сам он режим первого этажа не выносил совершенно: здесь, по его мнению, царил дух тяжелого ручного труда и эксплуатации; при этом по какой-то извращенной причине сами работавшие внизу мужчины и женщины его любили и уважали. Обращались всегда по имени. Впрочем, и ему все они, за редким исключением, нравились.

Он зашел через служебный вход, заставленный корзинами с отстиранными вчера, но еще не пропущенными через гладильный агрегат простынями. Каждая корзина была плотно прикрыта во избежание попадания пыли. Рон Стоун закреплял приводной ремень на допотопном «Мильноре», а его помощник, колледжский недоучка по имени Стив Поллак, загружал простыни, привезенные из мотеля, в стиральные машины.

— Здорово, Барт! — громогласно приветствовал его Рон Стоун. Он всегда не говорил, а ревел; тридцать лет общения с людьми под непрестанный грохот стиральных, сушильных и гладильных автоматов преобразовали его голосовые связки так, что не орать Стоун уже просто не мог.

— Этот чертов «Мильнор» совсем взбесился! — продолжал он. — Так отбеливает, что Дейву то и дело приходится прибегать к ручному обслуживанию. Но порошок все равно перерасходуется почем зря.

— Ничего, скоро мы получим заказ от Килгаллона, — утешил он. — Еще пару месяцев...

— На предприятии Уотерфорда?

— Угу, — легкомысленно брякнул он.

— Через два месяца меня уже в психушку упрячут, — мрачно предрек Стоун. — А перестройка... это будет хуже африканского военного парада.

— Но ведь наши клиенты снова к нам вернутся.

— Вернутся! Да мы месяца три только заново раскручиваться будем. А там уже, глядишь — и лето на носу.

Он кивнул, не желая продолжать этот разговор.

— Кого обслуживаете в первую очередь?

— «Холидей инн».

— С каждой загрузкой закладывайте сотню полотенец. На полотенцах они просто тронулись.

— Они на всем тронулись.

— Сколько всего белья?

— Шестьсот фунтов без малого. В основном от «Шрайнера». Еще с понедельника осталось. В жизни не видел таких грязных простыней. Некоторые на ребро ставить можно.

Он кивнул в сторону новичка, Поллака:

— Как вам этот парнишка?

Подсобные работники в «Блю Риббон» долго не задерживались и менялись часто. Дейв гонял их в хвост и в гриву, да и громовые окрики Рона не добавляли им настроения.

— Пока неплохо, — сказал Стоун. — А помните его предшественника?

Он помнил. Тот бедолага продержался всего три часа.

— Да, не забыл еще. Как его звали-то?

Рон Стоун сдвинул густые брови:

— Не помню. Бейкер, что ли? Или Баркер? Что-то вроде того. В пятницу я видел его возле универмага; он раздавал

листовки, призывающие бойкотировать зеленщиков или что-то в этом роде. Здорово, да? Работать не умеет, так теперь коммунистической пропагандой занимается. С ума сойти можно!

— После «Холидей инн» вы Говарда Джонсона пропустите?

Стоун обиженно фыркнул:

— Конечно! Их мы никогда не задерживаем.

— К девяти справитесь?

— Еще бы!

Кивнув Дейву, он поднялся на второй этаж. Миновал химчистку, бухгалтерию и вошел в свой кабинет. Уселся за стол во вращающееся кресло и придвинул к себе лоток с входящими документами. На столе красовалась табличка с призывом:

ДУМАЙ ГОЛОВОЙ!
Возможно, познаешь новые ощущения

Табличка ему не нравилась, но со стола он ее не убирал, потому что ее подарила Мэри. Когда? Лет пять назад? Он вздохнул. Приходившие к нему бизнесмены и рекламные агенты находили табличку забавной. Хохотали во всю мочь. С другой стороны, покажи рекламному агенту фотографию голодающего ребенка или Гитлера, насилующего Деву Марию, и он помрет со смеху. А вот Винни Мейсон, тот самый петушок, который, несомненно, напел на ухо Стиву Орднеру, держал на столе табличку с таким лозунгом:

ПУМАЙ!

Что за хреновина такая — «пумай»? Ведь такой белибердой даже рекламного агента не насмешить, не так ли, Фредди? Так, Джордж, ты прав, старина.

Снаружи загрохотал тяжелый дизель, и он развернулся на кресле, чтобы посмотреть в окно. Строители автострады

готовились к началу очередного рабочего дня. Мимо прачечной неторопливо проплывал тягач с платформой, на которой стояли сразу два бульдозера, а сзади выстроилась целая вереница нетерпеливо гудящих легковушек.

Лучше всего было следить за ходом строительства с третьего этажа, над химчисткой. Автострада, словно надрез скальпеля в руках умелого хирурга, вскрыла деловую часть и жилые кварталы Вест-Энда; ее строящийся участок багровел на теле города, будто свежий шрам, заляпанный грязью. Автострада пересекла уже Гилдер-стрит, похоронила под собой парк на Хебнер-авеню, куда он водил гулять маленького Чарли... совсем еще крошку. Как же назывался этот парк? Он не мог вспомнить. Мне кажется, Фред, просто парк на Хебнер-авеню, да? Там были и детская игровая площадка, и карусель со зверюшками, и небольшой пруд, в котором плавали утки, а посередине красовался маленький домик. Летом крыша его всегда была заляпана птичьим пометом. И еще там были качели. Чарли обожал качаться, и именно там, в парке на Хебнер-авеню, научился этому. Что скажешь по этому поводу, Фредди? Что скажешь, старый дружище? Помнишь, как он поначалу перепугался? Даже заревел; ну а потом все наладилось и Чарли так пристрастился к качелям, что ревел уже, когда я его домой уводил. В машине по дороге домой весь костюмчик слезами залил. Неужели это и вправду было четырнадцать лет назад?

Мимо прогромыхал тяжелый грузовик, на котором громоздился погрузчик.

Районч Гарсон сровняли с землей месяца четыре назад; он был всего в трех-четырех кварталах от Хебнер-авеню. Несколько деловых зданий, в которых размещались разные конторы, пара банков, приемные дантистов и всяких костоправов с хиромантами. Всех их было не жалко, но вот, глядя, как сносят старенький кинотеатр «Гранд», он испытал настоящую душевную боль. В начале пятидесятых годов именно там он посмотрел свои любимые фильмы. Хичкоковский «"У" значит убийство» с Рэем Милландом и Грейс Кел-

ли и «День, когда Земля застыла» с Майклом Ренни. Как раз вчера этот фильм показывали по телевизору, и он так хотел посмотреть его, но заснул прямо перед экраном, а проснулся, когда уже этот чертов гимн исполняли. Пролил стакан виски на ковер и получил нахлобучку от Мэри.

Да, «Гранд» — это было, конечно, нечто из ряда вон выходящее. Не сравнить с современными кинотеатрами на окраинах — безликими коробками посреди автомобильной стоянки площадью в четыре квадратные мили. «Синема I», «Синема II», «Синема III», «Синема MCMXLVII». Как-то раз он свозил Мэри в один из таких кинотеатров в Уотерфорде — посмотреть «Крестного отца». Билеты обошлись им в пять долларов, а интерьер напоминал скорее кегельбан, нежели кинозал. Даже балкон отсутствовал. Не то что в «Гранде». Там пол в вестибюле был вымощен мрамором, а большой пакетик воздушной кукурузы, которую тут же рядом выпекал очаровательный старинный автомат, стоил всего десять центов. Билетер при входе (кстати, билеты обходились в шестьдесят центов) щеголял в красной, шитой галунами ливрее, а возрастом был примерно с Мафусаила. И всегда приветствовал вас беззубым шамканьем: «Надеюсь, кино вам понравится». В огромном кинозале вечно стоял устойчивый запах запыленного бархата. Места между рядами было предостаточно, так что никому не приходилось упираться коленками в спинку впереди стоящего кресла. А на потолке красовалась изумительная огромная люстра из настоящего хрусталя. Сидеть под ней было страшновато — в случае чего, остатки было бы потом и пылесосом не собрать. Да, «Гранд» был для него целой эпохой...

Он виновато посмотрел на часы. Прошло почти сорок минут. Скверно. Он только что выбросил сорок минут коту под хвост, а ведь даже толком ни о чем и не *думал*. Разве что о парке и о кинотеатре «Гранд».

У тебя что-то не так, Джорджи?

Возможно, Фред. Вполне возможно.

Он вытер щеки. Пальцы увлажнились — сам того не замечая, он всплакнул.

* * *

Он спустился, чтобы поговорить с Питером, который отвечал за доставку белья. Все были уже в полном сборе, первые простыни от Говарда Джонсона с шипением утюжились в гладильном агрегате, пол под ногами вибрировал из-за работающих полным ходом стиральных машин; Этель с Рондой старательно гладили сорочки.

Питер сказал, что вчерашнее белье уже загрузили в четвертый фургончик, и осведомился, не хочет ли он на него взглянуть. Он сказал, что не хочет. Затем спросил Питера, как обстоит дело с заказом «Холидей инн». Питер ответил, что белье сейчас как раз загружают, но остолоп из отеля, который за него отвечает, уже звонил и напоминал про полотенца.

Он кивнул и снова поднялся на второй этаж, чтобы поговорить с Винни Мейсоном. Однако Филлис сказала, что Винни вместе с Томом Грейнджером уехал в только что открывающийся немецкий ресторанчик договариваться насчет стирки скатертей.

— Передайте Винни, чтобы по возвращении заглянул ко мне, ладно?

— Конечно, мистер Доус. Кстати, вам звонил мистер Орднер и просил, если можно, перезвонить ему.

— Спасибо, Филлис.

Он вернулся в свой кабинет и занялся вновь поступившими бумагами.

Какой-то поставщик хотел поговорить с ним по поводу нового чистящего средства «Желтый вперед!».

И кто им только такие названия придумывает, недоумевал он, откладывая бумагу в сторону, для Рона Стоуна. Рон обожал навязывать Дейву новые средства; особенно если удавалось заполучить фунтов пятьсот бесплатно, на пробу.

Так, что там дальше? Благодарственное послание от Объединенного фонда. Он также отложил его в сторону, чтобы во время перерыва вывесить на доске объявлений внизу.

Предложение о поставке новой конторской мебели. В корзинку.

Реклама нового телефонного аппарата с автоответчиком и магнитофоном. С возможностью записи сообщений продолжительностью до тридцати секунд. *Меня нет, болван! Не звони больше.* В корзинку.

Письмо с жалобой от какой-то дамы, которая отдала в стирку шесть сорочек мужа, а получила их с сожженными воротничками. Он со вздохом отложил письмо в сторону. Придется принимать меры.

Определитель качества воды из университета. Надо после ленча поговорить о нем с Роном и Томом Грейнджером.

Извещение от страховой компании с завлекательным предложением запросто разбогатеть на восемьдесят тысяч долларов; для этого требовалось всего-навсего откинуть копыта. В корзинку.

Письмо от умника риэлтера, продающего фабрику в Уотерфорде, с сообщением о том, что фабрикой очень заинтересовалась обувная компания «Том Макан». Довольно крупная рыба, между прочим. Риэлтер напоминал, что срок трехмесячного опциона на покупку фабрики, отпущенного «Блю Риббон», истекает 26 ноября. *Эй вы там, в прачечной! Не забудьте, что близится час расплаты!* В корзинку.

Еще одно предложение для Рона. На сей раз — стиральный порошок с двусмысленным названием «Чистюля». Он положил его по соседству с «Желтым вперед!» и уже хотел было снова выглянуть в окно, когда зазвонил внутренний телефон. Вернулся Винни.

— Впустите его, Филлис.

Винни вошел. Высокий смуглокожий молодой человек лет двадцати пяти. Темные волосы, причесанные с нарочитой небрежностью. Одет он был в ярко-красный пиджак спортивного покроя и темно-коричневые брюки. Галстук-бабочка. Очень элегантный повеса, не правда ли, Фред? Да, Джордж, ты прав, старина.

— Как поживаете, Барт? — спросил Винни.

— Нормально, — ответил он. — Что там у вас в этом немецком ресторане?

Винни рассмеялся:

— Жаль, вас с нами не было. Старый фриц разве что хвостом не вилял от радости. Нет, Барт, переехав в Уотерфорд, мы мигом наберем обороты. Тем более что наши конкуренты пока дрыхнут без задних ног. Они даже рекламы не рассылают. Бедняга немец уже думал, что им придется самим свои скатерти полоскать. Местечко, кстати, у него классное. Настоящий пивной зал для бюргеров. Думаю, соперников он наповал сразит. А запахи... Класс! — Он выразительно взмахнул руками и полез в карман за сигаретами. — Непременно свожу туда Шарон. Тем более что он нам десятипроцентную скидку дает.

Словно наяву он услышал слова Гарри, владельца оружейной лавки: *На покупки свыше трехсот долларов мы даем десятипроцентную скидку.*

Господи, подумал он, неужто я и вправду купил вчера все это оружие? Может, это сон?

В мозгу его что-то щелкнуло.

Эй, Джордж, что с тобой происходит...

— И велик заказ? — спросил он внезапно охрипшим голосом. И тут же прокашлялся.

— От четырехсот до шестисот скатерок в неделю, как только он откроется. Плюс салфетки. Чистый хлопок. Правда, из всех средств он предпочитает «Белого слона». Я сказал, что, мол, Бога ради.

Винни неспешно вынул сигарету из пачки, и он успел разглядеть этикетку. Терпеть он не мог это качество в Винни Мейсоне — тот курил сигареты с чудовищно мерзким запахом. На пачке было написано:

СИГАРЕТЫ
«ПЛЕЙЕРС» — МОРСКИЕ
СРЕДНЕГО РАЗМЕРА

Ну кто еще, кроме Винни, станет курить «Плейерс» — морские? Или «Король Сано»? Или «Британские овальные»? «Чудесные»? «Гибкие»? Стоит кому-то выпустить новую марку под названием «Дерьмо на палочке» или «Копченые легкие» — и Винни тут же спешно начнет курить их.

— Я сказал ему, что после переезда мы сможем обслуживать его по высшему классу. За сорок восемь часов. — Полюбовавшись напоследок на яркую пачку, Винни упрятал ее в карман. — Кстати, когда мы переезжаем?

— Вот об этом я и хотел с вами поговорить, — сказал он.

Ну как, Фред, задать ему перцу? Да, Джордж. Всыпь ему по первое число.

— Вот как? — Винни щелкнул золотой зажигалкой «Зиппо» и, затянувшись, выпустил дым через ноздри подобно актеру из дешевого английского фильма.

— Стив Орднер вчера оставил мне записку. Он хочет, чтобы в пятницу вечером я заскочил к нему по поводу фабрики в Уотерфорде.

— Да?

— А сегодня утром Стив Орднер позвонил сюда, когда я внизу беседовал с Питером Вассерманом. Мистер Орднер хочет, чтобы я перезвонил ему. Похоже, он чем-то всерьез озабочен. Вы не находите?

— Да, вполне возможно, — кивнул Винни, сверкая заранее припасенной на этот случай улыбкой. *Дорога скользкая, соблюдайте осторожность.*

— Меня вот что интересует — кто, по-вашему, мог его так настроить, черт побери?

— Ну вообще-то...

— Не прикидывайтесь, Винни! — взорвался он. — Хватит в кошки-мышки играть! Уже десять часов, а мне нужно поговорить с Орднером, с Роном Стоуном, а потом еще позвонить Этель Джибс по поводу спаленных рубашек. Ну что, значит, подкапываетесь под меня, да?

— Видите ли, мы с Шарон в воскресенье вечером ужинали в Сент... доме мистера Орднера и...

— И как бы невзначай упомянули, что Барт Доус тянет с Уотерфордом, в то время как автострада номер 784 подступает все ближе и ближе. Так?

— Барт! — возмущенно выкрикнул Винни. — Все было чисто по-дружески. Как бы...

— Да, несомненно. Как и его записка с приглашением. Таким же дружеским будет и наш с ним разговор. Но дело не в этом, Винни. Суть в том, что он пригласил вас с женой как раз в надежде на то, что сумеет развязать вам язык. И вы его не разочаровали.

— Барт...

Он погрозил Винни пальцем.

— Выслушайте меня хорошенько и мотайте на ус, Винни. Еще одна подобная выходка, и можете искать себе новую работу. Ясно вам?

Винни казался обескураженным. Забытая сигарета тлела между пальцев.

— И еще, Винни, — добавил он уже спокойным тоном. — Я знаю, что вы выслушали от стариканов вроде меня шесть тысяч лекций на тему о том, как мы в вашем возрасте завоевывали мир. Однако, на мой взгляд, вы заслужили еще одну.

Винни раскрыл было рот, чтобы возразить.

— Я не считаю, что вы вонзили мне нож в спину, — произнес он, жестом останавливая Винни. — В противном случае я уволил бы вас в ту же секунду. Просто мне кажется, что вы дали маху по неопытности. Огромный дом — настоящий дворец, три коктейля перед ужином, вкуснейший суп, салат с экзотическим соусом, изумительное горячее, горничные в мини-юбках... Карла с ее королевскими манерами, но ничуть не высокомерная... А потом земляничный торт или пирог с черникой и взбитыми сливками, кофе с парой рюмок бренди или ликера, ну и в заключение — неизбежный разговор по душам. Так?

— Примерно, — еле слышно прошептал Винни. В лице его смешались стыд и ненависть. Впрочем, стыда было чуть-чуть больше.

— Первым делом он спросил вас, как дела у Барта. Вы ответили, что замечательно. Он сказал, что старина Барт славный парень и прекрасный работник, но вот только с Уотерфордом немного затягивает. Вы согласились. Тогда он спросил, как, кстати, идут дела с этим контрактом? Вы ответили, что это совершенно не в вашей компетенции, а он сказал: «Да бросьте, Винсент, вы, безусловно, в курсе дела». И вы ответили: «Я знаю только, что Барт еще не подписал контракт. Слышал, правда, что парни из конторы Тома Макана тоже заинтересовались этой фабрикой, но, возможно, это только слухи». Ну вот, а потом он сказал: «Барту виднее — он наверняка знает, что делает». Затем вы выпили еще бренди, потом он спросил, считаете ли вы, что «Мустанги» пробьются в плей-офф. И все. Вы с Шарон уехали домой. А хотите знать, Винни, когда он пригласит вас в гости в следующий раз?

Винни не ответил.

— Когда ему снова понадобится доносчик, — жестко произнес он. — Вот когда.

— *Извините*, — подавленно пролепетал Винни и привстал, собираясь уходить.

— Я еще не закончил.

Винни снова сел и уставился в сторону. Вид у него был растерянный и жалкий.

— Между прочим, двенадцать лет назад я как раз занимал вашу должность. Вам это известно? Для вас это огромный срок. А я вот просто понять не могу, куда это чертово время подевалось! Впрочем, я достаточно хорошо помню эту работу, чтобы понимать: вам она по душе. И работаете вы добросовестно, с отдачей. Химчистку реорганизовали, новую систему нумерации ввели — это просто гениально.

Винни смотрел на него с озадаченным видом.

— А вообще я начал работать в прачечной еще двадцать лет назад, — продолжил он. — В 1953 году мне как раз исполнилось двадцать. Мы с Мэри едва успели пожениться. К тому времени я отучился два года в бизнес-колледже, и мы с Мэри

не торопились с браком, однако жили вместе и пользовались методом прерванного сношения. Как-то раз случилось так, что кто-то внизу хлопнул дверью и до того меня напугал, что я кончил. И Мэри забеременела. С тех пор всякий раз, когда я завожусь, вспоминаю, что причиной моего нынешнего положения является хлопнувшая дверь. Это мигом отрезвляет. В те годы даже мечтать не могли о нынешних законах, разрешающих аборты. Когда девушка залетала, оставалось либо жениться на ней, либо уносить ноги. Другого выбора не было. Я женился на Мэри и устроился на первую попавшуюся работу. Именно сюда. Мальчишкой на побегушках, примерно таким, как этот Поллак внизу. В те дни все процедуры производились вручную, а белье после стирки загружали в специальные отжимочные агрегаты, вместимость которых составляла примерно пятьсот фунтов мокрого белья. Неправильно загрузив его, работник рисковал остаться без ноги. На седьмом месяце у Мэри случился выкидыш, и врачи сказали, что больше детей у нее не будет. Я проработал на том месте три года, принося домой после пятидесятипятичасовой рабочей недели пятьдесят пять долларов. Затем Ральф Альбертсон, который в те годы заправлял стиркой, угодил в мелкую дорожную аварию и скончался от сердечного приступа прямо на улице, обмениваясь с другим водителем телефонами и адресами своих страховых компаний. Славный был человек. В день его похорон вся прачечная не работала. После того как его предали земле, я пришел к Рэю Таркингтону и попросил взять меня на место Ральфа. Я был уверен, что получу это место. Ральф обучил меня всем премудростям своего дела, и я знал процесс стирки как свои пять пальцев.

В те дни, Винни, прачечная наша была семейным бизнесом. Владели и управляли ею Рэй Таркингтон и его отец, Дон. В свою очередь, Дон унаследовал «Блю Риббон» от своего папаши, открывшего эту прачечную еще в 1926 году. Профсоюзной организации у нас не было, поэтому работники вполне могли утверждать, что трио Таркингтонов нещадно эксп-

луатирует бедных необразованных трудящихся — как мужчин, так и женщин. Так оно и было. Однако когда Бетти Кисон поскользнулась на мокром полу и сломала руку, Таркингтоны не только оплатили все больничные счета, но и выделяли ей по десять долларов в неделю на еду, пока Бетти не вернулась на работу. А каждое Рождество они устраивали торжественный ужин, на котором подавали лучшие в городе пироги с цыпленком, клюквенное желе, выпечку и вкуснейшие пудинги на выбор. Каждой женщине Дон с Рэем преподносили на Рождество сережки, а каждому мужчине — галстук. Я до сих пор храню дома в стенном шкафу все девять галстуков, подаренных мне в те годы.

Когда в 1959 году Дон Таркингтон скончался, я надел один из них на его похороны. Он уже совершенно вышел из моды, и Мэри бранила меня последними словами, но я все равно надел его.

Освещение было тогда тусклое, а работа монотонная и изматывающая, но зато отношения — человеческие. Стоило сломаться отжимной машине, и Дон с Рэем, засучив рукава, трудились бок о бок с нами, выкручивая простыни вручную. Вот какой был в те годы семейный бизнес, Винни. Так-то.

Потому-то после смерти Ральфа, когда Рэй Таркингтон сказал мне, что уже нанял на его место какого-то парня со стороны, я просто не мог понять, что происходит. Тогда Рэй и сказал мне: «Мы с отцом хотим, чтобы ты вернулся в колледж». А я и говорю в ответ: «Это здорово. А на какие шиши?»

И тут же, не сходя с места, он вручил мне чек на две тысячи долларов. Я уставился на эту бумажку, не веря своим глазам. Потом спросил: «Что это?» А он ответил: «Этого, конечно, недостаточно, но на учебу, общежитие и книги хватит. Остальное заработаешь здесь летом, хорошо?»

Я и спрашиваю: «Есть ли способ вас отблагодарить?» «Да, — сказал он. — Целых три. Во-первых, ты должен вернуть мне эту ссуду. Во-вторых, проценты по ней. А в-третьих, воплотить полученные знания здесь, в "Блю Риббон"». Я

отнес чек домой и показал Мэри, а она расплакалась. Обхватила голову руками и разревелась.

Винни уставился на него уже с откровенным изумлением.

— Итак, в 1955 году я восстановился в колледже, который и окончил два года спустя. Потом вернулся в прачечную, и Рэй сразу поставил меня транспортным боссом. Девяносто долларов в неделю. Сделав первую выплату по ссуде, я спросил Рэя, какие набежали проценты. А он ответил: «Один процент».

Мне показалось, что я ослышался. *«Сколько?»* — переспросил я.

Он повторил: «Один процент. И вообще — в чем дело? Тебе что, заняться нечем?» А я ответил: «Отчего же — я сейчас пойду и приведу врача, чтобы он вас обследовал. У вас, по-моему, с головой не все в порядке».

Рэй расхохотался и велел мне выметаться из кабинета к чертям собачьим. Остаток ссуды я погасил в 1960 году, Винни. И что вы думаете? Рэй подарил мне часы. Вот эти.

Он закатал манжет и показал Винни роскошные часы «Булова» в золотом корпусе.

— Рэй сказал, что это подарок-аванс, в расчете на будущее. За все свое обучение я выплатил ему в виде процентов всего двадцать долларов, а этот сукин сын возьми и преподнеси мне подарок ценой в восемьдесят баксов. С гравировкой сзади: *«С наилучшими пожеланиями — от Дона и Рэя. Прачечная "Блю Риббон"»*. К тому времени Дон уже год как находился в могиле.

А в 1963 году Рэй поставил меня на ваше место, Винни, вменив мне в обязанность надзирать за химчисткой, новыми счетами и нашими филиалами — правда, тогда их было всего пять, а не одиннадцать, как сейчас. Я занимал эту должность до 1967 года, а потом уже Рэй поставил меня сюда. Ну вот, а четыре года спустя ему пришлось продать свое дело. Сами знаете, как эти сволочи его обложили. Он в одночасье постарел. Теперь мы вошли в их корпорацию наряду с парой

дюжин других предприятий самого разного профиля — с ресторанами быстрого питания, гольф-клубом, тремя универмагами, что всем глаза мозолят, бензозаправками и прочим дерьмом. А Стив Орднер здесь всего лишь почетный президент. Где-нибудь в Чикаго или Гэри заседает совет директоров, который посвящает «Блю Риббон» пятнадцать минут в неделю. А ведь по большому счету им начхать на нашу прачечную. Они ни хрена в нашем деле не понимают. Им одно важно — бухгалтерская отчетность. Вот тут-то они собаку съели. И вот их бухгалтер заявляет: «Между прочим, через Вест-Сайд прокладывают автостраду номер 784, а «Блю Риббон» и жилые кварталы стоят как раз на ее пути». А директора вопрошают: «Вот как? И какую компенсацию мы получим?» И все. Господи, да будь Дон и Рэй Таркингтоны живы, они бы этих вонючих козлов из строительной компании так по судам затаскали, что те бы до 2000 года и думать забыли о своих гребаных дорогах. Да, Винни, пусть Дона с Рэем и считали эксплуататорами, но они душой за свое дело болели. Об этом вы ни в каких бухгалтерских отчетах не прочитаете. Скажи им кто-нибудь, что нашлись умники, возжелавшие похоронить их прачечную под слоем бетона и асфальта шириной в восемь полос, так они бы шум до небес устроили.

— Да, но их уже нет в живых, — напомнил Винни.

— Верно, — кивнул он. Мысли его вдруг стали дряблыми и расстроенными, как гитара в неумелых руках. Все, что он хотел сказать Винни, захлебнулось в потоке эмоций. Ты только посмотри на него, Фредди, он ведь даже не понимает, что я пытаюсь ему втолковать. Он меня не слышит. — И слава Богу, что они всего этого не видят.

Винни промолчал.

Собрав волю в кулак, он продолжил:

— Я хочу сказать, Винни, что в этой истории участвуют две группы людей. Они и мы. Мы занимаемся чисткой и стиркой. Это наш бизнес. Их интересуют только отчеты и цифры. Но командуют всем они. Нам присылают распоряжение,

а мы его выполняем. Но и только. Ничего другого мы делать не обязаны. Понимаете?

— Да, Барт, конечно, — ответил Винни, но ему стало ясно: Винни ни черта не понял. Он и сам не вполне понимал, что имел в виду.

— Хорошо, — кивнул он. — Я поговорю с Орднером. Кстати, Винни, довожу до вашего сведения, что здание в Уотерфорде ничуть не уступает нашему. В ближайший вторник я подписываю контракт.

Винни радостно заулыбался и выпалил:

— Ух как здорово!

— Да. Все идет по плану.

Винни был уже в дверях, когда он окликнул его:

— Расскажите потом, как вам понравилось в этом немецком ресторане.

— Непременно, Барт, — пообещал Винни, ослепив его своей фирменной улыбкой.

Винни ушел, а он все продолжал смотреть на дверь. Я все испортил, Фред. Нет, Джордж, все не так уж скверно. Под конец разве что чуть оплошал, но ведь только в книгах люди с первого раза говорят все правильно. Нет, Фред, все-таки я облажался. Винни ушел с мыслью, что Барт Доус начал сдавать свои позиции. И ведь он прав. Слушай, Джордж, хочу спросить тебя по-мужски. Нет, только не отключай меня. На кой черт ты купил все это оружие, Джордж? Зачем оно тебе понадобилось?

Щелк, выключатель сработал.

Он спустился на первый этаж и передал Рону Стоуну папку с рекламными предложениями. Рон тут же громовым голосом позвал Дейва, чтобы тот посмотрел, нет ли там чего-нибудь такого. Дейв закатил глаза. Он прекрасно знал, что там есть что-нибудь такое. Оно называется работа.

Он снова вернулся в свой кабинет и позвонил Орднеру, надеясь, что тот уже ушел обедать. Увы, сегодня был не его день. Секретарша мигом соединила его с Орднером.

— Привет, Барт! — раздался уверенный голос Стива Орднера. — Рад вас слышать, старина.

— Я тоже, — соврал он. — Я тут беседовал с Винни Мейсоном. У него создалось впечатление, что вы обеспокоены по поводу уотерфордской фабрики.

— Да ну, с какой стати? — запротестовал Орднер. — Однако мне бы хотелось в эту пятницу...

— Вот я как раз и звоню, чтобы сказать — Мэри не сможет прийти.

— Да?

— Какой-то вирус, похоже, подцепила. От туалета на пару шагов отойти боится.

— Ах какая жалость!

Да пошел ты в задницу со своей жалостью!

— Врач дал ей какие-то таблетки — вроде бы помогают. Но рисковать не стоит — вдруг она вас заразит.

— А вы когда сможете прийти? В восемь удобно?

— Да, вполне.

Черт бы тебя побрал, скотина! Придется из-за тебя вечерний фильм пропустить.

— А как продвигаются наши дела с Уотерфордом, Барт?

— Об этом нам лучше поговорить с глазу на глаз, Стив.

— Что ж, пусть так. — Он ненадолго приумолк. — Карла передает вам привет. И скажите Мэри, что мы с Карлой желаем ей...

Непременно. Разбежался. Держи карман шире.

22 ноября 1973 года

Проснувшись в испуге, что кричал во сне, он так дернулся, что подушка слетела на пол. Однако Мэри преспокойно спала на соседней кровати, неподвижный комочек под одеялом. Кварцевые часы на бюро высвечивали

4:23.

Щелчок, и пошла следующая минута. Подарок на прошлое Рождество от Беа, чудаковатой сестрицы Мэри из Балтимора, которая лечилась с помощью гидротерапии. Против самих часов он ничего не имел, но вот щелчки, с которыми сменялись цифры, его нервировали. 4:23, *щелк*, 4:24, *щелк*. Свихнуться можно.

Он спустился в ванную, включил свет и помочился. При этом сердце заколотилось как ненормальное. В последнее время он стал замечать, что всякий акт мочеиспускания сопровождается у него усиленным сердцебиением. Господи, неужели ты пытаешься мне что-то сказать таким необычным образом?

Он вернулся в спальню, лег в постель, но долго не мог уснуть. Перед этим он так метался во сне, что постель была разворочена, словно поле боя после бомбежки. Он так и не сумел привести ее в порядок. Да и конечности его никак не могли принять удобное для сна положение.

Истолковать сон было несложно. Никаких проблем, Фред. В состоянии бодрствования любой мог запросто исполнить фокус с выключателем; он мог раскрашивать какую-нибудь картинку по кусочкам, притворяясь, что не видит всего изображения. Всю картину целиком можно запрятать в недрах подсознания. Однако там оставалась потайная дверца. Во сне она порой с грохотом распахивалась, и тогда из мрака выползало нечто. *Щелк!*

4:42

Во сне он ездил на Пирс-Бич с Чарли. (Забавно, что, пересказывая Винни Мейсону свою биографию, он забыл упомянуть Чарли. Забавно, да, Фред? Нет, Джордж, лично я не вижу тут ничего забавного. Я тоже, Фред. Но сейчас слишком поздно. Или слишком рано. Или еще как-то.)

Во сне они с Чарли бродили по бесконечному пляжу с белым песком. Денек стоял замечательный — ярко-синее небо, а солнце радостно сияло, как веселая физиономия на

одном из идиотских значков, что призывают вас всегда улыбаться. На ярких одеялах или под разноцветными зонтиками нежились люди, а детишки возились в песочке у воды; они строили песчаные замки или лепили куличи. Загорелый дочерна спасатель сидел на белоснежной вышке; плавки его столь горделиво топорщились спереди, словно внушительные размеры причиндалов считались непременным атрибутом профессии, и спасатель как бы заверял пляжников — у меня все в порядке, я вас не подведу. У кого-то во всю мощь надрывался транзисторный приемник, из которого неслась разухабистая танцевальная музыка. Он даже слова запомнил:

Я влюблен в эту грязную воду,
О-о-о, Бостон, ты мой дом!

Вызывающе покачивая почти полностью оголенными ягодицами, мимо прошествовали босиком две девушки в бикини; жаль, что такие роскошные тела пропадают; точнее — достанутся их неведомым любовникам.

И все-таки странно, Фред, — начинался прилив, а прилива быть не могло, поскольку до ближайшего океана отсюда было девятьсот миль.

Они с Чарли возводили замок из песка. Но только строить его начали слишком близко от воды, которая подступала теперь все ближе и ближе.

Папа, нужно перенести замок подальше, сказал Чарли. Но он заупрямился и продолжал строительство на прежнем месте. Когда волна начала подмывать первую крепостную стену, он выкопал ров, раздвигая мокрый песок, словно женское влагалище. Но вода прибывала.

Чтоб тебя! — обругал он воду.

Он отстроил стену заново. Набежавшая волна тут же разрушила ее до основания. Вдруг послышались крики. Забегали люди. Пронзительный свист спасателя рассек воздух подобно серебристой стреле. Но он не поднимал голову. Он должен был во что бы то ни стало спасти замок. А вода все прибывала, за-

ливая щиколотки, смывая башенки и бастионы, обрушивая стены. Когда откатилась очередная волна, на месте замка остался лишь ровный песок, мелкий и сверкающий.

Крики усилились. Кто-то заплакал. Подняв голову, он увидел, что спасатель, склонившись над Чарли, делает ему искусственное дыхание. Чарли был мокрый и бледный, только губы и веки совсем посинели. Он не шевелился. Спасатель встал и огляделся по сторонам. Почему-то на губах его играла улыбка.

Он захлебнулся в волнах, ухмыляясь, пояснил спасатель. *А вам не пора искупаться?*

— Чарли! — завопил он.

И... проснулся в испуге, что и в самом деле громко закричал во сне.

Он еще долго лежал в темноте, прислушиваясь к щелчкам электронных часов и стараясь не вызывать в памяти страшный сон. В конце концов не выдержал и спустился в кухню, чтобы выпить молока. Лишь увидев на столе замороженную индейку, которая оттаивала на блюде, он вспомнил, что сегодня День благодарения, а прачечная по этому случаю закрыта. Он выпил молоко стоя, задумчиво поглядывая на ощипанную тушку. Цвет ее был почти такой же, как кожа его сына в этом ужасном сне. Хотя Чарли, разумеется, вовсе не утонул.

Когда он вернулся в спальню, Мэри что-то сонно пробормотала, но он не разобрал, что она хотела.

— Все нормально, — сказал он. — Спи.

Но она снова забормотала.

— Ладно, — наугад ответил он в темноту.

И она уснула.

Щелк!

Пять утра. Когда он наконец забылся сном, в спальню уже неслышно закрадывался рассвет. Напоследок в его мозгу промелькнуло видение индейки, которая сидела на кухонном столе в матовом мерцании; мертвое мясо, тупо дожидавшееся, когда его запекут.

23 ноября 1973 года

Без пяти восемь он вкатил на своем двухлетнем «ЛТД» на подъездную аллею Стивена Орднера и остановился позади орднеровской бутылочно-зеленой «Дельты-88». Роскошный особняк частично скрывался за высокими зарослями бирючины, которые теперь, в преддверии зимы, напоминали костлявые старушечьи пальцы, скрюченные подагрой. Ему уже приходилось бывать здесь прежде, и дом он знал неплохо. Внизу располагался грандиозный камин, облицованный мрамором. В каждой из спален наверху также имелся свой камин, но уже не столь внушительных размеров. Все помещения отапливались. В цоколе стоял бильярдный стол «Брансуик»; кроме того, там были настоящий экран, на котором Орднер показывал фильмы, и потрясающая стереосистема «KLH», которую Орднер год назад преобразовал в квадро. Стены украшали фотоснимки баскетбольной команды колледжа, в которой выступал Орднер — роста в нем было шесть футов пять дюймов, и он до сих пор пребывал в прекрасной форме. Входя в любую дверь, он неизменно нагибался, чем, похоже, втайне даже гордился. Он подозревал, что Орднер специально сделал косяки пониже, чтобы пригибаться.

В столовой стоял роскошный стол из полированного дуба в девять футов длиной. Под стать ему был высокий комод на ножках, сверкавший тщательно отлакированным глянцем. У противоположной стены высилась стеклянная горка с фарфоровой посудой; тоже, наверное, около шести с половиной футов в высоту, да, Фред? Да, пожалуй. Сразу за особняком была сделана яма для барбекю, способная вместить целого неосвежеванного динозавра, а за ней расстилалось поле для гольфа. Только вот бассейна недоставало. В те дни бассейны вышли из моды. Разве что умеренно зажиточные поклонники бога Ра из Южной Калифорнии продолжали обзаводиться ими. Своих детей у Орднеров не было, но они взяли на воспитание одного малолетнего корейца и одного ребенка

из Вьетнама, а еще один их воспитанник из Уганды уже учился на инженера, чтобы по возвращении в свою страну возводить там плотины. Орднеры всегда поддерживали демократов, но на последних выборах голосовали за Никсона.

Слегка шаркая подошвами, он поднялся на крыльцо и позвонил. Дверь открыла горничная.

— Я мистер Доус, — представился он.

— Да, сэр. Здравствуйте. Позвольте взять ваше пальто. Мистер Орднер у себя в кабинете.

— Спасибо.

Оставив горничной пальто, он прошел по коридору, миновав сначала кухню, а затем столовую. Мельком взглянул на длиннющий стол и на фамильный комод Стивена Орднера. В этом месте ковровая дорожка сменилась линолеумом в черно-белую клетку. Шаги гулко отдавались по коридору.

Он подошел к двери кабинета, но не успел потянуться к ручке, как дверь распахнулась и в проеме возник улыбающийся Орднер.

Он знал, что Орднер встретит его именно так.

— Здравствуйте, Барт! — приветливо произнес Орднер.

Они обменялись рукопожатием. Орднер был одет в коричневую кордовую куртку с кожаными заплатами на локтях, оливковые брюки и шлепанцы. Он был без галстука.

— Здравствуйте, Стив. Как дела на финансовом поприще?

— Ужасно! — театрально простонал Орднер. — Вы сегодня проглядывали биржевую страничку? — Впустив гостя в кабинет, он прикрыл дверь. Все стены были уставлены стеллажами с книгами. Слева приютился небольшой электрический камин. В центре кабинета стоял массивный письменный стол, на котором были разложены кое-какие бумаги. Он знал, что где-то под крышкой скрывается электрическая пишущая машинка; стоило только нажать кнопку справа, как она выскакивала, словно чертик из коробки.

— Похоже, биржевые индексы опять поползли вниз, — промолвил он.

Орднер поморщился.

— Это еще мягко сказано, Барт. А ведь весь сыр-бор из-за Никсона разгорелся. Все-то он должен попробовать. Да, пусть и сработала эта теория домино в Юго-Восточной Азии, но ведь нельзя было так бездумно переносить ее в Америку! Черт знает что! Вы что будете пить?

— Шотландское виски со льдом.

— Это у меня как раз здесь есть.

Он подошел к встроенному бару и извлек из него плоскую бутылку виски, из тех, что продают по девять с небольшим долларов в мелкооптовых лавках. Бросил в рюмку два кусочка льда и налил виски.

— Присаживайтесь, — предложил Орднер, вручая ему рюмку. Они уселись в кресла, стоявшие по обеим сторонам от горящего камина.

Он вдруг подумал: *А ведь плесни я сейчас виски в камин, вся эта хреновина взорвется к чертовой матери*! — и с трудом удержался от искушения.

— Карлу мы сегодня тоже не увидим, — произнес Орднер. — Одна из ее групп спонсирует модное шоу. Собралась поехать в какую-то молодежную кофейню в Нортоне.

— Так, значит, шоу состоится в Нортоне?

Орднер испуганно встрепенулся и приподнял голову:

— В Нортоне? Ну нет, черт возьми! В Расселе. Я бы Карлу на Лэндинг-Стрип даже с двумя телохранителями и полицейской собакой не пустил. Есть там один священник... Дрейк, кажется. Пьет как лошадь, но эти малолетние проходимцы его просто обожают. Он для них как бы связующее звено между двумя мирами. Уличный священник.

— Вот как?

— Да.

С минуту они молча сидели и таращились на мерцающее электрическое пламя в камине. Он уже наполовину осушил свой стакан.

— На прошлом заседании совета директоров подняли вопрос об Уотерфорде, — произнес наконец Орднер. — В се-

редине ноября. Мне пришлось признать, что я не вполне владею ситуацией. И мне поручили... выяснить, как обстоят дела. Это никак не связано с вашей работой, Барт...

— Я понимаю, — промолвил он, отпивая еще виски. В рюмке оставалось буквально несколько капель напитка, в которых плавали кубики подтаявшего льда. — Всегда приятно находиться с вами в одной упряжке, Стив.

Орднер кивнул с польщенным видом.

— Ну так что вы мне скажете? Винни Мейсон сказал, что сделка до сих пор не заключена.

— У Винни Мейсона устаревшие сведения.

— А, так вы ее уже заключили?

— Все уже на мази. В ближайшую пятницу, если ничего не случится, я собираюсь подписать контракт.

— По моим сведениям, риэлтер сделал вам весьма выгодное предложение, но вы его отклонили.

Он посмотрел на Орднера, встал и подлил себе еще виски.

— Это вам тоже Винни Мейсон сказал?

— Нет.

Он снова уселся в кресло напротив камина.

— Может, поделитесь источником информации?

Орднер развел руками:

— Это ведь бизнес, Барт. Я обязан проверять все слухи, какими бы нелепыми и вздорными они мне ни казались. Я понимаю, вам неприятно, но вы не должны относить это на свой счет.

Фредди, но ведь никто не знал о моем отказе, кроме меня и самого риэлтера. Похоже, этот старый лис навел справки по каким-то собственным каналам. Не стоит кипятиться, а, Фредди? Не стоит, Джордж. Может, поставить его на место, Фредди? Нет, Джордж, держи себя в руках. И не налегай так на спиртное.

— Цена, которую я отклонил, — четыреста пятьдесят тысяч, — сказал он наконец. — Скажите честно — вам такую сумму назвали?

— Да, примерно.

— И что, предложение показалось вам выгодным?

— Откровенно говоря, — Орднер закинул ногу на ногу, — да. Городские власти оценили старый завод в шестьсот двадцать тысяч, а бойлер перебросить туда не так сложно. Конечно, места там маловато и расширяться особенно некуда, но... мне показалось, что лучшего варианта нам сейчас не найти. В конце концов должны же мы куда-то переехать! А времени уже кот наплакал.

— Возможно, это не все, что вы слышали?

Орднер, сменив положение ног, вздохнул:

— Да, Барт. Мне сказали, что, узнав о вашем отказе, Том Макан тут же предложил им пятьсот тысяч.

— Но риэлтер не имеет права принять это предложение.

— Пока не имеет. Наш опцион истекает уже в этот вторник. Вы не забыли?

— Нет. Послушайте, Стив, я хочу привести вам несколько веских доводов.

— Пожалуйста.

— Во-первых, Уотерфорд мили на три отдалит нас от большинства наших нынешних клиентов — это в среднем. Так что нам придется здорово попотеть, чтобы набрать прежние обороты. Более того, работать мы станем медленнее. Все мотели расположены вдоль автомагистрали. «Холидей инн» и «Хойо» даже сейчас готовы с нас три шкуры содрать, стоит нам хоть на пятнадцать минут задержать их полотенца. Представляете, что начнется теперь, когда нашим фургонам придется пробиваться лишние три мили по перегруженным улицам?

Орднер замотал головой:

— Барт, но ведь они *продлевают* магистраль! Именно поэтому мы и переезжаем. Наши парни уверяют, что мы не только не проиграем во времени благодаря новой магистрали, но, напротив, выиграем. Вдобавок, по их словам, владельцы мотелей уже скупили земли в Уотерфорде и Расселе — поблизости от места прохождения новой дороги. Нет, Барт,

переезд в Уотерфорд только укрепит наши позиции, а никак не ослабит их.

Похоже, я обмишурился, Фредди. Он понимает, что прижал меня к стенке. Спокойно, Джорджи. Хвост морковкой.

— Что ж, с этим я согласен, — улыбнулся он. — Однако новые мотели построят в лучшем случае через год, а то и через два. Если же энергетический кризис и впрямь настолько серьезен, как об этом трубят...

— Решение о переезде уже принято нашим начальством, Барт, — сухо произнес Орднер. — Мы с вами лишь исполнители. И должны выполнять приказ.

Ему показалось, что в тоне Орднера прозвучал упрек.

— Согласен. Я просто хотел поделиться с вами своими соображениями по этому поводу.

— Хорошо. Я вас понял. Однако не вы принимаете решение, Барт. Я хочу, чтобы вы это твердо уяснили. Если поставки нефти прекратятся и мы останемся без бензина, то в заднице окажутся все, а не мы одни. Однако я предлагаю, чтобы мы с вами занимались своим делом, а беспокоиться обо всем этом предоставили нашему совету директоров.

Меня, похоже, отчитали, как нашкодившего мальчишку, Фред. Точно, Джордж.

— Хорошо. Тогда выслушайте остальное. По моим подсчетам, нам придется выложить по меньшей мере двести пятьдесят тысяч, прежде чем уотерфордский комбинат выстирает первую простыню.

— *Что?* — Орднер резко поставил рюмку на стол.

Ага, Фредди! Похоже, проняло.

— Стены заплесневели и совсем обветшали. Восточная и северная стороны вот-вот обрушатся. А полы настолько прогнили, что первый же стиральный автомат провалится в самый подвал.

— Это точно? Насчет двухсот пятидесяти тысяч?

— Абсолютно точно. Здание срочно нуждается в капитальном ремонте. Переделывать нужно все: стены, пол, потолки. А для замены проводки потребуется двухнедельный

труд пяти электриков. Проводка, установленная сейчас, рассчитана на двести сорок вольт — наших мощностей она не выдержит. А отдаленность расположения приведет к тому, что счета за электроэнергию и воду повысятся примерно на двадцать процентов. Если первое мы еще, возможно, кое-как выдержим, то насчет второго... Не мне говорить вам, что означает для прачечной повышение тарифов за водоснабжение на двадцать процентов...

Глаза Стивена Орднера уже почти вылезали на лоб. Судорожно сглотнув, он попытался что-то сказать, но слова застряли в горле.

— Так на чем я остановился? Ну да, проводку необходимо заменить. Нам также придется установить новую сигнализацию и камеры скрытого наблюдения. Новую изолирующую кровлю. Ах да, совсем забыл про дренажную систему. Здесь, на улице Елей, мы находимся на возвышенности, а вот Дуглас-стрит расположена на самом дне естественного бассейна. Одна установка дренажной системы обойдется нам в сорок, а то и семьдесят тысяч.

— Господи, но почему же Том Грейнджер обо всем этом умолчал? — всплеснул руками Орднер.

— Он не выезжал со мной на место.

— Почему?

— Потому что я попросил его остаться в прачечной.

— Но *из-за чего*? — взвился Орднер. — С какой стати?

— Потому что в тот день у нас полетел отопитель, — терпеливо пояснил он. — Нас буквально завалили заказами, а горячей воды не было. Тому пришлось остаться. Он единственный, кто разбирается в бойлерах.

— Господи, Барт, но почему вы не взяли его с собой в другой раз?

Он допил виски и спокойно ответил:

— Я просто не видел в этом смысла.

— Не видели... — поперхнулся Орднер. Отставив стакан в сторону, он замотал головой, словно боксер, приходящий в себя после нокаута. — Послушайте, Барт, вы пред-

ставляете, что с нами будет, если вы все-таки ошибаетесь, а фабрика эта нам не достанется? Не знаю, какая судьба постигнет меня, но вы точно лишитесь *работы*. Господи, неужто вы готовы преподнести Мэри такой подарок? Вы этого хотите?

Ты никогда этого не поймешь, подумал он, потому что ни разу в жизни даже пальцем не шевельнул, чтобы не подстраховаться сразу шестью способами, да еще и не подготовив заранее пару-тройку козлов отпущения. Вот как ты заработал свой роскошный автомобиль, пишущую машинку и четыреста тысяч, что вложены в акции и прочие ценные бумаги. Засранец, а ведь я могу поступить так, что тебя упекут лет на десять. Кто знает, может, я так и сделаю.

Глядя на вытянувшуюся физиономию Орднера, он улыбнулся:

— Все это меня совершенно не беспокоит, Стив, потому что вы еще не выслушали мой последний довод.

— Какой?

— Том Макан уже уведомил риэлтера, что фабрика их больше не интересует, — с готовностью соврал он. — Их ребята выехали в Уотерфорд, увидели своими глазами, что там творится, и подняли дикий вой. Так что можете мне поверить — эта развалюха не стоит четырехсот пятидесяти тысяч. С другой стороны, да, верно, — наш трехмесячный опцион истекает во вторник. Но не забудьте, этот риэлтер — а Монахан прожженный гусь — все это время совершенно внаглую водил нас за нос. И ведь его блеф почти сработал.

— Так что вы предлагаете?

— Я предлагаю, чтобы до самого окончания срока опциона мы не рыпались. И не отвечали на их звонки и запросы вплоть до... ну, скажем, четверга. Вы тем временем переговорите с нашими финансистами по поводу двадцатипроцентного роста тарифов, а я побеседую с Монаханом. Вот увидите — он на коленях приползет, чтобы мы купили эту рухлядь за каких-нибудь тысяч двести.

— Вы уверены, Барт? — сощурился Орднер.

— Конечно, уверен, — ответил он, заставив себя улыбнуться. — Разве стал бы я высовывать шею, зная наперед, что мне ее укоротят?

Джордж, что ты вытворяешь???

Замолчи, Фред, мне сейчас не до тебя.

— Подведем итоги, — продолжил он. — Мы имеем перед собой жулика-риэлтера и полное отсутствие конкуренции. Стало быть, мы вполне можем позволить себе потянуть время. Каждый день пребывания в подвешенном состоянии заставит его сбивать цену все больше и больше.

— Ну хорошо, — с расстановкой произнес Орднер. — Пусть так. Однако я хочу четко расставить акценты, Барт. Если мы упустим эту сделку, а фабрику у нас из-под носа *уведет* кто-то другой, мне ничего другого не останется, как бросить вас на растерзание волкам. Хотя лично...

— Против меня вы ничего не имеете, — с улыбкой закончил он за Орднера.

— Послушайте, Барт, вы уверены, что Мэри вас не заразила? Что-то вид у вас неважный.

Ты бы на себя посмотрел, ублюдок!

— Ничего, скоро все наладится. Просто перенервничал немного из-за всей этой неразберихи.

— Да, конечно. — Орднер состроил сочувственную физиономию. — Кстати, совсем забыл — ведь ваш дом тоже на самой линии огня...

— Да.

— Вы уже подобрали себе что-нибудь подходящее взамен?

— Глаз кое на что положили. Не удивлюсь, если заключу обе сделки в один день.

Орднер ухмыльнулся:

— Наверное, вам впервые в жизни доведется за один день подписать контракты тысяч на триста, а то и на все полмиллиона.

— Да, этот денек я навсегда запомню.

* * *

На обратном пути Фредди то и дело пытался заговаривать с ним, даже кричать на него — и ему не раз приходилось щелкать выключателем. Он уже сворачивал на Западную Крестоллен-стрит, когда цепь вдруг с шипением перегорела и в ноздри ему шибанул запах гари: тончайшие контакты и хрупкие узлы поджаривались, шипя, словно мясо на сковородке. Вопросы Фредди хлынули на него водопадом, и ему пришлось резко, обеими ступнями, затормозить. Автомобиль с визгом замер прямо посреди улицы, а ремень безопасности с такой силой врезался в грудь, что он невольно хрюкнул.

Овладев собой, он медленно подвел машину к бордюру. Выключил двигатель, потушил фары, отстегнул ремень и, весь дрожа, но не выпуская из рук рулевого колеса, откинулся на спинку сиденья.

Улица впереди плавно изгибалась, а цепочка уличных фонарей казалась отсюда светящимся рыболовным крючком. Эх и славная же это улочка! Большинство домов было построено после войны, между 1946 и 1958 годами, однако они каким-то чудесным образом избежали участи большинства своих сверстников и щеголяли свежей краской, аккуратно подстриженными газонами и сверкающими автомашинами на подъездных аллеях.

Со своими соседями он был хорошо знаком — да почему бы и нет? Они с Мэри прожили на Крестоллен-стрит уже без малого четырнадцать лет. Достаточно долго. В следующем за ними доме жили Апслингеры; их сын Кенни доставлял утренние газеты. Напротив жили Лэнги, а через дом — Хобарты (Линда Хобарт сидела с Чарли, когда он был маленьким, а теперь преподавала в городском колледже), затем — Стауфферы, Хэнк Альберт (его жена умерла от эмфиземы легких четыре года назад), Дарби, а почти напротив того места, где он сейчас сидел в машине и трясся, — Куинны. Со всеми этими людьми они с Мэри были на короткой ноге. Помимо этого, они общались еще с дюжиной семей — в основном с теми, у кого были маленькие дети.

Да, Фред, замечательная у нас улица. И само место просто прекрасное. Да, я знаю, как всякие интеллектуалы презрительно фыркают, когда речь заходит о жизни в предместье, — это якобы не столь романтично, как кишащие крысами меблирашки или городские коттеджи. Нет в пригороде ни великих музеев, ни великих парков — словом, вообще ничего великого.

Но знавали мы здесь много радостей...

Я понимаю, о чем ты думаешь, Фред. Радости — что такое «много радостей»? Радости, печали — все это ерунда, Фредди. По большому счету. Барбекю на заднем дворе летним вечером, когда все навеселе, но не пьяны. Караваны автомобилей, на которых мы отправлялись смотреть, как играют «Мустанги». Паршивые «Мусти» — не могли обыграть «Пэтс» даже в тот год, когда на них ставки один к двенадцати принимали. Приглашения на ужин, походы в гости. Гольф на вест-сайдском поле. Поездки с женами в Пондерозу, катание на картингах. Помнишь, как Билл Стауффер проломил какой-то забор и въехал на своем автомобильчике прямо в чей-то бассейн?

Угу, Джордж, помню. Мы смеялись до упаду. Но только сейчас, Джордж, мне не...

Так что, по-твоему, Фред, можно тогда бульдозеры сюда завозить? Сровнять весь наш район с землей. А потом возвести новый, в Уотерфорде, где вплоть до этого года одни пустыри были? И что там будет? Безликие коробки? Пластиковые трубы, замерзающие каждую зиму? Пластиковые деревья? Пластиковый район? И все потому, что какому-то умнику втемяшилось в башку проложить свою дурацкую автостраду именно здесь, а посоветовавшись со своей секретаршей, он узнал, что и подружка секретарши горячо поддерживает этот проект, потому что приятелю подружки сейчас очень неудобно ставить автомобиль... Допустим, ты живешь на Лиловой аллее, которая пересекается с переулком Тополей. Или возьми улицу Вязов, улицу Дубов, улицу Кипарисов или улицу Сосен. Здесь в каждом доме есть своя ванная на первом

этаже, туалет на втором, да еще и камин в восточном крыле. А теперь представь только, что, возвращаясь домой, ты вдруг видишь, что дома-то твоего и след простыл.

Но, Джордж...

Помолчи, Фред. Не слышишь разве, что я разговариваю? А куда подевались твои друзья и соседи? Может, вы не так уж и дружили с ними, но хоть люди были знакомые. А теперь — к кому ты за кофе или за сахаром обратишься, если вдруг нужда возникнет? Тони и Алисия Лэнг уже в Миннесоте, потому что, узнав о неизбежном переезде, Тони сам попросил перевести его в другой филиал. Хобарты уже в Норт-Сайд перебрались. Хэнк Альберт переехал в Уотерфорд, однако, вернувшись домой после подписания бумаг, он скорее походил на человека в клоунской маске. Я ведь видел его глаза, Фредди. Он напомнил мне мученика, которому только что ампутировали ноги, а он прикидывается довольным — ведь на протезах не придется ногти подстригать или мозоли смазывать. Итак, мы переедем, и что с нами дальше будет? Что мы там будем делать, незнакомая для всех супружеская пара, коротающая время в чужом доме? Доживать свой век — вот что. Терпеливо дожидаться старости и смерти. Сорок лет, Фредди, — это конец молодости. Точнее, даже тридцать, но сорок — тот возраст, когда перестаешь обманывать сам себя. Нет, Фредди, я не хочу стареть в чужом доме.

Он снова плакал. Сидел в машине и плакал, как ребенок.

Джордж, но ведь по большому счету дело вовсе не в автомагистрали и не в переезде. Уж я-то знаю, что тебя тревожит.

Замолчи, Фред, я тебя в последний раз предупреждаю.

Но Фред не унимался, и это был дурной признак. Как ему обрести покой, если он и с Фредом-то справиться не в состоянии?

Все дело в Чарли, верно, Джордж? Ты просто не хочешь хоронить его во второй раз.

— Да, дело в Чарли, — произнес он, не узнав собственного голоса, искаженного слезами. — И еще во мне. Я не могу. Я и правда не могу...

Повесив голову, он разрыдался. Лицо его исказилось, он тер глаза руками; точь-в-точь как ребенок, только что обнаруживший, что любимый леденец провалился сквозь прореху в штанах.

Пустившись наконец снова в дорогу, он чувствовал себя разбитым и опустошенным. Но спокойным. Абсолютно спокойным. Он даже без трепета смотрел на темные дома по обеим сторонам улицы; дома, прежние обитатели которых уже переехали в другие районы.

Мы сейчас живем на кладбище, подумал он. Мы с Мэри. Как Ричард Бун в фильме «Я хороню живого». У Арлинов свет еще горел, но уже пятого декабря они съезжали. Навсегда. А Хобарты переехали в прошлый уик-энд. Пустые дома. Пустые глазницы окон в пустых же черепах.

Подъезжая к дому (Мэри была наверху — он видел неяркий отблеск ее торшера), он вдруг подумал о словах Тома Грейнджера, сказанных пару недель назад. Он поговорит об этом с Томом. В понедельник.

25 ноября 1973 года

Он сидел перед цветным телевизором, глядя на игру «Мустангов» с «Чарджерами» и потягивая любимый коктейль — смесь «Южного комфорта» и севен-апа. В третьей четверти «Чарджеры» были впереди: 27 на 3. Ракера перехватили трижды. Потрясная игра, да, Фред? Это точно, Джордж. Просто не представляю, как ты выдерживаешь такое напряжение.

Мэри спала у себя наверху. За уик-энд немного потеплело, а сейчас моросил легкий дождик. Он и сам уже клевал носом. Три коктейля кряду как-никак осушил.

В игре наступил перерыв, и на экране тут же дали рекламу. Бад Уилкинсон предупредил всех о катастрофических последствиях надвигающегося энергетического кризиса и пред-

ложил срочно обзаводиться солнечными батареями. Он также напомнил, чтобы люди не забывали задвигать печные заслонки; если, разумеется, они не собирались сжигать мотыльков или поджаривать ведьм, бороздящих на метлах ночное небо. В конце рекламного ролика на экране высветилась эмблема компании, которая его выпустила, — тигр со счастливой мордой выглядывал из-за щита, на котором было написано:

ЭКССОН

По его мнению, день, когда компания «Эссо» сменила свое название на «Экссон», должен был стать для всех дурным предвестником надвигающихся тягот. «Эссо» само слетало с языка, нежно и ласково. «Экссон» напоминало имя какого-нибудь вождя с планеты Тьмутаракир.

— Экссон требует, чтобы все земляне сложили оружие, — торжественно произнес он. — Повинуйся, землянин. Не вздумай сопротивляться, жалкий червь.

Он фыркнул и смешал себе еще один коктейль. Ему даже не пришлось вставать; бутылка «Южного комфорта», двухлитровая бутыль севен-апа и пластмассовое ведерко со льдом стояли на маленьком круглом столике буквально у его локтя.

Игра возобновилась. «Чарджеры» нападали. Хью Феднак, основной разыгрывающий «Мустангов», перехватил мяч и переправил в линию нападения. «Мустанги» продвинулись вперед на шесть ярдов. Такие дела, как справедливо подметил Курт Воннегут. Он прочитал все его книжки. В первую очередь они поразили его своим юмором. Но вот на прошлой неделе по телевизору передали, что в школе города Дрейк, Северная Дакота, устроили публичное сожжение книги Воннегута «Бойня номер пять», посвященной тому, как союзники разбомбили Дрезден. Забавное совпадение, да?

Послушай, Фред, и почему эти ублюдки не решили продолжить свою вонючую автостраду через Дрейк? Держу пари,

что им бы там понравилось. Прекрасная мысль, Джордж. Почему бы тебе не черкануть об этом в газету? Пошел ты в задницу, Фред!

«Чарджеры» реализовали очередную попытку и повели уже 34:3. Девчонки из группы поддержки запрыгали, вертя в воздухе оголенными ягодицами. Он погрузился в дремоту и уже не мог бороться с Фредом, который, воспользовавшись его беспомощностью, принялся назойливо приставать.

Послушай, Джордж, поскольку сам ты не соображаешь, что творишь, я тебе сейчас все сам растолкую. По полочкам разложу. *(Отстань, Фред.)* Во-первых, срок опциона стремительно истекает. В среду Том Макан заключит сделку с этим ирландским отродьем Патриком Монаханом. В среду днем или в четверг утром огромный плакат с надписью ПРОДАНО взметнется над воротами фабрики в Уотерфорде. Если кто-то из прачечной его увидит, ты еще можешь чуть-чуть отсрочить минуту расплаты, заявив: «Разумеется, продано. Нам». Но если Орднер проверит — тебе крышка. Впрочем, вполне возможно, что проверять он не станет. Однако *(Фредди, ну отстань же наконец.)* в пятницу появится новая вывеска. На ней будет вот что:

МЕСТО СТРОИТЕЛЬСТВА НОВОЙ ФАБРИКИ
ОБУВЬ ТОМА МАКАНА
Смотрите, как бурно мы развиваемся!

В понедельник утром тебя уволят. Лично я уверен, что тебя вышибут еще до первого же перерыва на кофе. Часов в десять. Тебе придется отправиться домой и признаться в содеянном Мэри. Не представляю, что за этим последует. Учитывая, что автобус до твоего дома идет пятнадцать минут, думаю, что в половине одиннадцатого вашему двадцатилетнему браку может настать конец. И ведь тебе придется еще выдумать какую-то причину для Мэри. Можно, конечно, отложить страшную сцену, напившись или прикинувшись невменяемым, но рано или поздно — *Фред, да заткнись ты на-*

конец, скотина чертова! — но рано или поздно тебе придется объяснить ей, почему ты лишился работы. Ох и попотеешь же ты! «Дело в том, Мэри, что дорожное управление собирается через месяц сровнять нашу прачечную на улице Елей с землей, а я облажался и не успел подобрать для нее новое здание. Просто я думал, что история с автострадой номер 784 — это обычный ночной кошмар и я вот-вот проснусь... Да, Мэри, я подобрал нам для переезда фабрику — да, да, в Уотерфорде, — но что-то мне помешало довести дело до конца. Какие убытки понесет от этого «Амроко»? О, ну миллион, а то и полтора, в зависимости от того, сколько времени им потребуется на поиск нового здания и подбор новых клиентов».

Фред, я тебя предупреждаю!

Или ты можешь сказать ей, что лучше всех владеешь истинным положением вещей. Дескать, прибыли в «Блю Риббон» стали настолько призрачными, что руководство само решило отказаться от открытия своего бизнеса на новом месте. Либо же оно пришло к выводу, что после того, как этот сукин сын засыпал столько сахара в бензобак, уже не стоит тратить время и усилия на восстановление прежнего бизнеса, а проще и дешевле перепрофилироваться. Можешь сказать ей это.

Иди к дьяволу, Фред!

И ведь это только первая серия, Джордж, а фильм-то двухсерийный. Часть вторая начнется, когда тебе придется признаться Мэри, что вам теперь и переезжать некуда. Как ты ей это скажешь?

Я ничего не собираюсь объяснять.

Ну понятно. Ты просто заснул в шлюпке и ничего не помнишь. Однако в полночь со вторника на среду твоя шлюпка сорвется с водопада и ухнет в пучину, Джордж. Богом молю, сходи в понедельник к Монахану и доставь ему несчастье. Подпиши контракт. Тебе все равно несдобровать из-за всей кучи вранья, что ты наворотил Стиву Орднеру в пятницу вечером. Но в конце концов ты откупишься. Тебя возьмут на

поруки. Сам знаешь, тебе приходилось и не из таких переделок сухим выходить.

Оставь меня в покое. Я уже почти сплю.

Все дело в Чарли, верно? Ты просто хочешь таким образом совершить самоубийство. Но ведь это нечестно по отношению к Мэри, Джордж. Это вообще несправедливо. Ты просто...

Он рывком выпрямился, опрокинув стакан с коктейлем.

— Я только сам себя наказываю.

Зачем тогда все это оружие, Джордж? В кого ты собрался стрелять?

Дрожа всем телом, он потянулся к бутылке и в очередной раз наполнил свой стакан.

26 ноября 1973 года

Они обедали с Томом Грейнджером в «Ники», небольшом ресторанчике в трех кварталах от прачечной. Они сидели в отдельной кабинке, потягивая пиво и дожидаясь, пока подадут заказанные блюда. Из музыкального автомата раздавался голос Элтона Джона, который распевал: «Прощай, дорога из желтого кирпича».

Том вел беседу об игре «Мустангов» с «Чарджерами», которую «Чарджеры» выиграли со счетом 37:6. Том болел сразу за все спортивные команды их города, а поражения любимцев не только выбивали его из колеи, но нередко доводили до исступления. В один прекрасный день, подумал он, слушая, как Том поочередно чихвостит всех игроков «Мустангов» на все лады, Том Грейнджер отрежет себе ухо и отошлет его генеральному менеджеру. Сумасшедший болельщик отправил бы ухо тренеру, который бы только посмеялся и пришпилил трофей к щиту с объявлениями в раздевалке, но вот Том послал бы ухо генеральному менеджеру, чтобы заставить того призадуматься.

Наконец неулыбчивая официантка в белом брючном костюме из нейлона принесла им еду. Он оценил ее возраст лет в триста, а то и в триста четыре. Вес, пожалуй, выражался примерно такими же цифрами. На маленькой карточке над левой грудью было написано:

ГЕЙЛ
Спасибо, что пришли к нам
Ресторан «Ники»

Тому подали кусок жареного мяса, который плавал, как остров, посреди тарелки подливы. Сам же он заказал два недожаренных чизбургера с картофелем фри. Он знал, что чизбургеры здесь готовить умеют. Он не в первый раз обедал в «Ники». Продолжение автомагистрали номер 784 пощадило ресторанчик, пройдя почти в квартале от него.

Они приступили к трапезе. Закончив тираду насчет вчерашней игры, Том осведомился у него насчет уотерфордской фабрики и встречи с Орднером.

— Я собираюсь подписать контракт в четверг или в пятницу, — сказал он.

— А мне казалось, что срок опциона истекает во вторник, — нахмурился Грейнджер.

Он снова рассказал, как Том Макан отказался от покупки уотерфордской фабрики. Ложь ему радости не доставила. Он был знаком с Томом Грейнджером уже семнадцать лет. Особой сообразительностью Том не отличался. Невелика заслуга — обмануть Тома.

— Понятно, — кивнул Том, когда он закончил. Подцепив на вилку кусок мяса, он отправил его в рот и тут же недовольно поморщился. — Господи, на кой черт мы сюда пришли? Готовить здесь не умеют. И кофе премерзко варят. Моя *жена* и та им сто очков вперед даст.

— Возможно, — произнес он и тут же добавил: — Кстати, ты не помнишь, когда открылся тот итальянский ресторанчик? Мы водили туда Мэри и Верну.

— Помню, в августе. Верна до сих пор вспоминает эту рикотту... Нет, ригатони. Да, точно, ригатони.

— А помнишь того толстяка, что рядом с нами сидел? С сальной мордой?

— Толстяка... — Том нахмурился, пытаясь вспомнить. Затем помотал головой: — Нет.

— Ты еще сказал, что он мафиози.

— А-а-а. — Глаза Тома Грейнджера широко раскрылись. Отодвинув тарелку в сторону, он закурил, а спичку бросил в тарелку с подливой, где она с шипением угасла. — Да, точно. Сэл Мальоре.

— Так его зовут?

— Угу. Подслеповатый толстяк. С девятью подбородками. Сальваторе Мальоре. Похоже на кличку проститутки в итальянском борделе, да? Циклоп Сэл, так его звали из-за бельма на одном глазу. Удалили года три-четыре назад в клинике Мейо... бельмо, конечно, а не глаз. Да, он настоящий мошенник.

— А чем он занимается?

— А чем они все занимаются? — хмыкнул Том, стряхивая пепел в тарелку. — Наркотики, девочки, азартные игры, отмывка денег, вымогательство. Ну и еще разборки с другими преступниками. Не читал в газете? Как раз на прошлой неделе труп одного парня со связанными руками обнаружили в багажнике легковушки позади бензозаправочной станции. С шестью пулями в голове и перерезанным горлом. По-моему, это бред. Кому могло понадобиться резать горло, всадив бедняге шесть пуль в башку? Организованная преступность, вот чем наш Сэл занимается.

— А какое-то законное прикрытие у него есть?

— Да, наверное. Он в Лэндинг-Стрипе устроился, за Нортоном. Машинами торгует. Подержанные машины от Мальоре — гарантированное качество. В каждом багажнике — труп. — Том расхохотался и снова стряхнул пепел в тарелку. К столу подошла Гейл и осведомилась, не желают ли они еще кофе. Они заказали еще по чашечке.

— Я наконец достал эти металлические штыри для двери бойлерной, — сказал Том. — Они мне мой дрын напоминают. Очень похожи.

— Да ну?

— Точно, видел бы ты их. Девять дюймов в длину и три в поперечнике.

— Так ты имел в виду мой дрын? — спросил он, и оба расхохотались, продолжив разговор уже о своих рабочих делах, пока не пришла пора возвращаться в прачечную.

После работы он, как всегда, сел в автобус, но сошел на этот раз на Баркер-стрит, в тихом предместье. Заглянул в бар «Данкен». Заказал пиво и выслушал стенания Данкена по поводу в пух и прах проигранного «Мустангами» матча. К стойке подошел посетитель и пожаловался, что один из автоматов в кегельбане барахлит. Данкен отправился посмотреть, в чем дело, а он остался у стойки потягивать пиво и смотреть телевизор. Показывали очередной сериал — две женщины неспешно обсуждали какого-то Хэнка. Этот Хэнк возвращался домой из колледжа, а одна из женщин только что выяснила, что он не кто иной, как ее сын, родившийся двадцать лет назад, после безумной выпускной ночи.

Фредди в очередной раз попытался завести разговор, но Джордж жестко оборвал его. Выключатель сегодня работал исправно. С самого утра.

Ну и черт с тобой, ты, шизик хренов! — завопил Фред, и тут Джордж задал ему перца. *Иди торгуй газетами, Фредди. Здесь ты не нужен.*

— Нет, я ему ни в коем случае не признаюсь, — говорила одна из женщин в мыльной опере. — Как бы, по-твоему, я могла это сделать?

— Очень просто... сказать, и все, — пожала плечами ее собеседница.

— Но с какой стати? Почему я должна разрушать всю его жизнь из-за какого-то несчастного события, случившегося двадцать лет назад?

— Значит, ты собираешься его обмануть?

— Нет, я просто умолчу об этом.

— Но ты *должна* ему сказать. Обязана.

— Шарон, я не могу себе этого позволить.

— В таком случае, Бетти, я сама ему скажу!

— Этот гребаный автомат накрылся с концами, — пожаловался вернувшийся Данкен. — С самого начала ведь дурил. С первого дня. И что мне теперь делать? Звонить в эту поганую компанию? Ждать двадцать минут, пока какая-то сопливая девчонка-секретарша соединит меня с очередным вонючим козлом? Ах, все так заняты, но мы постараемся прислать специалиста в среду. *В среду!* А в пятницу подвалит какой-то придурок с мозгами величиной с горошину, выжрет полбочонка пива за мой счет, исправит поломку и нарочно подстроит так, чтобы через неделю еще какая-нибудь хреновина полетела. Ну и посоветует напоследок, чтобы клиенты швыряли шары поосторожнее. Вот раньше я электронный бильярд держал. Это были нормальные автоматы. Никогда не ломались. А это — прогресс в их понимании. Небось году в 1980-м, если я еще к тому времени в ящик не сыграю, меня заставят тут вместо боулинга какой-нибудь автоминетчик установить, мать их за ногу! Пива еще хотите?

— Да, — кивнул он.

Данкен отправился цедить пиво. Он положил на стойку полдоллара и прошел в соседнее помещение к телефону-автомату, установленному как раз напротив сломавшегося боулинга.

Отыскал нужный номер в справочнике, в разделе «Автомобили, новые и подержанные». Нужные ему строчки выглядели так: ПОДЕРЖАННЫЕ МАШИНЫ МАЛЬОРЕ, дорога номер 16, Нортон, тел. 892-4576.

Дорога номер 16 при въезде в Нортон переходила в Веннер-авеню. Последняя также была известна под названием Лэндинг-Стрип; там можно было достать любой товар, который не рекламировался в телефонных справочниках.

Просунув в щель десятицентовую монетку, он набрал нужный номер. Со второго гудка трубку сняли, и звучный мужской голос произнес:

— «Подержанные машины Мальоре».

— Говорит Доус, — сказал он. — Бартон Доус. Могу я поговорить с мистером Мальоре?

— Сэл занят. Но я готов вам помочь, если смогу. Меня зовут Пит Мэнси.

— Нет, мистер Мэнси, я хочу переговорить с самим мистером Мальоре. Это по поводу тех двух «эльдорадо».

— Вас не туда направили, — сказал Мэнси. — Мы до конца года крупные автомобили не берем из-за энергетического кризиса. Никто их сейчас не покупает. Так что...

— Я *покупаю*, — сказал он.

— *Что* вы сказали?

— Я покупаю у вас два «эльдорадо». Семидесятого и семьдесят второго года. Одна золотистая, вторая кремовая. Я говорил по их поводу с мистером Мальоре на прошлой неделе. Мы обо всем договорились.

— Ах да, понятно. Его сейчас нет, мистер Доус. Он в Чикаго. Вернется только в одиннадцать вечера.

Тем временем Данкен прилаживал к автомату табличку. На ней значилось:

НЕ РАБОТАЕТ

— А завтра он будет?

— Да, наверняка. Вы в рассрочку берете?

— Нет, сразу.

— Условия особые?

Чуть поколебавшись, он ответил:

— Да, конечно. В четыре часа я его застану?

— Да.

— Благодарю вас, мистер Мэнси.

— Я передам, что вы звонили.

— Да, спасибо, — сказал он и повесил трубку. Ладони вспотели.

Когда он вернулся домой, Мерв Гриффин болтал с очередными знаменитостями. В почтовом ящике ничего не было; приятный сюрприз. Он прошел в гостиную.

Мэри попивала из чашки горячий напиток с ромом. Рядом с ней лежала пачка бумажных салфеток, а в воздухе устойчиво пахло пастилками «Викс».

— Как дела? — осведомился он, приближаясь.

— Бе целуй беня, — прогнусавила Мэри. — Я, кажется, забобеба.

— Бедненькая. — Он поцеловал ее в лоб.

— Извиби, Барт, но не сходишь би ты сам в багазин? Бы уговорились было с Мег Картер, но я потоб перезвонила ей и отказалась.

— Хорошо. Температура есть?

— Бе збаю. Божет, бебольшая.

— Вызвать тебе врача?

— Бе стоит. Божет, завтра саба схожу.

— Н-да, гундосишь ты здорово.

— Угу. «Викс» побачабу побогали, но потоб... — Она пожала плечами и кротко улыбнулась. — Я прябо как Добальд Дак разговариваю.

Чуть поколебавшись, он промолвил:

— Завтра вечером я задержусь; приду попозже.

— Да?

— В Норт-Сайд прокачусь — дом смотреть. На первый взгляд вроде бы неплохо. Шесть комнат. Небольшой задний двор. И не слишком далеко от Хобартов.

В ушах отчетливо послышался голос Фредди: *Гад ты лживый и последняя скотина, Джордж!*

Мэри просветлела.

— Как здоробо! А я богу с тобой поехать?

— Нет, не стоит, тебе надо лечиться.

— Я былечусь.

— В другой раз, — отрезал он.

— Бадно, — вздохнула Мэри. — Как хорошо, что ты бакобец решибся. Я уже бобновабась.

— Ну и зря.

— Да.

Она еще раз отпила из чашки и прижалась к нему. Он слышал ее шумное дыхание. Мерв Гриффин оживленно трепался с Джеймсом Бролином по поводу его нового фильма «Западный мир». В ближайшем времени его собирались крутить по всем парикмахерским.

Минуту спустя Мэри поднялась и поставила в духовой шкаф упаковку с готовым ужином. Тем временем он подошел к телевизору и, переключив программу, остановил выбор на каком-то боевике. Он старался не слушать увещеваний Фредди. Некоторое время спустя Фредди сменил пластинку.

А помнишь, Джордж, как тебе достался твой первый телевизор?

Он улыбнулся, глядя не на Форреста Такера, а как бы сквозь него.

Помню, Фред. Еще бы не помнить.

Как-то вечером, примерно через два года после женитьбы, они вернулись домой от Апшоу, где смотрели по телевизору развлекательные программы, и Мэри спросила, не показалась ли ему Донна Апшоу несколько... отчужденной, что ли. Он хорошо помнил, как выглядела тогда и во что была одета Мэри. Худенькая и стройная, довольно высокая, в беленьких босоножках на каблуках, которые только что приобрела по случаю лета. И еще на ней были обтягивающие белые шортики; в них ее длинные ножки выглядели особенно завлекательными. Откровенно говоря, в ту минуту ему было вовсе не до Донны Апшоу; его интересовало только одно — как бы поскорее извлечь Мэри из этих шортиков. Больше ничто его в тот миг не волновало.

— Может, ей просто надоело угощать орешками половину населения предместья лишь потому, что у них у единственных на всей нашей улице есть телевизор? — предположил он.

Ему показалось, что хорошенький лобик Мэри прочертила тонкая морщинка — так бывало всегда, когда у его жены было что-то на уме; однако к тому времени они уже поднимались по лестнице в спальню, а его пальцы гладили и тискали ее соблазнительный задик.

Лишь позже, значительно позже, она спросила:

— Слушай, Барт, а во что бы нам обошелся настольный приемник?

В полудреме он ответил:

— Мне кажется, что приличную «Моторолу» можно было бы раздобыть долларов за двадцать восемь — тридцать. А вот «Филко»...

— Я не про радиоприемник говорю, Барт. Меня интересует телевизор.

Он присел, включил свет и уставился на нее. Мэри лежала рядом обнаженная, простыня была стянута почти до самых коленей. Хотя она и улыбалась, он видел: Мэри настроена серьезно.

— Мэри, пока мы не можем себе этого позволить.

— Так сколько все-таки стоит настольная модель? «Дженерал электрик», «Филко» или что-нибудь в этом роде?

— Новый?

— Да.

Он чуть задумался, глядя, как играет матовый свет на изящных округлостях ее грудей. В те годы Мэри была совсем худенькая (вообще-то она и сейчас не толстушка, Джордж, упрекнул он себя; а я этого и не говорил, Фредди) и какая-то *более живая*, что ли.

— Мне кажется, долларов семьсот пятьдесят, — произнес он, надеясь, что улыбка сползет с ее лица. Однако этого не случилось.

— Что ж, давай посмотрим, — сказала она, усаживаясь и подворачивая под себя ноги.

— А я уже смотрю, — ухмыльнулся он.

— Не сюда, нахал. — Мэри расхохоталась, но щечки ее зарделись (между прочим, прикрываться она все-таки не стала, это он как сейчас помнил).

— Ну так что ты задумала?

— Зачем нужен телевизор мужчине? — вслух рассуждала она. — Чтобы смотреть спортивные передачи по уик-эндам. А зачем телевизор женщине? Чтобы смотреть днем мыльные оперы. Представляешь, как удобно — ты гладишь и одновременно смотришь телевизор. А теперь только представь на минутку, что мы с тобой оба обретем такое, что поможет нам с пользой провести время, которое в противном случае было бы потрачено зря...

— Например, на чтение или на любовь, — с невинным видом промолвил он.

— Вот на *это* у нас время всегда находится, — со смехом заметила она и раскраснелась больше прежнего; при свете ночника глаза ее казались темными, а таинственная ложбинка между грудями властно манила его к себе. И он понял, что уступит, пообещает ей даже полуторатысячный «Зенит», встроенный в шкафчик, если она только позволит ему сейчас еще разок предаться любви; при одной лишь мысли об этом он возбудился и ощутил, как каменеет его змей — так забавно однажды выразилась сама Мэри, когда они возвращались с новогодней вечеринки у Ридпатов, где она чуть-чуть перепила. Даже сейчас, восемнадцать лет спустя, он вновь ощутил, как каменеет змей — и ведь от одного лишь воспоминания.

— Что ж, ладно, — сказал он. — Я буду грабить припозднившихся путников по уик-эндам, а ты научишься обирать их карманы в дневное время. Однако если серьезно, то что, милая Мэри, моя не совсем Дева Мария, мы будем делать?

Она запрыгнула на него, хихикая, а он чувствовал животом ее мягкие груди (сейчас уже, конечно, не те, Фредди, не те, что прежде).

— Вот в том-то и фокус, — ответила она. — Какое у нас сегодня число? Восемнадцатое июня?

— Совершенно верно.

— Ну вот, делай по уик-эндам то, что ты задумал, а восемнадцатого декабря мы сложимся и...

— ...купим тостер, — ухмыльнулся он.

— ...купим телевизор, — настойчиво сказала она. — Я уверена, Барт, что нам это по силам. — И она снова захихикала. — Но самое занятное во всем этом, что вплоть до самой последней минуты мы не скажем друг дружке, чем занимаемся.

— Что ж, я согласен, — с серьезным видом сказал он. — Если только завтра, вернувшись с работы, не увижу над нашей дверью красный фонарь.

Она схватила его, взгромоздилась сверху и принялась щекотать; щекотка быстро сменилась ласками.

— Давай, — прошептала она, прижимаясь к нему всем телом. — Сейчас. Я хочу тебя, милый.

Позже, уже снова в темноте, лежа на спине, сцепив руки за головой, он спросил:

— Значит, ничего друг дружке не рассказываем?

— Да.

— Слушай, Мэри, а с чего вообще возник этот разговор? С того, как я сказал, что Донне Апшоу просто надоело угощать орешками половину населения нашего предместья?

На сей раз она уже не хихикала. Голос ее звучал ровно, строго и даже слегка пугающе: в спальне их квартирки на третьем этаже дома без лифта вдруг пахнуло зимой посреди теплой июньской ночи.

— Я не люблю нахлебников, Барт. И сама не собираюсь быть ею. Никогда.

Дней десять он обдумывал ее предложение, ломая голову над тем, каким образом заработать свою половину семисот пятидесяти долларов (а то и три четверти, поскольку все шло к этому) в течение двадцати (примерно) последующих уикэндов. Он был уже не в том возрасте, чтобы подстригать лужайки за двадцать пять центов. А вот Мэри стала выглядеть умиротворенной и довольной — ее сияющий вид подсказывал ему, что она уже нашла занятие себе по душе.

Да, славные были денечки, верно, Фредди? — спросил он себя, глядя, как фильм прерывается рекламой и забавный

нарисованный кролик призывает деток кушать конфетки. Да, Джордж. Денечки были просто *потрясные*.

Как-то раз, отпирая после работы свою машину, он случайно кинул взгляд на здоровенную дымовую трубу, торчавшую ввысь прямо за химчисткой, вот тогда его и осенило.

Он снова запер машину, спрятал ключи в карман и пошел к Дону Таркингтону. Дон откинулся на спинку кресла и воззрился на него из-под кустистых, совершенно седых бровей (седые волоски пучками росли у него из ушей и ноздрей), скрестив руки на груди.

— Вы хотите выкрасить башню, — повторил Дон.

Он кивнул.

— За уик-энды.

Он снова кивнул.

— За триста долларов?

Еще один кивок.

— У вас не все дома.

Он расхохотался.

Дон улыбнулся уголком рта.

— Барт, вы, случайно, наркотиками не балуетесь? — спросил Дон в лоб.

— Нет, — ответил тот. — Мы с Мэри заключили договор.

Седые брови взметнулись на лоб.

— Пари?

— Не совсем. Скорее — джентльменское соглашение, если можно так выразиться. Но это не важно, Дон. Трубу давно пора покрасить, а мне позарез нужны три сотни. Что скажете? В фирме по малярным работам с вас бы четыреста двадцать пять баксов содрали.

— Вы проверяли?

— Да.

— Нет, вы точно чокнутый, — убежденно произнес Дон. — Разобьетесь ведь к чертовой матери.

— Не исключено, — ответил он и снова расхохотался (даже сейчас, восемнадцать лет спустя, когда нарисованный

кролик уступил место выпуску новостей, он сидел и ухмылялся как ненормальный).

Вот так случилось, что уже на следующий после Четвертого июля уик-энд он очутился на предательски шаткой платформе в восьмидесяти футах над землей с малярной кистью в руке. Как-то раз налетела внезапная гроза, и порыв ветра оборвал один из тросов с такой легкостью, словно это была нитка. По счастью, страховочная веревка, обмотанная вокруг пояса, выдержала, и он медленно спустился на крышу химчистки в полной уверенности, что никакая сила на свете (и уж тем более — стремление обзавестись телевизором) не загонит его обратно. Однако он вернулся. Не ради телевизора, но ради Мэри. Ради ее прекрасных грудей в матовом свете ночника; ради ее горделивой улыбки и бесенят в глазах, которые временами светлели, а порой вдруг недобро темнели, как летнее небо в грозу.

Он закончил красить трубу в начале сентября; теперь она ярко белела, словно палец на фоне неба, словно проведенная мелом черточка на голубой классной доске. Смывая с рук краску с помощью растворителя, он с гордостью взирал на свое творение.

Дон Таркингтон выдал ему чек на триста долларов.

— Недурно, весьма недурно, — похвалил он. — Учитывая особенно, какой осел это сотворил.

Еще пятьдесят долларов он заработал, отштукатурив стены детской комнаты у Генри Чалмерса — в те дни Генри был управляющим на фабрике — и выкрасив заново старенький «крайслер» Ральфа Тремонта.

И вот настало восемнадцатое декабря. Они с Мэри уселись за небольшой обеденный стол напротив друг друга, словно соперничающие друзья-ковбои на Диком Западе. Он выложил перед Мэри триста девяносто долларов — на положенную в банк сумму набежали неплохие проценты.

Мэри же заработала целых четыреста шестнадцать долларов. Она вынула увесистую пачку из кармана передника.

Пачка была куда толще, чем у него, — в основном она состояла из однодолларовых купюр и пятерок.

Широко раскрыв от изумления глаза, он спросил:

— Господи, Мэри, как тебе это *удалось*?

Улыбаясь, она ответила:

— Я сшила двадцать шесть платьев, подрубила сорок девять подолов, обшила каймой шестьдесят четыре юбки; а еще сшила тридцать одну юбку, сделала три выкройки, выткала четыре ковра, связала пять свитеров, два шерстяных платка, изготовила один набор скатертей и салфеток; а еще вышила шестьдесят три носовых платка, двенадцать наборов полотенец и двенадцать наволочек... До сих пор мне по ночам все эти монограммы снятся.

Смеясь, она вытянула вперед руки, и впервые за все время он увидел мозоли на подушечках ее пальцев, словно у профессионального гитариста.

— Господи, Мэри, — произнес он внезапно охрипшим голосом, — что сталось с твоими руками.

— Руки как руки, — ответила она; глаза ее потемнели, и в них снова заплясали бесенята. — А ты, Барт, замечательно смотрелся на верхотуре. Меня так и подмывало приобрести пращу и запулить каменюку тебе в зад...

Он взревел, вскочил и бросился к ней. Мэри, хохоча во все горло, кинулась наутек, через гостиную — в спальню. Где он ее и настиг. И где, если я точно помню, мы и провели с ней остаток дня, Фредди.

Они подсчитали, что денег на настольный телевизор им хватает с лихвой, а вот на встроенную модель недостает каких-то сорока долларов. Владелец магазина «Джон» (и этот магазин был уже похоронен под продолжением автомагистрали номер 784, как и «Гранд», да и многое другое) сказал, что с радостью отдаст им телевизор в рассрочку хоть сейчас и всего за десять долларов в неделю...

— Нет, — отрезала Мэри.

Джона ее отказ озадачил.

— Но ведь речь идет всего о каких-то четырех неделях, — обиженно сказал он. — Лучших условий кредита вам нигде не предложат.

— Одну минутку, — сказала Мэри и вывела мужа из магазина на украшенную к Рождеству улицу, где из каждого окна и из каждой двери неслись веселые рождественские мелодии.

— Мэри, — начал он, — Джон прав. Он ведь предлагает нам очень выгодные...

— Первое, что мы купим в кредит, Барт, будет наш собственный дом, — твердо заявила Мэри. Лобик ее слегка наморщился. — Теперь выслушай...

Они вернулись в магазин.

— Вы не могли бы оставить его для нас? — попросил он Джона с места в карьер.

Тот замялся:

— Может быть... если ненадолго. Сейчас ведь все хорошо продается, мистер Доус. На сколько?

— Только до понедельника, — сказал он. — Я зайду вечером. Перед закрытием.

Весь уик-энд они провели за городом, на студеном воздухе, дожидаясь снегопада, который так и не начался. Они медленно колесили по проселочным дорогам, хихикая, как дети. Он прихватил с собой полдюжины пива, а Мэри припасла бутылку вина. Бутылки из-под выпитого пива они не только сохранили, но нашли еще великое множество; целые мешки бутылок из-под пива и газировки. Маленькие бутылочки стоили два цента, а большие принимали по пять. Да, тот уик-энд вышел для них чертовски трудным, вспоминал Барт, длинные волосы Мэри развевались на ветру над воротником ее куртки из искусственной кожи, щечки раскраснелись. Он словно воочию видел, как она спускалась в кюветы, засыпанные опавшими листьями, разгребая листву ногами, шурша при этом, словно огонь, пожирающий сухую траву на лугу... наградой служило звяканье стекла, и Мэри извлекала

из канавы очередную бутылку и торжествующе, по-детски, улыбаясь до ушей, махала ею над головой.

А ведь сейчас уже стеклянную посуду не принимают, Джорджи. Ни залога тебе сейчас, ни возврата тары. Выпей и выброси — вот девиз наших дней.

В тот понедельник, после работы, они сдали бутылок на тридцать один доллар, распределив добычу по четырем супермаркетам. К Джону они подоспели за десять минут до закрытия.

— Мне не хватает девяти долларов, — огорченно сказал он Джону.

Джон махнул рукой и быстро написал «Оплачено» на сертификате продажи, приложенном к огромному телевизионному приемнику «Зенит».

— Весслого Рождества, мистер Доус, — пожелал он. — Сейчас я выкачу тележку и помогу вам выбраться на улицу.

Они доставили телевизор домой, и взволнованный Дик Келлер, сосед с первого этажа, помог им втащить его в их квартиру на третьем этаже. В ту ночь они смотрели телевизор, пока не отыграл национальный гимн на последнем канале, а потом предались любви перед таблицей настройки; с непривычки головы у обоих раскалывались.

Никогда с тех пор телевизор не доставлял им столько удовольствия.

Мэри вошла в комнату и увидела, что он пялится на экран, держа в руке опустевший стакан.

— Ужиб готов, Барт, — сказала она. — Тебе сюда прибести?

Он посмотрел на жену, пытаясь вспомнить, когда в последний раз видел на ее губах задорную улыбку... Заодно он попробовал припомнить, когда именно тоненькая бороздка между бровями превратилась в постоянную морщинку, шрам, татуировку, напоминающую о возрасте.

Господи, на кой черт мне дались такие дурацкие мысли, подумал он. Никогда прежде меня ничто подобное не интересовало. Что бы это значило?

— Барт?

— Давай поужинаем в столовой, — сказал он. Затем встал и выключил телевизор.

— Хорошо.

Они уселись за стол. Он посмотрел на подносик из алюминиевой фольги с разогретым ужином. Шесть маленьких отделений, в каждое из которых было словно впрессовано нечто съестное. Мясо покрывала подлива. У него возникло впечатление, что мясо в таких быстрозамороженных блюдах всегда покрыто подливой. Он вдруг подумал, что без подливы мясо казалось бы голым. Затем, без всякой видимой причины, вдруг представил себе облысевшего Лорна Грина. *Плешивый как коленка.*

На сей раз это его не рассмешило. Напротив — немного напугало.

— О чеб ты таб убыбабся в гостибой, Барт? — спросила Мэри. Глаза ее покраснели, а уголки носа вспухли.

— Не помню, — ответил он, а сам подумал: *Господи, а ведь я сейчас закричу. Или в голос зарыдаю. По всему, что мы потеряли. По твоей улыбке, Мэри. Извини, если я сейчас запрокину голову назад и закричу от тоски по твоей канувшей навсегда улыбке. Ладно?*

— Вид у тебя быб совершеббо счастливый, — добавила она.

И вот вопреки своей воле — это была тайна, а сегодня он испытывал нужду в своих секретах, сегодня его чувства были натянуты, как нерв, — вопреки своей воле он сказал:

— Я думал о том времени, когда мы отправились собирать бутылки, чтобы расплатиться за этот телевизор.

— А, побятбо, — протянула Мэри и шумно высморкалась в носовой платочек прямо над своим алюминиевым подносиком.

В придорожном супермаркете недалеко от их дома он столкнулся нос к носу с Джеком Хобартом. Тележка Джека была доверху загружена замороженными продуктами, консервными банками и пивом.

— Привет, Джек! — воскликнул он. — Какими судьбами?

Джек натянуто улыбнулся.

— Никак не могу привыкнуть к местным магазинам, — ответил он, словно оправдываясь. — Вот и подумал, заскочу-ка сюда по старой памяти...

— А где Эллен?

— Ей пришлось улететь в Кливленд, — сказал Хобарт. — На похороны матери.

— Господи, вот жалость. Внезапно, да?

Их обходили другие покупатели, толкая перед собой тележки. Сверху из невидимых репродукторов лилась негромкая музыка; приятная, но незапоминающаяся. Мимо прошла женщина, волоча за руку упирающегося и заплаканного мальчонку лет трех.

— Да, внезапно, — вздохнул Джек Хобарт. Бессмысленно улыбаясь, он потупил взор и уставился на свою тележку. Сверху громоздился здоровенный ярко-желтый пакет с броской надписью:

КИТТИ-ПАН КИТТИ-СВИТИ
Используй и выброси!
Соблюдайте гигиену!

— Как гром среди ясного неба, — продолжил Хобарт. — Конечно, чувствовала она себя неважнецки, но думала, что это естественно для женщины; годы берут свое и прочее. А оказалось, что у нее рак. Ее разрезали, посмотрели и — тут же зашили. А три недели спустя она умерла. Страшный удар для Эллен. Ведь мама была всего на двадцать лет старше ее.

— Да, — кивнул он.

— Так что она пока побудет в Кливленде.

— Понятно.

— Так вот.

Они обменялись понимающими взглядами и смущенно улыбнулись друг другу.

— Ну как там? — спросил он. — В Норт-Сайде?

— По правде говоря, Барт, пока не очень. Народ там не слишком дружелюбный.

— Да ну?

— Ты ведь знаешь, что Эллен в банке служит?

— Конечно.

— Так вот, многие девчонки устроили там нечто вроде автомобильного общака. Я давал Эллен нашу машину каждый четверг — это был ее вклад в общий котел. Ну а в Норт-Сайде тоже есть нечто подобное, но там женщины входят в особый клуб, членам которого позволяют пользоваться общими автомобилями. Только вот Эллен в него не приняли — для того чтобы стать членом, нужно прожить в Норт-Сайде не меньше года.

— Слушай, Джек, от этого попахивает дискриминацией.

— Да ну их в задницу! — гневно выпалил Джек. — Теперь Эллен не вступит в их вонючий клуб, даже если они будут на карачках перед ней ползать. Я купил для нее машину. Подержанный «бьюик». Она в него просто влюблена. Надо было пару лет назад это сделать.

— А как дом?

— Прекрасный, — ответил Джек и снова вздохнул. — Электричество только дороговато обходится. Видел бы ты наши счета! Для семьи с ребенком в колледже это серьезно.

Ни один из них не спешил расставаться. Уняв гнев, Джек теперь снова смущенно улыбался. И вдруг его осенило — Джек до смерти рад их встрече и пытается оттянуть миг разлуки. Он вдруг представил себе Джека, который бесцельно слоняется по пустому дому, не зная, чем себя занять, пока жена за тысячу миль от дома предает мать земле.

— Слушай, а почему бы тебе не заглянуть к нам? — предложил он. — Посидим, пивка попьем, послушаем, как Говард Коуселл объясняет, что за чертовщина в нашем футболе творится.

Джек расцвел.

— Что ж, это было бы замечательно.

— Дай только Мэри позвоню, чтобы приготовилась.

Расплатившись в кассе, он позвонил Мэри, и Мэри охотно согласилась. Она сказала, что оставит им закуску, а сама ляжет в постель, чтобы не заразить Джека.

— Как ему на бовоб бесте? — полюбопытствовала она.

— Вроде бы неплохо. Слушай, Мэри, у Эллен умерла мать. Она улетела в Кливленд на похороны. Рак.

— Боже, какой кошбар!

— Вот я и подумал, что Джека нужно немного приободрить, и поэтому...

— Да-да, я побибаю. — Чуть помолчав, она спросила: — Ты сказаб ему, что скоро бы опять стабеб соседяби?

— Нет, — ответил он. — Пока не сказал.

— А зря. Это его уж точбо взбодрит.

— Хорошо. Пока, Мэри.

— Пока.

— Выпей аспирин, прежде чем ляжешь.

— Ладбо.

— Пока.

— Пока, Джордж.

Он уставился на телефонную трубку, словно завороженный. Ведь так она называла его только в тех случаях, когда была им очень довольна. Ведь всю эту игру во Фреда-Джорджа придумал Чарли.

Вместе с Джеком Хобартом они отправились домой. Посмотрели футбольный матч. Напились пива. Но радости это ему не доставило.

В четверть первого, залезая в машину, Джек приподнял голову и пробормотал:

— А все эта проклятая магистраль, чтоб ее разорвало! Из-за нее вся эта хренотень!

— Точно, — кивнул он. И внезапно ему пришло в голову, что Джек выглядит жутко постаревшим. Это его напугало — ведь Джек одних с ним лет.

— Не пропадай, Барт.

— Хорошо, Джек.

Они улыбнулись друг другу, немного пьяно и немного опустошенно. Затем он проводил взглядом автомобиль Джека, пока огни фар не скрылись за косогором.

27 ноября 1973 года

С похмелья у него немного болела голова, да и в сон клонило. Дребезжание стиральных машин, равномерный гул, шипение и громыхание отжимных агрегатов и гладильных прессов болезненно долбили по барабанным перепонкам, словно отбойные молотки.

Но еще хуже ему было из-за Фредди. Он сегодня точно взбесился.

Слушай, говорил ему Фред. Это твой последний шанс. У тебя осталось несколько часов, чтобы зайти к Монахану. Если протянешь до пяти часов, потом будет поздно.

Но ведь срок опциона заканчивается только в полночь.

Верно. Однако едва истечет рабочее время, как Монахан спешно кинется навещать своих дальних родственников. На Аляске. Ведь лично для него это будет означать весьма ощутимую разницу между сорока пятью и пятьюдесятью тысячами долларов. Лакомая сумма. Стоимость нового автомобиля. За такие деньги можно отыскать родственников где угодно, даже в бомбейской канализации.

Однако все это не имело значения. Он уже отрезал себе пути к отступлению. Сжег за собой мосты. Словно загипнотизированный, он с каким-то необъяснимым сладострастием ждал неминуемого взрыва, который должен был разнести все в клочья. В животе мерзко урчало.

Большую часть дня он провел в стиральном отделении, наблюдая за тем, как Рон Стоун с Дейвом проверяют эффективность нового моющего средства. От гула и грохота в голове гудело, но по крайней мере этот адский шум заглушал его собственные мысли.

* * *

По окончании работы он вывел машину со стоянки — Мэри с удовольствием разрешила ему попользоваться их автомобилем, поскольку он собирался смотреть новый дом, — и, прокатив через весь город, въехал в Нортон.

На всех углах и возле баров здесь стояли чернокожие. Рестораны наперебой предлагали блюда со скидками. Детишки резвились и прыгали на расчерченных мелом тротуарах. На глазах у него пижонский автомобиль — огромный розовый «эльдорадо» подкатил к подъезду многоквартирного дома. Из него вылез темнокожий гигант ростом с Уилта Чемберлена*; голову его венчала белая плантаторская шляпа, а одет он был в белоснежный костюм с перламутровыми пуговицами и черные туфли на платформе с огромными золотыми пряжками по бокам. В руке он держал массивную трость с круглым набалдашником из слоновой кости. Он медленно и величественно обогнул капот автомобиля, увенчанный рогатыми карибу. На шее у гиганта висела серебряная цепь с крохотной серебряной ложечкой, ярко и весело подмигивавшей на солнце. Он видел в зеркальце заднего вида, как к великану бросились детишки и начали клянчить у него конфеты.

А еще через девять кварталов жилые дома стали редеть, тут и там перемежаясь с полями и болотистыми прогалинами. Болотца и пруды с маслянистой водой темнели между лесистыми холмами, поверхность их радужно переливалась. Слева на горизонте заходил на посадку самолет; там размещался городской аэропорт.

Он ехал по дороге номер 16 мимо городских окраин. Миновал «Макдоналдс». Затем закусочную «Шейки», гриль-бар «Нино». Оставил позади пару мотелей, закрытых по случаю межсезонья. Проехал мимо открытого кинотеатра для автомобилистов, вывеска которого гласила:

---

* Знаменитый американский баскетболист из НБА, первым набравший сто очков за игру.

ПЯТ — СУБ — ВСК

БЕСПОКОЙНЫЕ ЖЕНЫ
НЕКОТОРЫЕ БЕГУТ (ЭРОТ.)
ОПАСНОСТЬ

Позади остались кегельбан и автостоянка, также закрытая на зиму. Бензозаправочные станции — обе с плакатами:

ИЗВИНИТЕ — БЕНЗИНА НЕТ

До выделения декабрьской квоты оставалось еще четыре дня. Он не мог заставить себя сочувствовать стране, угодившей в кризис, достойный пера писателя-фантаста, но вот маленьких людей, которым ни за что ни про что прихлопнуло яйца захлопнувшейся дверью, ему было искренне жаль.

Еще миля, и он подкатил к зданию с вывеской «Подержанные машины Мальоре». Он сам не знал, что ожидал увидеть, но испытал легкое разочарование. Уж больно второразрядным и аляповатым выглядело заведение. Все автомобили выстроились на стоянке капотами к дороге под развевающимися на ветру флагами — красными, желтыми, синими и зелеными, — укрепленными между флюоресцентными лампами, которые, видимо, освещали стоянку по ночам. Ценники с броскими характеристиками были приклеены к ветровым стеклам:

795 ДОЛЛАРОВ
БЫСТРА КАК ВЕТЕР!

или:

550 ДОЛЛАРОВ
НАДЕЖНА И БЕЗОТКАЗНА!

А на запыленном стареньком «вальянте» со спущенными шинами и разбитым стеклом:

75 ДОЛЛАРОВ
ОСОБЕННАЯ КОНСТРУКЦИЯ!

Продавец в серо-зеленом комбинезоне улыбался и кивал, слушая молодого парня в красном шелковом пиджаке. Они стояли возле голубого «мустанга» с проржавевшим корпусом. Парень что-то процедил и пнул ногой дверцу, которая жалобно заскрипела. С нее посыпались хлопья ржавой краски. Продавец только пожал плечами, не переставая улыбаться. «Мустанг» же безмолвствовал, дряхлея буквально на глазах.

Посреди стоянки разместились в одном здании гараж и контора. Он подъехал ко входу и, остановив машину, вышел.

На подъемнике в гараже стоял изрядно обветшавший «додж» с гигантскими крыльями. Под машиной возился механик, руки которого были настолько перепачканы маслом, что казались затянутыми в темные перчатки.

— Эй, мистер, здесь нельзя парковаться, — крикнул механик. — Вы нам въезд перегородили.

— А где мне поставить машину?

— Если вы в контору идете, то поставьте ее сзади, за углом гаража.

Он уселся в свой «ЛТД» и обогнул изглоданный ржавчиной угол железного гаража, стараясь держаться подальше от выстроившихся рядком автомобилей. Подыскал свободное место, поставил машину и выбрался наружу. Резкий порыв ветра невольно заставил его поморщиться. После прогретого салона пронизывающий ветер казался ледяным, и ему пришлось прищуриться, чтобы на глаза не навернулись слезы.

За гаражом разместилось автомобильное кладбище. Оно растянулось на сотни ярдов, казалось бесконечным. С большинства машин запчасти были давно сняты, и теперь остовы автомобилей скорбно маячили, словно окоченевшие трупы жертв свирепой эпидемии, которые из-за их заразности так и не удосужились предать земле хотя бы в братской могиле. Пустые глазницы вывинченных фар взирали на него с безмолвной укоризной.

Он вернулся ко входу. Механик устанавливал глушитель на «додж». Рядом с ним на снятом колесе стояла открытая бутылка кока-колы.

Он обратился к механику:

— Мистер Мальоре у себя?

Почему-то, разговаривая с автомеханиками, он всегда ощущал себя последним болваном. Свою первую машину он приобрел двадцать четыре года назад, однако и сейчас, обращаясь к механику, чувствовал себя сопливым мальчишкой.

Обернувшись через плечо, но не прекращая работать, механик нехотя процедил:

— Да, он там с Мэнси. В конторе.

— Спасибо.

— Не за что.

Он прошел в контору. Стены были отделаны под сосну, а пол устлан грязноватым линолеумом в красно-белую клетку. На столике между двумя старенькими креслами громоздились журналы — главным образом «Потусторонняя жизнь», «Охота и рыболовство» и «Помощник яхтсмена». В креслах никто не сидел. Единственная дверь вела, по всей видимости, в кабинет, а слева расположилась крохотная застекленная кабинка наподобие театральной кассы. В кабинке сидела женщина, усердно высчитывавшая что-то с помощью арифмометра. В ее волосы был воткнут желтый карандаш. На тощей груди висели на сверкающей цепочке очки в переливающейся оправе.

Немного нервничая, он приблизился к кабинке. И даже облизнул губы, прежде чем заговорить.

— Э-э, прошу прощения.

Женщина подняла голову:

— Да?

Он с трудом подавил в себе желание закричать: *«Вызови сюда Циклопа Сэла, сука! И пошевеливайся!»*

Вместо этого он вежливо произнес:

— Мистер Мальоре назначил мне встречу.

— В самом деле? — Она кинула на него изучающий взгляд, затем покопалась в каких-то бумажках и, достав одну из них, спросила: — Вы Доус? Бартон Доус?

— Да.

— Заходите.

Сухо улыбнувшись, она снова погрузилась в свои расчеты, ожесточенно накручивая ручку арифмометра.

Он жутко нервничал. Наверняка ведь они понимают, что предлог для встречи у него фальшивый. Из вчерашних слов Мэнси было совершенно очевидно, что продажа подержанных автомобилей нужна им лишь для прикрытия. И они знали, что он это знает. Может, будет лучше, если он сейчас повернет, выйдет отсюда и помчит на всех парах к Монахану в надежде перехватить риэлтера, прежде чем тот улетит на Аляску, в Тимбукту или еще куда.

Наконец-то, хмыкнул Фредди. Наконец-то ты образумился. Давно бы так.

Пропустив слова Фредди мимо ушей, он толкнул дверь и вошел в кабинет. Там находились двое. За столом сидел пузатый мужчина в очках с толстенными линзами. Его собеседник был тощ как спичка и облачен в розовый пиджак спортивного покроя, напомнивший ему пиджак Винни. Он склонился над столом, разглядывая какой-то каталог.

При его появлении оба подняли головы. Мальоре улыбнулся. В очках его глаза казались выцветшими и огромными, словно желтки сваренного вкрутую яйца.

— Мистер Доус?

— Да.

— Очень рад, что вы заехали. Не закроете ли дверь?

— Хорошо.

Он закрыл дверь и повернулся. Мальоре больше не улыбался. Как, впрочем, и Мэнси. Оба пристально разглядывали его, а в комнате, казалось, похолодало градусов на двадцать.

— Ну? — требовательно буркнул Мальоре. — Какого хрена вы там наболтали про эти «эльдорадо»?

— Я хотел просто поговорить с вами.

— Разговариваю я бесплатно. Но не с такими засранцами, как вы. Позвонили Питу, наплели ему с три короба. Говорите, мистер. Только ближе к делу.

Не отходя от двери, он проблеял:

— Мне говорили, у вас можно кое-что купить.

— Угу. Машины. Я торгую подержанными машинами.

— Нет. — Он покачал головой. — Я не то имею в виду. Мне нужно... — Он обвел глазами стены, облицованные под сосну. Может, они нашпигованы «жучками»? — Мне нужно нечто другое, — неловко закончил он.

— Что вы имеете в виду? «Дурь», девок, подпольные ставки? Или пушку хотите, чтобы жену или босса ухлопать? — Увидев, что он вздрогнул, Мальоре громко расхохотался: — Нет, мистер, для подсадной утки вы играете недурно. Прикинулись, будто «жучков» опасаетесь, верно? Этому в вашей полицейской академии в первую очередь учат, да?

— Послушайте, я вовсе не...

— Замолчите, — велел ему Мэнси. И взял в руки каталог. Ногти у него были с маникюром, холеные. Ему никогда прежде не приходилось видеть столь ухоженных ногтей, разве что в телевизионных рекламных роликах — у актеров, призывающих поглощать аспирин. — Если Сэл захочет вас слушать, он вам сам скажет.

Он заморгал и послушно прикусил язык. Казалось, будто все это происходит в каком-то дурном сне.

— Что-то, ребята, вы в последнее время глупеете, — промолвил Мальоре. — Ну и пес с вами. С тупицами даже проще. Мне, во всяком случае. Ну да ладно. Уверяю вас, хотя вы и сами это отлично знаете, — мой кабинет не прослушивается. Мы его каждую неделю проверяем. Вернее — чистим. У меня дома целая коробка этих «жучков». Каких там только нет — контактные, пуговки, дистанционные. Магнитофончики «Сони» величиной с вашу ладонь. Они уже перестали меня прослушивать. Но теперь вот подсадных уток подсылают. Или селезней.

— Я вовсе не подсадная утка, — тупо пролепетал он, услышав свой голос словно со стороны.

На физиономии Мальоре появилось наигранное изумление. Он обратился к Мэнси:

— Ты слышал? Этот тип уверяет, что он не подсадная утка.

— Угу, слышал, — кивнул Мэнси.

— Как по-твоему, он похож на засланного?

— Еще как, — сказал Мэнси.

— И разговаривает как засланный, да?

— Точно.

— Если вы не подсадная утка, то кто? — спросил Мальоре, глядя на него.

— Я... — Он замялся, не зная, что сказать. Кто он в самом деле? Помоги, Фред!

— Ну давайте же, не тяните кота за хвост, — торопил его Мальоре. — Полиция? Контора шерифа? Бюро наркотиков? ФБР? Как по-твоему, Пит, он похож на феда?

— Вылитый федик, — кивнул Пит.

— Да, даже шериф не подослал бы такого засранца, как вы, мистер, — брезгливо поморщился Мальоре. — Значит, остается одно из двух: вы либо фед, либо частный детектив. Кто именно?

Он почувствовал, что закипает.

— Выставь его вон, Пит, — сказал Мальоре, теряя к нему всякий интерес.

Мэнси привстал со стула, по-прежнему не выпуская из рук каталог.

И тут его прорвало.

— Вы просто мудозвон! — заорал он. — Вы настолько тупы, что вам повсюду копы мерещатся, даже под собственной кроватью. Небось думаете, что они вашу жену трахают, пока вы здесь торчите?

Глаза Мальоре, увеличенные мощными линзами, полезли на лоб. Мэнси словно окаменел с отвисшей челюстью.

— Мудозвон? — переспросил Мальоре, вертя слово на языке подобно тому, как плотник вертит в руках незнакомый инструмент. — Он назвал меня мудозвоном?

Он, похоже, сам не верил тому, что произнес.

— Я отведу его за гараж, — предложил Мэнси. — Обучу вежливости.

— Погоди-ка, — выдохнул Мальоре. В его взгляде читалось любопытство. — Так вы и правда обозвали меня мудозвоном или мне померещилось?

— Я не полицейский, — ответил он. — Но я и не преступник. Я просто обыкновенный обыватель. Мне рассказали, что вы продаете кое-что людям, у которых достаточно денег. Так вот, деньги у меня есть. Я не знаю, какой тут нужно произнести пароль или чью рекомендацию получить, чтобы вы мне поверили. Да, я назвал вас мудозвоном. И мне очень жаль, если лишь из-за этого ваш человек не сможет теперь меня избить. Я... — Он снова облизнул губы, не зная, как продолжать. Мальоре и Мэнси смотрели на него словно завороженные, как будто у них на глазах он превратился в мраморную статую.

— Мудозвон, — прошептал Мальоре, качая головой. — Обыщи-ка его, Пит.

Пит подошел и похлопал его по обоим плечам, кивком указав на стену.

— Обопритесь руками о стенку, — приказал он в самое ухо. От него пахло аптечкой. — Ноги назад. Как в полицейских сериалах.

— Я не смотрю полицейские сериалы, — сказал он, хотя прекрасно понимал, что имеет в виду Мэнси, поэтому принял правильную позу.

Мэнси ощупал его ноги и — с безразличием врача — промежность, запустил руку под ремень, похлопал по бокам и провел пальцем под воротничком.

— Он чист, — сказал Мэнси.

— Хорошо, повернитесь, — разрешил Мальоре.

Он повернулся. Мальоре разглядывал его с нескрываемым любопытством.

— Подойдите.

Он подошел к столу.

Мальоре постучал по стеклу, покрывавшему стол. Под стеклом были разложены фотоснимки. Смуглая улыбающаяся женщина в темных очках, задвинутых на волосы; загорелые детишки, плавающие в бассейне; сам Мальоре, величественно, словно король Фарук, шествующий по пляжу в сопровождении крупной шотландской овчарки.

— Выкладывайте, — сказал он.

— Что?

— Все, что у вас в карманах. Выкладывайте на стол.

Он хотел было возразить, но затем вспомнил о Мэнси, который стоял за плечом, и, пожав плечами, подчинился. И принялся выкладывать.

Сначала он достал из карманов пальто корешки от билетов, по которым они с Мэри в последний раз смотрели кино. Какой-то мюзикл, название которого не запомнилось.

Потом снял пальто. Начал последовательно опустошать карманы пиджака. Зажигалка «Зиппо» с выгравированными на ней его инициалами — БДД. Пачечка запасных кремней. Пачка сигарет. Таблетки от изжоги. Квитанция из авторемонтной фирмы, где ему установили зимние покрышки.

Посмотрев на квитанцию, Мэнси довольно ухмыльнулся:

— Да вас там как липку ободрали!

Он снял пиджак. В нагрудном кармане рубашки не нашлось ничего, кроме комочка ваты. Из правого кармана брюк он выгреб ключи от машины и сорок центов мелочью, в основном пятицентовыми монетками. По какой-то неведомой причине десятицентовики, которыми можно было платить за стоянку, вечно избегали его, а вот пятицентовики, которые для этой цели не годились, сыпались как из рога изобилия.

Затем он достал из заднего брючного кармана бумажник и положил на стекло рядом со всем остальным.

Мальоре взял бумажник и, покрутив в руках, уставился на выцветшую монограмму — Мэри подарила бумажник на его день рождения четыре года назад.

— Что означает среднее «Д»? — спросил Мальоре.

— Джордж.

Мальоре раскрыл бумажник, извлек наружу все содержимое и разложил перед собой, словно пасьянс.

Сорок три доллара — две двадцатки и три однодолларовые купюры. Кредитные карточки: «Шелл», «Саноко», «Арко», «Грантс», «Сирс», «Супермаркет Кери», «Американ экспресс». Водительские права. Страховая карточка. Карточка донора, вторая группа крови. Библиотечная карточка. Пластиковая раскладушка с фотокарточками. Закатанное в пластик свидетельство о рождении. Старые счета и квитанции; некоторые из них уже расползались по сгибам. Выписки из банковского счета, среди которых попадались даже такие, что были датированы еще прошлым июнем.

— Что это за мусорная свалка? — раздраженно спросил Мальоре. — Вы никогда не наводите порядок в собственном бумажнике? Набиваете его всякой дрянью и таскаете с собой? Да так он и года не протянет.

Он пожал плечами:

— Просто я не люблю расставаться со своими вещами.

Он вдруг задумался — как странно: он обиделся, когда Мальоре назвал его засранцем, а вот унизительный обыск нисколько не вывел его из себя.

Мальоре раскрыл раскладушку, заполненную фотоснимками. На первом из них была Мэри, которая дурашливо закатила глаза и высунула язык. Старая карточка. Мэри на ней была совсем худенькая.

— Ваша жена, что ли?

— Да.

— Наверное, хорошенькая, когда не позирует фотографу, — заметил Мальоре.

Он посмотрел на следующую и улыбнулся.

— А, ваш малыш? У меня почти такой же. Сколько ему лет? В бейсбол играет?

— Да, это был мой малыш. Он умер.

— Жаль. Несчастный случай?

— Опухоль мозга.

Мальоре сочувственно поцокал языком и просмотрел оставшиеся фотографии. Дом на Западной Крестоллен-стрит. Он рядом с Томом Грейнджером в прачечной, возле стиральных машин. Он же на трибуне во время собрания работников служб быта, представляя оратора. Барбекю на заднем дворе, где он стоял в поварском колпаке и фартуке с надписью ПАПОЧКА ЖАРИТ, А МАМКА КЕМАРИТ.

Мальоре отложил раскладушку в сторону, сложил кредитные карточки в стопку и придвинул ее к Мэнси.

— Сними с них копии, — сказал он. — А заодно и с банковских чеков. — Он хохотнул. — Похоже, его жена тоже держит его чековую книжку под замком, как и моя.

Мэнси устремил на него вопросительный взгляд.

— Уж не собираетесь ли вы иметь дело с этой подсадной уткой? — осведомился он.

— Не называй его подсадной уткой, и, возможно, он больше не обзовет меня мудозвоном. — Мальоре невесело усмехнулся. — И не учи меня жить, Пит. За собой лучше смотри.

Мэнси подобострастно хихикнул и вышел, забрав с собой кредитные карточки.

Дождавшись, пока закроется дверь, Мальоре посмотрел на него и снова хохотнул.

— Мудозвон, — промолвил он и покачал головой. — Ну надо же, а ведь до сих пор мне казалось, что меня уже повсякому обзывали.

— Зачем ваш человек собрался копировать мои кредитные карточки?

— У нас есть доступ к компьютеру, — ответил Мальоре. — На временной основе. Знание нужных кодов помогает проникнуть в банки памяти пятидесяти главных корпораций, которые действуют в нашем городе. Вот и я собираюсь вас проверить. Если вы легавый, мы это быстро выясним. Если ваши кредитные карточки липовые, мы это тоже мигом установим. Как, впрочем, и то, что они настоящие, но принадлежат не вам. Хотя, должен признаться, вы меня убедили. Надо же — мудозвон. — Он покачал головой и расхохотался. — Вчера,

случайно, не понедельник был? Ваше счастье, мистер, что вы меня не в понедельник так окрестили.

— Ну а теперь-то я могу вам сказать, что мне нужно?

— Бога ради. Будь на вас хоть шесть магнитофонов, вам меня все равно не подловить. Ловушки ваши мне нипочем. Однако сейчас я ничего слушать не хочу. Приезжайте завтра в это же время, и я сообщу вам, буду вас слушать или нет. Однако даже если вы и чисты, я не обещаю, что соглашусь вам что-нибудь продать. Знаете почему?

— Почему?

Мальоре снова расхохотался:

— Потому что, на мой взгляд, вы чокнутый. У вас не все дома. Ясно?

— Почему? Только из-за того, что я вас так обозвал?

— Нет, — помотал головой Мальоре. — Но вы напомнили мне одну историю, случившуюся со мной, когда я был еще ребенком; одного возраста с моим сыном. Был в нашем райончике один пес. Мы жили тогда в райончике Адское чрево, в Нью-Йорке. До войны еще, во времена Великой депрессии. Так вот, был там один малый, Пиацци, который держал собаку, здоровенную черную суку-метиса по кличке Андреа. Однако все мы называли ее просто собакой мистера Пиацци. Она все время сидела на цепи, но, несмотря на это, озлобленной не была. До поры до времени. Я имею в виду тот самый жаркий денек в августе. Году так в тридцать седьмом. Псина вдруг набросилась на ребенка, который подошел к ней слишком близко, и он угодил на месяц в больницу. Тридцать семь швов на шею наложили. Однако я знал наперед, что так случится. Собака целыми днями сидела на солнцепеке, день за днем, все лето. Примерно в середине июня она перестала вилять хвостом при приближении детей. Потом стала глазами вращать, а вскоре и рычать. Когда это с ней началось, я перестал ее гладить. Собаку мистера Пиацци. А другие ребята надо мной подтрунивали: «Ты что, Сэлли, сдрейфил, да? Обвалился?» А я отвечал: «Нет, я не сдрейфил, но я и не такой болван. Собака озверела, это слепому видно». А они толь-

ко смеялись в ответ: «Собака мистера Пиацци не кусается, это всем известно. Ей хоть в самую пасть голову засунь, и то она не укусит». А я отвечал: «Да гладьте ее сколько влезет, кто вам не дает? А вот я обожду». И вот они прыгали вокруг и орали: «Сэлли сдрейфил, Сэлли — трус, Сэлли — трусливая девчонка, Сэлли за мамину юбку цепляется!» И так далее. Сами знаете, как себя дети ведут.

— Знаю, — кивнул он.

Мэнси вошел и остановился в дверях, слушая их разговор.

— Так вот, самый горлопанистый из них в итоге и поплатился. Луиджи Бронтичелли, так его звали. Правоверный иудей вроде меня. — Мальоре снова захохотал. — Жара в августе стояла такая, что можно было на тротуаре яичницу жарить, и он выбрал именно этот день, чтобы подойти и погладить собаку мистера Пиацци. С тех пор он говорит так, что его с трудом расслышать можно. Сейчас он держит парикмахерскую в Манхэттене и его называют Шепчущий Джи. — Мальоре улыбнулся. — Так вот, вы напоминаете мне собаку мистера Пиацци. Пока вы еще не рычите, но уже вращаете глазами, вздумай кто вас погладить. А уж хвостом вилять давно перестали. Пит, верни ему вещи.

Мэнси отдал ему все, что он выкладывал из карманов.

— Приходите завтра утром, и тогда потолкуем еще, — произнес Мальоре, глядя, как он снова набивает бумажник. — И я бы на вашем месте все-таки выкинул все лишнее. Не бумажник, а мусорная свалка.

— Может, и выкину, — глухо промолвил он.

— Пит, проводи его до машины.

— Хорошо.

Он уже выходил из двери следом за Мэнси, когда Мальоре снова его окликнул:

— А хотите знать, мистер, какая судьба постигла собаку мистера Пиацци? Ее забрали на живодерню и усыпили в газовой камере.

* * *

После ужина, когда Джон Чанселлор распинался по телевизору про то, как ограничение скорости позволило снизить аварийность на автостраде в Нью-Джерси, Мэри спросила его насчет дома.

— Термиты, — ответил он.

Ее лицо вытянулось, словно жевательная резинка.

— Да? Значит, опять мимо?

— Посмотрим, завтра съезжу туда еще раз. Если Тому Грейнджеру посчастливится найти приличного специалиста по выведению насекомых, я его с собой прихвачу. Может, еще удастся что-нибудь сделать.

— Будем надеяться. Такой задний двор и все прочее... — Она мечтательно приумолкла.

Ну молодец, вдруг произнес Фредди. Настоящий сэр Галахад. До чего ловко ты с женой управляешься. Это врожденный дар или тебя научили?

— Заткнись, — сказал он.

Мэри испуганно встрепенулась:

— Что?

— О... Чанселлор, — нашелся он. — От этих умников меня просто мутит... Я имею в виду Джона Чанселлора с Уолтером Кронкайтом на пару. Да и остальные меня достали.

— Они не виноваты, Барт, — вздохнула Мэри, устремив печальный взгляд на экран телевизора. — Они же просто комментаторы. Гонец ведь за послание не отвечает.

— Возможно, — поспешил согласиться он, а сам подумал: *Ну и скотина же ты, Фредди.*

Фредди назидательно повторил ему, что гонец за послание не отвечает.

Некоторое время они молча слушали выпуск новостей. По его окончании показали рекламный ролик про новое средство от простуды — в нем участвовали двое мужчин, головы которых из-за диких соплей превратились в полупрозрачные ледяные кубы. Однако стоило только одному из них

принять пилюлю, как серо-зеленый каркас вокруг головы начал опадать здоровенными кусками, словно штукатурка.

— Сегодня ты уже лучше говоришь, — заметил он. — Совсем не гундосишь.

— Да. Послушай, Барт, как фамилия этого риэлтера?

— Монахан, — машинально ответил он.

— Нет, не того, что тебе фабрику продает. Я имею в виду продавца дома.

— Олсен, — быстро сказал он, выбрав первую попавшуюся фамилию из внутренней мусорной корзины.

Выпуск новостей возобновился. Передали про быстро ухудшающееся состояние Бен-Гуриона. Похоже, что он уже совсем скоро собирался отправиться следом за Гарри Трумэном. Составить ему компанию на том свете.

— А как Джеку там нравится? — спросила она наконец.

Он уже собирался ответить, что Джеку там не нравится вовсе, но вдруг услышал собственный голос:

— Да вроде не жалуется.

Джон Чанселлор закончил выпуск, пошутив насчет летающих тарелок в небе над Огайо.

Он лег спать в половине одиннадцатого и, должно быть, сразу уснул, потому что, проснувшись, увидел, что на кварцевых часах высвечиваются цифры:

11:22.

Во сне он снова был в Нортоне. Стоял на перекрестке Веннер-авеню и Райс-стрит. Прямо под уличным указателем. Неподалеку от него, прямо напротив кондитерской лавки, остановился розовый пижонский автомобиль, капот которого был увенчан рогатыми карибу. Отовсюду высыпали ребятишки поглазеть на это чудо.

А напротив, с другой стороны улицы, возле обшарпанного кирпичного дома, сидел на цепи здоровенный черный пес. Один из мальчишек приближался к нему.

Он хотел крикнуть: *Не трогай эту собаку! Беги за конфеткой!* Но слова никак не вылетали изо рта. Словно при замедленном воспроизведении, пижон в белом костюме и в плантаторской шляпе повернулся, чтобы посмотреть. Конфет у него были полные пригоршни. И детишки вокруг тоже все повернулись. Все они были чернокожие, лишь тот мальчик, что так храбро подходил к собаке, был белый.

Оттолкнувшись задними лапами, пес черной стрелой прыгнул прямо на него, словно выпущенный из катапульты. Мальчик взвизгнул и опрокинулся навзничь, схватившись ручонками за горло. Хлынула кровь, обагрив его пальцы и грудь. Вдруг он обернулся. Это был Чарли.

И вот тогда он проснулся.

Сны. Проклятые *кошмары*.

Его сын умер три года назад.

28 ноября 1973 года

Когда он встал, шел снег, но к тому времени, как он добрался до прачечной, снегопад почти прекратился. Навстречу ему выбежал запыхавшийся Том Грейнджер в рубашке с закатанными рукавами. По лицу Тома он сразу догадался, что ничего хорошего сегодня ждать не придется.

— У нас неприятности, Барт!

— Вот как? Что-то серьезное?

— Очень серьезное. Джонни Уокер угодил в аварию, возвращаясь из «Холидей инн». Какой-то «понтиак» пытался проскочить на красный свет и въехал прямо в него. Возле «Дикмена»... — Том запнулся и осмотрелся блуждающим взором. — По словам полицейских, Джонни сильно пострадал.

— Черт побери!

— Я был там уже через четверть часа. Ты ведь знаешь этот перекресток...

— Да, гнусное место.

Том потряс головой:

— Не будь все так скверно, ты бы посмеялся. Как будто кто-то прачку бомбой подорвал. Повсюду валяются простыни и полотенца с вышивками «Холидей инн». Кто-то даже потихоньку пытался их разворовывать — вурдалаки чертовы! Представляешь, до чего люди докатились? А фургончик наш... Барт, от кабины со стороны водителя вообще ни черта не осталось. Один лом. Джонни выбросило прямо на проезжую часть.

— Он в центральной больнице?

— Нет, в больнице Девы Марии. Джонни ведь у нас католик, ты не знал?

— Поедешь со мной?

— Нет, мне лучше остаться здесь. Рон требует, чтобы я за бойлером следил, а то там давления не хватает. — Он смущенно пожал плечами. — Ты ведь знаешь Рона. Представление состоится при любой погоде.

— Ладно, я сам поеду.

Он вернулся к машине и покатил в больницу Девы Марии. Черт знает что, ведь Джонни Уокер единственный, кроме него самого, кто работал в «Блю Риббон» еще в 1953 году. Собственно говоря, Джонни пришел на работу даже раньше, в 1946-м. Ему эта мысль показалась предзнаменованием; застряла в горле, словно кость. Насколько он знал из газет, по сравнению с новой автомагистралью перекрестки наподобие дикменовского покажутся детскими игрушками.

Кстати, звали Уокера вовсе не Джонни. Его полное имя было Кори Эверетт Уокер — он это знал наверняка, поскольку не раз видел на разных анкетах и формах. Тем не менее даже двадцать лет назад его называли Джонни. Его жена умерла в 1956 году во время отпуска в Вермонте. С тех пор Джонни жил вдвоем с братом, водителем ассенизаторской машины. В «Блю Риббон» было не счесть работников, которые за глаза прозывали Рона «Железным хреном», но только Джонни мог назвать его так прямо в лицо, не поплатившись за это.

Он подумал: если Джонни умрет, то я стану старейшим работником в нашей прачечной. Двадцатый год без перерыва лямку тяну. Как тебе это, Фред?

Но Фреду было не до сантиментов.

Брат Джонни сидел в приемной отделения «Скорой помощи»; на нем были оливковый рабочий комбинезон и черная куртка. Вертя в руках оливковую же шапочку, он неотрывно смотрел в пол.

Услышав шаги, он поднял голову.

— Вы из прачечной? — спросил он.

— Да. А вы... — Он сам не ожидал, что вспомнит имя, но оно вдруг само всплыло в памяти. — Вы Эрни, да?

— Да. Эрни Уокер. — Он перехватил вопросительный взгляд и медленно покачал головой. — Не знаю, мистер...

— Доус.

— Не знаю, что вам и сказать, мистер Доус. Я видел его в операционной. Он забинтован с ног до головы. Грустное зрелище.

— Мне страшно жаль, — сказал он.

— Скверный это перекресток. Причем тот парень, что в него врезался, не так уж и виноват. Он просто затормозить не сумел на скользкой дороге. Так что я его и не виню. Говорят, он нос сломал, а в остальном не пострадал. Удивительно, что в мире происходит, да?

— Да.

— Помню, в начале шестидесятых мне довелось водить грузовик для одной конторы, и я ехал по индианской трассе...

Хлопнула наружная дверь, и вошел священник. Стряхнув снег с ботинок, он поспешил по коридору, едва не сбиваясь на бег. Увидев его, брат Джонни Уокера перепугался не на шутку. Глаза его молитвенно закатились, а губы вдруг мелко-мелко задрожали. Эрни попытался привстать, но он обхватил его за плечи и удержал.

— О Господи! — выкрикнул Эрни. — Он с требником! Вы видели? Собирается отходную прочитать... а может, он вообще уже мертв. *Джонни!*

В приемной сидели и другие люди: подросток со сломанной рукой, престарелая женщина с эластичным бинтом на ноге, мужчина с огромной повязкой вокруг большого пальца. Все они как по команде приподняли головы, посмотрели на Эрни и тут же потупились, уставившись кто на пол, кто в журнал.

— Вы не волнуйтесь, — тупо произнес он.

— Отпустите меня, — сказал Эрни. — Я должен знать...

— Послушайте...

— *Отпустите меня!*

Он разжал пальцы и выпустил брата Джонни. Эрни Уокер поспешно вскочил и кинулся по коридору за угол, куда скрылся священник.

Он с минуту посидел на жестком пластиковом стуле, не зная, что предпринять. Посмотрел на пол, испещренный грязными отпечатками подошв ботинок и черными разводами. Посмотрел на пост дежурной медсестры, где девушка в белом халате разговаривала по телефону. Посмотрел в окно и заметил, что снегопад прекратился.

Вдруг из коридора со стороны операционной донесся нечеловеческий вопль.

Все снова приподняли головы, на каждом лице была написана скорбь, перемешанная с ужасом.

Нечеловеческий вопль повторился, а потом кто-то громко, ну совсем по-щенячьи, заскулил.

Все опять поспешили уткнуться в журналы. Только подросток со сломанной рукой шумно вздохнул и шмыгнул носом.

Он встал и, не оборачиваясь, быстро направился к выходу.

При его появлении тут же сбежались работники прачечной; Рон Стоун даже не пытался их останавливать.

— Ничего не знаю, — сказал он. — Мне так и не удалось выяснить, жив он или мертв. Скоро узнаете. Не знаю я ничего — и все тут.

Он помчался наверх, смятенный и разбитый.

— Вам удалось узнать, как дела у Джонни, мистер Доус? — первым делом спросила его Филлис.

Он впервые заметил, что Филлис, несмотря на причудливо выкрашенные волосы, выглядит жутко старой.

— Дела хуже некуда, — ответил он. — Священник пришел читать над ним последнюю молитву.

Филлис всплеснула руками:

— Господи, какой кошмар! И надо же такому случиться, да еще перед самым Рождеством!

— Кто-нибудь позаботился о белье, что рассыпалось на перекрестке?

Филлис посмотрела на него с укоризной:

— Да, Том посылал за ним Гарри Джонса. Он уже минут пять как вернулся.

— Хорошо, — сказал он, хотя ничего хорошего тут и близко не было. Все обстояло прескверно. Будь на то его воля, он бы залил во все стиральные машины сильную кислоту, чтобы сжечь это поганое белье к чертовой матери. Вот это и вправду было бы хорошо.

Филлис сказала что-то еще, но он не расслышал.

— Что? Извините, я отвлекся.

— Я сказала, что звонил мистер Орднер. Просил вас перезвонить ему как можно быстрее. И еще звонил некий Гарольд Суиннертон. Просил передать, что патроны уже доставили.

— Гарольд... — И тут он вспомнил. Оружейная лавка Гарви. Хотя Гарви уже давно лежал в гробу. — Ах да, верно.

Он вошел в свой кабинет и прикрыл за собой дверь. На столе по-прежнему красовалась табличка с призывом:

ДУМАЙ ГОЛОВОЙ!
Возможно, познаешь новые ощущения

Он схватил ее и швырнул в корзинку для мусора. *Плюх!*

Усевшись за стол, он раскрыл папку с входящими бумагами и не глядя вывалил их все в ту же корзинку. Затем ос-

мотрелся по сторонам. Стены кабинета были облицованы деревянными панелями. На левой стене висели два диплома в рамках: первый — колледжский, а второй — свидетельство об окончании курсов службы быта, которые он посещал летом в 1969 и 1970 годах. На стене за столом красовалась увеличенная фотография, на которой он сам пожимал руку Рэю Таркингтону по случаю открытия новой автомобильной стоянки. Оба они улыбались на фоне здания прачечной. Выкрашенная им труба до сих пор еще сверкала яркой белизной.

Кабинет этот он занимал с 1967 года, уже больше шести лет. Он въехал сюда еще до печальных событий в Кентском университете*, до открытия знаменитого Вудстокского фестиваля**, до убийств Роберта Кеннеди и Мартина Лютера Кинга, до избрания Никсона. Годы его жизни потрачены в этих четырех стенах. Миллионы вдохов и выдохов, миллионы сердечных сокращений. Он еще раз осмотрелся, пытаясь понять, чувствует ли хоть что-нибудь. Он испытывал лишь легкую грусть. И все.

Выпотрошив ящики стола, он отправил в корзинку личные бумаги и личные учетные книги. Написал на обратной стороне стандартного бланка прошение об отставке и опустил его в фирменный конверт с эмблемой «Блю Риббон». Всякую ерунду — скрепки, липкую ленту, чековую книгу и бланки — он оставил на столе.

Затем встал, снял со стены дипломы в рамках и швырнул их в корзинку. Стекло, прикрывающее свидетельство об окончании курсов службы быта, со звоном разбилось. На месте, где висели дипломы, остались два пустых квадратика, которые выделялись на более темном фоне стены. И все.

Зазвонил телефон, и он поднял трубку, думая, что это Орднер. Однако звонил Рон Стоун, снизу.

---

* 4 мая 1970 г. в Кентском университете, штат Огайо, при разгоне студенческой демонстрации солдаты национальной гвардии открыли огонь и убили четверых студентов.

** Знаменитый рок-фестиваль, состоявшийся с 15 по 17 августа под открытым небом в присутствии 400 тысяч зрителей и закончившийся грандиозным разгулом.

— Барт?

— Да.

— Джонни скончался полчаса назад. Похоже, он так и не пришел в сознание.

— Жаль парня. Извини, Рон, но я уже ухожу.

— Возможно, это и к лучшему, — вздохнул Рон. — Но только не достанется ли вам за это от наших боссов?

— Я больше не служу у наших боссов, Рон. Я только что написал прошение об отставке. — Вот. Проговорился. Значит, все — обратного пути нет.

На другом конце линии воцарилось мертвое молчание. Он слышал жужжание стиральных машин и гулкое шипение гладильного пресса. Человека, ненароком затянутого в этот агрегат, ждала примерно такая же участь, как беднягу, попавшего под паровой каток.

— Должно быть, я ослышался, — произнес наконец Рон. — Мне показалось, что вы сказали...

— Нет, Рон, вы не ослышались. Все кончено. Я был счастлив работать бок о бок с вами, Томом и даже Винни, когда он еще умел держать язык на привязи. Но теперь все.

— Но послушайте, Барт. Успокойтесь. Я понимаю, что вы потрясены...

— Это вовсе не из-за Джонни, — перебил он, сам не зная, правда это или нет. Может быть, он еще попытался бы схватиться за спасительную соломинку, чтобы сохранить то тягучее и бесцветное существование, под защитной завесой которого они с Мэри прожили последние двадцать лет. Но, увидев священника, который почти бегом кинулся по коридору в операционную, где умирал (или уже умер) Джонни, и услышав затем нечеловеческий вопль Эрни Уокера, он сдался. Наверное, подобное происходит, когда ведешь автомобиль по виражу, а в последнюю секунду выпускаешь из рук руль и закрываешь ладонями глазами.

— Да, это вовсе не из-за Джонни, — повторил он.

— Но послушайте, Барт... послушайте... — Рон казался совершенно удрученным.

— Рон, давайте поговорим позже, — предложил он, сам даже не зная, хочет того или нет.

— Хорошо. Но только...

Он тихонько положил трубку.

Затем выдвинул ящик стола, достал телефонный справочник и отыскал раздел «Оружие». Набрал номер оружейной лавки Гарви.

— Алло, лавка Гарви.

— Это Бартон Доус, — представился он.

— А, хорошо, что вы позвонили. Патроны вчера вечером доставили. Я же пообещал вам, что до Рождества успеем. Двести штук.

— Отлично. Вы знаете, сегодня днем я страшно занят. Вы вечером работаете?

— Да, вплоть до самого Рождества я закрываюсь в девять.

— Тогда постараюсь к восьми подскочить. В крайнем случае — завтра днем.

— Хорошо. Послушайте, вам не удалось выяснить у своего кузена — речь и в самом деле идет о Бока-Рио?

— Бока... — Ах да, Бока-Рио, куда собрался на охоту его кузен Ник Адамс. — Да, похоже, что он едет именно в Бока-Рио.

— Господи, до чего же я ему завидую. В жизни больше ничего подобного не испытывал.

— Зыбкое прекращение огня, — промолвил вдруг он. И внезапно представил голову Джонни Уокера, приколоченную в виде охотничьего трофея над камином Стивена Орднера с маленькой бронзовой табличкой внизу:

ХОМО ПРАЧЕЧИЕНС
28 ноября 1973
Добыт на перекрестке возле «Дикмена»

— Что-что? — озадаченно переспросил Гарри Суиннертон.

— Я сказал, что тоже ему завидую, — поспешно ответил он и зажмурился. К горлу вдруг подступила тошнота. *Я раз-*

валиваюсь, подумал он. *Это именно так и называется — разваливаться.*

— Что ж, тогда до встречи.

— Да. Спасибо большое, мистер Суиннертон.

Он положил трубку, открыл глаза и снова обвел взглядом стены своего кабинета. Нажал кнопку внутренней связи.

— Филлис?

— Да, мистер Доус?

— Джонни умер. Мы закрываемся.

— Да, я так и поняла, когда увидела, что наши люди уже расходятся.

По тону Филлис он догадался, что она только что плакала.

— Филлис, вы сможете перед уходом связать меня с мистером Орднером?

— Да, конечно.

Он развернулся в кресле и выглянул в окно. Ярко-оранжевый грейдер с огромными, опутанными цепями колесами медленно полз по дороге. Это все их вина, Фредди. Пока эти сволочи из муниципалитета не приняли решение, которое искалечило мою жизнь, я был в полном порядке и не рыпался. Я ведь был в порядке, да, Фредди?

Фредди?

Фред?

Зазвонил телефон, и он снял трубку.

— Доус слушает.

— Вы, наверное, рехнулись, — с места в карьер заявил Стив Орднер. — Совсем умом тронулись.

— Что вы имеете в виду?

— Сегодня утром в половине десятого я сам позвонил мистеру Монахану. Представитель Макана подписал контракт на уотерфордскую фабрику в девять утра. Что, черт побери, случилось, Бартон?

— Мне кажется, нам лучше переговорить об этом с глазу на глаз.

— Это точно. И зарубите себе на носу: вы должны предъявить мне более чем веские причины, если хотите удержаться на работе.

— Да бросьте трепаться, Стив.

— *Что?!*

— Вы и в мыслях не держите оставить меня на работе, пусть даже уборщиком. Я уже написал прошение об увольнении. Оно запечатано в конверте, но я его наизусть помню. «Я увольняюсь». И подпись: «Бартон Джордж Доус».

— Но почему? — Орднер казался потрясенным. Однако он не скулил, как Эрни Уокер. Он сомневался, чтобы Стив Орднер вообще хоть раз скулил или хныкал после того, как ему исполнилось одиннадцать лет. Хныканье и нытье — удел слабых.

— В два часа вас устроит? — спросил он.

— Вполне.

— До свидания, Стив.

— Барт...

Он положил трубку и уставился на стену. Вскоре Филлис всунула голову в кабинет; выглядела она совсем измученной, несмотря даже на свою развеселую прическу. Вид босса, сидящего с мрачным видом в оголившемся кабинете, тоже не прибавил ей настроения.

— Мистер Доус, я пойду, ладно? — робко спросила она. — Впрочем, если хотите, могу и остаться...

— Нет, Филлис, ступайте. Езжайте домой.

Видно было, что она борется с собой, собираясь что-то спросить, но так и не решилась. Он отвернулся и посмотрел в окно, избавляя тем самым ее и себя от щекотливой ситуации. Несколько секунд спустя он услышал, как дверь тихонько закрыли.

Бойлер внизу зарычал и затих. Со стоянки один за другим отъезжали автомобили.

Он сидел в пустом кабинете опустевшей прачечной долго, пока не настала пора ехать к Орднеру. Так он прощался со своим прошлым.

* * *

Контора Орднера располагалась в самом центре, в одном из новехоньких небоскребов, которые энергетический кризис грозил превратить в никчемные и ненужные коробки. Семьдесят этажей стекла и бетона, с трудом обогревающиеся зимой и почти не охлаждающиеся летом. Офисы компании «Амроко» расположились на пятьдесят четвертом этаже.

Он оставил машину в подземном гараже, поднялся на лифте в вестибюль, миновал вращающуюся дверь и прошел к лифтам в правом крыле здания. Вместе с ним в лифте поднималась темнокожая женщина в джемпере, с длинными, красиво подстриженными волосами. В руках у нее был блокнот для стенографии.

— У вас красивая прическа, — сказал он вдруг, без всякой причины.

Женщина смерила его холодным взглядом, но не ответила. Вообще бровью не повела.

Приемная Стива Орднера была обставлена современными стульями; прямо под репродукцией ван-гоговских «Подсолнухов» восседала за столом красивая рыжеволосая секретарша. Пол был устлан косматым ковром перламутрового цвета. Мягкое освещение. Негромкая музыка. Что-то из Мантовани.

Рыженькая секретарша приветливо улыбнулась. Она была в черном джемпере; волосы подвязаны сзади золотистой ленточкой.

— Мистер Доус?

— Да.

— Заходите, пожалуйста.

Он открыл дверь и вошел. Орднер сидел за столом и что-то писал.

Огромное окно за его спиной выходило на запад.

Подняв голову, Орднер отложил ручку.

— Привет, Барт, — негромко поздоровался он.

— Привет, Стив.

— Присаживайтесь.

— Неужели наш разговор будет таким долгим? — не удержался он.

Орднер вперил в него пристальный взгляд.

— Я бы с удовольствием залепил вам пощечину, — процедил он. — Увесистую. Не избил бы, нет — просто отхлестал по щекам. Со страстью.

Он кивнул:

— Я знаю. — Он и правда знал это.

— Вы, наверное, даже не представляете, что потеряли, — продолжил Орднер. — Должно быть, ребята Макана подкупили вас. Думаю, вы получили достаточно. А ведь я лично собирался рекомендовать вас в вице-президенты корпорации. Для начала вам положили бы тридцать пять тысяч в год. Надеюсь, что вам уплатили больше.

— Мне не заплатили ни цента.

— Это правда?

— Да.

— Тогда почему вы это сделали, Барт? Что вас побудило?

— А почему я должен перед вами объясняться, Стив? — Он уселся на стул напротив массивного письменного стола Орднера.

Мгновение Орднер казался растерянным. Он потряс головой, словно боксер, пропустивший сильный, но не слишком опасный удар, затем промолвил:

— Потому что вы мой подчиненный. Хотя бы.

— Это ерунда.

— В каком смысле?

— Послушайте, Стив, я работал у Рэя Таркингтона. Вот это была личность. Его могли не любить, но зато все уважали. Порой во время разговора он мог «пустить ветры», рыгнуть или поковырять в ушах. Но ему все прощали. Ему вообще все с рук сходило. Как-то раз, когда я попал впросак с одним мотелем в Крейгер-Плаза, он мне такую оплеуху залепил, что я в дверь врезался. Вот так он за дело болел. А вы совсем другой, Стив. По большому счету вам ведь начхать на

«Блю Риббон». Да и на меня тоже. Вас только собственная карьера волнует. Вот так-то.

На лице Орднера не отразилось ровным счетом ничего. С таким же успехом оно могло быть высечено из гранита.

— Вы верите в то, что говорите? — только и спросил он.

— Да. «Блю Риббон» волнует вас ровно настолько, насколько это важно для вашего положения в корпорации. Так что нечего мне тут лапшу на уши вешать. Вот, держите.

И он протянул Орднеру заклеенный конверт с прошением об отставке.

Орднер покачал головой.

— А как насчет людей, которых вы так подставили, Барт? Простых людей. Что ни говорите, но ведь вы вертели их судьбами. — Он на мгновение приумолк, словно наслаждаясь сказанным. — Они тоже лишатся работы, ведь прачечную теперь перевести некуда. Вашими стараниями, — мстительно прибавил Орднер.

Доус хрипло расхохотался и сказал:

— Дешевка вы, Стив. И так высоко вознеслись, что дальше своего спесивого носа не видите.

Орднер побагровел. Затем, тщательно подбирая слова, произнес:

— Объяснитесь, Барт.

— Каждый работник нашей прачечной, от Тома Грейнджера до самой низкооплачиваемой уборщицы, застрахован на случай безработицы. Деньги на страховку регулярно вычитают из жалованья. И теперь им эту страховку *выплатят*. — Он презрительно фыркнул: — Вот так-то, дешевка.

Пальцы Орднера сжались. Сцепив руки, словно собираясь читать молитву перед сном, он промолвил:

— Вы забываетесь, Барт.

— Нисколько. Вы сами меня пригласили. Потребовали объяснений. Что, интересно, вы хотели от меня услышать? Как мне жаль, что я сел в лужу? Что я все искуплю? Если я и облажался, то это мое личное дело. Мое и Мэри. А она никогда об этом не узнает. Может, вы собираетесь мне сказать,

что я подвел корпорацию? Это тоже было бы враньем — когда корпорация так раздувается, ей ничто уже не может повредить. Если дела идут неплохо, она извлекает сверхприбыль, если плохо, она все равно получает прибыль, а когда дела вообще катятся в пропасть, она списывает убытки за счет налогов. И вы это прекрасно *знаете*.

— Чем вы теперь займетесь? — спокойно спросил Орднер. — И что будет с Мэри?

— А вам какое дело? Или вы рассчитываете таким образом на меня надавить? Через нее? Ответьте и мне на один вопрос, Стив. Лично вам от этой истории будет хуже? Отразится ли провал на вашем жалованье? На дивидендах? Или хотя бы на пенсии?

Орднер покачал головой из стороны в сторону.

— Ступайте домой, Барт. Вы что-то не в себе.

— Почему? Из-за того, что говорю о вас, а не только о долларах?

— Вы нездоровы, Барт.

— Возможно. А вы?

— Езжайте домой, Барт.

— Домой я не поеду, но вас, так и быть, оставлю — вы ведь этого добиваетесь? Но только ответьте на один вопрос. На секунду забудьте о том, что работаете на корпорацию, и ответьте. Положа руку на сердце скажите: вам есть хоть какое-то дело до всего этого?

Орднер ответил не сразу. За его спиной расстилалась панорама города: целое царство небоскребов, укутанных серой дымкой. Наконец он сказал:

— Нет.

— Я так и думал, — кивнул он, а затем добавил, глядя на Орднера без малейших признаков враждебности: — Я поступил так вовсе не для того, чтобы насолить вам. Или вашей корпорации.

— Но тогда почему? Я ведь на ваш вопрос ответил. Теперь ответьте вы. Ведь вы могли подписать уотерфордский

контракт, верно? А дальше была бы уже не ваша забота. Что вам стоило это сделать?

— Не могу объяснить, — ответил он. — Я прислушивался к себе, к своему внутреннему голосу; однако порой случается так, что сам себя не понимаешь. Я понимаю, звучит это дико и неправдоподобно. Но это правда.

Орднер смотрел на него не мигая.

— Что же будет с Мэри?

Он молчал.

— Езжайте домой, Барт, — вздохнул Орднер.

— А что вы хотите, Стив?

Орднер нетерпеливо потряс головой.

— Я выяснил все, что хотел, Барт. Если хотите поболтать еще с кем-нибудь, то ступайте в бар.

— Но что вы от меня хотите?

— Только одного: чтобы вы ушли отсюда и отправились домой.

— Тогда скажите, чего вы вообще от жизни добиваетесь? У вас есть хоть какая-то цель?

— Оставьте меня, Барт.

— *Отвечайте!* — прогремел он. — Что вам *нужно?* — Он смотрел на Орднера в упор.

Орднер ответил спокойным тоном:

— Я хочу того же, что и все остальные. Отправляйтесь домой, Барт.

Он ушел не оборачиваясь. И больше никогда в этот дом не приезжал.

Когда он поехал к Мальоре, опять повалил снег и большинство машин катили с включенными фарами. Щетки на ветровом стекле размеренно двигались взад-вперед, а растаявшие снежинки стекали вниз, словно слезинки.

Уже привычно оставив машину за гаражом, он обогнул его и прошел прямо к офису Мальоре. Прежде чем войти, посмотрел на свое отражение в стеклянной дверной панели и смахнул с губы тонкую розовую пленку. Разговор с Ордне-

ром здорово выбил его из колеи. Он купил в аптеке склянку пептобисмола и по дороге опустошил ее почти наполовину. Небось, Фред, на неделю теперь запор обеспечен. Однако Фредди дома не оказалось. Должно быть, отправился в Бомбей навестить родню Монахана.

Женщина с арифмометром улыбнулась ему немного загадочно и жестом разрешила войти.

Мальоре в одиночестве читал «Уолл-стрит джорнэл». Увидев его, он через весь стол метко швырнул журнал в корзинку для мусора и буркнул себе под нос, словно продолжая обсуждать что-то с самим собой:

— Черт знает что творится! Верно говорит Пол Харви: все маклеры — просто старые бабы. И когда наконец президент подаст в отставку? Да и подаст ли вообще? Или нет? И разорится ли «Дженерал электрик» из-за энергетического кризиса? Меня уже мутит от всей этой галиматьи.

— Да, — кивнул он, не будучи слишком уверенным, с чем именно соглашается. Он чувствовал себя не в своей тарелке и даже не подумал, а помнит ли еще Мальоре, кто он такой. Что ему сказать? С чего начать? *Помните — я тот самый, который вас вчера мудозвоном обозвал?* Нет, черт возьми, так нельзя.

— Что, опять снег идет?

— Да.

— Терпеть не могу снег. Вот мой братец каждый год в ноябре отваливает в Пуэрто-Рико и остается там до пятнадцатого апреля. Вот что значит сорок процентов акций местного отеля прихватить. Уверяет, что таким образом присматривает за своими вложениями. Чушь собачья. Он и за собственной задницей присмотреть не в состоянии, даже если ему рулон туалетной бумаги дать. Что вам надо?

— А? — Он даже слегка подскочил от неожиданности и тут же почувствовал себя виноватым.

— Вам ведь что-то от меня нужно, верно? Как я могу вам помочь, если не знаю, о чем идет речь?

Теперь, когда вопрос был задан прямо в лоб, ему вдруг стало трудно говорить. Нужное слово никак не хотело слетать с языка. Внезапно он припомнил одну свою детскую выходку и улыбнулся.

— Чего веселитесь-то? — развязно спросил Мальоре. — Бизнес сейчас в такой заднице, что я тоже не прочь посмеяться над хорошей шуткой.

— Однажды, в далеком детстве, я умудрился засунуть себе в рот йо-йо, — сказал он.

— И что тут смешного?

— Я никак не мог его вытащить — в *этом* была самая потеха. Хотя мне было не до шуток. Мама отвела меня к врачу, который сумел извлечь йо-йо. Он внезапно пребольно ущипнул меня за задницу, а когда я раскрыл рот, чтобы заорать, ловко выдрал игрушку.

— Я вовсе не собираюсь щипать вас за задницу, — сказал Мальоре. — Что вы от меня хотите, Доус?

— Взрывчатку, — брякнул он.

Мальоре вытаращился на него. Закатил глаза. Раскрыл было рот, но затем хлопнул себя по отвисшей щеке.

— Взрывчатку, я не ослышался?

— Нет.

— Я знал, что этот парень чокнутый, — пробурчал себе под нос Мальоре. — Сразу после вашего ухода я так и сказал Питу: «Этот парень ищет неприятностей себе на голову». Так вот прямо и сказал.

Он промолчал. При упоминании о неприятностях ему сразу вспомнился Джонни Уокер.

— Ладно, допустим, что я вам поверил. А зачем вам понадобилась взрывчатка? Египетскую торговую выставку взорвать хотите? Самолет угнать? Или от любимой тещи избавиться?

— На тещу я бы взрывчатку тратить не стал, — проскрипел он.

Оба рассмеялись, но напряжение не спало.

— Итак? На кого у вас зуб?

— Да ни на кого я зла не держу, — ответил он. — Задумай я кого-нибудь убить, то ружье бы купил. — И тут он вспомнил, что уже купил ружье, даже целых два. К горлу снова подступила тошнота.

— Ну так зачем вам тогда взрывчатка?

— Я хочу дорогу взорвать.

Мальоре взглянул на него с нескрываемым недоумением. Почему-то любые его эмоции казались преувеличенными; как будто линзы очков, увеличивающие остроту зрения, заодно усиливали и остальные чувства.

— Вы хотите взорвать дорогу, — с расстановкой произнес он. — А какую?

— Ее еще не построили. — Разговор этот уже начал доставлять ему какое-то извращенное удовольствие. Вдобавок благодаря ему откладывалась неизбежная ссора с Мэри.

— Итак, вы хотите взорвать еще не построенную дорогу. Нет, мистер, я в вас ошибся. Вы вовсе не чокнутый. Вы психопат. Вы не способны изъясняться понятнее?

Тщательно подбирая слова, он ответил:

— Я имею в виду дорогу, которая служит продолжением автострады номер семьсот восемьдесят четыре. По ее окончании наш город будет рассечен автомагистралью почти напополам. В силу определенных причин, вдаваться в которые я не буду — и не могу, — эта дорога отобрала у меня двадцать лет жизни. Она...

— Потому что она пройдет на месте прачечной, где вы работаете, и дома, в котором вы живете?

— Откуда вы знаете?

— Я же говорил, что собираюсь навести о вас справки. Или вы решили, что я пошутил? Я даже выяснил, что вы вот-вот потеряете работу. Возможно, узнал об этом даже быстрее, чем вы.

— Нет, я знал об этом еще месяц назад, — машинально ответил он.

— И как вы собираетесь свершить задуманное, хотел бы я знать? — насмешливо фыркнул Мальоре. — Проезжая мимо

на машине, поджигать запалы сигаретой и швырять динамитные шашки из окошка?

— Нет. По праздничным дням они оставляют все машины прямо на дороге. Вот их я и хочу взорвать. А также три новые эстакады.

Брови Мальоре поползли на лоб. Довольно долго он таращился, не в силах оторвать от него глаз. Затем вдруг запрокинул голову назад и расхохотался. Брюшко его затряслось, а пряжка ремня вздымалась и опадала, словно щепка в бурных волнах. Вдоволь насмеявшись, Мальоре извлек из кармана неправдоподобно огромный носовой платок (такими пользуются цирковые клоуны) и утер слезы.

Доус стоял, глядя на Мальоре, и терпеливо выжидал, пока тот вдосталь нахохочется. Внезапно он осознал, что этот толстяк в очках с несуразно толстыми линзами продаст ему взрывчатку. Он смотрел на Мальоре с легкой улыбкой. На смех он не обижался. Сегодня этот смех был ему на руку.

— Да, приятель, вы точно спятили, — выдавил наконец Мальоре, закончив смеяться. Правда, он до сих пор еще похихикивал. — Жаль, Пит вас не слышал. Боюсь, он мне не поверит. Вчера вы обозвали меня м-мудозвоном, а с-сегодня... с-с-сегодня... — Он снова разразился заливистым смехом, а его жирные щеки сложились складочками наподобие гармошки.

В очередной раз утерев слезы, он спросил:

— И как же вы собирались профинансировать свою маленькую проказу, мистер Доус? Особенно теперь, принимая во внимание, что вы больше не состоите на оплачиваемой службе?

Занятное выражение. *Не состоите на оплачиваемой службе.* А ведь верно. Его уволили. И это не сон.

— В прошлом месяце я выкупил свою страховку, — сказал он. — В течение десяти лет я исправно платил взносы. Я получил три тысячи долларов.

— Ах, так вы уже давно вынашиваете свой замысел?

— Нет, — честно признался он. — Получая страховку, я еще не знал, для чего именно это делаю.

— Ага, значит, тогда вы еще думали, да? Выбирали, что лучше — сжечь ли дорогу, расстрелять ее, удушить или...

— Нет. Просто я еще сам не знал, что делать. А вот теперь знаю.

— Ну, в таком случае можете на меня не рассчитывать.

— *Что?* — Он вылупил глаза, ошеломленно моргая. Подобный поворот событий им не предусматривался. Да, он прекрасно понимал, что Мальоре всласть поизмывается над ним, и это было вполне нормально. Но потом Мальоре должен был продать ему взрывчатку. Присовокупив что-нибудь вроде: *Если попадетесь, я скажу, что никогда даже не слыхал о вашем существовании.* — Что вы сказали? — выдавил он.

— Я сказал — нет. Нет. По буквам: *н-е-т.* — Мальоре нагнулся вперед. Глаза его больше не смеялись. Они стали холодными, непроницаемыми и — внезапно — какими-то крохотными, даже несмотря на линзы, которые резко их увеличивали.

— Но послушайте, — заговорил он, умоляюще глядя на Мальоре. — Если я попадусь, то никогда не признаюсь, что купил взрывчатку у вас. Я поклянусь, что вообще не слыхал о вашем существовании.

— Черта лысого! Да вы сразу запоете, а потом прикинетесь душевнобольным. Вас оправдают, а вот меня на всю жизнь упекут.

— Нет, послушайте...

— Это *вы* послушайте, — перебил его Мальоре. — Паясничайте, но знайте меру. Мы все обсудили. Я сказал нет, а это означает — нет. Ни оружия, ни взрывчатки, ни динамита, ничего. Почему? Да потому что вы чокнутый, а я бизнесмен. Кто-то наболтал вам, что я могу достать все, что угодно. Да, могу. И достаю. Кое-что при этом и мне самому перепадает. Так, в 1946 году меня осудили по статье «от двух до пяти» за незаконное хранение оружия. Десять месяцев отсидел. В

1952 году меня привлекли за соучастие, но адвокат выручил. В 1955 году меня пытались осудить за уклонение от уплаты налогов, но я снова вышел сухим из воды. А вот в 1959 году мне навесили срок за укрывательство краденого. Полтора года я оттрубил в Кастлтоне, но зато главный свидетель обвинения обрел вечный покой в земле. С тех пор меня еще трижды пытались привлечь к суду, но все три раза мне удавалось вывернуться — за недоказанностью или за отсутствием состава преступления. Копы спят и мечтают меня упечь, потому что в следующий раз мне светит уже двадцатник без права досрочного освобождения за примерное поведение. А я уже в таком возрасте, что через двадцать лет от меня останутся одни почки, которые даром пересадят какому-нибудь задрипанному негритосу в Нортонской клинике. Для вас это игра. Идиотская, но все-таки игра. А вот я уже в игрушки не играю. Обещая держать язык на привязи, вы искренне верите, что говорите правду. Но вы лжете. Не мне — *самому себе*. Поэтому в последний раз заявляю — нет. — Он воздел руки к потолку. — Шла бы речь о бабах, клянусь Богом, я бы вам бесплатно сразу двух поставил за одно лишь представление, что вы вчера тут закатили. Но обо всем остальном не может быть и речи.

— Ну ладно, — сказал он. Накатившая тошнота казалась уже нестерпимой. Он боялся, что его вот-вот вырвет.

— Здесь нас никто не подслушает, — сказал Мальоре, — это я точно знаю. Я знаю также, что вы не подсадная утка, однако, если вы попытаетесь осуществить свой идиотский план, я вам не позавидую. Но кое-что я вам еще скажу. Года два назад пришел ко мне один черномазый и тоже заказал взрывчатку. Причем он хотел подорвать вовсе не какую-то дурацкую дорогу. Он собирался подорвать здание федерального суда.

Больше ничего не рассказывайте, подумал он. *Сейчас я блевану.* Как будто желудок его был набит перьями, каждое из которых отчаянно щекотало изнутри.

— Одним словом, я продал ему то, что он просил, — продолжал Мальоре. — Всего понемногу. Уйму времени на переговоры потратили. И этот малый выложил круглую сумму. Потом, слава Богу, его схватили с двумя подручными, прежде чем они успели хоть что-то натворить. Ну так вот — я ни минуты не беспокоился, выдаст ли он меня легавым или федам. А знаете почему? Да потому, что у них была целая *шайка* чокнутых; чокнутых черномазых, а это — особое дело. Псих-одиночка вроде вас — ему на все начхать. Сгорает, словно лампочка, и нет его. Когда же в шайке тридцать человек, то все они между собой повязаны; если даже троих поймают, они все тут же язык проглатывают.

— Ну ладно, — повторил он. Глаза его предательски увлажнились.

— Послушайте, — увещевающе произнес Мальоре. — Трех тысяч на то, чтобы осуществить задуманное, вам все равно не хватит. Вы не обижайтесь, но мы ведь с «черным рынком» связываемся, а там расценки совсем другие. На такое количество взрывчатки потребуется раза в три больше. А то и в четыре.

Он промолчал. Повернуться и уйти без разрешения Мальоре он не мог. Как будто видел наяву кошмарный сон. Он только снова и снова повторял себе, что в присутствии Мальоре никакую глупость не выкинет; скажем, не станет щипать себя за руку, отгоняя сон.

— Доус?

— Что?

— Все равно у вас ничего не выгорит. Разве сами не понимаете? Вы можете устранить неугодную личность, подорвать часовню или уничтожить произведение искусства, как этот вонючий урод, который пытался осквернить Сикстинскую капеллу, — чтоб у него детородный орган иссох и отвалился! Но вот здания и дороги взрывать нельзя. Вот чего не понимают эти паршивые негры. Если сровнять с землей здание федерального суда, вместо него возведут два таких же: одно взамен уничтоженного, а второе — для расправы над всеми

черномазыми, которые переступят через его порог. Если убить легавого, то на его место примут сразу шестерых копов, которые будут охотиться за вами до конца жизни. Победить в этой войне невозможно, Доус. Ни черным, ни белым. Если вы встанете у них поперек пути, вас просто утрамбуют в землю вместе с вашим домом.

— Мне нужно идти, — пробасил он внезапно севшим голосом.

— Да, видок у вас неважнецкий. Мой совет, старина, — выбросьте эту затею из головы. Могу подкинуть вам бабенку, если хотите. Она старая и тупая как пробка. Если хотите, можете ее отколошматить всласть. Вам нужна разрядка. Просто вы мне нравитесь...

Он не выдержал и кинулся наутек. Слепо промчался через приемную и вылетел на свежий воздух. Немного подморозило, падал снег. Ловя ртом студеный воздух, он стоял и дрожал как осиновый лист, уверенный, что Мальоре вот-вот выскочит следом, затащит его за шиворот в кабинет и снова начнет говорить не переставая. Даже когда вострубит апокалиптический седьмой Ангел, Циклоп Сэлли будет терпеливо доказывать неуязвимость власти и навязывать ему старых проституток.

Когда он добрался домой, снегу намело уже на шесть дюймов. По дороге прошлись снегоуборочные машины, поэтому поворот к подъездной аллее преграждала невысокая насыпь заиндевевшего снега. Однако его «ЛТД» преодолел это препятствие без особого труда. Хорошая машина, тяжелая.

В доме было темно. Отомкнув дверь, он вошел, стряхнул с ног снег и прислушался. Ни звука. Даже Мерв Гриффин не трепался с приглашенными знаменитостями.

— Мэри? — позвал он. Никакого ответа. — Мэри!

Он уже начал было тешиться иллюзией, что ее нет, когда услышал в гостиной плач. Тогда он снял пальто и повесил его в стенной шкаф. На полу под самой вешалкой стояла небольшая коробка. Пустая. Каждую зиму Мэри ставила ее

сюда, чтобы капли с одежды не стекали на пол. Он не раз задавался вопросом, кому, черт возьми, дело до каких-то капель в стенном шкафу? И вот в эту минуту ответ прозвучал в его мозгу с пугающей ясностью. Мэри было до этого дело — вот кому.

Он прошел в гостиную. Мэри сидела на диване напротив огромного телевизора «Зенит» и плакала. Даже не утираясь платочком. Руки ее безвольно висели, плечи поникли. Мэри всегда стеснялась проявлять свое горе на людях, поэтому обычно уходила плакать в спальню или, если несчастье настигало внезапно, прикрывала лицо руками. Сейчас же ее беззащитное лицо было искажено почти до неузнаваемости, словно лицо жертвы авиакатастрофы. Его сердце мучительно сжалось.

— Мэри, — тихонько окликнул он.

Но она продолжала плакать и даже не повернула головы в его сторону. Он присел рядом.

— Мэри, — промолвил он. — Все ведь не так уж плохо. Ничего страшного не произошло. — И тут же сам усомнился в искренности своих слов.

— Всему теперь конец, — пробормотала она, всхлипывая. — Все пропало. — И подняла голову. Поразительно, но именно в это безрадостное мгновение лицо ее, никогда не отличавшееся красотой, вдруг как-то особенно осветилось и сделалось почти прелестным. Он едва ли не впервые разглядел в своей жене прекрасную женщину.

— Кто тебе рассказал?

— *Все!* — выкрикнула она, по-прежнему не глядя на него, а рука ее, взлетев в воздух, тут же беспомощно упала на колено. — Сначала позвонил Том Грейнджер. Потом *жена* Рона Стоуна. Затем Винсент Мейсон. Все они спрашивали, что с тобой случилось. А ведь я ничего не *знала*. Я даже не подозревала, что с тобой что-то не так!

— Мэри, — промолвил он и попытался взять ее за руку. Она отдернула руку прочь, словно от прокаженного.

— Может быть, ты меня так наказываешь? — спросила она и наконец посмотрела на него. — Да, дело в этом? Ты меня наказываешь?

— Нет, — быстро ответил он. — Нет, Мэри, что ты! — Ему тоже хотелось плакать, но он понимал, что этого делать нельзя. Это было бы совсем неправильно.

— Потому что я родила тебе мертвого ребенка, а потом ребенка, который умер? Или ты думаешь, что я убила твоего сына? Да, это так?

— Мэри, но ведь он был *нашим* сыном...

— *Твоим!* — завизжала она. — *Он был твоим сыном!*

— Не надо, Мэри. Не надо, прошу тебя. — Он снова попытался взять ее за руку, но она отшатнулась.

— Не смей ко мне прикасаться!

Они смотрели друг на друга ошеломленно, словно впервые обнаружили огромные разделяющие их пространства — белые пятна на внутренней карте.

— Мэри, я никак не мог поступить иначе. Прошу тебя, поверь мне. — А ведь тут он, похоже, покривил душой. И тем не менее продолжил: — Без Чарли, конечно, тоже не обошлось. Это еще в октябре случилось, когда я обратил в деньги свою личную страховку. Это был первый *серьезный* случай, однако в моей голове давно уже творится что-то неладное. Просто мне легче *совершить* поступок, нежели что-то обсуждать. Понимаешь? Ты ведь можешь меня понять?

— Но что же теперь ждет меня, Бартон? Я ведь твоя жена — и все. И ничего больше не умею. Что мне делать?

— Не знаю.

— Как будто ты меня изнасиловал, — всхлипнула она и разразилась рыданиями.

— Мэри, не надо, умоляю тебя. Пожалуйста... не плачь больше. Ну постарайся.

— Неужели ты ни разу даже не подумал обо мне, когда *все это* делал? Неужели ты не понимаешь, что я целиком от тебя *завишу?* Что я вся в твоей власти.

Он промолчал. Каким-то непостижимым образом ему казалось, что он снова разговаривает с Мальоре. Словно Мальоре перегнал его, первым приехав домой, а теперь сидит перед ним, нацепив маску Мэри, ее одежду и белье. А что дальше? Он снова предложит ему какую-то старую потаскуху?

Мэри встала.

— Я пошла наверх. Хочу прилечь.

— Мэри...

Она его не перебила, но он сам осекся, не найдя подходящих слов.

Она ушла из гостиной, и он слышал, как она поднимается по лестнице в спальню. Затем услышал, как скрипнула кровать под ее тяжестью. И снова послышался плач. Он встал, включил телевизор и увеличил громкость, чтобы не слышать ее рыданий. Мерв Гриффин развлекал очередного гостя.

Часть вторая
ДЕКАБРЬ

О, любовь, сделай, чтобы мы были верными
Друг другу! Ради мира, который, похоже,
Лежит перед нами, словно сказочная страна,
Такая разная, такая прекрасная и новая,
Но не знающая ни радости, ни любви, ни света,
Ни уверенности, ни мира, ни облегчения от боли;
А мы здесь, словно на покрытой мраком равнине,
Увлеченные толпой бегущих воинов
К ночному полю битвы несведущих армий.

Мэттью Арнольд
«Берег Дувра»

5 декабря 1973 года

Сидя перед телевизором, он потягивал свой излюбленный коктейль — смесь «Южного комфорта» с севен-апом — и смотрел какой-то полицейский сериал, названия которого толком и не запомнил. Главного героя — то ли полицейского в штатском, то ли частного сыщика — треснули по голове чем-то очень увесистым. От удара в мозгу то ли полицейского в штатском, то ли частного сыщика что-то помутилось, и он решил, что вот-вот распутает какое-то сложное дело. Однако не успел он поведать о своем открытии, как сериал прервался рекламой какого-то идиотского соуса. Телепродавец расхваливал его на все лады и спрашивал зрителей, не напоминает ли им вылитый на тарелку соус мясную подливу. Бартону Джорджу Доусу «подлива» напомнила разве что жидкие экскременты. Реклама кончилась, и фильм возобновился. Теперь полицейский в штатском (или частный сыщик) допрашивал темнокожего бармена, уже прежде судимого. Бар-

мен сказал *ну, даете*. Бармен сказал *отмочить*. Бармен сказал *сам фуфло*. Бармен оказался несговорчивым малым, и все же Бартон Джордж Доус решил, что частный сыщик (полицейский в штатском) сумел добиться чего хотел.

Он уже здорово наклюкался и сидел перед телевизором в одних трусах. В доме было жарко. После ухода Мэри он врубил термостат на семьдесят восемь градусов* и ниже не опускал.

Кто сказал, что в стране энергетический кризис? Никсон? Пошел ты в задницу, Дик! Вместе со своей любимой верховой лошадью. Да и Чекерса с собой прихватите! Выезжая на магистраль, он гнал со скоростью семьдесят миль в час, демонстрируя скабрезные жесты водителям, сигналящим, чтобы он снизил скорость. А тут еще и эта наглая баба, главный президентский эксперт по потреблению, этакий политический гермафродитик, два дня подряд заклинает с экрана, как нам с вами сберечь потребление электроэнергии дома. Вирджиния Кнауэр, вот как ее зовут. По окончании фильма он встал, отправился в кухню и включил электрический миксер. Миссис Кнауэр вещала, что миксеры — одни из наиболее расточительных электроприборов. Он оставил миксер включенным на всю ночь, а встав поутру — это было вчера, — обнаружил, что у него перегорел моторчик. А ведь мог и дом подпалить, подумал он. Будь он пьян. Вот и настал бы конец его мукам.

Он смешал себе очередной коктейль и, потягивая его, начал вспоминать старые телевизионные программы, те, что они еще молодоженами смотрели вместе с Мэри по их первому черно-белому телевизору. Да, а ведь это было нечто. «Программа Джека Бенни», «Эймос и Энди» — разудалые негры. А потом «Драгнет», еще настоящий «Драгнет», где вместе с Джо Фрайдеем играл Бен Александр, а не этот новый парень, Гарри какой-то. Потом «Дорожный патруль» с Бродериком Кроуфордом, который орал в микрофон, а вокруг все гоняли на «бьюиках». «Шоу из шоу». «Ваш хит-па-

* По Фаренгейту; примерно 26°С.

рад», в котором Гизела Маккензи распевала «Зеленую дверь» или «Незнакомца в раю». Увы, с наступлением эпохи рок-н-ролла эта музыка канула в Лету. А викторины? Сколько удовольствия доставляли они! «Тик-так», например, или «Двадцать одно» по понедельникам с неподражаемым Джеком Барри. А «Вопрос ценой в 64 тысячи долларов» с Хэлом Марчем? «Дотто» с Джеком Нарцем. Субботние утренние программы вроде «Энни Оукли», которая вечно вытаскивала своего младшего братишку из очередной передряги. Он даже думал, уж не является ли этот братец на самом деле ее незаконнорожденным сыном. А еще «Рин-тин-тин», «Сержант Престон», «Рейндж-райдер», «Дикий Билл Хикок»... Мэри, бывало, укоряла его: «Господи, Барт, да узнай кто-нибудь, что ты смотришь всю эту дребедень, люди подумали бы, что ты умом тронулся. Тебе не стыдно?» А он неизменно отвечал: «Я хочу знать, о чем своим детям рассказывать». Но вот только с детьми у них не получилось. Первенец родился мертвым, а о втором, о Чарли, было бы лучше вообще не вспоминать. Встретимся во сне, сынок. Похоже, ночи не проходило, чтобы Чарли ему не приснился. Бартон Джордж Доус и Чарльз Фредерик Доус постоянно встречались благодаря чудесам подсознания. И вот, ребята, мы с вами вновь в Диснейленде и впервые совершаем путешествие по стране Трагедиландии, где можно покататься в гондоле по каналу Слез, посетить музей Пожелтевших фотографий и проехаться на грустномобиле по автостраде Разбитого сердца. Последняя остановка — Западная Крестоллен-стрит. Она вот здесь, внутри этой исполинской бутылки «Южного комфорта», заключена навечно. Вот-вот, мадам, только пригнитесь, входя в горлышко. Скоро его расширят. А вот дом Бартона Джорджа Доуса, последнего жильца с этой улицы. Загляните в окно — видите? Вот он сидит в трусах перед телевизором, попивая коктейль и обливаясь горючими слезами. Он плачет? Ну конечно, плачет. А чем еще можно заниматься в стране Трагедиландии? Он постоянно плачет. Поток слез управляется специальным устройством, которое разработали НАШИ

ЗНАМЕНИТЫЕ НА ВЕСЬ МИР ИНЖЕНЕРЫ. По понедельникам он плачет чуть меньше, но зато в остальные дни рыдает навзрыд. По уик-эндам он напивается, а вот к Рождеству, боюсь, нам уже придется его проводить. Разумеется, выглядит он отталкивающе, но все же он из лучших экспонатов Трагедиландии. По популярности он может сравниться разве что с Кинг-Конгом на крыше Эмпайр-Стейт-Билдинга. Он —

Он размахнулся и швырнул стакан в телевизор.

Промахнулся на добрый ярд. Стакан врезался в стену и с громким звоном разбился. И тут он и впрямь расплакался навзрыд.

Плача, подумал: Господи, да посмотри же на меня, полюбуйся мной.

До чего же ты омерзителен! Смотреть на тебя противно. Искалечил жизнь себе и Мэри, а теперь еще сидишь тут и дурака валяешь. Боже, Боже, Боже...

Лишь на полпути к телефону он остановился. Накануне ночью, пьяный и заплаканный, он позвонил Мэри и начал умолять ее вернуться. Молил до тех пор, пока она сама не разревелась и не повесила трубку. И сейчас ему было больно и стыдно вспоминать этот позор.

Он побрел на кухню, взял совок с веником и вернулся в гостиную. Выключил телевизор и убрал осколки стекла. Слегка пошатываясь, отнес мусор на кухню и выбросил в ведро. Постоял, думая, что делать дальше.

Холодильник жужжал, как какое-то неведомое насекомое. Почему-то это жужжание испугало его, и он отправился спать. И снова видел сны.

6 декабря 1973 года

В половине четвертого он мчался домой по автостраде на скорости семьдесят миль в час. День стоял ясный и прохладный, градусов тридцать с хвостиком. После ухода Мэри не

проходило и дня, чтобы он не предавался продолжительным гонкам по автостраде; занятие это превратилось для него в подобие работы. Езда в автомобиле его успокаивала. Глядя на разворачивающееся впереди асфальтовое полотно, окаймленное по обеим сторонам высокими сугробами, он ощущал покой и умиротворение. Порой, запуская радиоприемник, он громко подпевал ему звучным голосом. Не раз во время таких поездок его охватывало желание просто мчать куда глаза глядят, покупая бензин по кредитной карточке. Гнать и гнать к югу без остановки, пока не закончится дорога, а то даже и земля. Интересно, можно ли проехать на машине до самой оконечности Южной Америки? Ответа на этот вопрос он не знал.

Однако всякий раз он возвращался. Съезжал с автострады, закусывал гамбургером и картофелем фри в первой попавшейся забегаловке и возвращался в город на закате солнца или вскоре после него.

Он всегда проезжал по Стэнтон-стрит, останавливал машину и вылезал, чтобы посмотреть, насколько продвинулись за день строительные работы по продолжению автомагистрали номер 784. Дорожная компания возвела специальную платформу для зевак — в основном это были старики и посетители окрестных магазинов, — на которой в дневное время яблоку было негде упасть. Люди выстраивались вдоль металлических рельсов ограждения, словно глиняные утки в тирах; выпуская изо рта облачка пара, они глазели на экскаваторы, бульдозеры, грейдеры и скреперы, с детским любопытством следили, как специалисты колдуют над геодезическими инструментами. Господи, с какой радостью он перестрелял бы их всех.

Однако ночью, когда температура падала ниже двадцати, на западе багровела горькая ленточка заката, а на свинцовом небе холодно загорались тысячи звезд, он мог безмятежно следить за дорожными работами в полном одиночестве. Минуты и часы, которые он там проводил, приобрели для него особую важность — каким-то непонятным образом они

словно перезаряжали его организм, помогали ему сохранять хотя бы частичную ясность ума. В эти минуты, что предшествовали его длительным ночным возлияниям, постепенному погружению в ступор, неизбежным поползновениям позвонить Мэри и путешествиям по стране Трагедиландии, он был *самим собой*, хладнокровным и трезвым. Вцепившись в холодное ограждение, он пялился на строительную площадку, пока пальцы его не немели, делаясь такими же бесчувственными, как сами рельсы, и становилось невозможным различить, где кончается его внутренний мир — мир живого человека — и где начинается мир машин, кранов и зрительских трибун. В такие минуты уже ни к чему было предаваться горестным, разъедающим душу воспоминаниям, а можно было оставаться самим собой. В такие минуты он ощущал, как его собственное горячее естество пульсирует в холодном безразличии ранней зимней ночи; он ощущал себя настоящей личностью, даже почти целостной.

Но сейчас, бешено мчась по автостраде, еще в сорока милях от трибун Уэстгейта, он вдруг заметил на обочине одинокую фигурку в куртке и черной вязаной кепочке. В руках у фигурки он разглядел (даже удивительно — при таком-то снегопаде!) плакат, на котором крупными буквами было выведено: ЛАС-ВЕГАС, а внизу четко и лаконично: ИНАЧЕ — КРЫШКА!

Он резко затормозил, чувствуя, как врезается в живот и грудь ремень безопасности, и поневоле возбуждаясь от резкого визга тормозов. Он остановился ярдах в двадцати от фигурки, которая, заткнув плакатик под мышку, бегом кинулась к нему. Что-то в движениях и очертаниях силуэта подсказывало ему: перед ним девушка.

Открыв дверцу, она впорхнула в машину.

— Уф, спасибочки!

— Не за что. — Кинув взгляд в зеркальце заднего вида, он тронулся с места, быстро набрав прежнюю скорость. Впереди вновь расстилалось бескрайнее асфальтовое полотно. — Далековато до Вегаса.

— Это точно. — Она улыбнулась дежурной улыбкой, предназначавшейся любому, кто бы сказал, что до Вегаса далековато, и стащила перчатки. — Не возражаете, если я закурю?

— Нет, пожалуйста.

Девушка достала пачку «Мальборо».

— Хотите?

— Нет, спасибо.

Она вставила в рот сигарету, вынула из кармана куртки коробок спичек, зажгла сигарету, глубоко затянулась, выдохнула облачко дыма, от которого ветровое стекло на мгновение затуманилось, спрятала «Мальборо» со спичками в карман, развязала синий шарфик и сказала:

— Даже не представляете, как я вам благодарна. Почти в ледышку уже превратилась.

— Долго ждали?

— Почти час. Последний водитель оказался пьян в стельку. Мне чудом сбежать удалось.

Он кивнул.

— Я подброшу вас до конца автострады.

— До конца? — Она посмотрела на него. — Вы что, в Чикаго едете?

— Что? О нет. — Он назвал ей свой город.

— Но ведь автострада и дальше продолжается. — Она вытащила из другого кармана дорожную карту, затрепанную по углам от частого использования. — Во всяком случае, если верить этой карте.

— Разверните ее и посмотрите внимательнее.

Девушка послушалась.

— Какого цвета наша автострада?

— Зеленого.

— А какого цвета та ее часть, что идет через город?

— Тоже зеленого, но обозначена пунктиром. А, так она... Черт побери, так она еще *не достроена*?

— Вот именно. Знаменитое на весь мир продолжение автострады номер семьсот восемьдесят четыре. Так что, девуш-

ка, вам никогда не добраться до Вегаса, если не будете читать карту повнимательнее.

Она уткнулась в карту, едва не касаясь ее носом. Кожа у нее была гладкая и нежная, но сейчас, должно быть, от морозца, щеки и лоб разрумянились. Покраснел и кончик носа, с которого свешивалась капелька влаги. Коротко — и не слишком аккуратно — подстриженные волосы. Сама, наверное, стриглась. Цвет красивый — каштановый. Жалко такие стричь, а уж тем более — плохо. Как назывался этот чудный рождественский рассказик О'Генри? «Дары волхвов». Кому ты купила эти замечательные часы на цепочке, маленькая бродяжка?

— Зеленая дорога снова начинается в Лэнди, — сказала она. — Это очень далеко от окончания автострады?

— Миль тридцать.

— Черт!

Она снова углубилась в изучение карты. Мимо промелькнул указатель шоссе номер 15.

— А что тут за объездные дороги? — спросила она наконец. — Для меня это все как лабиринт.

— Вам лучше всего воспользоваться шоссе номер семь, — сказал он. — Это самое последнее ответвление от магистрали. В Уэстгейте. — Чуть поколебавшись, он добавил: — Только лучше бы вам переночевать где-нибудь. В «Холидей инн» хотя бы. Когда мы доедем, будет уже за полночь, а в такое время лучше там машины не ловить.

— Почему? — спросила она, глядя на него. Глаза у нее были зеленые и волнующие; о таких глазах иногда читаешь, но почти никогда не встречаешь сам.

— Это городское шоссе, — пояснил он, смещаясь в крайний ряд и обгоняя вереницу автомобилей, идущих со скоростью пятьдесят миль в час. Некоторые гневно сигналили ему вслед. — Четырехрядка с бетонным разделительным ограждением посередине. Две полосы ведут на запад, к Лэнди, а другие две — на восток, в город. По обеим сторонам тянутся бесконечные цепочки магазинов, закусочных, кегельбанов

и прочих заведений. Дальнобойщиков вы там не встретите. Никто даже не притормозит.

— Понятно, — вздохнула она. — А автобус-то хоть до Лэнди ходит?

— Был там раньше один городской маршрут, но вот только компания обанкротилась. Может быть, только «грейхаунд»* какой-нибудь проезжает...

— Тьфу! — Она сложила карту и запихнула в карман. Затем мрачно уставилась перед собой на дорогу.

— А что, на мотель не хватит? — осведомился он.

— Мистер, да у меня всего тринадцать баксов в кармане. На такие деньги мне и собачью конуру не сдадут.

— Можете остановиться у меня, если хотите, — несмело предложил он.

— Угу, но только я лучше выйду прямо здесь.

— Ладно, не обижайтесь. Предложение снимается.

— Не говоря уж о том, как отнеслась бы к этому ваша жена, — проворчала девушка, устремив взгляд на его обручальное кольцо. В голосе прозвучала такая укоризна, как будто незнакомка подозревала его по меньшей мере в совращении малолетних.

— Мы с женой разъехались.

— Давно?

— Нет. Первого декабря.

— Понятно. Теперь, значит, на стороне утешения ищете, — промолвила она. Он уловил в ее голосе презрение, но скорее это было презрение ко всему мужскому полу, а не к нему лично. — На молоденьких бросаетесь.

— Лично я никого трахать не собираюсь, — чистосердечно ответил он. — Думаю, у меня даже не встанет.

Он вдруг осознал, что только что употребил два слова, которые никогда прежде в присутствии женщины не произносил, однако почему-то в ее обществе они показались вполне

---

* Название современной, крупнейшей в США компании и соответственно принадлежащих ей автобусов, обслуживающих междугородные маршруты.

приемлемыми. Не хорошими и не плохими, а самыми обычными, словно речь шла о погоде.

— Это следует расценить как вызов? — спросила девушка. Затем снова затянулась и выпустила дым из ноздрей.

— Нет, — ответил он.

— А почему вы не спрашиваете, с какой стати такая милая девушка, как я, голосует по ночам на дороге? — чуть помолчав, произнесла она. — Обычно это всех интересует. — На сей раз в ее голосе, помимо презрения, прозвучало скрытое удивление.

— Да ладно вам, — отмахнулся он. — Вы просто невыносимы.

— Наверное, — призналась она и, загасив окурок в пепельнице, наморщила носик. — Господи, вы никогда ее не вытряхиваете, что ли? Посмотрите — она доверху забита всякими фантиками, обертками и прочей мурой. Может, вам проще с собой мусорный мешок таскать?

— Просто я не курю. К тому же вы не предупредили меня заранее, что собираетесь голосовать на дороге. И не попросили очистить пепельницу. Сами виноваты... Ладно, вытряхните ее, к свиньям, на дорогу.

— А вы шутник, — заулыбалась она.

— Жизнь заставляет.

— А знаете, как долго разлагаются сигаретные фильтры? Двести лет, вот сколько. К тому времени уже и ваших внуков на Земле не останется.

Он пожал плечами:

— Вас не волнует, что я дышу вашими канцерогенами и забиваю легкие копотью, но вот выбросить на дорогу окурок вы не можете. Что ж, пусть будет так.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ничего.

— Эй, мистер, может, мне лучше выйти? Вы этого добиваетесь, да?

— Нет, — ответил он. — Послушайте, почему бы нам не поговорить о чем-нибудь нейтральном? О здоровье доллара,

например. О политике правительства. О достопримечательностях штата Арканзас.

— Если вам все равно, то я лучше вздремну. Похоже, остаток ночи мне предстоит провести на ногах.

— Пожалуйста.

Она надвинула на глаза козырек кепки, скрестила на груди руки и затихла. Минуту спустя дыхание ее стало более редким и глубоким. Он поглядывал на девушку урывками, словно пытаясь украдкой запечатлеть в памяти ее образ. На ней были тонкие выцветшие синие джинсы, плотно облегавшие ноги. Судя по очертаниям, колготки она вниз не поддела. Глядя на ее длинные ноги, согнутые в коленках, он подумал, что они сейчас, наверное, красные, как свежесваренные лобстеры, и жутко чешутся. Он уже раскрыл было рот, чтобы спросить, не чешутся ли у нее ноги, но затем передумал. Почему-то сама мысль о том, что она снова будет в такой холод голосовать на дороге, одна, в тонких джинсах, была ему неприятна. Впрочем, дело ее. Если замерзнет, то всегда может зайти куда-нибудь и погреться. Как хочет.

Они миновали пару развилок. Он уже перестал поглядывать на нее, сосредоточившись на езде. Стрелка спидометра застыла на семидесяти милях, и он по-прежнему ехал в крайнем левом ряду. Когда он проехал съезд на шоссе номер 12, водитель фургона с наклейкой» НЕ ПРЕВЫШАЙ 50 «трижды просигналил ему и негодующе замигал фарами. В ответ он продемонстрировал поднятый вверх средний палец.

Не раскрывая глаз, девушка сказала:

— Вы слишком быстро едете. Поэтому-то они и гудят.

— Да, я знаю.

— Но вам на них наплевать.

— Да.

— Понятно, — бесстрастно промолвила она. — Еще один настоящий патриот, стремящийся вытащить Америку из энергетической ямы.

— Начхать мне на энергетическую яму.

— Да, все вы так говорите.

— Прежде я старался здесь больше пятидесяти пяти не выжимать. А теперь таким образом выражаю свой протест совместно с другими членами общества дрессированных собак. Вам, наверное, читали про него в лекциях по социологии? Или нет? Вы ведь в колледже учитесь, не так ли?

Она выпрямилась.

— Социологию я и правда изучала. Некоторое время. Но вот об обществе дрессированных собак что-то не слыхала.

— Да, потому что я его выдумал.

— Ясно. Я же говорила — шутник. Остряк-недоучка. — В голосе прозвучало презрение. Она снова нахлобучила кепку на глаза и села поудобнее.

— Общество дрессированных собак основано Бартоном Джорджем Доусом в конце 1973 года. Его учение полностью объясняет такие загадочные явления, как денежный кризис, инфляция, вьетнамская война и нынешний энергетический кризис. Возьмем, к примеру, энергетический кризис. Американский народ подобен дрессированным собакам — он приучен любить механизмы, потребляющие бензин. Автомобили, снегоходы, моторные катера, багги, мотоциклы, мопеды и многое-многое другое. А вот за ближайшие семь лет, до 1980 года, нас научат ненавидеть все эти механические игрушки. Американцы обожают, когда их дрессируют. Дрессировка помогает правильнее вилять хвостом. Используй энергию. Не используй энергию. Пописай на газету. Лично я не против того, чтобы сберегать энергию; но я против дрессировки.

Он вдруг подумал про собаку мистера Пиацци, которая сначала перестала вилять хвостом, потом начала вращать глазами, а в конце концов вцепилась в горло Луиджи Бронтичелли.

— Как собаки Павлова, — сказал он. — Их научили пускать слюну при звуке колокольчика. А мы истекаем слюной, когда нам показывают цветной телевизор с моторизованной антенной. У меня как раз такой дома установлен. С дистанционным управлением. Сидишь, развалясь, в кресле, нажи-

маешь кнопочки и переключаешь каналы или уровень звука меняешь. Однажды я засунул пульт себе в рот, нажал кнопку включения, и, представьте себе, телевизор заработал. Сигнал сработал, даже пройдя сквозь мои мозги. Вот каких чудес достигла технология.

— Вы ненормальный, — промолвила она.

— Возможно.

Они миновали развилку с шоссе номер 11.

— Я все-таки посплю. Скажите, когда доедем.

— Ладно.

Девушка снова скрестила руки и закрыла глаза.

Они проехали шоссе номер 10.

— Вообще-то я не против дрессировки собак, — провозгласил он. — Я протестую против того, что их хозяева — все, как на подбор, — полные идиоты. Клинические.

— Вы пытаетесь очистить свою совесть всей этой чепухой, — произнесла девушка. — Почему бы вам лучше не сбросить скорость до пятидесяти миль? Сразу полегчает.

— *Не полегчает!* — ответил он с такой неожиданной яростью, что девушка в испуге раскрыла глаза, выпрямилась и уставилась на него.

— Вам нехорошо?

— Мне замечательно, — ответил он. — Я потерял жену и работу, потому что либо я сам, либо окружающий мир сошел с ума. Затем я подсаживаю в машину девушку — ей лет девятнадцать, не больше, — которая уж точно должна знать, что наш мир сумасшедший, так вместо этого она уверяет, что я сам тронулся. Спасибо большое.

— Мне уже двадцать один.

— Очень рад за вас, — с горечью произнес он. — Но если наш мир такой здравый, на кой черт такой девушке, как вы, сдалось посреди зимы добираться в Лас-Вегас на попутных машинах? Стоять на морозе в одних тоненьких джинсах без белья, рискуя застудить свою хорошенькую задницу.

— Белье на мне есть! За кого вы *меня* принимаете?

— За юное и *безмозглое* создание! — рявкнул он.

Они вихрем пронеслись мимо седана, который катил по шоссе со скоростью пятьдесят миль в час. Водитель гневно прогудел им вслед.

— *Пошел ты!* — выкрикнул он.

— Остановите, пожалуйста, машину, — попросила девушка. — Я лучше здесь выйду.

— Ерунда, — отмахнулся он. — Я не собираюсь ни в кого врезаться. Спите.

Она устремила на него недоверчивый взгляд, затем покачала головой и закрыла глаза. Справа промелькнула развилка с шоссе номер 9.

В пять минут пятого они миновали шоссе номер 2. Тени, пересекающие дорогу, приняли характерную синеву, отличающую именно зимние тени. Венера уже взошла на востоке. По мере приближения к городу движение усиливалось.

Повернув голову, он увидел, что девушка уже снова выпрямилась и теперь посматривала в окно на спешащие безликие автомобили. Машина, что ехала прямо перед ними, везла сверху, на крыше багажника, рождественскую елку. У девушки были зеленые с широким разрезом глаза, и на мгновение он погрузился в них и ощутил то удивительное сопереживание, которое посещает людей, по счастью, крайне редко. Он вдруг увидел, что все машины едут туда, где тепло, туда, где можно делать дело, общаться с друзьями или с семьей. Он увидел их полное безразличие к незнакомцам. За какой-то мимолетный леденящий миг он осознал то, что Томас Карлайл называл великим мертвым локомотивом мира, который несется без остановки.

— Мы уже подъезжаем? — спросила она.

— Через пятнадцать минут.

— Послушайте, если я была с вами не слишком любезна, то готова изви...

— Нет, это я был с вами не слишком любезен. Кстати, вы знаете, делать мне сейчас особо нечего. Я, пожалуй, сам отвезу вас в Лэнди.

— Нет...

— Или возьму *вам* номер в «Холидей инн» на одну ночь. Не бойтесь, вам это ничего не будет стоить. Это мой рождественский подарок.

— А вы и правда разъехались с женой?

— Да.

— И совсем недавно?

— Да.

— А детей она с собой забрала?

— У нас нет детей. — Они уже приближались к постам для взимания дорожного сбора. В ранних призрачно-серых сумерках мерцали их зеленые огоньки.

— Тогда я переночую у вас.

— Но это вовсе не обязательно. В том смысле, что вам ни к чему...

— Мне бы тоже не хотелось сегодня оставаться одной, — сказала она. — А голосовать на дорогах ночью я не люблю. Я боюсь. Мне страшно.

Подкатив к будке поста, он приостановился и опустил стекло; в салон ворвался холодный воздух. Он протянул сборщику свою карточку и доллар девяносто. Медленно отъехал. Справа остался освещенный щит с надписью:

СПАСИБО ЗА БЕЗОПАСНУЮ ЕЗДУ!

— Ну ладно, — осторожно произнес он, понимая, что уговаривать ее ни к чему — возможно, этим он добился бы противоположного, — однако ничего не мог с собой поделать. — Просто мне самому слишком одиноко в пустом доме. Мы поужинаем, а потом, если хотите, посмотрим телевизор и погрызем воздушную кукурузу. Вы будете спать наверху, а я лягу...

Они уже сворачивали в город. Девушка негромко рассмеялась, а он взглянул на нее с легким недоумением. В сгустившихся сумерках он уже едва различал очертания ее фигуры. Кто знает, а вдруг она настоящая красавица? Мысль эта его немного взволновала.

— Послушайте, — сказала она. — Лучше я вам сразу все объясню. Тот пьяница, который меня до вас подвозил... Я с ним переспала. Такова была его цена, чтобы подбросить меня до Стилтона, где вы меня встретили...

Тем временем он остановил машину на красный свет перед перекрестком.

— Моя соседка по комнате предупредила, что именно это меня ждет, — бесстрастно продолжила девушка. — Но я ей не поверила. Я не собиралась расплачиваться за дорогу собственным телом, уж поверьте мне. — Она искоса посмотрела на него, но он по-прежнему не мог разглядеть ее лица. — И дело даже не в том, чтобы меня кто-то принуждал. Просто все дело в полной оторванности от обычной жизни — словно выходишь в открытый космос. Попадая в огромный город и видя там всех этих людей, я просто теряюсь. Это меня так достает, что мне проще провести ночь с каким-нибудь нытиком, лишь бы чувствовать рядом живую душу.

— Меня абсолютно не волнует, с кем вы спите, — сказал он, трогаясь на зеленый сигнал. Чисто машинально он свернул на Гранд-стрит, направляясь к своему дому мимо строящейся автострады.

— Этот коммивояжер, что меня подвез, — снова заговорила она, — женат уже четырнадцать лет. Во всяком случае, трахая меня, он повторял это почти не переставая. Четырнадцать лет узды, Шарон, говорил он. Четырнадцать лет. И кончил как раз секунд через четырнадцать. — И она хохотнула. Коротко и горько.

— Вас так зовут? Шарон?

— Нет. Это, наверное, имя его благоверной.

Он подкатил к тротуару.

— Зачем вы тут остановились? — подозрительно осведомилась она.

— Да так, — ответил он. — Я всегда этой дорогой домой возвращаюсь. Можете вылезти, если хотите. Я вам кое-что покажу.

Они выбрались из машины и прошли на трибуну, где в этот час не было ни души. Он оперся ладонями на обжигающе холодную сталь ограждения и посмотрел вниз. Ага, «подушка» почти готова. В последние три дня рабочие укладывали гравий и щебенку. Брошенные машины — грузовики, бульдозеры и желтые скреперы — безмолвно стояли в сумеречных тенях, словно музейные динозавры. Вот вегетарианец стегозавр, вот плотоядный тираннозавр, а это — свирепый дизельный экскаватор, пожиратель земли. Приятного аппетита!

— Что вы на это скажете? — вырвалось у него.

— А что я должна сказать? — переспросила она, пытаясь понять, куда он клонит.

— Но ведь что-то вы об этом думаете, — промолвил он.

Она пожала плечами:

— Так, обычные дорожные работы. Они прокладывают дорогу через город, в который я скорее всего никогда больше не попаду. Что вы хотите от меня услышать? Конечно, это выглядит безобразно.

— Безобразно, — эхом откликнулся он, довольный.

— Мое детство прошло в городе Портленде, в штате Мэн, — добавила она. — Мы жили в огромном многоквартирном доме, а прямо напротив строили торговый центр...

— Рабочие что-нибудь ломали, чтобы его возвести?

— Что?

— Они ломали...

— А, вот вы о чем. Нет, строительство велось на пустыре. Мне тогда было всего лет шесть или семь. Мне казалось, что стройка будет тянуться целую вечность. Визг, лязг, грохот. А знаете, что я при этом думала? Это очень потешно. Я говорила себе, что они ставят бедной земле клизму, а она упирается. Беднягу даже не спросили, нужна ли ей клизма, да и диагноз толком не поставили. Я тогда как раз страдала от какой-то кишечной инфекции, поэтому здорово разбиралась в клизмах.

— Понятно, — кивнул он.

— Как-то раз в воскресенье мы отправились на строительную площадку; там было удивительно тихо, словно в по-

койницкой. Фундамент к тому времени был уже почти завершен, а из цемента торчали эти странные желтые прутья...

— Арматура.

— Возможно. Повсюду были навалены трубы и мотки проволоки, покрытые прозрачным пластиком, и кругом была непролазная сырая грязь. Забавно, конечно — ведь о вареной грязи никто не слыхал, — но именно так выглядела та грязь. Сырой. Мы играли там в прятки с моей младшей сестренкой, а потом пришла мама и надрала нам уши. Сказала, что маленьким детям на стройку ходить нельзя. Моей сестренке было всего четыре, и она орала на весь квартал. Забавно, что я все это помню, да? Может, вернемся в машину? Я замерзла.

— Хорошо, — кивнул он.

Они уже ехали, когда она сказала:

— Я до самого конца не верила, что им удастся возвести торговый центр на месте этого бардака, однако он вырос буквально на глазах. Как сейчас помню день, когда они асфальтировали автостоянку перед входом. А еще пару дней спустя уже и всю разметку желтой краской сварганили. Потом устроили грандиозную тусовку по случаю открытия. Какой-то крупный босс перерезал ленточку — и началось. Народ валом повалил. Как будто всю жизнь все только там и отоваривались. Торговый центр назвали «Мамонт»; моя мать там днёвала и ночевала. Когда же она брала туда нас с Энджи, я почему-то сразу вспоминала про эти оранжевые прутья. Мысли о них просто преследовали меня; будто навязчивая идея.

Он кивнул. Уж он-то знал, что такое навязчивая идея.

— А что это для вас означает? — спросила она.

Он пожал плечами:

— Сам еще не знаю.

Он уже собрался размораживать готовый ужин, когда она заглянула в морозильник и, обнаружив там вырезку, сказала, что может приготовить отбивные. Если хозяин не против, конечно.

— Это будет чудесно, — сказал он. — Тем более что я все равно даже понятия не имел, что с ней делать.

— Вам, наверное, здорово недостает вашей жены?

— Не то слово, — вздохнул он.

— Только из-за того, что вы не знаете, как приготовить вырезку? — спросила она.

Однако он не ответил. Она запекла картофель и разогрела замороженную кукурузу.

Они поужинали, причем она уплела три отбивные, две картофелины и полтарелки кукурузы.

— Господи, целый год уже так не пировала, — сказала она, закуривая и глядя на опустевшую тарелку. — Теперь у меня небось заворот кишок будет.

— Чем же вы прежде питались?

— Звериным печеньем.

— *Чем?* — недоуменно переспросил он.

— Печенье такое, в виде всяких зверюшек.

— А, понятно.

— Оно дешевое, — пояснила она. — И питательное. К тому же напичкано витаминами и прочей полезной ерундой. Если верить надписи на коробке, конечно.

— Чушь собачья! Скорее у вас от этого заворот кишок случится. Да и потом — вы что, ребенок, одно печенье лопать? Ступайте-ка за мной.

Он провел ее в столовую и раскрыл дверцы серванта. Взял серебряную салатницу и вынул из нее пухлую кипу денег. Девушка вытаращила глаза.

— Вы кого-то укокошили, мистер?

— Никого. Я вернул свою страховку. Вот, держите. Здесь двести долларов. Это вам на еду.

Но девушка даже не прикоснулась к деньгам.

— Вы, видно, чокнутый, — промолвила она. — Что, по-вашему, я должна сделать, чтобы отработать такую сумму?

— Ничего вы не должны, — отрезал он. — Мне ничего от вас не нужно.

Она рассмеялась, но ничего не сказала.

— Ну ладно. — Он положил деньги на буфет, а салатницу поставил в сервант. — Если вы не заберете деньги утром, я спущу их в унитаз. — В глубине души он, правда, не слишком в это верил.

Девушка пристально посмотрела на него.

— Что ж, вы, пожалуй, на такое способны.

Он промолчал.

— Посмотрим, — сказала она. — Утром.

— Посмотрим, — эхом откликнулся он.

Он сидел и смотрел по телевизору передачу «По правде говоря». Три участницы наперебой уверяли, что являются непревзойденными чемпионками по родео, причем две из них отчаянно врали, а вот третья говорила правду. Какая именно — предстояло определить жюри, в состав которого входили разные телезнаменитости. Гарри Мур, бессменный ведущий этого шоу в течение уже лет трехсот, улыбался, острил и звонил в колокольчик, когда отпущенное каждой из участниц время истекало.

Девушка смотрела в окно.

— Слушайте, а на вашей улице еще хоть кто-нибудь живет? Нигде света нет.

— Остались только я и Данкманы. Они пятого января переезжают.

— Почему?

— Из-за дороги, — ответил он. — Выпить хотите?

— Что значит — из-за дороги?

— Она проходит как раз по нашей улице, — пояснил он. — Мой дом, насколько я могу судить, окажется как раз посреди разделительной полосы.

— Вот, значит, почему вы показали мне, где ведутся эти дорожные работы?

— Наверное. Я ведь еще недавно работал на прачечном комбинате, что в двух милях отсюда. «Блю Риббон» называется. Чертова дорога и его поглотила.

— Поэтому вы и потеряли работу? — уточнила она. — Вашу прачечную закрыли?

— Не совсем так. Я должен был заключить контракт на покупку завода, чтобы открыть новый комбинат в местечке, которое называется Уотерфорд, но не сделал этого.

— Почему?

— Не мог я этого вынести, — просто ответил он. — Выпить хотите?

— Вам вовсе не обязательно меня подпаивать, — сказала она. — Я и так согласна.

— Господи! — Он всплеснул руками и закатил глаза. — У вас все мысли об одном.

Воцарилось неловкое молчание. Наконец она сказала:

— Я пью только коктейли. Водка с апельсиновым соком у вас есть?

— Да.

— А вот «травка» вряд ли найдется. Да?

— Да. Этим я не балуюсь.

Он отправился на кухню и смешал гостье коктейль. Себе, как обычно, приготовил «Комфорт» с севен-апом и отнес напитки в гостиную.

Девушка забавлялась с пультом дистанционного управления, поочередно включая все тридцать семь каналов. «По правде говоря», заставка, «Что у меня на уме», «Мечтаю о Дженни», «Остров Гиллигена», заставка, «Я люблю Люси», заставка, заставка, Джулия Чайлд, колдующая над авокадо, заставка, «Лучшие цены» и снова Гарри Мур, требовавший, чтобы жюри определило, кто из троих участников написал книгу о том, как, заблудившись в дремучих лесах Саскачевана, выжил там целый месяц.

Он подал девушке ее коктейль.

«Скажите, номер два, вы жуков ели?» — поинтересовалась Китти Карлайл.

— Слушайте, а куда «Звездный путь» подевался? — нахмурилась девушка, отпивая из стакана.

— Его в четыре часа крутят, — пояснил он. — По восьмому каналу.

— Вы его смотрите?

— Иногда. Моя жена предпочитает Мерва Гриффина.

«...Никаких жуков я не видел, — ответил тем временем конкурсант под номером два. — В противном случае я с удовольствием полакомился бы ими».

Грохнул смех.

— А почему вы разъехались? — спросила девушка. — Впрочем, можете не отвечать, если не хотите.

— По той же причине, что я лишился работы, — ответил он, усаживаясь.

— Из-за этого контракта? Из-за того, что вы новый завод не купили?

— Нет. Из-за того, что я не купил новый дом.

— Не купили... Во черт! — Она уставилась на него не мигая. Благоговение и восхищение перемешались в ее глазах с непритворным страхом. — Так что же вы собираетесь делать теперь?

— Сам не знаю.

— Вы сейчас не работаете?

— Нет.

— А чем же вы днем занимаетесь?

— Гоняю по автостраде.

— А вечером смотрите телевизор?

— Да. И пью. Иногда воздушную кукурузу готовлю. Сегодня тоже ее сделаю. Попозже.

— Я не люблю воздушную кукурузу.

— Значит, сам съем.

Она нажала красную кнопку на пульте дистанционного управления, и экран «Зенита» скукожился до размера крохотной яркой точки и погас.

— Если я правильно поняла, — произнесла девушка, — то вы собственными руками избавились от жены и работы...

— Только не обязательно в этом порядке.

— Это не важно. Вы принесли их в жертву своей ненависти к дороге. Так?

Он хмуро воззрился на потухший экран телевизора. Он редко смотрел телевизор и тем не менее испытывал какую-то неловкость от того, что тот выключен.

— Сам толком не пойму, — уклончиво ответил он. — Порой сложно понять собственные поступки.

— Может, вы так свой протест выражаете?

— *Не знаю*. Обычно ведь протестуешь в том случае, если знаешь, что есть нечто лучшее. Люди, протестующие против войны, знают, что мир лучше. Люди, которые выступают против законов, запрещающих наркотики, полагают, что законы должны быть либеральнее... Словом, я и сам толком не знаю. А почему бы вам не включить телевизор?

— Сейчас включу. — И он вновь обратил внимание, что глаза у девушки зеленые, а взгляд загадочный и пристальный, как у кошки. — Вы, наверное, здорово ненавидите эту автостраду, да? И наше технократическое общество. Бесчеловечное отношение к простым...

— Нет, — покачал головой он. Ему было трудно говорить правду; он даже сам не понимал, зачем мучается, когда можно было, соврав, одним махом покончить с этим разговором. Она была такой же, как и остальная молодежь, как Винни, как люди, думающие, что истину можно постигнуть, обучаясь: громкие слова и лозунги были для нее важнее, чем правдивый ответ. — Поверьте, уж я в своей жизни нагляделся на всякие стройки. И мне всегда было глубоко наплевать на них, кроме разве что тех случаев, когда приходилось далеко обходить из-за разрытого тротуара.

— Но теперь, когда это задело вас... ваш дом и вашу работу, вы взбунтовались.

— Пожалуй, да. — Он, правда, еще не был в этом уверен. А взбунтовался ли он на самом деле? Возможно, он уступил какому-то разрушительному порыву, подрывному механизму самоуничтожения, который был заложен в нем наподобие той опухоли, которая погубила Чарли. Ему вдруг захоте-

лось, чтобы Фредди был рядом. Уж Фредди сумел бы сказать этой девушке именно то, что ей хотелось услышать. Однако Фредди не спешил к нему на выручку.

— Либо вы ненормальная личность, либо совершенно замечательная, — медленно промолвила девушка.

— Замечательные люди только в романах встречаются, — сказал он. — Включите телевизор.

Она взяла пульт. Он не стал возражать, когда она снова включила шоу.

— Что пьете?

Было без четверти девять. Он был уже под хмельком, но не настолько пьян, как обычно, когда оставался один. Он приготовил в кухне воздушную кукурузу. Ему нравилось наблюдать, как с треском лопаются зернышки под куполом из закаленного стекла; словно снежинки, вздымающиеся в воздух вместо того, чтобы падать с неба.

— «Южный комфорт» и севен-ап.

— *Что?* — переспросила она, не веря своим ушам.

Он смущенно закашлялся.

— Можно попробовать? — Девушка с лукавой улыбкой протянула ему свой пустой стакан. Впервые за все время их знакомства она не выглядела отчужденной. — Кстати, коктейль вы мне хреновый смешали.

— Знаю, — сокрушенно признался он. — «Южный комфорт» и севен-ап я пью, когда совсем один остаюсь. При знакомых наливаю себе виски. Хотя на дух его не выношу.

Закончив с воздушной кукурузой, он пересыпал горячие кругляши попкорна в пластмассовую миску.

— Можно попробовать?

— Конечно.

Он смешал ей «Южный комфорт» и севен-ап, затем залил попкорн растопленным маслом.

— Ох и напичкаете же вы себя холестерином, — заметила она, останавливаясь в дверном проеме между кухней и сто-

ловой. Затем пригубила свой напиток. Брови ее поползли вверх. — Ого, недурно. Мне даже *нравится*!

— Еще бы. Только никому не рассказывайте и всегда будете на высоте.

Он посолил воздушную кукурузу.

— Холестерин вам все сердце закупорит, — сказала она. — Просветы кровеносных сосудов будут постепенно становиться все у́же и у́же, пока наконец не настанет день, когда... *а-а-а!* — Она схватилась за сердце и, покачнувшись, выплеснула часть своего напитка прямо на свитер.

— Ничего, рассосется, — ухмыльнулся он, проходя в столовую. По пути он случайно задел рукой ее грудь, целомудренно затянутую лифчиком. Да, Мэри такая грудь и не снилась. Много лет назад разве что.

Его гостья слопала львиную долю попкорна.

Во время одиннадцатичасового выпуска новостей, почти целиком посвященного энергетическому кризису и Уотергейтскому скандалу, она начала позевывать.

— Идите наверх, — сказал он. — Ложитесь спать.

Девушка подозрительно уставилась на него.

Он вздохнул и произнес:

— Если вы не будете принимать испуганный вид всякий раз, как звучат слова «постель» или «спать», мы с вами вполне поладим. Главная цель ложащегося в Великую американскую постель — спать, а не трахаться.

Эта шутка вызвала у нее улыбку.

— И вы даже не зайдете подоткнуть мне одеяло?

— Вы уже большая девочка.

Она спокойно посмотрела на него:

— Если хотите, можете лечь со мной. Я еще час назад так решила.

— Нет... Хотя вы даже не представляете, насколько соблазнительно для меня ваше предложение. За всю свою жизнь я переспал всего с тремя женщинами, причем с пер-

выми двумя так давно, что уже почти их не помню. Это было до того, как я женился.

— Вы не шутите?

— Ничуть.

— Послушайте, я ведь вам от чистого сердца предлагаю, а вовсе не в знак благодарности за то, что вы меня подвезли или ночлег предоставили. И уж тем более не из-за денег.

— Спасибо, — улыбнулся он и встал с дивана. — Поднимайтесь в спальню.

Однако она осталась сидеть.

— Слушайте, ну а вы сами хоть понимаете, почему отказываетесь?

— А это нужно понимать?

— Да. Если вы не в состоянии объяснить собственные поступки, это еще не так страшно — ведь поступки эти вы уже совершили. Но ведь должны быть какие-то веские причины, чтобы не совершать поступок.

— Ну ладно, — сказал он. И кивнул в сторону столовой, где на буфете лежали деньги. — Все дело в деньгах. Вы слишком юны, чтобы заниматься проституцией.

— Я не возьму ваши деньги, — быстро ответила она.

— Знаю. Именно поэтому я и не пойду с вами. Я хочу, чтобы вы их взяли.

— Потому что в мире больше нет людей, достойных вас?

— Вот именно, — вызывающе произнес он.

Она раздраженно покачала головой и встала.

— Ладно, черт с вами. Однако вы славный малый. Вы это знаете?

— Да.

Она шагнула к нему и поцеловала в губы. Поцелуй всколыхнул в нем давно забытые чувства. Пахло от нее удивительно приятно. Он мгновенно возбудился.

— Ступайте, — упрямо повторил он.

— Если передумаете, то приходите ночью...

— Нет. — Он проводил девушку взглядом, глядя, как ее босые ноги поднимаются по ступенькам. — Эй, постойте!

Она обернулась, выжидательно приподняв брови.

— Как вас зовут?

— Оливия, если вас это интересует. Дурацкое имечко, верно? Как Оливия де Хэвиленд.

— А мне нравится. Очень даже милое имя. Спокойной ночи, Оливия.

— Спокойной ночи.

Она поднялась в спальню. Он услышал, как щелкнул выключатель; прежде он тоже всегда слышал этот щелчок, когда Мэри шла спать первой. Прислушавшись, он, наверное, смог бы различить даже сводящее с ума шуршание стаскиваемого свитера или клацанье застежки джинсов...

Однако он предпочел взять пульт дистанционного управления и включил телевизор.

Член его находился в состоянии полного возбуждения, что причиняло ему крайнее неудобство. Ширинку брюк так и распирало. Мэри называла его каменным обелиском, а в молодости, когда их супружеская постель служила только ареной для секса, — окаменевшим змеем-искусителем. Он одернул ширинку, но эрекция упорно не желала исчезать. Тогда он встал и прошелся по комнате. Некоторое время спустя возбуждение прошло, и тогда он уселся снова.

По окончании выпуска новостей начался фильм «Мозг с планеты Ароус» с Джоном Эйджером в главной роли. Он так и заснул перед телевизором, сжимая в ладони пульт дистанционного управления. Несколько минут спустя бугор под ширинкой возник снова — эрекция крадучись вернулась, словно убийца на место давнего преступления.

7 декабря 1973 года

И все-таки он не удержался и посетил ее в ту ночь. Ему снова приснился сон про собаку мистера Пиацци, но на этот раз он точно знал, что мальчик, который приблизился к оз-

веревшему псу, — его собственный сын Чарли. Вот почему, когда собака прыгнула на ребенка, он слепо забился во сне, словно заживо похороненный, тщетно пытающийся выбраться из могилы.

Он беспомощно барахтался, рассекая руками воздух — уже не во сне, но еще не проснувшись, — пока не свалился на пол, пребольно ударившись плечом. Придя в себя, он порадовался, что находится в своей гостиной, а ужасный сон ему лишь привиделся. Реальность была скверной, да, но по крайней мере не настолько ужасающей.

Что же он наделал? Трагическое осознание содеянного, всего того, что он натворил со своей жизнью, ужаснуло его. Он сам разорвал жизнь посередине, словно кусок дешевой ткани. Ничто больше не служило ему утешением. Ноющая боль выгрызала нутро. К горлу поднялась изжога; отрыгнув горечь, слабо отдававшую «Южным комфортом», он снова проглотил слизистый комок. Внезапно на него напала мелкая дрожь, и, чтобы унять ее, он сел, обхватив колени руками. Ну и ночка выдалась! И вообще, что он тут делает, сидя в гостиной, стиснув колени и дрожа, как пьяный забулдыга в подворотне? Или, скорее, как какой-нибудь психопат. Может, в этом дело? Неужто он и вправду спятил? Может, он псих? Не то что какой-нибудь чудак или безобидный шизик, а самый настоящий умалишенный. При этой мысли его прошиб холодный пот. Неужто он и в самом деле ездил к этому бандиту за взрывчаткой? Неужто он и правда прячет в гараже два ружья, причем из одного из них можно запросто уложить слона? Жалобно заскулив, он привстал, скрипя всеми суставами.

Осторожно ступая и выкинув из головы все мысли, он поднялся в спальню.

— Оливия? — шепотом позвал он. Чинно и торжественно, словно в старом фильме с участием Рудольфа Валентино. — Вы не спите?

— Нет, — ответила она. В ее голосе не было и тени сонливости. — Чертовы часы не давали мне спать. Тикали прямо над ухом. Я их отключила.

— Ну и правильно, — сказал он. А что он еще мог сказать? — Мне приснился страшный сон.

Зашуршали откидываемые простыни.

— Залезайте. Прижмитесь ко мне.

— Но...

— Может, хватит болтать, а?

Он послушно улегся рядом. Девушка была абсолютно голая. Они предались любви. Потом уснули.

Утром температура понизилась до десяти градусов. Оливия спросила, получает ли он газеты.

— Когда-то получал, — ответил он. — Кенни Апслингер разносил их по домам. Его семья перебралась в Айову.

Она покачала головой:

— Ну надо же — в Айову. — И включила радио. Передавали прогноз погоды. День ожидался ясный и холодный.

— Яичницу будете?

— Да. Из двух яиц, если можно.

— Можно. Послушайте, я хочу извиниться за вчерашнее поведение...

— Не стоит. Я, между прочим, кончила. Со мной это крайне редко случается. Мне понравилось.

Его невольно охватила мимолетная гордость; возможно, Оливия того и добивалась. Он поджарил яичницу. Из четырех яиц — по два на каждого. Приготовил тосты и кофе. Она выпила три чашки с сахаром и сливками.

— Ну так что же вы собираетесь делать? — спросила она, когда они оба покончили с кофе.

— Отвезти вас на автостраду, — тут же ответил он.

Она досадливо отмахнулась:

— Я не об этом. Как вы дальше *жить* собираетесь?

Он ухмыльнулся:

— Как-то это у вас серьезно прозвучало.

— Это для вас серьезно, — промолвила она.

— Я еще это не обдумывал, — сказал он. — Видите ли, раньше... — он подчеркнул слово *раньше*, — прежде чем за-

варилась вся эта каша, я чувствовал себя как приговоренный к смертной казни. Ничто больше не казалось реальным. Словно я жил в каком-то бесконечном кристальном сне. Но вот этой ночью... Словом, то, что случилось, было абсолютно реальным и осязаемым.

— Я очень рада, — сказала Оливия. При этом она и выглядела обрадованной. — Но что вы дальше делать будете?

— Честное слово, не знаю.

— Как все это грустно, — вздохнула она.

— Честно? — спросил он.

Они снова сидели в машине, направляясь по шоссе номер 7 к Лэнди. На городской окраине были сплошные пробки. Люди спешили на службу. На месте продолжения автострады работа уже кипела вовсю. Дорожные рабочие в желтых защитных шлемах и зеленых резиновых сапогах трудились не переставая, выдыхая облачка пара на морозном воздухе. Один из могучих оранжевых грузовиков разогревался; его мотор пыхтел и фыркал, а иногда покашливал, как миномет, пока наконец не огласил воздух мерным ревом.

— С нашей верхотуры они кажутся детьми, которые копошатся в песочнице, — заметила Оливия.

За городом поток автомобилей стал реже. Деньги — двести долларов — Оливия все-таки взяла; без смущения или неохоты, но и без особого желания. Она осторожно подпорола подкладку куртки, засунула за нее купюры, затем аккуратно зашила подкладку синими нитками, которые нашла в шкатулке со швейными принадлежностями, оставленной Мэри. Она не захотела, чтобы он отвез ее на автовокзал, сказав, что деньги продержатся у нее дольше, если она по-прежнему будет голосовать на дорогах.

— И куда же вы так стремитесь? — спросил он.

— Что? — встрепенулась она, словно выходя из собственных мыслей.

Он улыбнулся:

— Почему именно вы? Почему Лас-Вегас? Вы живете на грани допустимого, как и я. Расскажите о себе хоть немного.

Она пожала плечами:

— Пожалуйста. Мне, правда, рассказывать особенно нечего. Я училась в колледже Нью-Хэмпширского университета, в Дареме. Это под Портсмутом. Год всего проучилась. Жила на одну стипуху. Правда, парень у меня был. С наркотой вот только мы с ним переборщили.

— Вы имеете в виду героин?

Она звонко расхохоталась.

— О нет! Я даже не знаю, употреблял ли героин хоть кто-нибудь из наших знакомых. Нет, мы по-простому ширяли. Галлюциногены главным образом. ЛСД. Мескалин. И прочую «дурь». За последние три месяца я раз шестнадцать «улетала». А то и восемнадцать.

— На что это похоже? — спросил он.

— Что вы имеете в виду? — недоуменно переспросила она.

— Именно то, что я сказал. На что это похоже — «улетать»? Или ширяться, если я правильно выражаюсь.

— Никаких особых последствий я у себя не заметила. И никаких таких страхов тоже не испытывала. Правда, один раз мне вдруг пригрезилось, что у меня лейкоз. Вот это было жутковато. Хотя в основном мерещилась всякая ерундистика. Бога я никогда не видела. И ни разу не испытывала желания покончить с собой. Или убить кого-нибудь.

Чуть подумав, она продолжила:

— Все в свое время хоть недолго, но сидели на химии. Нормальные ребята — Арт Линклеттер, например, — считают, что химия смертоносна. А вот придурки уверяют, что химия перед тобой все двери открывает. Можно даже внутри себя пещеру раскопать и найти собственную душу, как сокровище из романа Райдера Хаггарда. Вы его читали?

— В детстве читал роман «Она». Это ведь он написал?

— Да. А вам никогда не казалось, что ваша душа подобна изумруду на лбу идола?

— Никогда об этом не задумывался.

— А вот мне так не кажется, — промолвила она. — Я расскажу вам о самых замечательных и самых страшных случаях из собственного опыта общения с наркотой. Самый кайф вышел однажды, когда я сидела дома и пялилась на обои. Они были испещрены крохотными круглыми точками, которые постепенно, прямо у меня на глазах, превратились в снежинки. Я сидела в гостиной и смотрела, как передо мной разыгрывается настоящая метель. И вдруг я заметила, как прямо из снега появляется маленькая девочка. На голове у нее был повязан платочек из какого-то грубого материала вроде джута, и она держала его вот так. — Оливия сжала кулачок под подбородком. — Я решила, что она идет домой, как вдруг — бах! — и передо мной открылась целая улица, заваленная снегом. Девочка перебралась через сугробы и вошла в ближайший дом. Это было просто потрясно. Сидеть дома и смотреть телевизор. Вернее — «обоевизор». Хотя Джефф называет это глюками.

— Джефф — это ваш парень?

— Да. А самое страшное случилось со мной, когда я попыталась прокачать сток в унитазе. Сама не знаю даже, что на меня нашло тогда. Порой, когда ты под кайфом, тебе в голову лезет всякая чушь, хотя кажется, что все нормально. Так вот, мне вдруг втемяшилось в башку, что я обязана прокачать унитаз. Я взяла вантуз, начала качать, и оттуда поперло всякое дерьмо. До сих пор не пойму, какое дерьмо было настоящее, а какое — нет. Кофейная гуща. Обрывок рубашки. Здоровенные комья какой-то мерзкой черной слизи. Какая-то красная дрянь, похожая на кровь. И наконец — рука. Мужское запястье с пальцами.

— Что?

— *Запястье*. Я позвала Джеффа и сказала: «Слушай, кто-то тут мужика в сортир спустил». Но Джефф уже куда-то слинял, и я была дома одна. Я качала как одержимая и — выкачала предплечье. Запястье лежало в раковине, заляпанное кофейной гущей, а тут еще и предплечье поперло! Представляете? Я сбегала в гостиную, убедилась, что Джеффа по-прежнему

нет, а потом, когда вернулась в ванную, руки с предплечьем и след простыл! Меня это тогда здорово ошарашило. До сих пор еще снится.

— Жуть какая, — процедил он сквозь зубы, плавно притормаживая перед мостом, проходящим под новой автострадой.

— Да, от химии у кого угодно крыша поедет, — торжественно кивнула Оливия. — Иногда это даже к лучшему. Но чаще — нет. Как бы то ни было, мы уже здорово увязли. На игле сидели. Вы видели когда-нибудь плакаты с изображением атомной структуры — протоны там всякие, нейтроны, электроны?

— Да.

— Вот, нам как раз казалось, что наша квартира — это ядро, а люди, которые входят и выходят, — это протоны и электроны. Входят, выходят, вплывают, выплывают — как у Дос Пассоса.

— Я не читал его.

— А зря. Джефф просто упивается им. Клевый писатель. У нас часто случалось так, что мы торчали в гостиной, пялясь в телевизор с выключенным звуком, рядом надрывался проигрыватель, вокруг была еще куча народа под кайфом, в спальне кто-то трахался, а мы не имели ни малейшего понятия, кто все эти люди. Понимаете?

Вспомнив, что и сам не раз, упившись вусмерть, бродил по подобным вечеринкам, обалделый, как Алиса в Зазеркалье, он кивнул.

— Однажды мы вот так сидели и смотрели шоу Боба Хоупа. Все были под кайфом и хохотали как ненормальные. Сидя перед ящиком чин чином, как мамаши и папаши. И вдруг меня осенило: вот, значит, для чего понадобилось воевать во Вьетнаме. Чтобы Боб Хоуп смог ликвидировать пропасть между поколениями. Вопрос лишь в том, чтобы все могли «дурь» достать.

— Но вы были слишком невинны для всего этого.

— Невинны? Нет, не в этом дело. Просто последние пятнадцать лет стали казаться мне какой-то гротескной игрой в

«Монополию». Пауэрса на его У-2 сбили. Щелчок по носу. Негров в Сельме разогнали брандспойтами. Кучу народа в тюрягу посадили. В Миссисипи обстреляли участников марша протеста. А убийство Кеннеди? Вьетнам? Мартин Лютер Кинг? Студенческие забастовки, движение суфражисток и все прочее? А все ради того, чтобы кучка наколовшихся и накурившихся обалдуев могла сидеть перед ящиком и смотреть Боба Хоупа? Да пошли они все в задницу! Словом, я решила завязать.

— А как же Джефф?

Она пожала плечами:

— Он продолжает учиться. И неплохо. Через год заканчивает. Но только я сначала посмотрю на него, а уж потом решу, продолжать нам или нет.

— Скучаете без него?

— По ночам.

— А почему вы едете именно в Вегас? Вы там кого-нибудь знаете?

— Нет.

— Странное место для такой идеалистки, как вы.

— Вот как — по-вашему, я идеалистка? — Она засмеялась и закурила. — Возможно, так и есть. — Чуть помолчав, добавила: — Нет, дело тут не в идеалах — просто я давно хочу посмотреть этот город. Он настолько не похож на все остальные, что мне там может понравиться. Я ведь не играть еду. Попробую на работу устроиться.

— А что потом?

Оливия выпустила из ноздрей дым и пожала плечами. Тем временем они миновали придорожный щит:

ЛЭНДИ — 5 МИЛЬ

— Попробую начать новую жизнь, — произнесла она вдруг. — С наркотиками я завязала, а скоро и с этим покончу. — Она кивком указала на сигарету. — Перестану притворяться, будто моя жизнь еще не началась. Ведь процентов двадцать я уже прожила. Самые сливки слизнула.

— Вон, смотрите. Поворот на автостраду.

Он подкатил к обочине и остановился.

— Ну а вы? Что с вами будет?

Тщательно выбирая слова, он ответил:

— Посмотрим, как что повернется. Я еще не выбрал.

— Поосторожнее, — сказала она. — Не обижайтесь, но вы не в лучшей форме.

— Я не обижаюсь.

— Вот, возьмите. — Она протянула ему зажатый между пальцами пакетик из алюминиевой фольги.

Он взял пакетик и повертел его в руке, разглядывая. Яркий утренний свет отражался от фольги, ослепляя глаза сверкающими брызгами.

— Что это?

— Синтетический мескалин. Чистейший. Лучшее из всего, что на свете есть. — Чуть поколебавшись, она добавила: — Если хотите, можете его в унитаз спустить. От него вам может и хуже стать. Или наоборот. Бывали и такие случаи.

— Вы сами о них знаете?

Она горько улыбнулась:

— Нет.

— Сделаете мне одно одолжение? Если сможете.

— Если смогу.

— Позвоните мне на Рождество.

— Зачем?

— Вы для меня вроде книги, которую я не дочитал. Я хочу знать, что будет дальше. Позвоните за мой счет. Сейчас я вам запишу номер моего телефона.

Он порылся в кармане, вытащил авторучку, но девушка твердо сказала:

— Нет.

Он озадаченно приподнял голову и спросил с обидой:

— Но почему?

— Телефон, если понадобится, я и в справочнике разыщу. Но возможно, будет лучше, если я этого не сделаю.

— Почему?

— Не знаю. Вы мне нравитесь, но... на вас как будто порчу навели. Я не могу этого объяснить. Мне кажется, что вы вот-вот какой-то безумный фортель отколете.

— Вы думаете, что я чокнутый, — услышал он свой голос словно со стороны. — Ну и катитесь к дьяволу.

Она вылезла из машины. Он перегнулся через сиденье.

— Оливия...

— Может, меня вовсе не так зовут.

— Может. Позвоните, пожалуйста.

— Вы только полегче с этой хренотой, — предупредила она, указывая на блестящий *пакетик. — Вы ведь и без того в* облаках витаете.

— До свидания. Берегите себя.

— Беречь себя? Это что-то новенькое. — Снова горькая улыбка. — До свидания, мистер Доус. Спасибо. Кстати, в постели с вами здорово было. Это без дураков. До свидания.

Она захлопнула дверцу, пересекла шоссе номер 7 и остановилась на обочине автострады. Подняла большой палец. Ни одна из машин не остановилась. Убедившись, что дорога свободна, он развернулся и, помигав на прощание фарами, дал газу. Увидел в зеркальце заднего вида, как она помахала вслед.

Вот дуреха, подумал он, качая головой. Надо же быть такой самонадеянной.

И все же, включая радиоприемник, он увидел, что рука его дрожит.

Вернувшись в город, он выехал на автомагистраль и понесся по ней со скоростью семьдесят миль в час. Проехал миль двести. Однажды чуть не выкинул пакетик из фольги в окошко. В следующую минуту с трудом удержался, чтобы не проглотить таблетку прямо сейчас. Кончилось тем, что он упрятал пакетик во внутренний карман.

Добравшись до дома, он почувствовал себя абсолютно вымотанным, вконец опустошенным. Проклятая автомагистраль за день заметно продвинулась; еще две недели — и пра-

чечную придется сносить. Тяжелая техника уже подтягивалась. Три дня назад Том Грейнджер поведал ему об этом странным голосом, позвонив почти ночью. Что ж, он проведет там целый день, наблюдая, как будут рушить здание, где он столько проработал. Возможно, даже прихватит с собой пакет с обедом.

Брат Мэри, который жил в Джексонвилле, прислал ей письмо. Ему еще не было известно об их размолвке. Он рассеянно отложил конверт в кипу почты для Мэри, которую уже давно забывал переслать по ее новому адресу.

Он привычно поставил разогревать в духовку замороженный ужин и подумал, не выпить ли. Решил, что не стоит. Он хотел вспомнить сексуальный эпизод с Оливией, посмаковать его, перебрать в памяти все сладостные нюансы. Выпьешь — и красочные картинки расплывутся, приобретут аляповатые, размытые очертания кадров из какого-нибудь порнофильма низкого пошиба. Нет, так он вспоминать не хотел.

Однако как ни старался, видения не оживали. Он не помнил ни упругой тяжести ее грудей, ни дурманящего аромата сосков. Сам половой акт, возникавшие при этом ощущения были приятнее, чем с Мэри. Внутри Оливия была потуже Мэри; однажды его член выскользнул из ее влагалища с таким хлопком, словно пробка из бутылки шампанского. Однако приятное чувство не возвращалось. Его вдруг остро потянуло поонанировать. Желание было столь сильным, что ему даже стало противно. И стыдно. А потом стало стыдно за то, что было стыдно. Он уселся ужинать. Да, Оливия, конечно, не ангел. Обычная потаскушка. Надо же — в Лас-Вегас ей надо! Вдруг он пожалел, что не смог посмотреть на себя со стороны опытным глазом Мальоре. Эта мысль доставила ему наибольшее отвращение.

Уже позже он все-таки напился, а около десяти его обуяло уже привычное желание позвонить Мэри. Вместо этого он, сидя прямо перед телевизором, занялся онанизмом и ис-

пытал бурный оргазм в тот самый миг, когда голос за кадром рекламного ролика уверял, что анацин — лучшее болеутоляющее средство в мире.

8 декабря 1973 года

В субботу он не стал гонять по автостраде. Бесцельно слоняясь по дому, он, как мог, откладывал то, что должен был сделать. Наконец все-таки позвонил Мэри. Лестер и Джин Каллоуэй, ее родители, уже приближались к семидесятилетнему порогу. Обычно, когда он звонил, Джин (Чарли всегда называл ее «мамочка Джин») снимала трубку сама, но, как только узнавала, кто звонит, голос ее превращался в ледяную глыбу. Для них с Лестером он, несомненно, был сродни бешеному зверю, который, вконец обезумев, покусал их дочь. И вот теперь зверь, наверняка пьяный в стельку, звонит и слезно молит их дочурку вернуться, чтобы искусать ее вновь.

Однако к своему нескрываемому облегчению, он услышал голос Мэри:

— Алло?

— Мэри, это я.

— О, привет, Барт. Как твои дела? — Голос бесстрастный и ровный.

— Ничего.

— Как там запасы «Южного комфорта»? Не истощились?

— Мэри, я больше не пью.

— Ну надо же! — Тон ее показался ему язвительным, и он вдруг испугался: насколько плохо он все-таки знал Мэри. Как могла женщина, с которой он прожил столько лет (и которую, как ему казалось, знал словно свои пять пальцев), бросить его с такой легкостью?

— Да вот, представь себе, — пробормотал он.

— Насколько мне известно, прачечная уже закрылась, — сказала она.

— Возможно, временно. — Ему вдруг показалось, что он едет в лифте и беседует с каким-то незнакомцем, которому кажется страшной занудой.

— Жена Тома Грейнджера так не считает.

Ага, наконец нападки. Все-таки лучше, чем ничего.

— Тому ничто не грозит. Его ведь уже давно на куски разрывают. Руководство «Брайт-клин» его теперь наверняка переманит.

Ему показалось, что Мэри вздохнула.

— Зачем ты звонишь, Барт?

— Мне бы хотелось, чтобы мы с тобой помирились, — осторожно ответил он. — Мы должны поговорить, Мэри.

— Ты имеешь в виду развод? — Вопрос прозвучал вполне спокойно, но ему вдруг показалось, что он уловил в ее голосе панические нотки.

— А ты хочешь, чтобы мы развелись?

— Я сама не знаю, *чего* хочу. — Голос ее дрогнул и казался теперь разгневанным и испуганным одновременно. — Я ведь почему-то, дурочка, всегда считала, что у нас с тобой все хорошо. Я была счастлива и думала, что ты тоже счастлив. И вдруг — как гром среди ясного неба...

— Ты считала, что у нас все хорошо, — эхом откликнулся он. Внезапно его захлестнула ярость. — Господи, ну как можно быть такой черствой! Неужели, по-твоему, я поставил крест на своей карьере просто так, шутки ради? Словно прыщавый старшеклассник, который бросает дымовую шашку в школьный туалет?

— Ну а тогда в чем дело, Барт? Что случилось?

Гнев его мигом растаял, словно прошлогодний сугроб. Под желтоватым снегом обнаружились слезы. Он угрюмо боролся с ними, преисполненный мрачной решимости и чувствуя себя преданным. И почему это происходит, когда он трезв как стеклышко? Ведь в трезвом виде легче держать себя в руках. Его же так и подмывало расплакаться у нее на плече и выболтать все как на духу; словно мальчишке с расквашенным носом у мамочки в объятиях. В любом случае он не су-

мел бы поведать ей, что случилось, поскольку в глубине души и сам этого не знал; а уж беспричинный плач и вовсе говорил о том, что дальше некуда. Только в психушку.

— Не знаю, — ответил он наконец.

— Чарли?

Беспомощно он произнес:

— Если дело в Чарли, то почему ты не замечала всего остального?

— Я ведь тоже тоскую по нему, Барт. До сих пор. Каждый час, каждую минуту.

Опять обида. Странно ты это выказывала.

— Нет, так ничего не выйдет, — сказал он наконец. Слезы катились по щекам, но он не замечал их и не позволял голосу дрожать. — Это не телефонный разговор. Давай пообедаем вместе в понедельник. Скажем, в «Хэнди-Энди».

— Хорошо. Во сколько?

— В любое время. Думаю, с работы меня отпустят. — Шутка прозвучала банально и в пустоту.

— В час устроит?

— Вполне. Я закажу столик.

— Хорошо. Только не вздумай прийти на пару часов раньше и напиться.

— Не напьюсь, — угрюмо буркнул он, зная наперед, что это не так.

Воцарилось молчание. Говорить больше было не о чем. Где-то в отдалении чьи-то голоса еле слышно обсуждали свои проблемы. И вдруг Мэри произнесла нечто, заставшее его врасплох:

— Барт, мне кажется, тебе следует показаться психиатру.

Ему показалось, что он ослышался.

— *Кому?*

— Психиатру. Я понимаю, как дико это звучит, но хочу, чтобы ты уяснил себе: если не покажешься психиатру, я ни за что к тебе не вернусь.

— До свидания, Мэри, — медленно произнес он. — В понедельник увидимся.

— Барт, я бессильна тебе помочь. Тебе необходим психиатр.

— Я и сам это знаю. До свидания, Мэри, — тщательно подбирая слова, ответил он и, прежде чем она успела что-либо сказать, положил трубку. И вдруг поймал себя на том, что почти рад. Он победил. Выиграл гейм, сет, а с ним и всю игру. Швырнул через всю комнату пластмассовый молочник и тут же порадовался, что не бросил нечто бьющееся. Открыл шкафчик над кухонной раковиной, взял два первых подвернувшихся под руку стакана и, от души размахнувшись, шмякнул их об пол. Послышался звон, во все стороны брызнули осколки.

— *Скотина ты чертова, сукин ты сын!* — заорал он на самого себя. — *Ну почему бы тебе не перестать дышать, пока ты не ПОСИНЕЕШЬ?*

Пытаясь заглушить внутренний голос, он изо всей силы треснул кулаком о стену и завопил от боли. Обхватил покалеченную правую кисть левой рукой и стоял посреди кухни, дрожа и покачиваясь. Наконец, совладав с собой, взял совок со щеткой и подмел осколки. Чувствовал он себя вконец разбитым и несчастным.

9 декабря 1973 года

Выехав на автостраду, он на бешеной скорости преодолел сто пятьдесят миль, а затем вернулся. Дальше ехать не осмелился. Это было первое воскресенье, когда все бензоколонки вдоль трассы оказались закрыты. А добираться домой пешком ему не улыбалось. Вот видишь, сказал он себе. Вот как, Джорджи, они с такими яйцеголовыми упрямцами расправляются.

Эй, Фред, это правда ты? Чему я обязан подобной чести, Фредди?

Иди в задницу, приятель!

На обратном пути по радио передали обращение к американским гражданам:

«Вас, конечно, беспокоит нынешний энергетический кризис, и вы хотите застраховать себя и свою семью, чтобы зимой не остаться без бензина. Вы уже катите на ближайшую бензоколонку, прихватив с собой дюжину пустых канистр. Однако если вас по-настоящему заботит судьба вашей семьи, то советуем развернуться и ехать домой. Хранить бензин дома или в гараже крайне опасно. Не говоря уж о том, что и закон этого не разрешает. Подумайте сами: перемешиваясь с воздухом, пары бензина становятся взрывоопасны. Взрыв канистры бензина по разрушительной мощи соответствует полусотне динамитных шашек. Подумайте об этом, прежде чем заполнять бензином канистры. А потом подумайте о своей семье. Мы хотим, чтобы вы жили долго.

Мы передавали обращение к американским гражданам. Наша радиостанция присоединяется к этому призыву».

Он выключил радиоприемник, снизил скорость до пятидесяти миль в час и перестроился в правый ряд.

— Полсотни динамитных шашек, — пробормотал он. — Любопытно, черт побери.

Взгляни он в этот миг на себя в зеркало, то разглядел бы на своем лице широчайшую ухмылку.

10 декабря 1973 года

В «Хэнди-Энди» он пришел в половине двенадцатого, и метрдотель усадил его за столик возле стилизованных крыльев нетопыря — далеко не лучший столик, но перед ленчем выбор был невелик. Ресторанчик «Хэнди-Энди» специализировался на бифштексах и отбивных, а его фирменное блюдо называлось «эндибургер». Это была здоровенная булочка, усыпанная кунжутными семенами, с котлетой и салатом внутри; удерживалась сложная конструкция с помощью хит-

роумно воткнутой в нее зубочистки. Подобно всем городским ресторанам, расположенным неподалеку от деловых кварталов, тут трудно было точно угадать время наплыва публики. Еще два месяца назад он мог прийти сюда в полдень и выбрать едва ли не любой столик по вкусу — возможно, и позже, месяца через три, здесь будет то же самое. Чем объяснялись подобные перепады, было для него глубокой тайной вроде удивительных историй в книгах Чарльза Форта или непостижимого инстинкта, благодаря которому ласточки всегда возвращались в Капистрано.

Усаживаясь, он украдкой огляделся по сторонам — мало ли, а вдруг рядышком сидит Винни Мейсон, Стив Орднер или еще кто из бывших коллег по прачечной. Однако кругом сидели одни незнакомцы. Слева от него какой-то молодой человек убеждал свою девушку, что в феврале они вполне могут позволить себе провести три денечка в Солнечной Долине. Остальные переговаривались шепотом или вполголоса; разобрать даже отдельные слова не удавалось.

— Не желаете ли выпить, сэр? — обратился к нему официант.

— Виски со льдом, пожалуйста.

— Хорошо, сэр, — кивнул официант.

Он постарался растянуть первый стакан до полудня, но в течение следующего получаса опустошил еще два, а затем, уже из чистого упрямства, заказал двойную порцию. Он уже допивал и ее, когда увидел Мэри. Она вошла в фойе и остановилась в дверях, высматривая его. Многие головы повернулись к ней, и он подумал: *Мэри, ты должна быть мне благодарна — ты прекрасна.* Подняв правую руку, он помахал ей.

Мэри помахала ему в ответ и приблизилась к его столику. На ней было серое шерстяное платье с изящным узором, немного не достающее до колен. Волосы, перехваченные на затылке (он никогда не видел, чтобы она так причесывалась), ниспадали на плечи. Выглядела Мэри моложе обычного, и он вдруг виновато вспомнил нагую Оливию, сладострастно барахтавшуюся под ним на их с Мэри супружеском ложе.

— Привет, Барт, — сказала она.

— Здравствуй, Мэри. Ты выглядишь просто изумительно.

— Спасибо.

— Выпить хочешь?

— Нет... закажи мне только эндибургер. Ты уже давно пришел сюда?

— Нет, недавно.

Число посетителей поубавилось, и официант подоспел почти сразу.

— Что желаете заказать, сэр?

— Два эндибургера. Даме — молоко. Мне — еще одно двойное виски.

Он кинул быстрый взгляд на Мэри, но ее лицо оставалось безучастным. Жаль. Вымолви она хоть слово, он бы отказался от спиртного. Он надеялся, что ему не захочется выйти в туалет, так как не был уверен, что способен пройти не шатаясь. Он вдруг беспричинно хихикнул.

— Я вижу, ты еще не совсем пьян, но за ворот заложить уже успел, — сухо заметила Мэри, разворачивая на коленях салфетку.

— Здорово сказано, — огрызнулся он, качая головой. — Ты долго репетировала?

— Барт, давай не будем ссориться.

— Давай, — согласился он.

Она пригубила воду из стакана; он бесцельно ковырял подставку для стакана.

— Ну так что? — спросила наконец Мэри.

— Что «что»?

— Ты ведь хотел о чем-то поговорить, не так ли? Или уже передумал?

— Ты уже поправилась, — тупо сказал он и вдруг, сам не зная каким образом, разорвал подставку для стакана. Он не мог, не смел высказать ей то, что думал: что она изменилась, стала какой-то умудренной и даже опасной, словно забредшая в бар секретарша, готовая принять угощение лишь от мужчины, облаченного в костюм за четыреста долларов.

— Барт, что нам делать?

— Если хочешь, я готов сходить к психиатру, — промолвил он, понизив голос.

— Когда?

— Скоро.

— Может, прямо на сегодня запишешься?

— Я не знаю ни одного психиатра.

— Посмотри в телефонной книге.

— Нужно и правда быть чокнутым, чтобы выбирать психиатра по справочнику.

Мэри укоризненно посмотрела на него, и он поспешно отвел глаза в сторону.

— Рассердился? — спросила она.

— Просто, видишь ли, я ведь сейчас не работаю. Представляешь, что такое для безработного — платить пятьдесят долларов в час?

— А на что живу я, по-твоему? — резко спросила она. — Я ведь вообще на иждивении у родителей. А они, если помнишь, пенсионеры.

— Насколько я знаю, — язвительно произнес он, — у твоего папаши достаточно акций, чтобы вы все могли безбедно просуществовать и в следующем столетии.

— Но, Барт, ведь это совсем не так! — Она казалась обиженной и испуганной.

— Чушь собачья! Зимой они на Ямайке отдыхали, а за год до этого — в Майами, причем в самом «Фонтенбло». А *еще раньше* — на Гавайях. На пенсию так не катаются. Так что, Мэри, не пытайся меня разжалобить...

— Прекрати, Барт. Не перегибай палку.

— Я уж не говорю о его новехоньком «кадиллаке» и фургоне. Недурные машинки, да? На какой из них они ездят получать продуктовые карточки?

— *Замолчи!* — прошипела Мэри, вцепившись в край стола. Глаза ее горели, зубы оскалились.

— Извини, — пробормотал он, сникая.

— Вот ваш заказ!

Официант расставил перед ними эндибургеры, картофель фри, блюдечки с зеленым горошком и крохотными луковками, затем отбыл восвояси. Некоторое время они молча ели, сосредоточившись на том, чтобы не измазать соусом подбородок и колени. Интересно, сколько семей удалось сохранить благодаря эндибургерам, подумал он. А ведь дело-то совсем нехитрое — жуй себе да молчи в тряпочку. Мэри отложила недоеденный эндибургер в сторону, промокнула салфеткой губы и сказала:

— Ничуть не хуже, чем в прежние дни. Послушай, Барт, ты хоть приблизительно представляешь, как быть дальше?

— Ну конечно, — уязвленно ответил он. Хотя, по правде говоря, даже понятия об этом не имел. Вот выпей он еще двойное виски, тогда другое дело.

— Ты хочешь, чтобы мы развелись?

— Нет, — твердо сказал он, понимая, что от него ждут четкого ответа.

— Ты хочешь, чтобы я вернулась?

— А ты сама хочешь?

— Не знаю, — сказала она. — Говоря начистоту, Барт, я впервые за двадцать лет испугалась за себя. Да-да, я о себе *беспокоюсь*. — Она поднесла было ко рту эндибургер, но тут же снова отложила его. — Разве ты не знаешь, что я лишь по воле случая вышла за тебя замуж? Ты никогда об этом не задумывался?

Похоже, она осталась удовлетворена его неподдельным изумлением.

— Да, так я и думала. Я была беременна, поэтому, конечно же, хотела выйти за тебя. Однако что-то внутри меня усиленно этому противилось. Какой-то внутренний голос настойчиво нашептывал, что это будет самая страшная ошибка в моей жизни. Три дня я поджаривалась на медленном огне, а по утрам, когда меня тошнило, ненавидела тебя лютой ненавистью. Что мне только в голову не приходило! Убежать на край света. Сделать аборт. Родить ребенка и отдать его на усыновление. Родить ребенка и оставить себе. В кон-

це концов я все-таки остановилась на самом разумном варианте. Как мне казалось. — Она горько рассмеялась. — И все равно потеряла ребенка.

— Да, это так. — Он сокрушенно покачал головой, отчаянно надеясь, что разговор перейдет на другую тему. Ему показалось, что его только что с головой окунули в нечистоты.

— И все же, Барт, я была с тобой счастлива.

— Правда? — машинально переспросил он. Ему вдруг отчаянно захотелось удрать. Зря он все-таки ее пригласил. Ничего у них не выйдет.

— Да. Однако беда в том, что семейная жизнь действует на мужа и жену по-разному. Помнишь, как в детстве ты никогда не беспокоился из-за своих родителей? Ты просто считал, что они всегда будут рядом с тобой; подобно еде, одежде и крыше над головой.

— Да, наверное. Так оно и было.

— А я вот ухитрилась забеременеть. В течение последующих трех дней передо мной открылся новый мир. — Она пригнулась вперед, глаза взволнованно сияли, и он вдруг ошарашенно осознал, что этот всплеск эмоций необыкновенно *важен* для нее. Что он куда важнее общения с подругами, походов по магазинам и восхищения шоу Мерва Гриффина. Неужели все годы замужества она вынашивала эти мысли? Двадцать лет? Господи, а ведь они и правда прожили вместе двадцать лет. Ему вдруг стало не по себе. Куда приятнее было вспомнить, как Мэри находила в кювете пустую бутылку и торжествующе, улыбаясь до ушей, махала ею над головой. — Я вдруг поняла, что я тоже личность, — сказала она. — Независимая личность, которая вовсе не обязана отчитываться или объясняться перед кем бы то ни было. С другой стороны, рядом со мной не было человека, на которого я могла бы целиком положиться, которому могла бы довериться в трудную минуту. Поэтому я поступила разумно. Как моя мать, а до нее — моя бабушка. Как мои подруги. Мне надоело ходить в невестах и искать спутника жизни. Вот почему я

согласилась выйти за тебя. Я ни о чем не беспокоилась, даже после смерти Чарли, потому что рядом оставался ты. А ты всегда был со мной добр. Я тебе очень за все это благодарна. Но вот жила я в замкнутом мирке. Словно в бутылке. Я совершенно перестала думать. Разучилась. Мне только казалось, что я думаю, но это было не так. А теперь мне больно думать. Да, *больно*. — Она подняла глаза и с минуту смотрела на него с легким укором; затем слабо улыбнулась. — Поэтому, Барт, я хочу, чтобы теперь ты сам немного подумал. Что нам делать?

— Я собираюсь устроиться на работу, — соврал он.

— Вот как?

— И я схожу к психиатру. Мэри, все наладится, вот увидишь. Я, конечно, был слегка не в себе, но теперь все встанет на свои места. Я...

— Так ты хочешь, чтобы я вернулась домой?

— Да, недельки через две. Я должен кое-что уладить...

— Домой? Господи, о чем я говорю? Ведь наш дом вот-вот снесут. Сровняют с землей. Боже, какой кошмар! — простонала она. — И зачем ты все это устроил?

Этого он вынести не мог. Мэри, его Мэри, прежде так себя не вела.

— Может, и не снесут, — промолвил он и взял ее за руку. — Может, они передумают. Я схожу, поговорю с ними, объясню ситуацию...

Мэри отдернула руку. В ее глазах застыл страх.

— *Барт*, — прошептала она.

— Что... — Он осекся в недоумении. Что он ей наговорил? Почему она смотрит на него, преисполненная ужасом?

— Ведь ты *знаешь*, что наш дом снесут. Ты давно это знал. А мы сидим здесь и разговариваем...

— Нет. — Он покачал головой. — Ничего подобного. Все совсем не так. Мы... мы... — Но чем же они на самом деле занимались? Он вдруг почувствовал себя растерянным, сбитым с толку.

— Барт, я, пожалуй, пойду.

— Я устроюсь на работу...

— Мы потом поговорим. — Она быстро встала, стукнувшись бедром о ребро стола, от чего звякнула посуда.

— Психиатр, Мэри. Клянусь тебе, что я...

— Мама просила меня зайти в магазин...

— *Ну так иди!* — заорал он; головы, как по команде, повернулись в их сторону. — Пошла вон, дрянь ты этакая! Высосала из меня все соки, а мне что оставила? Дом, который вот-вот снесут. Убирайся *с глаз моих долой!*

Мэри поспешила прочь. В зале наступила могильная тишина, стоявшая, казалось, целую вечность. Затем мерный гул голосов возобновился. Он посмотрел на свой недожеванный эндибургер, весь дрожа, боясь, что его вот-вот стошнит. Затем, овладев собой, расплатился и вышел не оглядываясь.

12 декабря 1973 года

Накануне вечером (пьяный в стельку) он составил список подарков к Рождеству, а теперь бродил по городу с его урезанной версией. Первоначальный вариант поражал воображение — в нем значились более ста двадцати имен, в том числе самые дальние родственники его и Мэри, друзья и знакомые, а в самом конце — Боже, спаси королеву — Стив Орднер, его жена и — самое невероятное — их *горничная*.

Он уже вычеркнул из списка большинство имен, изумленно похихикивая над некоторыми из них, а теперь неторопливо прохаживался мимо витрин, уставленных рождественскими подарками; поразительно, но их до сих пор вручали от имени стародавнего голландского воришки, который проникал в дома по дымоходам и выкрадывал у людей последние ценности.

Он шел, нащупывая облаченной в перчатку рукой пачку купюр в кармане — пятьдесят десятидолларовых бумажек.

Да, сейчас он проживал свою страховку, первая тысяча долларов из которой растаяла с невероятной быстротой. Он подсчитал, что при таких тратах останется без гроша уже к марту, а то и раньше. Тем не менее мысли эти ничуть его не обеспокоили. Где он окажется в марте и чем будет заниматься, было столь же для него непонятно, как дифференциальное исчисление.

Он зашел в ювелирный магазин и купил для Мэри серебряную брошь, сделанную в виде совы. Вместо глаз у совы блестели бриллианты. Брошь обошлась ему в сто пятьдесят долларов, не считая налога. Продавщица рассыпалась в комплиментах. Она была уверена, что его жена придет в восторг от такого подарка. Он улыбнулся. Целых три встречи с психиатром коту под хвост, Фредди. Что ты на этот счет думаешь?

Фредди промолчал.

Он зашел в крупный универсальный магазин и поднялся по эскалатору в отдел игрушек, украшением которого служила огромная электрическая железная дорога — в зеленых пластмассовых холмах зияли туннели, над рельсами были укреплены светофоры, а по трехъярусным рельсам мимо станций и вокзальчиков громыхал паровозик «Лайонел», выпуская клубы искусственного дыма и увлекая за собой длинный состав вагончиков с надписями: «Би энд Оу», «Су-лайн», «Грейт норзерн», «Грейт вестерн», «Уорнер бразерс» (почему «Уорнер бразерс»?), «Дайамонд интернэшнл», «Саузерн пасифик». Вокруг деревянного ограждения столпились мальчуганы с родителями (главным образом — отцами), и он вдруг проникся к ним нежностью, настоящей, не тронутой завистью. В эту минуту он мог подойти к ним, признаться в любви, выразить свою благодарность и вообще — пожелать счастья. И еще он попросил бы их беречь себя.

Пройдя мимо стеллажей с куклами, он выбрал по одной для каждой из трех своих племянниц: Малышку Кэтти для Тины, Мейси-акробатку для Синди и Барби для Сильвии, которой уже исполнилось одиннадцать. В следующей секции

он взял электронного морского пехотинца для Билла, а для Энди, по некотором размышлении, остановился на шахматах. Энди было уже двенадцать, он вступал в опасный возраст. Беа из Балтимора как-то призналась Мэри, что уже не раз обнаруживала на его простынях запекшиеся желтоватые пятна. Неужели такое возможно? Так рано? Мэри сказала Беа, что дети сейчас развиваются быстрее, чем раньше. По мнению Беа, все дело было в молоке и витаминах, однако она предпочла бы, чтобы Энди больше занимался спортом. Или ездил в летние лагеря. Верхом бы катался. Или хоть чем-нибудь вообще занимался.

Не обращай на них внимания, Энди, подумал он, сжимая под мышкой шахматную доску. Разыгрывай королевский гамбит, а сам тем временем мастурбируй под столом, если хочешь, и плевать тебе на всех.

В центре зала игрушек был установлен гигантский трон Санта-Клауса. На троне никого не было, а надпись на небольшом щите гласила:

САНТА-КЛАУС ОБЕДАЕТ В НАШЕМ
ЗНАМЕНИТОМ «МИДТАУН-ГРИЛЕ»
Почему бы и вам
не составить ему компанию?

Перед троном стоял увешанный свертками молодой человек в джинсовом костюме. Поглазев на трон, молодой человек обернулся, и он узнал Винни Мейсона.

— Винни!

Винни улыбнулся и слегка покраснел, словно услышал нечто неприличное.

— Привет, Барт! — сказал он.

Неловкости по поводу обмена рукопожатиями им удалось избежать — высвободить правую руку из-под груды подарков было слишком сложно.

— К Рождеству запасаетесь? — спросил он Винни.

— Да. — Винни усмехнулся. — Я привел с собой Шарон и Бобби — мою дочку зовут Роберта. Ей уже три года. Мы хотели сфотографировать ее вместе с Санта-Клаусом. По субботам они здесь обычно делают цветные фото по доллару за штуку. Но Бобби вдруг раскапризничалась и отказалась. Рев на весь зал подняла. Шарон страшно расстроилась.

— Я понимаю Бобби — чужой дядька с окладистой бородой. Я бы и сам на ее месте испугался. Ничего, на следующий год уже, наверное, получится.

— Наверное. — Лицо Винни озарила мимолетная улыбка.

Он улыбнулся в ответ, думая, что теперь ему стало легче общаться с Винни. Он даже хотел попросить Винни не ненавидеть его слишком уж сильно. Хотел извиниться перед Винни за то, что исковеркал его жизнь. Но вместо всего этого неожиданно спросил:

— Чем вы теперь занимаетесь, Винни?

Винни расплылся:

— Вы даже не поверите, Барт, как мне повезло. Я служу управляющим в кинотеатре. А к лету у меня в ведении еще три киношки будут.

— «Медиа ассошиэйтс»? — спросил он. Так называлась одна из фирм, входящих в состав их корпорации.

— Да. Причем фильмы присылают — один лучше другого.

— Что ж, здорово. — Чуть поколебавшись, он прибавил: — Извините, Винни, но в чем заключается ваша роль, если фильмы для показа отбирают они сами?

— Как в чем? — удивился Винни. — Я всеми финансовыми вопросами заправляю. И остальными делами. Между прочим, при правильном обращении *один* кондитерский киоск может отработать стоимость проката фильма. Представляете? Да и вообще дел хватает. — Он горделиво приосанился. — Аренда, порядок, пожарная безопасность и прочее. Шарон на седьмом небе — она ведь у меня страстная киноманка. От Пола Ньюмена и Клинта Иствуда просто тает. А мне это дело

по душе, потому что вместо девяти тысяч я теперь одиннадцать с половиной получаю.

Он смерил Винни угрюмым взглядом, не зная, стоит ли высказать то, что он думает по этому поводу. Вот, значит, как вознаградил его Орднер. То ли тридцать сребреников вручил, то ли кость кинул. Молодец, песик, вот тебе за службу!

— Уходите оттуда, Винни, — сказал он. — Как можно скорее. Пока не поздно.

— Что вы сказали, Барт? — вытаращился Винни.

— Знаете, Винни, кто такой «верблюд»?

— Ну да, животное такое голенастое, с длинной шеей. Корабль пустыни. Плюется еще.

— Нет, Винни, это не животное.

— Тогда не знаю, Барт. Разве что это еще на идиш что-то означает.

— Нет, Винни, это профессиональный жаргон. Верблюдами называют мальчиков на побегушках, которые горбатятся на хозяина. Эй, верблюд, сгоняй за кофе! Вытряхни пепельницу! Слетай за сандвичами! Верблюд.

— Что вы имеете в виду, Барт? Я ведь...

— Я имею в виду, что Стив Орднер наверняка поднял ваш вопрос перед советом директоров. Послушайте, ребята, мы должны как-то вознаградить Винни Мейсона. Это ведь он заложил Барта Доуса; заблаговременно предупредил, что тот собирается обвести нас вокруг пальца. Сам-то он, конечно, справиться с Доусом не мог, но ведь с него и взятки гладки. Хотите знать почему, Винни?

Винни смотрел на него с нескрываемой обидой.

— Больше я вам задницу подтирать не собираюсь, Барт. И вы это знаете.

Он посмотрел на Винни с сочувствием.

— А я и не собираюсь на вас гадить, Винни. Мне, откровенно говоря, вообще на вас наплевать. Жаль только, ведь вы еще так молоды. Обидно смотреть, что вы в такое дерьмо вляпались. У простого мусорщика работа и то ответственнее, чем у вас. Да и перспективнее. Что от вас зависит? Следить,

чтобы запас бумажных стаканчиков не истощался. Чтобы в сортирах бумаги хватало. И все. Причем Орднер проследит, чтобы все дальнейшие пути были для вас перекрыты. Пока вы работаете на их корпорацию по меньшей мере.

Если Винни и предвкушал встречу Рождества, то после слов Доуса радужного настроения у него как не бывало. Глаза его затуманились, а пальцы судорожно стиснули свертки. Как будто он только что вышел из дома, готовый мчать к девушке на свидание, и вдруг обнаружил, что все четыре колеса на его новеньком спортивном автомобиле проколоты и спущены. *А ведь он меня не слушает. Я бы мог проиграть ему магнитофонные записи, а он и тогда не поверил бы.*

— Как бы то ни было, вы честно выполнили свой служебный долг, — сказал он. — Не знаю, что сейчас обо мне говорят, но...

— О вас одно говорят, Барт, — перебил его Винни. Голос у него был обиженный и даже озлобленный. — Что вы вконец спятили...

— Что ж, возможно. Как бы то ни было, вы оказались правы. Но с другой стороны, вы дали маху. Опростоволосились. Лавры Иуды не давали вам спать. Предателям и холуям важных постов не доверяют даже в том случае, если корпорация пострадала бы из-за вашего молчания. Ведь эти парни с сорокового этажа, Винни, — они вроде врачей. Они не любят стукачей. Представляете, что случится, если санитары начнут на каждом углу трепать, что врач запорол операцию и зарезал пациента из-за того, что хватанул пару лишних коктейлей?

— Вы, я вижу, всерьез вознамерились испоганить всю мою жизнь, Барт, — процедил Винни. — Какое счастье, что я больше с вами не работаю. Ступайте гавкать на помойку!

В эту минуту вернулся Санта-Клаус с огромным мешком, перекинутым через плечо. Он оглушительно смеялся, а детишки, радостно хохоча, стайкой бежали следом, хватая его за широченные рукава.

— Вы просто слепец, Винни. Орднер — из тех людей, что мягко стелют, да вот спать жестковато. Согласен, в этом году

вы получите одиннадцать с половиной тысяч, а на следующий год, возможно, и все четырнадцать. Зато двенадцать лет спустя вы не сможете себе позволить и лишнюю бутылку кока-колы купить. Эй, верблюд, поменяй обшивку на креслах, сгоняй за новым фильмом, проверь, почему автомат барахлит... Неужто, Винни, вы согласны и в сорок лет оставаться мальчиком на побегушках? С одной-единственной перспективой — получить на пятидесятилетие золотые часы в подарок от фирмы?

— Все-таки это лучше, чем то, что случилось с вами, — сказал Винни и, резко повернувшись, едва не наскочил на Санта-Клауса, который прошипел что-то подозрительно похожее на *Куда прешь, придурок?*

Он последовал за Винни. Вытянутое лицо Винни убедило его, что парня здорово проняло. Хорошо бы так и было, черт возьми.

— Оставьте меня в покое, Барт. Уйдите.

— Бросайте эту работу, Винни, — настойчиво повторил он. — Следующим летом уже может быть слишком поздно. Найти приличное место будет тогда сложнее, чем отомкнуть пояс невинности. Это ваш последний шанс...

Винни круто развернулся.

— Я вас в последний раз предупреждаю, Барт, — процедил он, сверкая глазами.

— Вы спускаете свое будущее в унитаз, Винни. Жизнь слишком коротка, чтобы так ее транжирить. И что вы скажете своей дочери, когда она...

Бац! Кулак Винни врезался ему прямо в глаз! Боль ослепила его, и он, нелепо взмахнув руками, опрокинулся навзничь. Детишки, сопровождавшие Санта-Клауса, кинулись врассыпную, а свертки с игрушками — куклы, солдат, шахматы — разлетелись во все стороны, словно осколки взорвавшейся гранаты. Он рухнул прямо на игрушечные телефонные аппараты, расставленные на полу. Где-то рядом завизжала перепуганная девочка. А он подумал: *Не кричи, ми-*

лая, это просто старый дуралей Джордж на пол шмякнулся. Дома я так часто падаю, когда напьюсь. Кто-то еще — возможно, старина Санта-Клаус — голосил и чертыхался, требуя вызвать полицию. А тем временем записанный на пленку механический голос из игрушечного телефончика повторял и повторял ему в ухо:

— Хочешь пойти в цирк? Хочешь пойти в цирк? Хочешь пойти в цирк? Хочешь...

17 декабря 1973 года

Резкое дребезжание телефона выдернуло его из беспокойного послеобеденного сна, словно морковку из грядки. Ему снилось, что какой-то молодой американский ученый изобрел средство, с помощью которого можно было, изменяя атомную структуру обыкновенного арахиса, извлекать из орехов экологически чистый бензин, причем в неограниченном количестве. Поскольку это сразу решало все проблемы, на душе у него стало легко и спокойно. Он чувствовал себя превосходно. Настойчивые же телефонные трели вторглись в его сон и разрушили эту идиллию.

Он встал с дивана, подошел к телефонному аппарату и поднес трубку к уху. Глаз больше не болел, но в зеркале было видно, что он заплыл и сделался почти лиловым.

— Алло.

— Привет, Барт. Это Том.

— Да, Том. Как ты?

— Нормально. Послушай, Барт, я хотел тебе вот что сказать. Завтра «Блю Риббон» сносят.

Его брови поползли на лоб.

— Завтра? Быть такого не может! Черт побери... Рождество ведь уже на носу!

— Вот именно.

— Но они еще не начали?

— Это последнее крупное здание, оставшееся на их пути, — сказал Том. — Они хотят покончить с ним и спокойно разойтись на Рождество.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Сегодня утром даже по телевизору передали в «Дне города».

— Ты будешь при этом присутствовать?

— Да, — ответил Том. — Львиную часть жизни я проработал там и не смогу усидеть дома.

— Что ж, значит, увидимся.

— Хорошо.

Чуть помолчав, он добавил:

— Послушай, Том. Я бы хотел извиниться перед тобой. Вряд ли они теперь снова откроют «Блю Риббон». В Уотерфорде или где-либо еще. Если я погубил твою жизнь...

— Нет, со мной все в порядке. Я перешел в «Брайт-клин». Работы меньше, а платят лучше. Считай, что я розу в куче дерьма нашел.

— Как это?

Том вздохнул:

— Вообще-то привыкнуть к новому месту нелегко. Мне ведь уже за пятьдесят. Но с другой стороны, и в Уотерфорде было бы то же самое.

— И все-таки, Том, это все из-за меня...

— Я не хочу об этом говорить, Барт, — перебил его Том. — Это твое личное дело. Вернее, твое и Мэри.

— Ну ладно.

— А ты... э-э-э... С тобой все в порядке? Есть на что жить?

— Да, вполне. И кое-какие задумки имеются.

— Рад слышать. — Том приумолк. Молчание так затянулось, что он уже хотел поблагодарить Тома за звонок и распрощаться, когда Том заговорил вновь. — Стив Орднер звонил, — промолвил он. — Тобой интересовался.

— Вот как? И когда же?

— На прошлой неделе. Он до сих пор не может успокоиться. Все спрашивает, не знает ли кто из нас, почему ты са-

ботировал сделку с Уотерфордом. И не только это. Его еще многое другое интересует.

— Например?

— Не таскал ли ты чего с работы. Не брал ли из кассы наличность, не оставляя расписки. Не отдавал ли в стирку собственное белье за казенный счет. Спросил даже, не было ли у тебя тайной договоренности с владельцами мотелей.

— Ну и гаденыш, — покачал головой он.

— Просто Стив пытается найти на тебя хоть какой-то компромат, Барт. Хочет придумать предлог, чтобы упрятать тебя за решетку.

— Ничего у него не выйдет. Дело чисто семейное. А семья распалась.

— Семья давно распалась, — уточнил Том. — Еще со смертью Рэя Таркингтона. Кстати, Орднер единственный, кто рвет и мечет из-за тебя. Компаньонов интересует только одно: доходы и убытки. Про наши дела они ничего не знают, да и знать не хотят.

Он не нашелся что ответить.

— Что ж, — вздохнул Том. — Тогда это все, что я хотел тебе сказать. Ты ведь, наверное, уже знаешь про брата Джонни Уокера?

— Про Эрни? Нет, а что?

— Он покончил с собой.

— *Что?!*

Том шумно, со свистом, вздохнул.

— Приладил шланг к выхлопной трубе автомобиля, просунул его в окно своего дома и плотно запер окна и двери. Его нашел почтальон.

— О Господи! — прошептал он. Потом вспомнил, как Эрни Уокер сидел рядом с ним в больнице и мелко-мелко дрожал. — Кошмар просто!

— Да. — Снова тяжелый вздох. — Ладно, Барт, до скорого.

— Да, Том. Спасибо, что позвонил.

— Не за что. Счастливо.

Он медленно положил трубку. Из головы не шел образ Эрни Уокера, как тот привстал и выкрикнул, увидев священника:

— *О Господи! Он с требником. Вы видели?*

— Черт знает что, — сказал он себе под нос. Слова растворились в пустоте, а он пошел в кухню, чтобы приготовить себе коктейль.

Самоубийство.

Слово это вырвалось с шипением змеи, пытавшейся протиснуться в слишком узкое отверстие.

Самоубийство.

Наливая дрожащей рукой «Южный комфорт», он неловко стучал горлышком о край стакана. Почему он так поступил, Фредди? Ну жили они вместе — и что из того? Господи, ну почему *люди* так поступают?

Впрочем, ему казалось, что ответ ему известен.

18—19 декабря 1973 года

Он добрался до прачечной в восемь утра — работы по сносу начинались в девять, — но зрителей было уже много; они стояли на морозце, упрятав руки в карманы, а изо ртов вырывались затейливые облачка пара — точь-в-точь как картуши со словами у персонажей рисованных комиксов. Он узнал Тома Грейнджера, Рона Стоуна, Этель Даймент, девушку-гладильщицу, которой не раз случалось перебрать во время перерыва на ленч, после чего клиентам доставались сорочки со спаленными воротничками. Были там также Грейси Флойд со своей кузиной Моринг и еще человек десять — пятнадцать.

Здание было уже обтянуто по периметру желтыми лентами, а перед ним торчали оранжевые щиты, на которых жирным черным шрифтом было написано:

ОБЪЕЗД

Стрелы указывали направление объезда. Огражден был и примыкающий к прачечной тротуар.

Завидев его, Том Грейнджер помахал рукой, но подходить не стал. Остальные лишь мельком посмотрели на него и тут же принялись шушукаться, время от времени поглядывая в его сторону.

Мечта параноика, Фредди. Интересно, кто первый подскочит ко мне и начнет выкрикивать в лицо обвинения?

Но Фред на связь не выходил.

Примерно без четверти девять подлетела новехонькая «тойота-королла», из которой вылез Винни Мейсон, облаченный в теплую куртку и кожаные перчатки. Выглядел он преуспевающим и уверенным в себе. Винни метнул на него уничтожающий взгляд, после чего прошагал к Рону Стоуну, который стоял вместе с Дейвом и Поллаком.

Без десяти девять подкатил кран с огромным металлическим ядром, которое болталось впереди на тросе, как гигантский сосок, срезанный с груди эфиопки. Чудовищная машина медленно подползала к прачечной, оглушая округу ревом могучего двигателя. Из-под брони выбивались коричневые клубы выхлопов.

С тех самых пор как он, припарковав свой фургон в трех кварталах от прачечной, пришел сюда, его преследовало странное призрачное чувство — сравнение, которое никак не укладывалось в голове. И вот теперь, глядя на зловещую машину разрушения, остановившуюся напротив грузового люка, он наконец осознал его смысл. Разворачивавшаяся у него на глазах картина точно сошла с последних страниц детективного романа Эллери Куина, когда все действующие лица собрались, чтобы выслушать объяснение всех подробностей преступления и узнать, кто убийца. Вскоре кто-то — скорее всего Стив Орднер — выступит из толпы, укажет на него пальцем и завопит: *Вот он! Барт Доус! Это он уничтожил «Блю Риббон»!*

Тогда он вытащит пистолет, чтобы пальнуть в своего обличителя, но тут же падет, изрешеченный пулями полицейских.

Мысли встревожили его. Пытаясь рассеять неприятные ощущения, он кинул взгляд на дорогу, и... сердце его оборвалось. Прямо за желтыми ограждениями остановилась бутылочно-зеленая «Дельта-88» Стива Орднера, стреляя дуплетом из обеих выхлопных труб.

Сам Стив Орднер спокойно разглядывал его сквозь затемненное ветровое стекло.

В эту минуту тяжеленное ядро, описав первую длинную дугу, с грохотом врезалось в кирпичную стену и гулко прошло насквозь, словно бронебойный снаряд. По толпе собравшихся прокатился вздох.

К четырем часам дня от «Блю Риббон» осталась лишь бесформенная груда кирпичей и битого стекла, из которой, точно позвонки доисторического ящера, торчали покореженные обломки несущих конструкций.

Следующий свой поступок он объяснить не мог никак. Он был из той же серии, что и покупка двух ружей, совершенная месяц назад в оружейной лавке Гарви. Только сейчас ему не пришлось пользоваться выключателем — Фредди упорно хранил молчание.

Он подкатил к бензоколонке и заправил «ЛТД» самым чистым бензином. Небо над городом заволокло тучами, а диктор по радио предвещал метель — по прогнозам синоптиков, уровень выпавшего снега составит от шести до десяти дюймов.

Вернувшись домой, он поставил фургончик в гараж и спустился в подвал.

Под лестницей стояли две здоровенные картонные коробки, наполненные пустыми бутылками из-под пива и минералки; верхние ряды покрывал толстенный слой пыли. Некоторые бутылки хранились здесь уже лет пять. Мэри давно про них забыла и за последний год ни разу не приставала к нему с требованием сдать их. Впрочем, в большинстве магазинов посуду уже не принимали. Теперь пустые бутылки предлагалось выбрасывать. Черт знает что.

Он погрузил обе коробки на тележку и отвез в гараж. Потом вернулся в дом, взял нож, воронку и ведро. Тем временем начался обещанный снегопад.

Он зажег свет в гараже и снял со стены зеленый пластмассовый шланг, который висел там с конца сентября. Отрезал наконечник, который бессмысленно клацнул о цементный пол, затем отрезал примерно трехфутовый кусок шланга. Пинком ноги отпихнув остаток шланга в сторону, он задумчиво уставился на зажатый в руке отрезок зеленой пластмассы. Потом отвинтил крышку бензобака и осторожно, почти любовно, просунул шланг внутрь.

Ему не раз приходилось прежде видеть, как выкачивают бензин, и он знал, как это нужно делать, хотя сам проделывал эту процедуру впервые. Заранее настроившись на мерзкий вкус бензина, он взял в рот свободный конец шланга и втянул в себя воздух. Поначалу он ощутил лишь невидимое вязкое сопротивление, но уже в следующее мгновение рот наполнился жидкостью — такой холодной и непривычной, что он поперхнулся и едва не проглотил ее. Сплюнув с гримасой отвращения, он подставил под конец шланга ведро. Бензин заструился в него с таким звуком, какой обычно можно услышать в общественных писсуарах.

Он снова сплюнул на пол, прополоскал рот слюной и сплюнул еще раз. Совсем другое дело. Почему-то ему вдруг закралась в голову совершенно дурацкая мысль, что он никогда еще не был так близок с бензином, хотя пользовался им едва ли не всю сознательную жизнь. Лишь однажды он соприкоснулся с этой жидкостью, когда, заливая бензин в газонокосилку, облился им. Почему-то сейчас это воспоминание порадовало его. Даже неприятный вкус во рту показался не таким уж мерзким.

Он вернулся в дом (снегопад тем временем усилился) и набрал старых тряпок, которые выгреб из-под умывальника. Отнес их в гараж, разорвал на длинные полоски и аккуратно разложил на капоте автомобиля.

Когда уровень бензина в ведре достиг примерно половины, он вынул шланг и опустил его в другое ведро, из которого обычно посыпал золой обледенелую дорожку. Пока ведро наполнялось, он выстроил в четыре ряда двадцать пустых бутылок и с помощью воронки залил в них бензин примерно на три четверти. Покончив с этим занятием, он извлек шланг из бензобака и перелил содержимое одного ведра в другое. Ведро заполнилось почти до краев.

Он вставил тряпичный фитиль в каждую из бутылок, плотно затыкая горлышки. Отнес воронку в дом. Снег покрывал землю неровными, взвихриваемыми ветром полосками. Подъездную аллею занесло почти полностью. Он положил воронку в раковину, вернулся в гараж, накрыл ведро с бензином плотно прилегающей крышкой и осторожно установил его в багажник «ЛТД». Бутылки с «коктейлем Молотова» поставил в коробку, где они по-солдатски выстроились по стойке «смирно», плотно прижавшись друг к другу. Коробку он пристроил на переднем сиденье автомобиля, на расстоянии вытянутой руки от места водителя. Затем снова отправился домой, сел на диван и, щелкнув кнопкой пульта дистанционного управления, включил телевизор. Передавали вестерн с Дэвидом Дженсеном в главной роли. На его взгляд, ковбой из Дэвида Дженсена был хреновый. Хуже некуда.

По окончании фильма он посмотрел, как Маркус Уэлби лечит девочку, больную эпилепсией. Припадки случались с бедняжкой с пугающей частотой. После сеанса лечения начали передавать рекламу, а затем пошли «Новости». Синоптики предсказывали, что снег будет валить всю ночь, да и завтра днем вряд ли уймется. Людей призывали по возможности не выходить из дома. Дороги сделались опасными, а снегоуборочная техника выйдет лишь после двух часов ночи. Разгул стихии, по мнению того же синоптика, продлится и в последующие несколько дней.

После выпуска новостей он еще с полчаса смотрел телевизор, а потом выключил его. Значит, Орднер пытался его

подловить; раскопать хоть какой-то криминал. Что ж, если он, выполнив свою миссию, увязнет в снегу, Орднер своего добьется. Впрочем, «ЛТД» — тяжелый автомобиль, да и резина у него на задних колесах шипованная.

Надев пальто, шляпу и перчатки, он приостановился в дверях. Затем вернулся и как бы заново осмотрел свой дом — кухонный стол, плиту, сервант в столовой, развешанный на стене фарфор, цветущую герань на камине в гостиной; ко всему этому он испытывал чувство, подобное нежности, готовность, если понадобится, грудью встать на защиту. Представив, как машина-разрушитель будет дробить стены, крушить окна и уничтожать все, к чему он привык, он закипел. Нет, не бывать этому! Здесь ползал Чарли, в гостиной он сделал свои первые шаги, а однажды упал с лестницы, насмерть перепугав незадачливых родителей. Сейчас в бывшей комнатке Чарли наверху размещался его кабинет, но именно там бедного ребенка впервые посетили головные боли, а потом стало двоиться в глазах. После смерти Чарли их посетили друзья — едва ли не сотня друзей, — и Мэри подавала им в гостиной кофе с пирожными.

Нет, Чарли, подумал он. *Я им не позволю!*

Подбегая к гаражу, он заметил, что снега, пушистого и легкого, намело уже дюйма на четыре. Забравшись в машину, он завел двигатель. Бак был заполнен на три четверти. Грея машину, он смотрел на призрачный свет, падавший от приборного щитка, и вспоминал Эрни Уокера. Выхлопные газы. Не самая худшая смерть. Просто уснуть — и не проснуться. Где-то он читал, что отравление окисью углерода сродни сну. Даже щеки при этом приобретают здоровый румянец. Это...

Он вдруг ощутил озноб, а по телу поползли мурашки. Он включил печку. Согревшись, он включил реверс и задним ходом выполз на снег. Плеск бензина в ведре напомнил ему, что он кое-что упустил.

Остановив машину, он вернулся в дом и набил карманы спичками. Затем снова вышел.

* * *

Дорога и впрямь сделалась предательски скользкой.

Местами под свеженаметенным снегом был лед, и однажды, затормозив на красный свет на перекрестке Крестоллен-стрит и Гарнер-стрит, его автомобиль пошел юзом и развернулся боком. Выровняв машину, он ощутил, что сердце колотится как безумное. Только этого ему сейчас не хватало! Попади он в аварию с ведром бензина в багажнике, и то, что от него останется, можно будет выскрести ложкой и похоронить в спичечном коробке.

И все же это лучше, чем самоубийство. Ведь самоубийство — смертный грех.

Так по крайней мере считает католическая религия. Однако он не думал, что попадет в аварию. Поток машин резко поредел, но и полицейских не было видно. Должно быть, все по подворотням попрятались. Он осторожно свернул на бульвар Кеннеди, который в его памяти навсегда останется Дюмонт-стрит — решение о переименовании было принято на специальной сессии городского совета в январе 1964 года. Бульвар Кеннеди тянулся из Вест-Сайда почти через весь город, причем на протяжении двух миль пролегал параллельно автостраде номер 784. Примерно с милю он проедет по бульвару, а потом свернет налево, на Гранд-стрит. Далее, примерно в полумиле, Гранд-стрит прекратит существование; как и бывший кинотеатр «Гранд» — да будет земля ему пухом! К следующему лету Гранд-стрит возродится, но уже в виде эстакады. Однако это окажется уже совсем не та улица. Вместо кинотеатра по правую руку теперь можно будет видеть шесть — или даже восемь — асфальтированных полос, по которым помчатся машины.

Он уже свернул на Гранд-стрит. Тормоза протестующе завизжали, а задние колеса занесло, словно они пытались вырваться на свободу. Он резко крутанул руль в сторону заноса, управляя автомобилем, словно жокей своим скакуном; машина выровнялась и покатила по девственному снегу — следы предыдущего автомобиля уже были занесены снего-

падом. При виде такого количества свежего снега на душе у него вдруг полегчало. Хорошо все-таки было ехать, хорошо было хоть что-то делать.

Пока он неторопливо катил по Гранд-стрит со скоростью двадцать пять миль в час, в его мысли снова закралась Мэри, а с ней — понятие о грехах, смертных и простительных. Мэри воспитывалась в католических традициях, посещала приходскую школу, и, хотя ни у кого язык не повернулся бы назвать ее религиозной ханжой, основ католического мировоззрения она придерживалась достаточно строго. После выкидыша мать прислала к ней священника прямо в больницу, потребовав от дочери исповеди. При виде священника с молитвенником она разрыдалась. Он был как раз с ней, когда пришел священник, и с замиранием сердца прислушивался к ее рыданиям. Лишь одна трагедия с тех пор потрясла его с такой же силой.

Однажды по его просьбе она перечислила все смертные и простительные грехи. Хотя она проходила катехизис лет двадцать пять, а то и тридцать назад, список этот показался (ему по крайней мере) абсолютно полным и точным. Однако порой толкование их казалось неясным и туманным. Порой один и тот же поступок представляли то смертным грехом, то простительным. Похоже, это зависело от наличия у согрешившего умысла. Преступного умысла. Это она так сказала во время их очередного затянувшегося спора? Или Фредди только что нашептал ему на ухо? Преступный умысел. Это словосочетание почему-то одновременно тревожило и озадачивало его.

Он считал, что в конце концов вычленил из всей этой мешанины два самых главных и страшных смертных греха: самоубийство и убийство. Однако затем беседа с Роном Стоуном заставила его усомниться в своей правоте. Порой, по мнению Рона (они сидели тогда в баре и выпивали), убийство бывает простительным грехом. А иногда и вовсе грехом не считается. Хладнокровно продуманное убийство подонка, который изнасиловал твою жену, — это грех проститель-

ный. Убийство же врага в честном бою — так выразился Рон — это и вовсе не грех. Если верить Рону, то американские солдаты, десятками отправлявшие на тот свет немцев и японцев, — это настоящие агнцы Божии, и уж им-то на Страшном суде ничто не должно грозить.

Оставалось одно самоубийство, это свистящее слово.

Он приближался к месту проведения дорожных работ, огражденному раскрашенными, как зебры, черно-белыми барьерами с отражающими свет мигалками и яркими оранжевыми щитами, которые ненадолго высветились его фарами. На одном щите было написано:

ВРЕМЕННОЕ ОКОНЧАНИЕ ДОРОГИ

А на другом:

ОБЪЕЗД — СЛЕДИТЕ ЗА ЗНАКАМИ!

И на следующем:

ВЗРЫВНЫЕ РАБОТЫ!
ОБЪЕЗД

Он подъехал поближе, установил рычаг коробки передач в положение стоянки, включил аварийную сигнализацию и выбрался из машины. Подошел к полосатым барьерам. В свете оранжевых мигалок снег казался гуще и причудливо окрашенным.

Он вдруг вспомнил, что плохо разобрался в отпущении грехов. Поначалу ему казалось, что это очень просто: совершил смертный грех — и тебе нет прощения, ты проклят навеки. Можно проклинать Мэри, пока у тебя язык не отвалится, и все равно отправиться в ад. Однако по словам Мэри, это было не совсем так. Существовала исповедь, искупление, повторное посвящение и так далее. Все это представлялось крайне запутанным. Христос говорил, что убийца лишен веч-

ной жизни, но, с другой стороны, учил, что каждый, кто в Него верит, никогда не умрет. *Каждый*. Похоже, в библейской доктрине было не меньше лазеек, чем в купчей, составленной ловким юристом. Однако к самоубийству все это не относилось. Самоубийца не может исповедоваться, покаяться и получить отпущение грехов. К тому же...

А почему он вообще обо всем этом думал? С какой стати? Ведь он не собирался никого убивать и уж тем более не был намерен покончить с собой. Ему никогда даже мысли о самоубийстве не закрадывались. До самого последнего времени, во всяком случае.

Он уставился на полосатые барьеры, и внутри у него похолодело.

Дорожные машины внизу были в полном сборе. Их припорошило снегом, а над всеми возвышался кран-разрушитель. Мрачная неподвижность усиливала гнетущее впечатление. Застывшая стрела придавала ему сходство с чудовищным богомолом, погрузившимся в зимнюю спячку.

Он отодвинул с дороги первый попавшийся барьер. Тот оказался на удивление легким. Вернулся в «ЛТД», включил первую скорость и медленно съехал к дороге по крутому склону, укатанному мощными машинами. Затем снова установил рычаг в положение стоянки, выключил мигалку, выбрался из машины, вскарабкался по склону, поставил барьер на место. И спустился на дорогу.

Открыв багажник, он осторожно извлек оттуда ведро с бензином. Затем, обогнув машину, открыл правую переднюю дверцу и поставил ведро на пол возле коробки с бутылками. Снял с ведра крышку и поочередно обмакнул в бензин каждую тряпку-фитиль. Потом, прихватив с собой ведро, залез на кран и осторожно, пытаясь не поскользнуться и не расплескать горючую жидкость, забрался в незапертую кабину. Сердце от возбуждения гулко колотилось, а горло, казалось, сжимал тугой кулак.

Он принялся поливать бензином сиденье, приборный щиток, рычаги управления. Выбрался на ступеньки и вы-

плеснул остаток бензина на капот крана. Воздух заполнился удушливыми испарениями. Перчатки тоже промокли в бензине, и пальцы тут же окоченели.

Спрыгнув на землю, он поспешно стащил перчатки и рассовал их по карманам. Первый коробок спичек вывалился из онемевших пальцев. Он вытащил второй, но первые две спички погасли на ветру, так и не успев разгореться. Он повернулся спиной к ветру и, прикрыв коробок ладонями наподобие шатра, ухитрился разжечь следующую спичку. Поднес ее к остальным, которые тут же с громким шипением вспыхнули. Он швырнул объятый пламенем коробок в кабину крана.

В первое мгновение он решил, что спички погасли, потому что ничего не случилось. Однако в следующую секунду раздался громкий хлопок — *плоп!* — и кабину озарила ослепительная вспышка. Пламя было столь сильным и ярким, что он невольно отпрянул и поспешил прикрыть глаза ладонью.

Огненная рука выползла из кабины, скользнула по капоту и, словно немного поколебавшись, юркнула под капот. На этот раз последовавший взрыв был просто оглушающим. БАБАААХ! И вдруг сорванный капот взмыл в воздух, вертясь штопором. В тот же миг что-то просвистело мимо его уха.

А ведь горит, подумал он. *Полыхает, скотина чертова!*

От избытка чувств его ноги сами кинулись в пляс. Дикарский танец в ночи у костра. Искаженное от радости лицо искрилось улыбкой. Сжатые в кулаки руки вскинулись над головой в торжествующем салюте.

— *Урр-аа!* — заорал он ветру. А ветер подхватил и вернул с удвоенной энергией: — *Урр-аа! Урр-ра, черт побери!*

Он бросился бежать к своей машине, но в последнюю секунду поскользнулся и упал. Возможно, как раз это спасло ему жизнь, потому что именно в этот миг взорвался бензобак крана и фонтан пламени брызнул во все стороны футов на двадцать. Раскаленный осколок прошил насквозь правое

стекло его автомобиля; по сторонам от пробоины пьяной паутинкой разбежались трещины.

Он встал из снега, оглушенный, и поспешно забрался в машину. С трудом вставил онемевшими пальцами ключ в замок зажигания и нажал на педаль акселератора. Объятый пламенем кран полыхал исполинским адским костром; ветровое стекло вылетело.

— Во горит! — завизжал он. — Ты видишь, Фредди?

Обогнув на машине кран, он обернулся; лицо его в бликах пламени казалось маской ряженого. Он ткнул указательным пальцем в приборный щиток, но лишь с третьей попытки угодил в кнопку прикуривателя. Дорожные машины выстроились гуськом по левую руку от него, и он опустил стекло со своей стороны. Опустевшее ведро перекатывалось по полу, а бутылки с «коктейлем Молотова» громко звякали и дребезжали.

Кнопка прикуривателя выскочила наружу, и он резко — обеими ногами — затормозил. Фургончик запетлял и остановился. Он вытащил прикуриватель и, достав из коробки первую попавшуюся бутылку, прижал фитилек к мерцающей головке. Пропитанная бензином тряпочка вспыхнула, и он швырнул бутылку в ближайший бульдозер. Бутылка разбилась о заляпанный грязью корпус, и ручейки пламени весело хлынули во все стороны. Он воткнул головку прикуривателя на место, проехал футов двадцать и метнул три бутылки в темную махину грейдера. Первая пролетела мимо и беспомощно зашипела в снегу, вторая разбилась о корпус, а вот третья угодила прямехонько в кабину.

— *И-и-и! Попал!* — завизжал он.

Еще бульдозер. За ним грейдер поменьше. Затем крупный трейлер на подмостках. Надпись над дверью гласила:

ЛЕЙН КОНСТРАКШН КОМПАНИ
Рабочий офис
ЗДЕСЬ НА РАБОТУ НЕ ПРИНИМАЮТ!
Пожалуйста, вытирайте ноги!

Подкатив на своем «ЛТД» почти вплотную к трейлеру, он метнул одну за другой четыре бутылки в большое окно по соседству с дверью. В цель попали все, причем первая же бутылка, пробив стекло, взорвалась и влетела в офис, увлекая за собой горящую штору.

За трейлером стоял грузовичок-пикап. Выйдя из «ЛТД», он подошел к пикапу и попробовал приоткрыть дверцу с правой стороны. Та оказалась не заперта. Он поджег фитиль очередной бутылки и швырнул ее внутрь пикапа. Пламя тут же полыхнуло и принялось жадно пожирать салон.

Вернувшись в машину, он увидел, что в картонке осталось всего пять или шесть бутылок. Он покатил дальше, дрожа от холода и морщась от запаха бензина, но при этом улыбаясь до ушей.

Так, паровой каток. Он израсходовал на него оставшиеся бутылки, но лишь последняя взорвалась удачно, перебив чудовищу гусеницу.

Он пригнулся к коробке, вспомнил, что она уже пуста, и посмотрел в зеркальце заднего вида.

— Вот это да! — вскричал он. — Эх, вашу мамашу, Фредди! Ты только посмотри!

Позади вдоль заснеженной дороги выстроилась цепочка высоченных погребальных костров, полыхающих во мраке, словно огни на взлетно-посадочной полосе. Огромные языки пламени вырывались из окон трейлера. Пикап превратился в огненный шар. Кабина трейлера походила на оранжевый бенгальский огонь. Но главным его достижением оказался, конечно же, кран; это был настоящий огненный маяк, гигантский пылающий факел посреди дороги.

— *Вот вам уни-дерьмо-чтожение!* — завопил он.

Рассудок начал потихоньку возвращаться. Он понимал, что не должен выбираться обратно тем же путем. Полиция, возможно, уже выехала. Плюс пожарные. Да и вообще, сумеет ли он унести ноги отсюда или уже оказался в тупике?

Герон-плейс. Он должен во что бы то ни стало попасть на Герон-плейс. Только сначала нужно преодолеть косогор

с крутизной градусов в двадцать пять, а то и в тридцать, да еще и прорваться через дорожные заграждения. Впрочем, ограничительных рельсов здесь не было. Он решил, что задача ему по плечу. Да, вполне. Сегодня ему любая задача по силам.

Включив одни лишь габариты, он, скользя на снегу и проваливаясь в колдобины, прополз до конца недостроенной дороги. Завидев впереди вверху огни Герон-плейс, он резко прибавил газа и, когда стрелка спидометра достигла отметки сорок миль, рванул вверх по склону. Примерно на середине косогора задние колеса забуксовали, и он поспешно передвинул рычаг коробки передач на первую скорость. Мотор заревел, и машина рванулась вперед. Нос его «ЛТД» уже почти преодолел вершину, когда колеса снова забуксовали, выбрасывая назад пулеметные очереди снега, камешков и промерзлой почвы. На мгновение автомобиль буквально завис в воздухе, однако в следующую секунду — движимый то ли инерцией, то ли силой воли — выехал на ровное место.

Опрокинув полосатый заградительный барьер, фургончик выкатил на занесенную снегом площадку. Он с изумлением отметил, что снова едет по улице, словно ничего и не случилось.

Он уже хотел свернуть в сторону своего дома, когда вспомнил, что его могут запросто найти по следам, которые занесет снегом в лучшем случае часа через два, а то и позже. Поэтому вместо того, чтобы свернуть на Крестоллен-стрит, он еще проехал немного по Герон-плейс, откуда вырулил на Ривер-стрит, а уже оттуда выкатил на шоссе номер 7. Движение из-за снегопада было небойкое, но, чтобы замести следы, машин было вполне достаточно.

Он влился в поток автомобилей, которые степенно следовали в восточном направлении со скоростью сорок миль в час.

Проехав по шоссе около десяти миль, он развернулся и покатил назад в город, двигаясь по направлению к Крестоллен-стрит. Навстречу ползли первые снегоуборочные маши-

ны, походившие на исполинских оранжевых мастифов с горящими желтыми глазищами. Несколько раз он посматривал в сторону автострады номер 784, но снег сыпал с такой силой, что он так ничего и не разглядел.

Примерно на полпути к дому он вдруг сообразил, что, несмотря на поднятые стекла и включенную печку, в машине стоит лютый холод. Обернувшись, он увидел, что в заднем правом стекле зияет здоровенная дыра с неровными краями. Заднее сиденье было усыпано осколками стекла вперемешку со снегом.

Господи, а это как случилось? — озадаченно спросил он себя. Как ни пытался, вспомнить так ничего и не смог.

На свою улицу он въехал с северной стороны и двинулся прямо к дому. Все здесь было как и прежде — свет, оставленный им на кухне, оказался единственным огоньком на всей этой части Крестоллен-стрит. Полицейских машин поблизости не было, но вот двери своего гаража он оставил распахнутыми настежь — чертовски глупо. Когда идет снег, гараж надо закрывать. Гараж для того и нужен, чтобы защищать свое добро от всяких осадков. Так еще его отец говорил. Его отец тоже умер в гараже, как и брат Джонни Уокера, однако в отличие от Эрни Ральф Доус не накладывал на себя рук. С ним, похоже, инфаркт случился. Сосед нашел его на полу — отец лежал, сжимая в окоченевшей левой руке садовые ножницы, а в правой — небольшой точильный брусок.

Он заехал в гараж, закрыл двери и прошел в дом. Он заметил, что дрожит с головы до ног. Часы показывали четверть четвертого. Он повесил пальто и шляпу в прихожей и уже закрывал дверцу стенного шкафа, когда его пронзила столь страшная мысль, что он застыл на месте, охваченный ужасом. Он поспешно сунул руку в наружный карман пальто и испустил вздох облегчения, найдя там свернутые в комочек перчатки, насквозь пропитанные бензином.

Он решил было сварить кофе, но затем передумал. Голова мучительно ныла; возможно, из-за паров бензина и непривычного напряжения. Поднявшись в спальню, он раздел-

ся, небрежно побросав всю одежду на стул, даже не удосужившись сложить брюки. Он был уверен, что заснет, не успев прислониться к подушке, но не тут-то было. Очутившись дома и в безопасности, он вдруг почувствовал себя как никогда бодрым. Но вместе с бодростью нагрянул страх. Его наверняка схватят и бросят в тюрьму. Его фотография попадет в газеты. Друзья и знакомые будут тыкать в нее пальцами, судачить по его поводу, качая головами. Винни Мейсон наверняка заявит жене, что он всегда говорил: этот Доус — полный психопат. Родители Мэри отвезут ее в Рино, где она сможет без особых хлопот получить развод. Может, даже найдет себе хахаля. Его это уже не удивит.

Он лежал, пытаясь уверить себя, что его не поймают. Все-таки орудовал он в перчатках. Отпечатков пальцев нигде не оставил. Ведро с крышкой привез с собой. Следы свои он замел — так спасающийся от преследования беглец идет по ручью, чтобы сбить с толку ищеек. Однако желаемого облегчения эти мысли ему не принесли. Как и сна. Все-таки его поймают. Кто-нибудь мог заметить его машину на Геронплейс. Возможно, им даже удалось запомнить или записать его номерные знаки, а полиция уже проверяет по компьютеру, кому они принадлежат. Возможно...

Он беспокойно ворочался, ожидая, что вот-вот дом окружат танцующие синие тени, потом послышится требовательный стук в дверь и некий бесплотный голос, словно сошедший со страниц романа Кафки, провозгласит: *Эй вы там, отпирайте!*

Он даже сам не заметил, как уснул, потому что не провалился в сон, а просто плавно перешагнул, даже перетек, из одного состояния в другое. Даже во сне ему казалось, что он бодрствует, причем то и дело совершает самоубийство: поджигает себя, сбрасывает на себя тяжелую наковальню, стоя под ней и выбив клин, вешается, травится газом, стреляется, выбрасывается из окна, глотает снотворное, сигает под поезд, всовывает в рот аэрозольный баллончик с инсектицидом, жмет кнопку и вдыхает, пока голова не разбухает и

не улетает в небеса, как воздушный шарик, совершает харакири прямо в исповедальне, признаваясь в желании совершить самоубийство ошарашенному молодому священнику, который оторопело смотрит на его вываливающиеся из распоротого живота кишки, и при этом кается и кается, лежа посреди лужи крови и дымящихся внутренностей. Однако наиболее живо, причем вновь и вновь, он представлял себя в закрытом гараже за рулем «ЛТД» с запущенным мотором. Он сидит, глубоко вдыхает и медленно листает страницы журнала «Нэшнл джиогрэфик», разглядывая живописные фотоснимки с видами Таити, Окленда и Марди-Гра в Новом Орлеане. Странички переворачиваются все реже и реже, мерный гул мотора сменяется отдаленным приятным жужжанием, над головой смыкаются ласковые бирюзовые воды тропических морей, а сам он погружается в манящую серебристую бездну.

19 декабря 1973 года

Проснулся он в половине первого. Голова раскалывалась, словно после безудержного кутежа. Мочевой пузырь был переполнен, а во рту (из которого, он был уверен, несло падалью) стоял премерзкий вкус. Когда он встал с кровати, сердце гулко заколотилось. Он даже на мгновение не позволил себе усомниться, что случившееся ночью ему не пригрезилось — запах бензина, казалось, навечно впитался в его кожу, да и от одежды, небрежно брошенной на стул, нещадно разило бензином. Снегопад прекратился, небо расчистилось, а яркий солнечный свет немилосердно резал глаза.

Он вошел в ванную, уселся на унитаз, и его жестоко пронесло; мутная жижа хлынула из него, словно поток из прорванной плотины. Постанывая от натуги и рези в животе, он одновременно кряхтел и сжимал ладонями гудящую голову. Все так же, не вставая, он опорожнил мочевой пузырь; зловонный запах фекалий шибанул в нос.

Смыв унитаз, он прихватил чистую одежду и на негнущихся ногах спустился по лестнице. Он решил подождать, пока ванная очистится от смрадного запаха, а уж потом принять душ. Если понадобится, он был готов простоять под душем хоть целый день.

Войдя в кухню, он трясущимися руками вывалил на ладонь три таблетки экседрина из зеленой склянки и запил их кипяченой водой. Поставил на плиту чайник, собираясь приготовить кофе, но на беду смахнул с крючка на стене свою любимую чашку, которая со звоном разбилась. Ругнувшись про себя, он подмел осколки, взял другую чашку, насыпал две ложки растворимого кофе «Максвелл-хаус» и отправился в столовую.

Включив радио, в поисках выпуска новостей поочередно пробежал несколько станций, лишний раз убедившись, что новости сродни полицейским: когда надо, их никогда не бывает. Поп-музыка. Фермеры делятся опытом. Какие-то дурацкие шоу. Политическое обозрение. Коммерческий вестник. Рекламный выпуск. Опять музыка. Ни единого выпуска новостей. Как назло.

Чайник закипел. Оставив станцию, которая передавала поп-музыку, он налил в чашку кипяток и выпил черный кофе без сахара. После первых двух глотков его чуть не вырвало, но зато потом наступило облегчение.

Вот наконец и выпуск новостей. Сначала национальные, потом местные.

Сегодня рано утром возник пожар на месте строительства новой автомагистрали, в районе Гранд-стрит. По сообщению лейтенанта полиции Генри Кинга, неизвестные злоумышленники, использовавшие, судя по всему, бутылки с горючей жидкостью, подожгли кран, два грейдера, два бульдозера, грузовичок и передвижную контору «Лейн констракшн компани», которая выгорела дотла.

Прослушав слова *выгорела дотла*, он испытал подобие радости — черной и горькой, как только что выпитый кофе.

По словам Френсиса Лейна, компания которого получила контракт на строительство автомагистрали, ущерб, причиненный грейдерам и бульдозерам, совсем невелик, а вот разрушительный кран, стоимость которого оценивается в шестьдесят тысяч долларов, выведен из строя примерно на две недели.

На две недели? И это *все?*

Куда более серьезный урон, по словам Лейна, пожар нанес конторе, в которой хранились важные бумаги, рабочие графики, табели и бухгалтерские отчеты за последние три месяца. «Это будет чертовски трудно восстановить, — сказал Лейн. — Работы прервутся на целый месяц, а то и больше».

Вот это совсем другое дело, злорадно подумал он. Раз целый месяц, то овчинка выделки стоила.

По словам лейтенанта Кинга, вандалы скрылись с места происшествия в фургончике, возможно — в «шевроле» последней модели. Полиция призывает очевидцев к сотрудничеству. Френсис Лейн оценивает общий причиненный компании ущерб примерно в сто тысяч долларов.

Следующая городская новость. Наш депутат, Мюриэль Рестон, снова призвала...

Он выключил приемник.

Теперь, когда он при свете дня сам прослушал новости, жизнь перестала рисоваться в столь мрачных красках. Итак, можно оценить содеянное на трезвую голову. Разумеется, полиция могла и темнить, но если они и вправду искали не

«форд», а «шевроле» и всерьез рассчитывали найти очевидцев, то пока, возможно, ему ничего серьезного не грозило. С другой стороны, если свидетели найдутся, то ему все равно ничто не поможет.

Ведро придется выкинуть, а гараж он как следует проветрит. Нужно только придумать правдоподобную историю, объясняющую разбитое стекло машины. Но самое главное — приготовиться к визиту полиции. Его они неминуемо должны проверить, ведь он — последний жилец на Крестоллен-стрит. Его быстро выведут на чистую воду. Выяснят, что он запорол важную для руководства сделку. Что от него ушла жена. Что бывший коллега отколошматил его в универмаге. Ну и конечно, что у него есть фургончик, хотя и не «шевроле». Все это скверно. Но — не доказательство.

Если же вину его все-таки докажут, то его ждет тюрьма. Правда, и это не самое страшное. Тюрьма еще не конец света. Там ему дадут работу, будут кормить. Не придется ломать голову о том, что станется, когда иссякнут вырученные от страховки деньги. Есть, конечно, на свете кое-что пострашнее тюрьмы. Самоубийство, например. Это уж точно хуже.

Он поднялся по лестнице и принял душ.

Позже, днем, он позвонил Мэри. К телефону подошла ее мамаша, однако ворчливо согласилась позвать дочь. А вот сама Мэри вопреки его опасениям казалась жизнерадостной и даже веселой.

— Привет, Барт! С наступающим Рождеством тебя!

— Спасибо, Мэри. Тебя тоже.

— Что ты хотел, Барт?

— Э-э... я тут кое-какие подарки купил... Пустяки всякие... Тебе и племяшкам... Может, встретимся? Я бы тебе их передал. Я не стал просить, чтобы детские завернули...

— Я сама заверну, Барт. Только зря ты потратился — ты ведь еще не работаешь.

— Но я пытаюсь, — сказал он.

— Барт, ты... ты сходил, куда я тебя просила?

— К психиатру?

— Да.

— Я позвонил двоим. Один расписан чуть ли не до июня. Второй улетает на Багамы и вернется только к марту. Пообещал, что примет меня.

— Как их фамилии?

— Фамилии? Господи, неужто ты думаешь, что я запомнил? Один, по-моему, Адамс. Николас Адамс...

— Барт. — Голос ее звучал грустно.

— Ну, может, не Адамс, а Ааронс, — ляпнул он.

— *Барт!*

— Ну ладно, — вздохнул он. — Не веришь — дело твое. Ты все равно бы не поверила.

— Барт, если бы ты только...

— Ну так как насчет подарков? Я из-за них звоню, а не из-за какого-то чертова психиатра.

— Если хочешь, привези их в пятницу сам, — вздохнула Мэри. — Я попробую...

— Еще чего! Чтобы твои драгоценные мамаша с папашей наняли Чарльза Мэнсона*? Чтобы он меня у самых дверей подстерегал. Нет уж, давай где-нибудь на нейтральной полосе встретимся. Хорошо?

— Их не будет, не бойся, — сказала Мэри. — Они уезжают на Рождество к Джоанне.

Джоанна Сент-Клер, кузина Джин Каллоуэй, жила в Миннесоте. В девичестве (он порой злорадствовал, что эта пора пришлась на затишье между войной 1812 года и образованием Конфедерации) они очень дружили. В июле Джоанну постиг инфаркт. По словам Джин, бедняжка могла отправиться на тот свет в любую минуту. Как это, должно быть, занятно, подумал он, — жить со встроенной внутри бомбой, способной взорваться в любой миг. Ах, бомбочка, ты только сегодня не взрывайся, ладно? Я еще последнюю Викторию Холт не дочитала.

---

* Психопат, главарь культовой «семьи», убийца американской актрисы Шарон Тейт и ее семьи в Лос-Анджелесе 9 августа 1969 г.

— Барт, ты меня слышишь?
— Да. Я чуть-чуть отвлекся.
— Час дня тебя устроит?
— Вполне.
— Ты еще что-нибудь хотел?
— Нет.
— Что ж, тогда...
— Береги себя, Мэри.
— Постараюсь. Пока, Барт.
— Счастливо, Мэри.

Положив трубку, он поплелся в кухню, мучимый жаждой. Нет, женщина, с которой он сейчас разговаривал, совсем не напоминала ту Мэри, которая месяц назад рыдала в гостиной, требуя, чтобы он объяснил, что именно побудило его разрушить их жизнь, выкинуть двадцать лет коту под хвост. Это было удивительно. Он примерно так же удивился бы, узнав, что Иисус Христос спустился с небес и увез Ричарда Никсона в рай на огненной колеснице. Да, Мэри обрела веру в себя. Более того, она преобразилась до неузнаваемости. Такую Мэри он никогда не знал или с трудом помнил. Подобно археологу она раскопала эту всеми забытую личность, суставы которой слегка окостенели от долгого пребывания в земле, но которая в остальном ничуть не изменилась. Черт с ними, с суставами, они придут в норму, и тогда эта новая-бывшая личность снова станет женщиной, немного исцарапанной, но в целом живой и невредимой. Он знал Мэри лучше, чем она представляла, и по одному лишь ее тону догадывался, что она уже всерьез помышляет о разводе, о полном разрыве с прошлым... О разрыве, который пройдет для нее бесследно, не оставив ни шрама, ни рубца. В конце концов ей ведь всего тридцать восемь лет. Добрых полжизни еще впереди. Детишек, способных пострадать в обломках их разрушенной жизни, у них не было. Сам он разводиться не хотел, но и противиться — предложи ему Мэри развестись — не стал бы. Он завидовал ее вновь обретенной уверенности, ее обновленной красоте. И если она рассматривала послед-

ние десять лет их совместной жизни лишь как темный тунель, ведущий к свету, он мог только сожалеть об этом, но не винить ее. Нет, винить ее было не за что.

21 декабря 1973 года

Он вручил Мэри подарки в роскошной гостиной Джин Каллоуэй, обставленной мебелью с украшениями из раззолоченной бронзы. А вот беседа у них не клеилась. Ему еще никогда не доводилось оставаться с Мэри наедине в этой гостиной, и его не оставляло ощущение, что им следует поласкаться. Реакция эта была чисто рефлекторная, но она заставила его вспомнить о бурных колледжских годах.

— Ты что, покрасилась? — спросил он.

— Слегка, — ответила Мэри, пожав плечами.

— Очень мило. Так ты моложе выглядишь.

— А у тебя, Барт, виски поседели. Седина придает тебе благородный облик.

— А по-моему, наоборот — поношенный и занюханный.

Мэри заливисто рассмеялась — немного натянуто, как ему показалось, — и посмотрела на подарки, которые он разложил на столе. Серебряную брошь, сделанную в виде совы, ему завернули, а вот игрушки и шахматы этой чести не удостоились. Куклы таращились в потолок, ожидая, пока какая-нибудь девчушка не пробудит их к жизни.

Он перевел взгляд на Мэри. На мгновение их глаза встретились, и он вдруг испугался, что сейчас с ее уст слетят страшные слова. Однако в этот самый миг выскочившая из настенных часов кукушка заставила их вздрогнуть, а затем возвестила, что время — половина первого. Они засмеялись. Роковое мгновение было упущено. Он поспешно встал, чтобы Мэри не передумала. Спасен кукушкой, мелькнула мысль. Нелепее не придумать.

— Мне пора, — сказал он.

— У тебя деловая встреча?

— Собеседование по поводу устройства на работу.

— Да что ты? — обрадовалась Мэри. — Где? С кем? Сколько?

Он засмеялся и помотал головой:

— Там еще дюжина претендентов на одно место. Скажу, когда устроюсь.

— Ты такой мнительный?

— Да.

— Послушай, Барт, а что ты делаешь на Рождество? — спросила Мэри. Выглядела она такой озабоченной и искренней, что его вдруг осенило: минуту назад Мэри хотела его вовсе не на развод пригласить, а на рождественский ужин. Господи, надо же быть таким идиотом! Он с превеликим трудом сдержал смех облегчения.

— Дома сижу.

— Ты можешь прийти сюда, — предложила она. — Мы будем вдвоем: ты и я.

— Нет, — после некоторого раздумья сказал он. А затем добавил, уже более твердо: — Нет. В праздник чувства могут порой через край перехлестнуть. Давай как-нибудь в другой раз.

Мэри кивнула. Глаза ее затуманились.

— А ты останешься одна? — спросил он.

— Я могу пойти к Бобу и Джанет. Послушай, Барт, ты уверен, что нам...

— Да.

— Ну что ж... — Однако в голосе ее прозвучали нотки облегчения.

У дверей они обменялись сухим поцелуем.

— Я позвоню, — пообещал он.

— Хорошо.

— Передай Бобби привет.

— Непременно.

Он был уже на полпути к своей машине, когда Мэри окликнула его:

— Барт! Подожди, Барт!

Он боязливо обернулся.

— Чуть не забыла, — сказала она. — Уолли Хамнер позвонил. Он нас на встречу Нового года приглашает. Я согласилась, но если ты против...

— Уолли? — нахмурился он. Уолли был единственный их приятель из противоположного городского района. Он работал в местном рекламном агентстве. — А разве он не знает, что мы... разъехались?

— Знает, но ведь и ты знаешь Уолли. Такие пустяки его не смущают.

Это была сущая правда. При одной лишь мысли про Уолли он заулыбался. Уолтер вечно грозил бросить рекламный бизнес и переключиться на пионерский дизайн стропильных ферм. Сочинитель похабных частушек и еще более похабных пародий на популярные песенки. Дважды разводился, причем оба раза бывшие благоверные обчищали его буквально до нитки. Теперь, если верить слухам, Уолли стал полным импотентом — причем, судя по всему, это был как раз тот редкий случай, когда слухи не врали. Когда же они виделись с Уолли в последний раз? Месяца четыре назад? А то и все полгода? Давно, одним словом.

— Что ж, это может быть забавно, — промолвил он. И вдруг ему в голову закралась неприятная мысль.

— Из прачечной там никого не будет, — сказала Мэри, пристально глядя на него.

— Но он знаком со Стивом Орднером.

— Ну — Стив... — Она пожала плечами, словно давая понять, что уж Стива Орднера там точно быть не может.

— Ладно, иди в дом, — кивнул он. — Замерзнешь ведь, глупышка.

— Так ты хочешь поехать?

— Пока не знаю. Надо обмозговать. — Он снова поцеловал ее, уже чуть дольше, и Мэри поцеловала его в ответ. В этот миг он готов был пожалеть обо всем — однако в следующую минуту встряхнулся, словно отгоняя мимолетную слабость.

— Счастливого Рождества, Барт, — пожелала ему Мэри. Приглядевшись, он заметил, что она плачет.

— Новый год сложится удачнее, — сказал он, не имея в виду ничего конкретного. — Возвращайся, а то воспаление легких схватишь.

Мэри вернулась в дом, а он, сидя в машине, все думал про встречу Нового года у Уолли Хамнера. Он дал себе зарок, что примет приглашение.

24 декабря 1973 года

Он отыскал в Нортоне небольшой гараж, механик которого согласился установить в «ЛТД» новое заднее стекло за девяносто долларов. Когда он спросил механика, выйдет ли тот на работу в канун Рождества, то в ответ услышал:

— Еще бы, черт побери! Если представится случай заработать лишний бакс, я уж своего не упущу.

По пути в Нортон он заехал в прачечную самообслуживания и выстирал свою одежду в двух автоматах, тщательно подобрав нужный режим. Оставшись доволен результатом, обратился к Фреду: Понял, старина Фредди, что такое профессионал? Что не отвечаешь, Фред? Не хочешь — ну и пошел ты в задницу, дубина стоеросовая!

— Ну и дырища! — проворчал механик, когда он приехал в гараж.

— Дети снежками швырялись, — пояснил он. — Только у одного внутри камень оказался.

— Вот так камень, — покачал головой механик. — Как бронебойный снаряд.

Заменив стекло, он покатил в ту же прачечную самообслуживания, где, бросив в прорезь тридцать центов, поместил всю одежду в автоматическую сушку. Затем уселся на

скамью и подобрал оставленную кем-то газету. Ему бросился в глаза заголовок:

ТОЛПЫ В ВИФЛЕЕМЕ
ПАЛОМНИКИ ОПАСАЮТСЯ
СВЯЩЕННОГО ТЕРРОРА

А внизу первой полосы внимание его привлекла небольшая заметка, которую он прочел целиком:

УИНТЕРБЕРГЕР СКАЗАЛ,
ЧТО НЕ ПОТЕРПИТ АКТОВ
ВАНДАЛИЗМА

(Городские новости) Виктор Уинтербергер, кандидат демократической партии на место погибшего в автокатастрофе месяц назад Дональда П.Нэша, заявил вчера, что не потерпит актов вандализма, подобных тому, что случился этой ночью на месте строительства автомагистрали номер 784. Напомним, что ущерб, причиненный неизвестными злоумышленниками, составил почти сто тысяч долларов. По словам Уинтербергера, «в цивилизованных американских городах» подобное недопустимо. Виктор Уинтербергер выступал на ужине Американского легиона, и его речь была встречена бурной овацией.

«Такое порой случается и в других городах, — сказал Уинтербергер. — Свидетельством тому служат размалеванные и изуродованные автобусы, вагоны подземки и здания в Нью-Йорке, разбитые витрины магазинов и школьные окна в Детройте и Сан-Франциско, многочисленные случаи вандализма в музеях и картинных галереях. Мы не имеем права позволить, чтобы величайшую в мире страну захватили гунны и прочие варвары».

Жители Гранд-стрит, разбуженные ночью взрывами, увидели, что на автостраде горят машины, и вызвали полицию, которая немедленно...

(Продолжение на странице 5)

Он свернул газету и положил ее на кипу затрепанных журналов. Стиральные машины равномерно гудели. Гунны. Варвары. Сами они гунны. Потрошители, бандиты, разрушители, изгоняющие людей из домов, уничтожающие их жизни с легкостью мальчика, ворошащего муравейник...

Дожидаясь, пока высохнет одежда, он уронил голову на грудь и задремал. Несколько минут спустя очнулся — ему почудилось, будто поблизости задребезжал колокольчик пожарной тревоги. Однако оказалось, что это всего лишь Санта-Клаус из Армии спасения, который расположился на углу перед входом в прачечную. Выходя с корзиной высушенной одежды, он выгреб из кармана всю мелочь и сунул ее в кружку Санта-Клауса.

— Благослови вас Господи, — напутствовал его Санта-Клаус.

25 декабря 1973 года

Около десяти утра его разбудил телефонный звонок. Он нащупал трубку на ночном столике, поднес ее к уху и услышал деловитый голос телефонистки:

— Примете звонок за ваш счет от Оливии Бреннер?

Поначалу он растерялся:

— Что? Кто? Я еще сплю.

Тут прозвучал отдаленный, неуловимо знакомый голос:

— Тьфу, чтоб тебя!..

Он тут же узнал и поспешно прокричал в трубку:

— Да! Соединяйте. — Неужели она повесила трубку? Он облокотился на подушку. — Оливия? Вы меня слышите?

— Говорите, — снизошла телефонистка.

— Оливия, где вы?

— Я здесь. — В трубке что-то трещало, но голос все равно казался безумно далеким.

— Я очень рад, что вы позвонили.

— А я не думала, что вы согласитесь принять мой звонок.

— Я только что проснулся. Так вы там? В Лас-Вегасе?

— Да, — сухо ответила она. Ему показалось, что слово вырвалось у нее с каким-то тупым безразличием, словно щепка, упавшая на цементный пол.

— Ну и как там у вас? Чем занимаетесь?

Оливия испустила душераздирающий вздох:

— Не здорово.

— Что случилось?

— На вторую... нет — третью ночь я познакомилась с одним парнем. Он пригласил меня на вечеринку, где я наширялась до одури... В полном отрубе была.

— Химия? — осторожно осведомился он, сознавая, что их могут подслушать.

— Химия? — эхом откликнулась она. — А что же еще? «Дурь». Да еще смешали ее с каким-то дерьмом... Вдобавок меня, кажется, еще и изнасиловали.

— Что? — переспросил он, надеясь, что ослышался.

— *Изнасиловали!* — завопила она. — Это то, что случается, когда ты назюзюкаешься вдребодан и ни хрена не понимаешь, кто в тебя что засовывает. Поняли теперь? Или вы не знаете, что значит изнасилование?

— Знаю, — тупо ответил он.

— Ни хрена вы не знаете.

— Вам деньги нужны?

— А почему вы спрашиваете? Я же не могу с вами переспать по телефону. Даже подрочить не могу.

— У меня еще остались кое-какие деньги, — сказал он. — Я мог бы их вам выслать. Вот и все. Вот почему. У вас какой-нибудь адрес есть?

— Да, до востребования.

— Вы не снимаете жилье?

— Снимаю на пару с этим парнем. Только у нас все почтовые ящики взломаны. Но это фигня. Приберегите денежки для себя. У меня тут работенка имеется. А вообще-то плюну я на все и вернусь. Поздравьте меня с Рождеством.

— А что за работа?

— Гамбургерами в забегаловке торгую. В холле понаставили автоматов, так посетители всю ночь напролет дергают за ручки и жрут гамбургеры. *Представляете?* По окончании смены приходится отмывать и оттирать эти ручки. Они все заляпаны маслом, майонезом и кетчупом. И видели бы вы, что за народ здесь! Жирные все как свиньи. Дочерна загорелые или обгоревшие на солнце. А трахают все подряд, кроме разве что мебели. Ко мне и мужики, и бабы пристают. Слава Богу, мой парень по сексуальной озабоченности соответствует кусту можжевельника, не то мне пришлось бы... Впрочем, какого хрена я вам все это рассказываю? Я вообще даже понять не могу, зачем вам позвонила. В конце недели получу жалованье и уеду на фиг отсюда.

— Побудьте там месяц, — услышал он свой голос как бы со стороны.

— *Что?* — изумленно спросила она.

— Не пасуйте так быстро. Если уедете сейчас, то потом всю жизнь будете сожалеть, что так и не выяснили, из-за чего так мечтали туда попасть.

— Слушайте, вы в регби играли? Держу пари, что да.

— Меня даже мячи подавать не подпускали.

— Значит, вы ни хрена не понимаете.

— Я размышляю, не наложить ли на себя руки.

— Вы даже не... Что вы сказали?

— Что размышляю, не наложить ли на себя руки. — Он произнес это с ледяным спокойствием. Его больше не волновало ни разделявшее их расстояние, ни то, что их могут подслушать люди из телефонной компании, Белого дома, ЦРУ или ФБР. — Я пытаюсь кое-что сделать, но ничего не выходит. Должно быть, потому, что я уже слишком стар. Не-

сколько лет назад случилась одна неприятность, но тогда я даже не подозревал, как она на мне отразится. Думал, переживу как-нибудь. Однако с тех пор становилось только хуже и хуже. Я уже заболел по-настоящему.

— У вас рак? — спросила она шепотом.

— Похоже, что да.

— Вы должны обратиться к врачам, выяснить...

— Это душевный рак.

— У вас просто мания величия.

— Возможно, — сказал он. — Впрочем, это не важно. Маховик уже раскручен, и механизм запущен. Одно только меня сейчас по-настоящему беспокоит. Порой мне вдруг начинает казаться, что я просто персонаж некоего скверного романа, автор которого уже заранее предрешил, кто какую роль играет и чем дело кончится. Мне проще думать так, чем валить все на Бога — за что он меня так наказывает? Нет, дело в этом скверном писателе; это он во всем виноват. Это он придумал, что мой сынишка погиб от опухоли мозга. Еще в первой главе. Самоубийство же, состоится оно или нет — ему место уже лишь перед самым эпилогом осталось. Совершенно идиотский роман. Дурнее некуда.

— Послушайте, — озабоченно произнесла она, — может, вам обратиться в какую-нибудь службу доверия...

— Там мне ничем не помогут, — ответил он. — Да дело и не в этом. Это *я вам* хочу помочь. Осмотритесь по сторонам, прежде чем решите все бросить и уехать. И с химией своей кончайте — вы ведь мне обещали...

— Нет, — перебила она. — Это только здесь так. В другом месте все будет иначе.

— Все места будут для вас одинаковы, пока вы сами не изменитесь. Когда вы сами относитесь к себе как к дерьму, вам и вокруг все дерьмом кажется. Поверьте — уж я-то это знаю. Газетные заголовки, даже рекламные щиты и плакаты — все мне кричат: «Смелей, Джорджи, вышиби себе мозги!» От всего этого сдохнуть можно.

— Послушайте...

— Нет, это *вы* послушайте! Спасайтесь, пока не поздно. Стареть — это все равно что ехать на машине по снегу, который с каждым ярдом все глубже и глубже становится. В конце концов вы увязаете по самую крышу, а колеса лишь беспомощно прокручиваются, буксуя на месте. И надеяться вам не на кого — никто вас не откопает. И это *жизнь*. Готовых рецептов вам не подарят. И ни один конкурс вы просто так не выиграете. И никто не будет сопровождать вас повсюду с камерой, чтобы запечатлеть каждый ваш шаг. Все только наблюдают, как вы барахтаетесь. *Вот* в чем закавыка. Понимаете?

— Но ведь вы даже не представляете, что *здесь* творится! — вскричала она.

— Верно. Но зато я слишком хорошо представляю, что творится здесь!

— Вы за мою жизнь не отвечаете.

— Я вам вышлю пятьсот долларов — на имя Оливии Бреннер, Лас-Вегас, почтамт, до востребования.

— Меня уже здесь не будет. Вам перешлют деньги назад.

— Нет, я не оставлю обратного адреса.

— Тогда лучше выбросьте их.

— Они вам пригодятся, чтобы найти работу получше.

— Нет.

— Тогда используйте их вместо туалетной бумаги, — отрезал он и положил трубку. Руки его дрожали.

Пять минут спустя телефон зазвонил снова. Телефонистка спросила:

— Вы примете звонок...

— Нет, — перебил он и положил трубку.

В тот день телефон звонил еще дважды, но звонили уже другие люди.

Около двух часов дня Мэри позвонила ему от Боба и Джанет Престон, которые почему-то всегда напоминали ему Барни и Вильму Флинстон*. Как он себя чувствовал? Прекрас-

* Персонажи известного комедийного сериала «Семейка Флинстонов».

но. Соврал, конечно. Что собирался делать вечером? Сходить в ресторан — отведать индейку. Опять соврал. А не хочет ли он лучше приехать к Престонам? У Джанет осталась куча всяких вкусностей. Нет, он не голоден. Правда, как ни странно. Поскольку он был уже навеселе, то вдруг ляпнул, что приедет к Уолтеру. Мэри обрадовалась. Спросила только, знает ли он, что к Уолтеру каждый приходит с собственной выпивкой? Он ответил, что это и ежу ясно, поскольку у Уолли иначе и не бывает, а она рассмеялась. Они распрощались, и он вернулся к неизменному коктейлю перед телевизором.

Телефон зазвонил снова уже в половине восьмого. К тому времени он был уже не просто навеселе, но почти в стельку пьян.

— Д-да?

— Доус?

— Доусс, — еле выдавил он. — А эт-та х-хтоа?

— Это Мальоре, Доус. Сэл Мальоре.

Он заморгал, тупо уставившись на свой стакан. Потом перевел взгляд на экран телевизора, где показывали какой-то дурацкий детектив про семейку, собравшуюся в канун Рождества у постели умирающего патриарха, в то время как кто-то поочередно убивал их всех. В самый раз к Рождеству.

— Мистер Мальоре, — старательно выговорил он. — С Рождеством вас, сэр! И наилучшие пожелания в Новом году!

— Если бы вы только знали, как я страшусь его наступления, Доус, — мрачно промолвил Мальоре. — В 1974 году страну захватят нефтяные бароны. Иначе и быть не может. Если не верите, посмотрите журнал моих продаж за декабрь. Только вчера я продал роскошный автомобиль «шевроле-импала» выпуска 1971 года всего за тысячу баксов. Представляете? За тысячу! За один год цены рухнули на сорок пять процентов. А вот «вегасы» того же года уходят за полторы тысячи, а то и за тысячу шестьсот. А что такое «вегасы», по-вашему?

— Маленькие автомобильчики? — осторожно спросил он.

— Жестянки из-под собачьих консервов! — заорал Мальоре. — Консервные банки на колесах. Так вот, эта дрянь у

меня в минуты разлетается, а роскошный «шевроле-импала» причиняет убыток! А вы еще говорите — наилучшие пожелания в Новом году! О Господи Иисусе! Пресвятая Дева Мария! Старый Иосиф-плотник!

— Сейчас просто по времени принято поздравлять, — смущенно пояснил он. — Новый год на носу.

— Ладно, Доус, я вообще-то не за этим звоню, — усмехнулся Мальоре. — Я сам хочу вас поздравить.

— М-меня? — недоуменно переспросил он.

— Да. С вашим маленьким фейер-бах-бах-верком.

— А, вы имеете в виду...

— Не по телефону, Доус, спокойно.

— Ну да. Фейер-бах-бах-верк. Ха-ха! Ладно.

— Это ведь ваших рук дело, Доус?

— Вам бы и в дате собственного рождения не признался.

Мальоре громко расхохотался:

— Да, как это здорово. Вы *молодец*, Доус. Чокнутый, конечно, но хитрец. Это мне нравится. Люблю хитроумных людей.

— Спасибо, — сказал он и хитроумно опрокинул стакан с коктейлем себе на брюки.

— Заодно, Доус, я хотел вам сказать, что работы продолжаются с опережением графика.

— *Что?*

Стакан, который он успел подобрать, вывалился из онемевших пальцев.

— У них все продублировано, Доус. Причем кое-что даже многократно. Конечно, им придется потратиться на приведение в порядок бухгалтерии, но в остальном все тип-топ.

— Быть не может.

— Чистая правда. Я хотел, чтобы вы это знали. Я же говорил вам, Доус, — *победить* в этой войне невозможно.

— Вы скотина! — взорвался он. — Вранье! Я вам не верю. Только на кой черт вам сдалось звонить мне в Рождество и пичкать своим враньем?

— Я говорю правду, Доус. Вам придется начать все сначала. И сейчас, и потом, и всегда.

— Я вам не верю.

— Эх, бедняга! — вздохнул Мальоре. Голос его звучал искренне, и это было хуже всего. — Боюсь, вам Новый год тоже радости не принесет.

И повесил трубку.

Так начались рождественские праздники.

26 декабря 1973 года

Словно в подтверждение слов Мальоре в тот же день он получил письмо от *них* (именно так он теперь рассматривал людей из городского управления — в виде личного местоимения, напечатанного курсивом, наподобие шрифта на афише фильма ужасов).

Он повертел белый конверт в руках, рассматривая его со смешанным чувством отчаяния, ненависти, страха, гнева и опустошенности от сознания своего поражения. Его так и подмывало разорвать конверт с письмом в клочья и выкинуть в снег не читая, но он сдержался. Вскрыл конверт, едва не разодрав его надвое, и вдруг осознал, что его обвели вокруг пальца. Оставили с носом. Поимели, грубо говоря. Он уничтожил их машины и бухгалтерскую отчетность, а они нашли всему замену. Это было все равно что сражаться в одиночку против всей китайской армии.

Я говорю правду, Доус. Вам придется начать все сначала. И сейчас, и потом, и всегда.

В другом конверте прибыло стандартное напоминание из Управления дорожных работ:

Дорогой друг!

Скоро наш большой кран доберется и до Вашего дома. Не пропустите это торжественное собы-

тие, и Вы увидите собственными глазами, КАК МЫ УЛУЧШАЕМ ВАШ ГОРОД!

Но это письмо пришло из городского управления и было адресовано лично ему. В нем говорилось вот что:

20 декабря 1973

Мистеру Бартону Д.Доусу,
Западная Крестоллен-стрит, 1241

Уважаемый мистер Доус!

Нам стало известно, что Вы последний из жильцов Крестоллен-стрит, кто еще не сменил места жительства. Надеемся, что никаких проблем с переездом у Вас не возникнет. Мы располагаем подписанной Вами формой номер 19642-А (ознакомлением с информацией о проведении дорожных работ в соответствии с проектом 6983-426-73-74-НС), однако до сих пор не получили от Вас подписанную форму о согласии на переезд (6983-426-73-74-НС-9004, синяя папка). Насколько Вам известно, мы не сумеем компенсировать Вам расходы, связанные с переездом и приобретением нового жилья, пока не получим от Вас эту форму. В соответствии с выпиской из налоговой ведомости за 1973 год стоимость Вашего дома, располагающегося по адресу: Западная Крестоллен-стрит, 1241, оценена в 63 500 долларов. Согласно действующему законодательству, Вы должны переехать на новое место жительства до 20 января 1974 года; в этот день на Западной Крестоллен-стрит начнутся работы по сносу старых домов.

Напоминаем также, что в соответствии с законодательством нашего штата (указ 19452-36),

не выехав из своего дома до полуночи 19 января 1974 года, Вы преступите закон. Мы убеждены, что это Вам известно, однако считаем своим долгом напомнить, во избежание недоразумений.

Если у Вас возникли проблемы с переездом, звоните мне в течение рабочего дня или приезжайте лично. Я уверен, что мы с Вами обо всем договоримся, поскольку мы всегда готовы оказать Вам любое содействие. Позвольте в заключение поздравить Вас с Рождеством и пожелать счастливого Нового года.

Искренне Ваш,
От имени городского управления

ДТГ/тк

— Нет, — пробормотал он. — Не позволю.

Разорвав письмо на мелкие клочки, он выкинул обрывки в мусорную корзину.

В тот вечер, сидя перед телевизором, он вспоминал страшные события сорокадвухмесячной давности; именно тогда они с Мэри впервые узнали, какую жестокую участь уготовил Бог их сынишке Чарли.

Фамилия доктора была Янгер. На дипломах в его кабинете вслед за фамилией шло долгое перечисление ученых степеней и регалий, но они твердо усвоили одно: доктор Янгер был крупным специалистом по заболеваниям мозга.

По приглашению Янгера они с Мэри в жаркий июньский день приехали к нему в больницу, где уже девятнадцать дней лежал Чарли. Их принял доктор Янгер, на вид лет сорока пяти, привлекательной наружности, крепкий и загорелый. А вот руки доктора Янгера просто заворожили его. Огромные и неуклюжие, они сновали по столу с неподражаемой легкостью и какой-то змеиной, даже чем-то отталкивающей грацией.

— У вашего сына опухоль мозга, — с места в карьер заявил доктор Янгер. Говорил он спокойно, почти без выражения, но глаза его следили за ними с такой настороженностью, будто он только что заложил под их стулья по фугасу.

— Опухоль, — тихо, почти безжизненно повторила Мэри.

— Насколько это серьезно? — спросил он Янгера.

Первые симптомы появились месяцев восемь назад. Головные боли — сначала изредка, затем все чаще и чаще. Потом у мальчика стало двоиться в глазах, особенно после физической нагрузки. Потом — Чарли стыдился этого особенно мучительно — он время от времени стал мочиться в постель по ночам. Однако они впервые показали его своему семейному врачу лишь после того, как Чарли временно ослеп на левый глаз; при этом всегда голубой глаз сделался совершенно багровым, как солнечный закат. Врач осмотрел ребенка и нашел еще кое-какие отклонения. Вскоре после этого Чарли стал мерещиться запах апельсинов, иногда у него немела левая рука, а порой он неосознанно начинал нести полную околесицу или даже откровенную похабщину.

— Это серьезно, — сказал Янгер. — Вам следует приготовиться к худшему. Его опухоль неоперабельна.

Неоперабельна.

Это слово несколько лет эхом отдавалось в его ушах. Он никогда прежде не подозревал, что слова можно различать на вкус, однако у этого страшного слова имелся собственный вкус. Отталкивающий, но вместе с тем сочный, словно у недожаренного гамбургера, приготовленного из падали.

Неоперабельна.

По словам Янгера, где-то в глубине мозга Чарли угнездились плохие клетки; опухоль была размером с грецкий орех. Будь эта опухоль на столе, ее можно было бы раздавить одним щелчком. Однако беда заключалась в том, что эта пакость затаилась в самых недрах мозга мальчика, где медленно росла, вызывая новые и новые отклонения.

Как-то раз, еще до встречи с доктором Янгером, он пришел навестить Чарли в обеденный перерыв. Они беседовали

о бейсболе, обсуждали шансы местной команды пробиться в плей-офф Американской лиги.

— Мне кажется, — сказал Чарли, — если их подающие *мммммммм мммм мммм подающие мммммммм мммм мммм продержатся мммммм мммм мммм*...

Он склонился вперед.

— Что, Фред? Я не понимаю, что ты говоришь.

Глаза Чарли закатились.

— Фред? — прошептал он, теряясь. — Фредди...

— *Проклятые гребаные обосранные нннн говновпендюрщики!* — дико завопил его сын с больничной койки. На протяжении нескольких секунд с губ ребенка слетали самые грязные ругательства, пока он не потерял сознание.

— *СЕСТРА!* — завопил он. — *СКОРЕЕ, СЕСТРА! О ГОСПОДИ!*

Именно эти проклятые клетки принуждали Чарли говорить так. Жалкое скопление мерзких клеток величиной с грецкий орех. Однажды, по словам ночной сиделки, Чарли в течение пяти минут подряд выкрикивал слово *собакость*. Да, все дело в клетках...

— Вот посмотрите, — сказал им доктор Янгер в тот жаркий июньский день. Он развернул толстый рулон специальной бумаги и показал им запись волн, снятых с головного мозга их сына. Для сравнения доктор предъявил им также энцефалограмму здорового мозга, но она не понадобилась. Рассматривая то, что творилось в мозгу Чарли, он вновь ощутил во рту этот мерзкий и сочный вкус. На бумажной ленте беспорядочно чередовались острые горные пики (словно понатыканные кинжалы) и глубокие долины.

Неоперабельна.

Если бы эти клетки выросли в наружной части мозга, хватило бы и мелкой операции. Но эта опухоль размером с грецкий орех выросла очень глубоко и продолжает увеличиваться с каждым днем. Вмешательство с помощью скальпеля, лазера или криохирургия могут временно продлить жизнь. Точнее — бессознательное существование. Без хирургиче-

ского вмешательства гроб для Чарли придется заказывать уже совсем скоро.

Все это доктор Янгер изложил в общих чертах, порой сбиваясь на медицинские термины, значения которых они не понимали, да и не пытались понять. В первое мгновение в голове его вихрем пронеслась непростительная, предательская мысль: *Слава Богу — это не со мной.* Тут же вернулся странный вкус, а с ним пришло безутешное горе.

Сегодня грецкий орех, а завтра — весь мир. Ползучая неизвестность. Умирающий малыш. Беда, в которую сердце отказывается верить.

Чарли умер в октябре. Слов прощания он не говорил. Последние три недели мальчик не выходил из комы.

Он тяжело вздохнул и отправился в кухню готовить себе коктейль. Темная ночь по-кошачьи беззвучно прокралась в окна. Без Мэри дом казался вконец опустевшим. Он повсюду то и дело натыкался на собственное старье — выцветшие фотографии, рваный спортивный костюм, стоптанные тапочки под комодом. Черт знает что.

После смерти Чарли он уже никогда больше его не оплакивал; даже на похоронах ни слезинки не пролил. А вот Мэри рыдала, почти не переставая. Порой ему казалось, что она целыми неделями напролет ходит с заплаканными глазами. Но в конце концов оказалось, что именно она нуждается в исцелении.

Смерть Чарли потрясла ее, это было очевидно. Мэри прежняя и настоящая различались разительно. Раньше она притрагивалась к спиртному лишь в том случае, если это было необходимо для его карьеры. Со слабеньким коктейлем в руке могла просидеть целый вечер. Лишь простудившись, позволяла себе пропустить стаканчик горячего грога на ночь. И все. Но вот после смерти их сына Мэри не только составляла ему компанию по возвращении с работы, но потом выпивала еще и на сон грядущий. Быть может, в иных семьях пьют и побольше, но перемены были налицо. Прежде Мэри редко пла-

кала по пустякам. Потеряв Чарли, она стала плакать часто, хотя и старалась, чтобы этого не замечали. Из-за любой ерунды. По случаю сгоревшего ужина. Из-за прокола шины. Бытовой аварии. И так далее. Раньше она увлекалась музыкой — фольклорной и блюзами, — любила Ван Ронка, Гэри Дэвиса, Тома Раша, Тома Пакстона, Спайдера Джона Кернера. После — интерес к музыке угас. Она перестала говорить о путешествии в Англию, о котором столько мечтала. Стала реже посещать парикмахерскую, предпочитая укладывать волосы сама; он часто теперь видел, как она сидит перед телевизором с волосами, накрученными на бигуди. И их друзья сочувствовали главным образом ей — вполне оправданно, по его мнению. Ему тоже было жалко себя, но он хранил это в тайне. Вполне возможно, что всеобщее сочувствие в конце концов и спасло ее. Позволило избежать мучительных, сводящих с ума раздумий, из-за которых он порой долго не мог заснуть после того, как она уже давно спала, убаюканная вечерним коктейлем. Мэри спала, а он все размышлял, как могло случиться, что горсточка клеток размером с грецкий орех могла отнять у них единственного ребенка.

Он никогда не осуждал Мэри за то, что она сумела исцелиться. Она тоже познала все муки ада, сидя у постели Чарли. И все же ей удалось спастись. У нее было До, она прошла через Ад, у нее было После, а потом даже и После-После; именно тогда она возобновила членство в двух из четырех клубов, занялась макраме (у него был пояс, который она смастерила ему год назад, — чудесная штуковина с тяжелой серебряной пряжкой и монограммой ДДБ), заболела мыльными операми и не пропускала ни одного шоу с участием Мерва Гриффина.

А что теперь? — думал он, возвращаясь в гостиную. После-После-После? Да, похоже. Из пепла, который он столь грубо разворошил, восстала совершенно новая женщина, цельная личность. А вот у него вся душа была иссечена шрамами и плохо зарубцевавшимися, то и дело снова начинавшими кровоточить ранами. Долгими бессонными ночами он

исследовал свои раны, раскладывая их по полочкам и систематизируя с увлеченностью человека, постоянно разглядывающего собственные испражнения в поисках следов крови. Как он мечтал, чтобы Чарли участвовал в турнире юных бейсболистов! Как хотел вести таблицу, учитывать выигранные очки. Его так и подмывало напомнить Чарли, чтобы тот навел порядок в комнате. Он снова и снова хотел беспокоиться по поводу мальчиков и девочек, с которыми Чарли водил дружбу, хотел знать обо всех тайных заботах сына. Он хотел знать, каким станет его сын, когда вырастет; хотел знать, останутся ли у них те же близкие отношения, которые загубила опухоль размером с грецкий орех; опухоль, вторгшаяся между ними и разлучившая их подобно роковой женщине.

— *Он был твоим сыном!* — сказала Мэри.

Да, она была права. Отец с сыном были настолько близки, что даже называть друг друга собственными — разными — именами казалось диким. Вот так они и стали Джорджем и Фредом, братьями-неразлучниками.

Если горстка клеток размером с грецкий орех могла уничтожить все это, самое святое и настолько сокровенное, что в его существовании нельзя было признаться даже самому себе, то что вообще после этого осталось? Как можно кому-то доверять в этой жизни? И как после этого можно относиться к команде уничтожения, разрушившей их жизнь и уже подбиравшейся вплотную к их дому?

Все это скопилось и наболело у него внутри, но он совершенно искренне не понимал, что именно эти мысли в конце концов и произвели в нем необратимую перемену. А теперь они рвались наружу подобно зловонной рвотной массе, извергаемой из чрева на кофейный столик. Что же тогда жизнь? Если все это только игра, настольные гонки, то разве не правильно будет броситься под колеса? Но что потом? Ведь жизнь всего лишь прелюдия. Прелюдия к аду.

Вдруг он заметил, что вернулся в гостиную с пустым стаканом; он осушил его еще в кухне.

31 декабря 1973 года

Он был уже в двух кварталах от дома Уолли Хамнера, когда, сунув руку в карман в поисках мятных пастилок, не обнаружил их там. Зато пальцы нащупали пакетик из алюминиевой фольги, матово поблескивавший при свете приборного щитка его «ЛТД». Он озадаченно воззрился на пакетик и уже хотел было отправить его в пепельницу, когда вдруг вспомнил, что это такое.

Словно наяву он услышал голос Оливии: *Синтетический мескалин. Чистейший. Лучшее из всего, что на свете есть.*

А ведь он начисто забыл о его существовании.

Сунув пакетик в карман, он вырулил на улицу, где жил Уолли. По обеим сторонам улицы выстроились вереницы автомобилей. Что ж, это было вполне в духе Уолли — наприглашать чертову уйму гостей. «Принцип неизбежного удовольствия» — так он его окрестил. Уолли божился, что когда-нибудь непременно запатентует свою идею и приложит к ней подробную инструкцию для пользователей. Принцип Уолли Хамнера заключался в том, что, собрав вместе достаточное число людей, вы неизбежно получите удовольствие — иначе просто быть не может. Как-то раз, когда Уолли распинался об этом в каком-то баре, он упомянул толпу линчевателей. «Вот-вот, — тут же нашелся Уолтер. — Барт лишний раз подтвердил мою правоту».

Он неожиданно попытался представить, чем сейчас занимается Оливия. Перезванивать она больше не пыталась — в противном случае он бы оттаял и принял звонок. Может, она все-таки задержалась в Вегасе, получила его деньги и махнула... Куда? В штат Мэн? Может ли человек в здравом уме променять Лас-Вегас на Мэн посреди зимы? Нет, конечно.

Синтетический мескалин. Чистейший. Лучшее из всего, что на свете есть.

Он остановил машину у бордюра позади красного «ягуара» с черными полосками и выбрался на тротуар. Небо было

ясное, но вот стужа стояла одуряющая. Холодная луна висела над головой, словно бумажный кружок, вырезанный ребенком из книжки. Звезды усыпали ночное небо, как веснушки — детскую мордашку. Слизь в ноздрях затвердела, и он высморкался со странным хрустящим звуком. Воздух белыми клубами вырывался изо рта и носа.

Музыка шибанула ему в уши уже за три дома от дома Уолтера. Да, народ веселился напропалую. В вечеринках Уолли и впрямь было нечто особенное. Люди, заскакивавшие из вежливости на минутку сказать «здравствуйте», оставались с развеселой толпой, гуляли до утра и зачастую, теряя голову, упивались в стельку. Женщины самозабвенно кокетничали, в кухне и прочих укромных уголках жались парочки, а во всех остальных комнатах гремела музыка, отплясывали люди и спиртное лилось рекой. Уолли каким-то непостижимым образом ухитрялся будить в своих гостях тягу к беззаветному веселью. Не специально, нет, а в силу одного лишь того, что был Уолли. Ну и разумеется, никакая вечеринка не могла сравниться с празднованием Нового года.

Он машинально окинул взглядом вереницы автомобилей, высматривая бутылочно-зеленую «Дельту-88» Стивена Орднера, но так ее и не обнаружил.

Он уже подходил к дому, когда хрипловатый голос Мика Джаггера затянул:

О-о-о-о, дети...
Это просто поцелуй,
Самый нежный поцелуй...

Все окна в доме ослепительно сияли — начхать на энергетический кризис, — за исключением, конечно, окон гостиной, где парочки сейчас наверняка кружились в медленном танце, целуясь и тайком лаская друг друга.

Перекрывая мощные динамики, из дома доносились сотни голосов; как будто Вавилонское столпотворение произошло всего мгновение назад.

Он подумал, что, будь сейчас лето (или даже осень), было бы даже занятно постоять снаружи, прислушиваясь к этому пандемониуму. И вдруг он с ужасающей ясностью увидел, как стоит на аккуратно подстриженной лужайке перед домом Уолли Хамнера и держит в руках рулон бумаги с записью электроэнцефалограммы; вся бумага испещрена неправильными пиками и ямами поврежденной мозговой функции: картина снята с огромного, пораженного опухолью Мозга Вечеринки...

Содрогнувшись, он засунул озябшие руки в карманы пальто. Правая рука снова нащупала пакетик из алюминиевой фольги, и он, внезапно охваченный любопытством, вынул его. Развернул прямо здесь, на морозце, покусывавшем тупыми зубами кончики пальцев. В пакетике оказалась маленькая фиолетовая таблетка, которая вполне могла бы уместиться на любом его ногте. Иными словами, она была несравненно мельче грецкого ореха. Неужто такая крохотулька могла сделать человека временно безумным, заставить грезить наяву, галлюцинировать? То есть имитировать состояние мозга его смертельно больного сына?

Спокойно, почти рассеянно, он сунул таблетку в рот. Она была безвкусная. Он ее проглотил.

— *БАРТ!* — закричала женщина. — *БАРТ ДОУС!* — На женщине было черное вечернее платье с оголенными плечами, в руке она держала коктейль. Темные волосы были уложены в красивую прическу и скреплены заколкой, усыпанной искусственными бриллиантами.

Он вошел в дом через кухонную дверь. В кухне было душно и многолюдно. А ведь было еще только полдевятого; Эффект Прибоя еще не начался. Эффект Прибоя тоже был частью теории Уолтера; он считал, что по ходу вечеринки люди постепенно расходятся по четырем углам дома. Если верить Уолли, то как-то раз он обнаружил одного из гостей в мансарде почти через сутки после завершения вечеринки.

Между тем женщина в черном платье поцеловала его в губы, прижавшись пышным бюстом к его груди. Несколько капель мартини выплеснулись при этом на пол между ними.

— Привет, — поздоровался он. — Вы кто?

— Я Тина *Ховард*, Барт. Ты что, забыл, как мы в поход ходили? — Она погрозила ему пальцем, увенчанным длинным ногтем в форме наконечника пики. — *ГАДКИЙ МАЛЬЧИШКА!*

— Ах, Тина! — обрадовался он. — И верно — теперь я тебя узнал! — Он расплылся до ушей. Этим тоже славились вечеринки Уолтера: люди из твоего прошлого то и дело объявлялись здесь, словно старые фотографии. Мальчишка с соседского двора; девушка, с которой ты едва не переспал в колледже; парень, с которым тебе довелось поработать как-то летним месяцем лет восемнадцать назад.

— Но только теперь меня зовут Тина Ховард Уоллес, — кокетливо прощебетала она. — И я здесь с мужем... Где-то он тут был неподалеку. — Она посмотрела по сторонам, пролила еще немного коктейля и поспешно осушила стакан, пока в нем хоть что-то оставалось. — Какой КОШМАР — я его, кажется, потеряла!

Она устремила на него призывный взгляд, и Барт недоверчиво вспомнил, что именно Тина впервые познакомила его с женской плотью. Это было сто девять лет назад, когда, по окончании школы, их класс отправился в поход. Тогда он гладил ее грудь через тонкую блузку возле...

— Бобровый ручей, — громко произнес он.

Она захихикала и зарделась.

— Да, вижу, ты не забыл.

Его взгляд машинально скользнул по ее груди, и Тина звонко рассмеялась. Он смущенно улыбнулся.

— Похоже, время уходит быстрее...

— Барт! — выкрикнул Уолли Хамнер, перекрывая гул голосов. — Привет, дружище! Я страшно рад, что ты сумел к нам выбраться!

Он протиснулся через толпу к Уолли и пожал его вытянутую руку. Уолли ответил крепким рукопожатием.

— Вижу, вы уже встретились с Тиной Уоллес.

— Да, вспомнили былое, — ответил он и снова смущенно улыбнулся, глядя на Тину.

— Только не вздумай рассказать моему мужу, проказник, — хихикнула Тина. — Извините, ребята, я вас оставлю. Еще увидимся, Барт?

— Конечно.

Она обогнула кучку людей, сгрудившихся вокруг стола с закусками, и вошла в гостиную. Проводив ее взглядом, он спросил:

— Откуда ты их выкапываешь, Уолтер? Это первая девчонка, с которой мы обжимались. Я просто глазам своим не поверил, когда узнал ее.

Уолтер скромно пожал плечами.

— Это одна из составных частей «Принципа неизбежного удовольствия», дружище Бартон. — Он кивком указал на бумажный пакет, зажатый у Барта под мышкой: — А это у тебя что?

— «Южный комфорт». Надеюсь, севен-ап у тебя найдется?

— Найдется, — кивнул Уолли, поморщившись. — Неужто ты собираешься пить эту тюленью мочу? Мне всегда казалось, что ты предпочитаешь виски.

— Наедине с самим собой я пью только «Южный комфорт» с севен-апом. Жизнь научила.

Уолли усмехнулся.

— Тут где-то была Мэри. Она уже давно тебя ждет. Налей себе выпить и пойдем на поиски.

— Хорошо.

Он снова двинулся через кухню, здороваясь с людьми, которых едва знал и которые отвечали ему недоуменными взглядами, а также отвечая «привет» и «здравствуйте» людям, которых точно не знал, но которые здоровались с ним первыми. В воздухе висел сизый туман сигаретного дыма. Со всех

сторон доносились бессмысленные обрывки разговоров, словно голоса ведущих ночных радиостанций.

...но у Фредди с Джимом не оказалось при себе расписания, и мне пришлось...

...сказала, что у него недавно умерла мать, а сам он скоро сопьется, если не остановится...

...а когда соскреб краску, то увидел, что вещица и в самом деле старинная...

...я от этих коммивояжеров уже на стенку лезу...

...совсем рассорились. Но не разводятся из-за детишек, хотя он и пьет как лошадь...

...платье просто обалденное!

...так нализался, что блеванул прямо на бедную официантку...

Перед плитой и раковиной возвышался длинный стол, сплошь уставленный початыми и полными бутылками, стаканами и рюмками всевозможных размеров. Пепельницы уже были доверху заполнены окурками. В раковине теснились три серебряных ведерка со льдом. Над плитой красовался плакат с изображением Ричарда Никсона в здоровенных наушниках. Конец провода от наушников исчезал в ослиной заднице. Подпись гласила:

А ВОТ МЫ СЛУШАЕМ ЛУЧШЕ!

Слева от него какой-то мужчина в мешковатых брюках и с напитком в каждой руке (в левой он держал стакан с виски, а в правой кружку, до краев наполненную пивом) громогласно рассказывал анекдот:

— И вот приходит этот парень в бар, а рядом с ним на стойке сидит мартышка. Ну, он заказал себе пива, а потом спрашивает: «Это чья обезьяна?» «Пианиста», — отвечает бармен. «Славная скотинка», — говорит он...

Он привычно смешал себе «Южный комфорт» с севен-апом и обернулся, высматривая Уолли, но тот уже поспешил к дверям встречать новоприбывших гостей — совсем моло-

дую пару. Мужчина был в шоферской кепке со вздернутыми на темя круглыми очками и шоферском же плаще. На спине у него было написано:

ГОНИ ВО ВЕСЬ ОПОР!

Раздался взрыв хохота. Он навострил уши.

— ...и тут он подходит к пианисту и спрашивает: «Вы знаете, что ваша чертова обезьяна только что напрудила в мое пиво?» «Нет, не знаю, — отвечает пианист. — Но если вы напоете мне какую-нибудь мелодию, я ее мигом подхвачу».

Вокруг так и покатились со смеху. Довольный рассказчик залпом опрокинул в себя виски и тут же принялся запивать его пивом.

Кто-то поставил пластинку с записями рок-н-ролла 50-х годов, и пар пятнадцать уже лихо и неумело скакали под гремящую музыку, потешно выбрасывая ноги. Он разглядел Мэри, которая отплясывала с высоким и стройным мужчиной; он знал его, но вспомнить имя никак не мог. Джек? Джон? Джейсон? Он потряс головой. Бесполезно — совсем из головы вылетело. На Мэри было вечернее платье, которого он прежде не видел. С пуговицами на боку и узким разрезом, приоткрывавшим затянутую в нейлон ногу чуть выше колена. Он ожидал, что испытает укол ревности или хотя бы щемящее чувство потери, но так и не дождался. Он пригубил свой напиток.

Мэри повернула голову и заметила его. Он небрежно отсалютовал ей пальцем, как бы давая понять: *Закончи танец*, но Мэри тут же остановилась и направилась к нему, увлекая за собой своего партнера.

— Я рада, что ты пришел, Барт, — сказала она, повышая голос, чтобы перекричать гул голосов, смех и музыку. — Помнишь Дика Джексона?

Барт кивнул, протянул руку и обменялся с Диком крепким рукопожатием.

— Помнится, вы с женой одно время жили на нашей улице. Лет пять... нет, даже семь лет назад. Да?

Джексон кивнул:

— Да, а сейчас мы в Уиллоуде обитаем.

— Что ж, прекрасно. А работаете на прежнем месте?

— Нет, теперь у меня свой бизнес. Служба доставки. Два грузовика. Кстати, если вашей прачечной нужно что-нибудь перевозить в дневное время... Порошки там стиральные или еще что...

— Я там больше не работаю, — прервал он Джексона, а краешком глаза заметил, что Мэри вздрогнула и поморщилась, словно кто-то случайно задел ее больное место.

— Вот как? А чем вы теперь занимаетесь?

— Я сейчас сам у себя на службе, — ухмыльнулся он. — А вы ненароком не участвовали в забастовке независимых транспортников?

Лицо Джексона, уже побагровевшее от поглощенного спиртного, потемнело еще больше.

— Вы в самую точку попали. Я лично одного штрейкбрехера проучил. Знаете, сколько эти козлы из Огайо сейчас за дизельное топливо дерут? Тридцать один и девять десятых! У меня прибыль мигом с двенадцати процентов до девяти упала. А из этих денег еще за обслуживание грузовиков платить надо. Не говоря уж об этом идиотском ограничении скорости...

Он продолжал распинаться о трудностях, которые преследуют независимых транспортников в стране, пораженной энергетическим кризисом, а Барт слушал, кивал и потягивал свой коктейль. Мэри извинилась перед мужчинами и отправилась в кухню за стаканом пунша. Молодой парень в шоферском костюме отплясывал чарльстон под старую песенку «Эверли Бразерс», а сгрудившиеся вокруг него зрители громко аплодировали и смеялись.

Подошла жена Джексона, пышногрудая рыжеволосая женщина крепкого телосложения; Джексон познакомил их. Она уже явно хватила лишку и теперь стояла, осоловело гля-

дя перед собой и пьяно покачиваясь. Поздоровавшись с ним за руку, она икнула и, бессмысленно улыбаясь, пробормотала:

— К-кажется, я сейчас б-блевану. Где тут у них туалет?

Джексон проводил ее. Мэри что-то не возвращалась. Должно быть, кто-то пристал к ней с болтовней.

Он запустил руку во внутренний карман, достал сигареты и закурил. В последние годы он курил только на вечеринках. Он гордился, что сумел одержать над собой эту победу, ведь прежде, выкуривая три пачки в день, он был первым кандидатом в пациенты онкологов.

Он выкурил уже полсигареты, не сводя глаз с кухонной двери, когда, случайно потупив взор, заметил, до чего у него занятные пальцы. Каким-то образом указательный и средний пальцы правой руки знали, как держать сигарету, словно всю жизнь только это и делали.

Мысль эта показалась ему настолько потешной, что он улыбнулся. Некоторое время спустя он обратил внимание, что вкус во рту изменился. Не в худшую сторону, нет, но явно изменился. Да и слюна, казалось, загустела. А вот ноги... ноги слегка подергивались, словно только и дожидались приглашения пуститься в пляс. Более того, ему почему-то казалось, что лишь после танца ноги прекратят дрыгаться и снова станут обычными ногами, к которым он привык...

А вот следующая мысль его слегка напугала. Ему вдруг почудилось, что он потерялся в каком-то огромном и незнакомом дворце, а теперь поднимался по высокой *хр-рр-рустальной* лестнице...

Ага, наверное, это таблетка Оливии начала действовать, догадался он. А забавно прозвучало это слово — *хрустальной*, верно? *Хр-рр-рустальной* — трескучий такой звук, раскатистый, хрустящий, словно при движении застежки-молнии на костюме стриптизерши.

Он довольно улыбнулся и посмотрел на сигарету, которая вдруг стала удивительно белой, удивительно круглой, самым удивительным образом символизируя американский табак и американское процветание. Ведь только в Америке

делают такие вкусные сигареты. Он затянулся. Восхитительно! Да, мескалин начал действовать. Оливия была права. Похоже, он уже улетал. Знали бы люди, что он думал по поводу слова *хрустальный* (вернее — *хр-рр-рустальный*), они бы наверняка сказали, качая головами: *Ну дает парень! У него точно крыша поехала.* Крыша поехала. Тоже забавное выражение. Он вдруг пожалел, что рядом нет Сэла Мальоре. Они бы с Циклопом Сэлом классно провели время. Про делишки мафии потолковали бы. Про старых потаскух. Он словно воочию увидел, как они сидят с Мальоре в небольшом итальянском ristorante, едят спагетти и слушают музыку из «Крестного отца». И все в красках — роскошных и сочных. В них можно было окунуться и плескаться, словно в ванне с пеной.

— Хр-рр-рустальный, — смачно произнес он и ухмыльнулся. Странно, он сидел и грезил тут едва ли не целую вечность, а вот пепла на кончике сигареты не прибавилось. Он поразился. Затянулся еще разок.

— Барт?

Он поднял глаза и увидел Мэри. Она принесла тарелочку с канапе. Он улыбнулся.

— Присаживайся, Мэри. Это мне?

— Да. — Она протянула ему тарелочку. Бутербродик, намазанный чем-то розовым, был треугольной формы и совсем крохотный. С чем же он? Вдруг ему пришло в голову, что Мэри страшно испугалась бы, узнав, что он «наширялся», как выразилась бы Оливия. Могла бы «скорую помощь» вызвать, а то и полицию. Или еще черт знает кого. Нужно вести себя нормально, чтобы она не догадалась. Однако от одной этой мысли он вдруг почувствовал себя совсем странно.

— Я его позже съем, — возвестил он и опустил канапе в карман рубашки.

Глаза Мэри поползли на лоб.

— Ба́рт, ты пьян?

— Немножко, — признал он. Он видел поры на ее лице. Прежде почему-то никогда их не замечал. Господи, сколько дырочек! Как будто Господь был пекарем, а лицо Мэри —

пасхальной мацой. Он невольно хихикнул, а увидев, что Мэри нахмурилась, поспешил добавить: — Ты только никому не говори!

— Про что? — озадаченно спросила она.

— Про «дурь».

— Барт, что за околесицу ты несешь?

— Мне нужно в туалет, — объяснил он. — Я скоро вернусь.

Он ушел не оглядываясь, но спиной чувствовал ее взгляд.

Оборачиваться нельзя — возможно, тогда она не догадается. Ведь в этом лучшем из миров все возможно — даже хр-рр-рустальные лестницы. Он улыбнулся с нежностью. Слово это стало ему близким другом.

Путешествие в ванную каким-то образом превратилось для него в настоящую одиссею. Звуки вечеринки слились в невероятную какофонию, причем звук то усиливался, то исчезал, а потом, вновь возникая, приобретал стереофоническое звучание. Встречая знакомых, как ему казалось, людей, он лишь что-то бормотал себе под нос и, не желая вступать в разговор, указывал на свой лобок, улыбался и продолжал путь. Его провожали озадаченными взглядами. И почему не бывает вечеринок, где присутствуют одни незнакомцы? — огорченно спрашивал он себя.

Туалет оказался занят. Прождав несколько часов (как ему показалось) снаружи, он наконец попал туда, но помочиться никак не мог. Стена за унитазом пульсировала на три такта. На случай, если кто-нибудь за дверью подслушивал, он спустил воду, хотя опорожнить мочевой пузырь так и не сумел. Вода была почему-то зловеще розовой, словно последний посетитель писал кровью. Черт знает что!

Покинув туалет, он мигом погрузился в приятную обстановку вечеринки. Лица плавали вокруг, словно воздушные шары. Музыка была изумительная. Элвис Пресли. Славный старина Элвис! Давай, Элвис, жарь! Вмажь им, бродяга!

Откуда-то выплыло и повисло прямо перед ним участливое лицо Мэри.

— Барт, что с тобой?

— Что со мной? Да ничего. — Он был растерян, в полном недоумении. Произносимые им слова зримо повисали в воздухе, словно нарисованные нотные значки. — У меня галлюцинации, — громко сказал он, обращаясь при этом сам к себе.

— Господи, Барт, что ты принял? — Мэри была уже всерьез напугана.

— Мескалин, — ответил он.

— О Боже! *Наркотик! Но почему, Барт?*

— А почему бы и нет? — переспросил он, не в состоянии придумать ничего более подходящего. Слова опять вылетали в виде нотных знаков, но только теперь они уже были с флажками.

— Хочешь, я отвезу тебя к врачу?

Он удивленно поднял голову и посмотрел на Мэри, взвешивая ее слова и пытаясь определить, нет ли в них скрытого смысла; припомнил фрейдистские толкования. Неожиданно он хихикнул и тут же воочию увидел, как изо рта опять вылетают музыкальные ноты, хр-рр-рустальные кружочки на параллельных линиях и между ними.

— А зачем мне врач? — спросил он, тщательно подбирая слова. Вопросительный знак повис в воздухе в виде ноты-четверти. — Все именно так, как она и сказала. Особой жути нет. Но любопытно.

— Кто? — требовательно спросила Мэри. — Кто тебе сказал? И где ты достал наркотик?

Лицо ее стало на глазах меняться, в нем появилось что-то ящероподобное. Даже кожа сделалась чешуйчатой, как у рептилий.

— Это не важно, — испуганно отмахнулся он. — И вообще — оставь меня в покое! Что привязалась-то? Я ведь к тебе не пристаю.

Ее лицо вновь изменилось, и он узнал прежнюю Мэри, но только обиженную и огорченную. Ему стало стыдно. А веселье вокруг кипело по-прежнему.

— Ну хорошо, Барт, — сказала она. — Над собой ты можешь издеваться как хочешь — дело твое. Но только об одном тебя прошу: меня не позорь, ладно? Ты можешь мне хоть это обещать?

— Ну к-конечно...

Однако Мэри не дождалась его ответа. Она повернулась к нему спиной и, больше не оборачиваясь, ушла в кухню. Ему было жаль ее, но вместе с тем он почувствовал облегчение. А вдруг кому-то еще вздумается поговорить с ним? Они ведь тоже поймут. В таком состоянии нормально общаться с людьми он не мог. Наверное, не сумеет даже толком пьяным прикинуться.

— Чер-рр-рт знает что, — произнес он, слегка грассируя. На этот раз все нотные знаки выстроились в одну линию, причем каждая нота была с флажком. Что ж, лично он не против, чтобы эти ноты хоть всю ночь напролет порхали. Но только не здесь, где любой мог подойти к нему и потребовать объяснений. Нет, он должен уединиться, причем в таком месте, где можно спокойно прислушиваться к своим мыслям. Здесь, на вечеринке, все равно что возле водопада. Как тут думать под такой грохот? Нет, нужно найти тихую заводь. Где разве что радио играет. Он вдруг подумал, что под музыку ему думалось бы легче. А думать было о чем. Много накопилось.

Он заметил, что люди уже начали поглядывать в его сторону. Должно быть, Мэри проболталась. *Ах, я так обеспокоена. Барт наглотался мескалина.* Наверняка они теперь все об этом шушукаются. Притворяются, что танцуют, пьют и беззаботно болтают, а на самом деле следят за ним и шепчутся. Он это сразу понял. Вернее, так — ср-р-разу.

Мимо него, пошатываясь, брел незнакомый мужчина со здоровенным стаканом в руке. Он схватил его за пиджак и хрипло зашептал:

— Что они говорят про меня?

Незнакомец ядовито улыбнулся ему в лицо, обдав его волной перегара.

— Я это запишу, — пробормотал он и пошел дальше.

* * *

Наконец (он и сам не мог судить, сколько времени спустя) он добрался до кабинета Уолтера Хамнера. Прикрыл за собой дверь и вздохнул с облегчением — шум вечеринки сюда почти не доносился. Он был уже порядком напуган. Таблетка не только действовала по-прежнему, но эффект от ее воздействия с каждой минутой усиливался. Ему показалось, что гостиную он пересек, не успев и глазом моргнуть, в мгновение ока миновал спальню, а уж прихожая и вовсе промелькнула незамеченная. Цепь нормального бытия распалась на отдельные звенья, каждое из которых существовало словно само по себе. Время тоже распалось. От его ощущения времени не осталось и следа. А вдруг оно так и не восстановится? Вдруг он навсегда останется таким? Ему пришло в голову, что не мешало бы заснуть и проспаться, но он не был уверен, что сумеет. Да и потом, кто знает, какие кошмары могут привидеться ему во сне? И черт его дернул принять эту таблетку! Разве можно сравнить это состояние с обычным опьянением или похмельем? Тогда всегда остается хоть какой-то дежурный уголок, недоступный действию алкоголя. А теперь? Теперь он весь во власти этого чудовищного дурмана.

Здесь, в кабинете, ему было лучше. Может, он сумеет взять себя в руки и прийти в чувство? Но даже в крайнем случае, если совсем вырубится...

— Приветик!

Он испуганно подпрыгнул и посмотрел в угол. Там на стуле с высокой спинкой сидел у книжного шкафа какой-то незнакомый мужчина. На коленях он держал раскрытую книгу. А мужчина ли это? В кабинете горела только настольная лампа, стоявшая на журнальном столике слева от незнакомца. Его лицо почти целиком находилось в тени, глаза напоминали черные впадины, а щеки были изборождены глубокими язвительными морщинами. На мгновение ему почудилось, что перед ним сидит сам Сатана. Однако в следующий миг незнакомец встал, и он с облегчением убедился, что это обычный человек. Довольно высокий, лет шестиде-

сяти, с голубыми глазами и перебитым носом. Странно, но ни в руке мужчины, ни поблизости не было стакана или рюмки с выпивкой.

— Еще одна блуждающая звезда, — улыбнулся незнакомец, протягивая руку. — Фил Дрейк.

— Бартон Доус, — представился он, еще не придя в себя от испуга. Они пожали друг другу руки. Ладонь Дрейка была высохшая, и кожа на ней сморщилась — возможно, от ожога. Но он пожал ее без отвращения. *Дрейк.* Фамилия показалась ему неуловимо знакомой, но он не мог вспомнить, где слышал ее раньше.

— У вас все в порядке? — участливо спросил Дрейк. — Вы выглядите...

— Я навеселе, — признался он. — Принял мескалин и теперь летаю. — Он окинул взглядом книжные полки, которые вдруг стали причудливо выпячиваться и пульсировать. Это ему не понравилось. Пульсация книжных полок напоминала работу какого-то уродливого сердца. Ему совершенно не хотелось на такое смотреть.

— Понимаю, — кивнул Дрейк. — Присядьте, пожалуйста. Расскажите мне про ваши ощущения.

Он посмотрел на Дрейка, немного удивленный, но затем вдруг испытал колоссальное облегчение. Присел напротив.

— А вы смыслите в мескалине? — спросил он.

— Немного. Совсем немного. Я, видите ли, держу кофейню в самом центре города. Детишки частенько с улицы забредают. Под кайфом... У вас интересные ощущения? — вежливо осведомился он.

— И да и нет, — покачал головой он. — Это довольно... тяжело.

— Понимаю, — кивнул Дрейк.

— Я здорово струхнул. — Кинув взгляд в окно, он вдруг увидел снаружи длиннющую воздушную автостраду, простирающуюся в бесконечные небеса. Он потупился и невольно провел языком по пересохшим губам. — Скажите... долго это обычно продолжается?

— А когда вы «упали»?

— Упал? — недоуменно переспросил он. Слово это вырвалось у него изо рта отдельными буквами, которые одна за другой свалились на ковер и с шипением растворились.

— Когда вы приняли таблетку?

— А... примерно в половине девятого.

— Так, а сейчас... — Дрейк кинул взгляд на часы. — Без четверти десять.

— Без четверти *десять? Только-то?*

— Вы утратили ощущение времени, да? — улыбнулся Дрейк. — Думаю, что к половине второго вы уже станете самим собой.

— Правда?

— Да. Сейчас у вас самый пик. Вас преследуют видения? Галлюцинации?

— О да. Даже *очень*.

— Да, вы способны увидеть такое, что не предназначено для человеческих очей, — загадочно промолвил Дрейк и почему-то криво улыбнулся.

— Это верно. Вы очень точно подметили. — До чего здорово, что он познакомился с этим человеком! Это его спаситель. — А чем вы еще занимаетесь, помимо того, что наставляете на путь истинный своих согрешивших сограждан?

Дрейк улыбнулся.

— Вы красиво выразились. Обычно люди под воздействием мескалина или ЛСД вообще теряют дар речи или выражаются так, что понять их невозможно. Большинство вечеров я провожу в телефонной службе доверия. А днем работаю в кофейне, про которую вам рассказал. Она называется «Заскочи, мамочка!». Клиенты мои большей частью бродяги и наркоманы. По утрам я просто брожу по улицам и беседую с моими заблудшими прихожанами. А в свободное время немного в тамошней тюрьме помогаю.

— Так вы священнослужитель?

— Меня называют уличным священником. Очень романтично. Хотя в свое время я был и настоящим священником.

— А теперь — нет?

— Я покинул лоно церкви, — сказал Дрейк. Он произнес это тихо, но за его спокойствием скрывалась горечь. Он словно наяву услышал, как лязгнули церковные врата, захлопнувшись навсегда.

— А почему? — не удержался он.

Дрейк пожал плечами.

— Сейчас это уже не важно. А вы? Как вам удалось достать мескалин?

— Девушка одна дала. По дороге в Лас-Вегас. Очень славная девушка. Она звонила мне в Рождество.

— Просила помочь?

— Пожалуй, да.

— И вы помогли ей?

— Не знаю. — Он лукаво улыбнулся. — Святой отец, расскажите мне про мою бессмертную душу.

Дрейк дернулся:

— Я вам не святой отец.

— Ну ладно, тогда не надо.

— А что вы хотите знать про свою *душу*?

Он посмотрел на свои пальцы. При желании он мог в любой миг исторгнуть из их кончиков луч света. Это придавало ему пьяное ощущение всесильности.

— Я хочу знать, что с ней случится, если я совершу самоубийство?

Дрейк поежился.

— Не стоит думать на эту тему, пока вы находитесь под воздействием наркотика. Ваш мозг сейчас затуманен.

— *Я* соображаю совершенно нормально, — упрямо заявил он. — Ответьте мне.

— Не могу. Я не знаю, какая участь постигнет вашу *душу*, если вы наложите на себя руки. Но я точно знаю, что случится с вашим телом. Оно сгниет.

Напуганный подобной перспективой, он снова уставился на свои руки. Словно желая ему угодить, они у него на глазах покрылись трещинами и превратились в прах, заста-

вив вспомнить самые мрачные новеллы Эдгара По. Н-да, ну и ночка выдалась. Эдгара По ему только не хватало. Или какого-нибудь Хичкока. Он поднял голову и озадаченно посмотрел на уличного священника.

— Что сейчас происходит с вашим телом? — поинтересовался Дрейк.

— А? — тупо переспросил он, не понимая сути вопроса.

— Есть два типа «улета», — терпеливо пояснил Дрейк. — Головной и телесный. Вас не тошнит? Суставы не ломит? Недомогание испытываете?

Он пораскинул мозгами, прежде чем ответить, и наконец произнес:

— Нет, я просто чувствую себя... занятым. — Он сам даже фыркнул от смеха, а Дрейк улыбнулся. Хорошее он подобрал словцо, чтобы описать свои чувства. Тело и впрямь так и распирало от активности. Оно казалось совсем легким, но отнюдь не бесплотным. Более того, он никогда не ощущал себя таким мясистым, никогда не сознавал, насколько тесно срослись его разум и плоть. Разделить их было просто невозможно. Или отлепить друг от друга. Да, приятель, ты с ними навеки сросся. Интеграция. Энтропия. Мысль эта обогрела его, как проворное тропическое солнце. Тщетно пытаясь разобраться в лабиринте своего разума, он вдруг громко сказал:

— Но ведь остается еще душа.

— И что из этого? — терпеливо спросил Дрейк.

— Уничтожив мозг, убиваешь и тело, — медленно пояснил он. — И наоборот. Но вот что при этом с *душой* происходит? Это ведь самое интересное, святой отец... мистер Дрейк.

— «Какие сны приснятся в смертном сне?» Это «Гамлет», мистер Доус, — ответил Дрейк.

— А по-вашему, душа продолжает жить и после смерти? Значит, бессмертие все-таки существует?

Глаза Дрейка заволокло пеленой.

— Да, — кивнул он. — Я думаю, бессмертие существует... в определенном виде.

— И вы, наверное, считаете, что самоубийство есть смертный грех, обрекающий душу на вечные муки в геенне огненной?

Дрейк долго не отвечал. Потом сказал:

— Самоубийство скверно. Я в этом искренне убежден.

— Это не ответ.

Дрейк встал.

— А я и не собираюсь вам отвечать. Я уже давно перестал упражняться в метафизике. Теперь я обычный гражданин. Вы не намерены вернуться на вечеринку?

Вспомнив о шуме и сутолоке, он отрицательно помотал головой.

— Тогда — домой?

— Нет, я не смогу вести машину. Боюсь садиться за руль.

— Я вас отвезу.

— Вы? А как вы вернетесь?

— Вызову такси из вашего дома. В новогоднюю ночь такси не проблема.

— Это будет здорово, — благодарно произнес он. — Я бы с удовольствием побыл один. Телевизор посмотрел.

— В одиночестве вы ощущаете себя в безопасности? — полюбопытствовал Дрейк.

— А разве такое возможно? — с мрачным видом переспросил он. И оба дружно рассмеялись.

— Ну тогда ладно. Попрощаться ни с кем не желаете?

— Нет. А черный ход здесь есть?

— Думаю, что найдем.

По пути домой он почти не раскрывал рта. Даже мелькание уличных фонарей его раздражало. Когда они проезжали место, где велись дорожные работы, он не удержался и, кивнув в сторону магистрали, спросил:

— Что вы думаете по этому поводу?

— А что я могу думать? — пожал плечами Дрейк. — Детишки в нашем городе голодают, а они прокладывают но-

вую дорогу для наших и без того зажравшихся бегемотов. Я считаю, что это просто позор.

Он уже раскрыл было рот, чтобы рассказать Дрейку про зажигательные бомбы и учиненные им поджоги, но в последнюю минуту передумал. Ведь Дрейк может подумать, что это просто очередные галлюцинации. Или — еще хуже — что это не галлюцинации.

Остальное он помнил не столь отчетливо. Он показал Дрейку, как проехать к его дому. Дрейк заметил, что, должно быть, все обитатели улицы разъехались по гостям или рано легли спать. Он не стал объяснять. Дрейк вызвал такси. Они немного посмотрели телевизор — Гай Ломбардо в «Уолдорф-Астории» ублажал публику, играя совершенно райскую музыку. Он решил, что Гай Ломбардо похож на лягушку.

Такси подкатило к дому без четверти двенадцать. Дрейк снова осведомился, все ли с ним в порядке.

— Да, — ответил он. — По-моему, я уже прихожу в себя.

Так оно и было на самом деле. Галлюцинации постепенно вытеснялись в самые отдаленные закоулки его мозга.

Открыв дверь, Дрейк высоко поднял воротник, закрывая уши.

— Вы только выкиньте из головы мысли о самоубийстве. Не будьте трусом.

Он улыбнулся и кивнул, хотя не стал ни соглашаться с советом Дрейка, ни отвергать его. Подобно всему остальному в эти дни, он просто взял его себе на заметку.

— С Новым годом! — сказал он.

— И вас тоже, мистер Доус.

Таксист нетерпеливо загудел.

Дрейк зашагал по дорожке, и такси тут же отъехало.

Он вернулся в гостиную и снова уселся перед телевизором. Камеры переключились на Таймс-сквер, где пылающий шар, установленный на крыше небоскреба, собирался совершить головокружительный спуск в 1974 год. Он чувствовал себя разбитым и измученным; его стала одолевать сонли-

вость. Шар вот-вот спустится, и он вступит в Новый год, напичканный мескалином. А где-то в это самое время новорожденный Новый год уже выкарабкивается из материнской утробы в этот лучший из миров. А на вечеринке Уолтера Хамнера гости поднимают бокалы и начинают отсчитывать оставшиеся секунды. Дают себе клятвы. Большинство этих клятв, конечно, и яйца выеденного не стоят. Не устояв перед искушением, он и сам дал себе клятву. Поднялся, превозмогая усталость; все тело болело и ныло, суставы раскалывались. Он побрел на кухню и снял с полки молоток. Когда он вернулся в гостиную, пылающий шар уже спускался по высоченному шесту. Хор людских голосов отсчитывал: «Восемь... семь... шесть... пять...» В камеру заглянула какая-то толстушка. В первое мгновение она изумилась, а затем радостно осклабилась и помахала всей Америке.

Вот и Новый год настал, подумал он. Почему-то от этой мысли по рукам побежали мурашки.

Шар наконец спустился, и на крыше небоскреба вспыхнули гигантские цифры:

1974

В тот же миг молоток в его руках описал крутую дугу, и — экран телевизора взорвался. Осколки стекла брызнули на ковер. В воздухе запахло паленым, но возгорания не произошло. Во избежание пожара он ногой вышиб штепсель из розетки.

— С Новым годом! — негромко произнес он и отбросил молоток на ковер.

Он прилег на диван и почти мгновенно уснул. Спал он при включенном свете и снов не видел.

Часть третья
ЯНВАРЬ

Если я не обрету себе пристанище,
Мне придется сгинуть навечно...

«Роллинг Стоунз»

5 января 1974 года

То, что случилось с ним в этот день в «Лавке для экономных», было едва ли не единственным за всю его жизнь осознанным и просчитанным поступком, а не очередной взбалмошной выходкой. Словно невидимый палец выводил на людях письмена, доступные лишь его взору.

Он любил ходить по магазинам. Это успокаивало, помогало ощущать себя в здравом уме. А после знакомства с мескалином он просто обожал совершать здравые поступки. В первый день нового года он проснулся часа в два, а остаток дня провел, бесцельно шатаясь по дому и чувствуя себя инопланетянином.

Он брал отдельные предметы и разглядывал их, как Гамлет — череп Йорика. В меньшей степени это чувство преследовало его и на другой день, да и в последующий тоже. Но в то же время было во всем этом и нечто хорошее. Мозги его казались теперь вычищенными и вымытыми, словно какая-то маниакально аккуратная внутричерепная уборщица выпотрошила их и, тщательно отдраив и отполировав, водрузила на место. Он даже не напивался. Когда Мэри очень осторожно позвонила ему первого января в семь вечера, он разговаривал с ней спокойно и уверенно, и ему показалось, что ничто в их отношениях не изменилось. Каждый словно выжидал, кто сделает первый ход. Однажды Мэри, правда, заикнулась про развод. Но скорее просто так, для проформы. По боль-

шому счету в тот первый послемескалиновый день его беспокоило одно: вдребезги разбитый цветной телевизор «Зенит». Он не мог понять, почему так поступил. Годами он мечтал о таком шикарном телевизоре, несмотря даже на то что почти все его любимые фильмы были отсняты давно, еще в черно-белом изображении. Огорчал даже не столько самый акт уничтожения, сколько его последствия: осколки разбитого экрана, торчащие лампы и провода. Они словно укоряли его: *Зачем ты это сделал? Разве я не служил тебе верой и правдой? Я никогда не причинял тебе вреда, а ты расколотил меня. Беззащитного и доверчивого.* Одновременно это служило жестоким напоминанием о том, как они обойдутся с его домом. В конце концов он не выдержал и, разыскав старый плед, накрыл им остов телевизора. От этого ему стало и лучше, и хуже. Лучше — потому что он избавил себя от грустного зрелища, а хуже — потому что накрытый пледом телевизор стал напоминать ему покойника под саваном. Молоток — орудие убийства — он вообще выбросил прочь.

Поход в магазин был ему приятен. Это было все равно что зайти выпить кофейку в «Гриль Бенджи», помыть «ЛТД» в автоматической мойке или приобрести номер «Тайм» в киоске у Хенни. В «Лавке для экономных» было просторно и светло, женщины толкали перед собой тележки, шикали на непослушных детей и недовольно хмурились на помидоры в прозрачной пластиковой упаковке, не позволявшей как следует пощупать зрелые красные плоды. Из подвешенных под потолком, почти незаметных динамиков тихо лилась мелодичная, обволакивающая музыка.

В ту субботу покупателей в «Лавке для экономных» было много; больше обычного было мужчин, которые сопровождали своих жен, досаждая им своими дилетантскими советами. Он доброжелательно посматривал на всех. День стоял ясный, а солнечные лучи, пробиваясь через огромные застекленные витрины, весело освещали торговый зал, зайчиками отражались от блестящих предметов, а иногда просвечивали женские прически, создавая подобие нимба. В такие дни на-

строение у него улучшалось, но вот по вечерам неизменно ухудшалось.

Его тележка была заполнена обычным ассортиментом мужчины, ведущего холостяцкий образ жизни; там лежали спагетти, соус к мясу в стеклянной банке, четырнадцать замороженных блюд, готовых к употреблению, дюжина яиц, масло и пакет апельсинов — защита от цинги.

Он уже приближался по центральному проходу к кассам, когда, наверное, сам Господь заговорил с ним. Впереди шла миловидная женщина лет тридцати пяти в голубых брючках и темно-синем свитере. Волосы у нее были золотистые, с медным отливом. Вдруг она издала странный гортанный звук и пошатнулась. Пластиковая бутылочка горчицы выпала из ее руки и покатилась по полу.

— Что с вами? — вырвалось у него.

Но женщина опрокинулась навзничь, смахнув при этом рукой несколько жестянок с кофе. На каждой жестянке была кичливая надпись:

МАКСВЕЛЛ-ХАУС
Хорош до последней капли

Все случилось настолько быстро, что он даже испугаться не успел. Однако успел заметить нечто такое, что потом преследовало его во снах. Глаза женщины выпучились точь-в-точь как у Чарли во время его приступов.

Женщина забилась на полу. Ноги, затянутые в высокие кожаные сапоги, забарабанили по кафельному полу. Какая-то покупательница за его спиной истошно завизжала. Один из служащих, приклеивавший на продукты ярлычки с ценниками, бросил свою машинку и поспешил на помощь. Две девушки-кассирши вскочили и взирали на происходящее расширенными от ужаса глазами.

Он услышал собственный голос:

— Наверное, у нее эпилептический припадок.

Однако это был вовсе не эпилептический припадок. Похоже, бедную женщину постигло внезапное кровоизлияние в мозг, и оказавшийся среди прочих покупателей молодой врач констатировал смерть. Врач и сам казался напуганным, точно опасался, что его профессия утянет его в могилу, как какое-то мстительное чудовище из фильма ужасов. Когда он закончил осмотр, вокруг собралась уже приличная толпа. Мертвая женщина распростерлась посреди разбросанных кофейных банок — безмолвных свидетельниц и участниц ее последнего прижизненного поступка. Тележка бедняги была доверху наполнена продуктами, которых хватило бы на неделю, и зрелище бесчисленных банок, коробочек и мясных полуфабрикатов повергло его в мучительный, животный ужас.

Уставившись на тележку, он почему-то подумал: а что они теперь сделают с ее покупками? Снова разложат по полкам? Оставят возле кабинета управляющего?

Кто-то вызвал полицию, и через толпу уже проталкивался полицейский, громко приговаривая:

— Пропустите! Осторожнее! Расступитесь, пожалуйста! Ей нужен воздух!

Как будто воздух мог ей помочь.

Он повернулся и начал пробиваться к выходу, расталкивая сгрудившихся людей плечом. Душевный покой, обретенный им в последние пять дней, рассыпался в прах. Что ж, возможно, оно и к лучшему. Несомненно, это было знамение свыше. Но только что оно значило? Что?

Вернувшись домой, он поместил готовые блюда в морозильник, после чего налил себе виски. Сердце судорожно колотилось. Покинув магазин, он всю дорогу до дома пытался вспомнить, как они сами поступили с одеждой Чарли.

Игрушки они отвезли в Нортон и отдали в благотворительный магазинчик, а банковский счет на тысячу долларов (деньги на колледж — половина всех средств, подаренных Чарли родственниками на дни рождения и Рождество, шла

на этот счет, невзирая на его слезы и вопли протеста) перевели на свой собственный. Постельное белье они по настоянию мамаши Джин сожгли; сам он понять смысла этого так и не смог, но возражать и упираться не стал — после того как весь окружающий его мир обрушился, стоило ли препираться из-за матраса и нескольких тряпок? Но вот одежда — совсем другое дело. Как же они с ней поступили?

Вопрос этот донимал его целый день, а под конец настолько вывел из равновесия, что он едва удержался, чтобы не позвонить Мэри. Однако это стало бы для нее последней каплей. Если у нее и оставались хоть какие-то сомнения по поводу его здравомыслия, то звонок этот развеял бы их уже окончательно.

Перед самым заходом солнца он поднялся в крохотную полумансарду, попасть в которую можно было только через люк в потолке над стенным шкафом главной спальни. Ему пришлось встать на стул, чтобы пролезть через люк. Он не забирался сюда уже лет сто, но одинокая электрическая лампочка еще действовала. Была покрыта толстенным слоем пыли и паутины, но горела.

Раскрыв первую попавшуюся коробку, он обнаружил в ней аккуратно сложенные собственные учебники — школьные и колледжские. На обложке каждого школьного учебника красовалась надпись:

ЦЕНТУРИОН
средняя школа города Бэй

А на обложке каждой колледжской книжки:

ПРИЗМ
Не забудем...

Заметив, что из одной книжки торчит какой-то листок, он вытащил его и сразу узнал совсем еще юного Джорджа Бартона Доуса, который мечтательно взирал в будущее со

старенькой отретушированной фотографии. Поразительно, насколько плохо этот парнишка знал свое будущее и насколько он напоминал того ушедшего мальчугана, следы которого он пришел искать сюда...

Сложив учебники в коробку, он продолжил поиски. Наткнулся на шторы, которые Мэри сняла пять лет назад. А вот и сломанный радиоприемник с часами. Пухлый семейный альбом, заглянуть в который побоялся. Кипа журналов — *нужно их выкинуть,* сказал он себе. *Летом из-за них пожар может начаться.* Моторчик от стиральной машины, который он однажды приволок домой из прачечной, но, как ни бился, так и не сумел починить. И наконец — одежда Чарли.

Она помещалась в трех картонных коробках, насквозь пропахших нафталином. Рубашки, брюки, свитера и даже нижнее белье. Он разложил все одежки перед собой, внимательно разглядывая их и пытаясь представить в них Чарли; веселого и счастливого Чарли, пытавшегося познать столь скупые стороны открывавшегося ему мира.

В конце концов удушливый запах нафталина все-таки изгнал его из каморки под крышей; морщась, он крутил головой, отчаянно нуждаясь в выпивке. Запах нафталина, запах старых ненужных вещей, в одиночестве пылившихся целую вечность; вещей, способных только огорчить и причинить боль. Остаток вечера он размышлял обо всем этом, пока выпитое спиртное не затуманило разум.

7 января 1974 года

В четверть одиннадцатого в дверь позвонили. Открыв, он увидел на пороге улыбающегося, гладко выбритого и красиво подстриженного мужчину в костюме и в пальто, немного сутулого. Незнакомец держал в руке портфель, и поначалу он подумал, что перед ним обычный коммивояжер.

Он даже мысленно приготовился впустить его, внимательно выслушать, задать кое-какие вопросы и, возможно, даже что-нибудь приобрести. За пять недель после ухода Мэри это был первый, если не считать Оливию, посетитель в его доме.

Однако это оказался вовсе не коммивояжер, а адвокат. Звали его Филип Т. Феннер, и представлял он городской совет. Обо всем этом мистер Феннер успел возвестить, пока обменивался с ним рукопожатием.

— Заходите, — со вздохом пригласил он. И тут же подумал, что в каком-то смысле пришельца *можно было* назвать коммивояжером. Что-то ему всучить этот адвокат непременно попытается.

— Прекрасный у вас дом, — тем временем разглагольствовал Феннер. — Просто замечательный. Сразу видно, когда хозяин заботливый, я всегда это говорю. — И тут же, не меняя тона, перешел к делу: — Я понимаю, мистер Доус, вы человек занятой, поэтому много времени у вас не займу. Просто Джек Гордон попросил меня заскочить к вам по дороге и передать бланк формы о переезде. Вы, несомненно, уже отправили его по почте, но с этой рождественской лихорадкой, сами знаете, письма пропадают. Заодно я готов ответить на любые интересующие вас вопросы.

— У меня один вопрос, — с серьезным видом произнес он.

Маска весельчака на мгновение слетела с лица адвоката, показав Феннера в истинном свете: холодного и методичного, как швейцарские часы.

— Что вас интересует, мистер Доус?

Он улыбнулся:

— Кофе хотите?

И вот перед ним вновь улыбающийся Феннер, веселый исполнитель поручений городского совета.

— О, с удовольствием. Если это вас не слишком затруднит, конечно. На улице ведь довольно прохладно, всего семнадцать градусов. Мне вообще кажется, что зимы с каждым годом все холоднее. Как считаете?

— Точно. — Вода в кофейнике еще не остыла со времени его завтрака. — Надеюсь, вы пьете растворимый? Жена уехала погостить к родителям, а без нее я как без рук.

Феннер доброжелательно рассмеялся, и он тут же понял: Феннер прекрасно знает, каковы у него на самом деле отношения с Мэри. Равно как с другими личностями или организациями, включая Стива Орднера, Винни Мейсона, корпорацию и даже самого Господа Бога.

— Обожаю растворимый, — расплылся Феннер. — Я и сам всегда его пью. Тем более что никакой разницы не ощущаю. Ничего, если я выложу на стол кое-какие бумаги?

— Пожалуйста. Вы со сливками пьете?

— Нет, черный. Обожаю черный. — Феннер расстегнул пальто, но снимать не стал. Просто подогнул полы под себя подобно тому, как женщины подбирают юбку, чтобы не помять ее. Раскрыв портфель, он извлек наружу скрепленные между собой формуляры, чем-то напоминающие налоговую декларацию. Тем временем он наполнил чашку черным кофе и подал Феннеру.

— Спасибо, мистер Доус. Огромное спасибо. А вы мне компанию не составите?

— Я лучше выпью что-нибудь покрепче.

— А-а-а, — протянул Феннер, пригубил кофе и тут же радостно осклабился. — Замечательно. Превосходный кофе. Лучше не бывает.

Он приготовил себе излюбленный коктейль, потом сказал:

— Извините, мистер Феннер, мне нужно позвонить.

— Да-да, разумеется. — Феннер, похоже, чуть-чуть не прибавил: «Чувствуйте себя как дома», отпил еще кофе и облизнулся.

Оставив дверь кухни открытой, он прошел в холл. Набрал номер четы Каллоуэй. Сняла трубку Джин.

— Это Барт, — назвался он. — Мэри дома?

— Она спит, — сварливо ответила Джин.

— Разбудите ее, пожалуйста. Это очень важно.

— Щаз! Разбежалась! Как раз вчера я сказала Лестеру, что нам уже пора подумать об установке телефона с незарегистрированным номером. И он со мной согласился. Мы считаем, Бартон Доус, что у вас не все дома, и это святая правда!

— Мне очень жаль, что вы так считаете. Но мне позарез нужна Мэри...

Послышался щелчок параллельной трубки, и голос Мэри произнес:

— Барт?

— Да. Мэри, скажи, пожалуйста, приходил к тебе адвокат по фамилии Феннер? Очень ловкий малый, который явно пытается подражать Джимми Стюарту.

— Нет, — ответила она. *Так, промашка вышла!* — Но он звонил мне по телефону! — *Ага, все-таки попал!*

Краешком глаза он подметил какое-то движение и обернулся. Феннер, потягивая кофе, стоял в дверном проеме. Вид у него был обиженный.

— Мама, положи трубку, — попросила Мэри, и Джин Каллоуэй, презрительно фыркнув, послушалась.

— Он наводил про меня справки?

— Да.

— Ваш разговор состоялся после той вечеринки?

— Да, но... Я ничего ему не рассказала.

— Возможно, ты все-таки рассказала больше, чем даже сама догадываешься. Он вошел, поджимая хвост, как дворняга, хотя на самом деле это самый настоящий волкодав. — И он улыбнулся Феннеру, который натянуто улыбнулся в ответ. — Он тебе не назначил встречу?

— Э-э... назначил. — Голос ее звучал изумленно. — Но его интересует только наш дом, Барт...

— Нет, это он тебе так сказал. На самом деле его мишень — я. Думаю, его хозяева мечтают освидетельствовать меня на предмет помутнения рассудка.

— Что? — ошарашенно спросила она.

— Раз я не взял их деньги, значит, я сумасшедший. Такова их логика. Помнишь, Мэри, о чем мы разговаривали в «Хэнди-Энди»?

— Послушай, Барт, мистер Феннер сейчас у тебя?

— Да.

— Психиатр, — уныло произнесла она. — Я сказала, что ты собирался повидаться с психиатром... О, Барт, прости меня, пожалуйста!

— Ничего страшного, — спокойно сказал он. — Все будет в порядке, Мэри. Это я тебе обещаю.

Он положил трубку и посмотрел на Феннера.

— Хотите, я позвоню Стивену Орднеру? — спросил он. — Или Винни Мейсону? Рона Стоуна или Тома Грейнджера я беспокоить не стану — они бы такого засранца, как вы, и на порог не пустили. А вот Винни и Стив встретили бы вас с распростертыми объятиями. У них на меня зуб.

— Не стоит, — сказал Феннер. — Вы меня неправильно поняли, мистер Доус. Как, впрочем, и моих клиентов. Никто против вас лично ничего не имеет. Однако нам уже некоторое время *известно* о вашей неприязни к строительству продолжения автомагистрали номер 784. В прошлом августе вы написали в газету письмо...

— В прошлом августе. — Он покачал головой. — А вы, наверное, вырезки у себя храните, да?

— Разумеется, — с достоинством ответил Феннер. — Этим у нас занимаются специальные сотрудники. Между прочим, мистер Доус, речь ведь идет не о какой-нибудь ерунде, а о проекте стоимостью в десять миллионов долларов.

Он с отвращением покачал головой:

— Мне кажется, это вас и ваших дорожных воротил надо освидетельствовать.

— Позвольте мне выложить карты на стол, мистер Доус, — ответил Феннер.

— Мой личный опыт позволяет судить, что, произнося эту фразу, люди собираются перестать врать по мелочам ради того, чтобы соврать по-крупному.

Похоже, это Феннера проняло. Лицо его побагровело.

— Вы послали письмо в газету. Вы намеренно затянули с приобретением нового здания для своей прачечной и упустили выгодную сделку, после чего вас уволили...

— Ничего подобного, — ухмыльнулся он. — Я сам написал и подал прошение об отставке по меньшей мере за полчаса до того, как они спохватились.

— ...и вы не считали нужным отвечать нам на все официальные запросы, направленные по вашему адресу. Общее мнение: двадцатого января вы собираетесь устроить некую демонстрацию. Привлечь телевидение и газеты. Чтобы вся Америка увидела, как героически сопротивляющегося владельца дома силой вытаскивают агенты гестапо.

— И вас это беспокоит, верно?

— Ну разумеется! А как же иначе? Общественное мнение неустойчиво. Оно колеблется, как маятник...

— А ваши клиенты — народные избранники.

Феннер скользнул по его лицу ничего не выражающим взглядом.

— Ну так что? — спросил он. — Вы собираетесь сделать мне предложение, от которого я не смогу отказаться?

Феннер вздохнул:

— Я вообще не понимаю, о чем мы с вами спорим, мистер Доус. Город предлагает вам шестьдесят тысяч долларов за...

— Шестьдесят три пятьсот.

— Да, тем более. Вам предлагают шестьдесят три тысячи пятьсот долларов за ваш дом. Многим куда меньше дали. А какие усилия нужно приложить вам, чтобы заполучить эти деньги? Да ровным счетом никаких! Эта сумма практически не облагается налогом, поскольку вы уже заплатили Дяде Сэму налоги на те деньги, что ушли у вас на покупку этого дома. Вам нужно уплатить только налог с разницы. Неужели вам кажется, что здесь что-то несправедливо?

— Нет, вполне справедливо, — признал он, думая о Чарли. — В той части, которая касается долларов и центов. Сумма, пожалуй, даже несколько больше, чем мог бы выручить я сам, если бы задумал продать этот дом.

— Тогда о *чем* мы спорим?

— А мы вовсе не спорим, — пожал плечами он, отпивая из стакана. А ведь перед ним все-таки оказался коммивоя-

жер. — Вы можете предложить мне конкретный дом, мистер Феннер?

— Да, — поспешно кивнул тот. — Великолепный дом в Гринвуде. А если вы спросите, как бы я сам поступил на вашем месте, то скажу совершенно откровенно: я бы попытался высосать из груди городской казны все, что можно, а потом хохотал бы по дороге в банк.

— Да, это было бы вполне в вашем духе, — согласился он и подумал про Дона и Рэя Таркингтонов, которые опорожнили бы обе груди, да еще вчинили бы городским властям такой иск, что всем чертям стало бы тошно. — Значит, вы все и впрямь считаете, что у меня крыша поехала?

— Трудно сказать, — осторожно ответил Феннер. — Ваше поведение при заключении уотерфордской сделки едва ли можно считать вполне адекватным.

— Ну так вот что я вам скажу. Я сохранил достаточно здравого смысла, чтобы найти адвоката, которому дороги наши идеалы, который до сих пор верит, что дом каждого человека — его крепость. Он бы добился вынесения постановления о временной заморозке работ на месяц или два. Если повезет, то судебное разбирательство может продлиться до сентября.

Феннер почему-то казался скорее довольным, нежели огорченным. Впрочем, ничего другого он от этого прыткого адвоката и не ожидал. Как тебе удочка, что я забросил, Фредди? Как думаешь, клюнет этот умник? Да, Джордж, здорово ты его уел!

— Что вы хотите? — в лоб спросил Феннер.

— А сколько вы готовы предложить?

— Мы готовы поднять оценочную стоимость вашего дома на пять тысяч. И ни на цент больше. Но зато никто не узнает про девушку.

Время замерло. Сердце остановилось.

— Что? — пролепетал он.

— Про *девушку*, мистер Доус. Которую вы тут поимели. Шестого и седьмого декабря.

За доли секунды через его мозг пронесся целый вихрь мыслей; некоторые из них оказались вполне разумны, но

большинство и гроша ломаного не стоили, поскольку были порождены страхом. Однако доминировала над всеми мыслями злость, затмевающий рассудок гнев; его так и подмывало перемахнуть через стол, схватить этого человечка-часы за горло и душить, пока у него из ушей пружинки и шестеренки не посыплются. Нет, этого допускать нельзя. Надо держать себя в руках.

— Дайте мне номер, — сказал он.

— Какой номер?

— Номер вашего телефона. Я позвоню вам сегодня днем и сообщу о своем решении.

— Я предпочел бы покончить с этим делом прямо сейчас, не сходя с места.

Еще бы! Эй, рефери, нельзя ли продлить этот раунд на тридцать секунд? Я уже прижал своего противника к канатам и вот-вот добью.

— Нет, я сейчас не в настроении, — сказал он. — Прошу вас покинуть мой дом.

Феннер с безразличной физиономией пожал плечами:

— Вот моя визитная карточка. Телефон тут указан. Я должен быть на месте между половиной третьего и четырьмя.

— Я позвоню.

Феннер убрался. Стоя у окна, он смотрел, как адвокат идет по дорожке, залезает в темно-синий «бьюик» и отъезжает. И тогда он с яростью врезал кулаком по стене.

Он смешал себе очередной коктейль и уселся за кухонный стол обмозговать положение. Итак, им известно про Оливию. И они готовы воспользоваться этими сведениями, чтобы надавить на него. Чтобы заставить его переехать, этого недостаточно. А вот для того, чтобы положить конец его браку, — вполне. Впрочем, Мэри и так подумывает о разводе. Однако они *шпионили* за ним!

Но как?

Если к нему приставили сыщиков, те наверняка знали бы про его знаменитый фейер-бах-бах-верк. В таком случае они

воспользовались бы этим, чтобы надавить на него. Зачем мелочиться с какой-то пустяковой супружеской изменой, когда можно запросто упечь строптивого домовладельца в каталажку за поджог? Раз так, значит, они просто понаставили у него микрофоны. Вспомнив, что едва не проболтался по телефону Мальоре, он почувствовал, что его прошиб холодный пот. Слава Богу, что Мальоре заставил его замолчать. Маленький фейер-бах-бах-верк и без того мог выдать его с головой.

Итак, его прослушивали, но оставался вопрос: как быть с предложением Феннера?

Он поставил в печь замороженный ужин и, дожидаясь, пока он разогреется, потягивал коктейль и размышлял. За ним шпионили, пытались подкупить. Чем больше он об этом думал, тем сильнее злился.

Вынув из печи разогретый ужин, он съел его. Послонялся по дому, глядя на вещи. В голове зародились зачатки замысла.

В три часа дня он позвонил Феннеру и сказал, чтобы тот прислал ему бумаги. Пообещал, что подпишет, если Феннер соблюдет оба условия, о которых они договорились. Феннер был очень доволен и не скрывал своего облегчения. Он сказал, что с удовольствием все выполнит и проследит, чтобы все документы он получил уже завтра.

— Очень рад, мистер Доус, что вы поступили так благоразумно, — закончил Феннер.

— Только у меня еще два условия, — добавил он.

— Условия? — Феннер мигом насторожился.

— Не волнуйтесь. Они вполне приемлемы.

— Что ж, я слушаю, — холодно произнес Феннер. — Только предупреждаю, Доус, не заходите слишком далеко.

— Завтра днем вы доставите мне домой бланки, — сказал он. — В среду я привезу их вам в контору. Я хочу, чтобы меня уже ждал чек на шестьдесят восемь тысяч пятьсот долларов.

Банковский чек. Я обменяю заполненные и подписанные формы на этот чек.

— Мистер Доус, мы такие сделки не заключаем...

— Может быть, это и не положено, однако вовсе не возбраняется. Как не положено, например, прослушивать мой телефон и бог знает что еще. Не будет чека — не получите моего согласия. Тогда вам придется разговаривать с моим адвокатом.

Феннер молчал. Было почти слышно, как он думает.

— Хорошо. Что еще?

— После среды я не хочу, чтобы меня кто-нибудь еще беспокоил, — твердо сказал он. — С двадцатого числа дом ваш. До двадцатого — мой.

— По рукам, — мгновенно согласился Феннер. Еще бы — второе условие вовсе таковым не являлось. В соответствии с законодательством дом оставался в его безраздельной собственности до полуночи, а с одной минуты первого двадцатого января переходил к городским властям. Если Доус подпишет форму об отказе от своей собственности и возьмет у города деньги, он может потом вопить и брызгать слюной хоть до посинения, но уже ни один репортер, ни одна телекомпания ему не посочувствуют.

— Все, — сказал он.

— Прекрасно, — довольно выпалил Феннер. — Я очень рад, мистер Доус, что мы с вами сумели договориться по-хорошему...

— Идите в задницу! — процедил он и бросил трубку.

8 января 1974 года

Когда курьер бросил в предназначенную для почтовых отправлений щель пухлый пакет с формой номер 6983-426-73-74 (синяя папка), его дома не было. Он уехал в Нортон, чтобы еще раз встретиться с Сэлом Мальоре. Радости, увидев

его, Мальоре не выказал, но по мере общения становился все более и более задумчивым.

Им подали обед — спагетти с телятиной и бутылку красного вина. Еда была восхитительная. Когда он рассказывал про визит Феннера, а также про попытку подкупа и шантажа, Мальоре жестом остановил его, позвонил кому-то и коротко переговорил. Назвал невидимому собеседнику его адрес на Западной Крестоллен-стрит.

— Возьмите фургон, — закончил он и положил трубку. Затем накрутил на вилку спагетти и кивнул, чтобы он продолжал свой рассказ.

Выслушав историю до конца, Мальоре сказал:

— Вам повезло, что они не приставили к вам хвоста. Вы бы уже сидели.

Между тем он наелся до отвала. Так, что кусок уже в горло не лез. Пожалуй, лет пять он так не пировал. Он выразил свое восхищение Мальоре, и тот улыбнулся в ответ:

— Некоторые мои друзья больше не едят спагетти. Фигуру, видите ли, блюдут. Они теперь питаются в ресторанах, в том числе — с шведской или французской кухней. У каждого из них язва желудка. Почему? Да потому что самого себя ведь не изменишь. Свою натуру. — Сэл подлил себе соуса, обмакнул в него кусочек хрустящего чесночного хлебца и смачно проглотил. Затем произнес: — Итак, вы просите, чтобы я ради вас совершил смертный грех?

Он тупо уставился на Мальоре, не в состоянии скрыть изумления.

Мальоре лукаво рассмеялся:

— Я понимаю, о чем вы думаете. Не пристало такому человеку, как я, рассуждать о грехах. Я уже признался вам, что однажды приказал разделаться с одним типом. А говоря по правде — даже не с одним. Но я никогда не убивал людей, которые того не заслуживали. Я вообще смотрю на это так: парень, который умирает прежде срока, отпущенного Господом, — он как дождь во время бейсбола. Все его прочие грехи не в счет. И Богу ничего не остается, как впустить его к

себе, поскольку у бедняги грешника не остается отпущенного им времени на искупление грехов. Вот почему убить такого парня — значит спасти его от вечных мук в чистилище. Так что в каком-то смысле я делаю для таких парней даже больше, чем мог бы сделать для них сам папа римский. Мне кажется, Богу это известно. Впрочем, все это не должно меня заботить. Вы мне по душе. В мужестве вам не откажешь. Не всякий рискнул бы устроить такой фейерверк. Но это... это уже дело совсем другое.

— Но ведь я ни о чем вас не прошу, — развел руками он. — Я сам все сделаю.

Мальоре закатил глаза:

— О Господи Иисусе! Пресвятая Дева Мария! Старый Иосиф-плотник! И почему этот человек не может оставить меня в покое?

— Потому что у вас есть то, что мне нужно.

— Знали бы вы, как я уже об этом жалею!

— Так вы мне поможете?

— Не знаю.

— Деньги у меня уже есть. Вернее — вот-вот будут.

— Да дело вовсе не в деньгах. Это вопрос принципа. Мне никогда прежде не приходилось иметь дело с таким чокнутым. Я должен пораскинуть мозгами. Я вам позвоню.

Ему стало ясно, что настаивать не стоит, пора уезжать.

Он сидел и заполнял бумаги, когда прибыли люди Мальоре. Они прикатили на белом фургоне с надписью РЭЙ — ПРОДАЖА И РЕМОНТ ТЕЛЕВИЗОРОВ на боку, под которой был изображен танцующий и ухмыляющийся телевизор. Двое людей в зеленых комбинезонах вынесли из фургона довольно громоздкую аппаратуру. В ящиках были инструменты, и в самом деле необходимые для ремонта телевизоров. Но было в них еще и нечто другое. Команда Мальоре «вычистила» его дом. Вся процедура заняла полтора часа. Они нашли «жучки» в обоих телефонных аппаратах, а также в спальне и в гостиной. Гараж, по счастью, был чист.

— Вот гады, — сказал он, разглядывая крохотные микрофончики на ладони. Бросив «жучки» на пол, он со злорадством растоптал их.

Уже на выходе один из людей Мальоре заметил не без восхищения:

— Здорово, мистер, вы со своим теликом разобрались! Сколько раз вы по нему вмазали?

— Всего один, — сокрушенно признался он.

Когда фургончик растворился в ярких лучах холодного полуденного солнца, он подмел остатки «жучков», собрал в совок и выкинул в мусорное ведро на кухне. Затем приготовил себе очередной коктейль.

9 января 1974 года

Посетителей в банке в середине дня было раз-два и обчелся, и он с банковским чеком направился прямиком к столу посередине зала. Вырвав из конца своей чековой книжки приходный ордер, он проставил в нем сумму: 34 250 долларов. Затем подошел к окошку кассира и протянул обе бумажки: банковский чек и приходник.

Кассирша, молодая черноволосая девушка в коротком фиолетовом платьице и в прозрачных нейлоновых чулочках, с недоумением перевела взгляд с одного листочка на другой.

— С чеком что-нибудь не так? — любезно поинтересовался он. При этом признался сам себе, что получает от этой сцены колоссальное удовольствие.

— Не-е-ет, но... то есть вы хотите положить тридцать четыре тысячи двести пятьдесят долларов на свой счет, а другие тридцать четыре тысячи двести пятьдесят долларов получить *наличными*? Так?

Он кивнул.

— Прошу вас, сэр, подождите минутку.

Он улыбнулся и снова кивнул, провожая взглядом ее стройные ножки. Девушка подошла к столу менеджера, который в отличие от ее стола был отделен от зала не стеклянной перегородкой, а одним лишь барьером, как бы говоря: вот этот сотрудник в отличие от всех остальных — человек; или почти человек по меньшей мере. Менеджером был мужчина средних лет, облаченный в молодежный костюм. Лицо его было узкое, как врата рая, а при виде кассира (кассирши?) брови его взметнулись на лоб.

Они обсудили банковский чек, приходный ордер, их значимость для банка и, возможно, для всей федеральной банковской системы. Девушка склонилась над его столом, ее и без того короткая юбчонка взметнулась вверх, обнажив полоску тела над чулками и краешек кружевных трусиков. *О беззаботная любовь!* — подумал он. Поехали ко мне домой и предадимся разврату до самого конца столетия или хотя бы до той минуты, когда мой дом сровняют с землей; не знаю, что случится раньше. Мысль эта вызвала у него улыбку. Он вдруг почувствовал, что возбудился; причем так, как с ним давно уже не случалось. Отвернувшись, он окинул взглядом банковский зал. Неподалеку от выхода стоял бесстрастный охранник — наверное, бывший полицейский. Одинокая старушка, высунув от усердия язык, корпела над голубым пенсионным бланком. А на стене слева висел огромный плакат, на котором была изображена Земля при взгляде из космоса. Над планетой крупными буквами было написано:

УЕЗЖАЙТЕ

А под планетой, чуть помельче:

С КРЕДИТОМ НА ОТПУСК
ОТ ПЕРВОГО БАНКА

Хорошенькая кассирша вернулась.

— Мне придется выдать вам эту сумму купюрами по сто и по пятьсот долларов, — сказала она.

— Меня это вполне устраивает.

Она оприходовала ордер и отправилась в хранилище. Вскоре вернулась, держа в руке небольшую сумку. Подозвала охранника, который приблизился к ним и окинул его подозрительным взглядом.

Сначала кассирша выложила на стойку тридцать тысяч долларов — шестьдесят пятисотдолларовых купюр. Затем отсчитала сорок две стодолларовые банкноты, поверх которых положила еще пять десяток. Перевязала всю стопку и всунула под резинку банковскую квитанцию, на которой значилось: 34 250 долларов.

Пачка получилась настолько внушительная, что поначалу все трое уставились на нее с подозрением. Здесь было достаточно денег, чтобы приобрести дом, или пять «кадиллаков», или небольшой личный самолетик, или почти сто тысяч пачек сигарет.

Потом она промолвила с ноткой сомнения в голосе:

— Могу дать вам сумку на молнии...

— Нет, спасибо, — покачал головой он, рассовывая деньги по наружным карманам пальто. Охранник взирал на его манипуляции с презрительным равнодушием; хорошенькая кассирша казалась завороженной (ее пятигодичное жалованье прямо на глазах исчезало в карманах потрепанного пальто этого мужчины, которые даже не оттопырились сколько-нибудь заметно); менеджер же следил за ним с нескрываемой неприязнью — банк считался местом, в котором деньги были, подобно Господу Богу, невидимы и окружены всеобщим поклонением.

— Все в порядке, — сказал он, пряча в карман чековую книжку. — Не беспокойтесь.

Он направился к выходу, а они все уставились ему вслед. Затем старушка встала, громко шаркая, подошла к окошечку и предъявила кассирше заполненную голубую карточку. Кассирша выдала ей двести тридцать пять долларов и шестьдесят три цента.

* * *

Вернувшись домой, он сложил все деньги в запыленную пивную кружку, стоявшую на верхней полке кухонного шкафа. Пять лет назад Мэри в шутку подарила ему эту кружку на день рождения. Ему кружка никогда особенно не нравилась — пиво он предпочитал пить прямо из бутылки. На кружке были изображены олимпийские кольца и огонь, а под эмблемой написано:

ОЛИМПИЙСКАЯ СБОРНАЯ США
ПО ВЫПИВКЕ

Он поставил отяжелевшую кружку на место и поднялся по лестнице в бывшую комнату Чарли, где стоял его письменный стол. Порывшись в нижнем ящике, вынул из него небольшой коричневый конверт. Уселся за стол и заглянул в банковскую книжку — его личный счет вырос до 35 053 долларов и 49 центов. Он написал на конверте адрес родителей Мэри, указав ее имя. Вложил в конверт чековую книжку, запечатал и снова полез в стол. Нашел книжечку марок и наклеил на конверт пять штук. Немного подумав, подписал чуть ниже адреса:

ОТПРАВЛЕНИЕ ПЕРВЫМ КЛАССОМ

Оставив конверт на столе, он отправился в кухню готовить очередной коктейль.

10 января 1974 года

Был уже поздний вечер, снег валил вовсю, а Мальоре так и не позвонил. Он сидел в гостиной со стаканом в руке и слушал стереофонические пластинки — телевизор по-прежнему напоминал поле боя. Днем он вытащил из пивной круж-

ки две десятидолларовые бумажки и купил четыре рок-диска. Первый, в исполнении «Роллинг Стоунз», назывался «Пусть себе кровоточит». Эта пластинка звучала во время новогодней вечеринки и понравилась ему больше, чем остальные приобретения. А пластинка группы «Кросби, Стиллз, Нэш и Янг» вообще показалась ему настолько слащавой, что он разбил ее о собственную коленку. А вот «Пусть себе кровоточит» звучала громко, бравурно и немного издевательски. Она гремела и бряцала. Сейчас Мик Джаггер пел вот что:

Каждый мечтает повелевать и править,
А кто хочет — может взять в рабы меня.

Ему почему-то вспомнился плакат из банка с изображением Земли и надписью, призывающей клиента: УЕЗЖАЙТЕ. Он тут же вспомнил, как «улетел» в Новый год. Далеко «улетел».

Но разве ему это не понравилось? При этой мысли он чуть не подпрыгнул.

В течение последних двух месяцев он ползал, как кобель, которому защемило яйца вращающейся дверью. Но разве он не был вознагражден, хотя бы частично?

В противном случае он ни за что не совершил бы столько несуразных, да и просто несвойственных ему поступков. Бессмысленные гонки по магистрали, например. Девушка и секс, ощущение ее груди, такой не похожей на бюст Мэри. Поездки к мафиози. Последний разговор с ним — фактически на равных. Дикое возбуждение, охватившее его во время бомбардировки дорожной техники бутылками с «коктейлем Молотова». Животный страх, который он ощутил, когда его машина никак не хотела преодолеть коварный косогор. Бурные проявления чувств, извлеченные из недр его высушенной чиновничьей души подобно предметам неведомого религиозного культа, найденным при археологических раскопках. Нет, он познал вкус настоящей жизни.

Были, конечно, и провалы. Как он сорвался в «Хэнди-Энди», например. Наорал на Мэри. Грызущее одиночество первых двух недель без нее; ведь впервые за двадцать лет он остался совсем один, в полном одиночестве, если не считать общества собственного сердца, колотящегося с убийственной монотонностью. А как Винни нокаутировал его в универмаге — Винни Мейсон, ну кто бы мог подумать! Пробуждение в холодном поту и кошмарное похмелье наутро после фейер-бум-бум... или фейер-бах-бах-верка. Это, пожалуй, было покруче всего остального.

Его мысли снова вернулись к Оливии. Он припомнил, как она стояла у обочины дороги с плакатом, на котором было броско написано: ЛАС-ВЕГАС... ИНАЧЕ — КРЫШКА! Он вдруг подумал про плакат в банке: УЕЗЖАЙТЕ. А почему бы и нет? Ведь здесь его не удерживало ровным счетом ничего, если не считать тупой одержимости. Ни жены, ни ребенка (разве что призрак Чарли), ни работы... Только дом, от которого через полторы недели останется одно лишь воспоминание. Деньги у него были, и еще была машина. Почему бы не сесть за руль и не рвануть куда-нибудь?

Его охватило страшное возбуждение. Он вдруг представил себе, как выключает свет, набивает карманы деньгами, залезает в «ЛТД» и мчит в Лас-Вегас. Разыскивает Оливию. Предлагает ей *УЕХАТЬ*. Они едут в Калифорнию, продают машину и улетают куда-нибудь на Филиппины. А оттуда — в Гонконг, потом в Сайгон, Бомбей, Афины, Мадрид, Париж, Лондон, Нью-Йорк. А из Нью-Йорка в...

Куда?

Сюда?

Да, Земля круглая — и это горькая правда. Такая же, как стремление Оливии в Неваду, вызванное желанием разворошить самое грязное дерьмо. В первый же вечер, начав новую жизнь, оттянулась так, что даже не помнит, кто и как ее изнасиловал. А все потому, что новая жизнь на самом деле ничем не отличается от старой; более того,

это и есть та же старая жизнь, пока вы сами не загадите ее настолько, что остается только плотно закрыть двери гаража, влезть в машину с включенным двигателем и ждать... Просто ждать...

Ночь приближалась, а его мысли все так же бессмысленно вертелись, словно гоняющийся за своим неуловимым хвостом котенок. Наконец он забылся сном на диване и увидел во сне Чарли.

11 января 1974 года

Мальоре позвонил днем, в четверть второго.

— Ну ладно, — сказал он. — Я готов заключить с вами сделку. Вам это обойдется в девять тысяч долларов. Думаю, вы не откажетесь?

— Наличными?

— Что значит — наличными? Вы что, думаете, я у вас чек возьму?

— Ну да. Простите.

— Завтра в десять вечера вы должны быть в кегельбане «Ревел-Лейнз». Знаете его?

— Да, на шоссе номер семь. Сразу за торговым центром «Скайвью».

— Совершенно верно. На шестнадцатой дорожке будут играть двое парней в зеленых рубашках с вышитыми золотом эмблемами «Марлин-авеню» на спине. Подойдете к ним и представитесь. Вам все объяснят. Прямо во время игры. Сыграете с ними две-три партии, а потом отправитесь в бар «Таунлайн». Знаете его?

— Нет.

— Дальше по шоссе номер семь, в западном направлении. Примерно в двух милях от кегельбана и на той же стороне. Припаркуйтесь сзади. Мои друзья остановятся рядом с вами. У них пикап «додж». Синий. Они погрузят в ваш ба-

гажник корзину. Вы отдадите им конверт. — Он шумно вздохнул. — Я, конечно, сумасшедший, что помогаю вам. Совсем из ума выжил. Ведь меня наверняка заметут. Зато потом у меня будет вдосталь времени поразмыслить, на кой хрен я согласился это сделать.

— Я бы очень хотел встретиться с вами на следующей неделе. Поговорить с глазу на глаз.

— Нет. Это исключено. Я вам не исповедник. Встречаться я с вами ни за что не стану. Даже разговаривать больше не буду. По правде говоря, Доус, я предпочел бы даже в газетах про вас не читать.

— Но ведь речь идет просто об инвестициях. О самых обыкновенных.

Мальоре приумолк.

— Нет, — ответил он в конце концов.

— Но уж за это вам точно никогда не придется отвечать, — заверил он. — Я просто хочу основать... небольшой попечительский фонд в пользу одного лица.

— Вашей жены?

— Нет.

— Заезжайте во вторник, — вздохнул Мальоре. — Возможно, я вас приму. А может — передумаю.

И он повесил трубку.

Сидя в гостиной на диване, он думал об Оливии и о жизни — эти мысли странным образом переплетались в голове. Размышлял о том, как выполнить пожелание УЕЗЖАЙТЕ. Подумал о Чарли и вдруг поймал себя на том, что не может вспомнить его лицо — разве что отдельные фотографии. Почему же тогда все это с ним происходит?

Внезапно решившись, он раскрыл телефонный справочник и нашел раздел «Путешествия». Позвонил. Услышав приветливый женский голос, который проворковал в трубку: «Туристическое агентство Арнольда. Чем мы можем вам помочь?» — он положил трубку и поспешно отступил от телефона, озабоченно потирая руки.

12 января 1974 года

Кегельбан «Ревел-Лейнз» располагался в длинном, залитом светом и музыкой здании, из которого наружу неслись трели музыкальных автоматов, смех и выкрики, звяканье жетонов, щелканье сбиваемых кеглей, клацанье бильярдных шаров и прочие звуки веселья.

Он прошел к стойке, получил пару красно-белых тапочек (прежде чем с ними расстаться, служитель торжественно обрызгал их дезинфицирующим аэрозолем из баллончика), натянул их и направился к дорожке номер 16. Двое игроков уже катали там шары. Одного он узнал сразу — это был тот самый механик, который менял глушитель в гараже, когда он приехал к Мальоре в первый раз. Знакомым оказался и второй, сидевший за столиком и подсчитывавший очки. Этот парень приезжал к нему домой в телевизионном фургоне. Сейчас он потягивал пиво из вощеного бумажного стакана. При его приближении оба подняли головы.

— Меня зовут Барт, — представился он.

— А меня Рэй, — сказал сидевший за столиком. — А это, — он кивнул в сторону механика, который как раз бросал шар, — Алан.

Брошенный умелой рукой шар прогромыхал по центру дорожки, и сбитые кегли брызнули во все стороны. Алан раздосадованно крякнул: одна кегля слева и две справа остались стоять. Он запустил второй шар, который, опрокинув две кегли, свалился в желоб.

— Ч-черт, — процедил он. Потом повернулся: — Здравствуйте, Барт.

— Здравствуйте.

Они пожали друг другу руки.

— Рад познакомиться, — сказал Алан. Затем обратился к Рэю: — Давай начнем новую партию и Барта заодно подключим. Тем более что я все равно в пух и прах продулся.

— Ладно.

— Давайте, Барт, присоединяйтесь к нам, — пригласил Алан. — Начинайте сами.

В кегли ему не доводилось играть уже лет пять. Выбрав подходящий по руке двенадцатифунтовый шар, он с ходу зашвырнул его в левый желоб. Провожая шар взглядом, он ощущал себя полным ослом. Второй шар он бросал уже аккуратнее, но тот подпрыгнул и сбил всего три кегли. Рэй с первого же броска метко вышиб все кегли, а Алан первым шаром сбил девять, а вторым — все остальные.

После пятого раунда у Рэя было 89 очков, у Алана 76, а у Барта всего 40. Однако игра захватила его; потная спина, давно забытые мышечные ощущения — все это доставляло удовольствие.

Он настолько увлекся игрой, что в первое мгновение даже не понял смысла фразы, вскользь оброненной Рэем:

— Это называется мальглинит.

Он повернул голову, хмурясь незнакомому слову, и вдруг — понял.

— Хорошо, — сказал он.

— Он изготовлен в виде четырехдюймовых шашек. Всего сорок штук. Каждая из них в шестьдесят раз превосходит по мощности динамитную шашку.

— Ого, — произнес он; сердце у него внезапно оборвалось. Между тем Алан, выбив все кегли, высоко подпрыгнул на радостях.

Настал его черед бросать, и он выбил семь кеглей. Рэй опять вышиб все. Алан сменил шар и направился к дорожке.

— Шнура там четыреста футов. Заряд электрический, взрывается при замыкании. От паяльной лампы лишь оплавится. Он... *Ух, здорово ты их, Алан!*

Алану тоже удалось сбить все кегли с первого раза.

Он встал, зашвырнул оба шара в желоб и вернулся на место. Рэй продолжил:

— Вам также понадобится автомобильный аккумулятор. Есть у вас?

— Да, — кивнул он. И посмотрел на счет. У него было 47 очков. На семь больше, чем лет.

— Если нарежете шнур на равные части и подсоедините вместе к батарее, то можно взорвать все одновременно. Вы меня понимаете?

— Да.

У Алана снова получился удачный бросок. Он подошел, улыбаясь до ушей.

— Во как надо! Теперь я от тебя всего на восемь очков отстаю.

Он двумя бросками сбил шесть кеглей и сел на место. Рэй спросил:

— Вам все понятно? Вопросы есть?

— Нет. Мы уже можем уйти?

— Разумеется. Хотя на вашем месте я бы еще немного попрактиковался. У вас в последнюю минуту дергается запястье, поэтому шар летит мимо.

— Дьявольщина! — выругался Алан, промахнувшись второй раз подряд.

— Нечего было хвастать! — расхохотался Рэй. — Тебе еще до меня тянуться и тянуться.

Судя по ослепительной неоновой вывеске, украшавшей вход в бар «Таунлайн», владельцев бара энергетический кризис не затронул. Неоновые буквы гасли и загорались с бессмысленной, вечной уверенностью. Ниже на белом щите крупными буквами было выведено:

ТОЛЬКО СЕГОДНЯ
РОК-ГРУППА «ОЙСТЕРЗ»
ПРОЕЗДОМ ИЗ БОСТОНА

Справа от бара на расчищенной от снега стоянке выстроились автомобили; посетителей в этот субботний вечер было хоть отбавляй. Въехав на стоянку, он заметил, что она изгибается в виде буквы «Г» и заворачивает за угол здания. Сво-

бодные места там еще оставались. Он поставил машину, выключил мотор и вышел.

Подморозило, хотя холод ощущался не сразу, а лишь секунд через пятнадцать, когда немели уши. Ясное небо усыпали мириады звезд. Из бара гремела музыка. «Ойстерз» исполняли песню, которую он узнал сразу, — «После полуночи». Он даже вспомнил, что песню эту написал Дж.Дж.Кейл, и тут же сам удивился, что запомнил настолько бесполезную информацию. Поразительно все-таки, с какой легкостью мозги забиваются всякой чепухой. Он помнил фамилию автора песни «После полуночи», но не мог представить себе своего мертвого сына. Чертовски несправедливо.

Рядом с его фургончиком остановился синий пикап «додж»; Рэй и Алан вылезли наружу. Выглядели оба уже деловито, да и одеты вполне солидно — теплые куртки военного покроя, теплые перчатки.

— Вы должны передать нам кое-какие денежки, — напомнил Рэй.

Он вынул из кармана пальто конверт и протянул им. Рэй заглянул внутрь и порылся в купюрах, скорее оценивая на глазок, нежели пересчитывая.

— Все в порядке, — сказал он. — Открывайте багажник.

Он открыл заднюю дверцу (в паспорте его «форда» она почему-то именовалась «волшебной»), и Рэй с Аланом вдвоем перетащили в фургон тяжелый деревянный ящик.

— Шнур на дне, — сказал Рэй, отдуваясь; на морозном воздухе из его рта вылетали клубы пара. — Не забудьте — вам необходим источник питания. Без электрического тока можете запросто втыкать эти палочки в торт вместо праздничных свечек.

— Я помню.

— И почаще играйте в кегли. Бросок у вас мощный.

Они сели в «додж» и уехали. Пару минут спустя отъехал он, так и не увидев воочию «Ойстерз». Уши у него закоченели, но в машине быстро отогрелись, и их стало покалывать.

* * *

Вернувшись домой, он затащил ящик в гостиную и вскрыл крышку с помощью отвертки. Шашки взрывчатки выглядели именно так, как описал Рэй: словно серые восковые свечи. Они были уложены на газету, под которой находились два толстых мотка белого шнура. Кольца шнура были скреплены белыми же пластмассовыми закрутками, точно такими же, что он обычно использовал для своих мусорных пакетов.

Он убрал ящик в стенной шкаф и попытался выкинуть мысли о нем из головы, однако ящик как будто источал какие-то зловещие миазмы, которые, медленно расползаясь из шкафа, постепенно заполнили весь дом; словно в этом шкафу давным-давно случилось нечто ужасное, а теперь ядовитые и зловонные испарения отравляли уже всю атмосферу.

13 января 1974 года

Он отправился на Лэндинг-Стрип и принялся колесить по близлежащим улочкам в поисках Дрейка. В основном ему здесь попадались дома-трущобы; некоторые выглядели столь обветшалыми, что, казалось, неминуемо рухнули бы, не подпирай их соседние строения. Крыши всех зданий щетинились лесом телевизионных антенн, напоминающих стоящие дыбом волосы. Множество баров, закрытых до полудня. Брошенная машина в проулке: колеса сняты, фары вывернуты, эмблемы выдраны с мясом — остов автомобиля почему-то напомнил ему обглоданный бычий скелет в Долине Смерти. Повсюду битое стекло. Витрины ломбардов и винных лавок отгорожены от улиц металлическими решетками. Вот чему нас научили все эти волнения восьмилетней давности, подумал он. Как защищаться от мародеров...

Вдруг примерно на середине Веннер-стрит ему бросилась в глаза вывеска:

ЗАСКОЧИ, МАМОЧКА!

Буквы, нарисованные в старинной манере, красовались над входом в небольшую забегаловку. Он остановился напротив, запер машину и вошел. Посетителей было всего двое: молодой темнокожий паренек в толстенной куртке — он, похоже, дремал — и белый старик пьянчуга, который потягивал кофе из здоровенной белой кружки. Всякий раз, когда кружка достигала губ, руки его начинали предательски дрожать. Кожа старика была морщинистая, с желтоватым оттенком, а всякий раз, как он поднимал глаза, они озарялись светом, точно внутри томилась душа, которой никак не удавалось выбраться из этой мерзкой оболочки.

Дрейк сидел за стойкой возле двухконфорочной плиты. Перед ним возвышались два термоса: один с кипятком, второй с черным кофе. Рядом на прилавке стояла раскрытая коробка из-под сигар, в которой лежала какая-то мелочь. Меню, небрежно нацарапанное на бумажном обрывке, гласило:

Кофе — 15 центов
Чай — 15 центов
Прохладительные напитки — 25 центов
Пицца — 30 центов
Сандвич — 25 центов
Хот-дог — 35 центов

На втором клочке бумаги крупными буквами было написано:

ПОЖАЛУЙСТА, ДОЖДИТЕСЬ, ЧТОБЫ ВАС ОБСЛУЖИЛИ
Вас обслуживают добровольные помощники, которых Ваши поспешность и пренебрежение могут огорчить. Пожалуйста, запаситесь терпением и помните: ГОСПОДЬ ВАС ЛЮБИТ!

Дрейк был погружен в чтение какого-то затрепанного журнала. Заметив нового посетителя, он приподнял голову, и на мгновение его глаза заволокло пеленой, словно он мысленно щелкал пальцами, вспоминая нужное имя. В следующее мгновение он улыбнулся и сказал:

— Здравствуйте, мистер Доус.

— Здравствуйте, Дрейк. Могу я попросить чашку кофе?

— Да, конечно. — Он обернулся, взял белую кружку из воздвигнутой за спиной пирамиды и наполнил ее кофе. — С молоком?

— Нет, черный. — Он протянул Дрейку двадцатипятицентовую монетку, а Дрейк отдал ему сдачу — десятицентовик, который вынул из сигарной коробки. — Я хотел поблагодарить вас за помощь, а заодно сделать пожертвование.

— Вам не за что меня благодарить.

— Есть за что. Скверная была вечеринка.

— Действие наркотиков бывает непредсказуемым. Не всегда, конечно, но довольно часто. Прошлым летом ребята принесли сюда своего приятеля, который хватанул ЛСД в городском парке. Бедняга истошно вопил, что за ним гонятся голуби, которые хотят его сожрать. Жуть, да?

— Девушка, которая угостила меня мескалином, сказала, что однажды выловила из унитаза мужскую руку. Причем она до сих пор не уверена, пригрезилось ей это или нет.

— Кто она?

— Точно не знаю, — честно признался он. — А вот это — вам. — Он положил на стойку рядом с сигарной коробкой стопку купюр, перехваченных красной резинкой.

Дрейк нахмурился; трогать деньги не стал.

— Вообще-то деньги предназначены вашему заведению, — сказал он. Дрейк это, несомненно, понимал, но ему не хотелось, чтобы бывший священник хранил молчание.

Держа купюры левой рукой, Дрейк изуродованной правой снял резиновую обхватку. Отложил резинку в сторону и медленно пересчитал деньги.

— Здесь пять тысяч долларов, — промолвил он наконец.

— Да.

— Вы обидитесь, если я спрошу, откуда...

— Я взял эти деньги? Нет, не обижусь. Я их выручил за продажу своего дома городским властям. Они собираются проложить там автостраду.

— А ваша жена согласна?

— Моя жена тут ни при чем. Мы разъехались. Скоро разведемся. Она получает свою половину денег от продажи независимо от того, как я поступлю со своей.

— Понятно.

Между тем старый выпивоха за столом начал что-то напевать себе под нос. Скорее даже мычать, потому что слов было не разобрать.

Дрейк задумчиво ткнул в стопку денег указательным пальцем. Было видно, что его что-то беспокоит.

— Я не могу их взять, — промолвил он наконец.

— Почему?

— Помните наш последний разговор? — сказал Дрейк.

Он отлично его помнил. Поэтому ответил почти сразу:

— Таких планов у меня нет.

— Я в этом не уверен. Человек, заинтересованный жить в этом мире, не разбрасывает деньги направо и налево.

— Я их вовсе не разбрасываю, — твердо сказал он.

— Тогда как это называется? — спросил Дрейк.

— Черт побери, мне случалось жертвовать деньги людям, которых я вообще в глаза не видел. На исследования в области рака. Фонду помощи обездоленным детям. Бостонской городской больнице. В Бостоне я вообще ни разу не был.

— И вы раздавали такие крупные суммы?

— Нет.

— Тем более — наличные, мистер Доус. Человек, которого деньги интересуют по-настоящему, предпочитает их вообще в глаза не видеть. Он выдает чеки, подписывает векселя, расплачивается по кредитным карточкам. Для него деньги становятся своеобразным символом. А в нашем обществе

деньги не нужны разве что тому, кто не особенно нуждается и в самой жизни.

— Что-то, черт побери, вы слишком материалистически рассуждаете для...

— Священника? — закончил за него Дрейк. — Но я ведь больше не священник. После этого случая. — Он приподнял свою обожженную, изувеченную руку. — Рассказать вам, как я достаю деньги, чтобы поддерживать это заведение? Ведь люди, что работают здесь, — все без исключения старики, которые совершенно не понимают приходящую молодежь, но тем не менее не могут оставаться безразличными к ее проблемам. Есть здесь у меня ребята, выпущенные из тюрьмы с испытательным сроком, так они в уличных оркестрах играют. По кругу шапку пускают. Но главным образом мы, конечно, существуем за счет денег от богатых жертвователей. Я стараюсь посещать все благотворительные мероприятия. На дамских чаепитиях выступаю. Рассказываю про детей-бродяжек, про несчастных бездомных, которые ночуют в канализации, а по ночам жгут газеты, чтобы спастись от холода. Про пятнадцатилетнюю девчушку, которая ушла из дома в 1971 году, а когда появилась у нас, то ее голова и лобок так и кишели огромными белыми вшами. Про то, сколько у нас в городе больных венерическими заболеваниями. Про «рыбаков» — мужчин, которые подстерегают на автовокзалах сбежавших подростков и предлагают им зарабатывать, торгуя своим телом. Про мальчиков, которые делают в туалетах минеты за десять долларов; или за пятнадцать — если глотают сперму. А половину выручки отдают сутенерам. Женщины ахают и охают от ужаса, сердца их, возможно, замирают, но зато они раскошеливаются, а это для нас самое главное. Порой их удается так пробрать, что они не только жертвуют десятку, но и приглашают меня домой. Устраивают торжественный ужин, знакомят с домочадцами и просят произнести проповедь, едва горничная успевает подать первое блюдо. И приходится произносить, Доус, как бы меня от этих слов ни воротило. Потом нужно непременно погладить по

головке какого-нибудь ребенка — а ребенок почему-то находится всегда, — и говорить: ах какой славный мальчик! Или — ах какая замечательная девочка! Если же повезет, то эта дама еще пригласит своих знакомых, которые хотят своими глазами увидеть священника-расстригу и бунтаря, который, возможно, поставляет оружие «черным пантерам» или Организации освобождения Палестины, и тогда приходится напускать на себя личину патера Брауна и слащаво улыбаться, пока морда не треснет. Все это называется — трясти денежное дерево или выдаивать долларовую корову. Обставлено все ужасно красиво, но вот по возвращении домой чувствуешь себя настолько оплеванным, словно весь день проторчал в сортире, вылизывая задницу какому-нибудь нуворишу. Да, для меня это, конечно, составляет часть моего обета покаяния, однако некрофилия — извините за это слово, мистер Доус, — в наложенную на меня епитимью не входит. Вот почему я вынужден отказаться от вашего предложения.

— За что на вас наложили епитимью?

— А это, — криво улыбнулся Дрейк, — останется между мной и Богом.

— Но почему вы избрали именно такой способ сбора денег, который вам столь отвратителен? — спросил он. — Почему бы не просто...

— Для меня этот способ единственный. Я отрезал себе пути к отступлению.

Вдруг он с упавшим сердцем понял, что Дрейк только что объяснил ему причину его собственного прихода сюда, причину всех его последних поступков.

— У вас ничего не болит, мистер Доус? Вы выглядите так, словно...

— Нет, у меня все в порядке. Я хочу пожелать вам удачи в вашем деле. Даже если вы ничего не добьетесь.

— Иллюзий у меня давно не осталось, — грустно улыбнулся Дрейк. — Вам же еще следует все обдумать. Не совершайте поспешных поступков. Всегда можно найти какой-то выход.

— В самом деле? — Он тоже улыбнулся в ответ. — Закрывайте-ка свое заведение. Пойдемте со мной и давайте вместе займемся делом. Я вам всерьез предлагаю.

— Вы, верно, шутите?

— Ничуть, — ответил он. — Возможно, кто-то пытается подшутить над нами обоими. — Он отвернулся, взял деньги и свернул их в трубочку. Парнишка продолжал спать. Старик поставил свою полупустую чашку на стол и таращился на нее отсутствующим взором. Он по-прежнему мычал себе под нос. Направляясь к выходу, он не останавливаясь, словно ненароком, засунул деньги прямо в чашку старика, отчего немного густой жидкости выплеснулось на стол. Затем быстро вышел и сел в машину, надеясь, что Дрейк поспешит следом, что-то скажет, может быть даже — спасет его. Но Дрейк не показывался; возможно, он и сам ожидал, что Барт вернется и спасет его.

Но он запустил мотор и уехал.

14 января 1974 года

Он поехал в центр города и купил в универмаге «Сирс» автомобильный аккумулятор и пару соединительных проводов с зубастыми зажимами-«крокодильчиками» на концах. На боку аккумулятора были выведены два слова:

ДОЛГОЖИВУЩАЯ БАТАРЕЯ

Вернувшись домой, он убрал новые приобретения в стенной шкаф, куда ранее припрятал и ящик со взрывчаткой. Представил, что случится, если вдруг полиция заявится к нему с ордером на обыск. Ружья в гараже, взрывчатка в гостиной, крупная сумма денег в кухне. Б. Д. Доус, тайный революционер. Секретный агент Х-9, работающий на такой зловещий преступный синдикат, что его даже упомя-

нуть страшно. Он выписывал «Ридерз дайджест», в котором наряду со всякой чепухой публиковали порой и вполне увлекательные шпионские романы. Самым страшным бывало, когда шпион оказывался одним из своих. Агентом КГБ из Де-Мойна или Вильметта, который передавал микропленки в публичной библиотеке, поедая бигмаки, планировал, как свергнуть республиканское правительство, носил в полости зуба капсулу с синильной кислотой.

Да, стоит им только взять ордер на обыск — и ему конец. Однако как ни странно, он уже больше не боялся. Он перешагнул границу страха.

15 января 1974 года

— Скажите, что вам от меня еще нужно, — устало произнес Мальоре.

За окном валил мокрый снег, а день выглядел серым и унылым. В такой день любой автобус, вынырнувший из безжизненной серой дымки, разбрызгивая грязь, показался бы плодом больной фантазии шизофреника; даже сама жизнь казалась в такой день существующей лишь в воображении психопата.

— Отдать вам мой дом? Мою машину? Жену? Забирайте все, что хотите, Доус, только оставьте меня наконец в *покое* на старости лет.

— Послушайте, — смущенно сказал он, — я понимаю, что надоел вам...

— Он понимает, что надоел мне, — обратился Мальоре к стенам. Затем воздел руки и бессильно опустил их на свои мясистые ляжки. — Тогда почему, черт вас дери, вы не оставляете меня в *покое*?

— Это в последний раз.

Мальоре закатил глаза к потолку.

— Замечательно, — снова сказал он стенам. — И что вам понадобилось от меня на сей раз?

Он вытащил из кармана деньги и сказал:

— Здесь восемнадцать тысяч долларов. Ваша доля — три тысячи. За то, чтобы найти одного человека.

— Кого?

— Девушку в Лас-Вегасе.

— А оставшиеся пятнадцать тысяч предназначены ей?

— Да. Я хочу, чтобы вы вложили их в выгодное дело и выплачивали ей проценты.

— В законные операции?

— В любые, которые приносят прибыль. Тут я целиком полагаюсь на вас.

— Он полагается на меня, — ворчливо поведал стенам Мальоре. — Вегас — город крупный, мистер Доус. И люди в нем долго не задерживаются.

— Неужели у вас нет там связей?

— Связи там у меня есть. Но если речь идет о какой-то хиппующей девчонке, которая уже успела удрать в Сан-Франциско или Денвер...

— Она зовет себя Оливия Бреннер. И мне кажется, что она до сих пор находится там. Торгует гамбургерами в какой-то забегаловке...

— Которых там не меньше двух миллионов! — всплеснул руками Мальоре. — О Господи Иисусе! Пресвятая Дева Мария! Старый Иосиф-плотник!

— Она делит квартиру с каким-то приятелем, — поспешно добавил он. — Так она мне по телефону сказала. Не знаю только — где. Рост у нее примерно пять футов и восемь дюймов. Волосы темные, глаза зеленые. Прекрасная фигура. Двадцать один год. По ее словам, во всяком случае...

— А что, если я не сумею разыскать вашу красотку?

— Тогда оставите все деньги себе. Считайте это платой за занудство.

— А что, по-вашему, помешает мне сделать так сразу?

Он поднялся, оставив деньги на столе Мальоре:

— Ничего, конечно. Но у вас честное лицо.

— Послушайте, — сказал Мальоре. — Я не собираюсь вправлять вам мозги. Вам и без того здорово насолили. Но

знайте — мне это все не по душе. Как будто вы делаете меня своим душеприказчиком, исполнителем своей последней воли — чтоб ее черти разорвали!

— Если не хотите, можете отказаться.

— Нет, нет, вы не понимаете — дело не в этом. Если она по-прежнему в Вегасе и ее знают под именем Оливии Бреннер, то я ее найду. И три тысячи — вполне разумная плата за эту услугу. Но вы меня тревожите, Доус. Вы, кажется, просто одержимый.

— Так и есть.

Мальоре хмуро воззрился на разложенные на столе под стеклом семейные фотографии: там были изображены он сам, его жена и дети.

— Ну хорошо, — сказал он. — Но только в последний раз. В самый последний, Доус. Зарубите это себе на носу. Не приезжайте ко мне и не звоните. Никогда. У меня и без вас проблем хватает.

— Согласен.

И он протянул ему правую руку, отнюдь не будучи уверен, согласится ли Мальоре пожать ее. Но Мальоре крепко стиснул его ладонь.

— Не понимаю я вас, — сказал Мальоре. — И почему я помогаю парню, у которого нет ни грамма здравого смысла?

— Во всем нашем мире вы не сыщете здравого смысла, — сказал он. — А если сомневаетесь — вспомните про собаку мистера Пиацци.

— А я никогда про нее не забываю, — ответил Мальоре.

16 января 1974 года

Запечатанный конверт с чековой книжкой он отвез в почтовое отделение на углу и оформил его отправку. Вечером пошел в кино на фильм «Изгоняющий дьявола»; главным образом ради Макса фон Сюдова, которым всегда восхищался.

В одном эпизоде, когда маленькая девочка блеванула прямо в лицо католическому священнику, зрители на задних рядах хлопали и улюлюкали.

17 января 1974 года

Ему позвонила Мэри. Голос ее звучал весело и беззаботно, отчего беседа сразу пошла в непринужденном русле.

— Ты продал дом, — заявила она.

— Да.

— Но еще не съехал.

— До субботы еще побуду здесь. Я снял здоровенный дом за городом. Скоро надеюсь устроиться на работу.

— О, Барт, как это замечательно! Я так рада! — И вдруг он понял, почему ему так легко говорить с ней. Мэри притворялась. Она вовсе не радовалась и не огорчалась. Ей стало безразлично — она сдалась. — Барт, насчет этой чековой книжки...

— Да.

— Ты ведь разделил вырученные деньги пополам, да?

— Да. Если хочешь проверить, перезвони мистеру Феннеру.

— Нет, дело вовсе не в *этом*. — Он словно воочию увидел, как она отмахнулась. — Я имела в виду... ты разделил их так... словом, значит ли это, что мы...

Она выжидательно приумолкла. Почти театрально. Даже мастерски.

Ах ты, сука! — подумал он. *Приперла-таки меня к стенке.*

— Да, наверное, — произнес он. — Мы разводимся.

— Ты это хорошо продумал? — спросила она с напускным волнением. — Ты и в самом деле хочешь...

— Да, я все продумал.

— Я тоже, — вздохнула Мэри. — Похоже, другого выхода у нас и правда нет. Но я на тебя зла не держу, Барт. Я хочу, чтобы ты это знал.

Господи, она начиталась этих дешевых романов, подумал он. *Сейчас скажет еще, что собирается вернуться в школу.* Он даже сам поразился, насколько это огорчило его. Он уже думал, что искоренил остатки сентиментальности.

— И чем ты собираешься заняться? — спросил он.

— Я возвращаюсь в школу, — ответила Мэри уже без притворства, голос ее зазвенел от искренней радости. — Раскопала у мамы в мансарде свои старые конспекты. Представляешь, мне нужно сдать всего двадцать четыре зачета, чтобы меня приняли. Это займет чуть больше года!

Он представил, как Мэри ползает по мансарде, и вспомнил, как еще недавно сам рылся на чердаке в вещах Чарли. Воспоминания были болезненные, и он отключил их.

— Барт? Ты меня слышишь?

— Да. Я очень рад, что ты не будешь скучать, оставшись в одиночестве.

— Барт, — укоризненно произнесла она.

Впрочем, ему незачем было поддразнивать ее, упрекать или портить ей настроение. Колеса уже завертелись. Собака мистера Пиацци, укусив однажды, почуяла вкус крови и теперь рвалась в бой. Мысль эта показалась ему настолько забавной, что он хихикнул.

— Барт, ты плачешь? — взволнованно спросила Мэри. Голос ее звучал участливо, почти с нежностью. Но вместе с тем — насквозь фальшиво.

— Нет, — сухо сказал он.

— Барт, я могу что-нибудь для тебя сделать? Если да, то скажи — я очень хочу тебе помочь.

— Нет. У меня все нормально. И я рад, что ты возвращаешься в школу. Послушай, а кому из нас подавать на развод? Тебе или мне?

— Наверное, лучше мне, — робко ответила она. — Так будет правильнее.

— Хорошо, — согласился он. — Пусть будет по-твоему.

Воцарилось молчание, которое нарушила Мэри, внезапно выпалив:

— Скажи, ты спал с кем-нибудь после моего ухода?

Он чуть призадумался, выбирая, как быть: сказать ли правду, соврать или ответить уклончиво, чтобы Мэри всю ночь ворочалась, мучаясь подозрениями.

— Нет, — ответил он наконец. А потом, чуть помолчав, спросил: — А ты?

— Нет, конечно! — выпалила она, уязвленно и обрадованно в одно и то же время. — Как ты мог такое подумать?

— Рано или поздно это все равно случится.

— Барт, давай не будем это обсуждать.

— Хорошо, — миролюбиво согласился он, хотя первой заговорила на эту тему Мэри. Он подбирал слова, пытаясь сказать ей что-нибудь хорошее, доброе, нечто такое, что запомнилось бы ей надолго. Но как назло, в голову ничего не лезло, а в конце он уже и сам перестал понимать, почему хочет, чтобы она его вообще вспоминала. Конечно, у них было что вспомнить. Жили-то они хорошо. Он был уверен, что хорошо, потому что сам толком вспомнить никаких особенных событий не мог. Если не считать истории с этим дурацким телевизором.

Словно со стороны, он услышал собственный голос:

— А помнишь, как мы с тобой впервые отвели Чарли в детский садик?

— Да, Барт. Он расплакался, и ты уже был готов забрать его с собой. Ты не хотел его отдавать.

— А вот ты хотела.

Мэри принялась горячо возражать, но он ее не слушал. Он прекрасно помнил ту сцену. Детский сад располагался в цоколе, и, спускаясь с упирающимся и плачущим Чарли по лестнице, он ощущал себя предателем; сродни фермеру, который ведет корову на бойню, хлопая ее по бокам и приговаривая: «Не волнуйся, Бесс, все будет в порядке». Прелестный был мальчуган его Чарли. Белокурые от рождения волосы вскоре потемнели, а вот глазенки как были синими, так и остались. Они были вдумчивыми и наблюдательными, даже когда Чарли еще только учился ходить. Когда они спусти-

лись по лестнице, Чарли стоял между ними, держа их с Мэри за руки и глядя на других детей, которые бегали, кричали, рисовали и вырезали что-то из цветной бумаги ножницами с закругленными концами. Детей было превеликое множество, и Чарли никогда прежде не казался ему настолько маленьким и подавленным, как в ту минуту. В его глазенках не было ни радости, ни страха — только напряженное внимание и... *отчужденность*. И сам он никогда не ощущал такой близости к своему сыну, как в ту минуту, когда, казалось, даже мысли их звучали в унисон. И тут подошла миссис Рикер, улыбаясь, как барракуда, и сказала: *Заходи, Чак, у нас тут весело!* Ему отчаянно захотелось выкрикнуть: *Моего сына зовут вовсе не так!* А потом, когда она потянулась, чтобы взять Чарли за руку, мальчик не шелохнулся, держа руки по швам, и ей пришлось как бы украсть его ручонку. Пройдя за миссис Рикер, Чарли остановился, обернулся и посмотрел на родителей. Глаза его говорили: *Неужели ты это допустишь, Джордж?* А его собственные глаза отвечали: *Боюсь, что да, Фредди.* А потом они с Мэри зашагали по ступенькам, повернувшись к Чарли спинами — самое страшное зрелище для ребенка, — и Чарли разрыдался. Однако Мэри даже не приостановилась, ведь женская любовь непредсказуема и жестока; это всегда любовь с открытыми глазами, эгоистичная и расчетливая. Мэри знала, что сейчас должна уйти, поэтому спокойно уходила, не обращая внимания на плач ребенка, отмахиваясь от него, как от причитаний по поводу исцарапанных коленок. А вот у него закололо в груди, причем боль была настолько острой, что он даже испугался, не инфаркт ли это...

Теперь-то он уже знал, что родительские спины не самое страшное зрелище на свете. Куда страшнее, когда дети тут же выбрасывают это зрелище из головы, торопясь приступить к своим занятиям — игре, головоломке, новым приятелям, а в конце концов — к смерти. Эту ужасную правду он — увы — для себя открыл. Чарли начал умирать задолго до того, как заболел, и остановить это было невозможно. Как несущуюся лавину.

— Барт? — словно сквозь сон, услышал он голос Мэри. — Ты еще там?

— Да.

— Какой смысл в том, чтобы все время думать о Чарли? Бередить раны. Ты ведь себя просто сжигаешь. Ты превращаешься в его раба.

— Зато ты свободна, — сказал он. — Наконец.

— Пригласить адвоката на той неделе?

— Да. Пожалуйста.

— Мы ведь не будем с тобой ссориться, верно, Барт?

— Нет. Все пройдет очень достойно. Как у цивилизованных людей.

— Ты не передумаешь? Не станешь потом оспаривать решения?

— Нет.

— Ну... Хорошо, тогда до встречи.

— Ты знала, что надо его оставить, и оставила. Жаль, я не могу всегда полагаться на свое чутье.

— Что?

— Ничего. До свидания, Мэри. Я люблю тебя. — Он понял, что произнес это, когда уже положил трубку. Слова эти сорвались с его губ машинально. Автоматически. Хотя получилось вовсе не дурно. Для прощания.

18 января 1974 года

— А кто его спрашивает? — поинтересовалась невидимая секретарша.

— Барт Доус.

— Подождите, пожалуйста, минутку.

— Хорошо.

Он держал возле уха молчащую трубку, притопывая ногой и глядя из окна на вымершую Крестоллен-стрит. День выдался солнечный, но очень морозный. Ветер вздымал тучи снежинок,

которые кружились на фоне опустевшего дома Хобартов — пустой скорлупки с зияющими окнами, дожидавшейся разрушения. Хобарты при переезде увезли с собой даже ставни.

В трубке щелкнуло, и голос Орднера произнес:

— Привет, Барт! Как дела?

— Прекрасно.

— Что я могу для вас сделать?

— Я насчет прачечной, — ответил он. — Хотел узнать, что решила корпорация по поводу переезда.

Орднер вздохнул, а затем сдержанно произнес:

— Вам не кажется, Барт, что вы несколько поздновато спохватились?

— Стив, я не для того позвонил, чтобы выслушивать ваши упреки.

— А почему бы и нет? Ведь вы нам всем грандиозную свинью подложили. Ну да ладно, кто прошлое помянет... Как бы то ни было, Барт, корпорация решила выйти из этого бизнеса. Как вам это нравится?

— Не слишком, — уклончиво ответил он. — Скажите, Стив, почему вы не увольняете Винни Мейсона?

— Винни? — изумился Орднер. — Но Винни вкалывает на совесть. Он нас здорово выручает. Не понимаю, почему вы так против него ополчились...

— Да бросьте вы, Стив. Будущего у него на этом месте не больше, чем у печного дымохода. Дайте ему развернуться — или увольте.

— По-моему, Барт, вы лезете не в свое дело.

— Вы его по рукам и ногам сковали, а парень еще желторотый и ни черта не понимает. Он до сих пор считает, что его озолотили.

— Мне сказали, что перед Рождеством вам от него здорово досталось, — злорадно напомнил Орднер.

— Я просто высказал ему правду, которая пришлась ему не по вкусу.

— «Правда» — слово скользкое, Барт. И вам, наверное, это известно лучше, чем кому-либо другому, — ведь вы мастер по части вешания лапши на уши.

— Вы все еще обижаетесь?

— Довольно трудно пережить, когда человек, кому ты доверял, на поверку оказывается просто мешком дерьма, да еще с двойным дном.

— С двойным дном, — задумчиво повторил он. — Кто знает, Стив, возможно, вы правы.

— Вы еще что-то хотели, Барт?

— Нет, по большому счету — нет. Мне просто хотелось бы, чтобы вы перестали притеснять Винни. Он славный малый. А вы его гробите. Сами это знаете — ведь гробите, да?

— Повторяю, Барт: вы лезете не в свое дело.

— Или вы просто на нем зло вымещаете? Из-за того, что не можете до меня добраться?

— Барт, у вас, по-моему, мания преследования. Я мечтаю только побыстрее забыть о вашем существовании.

— Поэтому вы везде проверяли, вдруг у меня рыло в пушку, да? Интересовались, например, не брал ли я из кассы наличность. Не стирал ли собственное белье за казенный счет. Не вступал ли в сговор с владельцами мотелей. И так далее.

— Кто вам это сказал? — рявкнул Орднер. Он казался растерянным, даже немного испуганным.

— Некто из вашей организации, — радостно соврал он. — Человек, который вас ни в грош не ставит, но надеется, что мне будет о чем порассказать на следующем совете директоров.

— Кто?

— Прощайте, Стив. Подумайте про Винни Мейсона, а я подумаю, обсуждать мне с кем-нибудь полученную информацию или оставить ее при себе.

— Не вешайте трубку, Барт! Эй...

Но он уже бросил трубку, торжествующе ухмыляясь. И Стив Орднер на поверку оказался пресловутым колоссом на глиняных ногах.

Он запрокинул голову назад и громко расхохотался.

19 января 1974 года

С наступлением темноты он вышел в гараж, достал припасенное там оружие и принес в гостиную. Тщательно, в соответствии с инструкцией, зарядил «магнум», не забыв сделать несколько контрольных спусков. В ушах гремела роллинговская песня «Полуночный гуляка». Он вообще восхищался «роллингами», а уж этим альбомом просто упивался. Он внезапно представил себя Бартоном Джорджем Доусом, полуночным гулякой, принимающим только по записи.

Патронник «уэзерби» сорок шестого калибра вмещал восемь зарядов. Они, на его взгляд, вполне подошли бы по размеру для средней гаубицы. Зарядив ружье, он с любопытством уставился на него, пытаясь представить, в самом ли деле оно настолько мощное, как уверял Грязный Гарри Суиннертон. Он решил испытать его за домом. На Западной Крестоллен-стрит уже некому было жаловаться на ночную пальбу.

Надев куртку, он уже вышел было в кухню, но затем вернулся в гостиную и прихватил с дивана одну из небольших подушек. Потом прошел через кухню на задний двор и включил мощную двухсотваттную лампу, при свете которой они с Мэри готовили летом барбекю. Как он и ожидал, снег там был ровный, чистый и совершенно девственный. Не изгаженный следами. А раньше, бывало, Кенни, сынок Дона Апслингера, носился задними дворами, сокращая путь к дому своего приятеля Ронни. Или Мэри развешивала белье, натягивая веревки между домом и гаражом. Ему вдруг показалось совершенно чудесным, что с самого конца ноября, когда выпал первый снег, по его заднему двору не ступала ничья нога. Ни человека, ни даже собаки.

Его так и подмывало выйти на самую середину и слепить снежную бабу.

Однако вместо этого он встал, расставив ноги, положил подушку на правое плечо и упер в нее приклад увесистого

«уэзерби». Зажмурив левый глаз, он посмотрел в прорезь прицела, попытавшись вспомнить совет, который актеры всегда давали друг другу в вечерних боевиках, прежде чем на берег высаживалась морская пехота. Как правило, седоватый ветеран — его неизменно играл Ричард Уидмарк — наставлял безусого юнца примерно так: *Не дергай за крючок, сынок, — НАЖИМАЙ на него!*

Хорошо, Фред. Посмотрим, попаду ли я в собственный гараж.

Он нажал на спусковой крючок. Ружье не выстрелило. Оно взорвалось. В первое мгновение он подумал даже, что и сам взорвался. Однако в следующее мгновение, отброшенный мощной отдачей на кухонное крыльцо, он понял, что жив. Гулкое эхо выстрела зычно распространялось сразу во все стороны, словно рев реактивного двигателя. Подушка валялась в снегу. Плечо мучительно гудело.

— Черт побери, Фред, ну и дела! — прохрипел он.

Взглянув на гараж, он не поверил своим глазам. В боковой стене зияло отверстие, в которое запросто пролезла бы чайная чашка.

Поставив ружье на крыльцо, он зашагал к гаражу прямо по рыхлому снегу, забыв, что обут лишь в легкие туфли. Ощупав дыру, он изумленно покачал головой, затем направился в гараж.

Выходное отверстие оказалось еще шире. Он посмотрел на свой фургончик. Пуля угодила в дверцу со стороны водителя, прошив ее, словно та была сделана из бумаги. Открыв дверцу, он заглянул внутрь. Так и есть — продырявлена и вторая дверца, прямо под рукояткой.

Обогнув машину, он осмотрел противоположную стену гаража. Она тоже была пробита насквозь. Насколько он мог себе представить, пуля, возможно, продолжала свой полет.

Словно наяву он услышал голос Гарри: *Ваш кузен будет целить в брюхо... от такой пули кишки на двадцать футов раз-*

летятся. А что, интересно, станется с человеком? Наверное, то же самое. Он почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

Вернувшись к кухонной двери, он подобрал подушку, машинально, чтобы не натоптать в кухне, вытер ноги и прошел в гостиную. Здесь он снял куртку и рубашку. На плече отпечатался здоровенный кровоподтек в виде ружейного приклада. И это несмотря на подушку.

Как был, по пояс голый, он сварил себе кофе и разогрел ужин. Покончив с едой, улегся на диван и ни с того ни сего расплакался. Он как бы со стороны прислушивался к собственным истерическим рыданиям и всхлипываниям, но понимал, что остановить их не в состоянии. Наконец, успокоившись, забылся тяжелым сном, хрипло дыша. Во сне он увидел самого себя, жутко постаревшего и с седой щетиной на щеках.

20 января 1974 года

Пробудившись, он виновато вздрогнул, опасаясь, что проспал до самого утра. Сон был тяжелый, мрачный и тягучий, как позавчерашний кофе; после такого сна он обычно полдня ходил с чугунной головой. Посмотрев на часы, он с облегчением увидел, что еще только четверть третьего ночи. Ружье лежало там, где он его оставил вчера — на кресле. «Магнум» покоился на столике.

Он встал, прогулялся в кухню и побрызгал водой лицо. Затем поднялся в спальню и облачился в чистую рубашку. Спускаясь по лестнице, заткнул полы рубашки за пояс. Запер все двери на первом этаже, причем с каждым щелчком очередного замка на сердце, как ни странно, становилось легче. Впервые с тех пор, как та чертова женщина скончалась у него на глазах в супермаркете, он почувствовал себя самим собой. Поместив «уэзерби» перед окном гостиной, он

удобно разместил рядом заряды, поочередно вскрыв все коробочки. Подтащил кресло и перевернул его на бок.

Сходив на кухню, запер все окна. Прикрыв за собой дверь, подставил под ручку принесенный из столовой стул. Затем налил себе холодного кофе, отхлебнул, поморщился и вылил в раковину. Смешал коктейль.

Вернувшись в гостиную, он вынул из стенного шкафа автомобильный аккумулятор. Подтащил его к окну и поставил рядом с перевернутым креслом. Рядом положил соединительные провода.

Пыхтя от натуги, отнес наверх ящик со взрывчаткой. Поставил на пол, переводя дыхание, затем, переходя из комнаты в комнату, везде включил свет — в гостевой спальне, в своей спальне и в кабинете, где была когда-то комната Чарли. Подставил стул под люком и, вскарабкавшись на чердак, включил свет и там. Затем спустился в кухню и прихватил рулончик изоляционной ленты, ножницы и острый нож.

Вынув из ящика две шашки взрывчатки (на ощупь она была мягкой, а пальцы оставляли на ее поверхности отпечатки), он отнес их на чердак. Отхватил два куска шнура и, аккуратно надрезав ножом, оголил металлическую сердцевину. Затем вдавил оголенные концы в мягкие «свечи». Два других конца шнуров он вставил еще в две шашки, которые разместил во встроенном шкафу под мансардным люком. Прикрутил шнуры изолентой, чтобы они не высвободились.

Напевая под нос, он протащил шнур с чердака в спальню и оставил по «свечке» на каждой из кроватей. Затем протянул шнур через холл, разместив взрывчатку в ванной и гостевой спальне. Выходя, выключил свет. В комнатке Чарли он оставил сразу четыре шашки, склеив их вместе. Вытащил шнур наружу и сбросил весь оставшийся моток вниз. Потом спустился сам.

Четыре шашки на кухонном столе возле бутылки «Южного комфорта». Еще четыре — в гостиной. Четыре — в столовой. Четыре — в прихожей.

Теперь в изрядно полегчавшем ящике оставалось всего одиннадцать «свечек» взрывчатки. А раньше в ящике хранили апельсины — об этом свидетельствовала выцветшая надпись на боку, рядом с которой красовался оранжевый плод с листочком на черешке.

Он отнес ящик в гараж и поставил на заднее сиденье машины. Зарядил каждую шашку мальглинита коротеньким отрезком шнура, затем склеил все одиннадцать между собой с помощью изоленты и, подсоединив их к основному шнуру, протянул его в дом, аккуратно просунув под дверь, которую тут же запер за собой.

В гостиной он прилепил свободный конец шнура к главному шнуру. Затем, по-прежнему напевая под нос, протянул конец шнура к аккумулятору и, аккуратно надрезав ножом защитную оболочку, оголил его.

Разделив тонкие металлические нити на две части, он сплел каждую из них в косичку. Потом взял соединительный провод и прикрепил красный зажим к одной косичке, а черный — к другой. Подошел к аккумулятору, поднял второй конец провода и прикрепил черный «крокодильчик» к «плюсу» батареи. Красный зажим оставил рядом с «минусом».

Включив проигрыватель, он снова завел пластинку «Роллинг Стоунз». Было пять минут пятого. Приготовил себе коктейль и вернулся в гостиную. Не зная, как скоротать время, полистал журнал «Домоводство». Наткнулся на статью про семью Кеннеди. Прочитал ее. Затем проштудировал статью «Женщины и рак груди». Написала ее какая-то женщина-врач.

Они приехали в самом начале одиннадцатого, сразу после того, как на звоннице церквушки в пяти кварталах от его дома отбили колокола, призывавшие прихожан к заутрене — если это так у них называется.

Подкатили зеленый седан и бело-черная полицейская машина. Автомобили остановились на улице напротив его дома. Из седана вылезли трое. В одном из них он узнал Феннера.

Остальных видел впервые. Каждый из троицы держал в руке портфель.

Из полицейского автомобиля выбрались двое патрульных. Судя по их беззаботному виду, никаких неприятностей они не ждали; опираясь на капот, копы что-то обсуждали, выпуская изо рта облачка белого пара.

Время остановилось.

Остановленное время, 20 января 1974 года

Что ж фред теперь по-моему тебе самое время объявиться или заткнуться навсегда я конечно понимаю что теперь уже поздно что-либо обсуждать потому что весь мой дом утыкан шашками взрывчатки как праздничный торт свечками а в руке я держу ружье способное уложить слона тогда как за поясом у меня заткнут пистолет словно у пресловутого джона диллинджера и вот теперь мне остается только принять последнее в своей жизни решение и замкнуть эту чертову цепь и вот теперь фредди когда

(эти люди замерли на улице словно на старинной фотографии а феннер в зеленом костюме приподнял ногу над тротуаром будто собираясь ступить на него у него красивые ботинки в модных резиновых галошах если конечно галоши бывают модными его зеленое пальто распахивается как у прокурора из полицейского сериала голова немного повернута в сторону он слушает что говорит ему человек в синем свитере и темно-коричневых брюках изо рта у него вылетает облачко его пальто тоже распахнуто а полы колышутся под ветром третий человек чуть поотстал а полицейские стоят у своего черно-белого автомобиля и что-то оживленно обсуждают возможно семейные неурядицы или сложный случай или очередное поражение дурацких «мустангов» или своих любовниц а вот и солнышко пробилось и засияло на пряжке

полицейского а на носу у второго полицейского темные очки и солнце отражается от них у него толстые губы он кажется улыбается: все это фотография)

я уже принял это решение может скажешь мне наконец хоть что-нибудь фредди малыш да сынок ты должен продержаться до приезда репортеров хорошо конечно джордж ты должен рассказать газетчикам и телевизионщикам про то что они с нами сделали ты никогда не задумывался фредди насколько мы одиноки как в этом городе да и во всем мире люди жрут гадят трахаются расчесывают свои язвы и обо всем этом пишут в книгах тогда как мы с тобой брошены на произвол судьбы и должны все это выдерживать да джордж я обо всем этом задумывался даже если помнишь пытался тебе об этом рассказать и если это послужит тебе утешением то сейчас мне кажется что ты поступаешь правильно но только у меня к тебе одна просьба джордж пожалуйста не убивай никого ладно хорошо фред но ведь ты понимаешь в какое положение меня поставили да джордж понимаю и мне страшно нет не бойся все будет в порядке вот увидишь

ну давай врежь им

20 января 1974 года

— Врежь им! — громко сказал он, и тут началось. Прижав приклад «уэзерби» к плечу, он тщательно прицелился в правое переднее колесо патрульной машины и нажал на спусковой крючок.

Ружье оглушительно бухнуло, а ствол после выстрела подбросило вверх. Окно гостиной, казалось, вылетело наружу; остались лишь острые осколки, торчавшие из рамы наподобие стеклянных стрел на картинах импрессионистов. Покрышка колеса не лопнула — она с грохотом взорвалась, а сам автомобиль резко подскочил, словно пес, которого пнули ногой во сне. С колеса отлетел колпак и покатился по замерзшему асфальту Крестоллен-стрит.

У Феннера отвалилась челюсть. Он ошалело уставился на дом. Мужчина в синем свитере выронил портфель. А вот третий оказался проворнее. Он рыбкой нырнул за зеленый седан и затаился там.

Полицейские бросились за свою машину — один влево, второй вправо. Мгновение спустя тот, что был в темных очках, высунулся из-за капота и трижды подряд пальнул из револьвера. По сравнению с могучим рыком «уэзерби» выстрелы эти показались жалкими хлопками. Словно стреляли пробки от шампанского. Скорчившись за стулом, он услышал, как пули — *вжжик* — прожужжали над головой и впились в стену над диваном. Звук этот походил на глухие шлепки, с которыми боксеры молотят грушу в тренировочном зале. Вот, значит, что услышу я, когда подстрелят меня, подумал он.

Полицейский в очках орал на Феннера и его коллегу в синем свитере:

— Ложитесь! Скорее, черт побери! Чего ждете? Пока он вас на куски разнесет из своей гаубицы?

Он чуть приподнял голову, чтобы рассмотреть, что происходит на улице, но полицейский, заметив его, дважды выстрелил. Обе пули снова угодили в стену, причем на этот раз любимая картина Мэри, «Рыбаки» Уинслоу Хомера, сорвалась с крючка и упала сначала на диван, а потом на пол. Стекло вылетело из рамки и со звоном разбилось.

Он опять приподнял голову — должен же он был как-то наблюдать за происходящим (и почему он только не догадался купить детский перископ?); может, они попытаются обойти его с флангов? Так, во всяком случае, поступал герой, которого играл Ричард Уидмарк. Попытайся полицейские взять его в клещи, и ему, наверное, пришлось бы уложить одного из них, однако оба блюстителя порядка по-прежнему прятались за своим покалеченным автомобилем, а Феннер и мужчина в синем свитере укрылись за зеленым седаном. Портфель Синего Свитера валялся на тротуаре, словно подстреленный зверек. Он прицелился в него и, за-

ранее закусив губу в ожидании болезненной отдачи, надавил на спуск.

ТРРРАХ! — и портфель, разорванный на две части, взмыл в воздух, изрыгая из своего развороченного нутра какие-то бумаги.

Он выстрелил еще раз, целясь теперь в переднее колесо седана; оно тоже разлетелось в клочья со страшным грохотом. Кто-то из укрывавшихся за ним людей дико, по-заячьи, заверещал от испуга.

Он перевел взгляд на полицейский автомобиль — дверца водителя была открыта. Полицейский в очках полулежал на сиденье и что-то кричал в микрофон. Вскоре, значит, соберутся и остальные участники торжества. Он испытал смешанное с горечью облегчение. Больше ему не придется таить все это в себе. Плакать в одиночестве по ночам. Какие бы личное горе, обида и разочарование ни толкнули его на этот самоубийственный шаг, ни бросили его в этот бездонный омут — теперь он уже будет не один. Все — его уже завертело в водовороте общего безумия. Вскоре его низведут до краткого заголовка — ЗЫБКОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ОГНЯ НА КРЕСТОЛЛЕН-СТРИТ.

Отложив ружье в сторону, он пополз на четвереньках по полу, стараясь не обрезаться об осколки. Взяв с дивана подушку, пополз обратно. В автомобиле полицейского уже не было.

Вынув из-за пояса «магнум», он дважды выстрелил по машине. Пистолет громко рявкнул, но отдача была терпима. Плечо мучительно пульсировало, как больной зуб.

Второй полицейский — без очков — высунулся из-за капота и дважды выстрелил в его сторону. В ответ он пальнул по багажнику и высадил заднее стекло. Коп поспешно пригнулся и больше не стрелял.

— Прекратите огонь! — крикнул Феннер. — Дайте мне поговорить с ним!

— Валяйте! — великодушно разрешил кто-то из полицейских.

— *Доус!* — проревел Феннер; точь-в-точь как детектив из последней серии боевика «Кегни и Лейси». (Прожектора по-

лицейских безжалостно шарят по окнам развалюхи, в которой Бешеный Пес Доус укрылся с двумя крупнокалиберными пистолетами, раскалившимися от пальбы. Свирепо оскалившийся Бешеный Пес затаился за перевернутым креслом.) — *Доус, вы меня слышите?*

— Смелей, подлые легавые! Давайте — арестуйте меня! — Это Бешеный Пес — его залитое потом лицо перекошено от ярости — выкрикивает в ответ.

Высунувшись из-за кресла, он опустошил магазин «магнума», буквально изрешетив корпус зеленого седана.

— Господи! — завопил кто-то. — Он же ненормальный!

— *Доус!* — снова проорал Феннер.

— Живым вам меня не взять! — выкрикнул он, опьянев от восторга. — Вы грязные мерзавцы, которые убили моего братика! Прежде чем вы со мной покончите, я многих из вас на тот свет отправлю! — Дрожащими руками он перезарядил «магнум», а затем дозарядил магазин «уэзерби».

— *Доус!* — снова послышался голос Феннера. — *Давайте договоримся!*

— Нет, скотина, я сперва тебя свинцом угощу! — задорно крикнул он, не спуская глаз с полицейского автомобиля. Стоило только копу в очках высунуться из-за капота, как он тут же выстрелил пару раз поверх его головы; коп поспешно нырнул за укрытие. Одна из пуль угодила в балконную дверь брошенного дома Куиннов на другой стороне улицы.

— *Доус!* — громовым голосом взревел Феннер.

— Да заткнитесь вы! — в сердцах посоветовал ему один из полицейских. — Вы же его только заводите.

Воцарилось неловкое молчание, и послышался отдаленный рев постепенно приближающихся сирен. Отложив в сторону «магнум», он снова взялся за ружье. Пьянящее возбуждение постепенно проходило, уступая место усталости и отупению; к тому же его отчаянно потянуло опорожнить кишечник.

Господи, скорей бы подъехали телевизионщики, молился он. Со всем оборудованием.

* * *

Когда за углом раздался визг тормозов первой патрульной машины — она летела по улице точь-в-точь как в фильме «Французский след», — он был уже наготове. Дважды пальнув из «уэзерби» поверх голов полицейских, прятавшихся за своей машиной, он тщательно прицелился в радиатор мчавшегося на подмогу автомобиля и, снова подражая седовласому ветерану в исполнении Ричарда Уидмарка, плавно нажал на спуск. Радиатор взорвался, а крышка капота встала на дыбы, как дикий мустанг. Машина по инерции промчала еще ярдов сорок, вылетела на тротуар и врезалась в дерево. Дверцы открылись, и из нее высыпали четверо полицейских с пистолетами на изготовку; вид у всех был ошеломленный. Двое тут же столкнулись лбами. Тем временем двое копов, прятавшихся за машиной (его копов, он уже считал их своими), открыли беглый огонь, и он «лег на дно» за своим креслом, прислушиваясь к жужжанию пуль над головой. Было уже без семнадцати минут одиннадцать. Он решил, что уж теперь они точно попытаются обойти его с флангов.

Он высунул голову — иначе было нельзя, — тут же над правым ухом просвистела пуля. С противоположной стороны Крестоллен-стрит показались еще две патрульные машины с воющими сиренами и включенными мигалками. Двое полицейских из подбитого им автомобиля попытались перелезть через заборчик напротив заднего двора Апслингеров, и он трижды пальнул в их сторону из ружья, вынуждая их вернуться к машине. Так они и поступили. Щепки забора Уилбура Апслингера (весной и летом по нему карабкался плющ) брызнули во все стороны, густо усеяв снег.

Еще две подоспевшие полицейские машины остановились в тупичке перед домом Джека Хобарта. Копы, низко пригибаясь, высыпали наружу. Один из них переговаривался по портативному радиоустройству с полицейскими из подбитого автомобиля. Мгновением позже свежие силы открыли по нему ураганный огонь, снова вынуждая его залечь в

укрытие. Пули сыпались дождем, безжалостно впиваясь в двери и стены, выбивая остатки стекла из разбитого окна. Зеркало в прихожей со звоном разлетелось мириадами алмазных брызг. Одна пуля угодила в плед, прикрывавший искалеченный телевизор, и плед судорожно дернулся, смешно заплясав.

Он на четвереньках пересек гостиную и, чуть привстав, выглянул из маленького окна за телевизором. Отсюда ему был прекрасно виден задний двор Апслингеров. Двое полицейских снова пытались пробраться сюда. У одного шла кровь из разбитого носа.

Фредди, мне, наверное, придется убить одного из них. Иначе их не остановить.

Не надо, Джордж. Прошу тебя. Не надо.

Рукояткой «магнума» он высадил стекло, порезав при этом руку. Оглянувшись на шум, они заметили его и мгновенно открыли огонь. Стреляя в ответ, он увидел, что две из его пуль пробили здоровенные дыры в новенькой алюминиевой обшивке дома Уилбура (интересно, выплатили ли ему власти компенсацию?), и тут же услышал глухой стук, с которым пули проникали в стену уже его дома — под окном и по обеим сторонам от него. Одна срикошетила от подоконника, и в лицо ему полетели щепки. Он ожидал, что в любую секунду пуля разнесет ему череп. Трудно было судить, сколько продолжалась эта перестрелка. Вдруг один из его противников вскрикнул и схватился за локоть. Пистолет выпал из его руки, как у ребенка, которому надоела дурацкая игра. Держась за локоть, он согнулся и забегал по кругу. Его товарищ схватил раненого за плечи и потащил к машине.

Он снова опустился на четвереньки, вернулся к перевернутому креслу и осторожно выглянул. Так, еще два полицейских автомобиля, по одному с каждой стороны улицы. Восемь свежих копов, пригнувшись, побежали к зеленому седану и полицейскому автомобилю с пробитым колесом.

Он пополз в прихожую. Огонь усилился и стал почти ураганным. Он понимал, что должен взять ружье и подняться

на второй этаж — оттуда стрелять будет удобнее. Возможно, ему даже удастся выбить их из укрытия и заставить отступить к домам на противоположной стороне улицы. Но он боялся оставить аккумулятор. Тем более что вот-вот должны были подоспеть телевизионщики.

Входная дверь была уже вся изрешечена пулями, коричневая обшивка висела клочьями, обнажая под собой деревянную раму. Он прополз в кухню. Все окна здесь были разбиты, а пол усеян стеклом. Шальная пуля сшибла с плиты кофейник, который теперь валялся на полу в луже коричневой жижи.

Присев под подоконником, он затем резко выпрямился и разрядил «магнум» в машины, стоявшие в тупичке. Пальба по кухне мигом усилилась. Две дырки появились в эмалированной дверце холодильника, а еще одна пуля угодила в бутылку «Южного комфорта» на столе. Бутылка со звоном разлетелась, обдав его дождем осколков и южного гостеприимства.

Передвигаясь на четвереньках в гостиную, он вдруг почувствовал, как ляжку чуть пониже ягодицы что-то резко обожгло; словно оса ужалила. Прикоснувшись к пострадавшему месту рукой, он отнял пальцы и увидел, что они обагрены кровью.

Заняв свой пост за перевернутым креслом, он вновь перезарядил «магнум». Затем перезарядил «уэзерби». Приподнял было голову, но тут же поспешил укрыться, ошеломленный градом обрушившихся на него выстрелов. Пули впивались в диван, в стены, в телевизор... Собравшись с духом, он выглянул на улицу и быстро пальнул по полицейским машинам. Высадил ветровое стекло. И вдруг увидел...

Два приближающихся с конца улицы белых фургончика, на боках которых крупными синими буквами было выведено:

СЛУЖБА НОВОСТЕЙ
КАНАЛ 9

Тяжело дыша, он снова прополз к окну за телевизором и, осторожно выглянув, посмотрел в сторону дома Апслингеров. Телефургоны медленно и как-то неуверенно тащились по Крестоллен-стрит. Внезапно, визжа тормозами, им преградила путь выскочившая из-за угла полицейская машина. Из кабины показалась рука в синей форме, она принялась требовательно махать, прогоняя репортеров.

Пуля чиркнула об оконную раму и, срикошетив, влетела в комнату. Он снова укрылся за перевернутым креслом. Затем, сжимая в окровавленной правой руке «магнум», громко крикнул:

— *Феннер!*

Огонь чуть поутих.

— *Феннер!* — снова завопил он.

— Не стреляйте! — услышал он голос Феннера. — *Прекратите стрельбу! Остановитесь же!*

Послышалось еще несколько хлопков, затем воцарилась тишина.

— *Что вы хотите?* — крикнул Феннер.

— *Там люди с телевидения подъехали! За полицейскими машинами! Я хочу поговорить с ними!*

Воцарилась долгая пауза.

— *Нет!* — крикнул наконец Феннер.

— *Если мне позволят побеседовать с ними, я перестану стрелять!*

И это чистая правда, подумал он, глядя на аккумуляторную батарею.

— *Нет!* — снова раздался крик Феннера.

Скотина, беспомощно подумал он. Неужто это тебе так важно? Тебе, и Орднеру, и всем остальным мерзавцам?

Стрельба возобновилась; поначалу в виде разрозненных выстрелов, а затем началась настоящая канонада. И вдруг он глазам своим не поверил: по улице бежал, держа в руках портативную телекамеру, человек в клетчатой рубашке и синих джинсах.

— Я все слышал! — прокричал он. — Я каждое слово слышал! Он предложил прекратить стрелять, а вы...

Подскочивший полицейский наотмашь ударил его по лицу, и человек в клетчатой рубашке навзничь опрокинулся прямо на тротуар. Камера отлетела в сторону, а секунду спустя разлетелась вдребезги после трех метких выстрелов. Из ее чрева вывалилась искореженная бобина с пленкой. И тут же возобновился огонь.

— *Феннер, пусть они пропустят телерепортеров!* — завопил он. Горло саднило с непривычки, перетруженные мышцы мучительно ныли. Руку жгло, а от бедра распространялась вверх пульсирующая боль.

— *Сначала выходите сами!* — прокричал в ответ Феннер. — *Тогда и объяснитесь!*

От этой отъявленной лжи его захлестнула слепая ярость.

— *АХ ТЫ ГАДИНА! ДА У МЕНЯ ЗДЕСЬ НАСТОЯЩАЯ ПУШКА! СЕЙЧАС Я НАЧНУ СТРЕЛЯТЬ ПО БЕНЗОБАКАМ, И ВОТ ТОГДА ВЫ У МЕНЯ ПОПЛЯШЕТЕ!*

Тишина. Ага, проняло!

Вновь голос Феннера. Уже осторожный и вкрадчивый:

— Чего вы добиваетесь?

— Пропустите сюда этого телерепортера! И пусть телевидение развернется для съемки!

— *Это исключено! Чтобы вы взяли заложника и продержали тут нас целый день?*

Один из полицейских, согнувшись в три погибели, быстро перебежал к зеленому седану и скрылся за ним. Похоже, там держали совет.

Вскоре уже другой голос прокричал:

— *Слушай, парень, твой дом окружен со всех сторон! У нас здесь тридцать вооруженных людей! Выходи с поднятыми руками, или я начинаю штурм!*

Что ж, пора открыть козырную карту.

— *Не советую!* — крикнул в ответ он. — *Весь дом начинен взрывчаткой! Вот, взгляните!*

И он приподнял над подоконником руку с красным «крокодильчиком».

— Видите?

— *Вы блефуете!* — последовал самоуверенный ответ.

— *Стоит мне присоединить эту штуковину к контакту автомобильного аккумулятора, который стоит рядом, и все тут взлетит к чертям на воздух!*

Молчание. Наверное, опять советуются.

— Эй! — послышался чей-то возглас. — Задержите его!

Он высунулся из-за своего укрытия и увидел, как парень в клетчатой рубашке и в синих джинсах, даже не пригибаясь, бежит по улице; либо свято уверенный в своей профессиональной неприкосновенности, либо просто чокнутый. Длинные черные волосы доставали почти до плеч, а над верхней губой темнела полоска усиков.

Двое полицейских рванулись было наперехват, но он пальнул поверх их голов, и они резво скакнули назад, за машину.

— Черт, во облажались-то! — недовольно выкрикнул кто-то.

Клетчатый журналист уже подбегал к его дому, взрывая ногами снег...

В этот миг что-то просвистело над ухом, и он понял, что уже с минуту самым неосторожным образом подставляется под пули. Дверную ручку затрясли, а потом в дверь забарабанили. Он прокрался по усыпанному штукатуркой и стеклом полу в прихожую. Нога почти онемела, а штанина была окровавлена сверху до самого колена. Повернув ключ в замке, он одновременно отодвинул задвижку.

— Входите! — пригласил он, и человек в клетчатой рубашке влетел в прихожую.

Дышал парень тяжело, но вовсе не выглядел напуганным. На щеке багровела царапина, а левый рукав рубашки был разорван до самого локтя.

Заперев дверь, он поспешно вернулся в гостиную и, подобрав ружье, дважды выстрелил вслепую, не целясь. Затем повернулся. Усатый репортер стоял в дверном проеме, с лю-

бопытством поглядывая на него. Он казался поразительно спокойным. Вынул из кармана блокнот и раскрыл.

— Что за чертовщина тут происходит? — спросил он. — Выкладывайте.

— Как вас зовут?

— Дейв Альберт.

— В вашем фургончике еще осталась аппаратура для съемки?

— Да.

— Подойдите к окну. Скажите, чтобы полицейские позволили вашим ребятам установить камеры у дома напротив. Скажите, что если через пять минут это условие не выполнят, то вам не поздоровится.

— А это и правда так?

— Да.

Альберт рассмеялся:

— Что-то, глядя на вас, мне в это не слишком верится.

— Делайте что вам сказано.

Дейв Альберт, осторожно ступая, пробрался к разбитому окну гостиной и несколько мгновений просто постоял перед ним, явно наслаждаясь необычностью ситуации.

— *Он велел пропустить мою команду со всем съемочным оборудованием к дому напротив!* — прокричал он. — *В противном случае прикончит меня прямо на месте!*

— *Нет!* — в ярости заорал Феннер. — *Нет, нет...*

Кто-то зажал ему рот. Воцарилась тишина.

— Хорошо! — прогремел тот самый голос, который еще недавно уверял, что дом окружен. — Вы разрешите, чтобы двое моих людей привели их?

Чуть подумав, он кивнул.

— *Да!* — крикнул Альберт.

Несколько секунд спустя двое полицейских побежали трусцой к съемочным фургончикам, которые поджидали с заведенными моторами. Тем временем полицейские получили подкрепление — к ним подкатили еще две патрульные машины. Высунувшись чуть подальше, он увидел, что въезд

на Крестоллен-стрит перекрыт. За желтыми барьерами собралась изрядная толпа.

— Порядок, — уверил его Альберт, усаживаясь. — У нас есть пара минут. Что вы требуете? Самолет?

— Самолет? — тупо переспросил он.

Альберт замахал руками, изображая крылья.

— Ну вы же, наверное, смыться собираетесь? Улететь?

— А-а-а, — протянул он, понимающе кивая. — Нет, самолет мне не нужен.

— Тогда что вы требуете? Вы ведь чего-то хотите?

— Я хочу, — произнес он, осторожно подбирая слова, — снова стать двадцатилетним, чтобы заново принять кое-какие важные решения. — Увидев выражение глаз Альберта, он поспешно добавил: — Я понимаю, что это невозможно. Я еще не настолько свихнулся.

— Вы ранены?

— Да.

— Вот это и есть то самое взрывное устройство? — спросил журналист, указывая на батарею с проводами.

— Да. Я заминировал все комнаты в доме. А также гараж.

— А где вы взяли взрывчатку? — Голос Альберта звучал доброжелательно, но взгляд был настороженным.

— Нашел под рождественской елкой.

Репортер расхохотался.

— Недурно. Это я непременно упомяну.

— Прекрасно. Когда покинете мой дом, скажите полицейским, чтобы отошли подальше.

— Как, вы и правда собираетесь подорваться? — спросил Альберт. В голосе его прозвучал лишь профессиональный интерес, больше ничего.

— Я вполне это допускаю.

— Знаете что, приятель? По-моему, вы насмотрелись разных боевиков.

— Я уже давно не хожу в кино. В последнее время посмотрел только «Изгоняющего дьявола». И очень жалею об этом. Ну как там ваша команда?

Альберт выглянул в окно.

— Нормально. У нас есть еще минута. Ваша фамилия Доус?

— Это они вам сказали?

Альберт презрительно фыркнул:

— Они не скажут мне даже, зима сейчас или лето. Нет, я прочитал на дверной табличке. Может, объясните, зачем вы все это устроили?

— Пожалуйста. Все из-за этой дороги. — Он кивнул в сторону магистрали.

— А, из-за этой... — Глаза Альберта заблестели. Он лихорадочно застрочил в блокноте.

— Да.

— Они отняли у вас дом?

— Попытались. Я заберу его с собой.

Альберт записал его слова, затем захлопнул блокнот и запихнул его в задний карман джинсов.

— Все это страшно глупо, мистер Доус. Вы уж извините, что я вам прямо так говорю. Может, все-таки выйдете вместе со мной?

— Вы уже получили свое эксклюзивное интервью, — устало произнес он. — Чего вы еще добиваетесь? Пулитцеровской премии?

— Если дадут, не откажусь. — Альберт ухмыльнулся, но тут же посерьезнел. — Послушайте меня, мистер Доус. Выходите вместе со мной. Я прослежу, чтобы вас выслушали. Обещаю вам...

— Мне не о чем с ними говорить.

Альберт нахмурился:

— Что вы сказали?

— Я сказал, что не собираюсь с ними объясняться. — Он посмотрел на телекамеру, установленную на треноге на лужайке перед домом Куинна. — Теперь ступайте. Передайте, чтобы все отошли подальше.

— Так вы и впрямь решили подорваться?

— Еще не знаю.

Стоя в дверном проеме гостиной, Альберт обернулся:

— Скажите, я не мог вас где-нибудь видеть? У меня такое ощущение, будто я вас знаю.

Он помотал головой. Он был уверен, что видит Дейва Альберта впервые.

Проводив взглядом тележурналиста, вышедшего из дома слегка под углом к камере, чтобы его было лучше видно, он вдруг попытался представить, что сейчас может делать Оливия.

Он прождал четверть часа. Обстрел вновь усилился, но брать дом штурмом никто пока не спешил. Похоже, огонь велся в основном для того, чтобы прикрыть отступление главных сил к домам на противоположной стороне улицы. А вот телевизионщики оставались на местах, бесстрастно запечатлевая все происходящее.

Вдруг в воздухе с шипением промелькнуло нечто похожее на черную трубку. Приземлившись на заснеженном газоне между его домом и тротуаром, трубка принялась изрыгать из своего чрева какой-то газ. Ветер относил его в сторону. Вторая граната тоже не долетела, а вот третья угодила в крышу и скатилась на карниз, на занесенные снегом бегонии, которые так старательно выращивала Мэри. Почти в тот же миг он почувствовал легкую резь и жжение в глазах; их тут же заволокло слезами.

Он суетливо опустился на четвереньки и пополз по гостиной, надеясь, что Альберт не переврал его слова. Этот мир был вообще начисто лишен всякого смысла. Взять, например, Джонни Уокера, который умер, угодив в нелепейшую аварию. Или женщину, которая скончалась в супермаркете прямо у него на глазах. Все мыслимые экстазы и прочие удовольствия, вместе взятые, не шли ни в какое сравнение с каждодневными болью и горестями.

Он включил проигрыватель, который пока каким-то чудом остался цел. Пластинка «Роллинг Стоунз» была на месте, и он запустил самую последнюю песню, сначала не по-

пав на нужную дорожку, потому что в стену угодила очередная пуля и рука его дернулась. Однако со следующей попытки ему удалось поставить нужную песню. «Человека-обезьяну». Проковыляв до перевернутого кресла, он подобрал ружье и выбросил его в окно. Тут же в гостиную влетела граната со слезоточивым газом; врезавшись в стену над диваном, она взорвалась белым дымом.

Ты только попробуй, и — может статься,
Что ты получишь то, что хотел.

Посмотрим, Фред, так ли это. Он стиснул в ладони красного «крокодильчика». Посмотрим, удастся ли мне получить то, что я хочу.

— Ну ладно, — прошептал он, присоединяя красный зажим к «минусу» аккумулятора.

Он зажмурился. Напоследок в голове у него мелькнуло, что мир взрывается не снаружи, а внутри его и эпицентр этого зловещего и всеразрушающего взрыва не крупнее самого обычного грецкого ореха.

И все стало белым-бело...

Эпилог

За репортаж «Последний бой Доуса» в вечернем выпуске последних известий и за последующую через три недели получасовую программу команда «Теленовостей» канала 9 была удостоена Пулитцеровской премии. Программа называлась «Дорожные работы», в ней пытались проанализировать то, насколько необходимо — точнее, нужно ли вообще — продолжение автомагистрали номер 784. Авторы программы подчеркнули, что основная причина строительства магистрали заключалась вовсе не в том, чтобы решить транспортные проблемы города, а имела куда более прозаическую подоплеку. Просто муниципалитет должен был проложить определенное количество миль дорожного полотна, в противном случае терялось центральное бюджетное финансирование на все виды дорожных работ, касающихся федеральных магистралей. И город выбрал строительство дороги. В программе также обратили внимание на то, что городские власти начали преследование вдовы Бартона Джорджа Доуса, пытаясь вытребовать у нее выплаченные за дом деньги. В ответ поднялась такая волна возмущения, что муниципалитет быстро отказался от своего иска.

Агентство Ассошиэйтед Пресс передало фотографии с места взрыва по всем своим каналам, поэтому большинство американских газет на следующий день опубликовало их. В Лас-Вегасе одна молодая девушка, которая только что по-

ступила в дорогую школу бизнеса, увидела их во время перерыва на ленч и упала в обморок.

Несмотря на все эти события, строительство магистрали продолжалось и было завершено через полтора года, с опережением графика. К тому времени большинство людей уже забыли про программу «Дорожные работы», а Дэвид Альберт и другие лауреаты Пулитцеровской премии уже давно занимались совсем другими делами. Но люди, которые в тот зябкий январский день следили за прямой трансляцией с Крестоллен-стрит, запомнили увиденное навсегда; оно не стерлось из их памяти даже после того, как забылись основные сопутствующие факты.

А на картинке телекамеры тогда можно было долго наблюдать за самым обычным двухэтажным домом. Скромным особнячком с заасфальтированной подъездной аллеей и гаражом на одну машину. Вполне милым, но совершенно ничем не примечательным домом. Совсем не таким, на который можно обратить внимание, проезжая мимо на машине. Единственное, что его отличало, — это разбитое окно гостиной. И вот на глазах у прильнувших к экранам телезрителей из окна вылетели ружье и пистолет. Упали в снег. На какую-то долю секунды удалось разглядеть руку человека, выбросившего оружие; это просто рука с растопыренными пальцами, напоминающая руку тонущего. Видно, что внутри дома клубился белый дым — слезоточивый газ или нечто в этом роде. В следующий миг полыхнуло чудовищное оранжевое пламя, а стены дома на мгновение гротескно выгнулись, раздувшись в огромный шар, и прогремел ужасающий взрыв; даже камера содрогнулась, словно от испуга. Гараж смело почти мгновенно, точно его и не было. В какой-то миг показалось (при замедленном повторе видно, что это мимолетное впечатление было правильным), что крыша дома взмыла вверх, словно космическая ракета. А в следующую секунду разлетелось на куски и все остальное — из гигантского облака на землю дождем посыпались щепки и осколки; лишь

нечто, напоминающее клетчатый плед, лениво парило в воздухе, словно ковер-самолет, пока на землю с дробным стуком шлепались мириады обломков.

И — наступила тишина.

Затем экран заполнило искаженное гримасой ужаса, заплаканное лицо Мэри Доус; она невидящим взором смотрела на лес микрофонов, которые, отталкивая друг друга, подсовывали ей назойливые репортеры, а мы тем временем вновь возвращались к утраченной было обычной суетной реальности.

ДОЛГАЯ ПРОГУЛКА

Эта книга посвящается Джиму Бишопу,
Берту Хэтлену и Теду Холмсу

Для меня не было во Вселенной ни Жизни, ни Цели, ни Воли, ни даже Враждебности; вся она была одной огромной, мертвой, безмерной Паровой Машиной, что с мертвым безразличием катится вперед, чтобы уничтожить меня. О бескрайняя, печальная, пустынная Голгофа, о Мельница Смерти! Почему послан туда Живой, наделенный сознанием, в полном одиночестве? Почему — ведь Дьявола нет? Его нет, если только Дьявол не есть твой Бог.

Томас Карлайл

Я советовал бы всем американцам ходить пешком как можно чаще. Ходьба не только полезна для здоровья; она — удовольствие.

Джон Ф. Кеннеди (1962)

Не работает насос —
Управляли им вандалы.

Боб Дилан

Часть первая
НА СТАРТ

Глава 1

Скажи тайное слово и выиграй сотню долларов.
Джордж?.. Ты здесь, Джордж?
Джордж, кто выходит на старт первым?

Граучо Маркс
«Жизнь на карту»

В то утро на охраняемую автостоянку подъехал старенький синий «форд», похожий на маленькую измученную собачку, которой пришлось очень долго бежать. Один из охранников, скучающий молодой человек в форме цвета хаки, подпоясанный солдатским ремнем, спросил удостоверение личности — синюю пластиковую карточку. Сидевший на заднем сиденье юноша протянул ее матери, а та передала карточку охраннику. Охранник вставил ее в прорезь электронной машины, смотревшейся дико и неуместно посреди сельского однообразия. На мониторе машины высветились строчки:

ГАРРАТИ РЕЙМОНД ДЕЙВИС
ШОССЕ 1 ПАУНАЛ ШТАТ МЭН
ОКРУГ АНДРОСКОГГИН
№ УДОСТОВЕРЕНИЯ 49-801-89
ОК-ОК-ОК

Охранник нажал на кнопку, и буквы исчезли, зеленоватый экран монитора вновь стал ровным и пустым. Взмахом руки охранник предложил «форду» въехать на стоянку.

— Что, они не отдают карточку? — спросила миссис Гаррати. — Разве они не...

— Нет, мама, — терпеливо отозвался Гаррати.

— Как хочешь, мне это не нравится, — заметила миссис Гаррати, выруливая на свободное место. Эту фразу она постоянно повторяла начиная с двух часов ночи, когда они с сыном отправились в путь. Собственно, она не говорила, а стонала.

— Не волнуйся, — пробормотал он, не слыша собственного голоса. Ему нужно было как следует оглядеться, а кроме того, его переполняло ожидание, смешанное со страхом. Он выскочил из машины едва ли не раньше, чем стих последний астматический вздох двигателя. Высокий, хорошо сложенный парень в выгоревшей армейской куртке.

Весна. Утренний холодок. Восемь часов.

Мать — тоже высокая, но чересчур худая. Грудь, можно сказать, отсутствует; легкий намек на выпуклость. Глаза бегают, взгляд неуверенный, растерянный. Лицо очень больной женщины. Стального оттенка волосы растрепались, несмотря на сложную систему заколок. Одежда висит на ней мешком, как будто она недавно сильно похудела.

— Рей, — прошептала она заговорщицки; этот тон он с некоторых пор ненавидел. — Рей, послушай...

Он кивнул и сделал вид, что поправляет складки на куртке. Один из охранников ел кукурузные хлопья из жестяной банки и просматривал книжку комиксов. Гаррати смотрел на него и его книжку и в тысячный раз повторял про себя: «Все это действительно случилось». И впервые эта мысль показалась ему не слишком тяжелой.

— Еще не поздно передумать...

Страх ожидания мгновенно вернулся к нему.

— Нет, уже поздно, — возразил он. — Вчера был последний день.

Все тот же ненавистный конспираторский шепот:

— Они поймут, я знаю. Главный...

— Главный... — начал Гаррати и вдруг умолк, увидев, как содрогнулась мать. — Мама, ты знаешь, как поступит Главный.

Еще одна машина остановилась у ворот и въехала на стоянку после положенного мини-ритуала. Из нее выбрался темноволосый молодой парень, за ним — его родители. Все трое постояли около машины, о чем-то совещаясь, как бейсболисты, чья команда оказалась в трудном положении. На спине у темноволосого был легкий рюкзак, популярный среди юношей его возраста. Гаррати подумал, что, возможно, совершил глупость, не взяв с собой рюкзак.

— Так ты не передумаешь?

Чувство вины; чувство вины, скрытое под личиной волнения. Хотя Рею Гаррати исполнилось всего шестнадцать лет, он представлял себе, что такое чувство вины. Миссис Гаррати чувствовала, что она слишком устала, слишком измучена, может быть, слишком поглощена старым горем, чтобы погасить порыв сына в зародыше, погасить прежде, чем вспыхнули экраны компьютеров, явились солдаты в форме цвета хаки и бесчувственная машина государственного подавления начала привязывать к себе ее сына все больше и больше с каждым днем. Вчера же дверь, отгородившая его от мира, с лязгом захлопнулась окончательно.

Он тронул ее за плечо:

— Мама, это моя инициатива. Не твоя, я знаю. Я... — Он осмотрелся. Ни один человек вокруг не обращал на них ни малейшего внимания. — Я люблю тебя, но в любом случае это лучший выход.

— Неправда, — возразила она, едва сдерживая слезы. — Это не лучший выход, Рей, и если бы твой отец был здесь, то он бы остановил...

— Но его с нами нет. — Он говорил намеренно жестко, надеясь не дать ей расплакаться... Что, если придется оттаскивать ее силой? Эта мысль отрезвила его, и он добавил уже более мягко: — Теперь пойдем, мама. Идем? — Он заставил себя улыбнуться и ответил за нее сам: — Идем.

У нее дрожал подбородок, но она кивнула. Она не согласна, но уже поздно. Делать нечего.

Ветки сосен шелестят на ветру. Над головой — чистое голубое небо. А впереди дорога, и на ней — каменный столб, означающий границу между Штатами и Канадой. Внезапно его страх отступил перед ожиданием будущего, и он ощутил желание двигаться вперед.

— Вот, я приготовила. Ты возьмешь? Оно ведь не очень тяжелое. — Мать протянула ему завернутый в фольгу пакет печенья.

— Да-да. — Он взял печенье и неловко обнял ее, рассчитывая дать ей то, в чем она нуждалась. Поцеловал в щеку. Кожа у нее как задубевший шелк. Он сам сейчас мог бы расплакаться. Но ему представилось улыбающееся усатое лицо Главного, и он отступил на шаг, засунув сверток с печеньем в карман куртки. — До свидания, мама.

— До свидания. Будь умницей.

Она вдруг показалась ему почему-то очень легкой, как будто ее, как парашютик одуванчика, занесло сюда утренним ветром. Потом она села в машину и включила зажигание. Гаррати стоял и смотрел на нее. Она помахала ему рукой. По ее щекам теперь действительно текли слезы. Он видел это. И помахал в ответ. Она отъехала, а он стоял неподвижно, думая о том, каким красивым, храбрым и стойким, наверное, выглядит. Но вот машина выехала со стоянки, и на него накатило ощущение одиночества. Теперь он был всего лишь шестнадцатилетним мальчиком, всеми покинутым в незнакомом месте.

Он снова взглянул на дорогу. Там стоял темноволосый парнишка и смотрел, как отъезжают со стоянки его родные. На одной щеке у него красовался большой шрам. Гаррати подошел к нему и сказал:

— Привет.

Темноволосый окинул его взглядом и ответил:

— Здорово.

— Меня зовут Рей Гаррати, — сказал Гаррати и слегка смутился.

— Питер Макврайс.

— Уже готов? — спросил Гаррати.

Макврайс пожал плечами:

— Рвусь в бой. Это хуже всего.

Гаррати кивнул.

Они вдвоем дошли до дороги, до пересекающей ее каменной черты. Они слышали, как за их спинами отъезжают другие машины. Вскрикнула какая-то женщина. Гаррати и Макврайс бессознательно придвинулись друг к другу. Ни тот ни другой не оглядывались. Перед ними лежала широкая черная дорога.

— К полудню асфальт раскалится, — заметил Макврайс. — Лично я буду держаться поближе к обочине.

Гаррати кивнул. Макврайс задумчиво посмотрел на него:

— Какой у тебя вес?

— Сто шестьдесят.

— У меня сто шестьдесят семь. Говорят, быстрее устает тот, кто тяжелее, хотя я, по-моему, в неплохой форме.

Гаррати показалось, что Макврайс не просто в неплохой форме — он поразительно натренирован. Гаррати уже хотел спросить, кто это говорит, будто большой вес способствует быстрой усталости, но передумал. С Прогулкой связано множество апокрифов, суеверий, мифов.

Рядом в тени сидели еще двое мальчиков. Макврайс присел рядом с ними, а через секунду около него опустился и Гаррати. Макврайс как будто совершенно не замечал его. Гаррати взглянул на часы. Пять минут девятого. Впереди пятьдесят пять минут. Вернулось чувство нетерпеливого предвкушения; Гаррати попытался подавить его, говоря себе, что нужно просто посидеть, пока есть возможность.

Все ребята сидели — группами и поодиночке. Один забрался на нижнюю ветку сосны, нависшую над дорогой, и жевал сандвич с чем-то вроде мармелада. Костлявый блондин в темно-красных штанах и старой, протертой на локтях зеленой кофте на «молнии». Под кофтой на нем была

синяя, прошитая серебристыми нитями льняная рубашка. Гаррати спросил себя — долго выдержат тощие или быстро сгорят.

Двое парней, к которым подсели они с Маквайсом, разговаривали друг с другом.

— Я не буду торопиться, — сказал один. — Чего ради? Если и получу предупреждение, так что с того? Подтвердил, что понял, и все. Подтверждение — вот главное слово. Вспомни, где ты об этом впервые услышал?

Он осмотрелся по сторонам и заметил Гаррати и Маквайса.

— А, вот и еще ягнята на бойню явились. Меня зовут Хэнк Олсон. Для меня Прогулка — игра, — добавил он без тени улыбки.

Гаррати назвал себя. Маквайс, все еще глядя на дорогу, также рассеянно представился.

— Меня зовут Арт Бейкер, — произнес второй парень. В его речи чувствовался легкий южный акцент.

Все четверо обменялись рукопожатиями.

Помолчав, Маквайс сказал:

— Страшновато, да?

Двое кивнули, а Хэнк Олсон пожал плечами и усмехнулся. Гаррати увидел, как мальчишка на сосне доел сандвич, скомкал лист промасленной бумаги, в которую был завернут его завтрак, и швырнул его через плечо. Этот быстро сгорит, подумал Гаррати. От этой мысли ему стало чуточку легче.

— Видите пятно возле той черты? — неожиданно спросил Олсон.

Все посмотрели в ту сторону. Тени слегка плясали на дороге благодаря утреннему ветру. Гаррати не мог понять, видит он что-нибудь или нет.

— Оно осталось от Долгой Прогулки позапрошлого года, — с довольной улыбкой сказал Олсон. — Пацан настолько перепугался, что просто-таки окоченел на месте в девять часов.

Все молча подумали об ужасе, сковавшем того пацана.

— Ну, не мог двигаться. Получил три предупреждения, и в девять ноль две утра ему выдали билет — прямо тут, у линии старта.

Гаррати подумал: не окоченеют ли ноги у него самого. Скорее — нет, но ничего нельзя сказать наверняка, пока не придет время. Ужасная мысль. Интересно, зачем Хэнку Олсону понадобилось заговаривать о таких страшных вещах?

Вдруг Арт Бейкер выпрямился:

— Он едет.

Возле каменной черты остановился серовато-коричневый джип. За ним на значительно более медленной скорости следовал необычного вида полугрузовой автомобиль, оснащенный спереди и сзади маленькими, словно игрушечными, тарелками радарных установок. На крыше кузова расположились двое солдат с крупнокалиберными армейскими карабинами. При виде их Гаррати ощутил холодок в животе.

Кое-кто из собравшихся вскочил на ноги при виде новоприбывших, но Гаррати остался сидеть. Так же поступили Олсон и Бейкер, а Макврайс, по-видимому, вновь погрузился в свои мысли, едва взглянув на приближающиеся машины. Костлявый парень, сидящий на ветке сосны, лениво болтал ногами.

Из джипа вышел сам Главный, высокий загорелый мужчина. Его простой костюм защитного цвета хорошо гармонировал с выдубленной на солнце кожей. Он был перепоясан армейским ремнем, за которым торчал пистолет, а глаза прятались за зеркальными очками. Поговаривали, что глаза Главного болезненно чувствительны к свету и он никогда не появляется на людях без темных очков.

— Ребята, садитесь, — сказал он. — Помните Совет Тринадцатый.

Совет Тринадцатый гласил: «Берегите энергию при любой возможности».

Все снова сели. Гаррати опять посмотрел на часы. Восемь шестнадцать. Вероятно, часы спешат на минуту. Главный никогда не опаздывает. Гаррати подумал, что надо бы перевести часы, но тут же забыл об этом намерении.

— Я не собираюсь произносить речь, — сказал Главный, обводя всех взглядом пустых линз, скрывавших его глаза. — Хочу только поздравить находящегося среди вас победителя и выразить свое уважение проигравшим.

Он повернул голову к джипу. Наступила напряженная тишина. Гаррати вдохнул свежий весенний воздух. День будет теплый. Хорошая погода для ходьбы.

Главный снова повернулся к ним. В руках у него теперь была папка.

— Прошу вас сделать шаг вперед и получить номер, когда я назову ваше имя. После этого возвращайтесь на место и оставайтесь там, пока не придет время старта. Пожалуйста, будьте внимательны.

— Теперь мы в армии, — с ухмылкой пробормотал Олсон, но Гаррати не обратил на него внимания. Главным нельзя было не восхищаться. Отец Гаррати — еще до того, как его увели солдаты Взвода, — любил повторять, что Главный — это самое свирепое и опасное страшилище, какое мог породить род людской, что общество напрасно поддерживает этого человеконенавистника. Но сам Гаррати никогда не видел Главного собственными глазами.

— Ааронсон.

Приземистый, коренастый и загорелый деревенский парень неловко шагнул вперед, явно напуганный присутствием Главного. Он получил большую пластиковую цифру «1» и прикрепил ее на рубаху при помощи липучки. Главный хлопнул его по спине.

— Абрахам.

Высокий рыжеватый парень в теннисной майке и джинсах. Его пиджак был подпоясан на школьный манер, и полы отчаянно хлопали по бедрам. Олсон подавил смешок.

— Бейкер, Артур.

— Это я, — сказал Бейкер и поднялся. Его обманчиво ленивые движения встревожили Гаррати. Бейкер — крепкий парень. Бейкер должен продержаться долго.

Бейкер вернулся. Он уже прикрепил номер 3 к рубашке на правой стороне груди.

— Он тебе что-то сказал? — спросил Гаррати.

— Спросил, не стало ли мне в последнее время жарковато дома, — застенчиво ответил Бейкер. — Ну да, Главный... со мной поговорил.

— Здесь-то будет еще жарче, — хрипло заметил Олсон.

— Бейкер, Джеймс, — вызвал Главный.

Церемония продолжалась без заминок до восьми сорока. Неявившихся не было. С автостоянки опять стал доноситься шум моторов отъезжающих машин — ребята из списка запасных отправлялись домой, чтобы наблюдать за Долгой Прогулкой по телевизору. Началось, подумал Гаррати, теперь уже началось.

Когда очередь дошла до него, Главный вручил ему номер 47 и пожелал удачи. Вблизи Гаррати почувствовал исходящий от Главного запах мужчины, запах какой-то подавляющей силы. У него внезапно возникло почти непреодолимое желание дотронуться до бедра этого человека, чтобы убедиться, что Главный реален.

Питер Макврайс оказался шестьдесят первым. Хэнк Олсон — семидесятым. Он простоял рядом с Главным дольше прочих. В ответ на какие-то его слова Главный рассмеялся и хлопнул Олсона по спине.

— Я сказал — надеюсь, он мне подкинет деньжат, когда придет время, — сказал Олсон, вернувшись на свое место. — А он говорит: а ты заставь их поработать. Говорит, ему нравится видеть крутых ребят. Вот, мол, и заставь их попотеть, устрой им ад, парень.

— Нормально, — заметил Макврайс и подмигнул Гаррати. Гаррати не понял, что означает это подмигивание. Может, Макврайс смеется над Олсоном?

Выяснилось, что фамилия сидевшего на дереве костлявого парня — Стеббинс. Он подошел к Главному опустив голову, получил номер, не произнес ни слова, вернулся к дереву

и уселся на землю, прислонясь к стволу. Чем-то этот мальчишка привлекал Гаррати.

Номер 100 достался крупному энергичному парню с огненно-рыжими, как жерло вулкана, волосами. Его фамилия — Зак. Когда он получил номер, все уселись и принялись ждать, что будет дальше.

А дальше трое солдат, приехавших в автофургоне, раздали всем широкие пояса с укрепленными на них большими карманами на защелках. В карманах лежали тюбики с высококалорийными концентратами. Другие солдаты принесли фляги. Ребята застегнули ремни и закрепили на них фляги. Олсон подпоясался на ковбойский манер, извлек плитку шоколада «Уэйфа» и откусил от нее.

— Неплохо, — заметил он ухмыляясь. Затем сделал глоток из фляги и прополоскал рот. Гаррати не мог понять, что означает поведение Олсона: просто ли он бравирует, или ему известно нечто такое, чего не знает сам Гаррати.

Главный пристально оглядел их. Часы Гаррати показывали 8:56 — как, неужели уже так поздно? В желудке остро заныло.

— Ну ладно, ребята, давайте стройтесь по десять человек. В любом порядке. Хотите — становитесь рядом с друзьями.

Гаррати поднялся. Казалось, все тело онемело и утратило реальность. Оно словно больше не принадлежало ему.

— Ладно, пошли, — послышался рядом голос Макврайса. — Всем удачи.

— Удачи вам, — неожиданно для самого себя отозвался Гаррати.

— Что с моей дурацкой башкой? — воскликнул Макврайс.

Он вдруг побледнел, на лбу у него выступил пот, и он уже не выглядел таким великолепно тренированным спортсменом, каким показался Гаррати совсем недавно. Он пытался улыбнуться, но у него ничего не выходило. Шрам на щеке походил на какой-то безобразный знак препинания.

Стеббинс поднялся на ноги и легкой походкой подошел к последнему, десятому ряду строя. Олсон, Бейкер, Макврайс и Гаррати заняли места в третьей шеренге. У Гаррати пересохло во рту. Не попить ли воды? Он решил — не стоит. Никогда прежде он так явственно не ощущал свои ноги. Возможно, он застынет и получит билет прямо на линии старта. Не исключено, что Стеббинс — тот, что в темно-красных штанах, тот, что жевал сандвич с мармеладом, — быстро сломается. Не исключено, что он сломается еще быстрее. Интересно, что он почувствует, если...

8:59 на часах.

Главный не отрываясь смотрел на карманный хронометр из нержавеющей стали. Он медленно поднял руку. Сотня мальчиков пожирала его глазами. Настала жуткая, глубочайшая тишина. Вселенская тишина.

Часы Гаррати уже показывали 9:00, но поднятая рука не двигалась.

Давай же! Чего же он *ждет?*

Ему хотелось выкрикнуть эти слова.

Потом он вспомнил, что его часы спешат на минуту — ведь по Главному можно сверять часы, он просто забыл.

Рука Главного резко опустилась.

— Удачи всем, — сказал он.

Лицо его оставалось непроницаемым, а глаза скрывались за зеркальными очками. Все равномерно, не толкаясь, двинулись вперед.

Двинулся и Гаррати. Он не застыл. И никто не застыл. Ноги его маршевым шагом ступили на каменную черту. Слева от него шел Макврайс, справа — Олсон. Топот шагающих ног был очень громким.

Вот оно, вот оно, вот оно.

Внезапно его охватило безумное желание остановиться. Просто чтобы посмотреть, насколько тут все серьезно. С негодованием и легким страхом он отогнал от себя эту мысль.

Они вышли из тени, и их осветило теплое весеннее солнце. Приятное ощущение. Гаррати расслабился, сунул руки в

карманы и спокойно зашагал в ногу с Маквайсом. Строй стал рассыпаться, каждый искал оптимальную для него скорость и ширину шага. Полугрузовой фургон грохотал по обочине; колеса поднимали клубы мелкой пыли. На крыше непрерывно вертелись маленькие блюдца-радары, передавая информацию о скорости каждого Идущего на мощный бортовой компьютер. Низшая допустимая скорость — ровно четыре мили в час*.

— Предупреждение! Предупреждение восемьдесят восьмому!

Гаррати вздрогнул и оглянулся. Это Стеббинсу. Стеббинс — восемьдесят восьмой. К Гаррати вдруг пришла уверенность, что Стеббинс получит билет раньше, чем стартовая черта пропадет из поля зрения.

— Неглупо. — Это Олсон.

— Что именно? — переспросил Гаррати. Каждое движение языка стоило ему усилий.

— Он получает предупреждение, пока еще свежий, и теперь будет чувствовать предел. И ничто его не колышет: если ты в течение часа не получаешь нового предупреждения, с тебя снимается одно из прежних. Сам знаешь.

— Знаю, конечно, — отозвался Гаррати. Об этом говорилось в своде правил. Они выносят три предупреждения. Если твоя скорость в четвертый раз упадет ниже четырех миль в час, тебя... в общем, тебя снимают с Прогулки. Но если после трех предупреждений ты будешь нормально идти три часа, солнце опять может сиять в твоей душе.

— Ну так и он знает, — сказал Олсон. — В десять ноль две у него никаких проблем.

Гаррати быстро шел вперед. Он отлично себя чувствовал. Когда Идущие взошли на вершину холма и начали спускаться в большую долину, где росли сосны, стартовая черта скрылась из виду. Справа и слева простирались квадратные свежевспаханные поля.

---

* Около 6,5 км в час. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Говорят, тут картофель растет, — сказал Макврайс.

— Да, лучший в мире, — машинально отозвался Гаррати.

— Ты что, из Мэна? — спросил Бейкер.

— Да, местный. — Он посмотрел вперед. Несколько ребят, шедших со скоростью, наверное, миль шесть в час, оторвались от основной группы. Двое из них были в одинаковых кожаных куртках с одинаковыми рисунками на спине — похоже на орла. Их пример подзадоривал, но Гаррати решил не торопиться. Совет Тринадцатый: «Берегите энергию при любой возможности».

— Трасса проходит вблизи твоего города? — спросил Макврайс.

— Милях в семи. Думаю, мама и моя девушка выйдут посмотреть на меня. — Он помолчал и нерешительно добавил: — Конечно, если я дотуда дойду.

— Елки-палки, да когда мы весь штат пройдем, отвалится не больше двадцати пяти! — воскликнул Олсон.

Все замолчали. Гаррати знал, что с дистанции сойдут больше двадцати пяти человек, но подозревал, что Олсон и сам об этом знает.

Еще двое получили предупреждения, и, несмотря на слова Олсона, сердце Гаррати каждый раз уходило в пятки.

Он оглянулся на Стеббинса. Тот по-прежнему держался в задних рядах и ел теперь новый сандвич с мармеладом. Из кармана его старой зеленой кофты торчал пакет с третьим сандвичем. Гаррати подумал, что эти сандвичи, должно быть, сделала мать Стеббинса, и вспомнил о печенье, которое ему дала мама — которое она всучила ему, словно отгоняя от него злых духов.

— Почему на старт Долгой Прогулки не пускают зрителей? — спросил Гаррати.

— Это отвлекает Идущих, — раздался в ответ резкий голос.

Гаррати повернул голову. С ним заговорил невысокий, темноволосый, очень собранный с виду мальчишка с номером 5 на вороте пиджака. Гаррати забыл его фамилию.

— Отвлекает? — переспросил он.

— Да. — Номер 5 пошел рядом с Гаррати. — Главный говорил, что самое важное в начале Долгой Прогулки — это сосредоточенность и спокойствие. — В задумчивости он прижал большой палец к кончику острого носа. На носу осталось ярко-красное пятно. — И я согласен. Возбуждение, толпы, телекамеры — это все потом. А сейчас нам одно нужно: сосредоточиться. — Его глубоко посаженные темно-коричневые глаза глянули на Гаррати, и он повторил: — Сосредоточиться.

— Лично я, — вмешался Олсон, — сосредоточен на том, чтобы вовремя поднимать ноги и опускать.

Пятый, судя по всему, обиделся.

— Необходимо успокоиться. Сосредоточиться на себе. И непременно нужен План. Кстати, меня зовут Гэри Баркович. Из Вашингтона, округ Колумбия.

— А я — Джон Картер, — сказал Олсон. — Моя родина — Барсум, планета Марс.

Баркович скривил губы в довольной ухмылке, которая, впрочем, тут же пропала.

— Я так скажу: есть часы — должна быть и кукушка, — заявил Олсон.

Однако Гаррати казалось, что Баркович мыслит весьма трезво, — казалось на протяжении следующих пяти минут, пока один из солдат не выкрикнул:

— Предупреждение! Предупреждение пятому!

— У меня камень в башмаке! — прошипел Баркович.

Солдат ничего не сказал. Он просто спрыгнул с фургона на обочину дороги как раз тогда, когда с ним поравнялся Баркович. В руке у него был хронометр из нержавеющей стали, совершенно такой же, как у Главного. Баркович остановился и снял башмак. Вытряс камешек. Его темное, напряженное, блестящее от пота лицо не дрогнуло, когда солдат объявил:

— Второе предупреждение пятому!

Баркович провел ладонью по затянутой в носок подошве.

— Ох-хо, — произнес Олсон. Все они уже обернулись и шагали теперь спиной вперед.

Стеббинс, все еще держась в арьергарде, прошел мимо Барковича, даже не взглянув на него. Баркович стоял в одиночестве чуть правее белой линии и завязывал башмак.

— Третье предупреждение пятому. Последнее.

В желудке у Гаррати перевернулся какой-то предмет — вроде липкого слизистого комка. Ему не хотелось смотреть, но и не смотреть он не мог. Не то чтобы он, идя спиной вперед, берег энергию при любой возможности, но он не мог не взглянуть. Он почти что чувствовал, как испаряются последние секунды Барковича.

— Ох, влип, по-моему, парень, — сказал Олсон. — Сейчас билет получит.

Но Баркович уже выпрямился. Он еще помедлил, чтобы отряхнуть с колен дорожную пыль, а потом затрусил вперед, нагнал основную группу и перешел на ровный шаг. Он обошел Стеббинса, который так и не взглянул на него, и поравнялся с Олсоном.

Баркович улыбнулся, его карие глаза сверкнули.

— Видел? Зато я получил передышку. Это входило в мой План.

— Может, ты так и думаешь, — возразил Олсон — громче, чем обычно. — Я только знаю, что у тебя теперь три предупреждения. Ради каких-то паршивых полутора минут тебе теперь придется шагать... три... *часа*. А какого хрена тебе понадобилось отдыхать? Мы же только стартовали!

Баркович обиженно и зло взглянул на Олсона.

— Посмотрим, кто из нас первым получит билет, — сказал он. — Все это входило в мой План.

— Твой План подозрительно напоминает ту штуку, что периодически вываливается у меня из задницы, — заявил Олсон. Бейкер подавил смешок.

Баркович фыркнул и обогнал их.

Олсон не мог отказать себе в удовольствии и выпустил последний залп:

— Смотри не споткнись, приятель! Они больше предупреждать не будут. Они тебя просто...

Баркович даже не оглянулся, и Олсону пришлось сдаться.

Когда часы Гаррати показывали девять часов тринадцать минут (Гаррати позаботился о том, чтобы перевести их на минуту назад) и они добрались до вершины холма и начали спуск, с ними поравнялся джип Главного. Он ехал по обочине, противоположной той, по которой двигался автофургон. Главный поднес к губам работающий на батарейках мегафон:

— Рад сообщить вам, друзья, что вы одолели первую милю вашей дистанции. Хочу также напомнить вам, что на сегодняшний день самый длинный участок трассы, пройденный Идущими в полном составе, составляет семь миль и три четверти. Надеюсь, вы превзойдете этот результат.

Джип уехал вперед. Олсон, казалось, с удивлением и даже страхом обдумывал услышанное. Даже меньше восьми миль, подумал Гаррати. Кто бы мог предположить. Ему-то казалось, что по крайней мере до полудня ни у кого — даже у Стеббинса — билетов не будет. Он вспомнил Барковича. Этому стоит всего один раз в течение ближайшего часа снизить скорость...

— Рей! — окликнул его Арт Бейкер. Он уже снял плащ и повесил его на руку. — Скажи, у тебя была какая-нибудь особая причина выйти на Долгую Прогулку?

Гаррати отвинтил крышку фляги и сделал глоток воды. Вкусной холодной воды. Слизнул оставшуюся на верхней губе каплю. Замечательное ощущение, замечательное.

— Даже не знаю, — подумав, ответил он.

— Вот и я тоже. — Бейкер задумался. — Может, у тебя что-нибудь случилось? Неприятности в школе?

— Нет.

— У меня тоже. Только, по-моему, это не имеет значения. По крайней мере сейчас.

— Да, сейчас не имеет, — согласился Гаррати.

Разговор сошел на нет. Они в этот момент проходили через небольшую деревеньку, мимо сельского магазина и заправочной станции. Возле заправки сидели в шезлонгах два старика, похожие на старых черепах; их глубоко посаженные глаза внимательно наблюдали за процессией. Стоящая на

крыльце магазина молодая женщина подняла на руках маленького сына, чтобы он смог как следует разглядеть Идущих. Двое мальчишек, как показалось Гаррати, лет двенадцати, проводили их грустным взглядом.

Ребята начали прикидывать, сколько они уже прошли. Прошелестел слух, что второй патрульный фургон отправлен вслед за полудюжиной лидеров — основная группа их уже не видела. Кто-то сказал, что они делают семь миль в час. Кто-то возразил — десять. Кто-то безапелляционно заявил, что вырвавшийся вперед парень сник и уже получил два предупреждения. Гаррати подумал про себя, что в таком случае они бы уже нагнали того парня.

Олсон прикончил начатую еще на старте плитку шоколада «Уэйфа» и запил ее водой. Кое-кто также закусывал, но Гаррати решил подождать, пока не проголодается по-настоящему. Он слышал, что пищевые концентраты очень хороши. Такими питаются в космосе астронавты.

В начале одиннадцатого они миновали знак ЛАЙМСТОУН. 10 МИЛЬ. Гаррати вспомнил ту единственную Долгую Прогулку, на которую его взял с собой отец. Они тогда поехали во Фрипорт и видели, как Идущие проходят через город. И мама была с ними. Идущие устали, у них набрякли мешки под глазами, они почти не замечали приветственных криков «ура!» и машущих рук, но зрители все равно не умолкая подбадривали тех, за кого они болели или на кого поставили в тотализаторе. Когда они вернулись домой, отец сказал ему, что люди стояли вдоль дороги от самого Бангора. Вне городской черты смотреть не так интересно, да и доступ для зрителей строго запрещен — вероятно, чтобы Идущие могли идти спокойно и сосредоточенно, как и говорил Баркович. Дальше, вероятно, к зрителям будут относиться не столь сурово.

В том году Идущие подошли к Фрипорту после семидесяти двух часов пути, если не больше. Гаррати было тогда десять лет, и все происходившее на его глазах произвело на него сильное впечатление. Главный обратился с речью к толпе,

когда Идущие находились милях в пяти от города. Начал Главный со слов о Соревновании, затем обратился к Патриотизму, после чего перешел к непонятному предмету под названием Валовой Национальный Продукт. Гаррати посмеялся тогда, поскольку в его понимании слово «валовой» было связано с рогатыми волами. Он съел в тот день шесть сосисок в тесте, а когда Идущие показались на дороге, он намочил штаны.

Один участник тогда кричал. Его крик стал самым ярким воспоминанием Гаррати. Он кричал в такт каждому шагу: *Не могу. НЕ МОГУ. Не могу. НЕ МОГУ.* Однако продолжал идти. И все продолжали идти, и очень скоро арьергард процессии миновал библиотеку Бина, вышел на Федеральное шоссе 1 и скрылся из виду. Гаррати был слегка разочарован тем, что на его глазах никто не получил билета. С тех пор их семья не посещала Долгую Прогулку. Вечером того дня Гаррати слышал, как его отец натужно орал на кого-то по телефону, точно так, как в тех случаях, когда он напивался или вступал в беседу о политике, а на заднем плане звучал голос матери, точнее, заговорщицкий шепот, уговаривающий отца замолчать, ну пожалуйста, надо замолчать, пока кто-нибудь не подслушал разговор.

Гаррати снова глотнул воды и подумал: как там сейчас Баркович?

Они шли мимо домов. Их хозяева со всеми домочадцами высыпали на газоны и стояли там, улыбаясь, размахивая руками, потягивая кока-колу.

— Гаррати! — сказал Макврайс. — Эй, эй, смотри, там твои.

У обочины стояла симпатичная девушка лет шестнадцати, в белой блузке и черных велосипедных шортах с красной полосой, и держала в руках плакат: УРА, УРА, ГАРРАТИ, НОМЕР 47 *Мы тебя любим, Рей, парень из Мэна.*

Сердце Гаррати ухнуло вниз. Неожиданно он понял, что победит. В этом его убедила безымянная девушка.

Олсон намекающе присвистнул, сжал кулак и несколько раз быстро выбросил вперед прямой указательный палец. Гаррати воспринял его жест как очень грязную шутку.

К черту Совет Тринадцатый. Гаррати подбежал к обочине. Девчонка увидела его номер и взвизгнула. Бросилась к нему и принялась целовать взасос. Он в свою очередь решительно поцеловал ее. Девушка осторожно просунула язык между его губ. И еще раз. Почти не сознавая, что делает, он положил руку на ее округлую ягодицу и сжал ее.

— Предупреждение! Предупреждение сорок седьмому!

Гаррати отступил на шаг и усмехнулся:

— Благодарю.

— О... о... ну *конечно!*

Глаза девушки блестели как две звездочки.

Он подумал, что бы еще сказать, но увидел, что солдат уже открыл рот, чтобы вынести ему второе предупреждение. Поэтому быстро вернулся в колонну, чуть задыхаясь и одновременно ухмыляясь. Все-таки он испытывал чувство вины за нарушение Совета Тринадцатого.

Олсон тоже усмехнулся:

— Я бы за такое и на три предупреждения согласился.

Гаррати не ответил; он обернулся и помахал девушке. Когда она пропала из виду, он уже вновь шел вперед твердым шагом. Остается час до снятия предупреждения. Следует соблюдать осторожность, чтобы не заработать еще одно. Но он отлично себя чувствует. Он в форме. Ему кажется, что он способен прошагать без остановки до самой Флориды.

Он слегка ускорил шаг.

— Рей! — Маквайс все еще улыбался. — Зачем так торопиться?

Да, верно. Совет Шестой: тише едешь — дальше будешь.

— Спасибо.

Маквайс по-прежнему улыбался:

— Не благодари меня. Я тоже намерен победить.

Гаррати недоуменно посмотрел на него.

— Девиз трех мушкетеров для нас неуместен. Ты мне нравишься, и только слепой не увидит, что ты имеешь успех у красивых девчонок. Но если ты споткнешься, я тебе помогать не стану.

— Да.

Он улыбнулся Макврайсу, но улыбка вышла неубедительной.

— С другой стороны, — медленно, растягивая слова, произнес Бейкер, — мы здесь вместе и не должны портить друг другу настроение.

Макврайс улыбнулся:

— Тоже верно.

Дорога теперь шла в гору, и все замолчали, чтобы не нарушать ритм дыхания. На середине подъема Гаррати снял куртку и перебросил через плечо. Несколько секунд спустя они прошли мимо лежащего на обочине свитера. Вечером, подумал Гаррати, кто-то еще пожалеет об этой штуке. Один из вырвавшихся вперед Идущих выдыхается.

Гаррати постарался выбросить эту мысль из головы. Он чувствует себя отлично. У него много сил.

Глава 2

Эллен, деньги теперь у тебя. Вот и храни их, если, конечно, ты не захочешь купить то, что спрятано за занавеской.

Монти Холл
«Не заключить ли сделку»

— Харкнесс. Номер сорок девять. А ты — Гаррати. Номер сорок семь. Точно?

Гаррати посмотрел на Харкнесса. Коротко стриженный, в очках. Красное потное лицо.

— Так точно.

В руках у Харкнесса была тетрадка. Он занес туда фамилию и номер Гаррати. Почерк корявый, прыгающий — ведь Харкнесс делал записи на ходу.

Записывая данные о Гаррати, Харкнесс налетел на парня по имени Колли Паркер, и тот сказал Харкнессу, что надо, мол, черт побери, смотреть, куда прешь. Гаррати подавил улыбку.

— Я все фамилии и номера записываю, — сказал Харкнесс. Когда он поднял голову, луч яркого утреннего солнца отразился в стеклах его очков, и Гаррати прищурился, чтобы не отводить взгляда. Было уже десять тридцать, они находились в восьми милях от Лаймстоуна, и им оставалось пройти без потерь всего одну милю и три четверти, чтобы повторить рекорд Долгой Прогулки.

— Тебе разве не интересно, зачем я записываю все номера и фамилии? — спросил Харкнесс.

— На Взвод Сопровождения работаешь, — бросил через плечо Олсон.

— Нет, я буду писать книгу, — мечтательно сказал Харкнесс. — Когда все это закончится, я напишу книгу.

Гаррати усмехнулся:

— То есть если ты победишь, то напишешь книгу.

Харкнесс пожал плечами:

— Ну да, наверное. Но послушай: книга о Долгой Прогулке, написанная ее участником, представляющая взгляд изнутри, может сделать автора богатым человеком.

Маквайс громко рассмеялся:

— По-моему, если ты победишь, то будешь богатым человеком и без всякой книги.

Харкнесс нахмурился:

— Наверное, да... И все-таки книга, я думаю, должна получиться интересной.

Идущие двигались вперед. Харкнесс продолжал записывать номера и фамилии. Как правило, ребята охотно называли себя и шутливо желали книге Харкнесса грандиозного успеха.

Пройдено шесть миль. Среди Идущих возобновились разговоры о том, что у группы есть хороший шанс побить рекорд. Гаррати подумал: а с чего они вообще хотят побить этот рекорд? Ведь чем больше участников сойдет с дистанции в самом начале, тем больше шансов на победу будет у оставшихся. Наверное, все дело в тщеславии. И еще прошелестел слух, что во второй половине дня ожидается гроза; по-видимому, решил Гаррати, у кого-то с собой есть транзистор. Если прогноз верен, то их ждут неприятности. Проливные дожди в начале мая бывают обычно не самыми теплыми.

Они продолжали идти.

Макврайс шагал уверенно, голову держал прямо и слегка размахивал руками в такт ходьбе. Он попытался было выйти на обочину, но отказался от этой идеи, так как идти по мягкой почве оказалось труднее. Предупреждений он не получал, и, если его рюкзак натирал ему плечо или причинял еще какие-нибудь неудобства, он не подавал виду. Когда процессия проходила мимо стоящих у дороги людей, Макврайс махал им и его тонкие губы складывались в улыбку. И никаких признаков усталости.

Бейкер двигался как бы рысцой, слегка подгибая колени, как будто был готов опуститься на них, когда его никто не увидит. Он лениво помахивал пиджаком, улыбался глазеющим на них зевакам и время от времени принимался насвистывать какую-то мелодию. По мнению Гаррати, держался он так, словно мог шагать вечно.

Олсон сделался далеко не так разговорчив, как вначале. Довольно часто он быстрым движением сгибал колено. Каждый раз Гаррати слышал хруст сустава. Очевидно, подумал Гаррати, на Олсоне сказались пройденные шесть миль. Наверняка одна из его фляг уже почти пуста. Скоро ему понадобится отлить.

Баркович шел все той же прыгающей походкой впереди основной группы, как будто намереваясь догнать лидеров. Он успел избавиться от одного из трех предупреждений и заработать новое пять минут спустя. Гаррати решил, что Бар-

кович должен быть доволен таким результатом — в его-то положении.

Стеббинс по-прежнему шел сам по себе. Гаррати ни разу не видел, чтобы Стеббинс с кем-нибудь заговорил. Интересно, подумал он, замкнутость тому причиной или усталость? Ему все еще казалось, что Стеббинс рано сойдет с дистанции — возможно, сойдет первым, — но он не смог бы сказать, на чем основывается его уверенность. Стеббинс снял свою старую зеленую кофту и держал теперь в руке последний сандвич с мармеладом. Он ни на кого не обращал внимания. Лицо его было похоже на маску.

Они шли вперед.

На перекрестке полицейские перекрыли движение на время прохода Идущих, каждого из которых они приветствовали. Двое или трое ребят, пользуясь своей неприкосновенностью, в ответ поковыряли в носу. Гаррати не одобрял таких жестов. Он кивнул полицейским и улыбнулся, одновременно спрашивая себя, не считают ли полицейские всех Идущих сумасшедшими.

Автомобили гудели; какая-то женщина пронзительно закричала, зовя своего сына. Она пристроилась на обочине, по всей вероятности, специально для того, чтобы удостовериться, что ее мальчик все еще не выбыл из Прогулки.

— Перси! *Перси!*

Оказалось, что Перси — номер 31. Он вспыхнул, махнул матери рукой и поспешил дальше, чуть наклонив голову. Женщина рванулась на дорогу. Стоящие на крыше автофургона сопровождающие напряглись, но один из полицейских вежливо удержал женщину за руку. Затем Идущие прошли поворот, и перекресток пропал из виду.

Они прошли по мосту на деревянных опорах. Внизу извивалась небольшая речка. Гаррати, проходя вблизи перил, глянул вниз и на мгновение увидел собственное лицо, правда, искаженное.

Они прошли мимо указателя ЛАЙМСТОУН. 7 МИЛЬ. Чуть дальше над дорогой была натянута полотняная полоса

с текстом: ЛАЙМСТОУН ИМЕЕТ ЧЕСТЬ ПРИВЕТСТВОВАТЬ УЧАСТНИКОВ ДОЛГОЙ ПРОГУЛКИ. Гаррати произвел в уме вычисления и убедился, что до рекорда Долгой Прогулки осталось меньше мили.

По рядам Идущих опять пошли разговоры. На этот раз их предметом стал парень по фамилии Керли, номер 7. У Керли судорогой свело ногу, а первое предупреждение он получил еще раньше.

Гаррати немного ускорил шаг и поравнялся с Маквайсом и Олсоном.

— Где он?

Олсон указал большим пальцем на костлявого, осторожно вышагивающего парня в синих джинсах. Он пытался отрастить бакенбарды. Безуспешно. На его серьезном худом лице сейчас отражалась мучительная сосредоточенность. Он таращился на свою правую ногу. Он уговаривал ее потерпеть. Он терял под собой почву, и это было написано у него на лице.

— Предупреждение! Предупреждение седьмому!

Керли попробовал заставить себя идти быстрее. Он слегка задыхался — не только от усилий, но и от страха, решил Гаррати. Он позабыл обо всем, кроме Керли. Он полностью утратил ощущение времени. Он наблюдал за стараниями Керли, а в его мозгу тупо ныла мысль, что такие же старания, возможно, предстоят ему самому — через час или через день.

Перед ним предстало самое захватывающее зрелище в его жизни.

Керли медленно отставал, и несколько Идущих получили предупреждения, так как, увлекшись, сбавили скорость, чтобы идти вровень с Керли. Это означало, что Керли очень близок к поражению.

— Предупреждение! Предупреждение седьмому! Третье предупреждение седьмому!

— У меня судорога! — хрипло прокричал Керли. — Нечестно так! У меня же судорога!

Он шел теперь почти рядом с Гаррати. Гаррати видел, как ходит вверх-вниз его кадык. Керли отчаянно массировал ногу. Гаррати ощущал накатывающий волнами запах паники, исходящий от Керли. Запах этот напоминал аромат свежеразрезанного спелого лимона.

Он обогнал Керли, и вдруг тот крикнул за его спиной:

— Слава Богу! Отпускает!

Никто не произнес ни слова. Гаррати почувствовал жестокое разочарование. Он понимал, что это нехорошее чувство, неспортивное, но ему хотелось знать, что кто-то получит билет раньше его. Кому же хочется ломаться первым?

Часы показывали пять минут двенадцатого. Гаррати подумал, что они, должно быть, побили рекорд, если считать, что они прошли два часа со скоростью четыре мили в час. Скоро они будут в Лаймстоуне. Он обратил внимание, что Олсон опять согнул в колене одну ногу, затем другую. Из любопытства он решил сделать то же самое. Коленная чашечка ощутимо хрустнула. Он удивился тому, насколько онемели суставы. Но ступни пока не болели. Это уже кое-что.

На примыкавшей к трассе грунтовой дороге стоял грузовик с молочной цистерной. Водитель грузовика сидел на капоте. Когда группа проходила мимо него, он приветливо помахал рукой:

— Давай, ребята, вперед!

Гаррати вдруг разозлился. Ему захотелось крикнуть: *А может, ты подымешь свою жирную задницу и пойдешь с нами — вперед?* Но молочнику уже больше восемнадцати лет. Похоже, ему хорошо за тридцать. Старый он.

— Ладно, старик, дай пять! — неожиданно прокаркал Олсон, и в группе раздались смешки.

Грузовик скрылся из виду. Теперь трассу Прогулки все чаще пересекали небольшие дороги, все больше полицейских стояло у обочины, все чаще гудели автомобильные клаксоны и приветственно махали зрители. Кто-то бросал конфет-

ти. Гаррати начал ощущать собственную значимость. Как-никак он — «парень из Мэна».

Внезапно Керли вскрикнул. Гаррати оглянулся через плечо. Керли согнулся пополам и схватился за ногу. И продолжал кричать. Невероятно, но он все еще шел, хотя и очень медленно. Слишком, слишком медленно.

Так же медленно, как будто в такт шагам Керли, произошло все остальное. Стоящие в сопровождающем автофургоне солдаты подняли карабины. Зрители ахнули, словно не знали, что то, что последует, правильно, и Идущие ахнули, словно и они не знали, и Гаррати тоже ахнул, хотя он, конечно же, знал, ну конечно, все они знали, все это очень просто, Керли сейчас получит свой билет.

Щелкнули предохранители. Мальчики в страхе бросились врассыпную подальше от Керли. Внезапно Керли остался один на залитой солнцем дороге.

— Нечестно! — завопил он. — Это же *несправедливо!*

Группа вошла на участок дороги, затененный кронами деревьев. Кто-то из Идущих смотрел назад, кто-то — прямо перед собой, боясь увидеть то, что должно было произойти. Гаррати смотрел назад. Ему необходимо было видеть.

Голоса публики разом смолкли, как будто кто-то просто выключил звук и оставил только изображение.

— Это не...

Залп четырех карабинов. Очень громкий залп. Подобно множеству бильярдных шаров, звук покатился вдаль, ударился о склоны холмов и возвратился эхом.

Угловатая, покрытая прыщами голова Керли исчезла, и во все стороны брызнула каша из крови, мозга и осколков черепа. Тело Керли рухнуло вперед на белую полосу, как мешок с песком.

«Осталось 99, — с тоской подумал Гаррати. — 99 бутылок на полке, и если одной из них случится упасть... О Боже... Господи Боже...»

Стеббинс переступил через тело. Одна его нога случайно попала в лужу крови, и при его следующем шаге на дороге

остался кровавый отпечаток подошвы, такой, какой можно увидеть на фотографии в журнале «Сыщик-детектив». Стеббинс не взглянул под ноги на то, что осталось от Керли. Выражение его лица не изменилось. Стеббинс, ах ты, сволочь, подумал Гаррати, ведь это же ты должен был первым получить билет, разве ты не знал? Гаррати отвернулся. Ему не хотелось, чтобы его затошнило. Ему не хотелось, чтобы его вырвало.

Стоявшая около автобуса «фольксваген» женщина спрятала лицо в ладонях. В горле у нее что-то булькало. Гаррати заметил, что у нее сквозь платье видны трусики. Голубые трусики. Непонятно почему, но настроение у него вдруг снова поднялось.

Какой-то лысый толстяк пялился на тело Керли и ожесточенно тер бородавку за ухом. Не отводя взгляда и не прекращая тереть бородавку, он облизнул пересохшие губы. Он все еще таращился на тело, когда Гаррати проходил мимо него.

Они шли вперед. Гаррати опять оказался рядом с Олсоном, Бейкером и Макврайсом. Они старались держаться вместе, как будто инстинктивно искали друг у друга поддержки. Сейчас все четверо смотрели прямо перед собой. Лица их были подчеркнуто непроницаемы. Казалось, эхо выстрелов все еще дрожит в воздухе. Гаррати не мог выбросить из головы кровавый отпечаток теннисной туфли Стеббинса. Ему стало интересно, не оставляет ли Стеббинс до сих пор красные следы, он уже повернул было голову, чтобы посмотреть, но приказал себе не быть глупцом. Однако вопросы не уходили. Было ли Керли больно? Почувствовал он, как его ударили пули? Или просто он был жив, а в следующую секунду мертв?

Конечно же, было больно. Очень больно было до того, это самая невыносимая боль, это пытка — знать, что тебя скоро не станет, а Земля этого не почувствует, будет все так же спокойно вертеться.

Пронеслось сообщение о том, что Идущие прошли почти девять миль, прежде чем Керли заработал билет. Говорили,

Главный доволен как слон. Гаррати не понимал, как кто-то мог узнать о настроении Главного.

Гаррати вдруг захотелось узнать, что сделали с телом Керли, и он торопливо оглянулся. Но группа уже миновала очередной поворот. Керли не было видно.

— Что у тебя в рюкзаке? — неожиданно спросил Макврайса Бейкер. Ему наверняка хотелось, чтобы вопрос прозвучал абсолютно непринужденно, но его выдавал голос — слишком высокий, пронзительный, почти сорванный.

— Чистая рубашка, — ответил Макврайс. — И непрожаренные гамбургеры.

— Непрожаренные гамбургеры! — скривился Олсон.

— Мясо с кровью хорошо восстанавливает силы, — возразил Макврайс.

— Желудок расстроишь. Блевать будешь всю дорогу.

Макврайс только улыбнулся.

Гаррати слегка пожалел, что не захватил с собой непрожаренных гамбургеров. Насчет восстановления сил он ничего не знал, просто ему нравились непрожаренные гамбургеры. Это лучше, чем шоколад и концентраты. Он вспомнил о своем печенье. Впрочем, после Керли у него пропал аппетит. Да неужели после Керли он может всерьез думать о гамбургерах?

Среди зрителей быстро распространилась информация о том, что один из Идущих получил билет и сошел с дистанции, и они почему-то стали еще громче подбадривать участников Прогулки. Гаррати подумал, что неприятно, должно быть, когда в тебя стреляют на глазах у толпы, а потом решил, что, когда дело заходит так далеко, толпа уже до лампочки. Керли, во всяком случае, было до лампочки. И все же это было бы неприятно. Гаррати сказал себе, что не нужно об этом думать.

Обе стрелки его часов указывали на двенадцать. Они прошли по ржавому мосту, проложенному над глубоким оврагом, и на другой его стороне увидели транспарант: ЛАЙМСТОУН. ГОРОДСКАЯ ЧЕРТА. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ДОЛГАЯ ПРОГУЛКА!

Некоторые ребята радостно закричали, но Гаррати решил не нарушать ритм дыхания.

Дорога стала шире, и Идущие свободнее распределились на ней. Теперь они шли уже не такими тесными группами. В конце концов Керли остался в трех милях позади.

Гаррати вынул завернутое в фольгу печенье, повертел его в руках. Усилием воли отбросил грустную мысль о матери. Во Фрипорте он увидит маму и Джен. Они обещали. Он проглотил одно печенье и немного повеселел.

— Знаешь, что я тебе скажу? — обратился к нему Маквайс.

Гаррати покачал головой, сделал глоток из фляги и помахал пожилой чете, сидевшей у дороги с небольшой картонкой, на которой было написано ГАРРАТИ.

— Я понятия не имею, чего мне захочется, если я тут выиграю, — продолжал Маквайс. — В сущности, я ни в чем не нуждаюсь. То есть у меня нет престарелой парализованной матери, отцу не требуется искусственная почка или что-нибудь в этом роде. У меня нет даже младшего брата, умирающего от лейкемии. — Он засмеялся и откупорил свою флягу.

— Значит, у тебя есть своя цель, — заметил Гаррати.

— В том-то и дело, что цели у меня *нет*. Все это предприятие бесцельно.

— Ну, не говори так, — искренне возразил Гаррати. — Если бы тебе дали возможность начать все сначала...

— Ну да, да, я бы все равно пошел, но...

— Эге! — воскликнул Пирсон, парень, идущий впереди. — Тротуар!

Они наконец в самом деле вошли в город. Симпатичные домики устроились в отдалении от дороги и наблюдали за Идущими. На покатых зеленых газонах было полно народу; все махали руками, выкрикивали приветствия. Гаррати показалось, что почти все зрители сидят. Сидят на земле, в шезлонгах — как те два старика на заправочной станции, — на раскладных столиках для пикников. Даже на детских качелях сидят. Гаррати ощутил злобную зависть.

Валяйте, машите до посинения. Будь я проклят, если стану вам отвечать. Совет Тринадцатый. Берегите энергию при любой возможности.

В конце концов он решил про себя, что это ребячество с его стороны. Разве он не «парень из Мэна»? Он принял решение: приветствовать всех, у кого будут таблички с надписью ГАРРАТИ. И всех красивых девушек.

Они шли и шли, мимо пересекающих трассу улиц и переулков. Сикамора-стрит. Кларк-авеню. Эксчейндж-стрит. Джунипер-лейн. Мимо бакалейной лавки с рекламой пива «Наррагансетт» в витрине, мимо магазина «15 центов», оклеенного фотографиями Главного.

На тротуарах тоже стояли люди, но рядами, а не беспорядочными группами. Честно говоря, Гаррати ожидал большего. Он знал, что настоящие толпы будут встречать их на трассе потом, но все равно чувствовал себя так, как будто ему подсунули отсыревшую хлопушку. А бедняге Керли и этого не досталось.

Неожиданно с боковой улицы вывернул джип Главного и поехал рядом с основной группой. Лидеры Прогулки по-прежнему шагали далеко впереди.

Публика разразилась приветственными криками, а Главный кивал головой, улыбался, махал зрителям. Затем он повернул голову влево и отсалютовал мальчикам. Гаррати почувствовал, как по спине у него побежали мурашки. Яркие лучи полуденного солнца отражались в стеклах очков Главного.

Главный поднял мегафон:

— Я горжусь вами, ребята! Я вами горжусь!

За спиной Гаррати кто-то негромко, но отчетливо произнес:

— Дерьмо собачье.

Гаррати обернулся, но сзади не было никого, кроме четырех или пяти ребят, пожиравших глазами Главного (один из них внезапно понял, что машет, и виновато опустил руку), а также Стеббинса. Стеббинс, похоже, вообще не смотрел на Главного.

Рев мотора — и джип рванул вперед. Через секунду Главного уже не было видно.

Около двенадцати тридцати они вошли в центр Лаймстоуна. Гаррати был разочарован. Захолустный городишко с единственным пожарным гидрантом. Деловая часть, три магазина подержанных автомобилей, кафе «Макдоналдс», «Бургер-кинг», «Пицца-хат», промышленная зона — вот и весь Лаймстоун.

— Невелик городок, правда? — сказал Бейкер.

Олсон хохотнул.

— Наверное, в таком местечке было бы неплохо жить, — вступился Гаррати.

— Боже сохрани меня от местечек, где неплохо было бы жить, — сказал с улыбкой Макврайс.

— Дело вкуса, — обиженно бросил Гаррати.

К часу дня Лаймстоун стал для них воспоминанием.

Маленький, очень гордый собой мальчик в пестром хлопчатобумажном комбинезоне почти милю отшагал вместе с ними, а затем присел на землю и проводил их взглядом.

Местность делалась все более холмистой. Гаррати почувствовал, что впервые с начала Прогулки его по-настоящему прошибает пот. Рубашка прилипла к спине. Справа, кажется, сгущаются грозовые тучи, но пока они еще далеко. Да и легкий ветерок освежает.

— Гаррати, какой следующий большой город? — спросил Макврайс.

— По-моему, Карибу.

Гаррати терзался вопросом, съел ли Стеббинс свой последний сандвич. Стеббинс застрял у него в голове, как популярная мелодия, которая бесконечно крутится в мозгу и сводит с ума. Уже половина второго. Участники Долгой Прогулки одолели восемнадцать миль.

— Далеко до него?

Гаррати пришел в голову вопрос: а каков рекорд дистанции, пройденной участниками Долгой Прогулки в количестве девяноста девяти человек? Восемнадцать миль — это

немало. Восемнадцать миль — есть чем гордиться. Я прошел восемнадцать миль. Восемнадцать.

— Я спросил... — спокойно начал Маквpайс.

— Отсюда, наверное, миль тридцать.

— Тридцать, — подтвердил Пирсон. — Зуб даю.

— Карибу побольше Лаймстоуна, — сказал Гаррати. Ему все еще хотелось защищать местные города, одному Богу известно почему. Может, потому что многие ребята умрут в этом штате. Вполне возможно, умрут все. За всю историю Долгих Прогулок лишь шесть раз группа пересекала границу штата Нью-Хэмпшир и только одна группа добралась до Массачусетса. По мнению экспертов, эти результаты, подобно рекордному достижению Хэнка Аарона* в семьсот тридцать, кажется, пробежек, никому не суждено превзойти. Может быть, и сам он умрет на этой земле. Но он — другое дело. *Умереть на родной земле.* Он полагал, что Главному подобное понравится. «Умер на родной территории».

Он откупорил флягу и обнаружил, что она пуста.

— Флягу! — выкрикнул он. — Сорок седьмому флягу!

С фургона спрыгнул солдат и передал ему новую флягу. Когда солдат повернулся, чтобы двинуться назад, Гаррати дотронулся до его карабина. Ему хотелось, чтобы движение вышло незаметным, но Маквpайс увидел.

— Зачем ты?

Гаррати смущенно улыбнулся:

— Не знаю. Наверное, вместо того чтобы постучать по дереву.

— Знаешь, Рей, ты славный парень, — сказал Маквpайс и зашагал быстрее. Когда он поравнялся с Олсоном, Гаррати остался в одиночестве. Он смутился сильнее, чем когда-либо в жизни.

93-й номер — Гаррати не знал его фамилии — обошел его справа. Он сосредоточенно смотрел себе под ноги, губы его

---

* Имеется в виду достижение, рекордное для бейсбольных чемпионатов США.

беззвучно шевелились — он считал шаги. И он слегка пошатывался.

— Привет, — окликнул его Гаррати.

93-й повернул голову. У него были пустые глаза, такие же, как у Керли в те секунды, когда тот проигрывал бой с судорогой в ноге. Гаррати понял: 93-й устал. Он знает об этом и боится. Гаррати почувствовал, как желудок медленно переворачивается на триста шестьдесят градусов.

Их тени двигались по асфальту рядом с ними. Без четверти два. А в девять утра было прохладно, они сидели на траве в тени, и было это как будто месяц назад.

Без нескольких минут два в группе снова заговорили. Гаррати уже представлял себе в первом приближении психологический механизм распространения слухов. Кому-то что-то становится известно, и информация очень быстро делается всеобщим достоянием. Слух рождается в процессе передачи из уст в уста. Так говорят, например, о дожде. Похоже, дождь собирается. Весьма вероятно, что начнется дождь. А тот, у кого есть радио, заявляет, что скоро ливанет как из ведра. Удивительно только, как часто слухи оказываются верными. И когда в группе проносится слух, что кто-то сдает, значит, дела у этого пацана плохи. В этих случаях слух всякий раз верен.

На этот раз заговорили о том, что у девятого номера, Эвинга, появились волдыри на ногах и он уже получил два предупреждения. Предупреждения имелись у многих участников Прогулки, и это нормально. Но говорили, что Эвинг попал в скверное положение.

Гаррати передал то, что услышал, Бейкеру, и Бейкер вроде бы удивился.

— Тот черный парень? — спросил он. — Тот, иссиня-черный?

Гаррати сказал, что представления не имеет, черный Эвинг или белый.

— Да черный. Вон он. — Пирсон указал на Эвинга. Гаррати разглядел маленькие сверкающие бисеринки пота на его лице. Гаррати охватил ужас, когда он увидел, что Эвинг шагает в кроссовках.

Совет Третий: не надевайте кроссовки. Еще раз: *не надевайте* кроссовки. В ходе Долгой Прогулки никакая другая обувь не обеспечит вам волдыри так скоро.

— Мы с ним вместе приехали, — сказал Бейкер. — Он из Техаса.

Бейкер увеличил скорость и поравнялся с Эвингом. Они довольно долго беседовали. Потом — постепенно, чтобы самому не получить предупреждения, — Бейкер замедлил шаг. Гаррати отметил, что Бейкер сильно помрачнел.

— Пузыри появились у него на ногах в двух милях отсюда. А в Лаймстоуне они начали лопаться. Он идет, а из лопнувших пузырей на ногах сочится гной.

Все молча слушали. Гаррати снова вспомнил о Стеббинсе. У Стеббинса — теннисные туфли. Может быть, он также натер ноги.

— Предупреждение! Предупреждение девятому! Девятый, у вас третье предупреждение!

Солдаты уже внимательно наблюдали за Эвингом. И Идущие наблюдали. Эвинг оказался в центре внимания. Его белая майка, столь разительно контрастирующая с темной кожей, покрылась серыми пятнами — от пота. Гаррати видел, как двигались под кожей спинные мускулы Эвинга. Хорошие у него мускулы, их хватило бы на много дней, но Бейкер сказал, что у Эвинга из вскрывшихся пузырей течет гной. Пузыри на ногах, судороги. Гаррати содрогнулся. Внезапная смерть. Никакие мускулы, никакие тренировки не спасут от пузырей и от судорог. Скажите, ради всего святого, о чем думал Эвинг, когда надевал эти кроссовки?

К ним присоединился Баркович. И он глядел сейчас на Эвинга.

— Пузыри! — Баркович произнес это слово так, как будто хотел сказать, что мать Эвинга — последняя шлюха. — А чего вы, собственно, ожидали от этого тупого ниггера? Чего, говорите?

— Вали отсюда, — сказал спокойно Бейкер, — иначе я тебя пришью.

— Это не по правилам, — огрызнулся Баркович с деланной ухмылкой. — Не забывай, голяк.

Тем не менее он отошел. И как будто унес с собой окружавшее его ядовитое облачко.

Два часа дня, два тридцать. Тени Идущих удлинились. Группа взошла на вершину пологого холма, и Гаррати увидел вдали окутанные голубой дымкой горы. Давно показавшаяся на западе грозовая туча потемнела, ветер усилился, высушил пот Гаррати, по спине побежали мурашки.

Несколько мужчин, стоявших возле «форда» с домиком-прицепом, неистово завопили, приветствуя Идущих. Все туристы были здорово пьяны. Ребята помахали им в ответ. После мальчика в пестром комбинезоне они еще никого не встречали.

Гаррати вскрыл тюбик с концентратом и съел содержимое, даже не прочитав этикетку. В концентрате чувствовался слабый вкус свинины. Гаррати подумал о гамбургерах Макврайса. Подумал о большом шоколадном торте с вишенкой наверху. Об оладьях. Непонятно почему, ему вдруг захотелось холодных оладий, щедро политых яблочным желе. Когда они с отцом в ноябре ездили на охоту, мать каждый раз готовила такие, и они брали оладьи с собой.

Десять минут спустя в голове Эвинга появилась дыра.

Эвинг шел посреди группы ребят, когда его скорость в последний раз упала ниже допустимого уровня. Может быть, он надеялся, что ребята защитят его. Но солдаты знали свое дело. Они были профессионалами. Они растолкали всех. Оттащили Эвинга к обочине. Он попытался сопротивляться, но как-то вяло. Один из солдат завел Эвингу руки за спину, а другой приставил дуло карабина к виску и застрелил парня. Одна нога Эвинга конвульсивно дернулась.

— Кровь у него того же цвета, что и у всех, — неожиданно сказал Макврайс. Голос его показался очень громким в на-

ступившей после выстрела тишине. Его кадык дернулся, и в горле что-то булькнуло.

Двоих уже не было. Шансы оставшихся выросли на микроскопическую величину. Снова зазвучали приглушенные голоса, и Гаррати опять спросил себя: что же они делают с телами?

Заткнись! Слишком много вопросов! — неожиданно заорал он на самого себя.

И понял, что уже устал.

Часть вторая
ВПЕРЕД ПО ДОРОГЕ

Глава 3

У тебя будет тридцать секунд, и не забудь,
что ответ давать ты должен в форме вопроса.
Арт Флеминг
«Опасность»

В три часа на дорогу упали первые капли дождя — крупные, круглые, темные. Тучи нависали над головами — черные, страшные и притягательные. Высоко над ними раздавались раскаты грома, похожие на оглушительные хлопки. Далеко впереди в землю ударила голубая вилка молнии.

Гаррати накинул куртку вскоре после того, как Эвинг получил билет; теперь он застегнул «молнию» и поднял воротник. Харкнесс, возможно, будущий писатель, заботливо упаковал свою тетрадь в пластиковый пакет. Баркович надел желтую широкополую виниловую шляпу. Лицо его от этого невероятно переменилось, хотя трудно было бы в точности определить, в чем именно состояла перемена. В шляпе он был похож на угрюмого смотрителя маяка.

Сокрушительный раскат грома.

— Начинается! — воскликнул Олсон.

И дождь хлынул. В первые минуты он был настолько силен, что Гаррати почувствовал себя надежно отрезанным от мира сплошной пеленой. Он мгновенно промок до нитки. Волосы превратились в мокрую шапку. Он запрокинул голову и улыбнулся дождю. Ему хотелось бы знать, видят ли их

солдаты. Ему хотелось бы знать, возможно ли сейчас незаметно...

Он еще не сформулировал последний вопрос полностью, как первый бешеный натиск стал ослабевать, и теперь можно было что-то разглядеть за дождевой завесой. Гаррати оглянулся через плечо на Стеббинса. Стеббинс шагал сгорбившись, прижав руки к животу, и Гаррати сначала показалось, что у него начались судороги. На мгновение его охватила отчаянная паника; в случаях с Керли и Эвингом он не ощущал ничего подобного. Ему больше не хотелось, чтобы Стеббинс рано сломался.

Однако он тут же разглядел, что Стеббинс просто-напросто защищает от дождя оставшуюся у него в руках половину сандвича. Тогда он отвернулся и с облегчением стал снова смотреть вперед.

Наверное, решил он, мать Стеббинса — набитая дура, раз не догадалась завернуть эти дурацкие сандвичи в фольгу на случай дождя.

Учения небесной артиллерии продолжались. Гаррати почувствовал оживление, как будто дождь смыл вместе с потом часть его усталости. Ливень опять усилился. Впрочем, довольно скоро он перешел в легкую изморось. Облака над головой начали понемногу рассеиваться.

Рядом с Гаррати шел теперь Пирсон. Вот он подтянул джинсы. Они были слишком большого размера, и ему часто приходилось их поддергивать. Он носил очки в роговой оправе со стеклами, похожими на донышки бутылок из-под колы; сейчас он как раз протирал их полой рубашки. Он беззащитно моргал, как все близорукие люди, когда им приходится снимать очки.

— Что, Гаррати, хорош душ?

Гаррати кивнул. Впереди, на значительном расстоянии от остальных, Маквpайс шагал спиной вперед и мочился на ходу.

Гаррати посмотрел на солдат. Разумеется, они тоже промокли, но если дождь и доставил им какие-либо неудобства,

они этого не показывали. У них деревянные лица. Интересно, подумал Гаррати, что они чувствуют, когда им приходится стрелять в человека? Он вспомнил, как целовал девушку с транспарантом, как щупал ее ягодицу. Как ощущал трусики под велосипедными шортами. И как тогда почувствовал себя сильным.

— Тот парень сзади что-то неразговорчив, правда? — неожиданно сказал Бейкер, указывая большим пальцем назад на Стеббинса. Брюки Стеббинса, намокнув, из темно-красных стали почти черными.

— Да. С ним не поговоришь.

Макврайс сбавил скорость, чтобы застегнуть ширинку, и заработал предупреждение. Прочие поравнялись с ним, и Бейкер повторил ему свое замечание насчет Стеббинса.

— Одиночка по натуре, так что с того? — заметил Макврайс и пожал плечами. — Я думаю...

— Э-эй, — перебил его Олсон. Заговорил он впервые за довольно долгое время, и его голос звучал как-то странно. — Что-то у меня с ногами.

Гаррати внимательно посмотрел на него и увидел, что у него в глазах уже поселилась паника. И ни следа былой бравады.

— Что с ними? — спросил Гаррати.

— Как будто все мышцы... обвисли.

— Расслабься, — посоветовал Макврайс. — У меня было то же самое пару часов назад. Это проходит.

Во взгляде Олсона сверкнуло облегчение.

— Правда?

— Точно тебе говорю.

Олсон ничего не сказал, хотя губы его шевелились. Гаррати решил, что он молится, но потом понял, что тот просто считает шаги.

Внезапно они услышали два выстрела, затем крик и третий выстрел.

Они увидели, что впереди на дороге, уткнувшись лицом в лужу, лежит парень в синем свитере и грязных белых брю-

ках. Одна туфля слетела у него с ноги. Гаррати заметил, что на нем белые спортивные носки. Совет Двенадцатый рекомендовал надевать такие.

Гаррати перешагнул через тело, мельком глянув на дыры в голове. Прошелестел слух о том, что этот погиб оттого, что просто сбавил скорость. Никаких волдырей или судорог, он всего лишь слишком часто сбавлял скорость.

Гаррати не знал ни его имени, ни номера. А может быть, и никто не знал. Может быть, этот парень был таким же одиночкой по натуре, как и Стеббинс.

Участники Долгой Прогулки отшагали двадцать пять миль. Они шли теперь вдоль нескончаемой череды лесов и полей, и лишь изредка им на пути попадался одинокий домик или перекресток, где их поджидали, невзирая на стихающий уже дождик, радостные зрители. Была среди них, например, одна старая дама, неподвижно стоящая под черным зонтиком. Она не махала Идущим, не кричала, не улыбалась. Никаких признаков жизни в ее фигуре, ни единого движения, если не считать развевающегося на ветру подола черного платья. На среднем пальце ее правой руки был широкий перстень с малиновым камнем. А у ворота — потускневшая брошь.

Они пересекли давным-давно заброшенную железнодорожную ветку — ржавые рельсы, заросшие сорняком шпалы. Кто-то споткнулся, упал, получил предупреждение, поднялся на ноги и продолжил путь, несмотря на разбитое в кровь колено.

До Карибу оставалось всего девятнадцать миль, но до темноты они туда не доберутся. «Никакого отдыха, идти нам как проклятым», — подумал Гаррати, и это показалось ему забавным. Он рассмеялся.

Макврайс подозрительно взглянул на него:

— Устаешь?

— Нет, — отозвался Гаррати. — Я уже давно устал. — Он как будто с раздражением посмотрел на Макврайса. — Хочешь сказать, ты не устал?

— Ты, Гаррати, танцуй со мной так, как танцевал до сих пор, — ответил Макврайс, — и я никогда не устану. Мы только сотрем башмаки до дыр и добредем до звезд и до луны.

Он быстро поцеловал Гаррати и отошел.

Гаррати посмотрел ему вслед. Он не знал, что ему думать про Макврайса.

К трем сорока пяти небо расчистилось, и на западе, там, где за золотыми краями облаков пряталось солнце, появилась радуга. Косые лучи предвечернего солнца расцветили недавно вспаханные поля, и борозды, проложенные поперек склонов холмов, казались глубокими и черными. Тихий шум мотора автофургона почти убаюкивал. Гаррати уронил голову на грудь и погрузился в полудрему на ходу. Где-то впереди — Фрипорт. Но не сегодня и не завтра. Очень много шагов. Долго еще идти. И он чувствовал, что у него накопилось слишком много вопросов и слишком мало ответов. Вся Прогулка представилась ему как один большой смутный вопросительный знак. Он сказал себе, что такая штука должна быть исполнена глубокого смысла. Несомненно, так оно и есть. У такой штуки должен найтись ответ на любой вопрос; только бы ноги не сбились с ритма. И если только ему удастся...

Он ступил в лужу и окончательно проснулся. Пирсон недоуменно взглянул на него и поправил очки.

— Знаешь того пацана, который споткнулся и ободрал коленку, когда мы переходили железнодорожный переезд?

— Да. Зак, по-моему.

— Ага. Я сейчас услышал, что у него все еще течет кровь.

— Эй, маньяк, далеко еще до Карибу? — спросил его кто-то. Гаррати обернулся. Это был Баркович. Он затолкал свою желтую шляпу в задний карман, и она нагло похлопывала его по заднице.

— А я-то откуда знаю?

— Ты же вроде здесь живешь?

— Осталось миль семнадцать, — проинформировал его Макврайс. — А теперь иди, малыш, и займись своими делами.

Лицо Барковича приняло обиженное выражение, и он отошел.

— Претендент на билет, — заметил Гаррати.

— Нечего принимать его близко к сердцу, — отрезал Макврайс. — Подумай лучше о том, как втоптать его в землю.

— Есть, тренер.

Макврайс похлопал Гаррати по плечу:

— Ты победишь, друг.

— Мне кажется, мы идем вечно. Правда?

— Да.

Гаррати облизнул губы. Ему хотелось выразить свою мысль, но он не находил слов.

— Ты когда-нибудь слышал, что у тонущего человека проходит перед глазами вся жизнь?

— По-моему, где-то читал. Или в кино кто-то об этом говорил.

— А тебе не приходило в голову, что такое может случиться с нами? Во время Прогулки?

Макврайс нарочито вздрогнул.

— Господи, надеюсь, такого не будет.

Гаррати помолчал, затем заговорил снова:

— А тебе не кажется... нет, ничего. К черту.

— Нет, продолжай. Что мне не кажется?

— Тебе не кажется, что на этой дороге мы проведем весь остаток жизни? Вот что я хотел сказать. Ту часть жизни, которая оставалась бы у нас, если бы мы... не... Ну, ты понял.

Макврайс достал из кармана пачку сигарет «Мэллоу».

— Закурим?

— Я не курю.

— Я тоже.

С этими словами Макврайс сунул сигарету в рот, нашел в кармане упаковку спичек в виде книжечки с напечатанным на ней рецептом томатного соуса, зажег сигарету, затянулся и закашлялся. Гаррати вспомнился Совет Десятый: берегите дыхание. Если вы курите, постарайтесь не курить в ходе Долгой Прогулки.

— Думаю, я научусь, — с вызовом сказал Макврайс.

— Чепуху несешь, — грустно возразил Гаррати.

Макврайс удивленно взглянул на него, затем отшвырнул сигарету.

— Да, — сказал он. — Наверное, да.

Радуга пропала к четырем часам. С ними поравнялся Дейвидсон, номер 8. Симпатичный парень, только прыщ на подбородке его портил.

— Знаете, Зак действительно здорово пострадал, — сказал он.

Когда Гаррати в последний раз видел Дейвидсона, у того на спине был рюкзак, но с тех пор Дейвидсон успел его выбросить.

— Кровь все течет? — спросил Макврайс.

— Как на бойне. — Дейвидсон покачал головой. — Как все непонятно, правда? Бывает же, что упадешь — и только царапина. А ему нужно накладывать швы. Смотрите. — Он указал на дорогу.

Гаррати увидел маленькие черные пятна на твердом покрытии.

— Кровь?

— Да уж не меласса*, — мрачно отозвался Дейвидсон.

— Он испугался? — отрывисто спросил Олсон.

— Говорит — ему по фигу, — ответил Дейвидсон. — А вот я боюсь. — Он смотрел на них широко раскрытыми серыми глазами. — Я боюсь за всех нас.

Они шли вперед. Бейкер показал Гаррати очередной транспарант с его фамилией.

— Да пошли они, — сказал Гаррати, даже не взглянув. Он не отрывал взгляда от следов крови Зака, словно ковбой, выслеживающий раненого индейца. Цепочка пятен крови шла вдоль белой полосы, немного отклоняясь то вправо, то влево.

---

* Меласса — кормовая патока, отход свеклосахарного производства.

— Макврайс! — окликнул Олсон.

В последние часа два его голос сделался заметно тише. Гаррати давно решил, что ему нравится Олсон, несмотря на его показную рисовку. Ему не хотелось думать, что Олсон испуган, но это слишком бросалось в глаза.

— Что? — отозвался Макврайс.

— Это не проходит. Ну, то ощущение, что мышцы обвисли. Я говорил. Оно не проходит.

Макврайс не ответил. В лучах заходящего солнца его шрам казался совершенно белым.

— У меня такое чувство, что ноги вот-вот откажут. Они — как ненадежный фундамент. Так ведь не случится? А? — Голос Олсона почти сорвался.

Макврайс не отвечал.

— Можно мне сигарету? — Голос опять обрел низкий тембр.

— Да. Забирай всю пачку.

Олсон привычным, уверенным движением зажег сигарету и показал нос солдату, наблюдающему за ним с фургона.

— Они пасут меня уже час или около того. У них шестое чувство. — Он возвысил голос: — Вы такое любите, ребята? Скажите, что я прав! Я прав, черт возьми!

Несколько ребят оглянулись на крик и тут же отвернулись. Гаррати тоже не хотел на него смотреть. В голосе слышалась истерика. Солдаты бесстрастно взирали на Олсона. Гаррати подумал, что, должно быть, по группе сейчас пройдет слух об Олсоне, и не смог сдержать дрожь.

К половине пятого они прошли тридцать миль. Солнце уже наполовину зашло, и над горизонтом зажглась кроваво-красная полоса. Грозовые тучи ушли к востоку, и небо над дорогой стало синим и быстро темнело. Гаррати снова подумал о своем воображаемом тонущем. Не таком уже, впрочем, воображаемом. Надвигающаяся ночь скоро поглотит их всех, как море.

Паника снова охватила его. Он почувствовал внезапную уверенность, что видит дневной свет в последний раз в жиз-

ни. Ему захотелось, чтобы этот день был долгим. Ему захотелось, чтобы он продолжался. Ему захотелось, чтобы сумерки длились много часов.

— Предупреждение! Предупреждение сотому! Сотый, у вас третье предупреждение!

Зак обернулся. Мутный, непонимающий взгляд. Правая штанина пропитана кровью. И вдруг, совершенно неожиданно, Зак начал набирать скорость. Он помчался вперед, лавируя между Идущими, как футболист с мячом в руках несется к воротам*.

Автофургон увеличил скорость. Зак услышал, что он приближается, и побежал еще быстрее. Бежал он неловко, спотыкаясь, прихрамывая. Рана на колене вновь открылась, и Гаррати увидел, как на дорогу упали свежие капли крови.

Зак вырвался вперед основной группы, сделал еще одно ускорение. В течение нескольких секунд его черный, неестественно неподвижный силуэт вырисовывался на фоне красного неба, как высокое пугало, а затем он пропал. Автофургон последовал за ним, двое солдат спрыгнули с него и унылой походкой зашагали рядом с группой. Лица их были пусты.

Никто не произносил ни слова. Все лишь прислушивались. Очень долго ничего не было слышно. Поразительно, неправдоподобно долго. Только птица пролетела, только ранние майские цикады стрекотали, и еще откуда-то сзади доносился гул самолета.

Затем — резкий окрик, пауза, второй окрик.

— Хотят убедиться, — с тоской сказал кто-то.

Одолев подъем, они увидели фургон, стоящий на обочине примерно в полумиле впереди. Из выхлопной трубы вырывался синий дым. И — никаких следов Зака. Совершенно никаких следов.

— Где Главный? — закричал кто-то. Голос принадлежал круглоголовому парню по фамилии Гриббл, номер 48. В голосе слышалась подступающая паника.

---

* Речь идет об американском футболе. Эта игра напоминает регби.

Солдаты не ответили, они молча шли по краю дороги. И никто не ответил.

— Он что, опять речь говорит? — снова завопил Гриббл. — Этим он, наверное, и занимается! Так вот, он *убийца*! *Убийца* он, вот кто он такой! И я... я скажу ему! Думаете, не скажу? Я все выскажу ему в лицо! Выскажу *ему в лицо*!

Он так разбушевался, что сбился с шага, почти остановился, и солдаты в первый раз обратили на него внимание.

— Предупреждение! Предупреждение сорок восьмому!

Гриббл остановился и тут же двинулся вперед, набирая скорость. Он шагал и смотрел на свои ноги. Скоро Идущие поравнялись с поджидавшим их автофургоном, который медленно пополз с ними рядом.

Примерно без четверти пять Гаррати пообедал: тюбик паштета из тунца, несколько крекеров с сырным порошком и много воды. Он буквально заставил себя ограничиться этим. Флягу можно получить в любой момент, а вот новых порций концентратов не будет до девяти утра... а он, возможно, захочет перекусить ночью. Черт возьми, возможно, ему *понадобится* перекусить ночью.

— Может, для нас сейчас решается вопрос жизни и смерти, — заметил Бейкер, — только аппетит от этого явно не убывает.

— Но мы не можем себе позволить идти у него на поводу, — возразил Гаррати. — Мне не улыбается упасть в обморок где-нибудь часа в два ночи.

Вот уж воистину неприятная перспектива. Наверное, ты ничего не узнаешь и не почувствуешь. Просто проснешься посреди вечности.

— Поневоле задумаешься, правда? — мягко сказал Бейкер.

Гаррати посмотрел на него. Доброе, юное, красивое лицо, освещенное заходящим солнцем.

— Ага. Пропасть вопросов, над которыми я задумываюсь.

— Например?

— Вот он хотя бы. — Гаррати кивком указал на Стеббинса, который двигался все тем же шагом, каким шел с самого

начала Прогулки. Брюки у него уже почти высохли. Лицо казалось сумрачным. Он все еще берег половинку последнего сандвича.

— А что такое?

— Мне непонятно, зачем он здесь, почему он ничего не говорит. И еще — выживет он или умрет.

— Гаррати, все мы умрем.

— Будем надеяться, не сегодня.

Гаррати говорил по-прежнему тихо, но его вдруг пробрала дрожь. Он не знал, заметил ли это Бейкер. У него заныл мочевой пузырь. Он повернулся спиной вперед и на ходу расстегнул ширинку.

— А что ты думаешь про Приз? — спросил Бейкер.

— Не вижу смысла о нем думать, — ответил Гаррати и выпустил струю. Закончив, он застегнул ширинку и снова пошел вперед лицом. Он испытывал легкую радость от того, что сумел сделать свое дело и не заработать предупреждение.

— А я вот думаю о нем, — мечтательно проговорил Бейкер. — Даже не столько про Приз, сколько про деньги. Про всю сумму.

— Богатому не попасть в Царство Небесное, — отозвался Гаррати и взглянул на свои ноги — единственное, что пока не позволяло ему доподлинно узнать, где же находится Царство Небесное.

— Аллилуйя, — сказал Олсон. — После встречи нас ждет отдых.

— А ты как, верующий? — спросил Бейкер у Гаррати.

— Нет, не то чтобы. Но я на деньгах не зацикливаюсь.

— Тогда, наверное, ты вырос на картофельном супе и каше, — сказал Бейкер. — А свиное ребрышко — только когда твой отец мог себе позволить.

— Да, пожалуй, это сыграло свою роль, — согласился Гаррати и помолчал, обдумывая, стоит ли продолжать. — Но это далеко не самое важное.

Он понял, что Бейкер смотрит на него непонимающе и с легким упреком.

— Ты хотел сказать, что деньги с собой не возьмешь, — пояснил Макврайс.

Гаррати взглянул на него. На губах Макврайса играла уже знакомая ему раздражающая кривая улыбка.

— Пожалуй, да, — ответил Гаррати. — Мы ничего не приносим в этот мир и ничего не можем из него унести.

— Верно, но тебе не кажется, что в промежутке между приходом и уходом нам лучше было бы пожить в комфорте? — спросил Макврайс.

— Да к черту комфорт, — сказал Гаррати. — Если те козлы, что едут на этой вот игрушке, пристрелят тебя, то ни один врач в мире не оживит тебя, даже если запихнет тебе внутрь кучу двадцаток и пятидесяток.

— Я не умер, — просто сказал Бейкер.

— Да, но ты можешь умереть. — Вдруг его мысль показалась ему столь важной, что он поспешил высказать ее вслух: — Но предположим, ты выиграл. Ты просидишь дома шесть недель, рассчитывая, что бы делать с деньгами, — я про Приз не говорю, только про деньги. И вот ты выходишь за покупками и попадаешь под такси. Что тогда?

Харкнесс приблизился к ним. Теперь он шел рядом с Олсоном.

— Со мной-то такого не будет, — заявил он. — Если я выиграю, то куплю себе целый караван «чеккеров». Если я здесь выиграю, я вообще, наверное, больше пешком ходить не буду.

— Ты не понял, — сказал Гаррати. Еще никогда в жизни он не был так рассержен. — Ешь ты картофельный суп или филе из телятины, живешь в лачуге или в особняке, когда ты умрешь, все кончится и тебя положат в холодильную камеру в морге, как Зака или Эвинга, вот и все. Я хочу только сказать, что лучше получать время от времени, понемногу. Когда человек получает понемногу, он гораздо счастливее.

— Какой красивый словесный понос, — вмешался Макврайс.

— Разве? — закричал Гаррати. — А ты-то какие планы строишь?

— Ну, сегодня сфера моих интересов здорово изменилась, это верно...

— Еще бы она не изменилась, — проворчал Гаррати. — Разница только в том, что сейчас мы все на грани смерти.

Наступило молчание. Харкнесс снял очки и принялся их протирать. Олсон заметно побледнел. Гаррати пожалел о своих словах: он зашел слишком далеко.

Сзади кто-то явственно произнес:

— Слушайте, слушайте!

Гаррати обернулся, уверенный, что это сказал Стеббинс, хотя он еще ни разу не слышал голоса Стеббинса. Но Стеббинс шел, как и раньше, глядя себе под ноги.

— Кажется, я чересчур увлекся, — пробормотал Гаррати; он понимал, однако, что по-настоящему увлекся не он. По-настоящему увлекся Зак. — Кто хочет печенья?

Он раздал печенье товарищам. Случилось это ровно в пять часов. Солнце, наполовину опустившись, как будто зависло над горизонтом. Наверное, прекратилось вращение Земли. Трое или четверо самых рьяных ходоков, ушедших вперед от пелетона, сбавили скорость и шли теперь меньше чем в пятидесяти ярдах впереди основной группы.

Гаррати чудилось, что дорога проложена вдоль нескончаемого подъема и идти под гору им теперь вообще не суждено. Он подумал, что если бы это было правдой, то им в конце концов пришлось бы дышать через кислородные маски. Вдруг он наступил на валяющийся на дороге пояс с карманами для концентратов. Он с удивлением огляделся. Это пояс Олсона. Ладони Олсона как раз шарили по животу. На его лице было написано мрачное изумление.

— Я уронил его, — объяснил Олсон. — Хотел взять поесть и выронил его. — Он засмеялся, словно желая показать, какая же глупая штука с ним приключилась. Смех тут же резко оборвался. — Я хочу есть, — сказал Олсон.

Никто не ответил. К этому времени все уже прошли мимо пояса, и никто не имел возможности подобрать его. Гаррати

оглянулся и увидел, что пояс Олсона лежит как раз поперек белой линии.

— Я хочу есть, — терпеливо повторил Олсон.

Главному нравится видеть крутых ребят; кажется, так сказал Олсон, когда вернулся к ним, получив свой номер? Сейчас он уже не назвал бы Олсона крутым парнем. Гаррати исследовал карманы собственного пояса. У него осталось три тюбика концентратов, крекеры и кусок сыра. Правда, сыр довольно грязный.

— Держи, — сказал он и протянул Олсону сыр.

Не сказав ни слова, Олсон съел сыр.

— Мушкетер, — сказал Макврайс все с той же кривой улыбкой.

К половине шестого уже достаточно стемнело; в воздухе висела дымка. Первые светлячки носились туда-сюда. Молочно-белый туман клубился в низинах. Впереди кто-то поинтересовался:

— А что будет, если туман сгустится и кто-нибудь случайно сойдет с дороги?

Немедленно откликнулся легкоузнаваемый отвратный голос Барковича:

— А ты как думаешь, дурила?

Сошли четверо, подумал Гаррати. За восемь с половиной часов ходьбы сошли всего четверо. Он почувствовал толчок в желудке. «Мне ни за что не пережить их всех, — подумал он. — Не пережить всех. А с другой стороны, почему бы и нет? Кто-то обязательно будет последним».

Вместе с дневным светом угасли разговоры. Наступила гнетущая тишина. Обступившая их тьма, влажный воздух, лужицы на дороге... Впервые все это показалось ему абсолютно реальным и совершенно ненатуральным, ему захотелось увидеть Джен или маму, вообще какую-нибудь женщину, и он спросил себя, какого черта он здесь делает и как можно было так влипнуть. Он не мог даже обмануть себя — не знал, мол, заранее, ибо все знал. И влип-то не он один. В

этом параде сейчас принимали участие еще девяносто пять придурков.

В горле опять образовался слизистый шарик, мешающий глотать. Гаррати заметил, что впереди кто-то тихо всхлипывает. Он не знал, давно ли слышит этот звук, и никто вокруг не обращал на него внимания, словно этот звук ни к кому из них не имел отношения.

До Карибу осталось десять миль, и там по крайней мере будет свет. От этой мысли ему стало чуточку легче. В конце концов, все не так уж плохо. Он жив, и нет смысла думать о том времени, когда он умрет. Как сказал Макврайс, весь вопрос в изменении сферы интересов.

В четверть шестого пронесся слух, что группа нагоняет парня по фамилии Трейвин, одного из прежних лидеров. У Трейвина начался понос. Гаррати услышал об этом и не поверил, но ему пришлось-таки поверить, когда он увидел Трейвина. Парень на ходу подтягивал штаны. Он получал предупреждение каждый раз, когда садился на корточки. Гаррати, содрогнувшись, подумал, что пусть бы уж дерьмо стекало по ногам. Лучше быть грязным, чем мертвым.

Трейвин шел согнувшись, как Стеббинс, прикрывавший свой сандвич от дождя. Всякий раз, когда по его телу пробегала судорога, Гаррати знал, что у него очередной желудочный спазм. Гаррати почувствовал отвращение. Никакой романтики, никакой тайны. У парня схватило живот, только и всего, и по этому поводу можно испытывать только отвращение да еще своего рода животный страх. Гаррати ощутил позыв к рвоте.

Солдаты чрезвычайно внимательно следили за Трейвином. Следили и выжидали. Наконец Трейвин не то согнулся, не то упал, и солдаты пристрелили его — со спущенными штанами. Трейвин перевернулся на спину, и на его обращенном к небу лице застыла неприятная жалобная гримаса. Кого-то вырвало, и он получил предупреждение. Гаррати по звуку показалось, что желудок этого пацана вывернулся наизнанку.

— Он будет следующим, — деловито заметил Харкнесс.

— Заткнись, — сдавленно бросил Гаррати. — Заткнись, будь так любезен.

Никто не отозвался. Харкнесс начал смущенно протирать очки. Тот, кого вырвало, застрелен не был.

Их весело приветствовала компания подростков. Они сидели на одеяле и пили колу. Они узнали Гаррати, вскочили на ноги и устроили ему овацию. Ему стало не по себе. У одной из девушек большие груди. Ее дружок не отрываясь смотрел, как они всколыхнулись, когда она вскочила. Гаррати решил, что становится сексуальным маньяком.

— Посмотрите-ка на эти сиськи, — сказал Пирсон. — Боже ты мой!

Гаррати захотелось узнать, девственница ли она; сам-то он оставался девственником.

Они прошли мимо неподвижного, почти идеально круглого пруда, над которым клубился легкий туман. Пруд был похож на зеркало, задрапированное дымом и украшенное по краям таинственным узором из водных растений. Где-то хрипло квакала лягушка. Гаррати решил, что этот пруд — одно из красивейших зрелищ в его жизни.

— Чертовски здоровый штат, — раздался впереди голос Барковича.

— Этот тип чрезвычайно успешно действует мне на нервы, — медленно проговорил Маквайс. — Сейчас в моей жизни осталась одна цель: пережить его.

Олсон вслух молился Деве Марии.

Гаррати с тревогой посмотрел на него.

— Сколько у него предупреждений? — спросил Пирсон.

— Насколько я знаю — ни одного, — ответил Бейкер.

— Хорошо, но выглядит он неважно.

— Мы все уже выглядим не блестяще, — заметил Маквайс.

Снова наступила тишина. Гаррати впервые отметил, что у него болят ноги. Точнее, ступни, а не икроножные мышцы, которые одно время беспокоили его. Он заметил, что бес-

сознательно ступает на внешнюю сторону стопы, но время от времени наступает на покрытие всей стопой и вздрагивает. Он застегнул «молнию» на куртке и поднял воротник. Воздух по-прежнему был сырой и холодный.

— Эй! Вон там! — весело воскликнул Макврайс.

Гаррати и прочие повернули головы влево. Они проходили мимо кладбища, расположенного на вершине невысокого, поросшего травой холма. Оно было обнесено каменной оградой, а между покосившимися надгробными памятниками собирался туман. Ангел с поломанным крылом таращился на них пустыми глазницами. Птица-пополэень сидела на верхушке ржавого флагштока, оставшегося здесь от какого-то государственного праздника, и нагло рассматривала их.

— Вот и первое наше кладбище, — сказал Макврайс. — Оно с твоей стороны, Рей, ты теряешь все очки. Помнишь такую игру?

— Слишком много выступаешь, — неожиданно сказал Олсон.

— Генри, приятель, чем тебе не нравятся кладбища? Здесь царят тишина и покой, как сказал поэт. Славный непромокаемый панцирь...

— Захлопни пасть!

— А, да ты решил пошутить! — невозмутимо продолжал Макврайс. Его шрам горел белым в отблесках уходящего дня. — Ну-ну, Олсон, ты же не скажешь, что тебя не привлекает мысль о смерти? Как говорил поэт: «Но смерти нет, есть долгий-долгий сон в могиле». Тебя не тянет туда, друг? — Макврайс протрубил начало какой-то мелодии. — Выше голову, Чарли! Новый светлый день...

— Оставь его в покое, — тихо сказал Бейкер.

— А почему? Он активно убеждает себя, что может выйти из игры в любой момент, стоит только захотеть. И если он просто ляжет и умрет, это будет не так уж плохо, как кажется другим. Нет, я не собираюсь оставлять его наедине с такими мыслями.

— Не умрет он — умрешь ты, — сказал Гаррати.

— Ну да, я помню. — Маквpайс улыбнулся Гаррати напряженной, кривой улыбкой... Только теперь в ней не было ни тени юмора. Неожиданно ему показалось, что Маквpайс взбешен, и он почти испугался такого Маквpайса. — Это он кое-что забыл. И еще тут этот индюк...

— Я больше не хочу, — глухо сказал Олсон. — Мне все надоело.

— Крутые ребята, — парировал Маквpайс, поворачиваясь к Олсону. — Ты ведь так говорил? Ну и к черту их. Так ложись помирай.

— Оставь его в покое, — сказал Гаррати.

— Послушай, Рей...

— Нет, это ты послушай. Хватит с нас одного Барковича. Пусть Хэнк поступает так, как считает нужным. Не забывай, мы не мушкетеры.

Маквpайс опять улыбнулся:

— Согласен, Гаррати. Ты выиграл.

Олсон ничего не говорил. Он только поднимал одну ногу, ставил ее на землю и поднимал другую.

К шести тридцати стемнело окончательно. До Карибу теперь оставалось всего шесть миль, и город уже показался на горизонте в туманной дымке. Несколько человек пришли сюда, на дорогу, чтобы встретить Идущих у города. Теперь все они, по-видимому, возвращались домой к ужину. Ноги Гаррати чувствовали прохладную влагу, висящую в воздухе. Звезды стали ярче. Сверкала Венера, и Большая Медведица была на привычном месте. Гаррати с детства хорошо знал созвездия. Он показал Пирсону Кассиопею, но тот только хмыкнул.

Гаррати подумал о Джен, о своей подруге, и почувствовал укол вины за то, что поцеловал ту незнакомую девушку. Он уже забыл, как выглядела та девушка, но помнил, что она взволновала его. Он пришел в возбуждение, когда положил ей руку на зад; а что было бы, если бы он погладил ее между

ног? При этой мысли в паху как будто развернулась пружина, и он слегка вздрогнул.

У Джен длинные, почти до талии, волосы. Ей шестнадцать лет. Грудь у нее не такая большая, как у той девушки, с которой он целовался. Он любил играть с ее грудью. От этого он сходил с ума. Она не позволила бы ему заняться с ней любовью, а он не знал, как ее заставить. Ей этого хотелось, но она не согласилась бы. Гаррати знал, что некоторые ребята умеют это — уговорить девушку, но ему, наверное, не хватало характера — а может быть, *воли,* — чтобы ее убедить. Интересно, сколько девственников среди них? Вот Гриббл назвал Главного убийцей. Девственник ли Гриббл? Не исключено.

Они пересекли городскую черту Карибу. Их встретила большая толпа и микроавтобус телестудии. Ряды фонарей освещали дорогу теплым белым светом. Идущие словно вступили в лагуну солнечного света, им предстоит пройти ее и опять раствориться во мраке.

Толстяк телевизионщик, одетый в костюм-тройку, затрусил рядом с ними. Он подносил то одному, то другому участнику Прогулки микрофон на длинном шнуре и задавал вопросы. Позади него два техника разматывали моток кабеля.

— Как вы себя чувствуете?

— Нормально. По-моему, нормально.

— Вы не устали?

— Ну да, вы сами понимаете. Да. Но я пока в порядке.

— Как вы полагаете, каковы сейчас ваши шансы?

— Ну, не знаю... Думаю, нормальные. У меня сохранилось достаточно сил.

Громадного как бык парня, Скрамма, он спросил, что тот думает о Долгой Прогулке. Скрамм ухмыльнулся и сказал, что, на его взгляд, это самая долгая на свете гребаная штука. Репортер сделал техникам знак, имитирующий движение ножниц, и один из техников устало кивнул.

Вскоре кабель был размотан на всю длину, и репортер стал пробираться обратно к передвижной студии, стараясь не

споткнуться о кабель. Зрители, которым телевизионщики были не менее интересны, чем участники Прогулки, оглушительно ревели и ритмично поднимали и опускали плакаты с портретами Главного. Палки, к которым они прибили портреты, были срезаны совсем недавно, так что даже не успели высохнуть. Когда они увидели, что камеры направлены на них, они принялись орать еще неистовее и махать руками, чтобы передать привет тетушкам бетти и дядюшкам фредам.

Идущие свернули за угол и прошли мимо небольшого магазина, около которого его владелец, коротышка в заляпанном белом костюме, выставил столик с прохладительными напитками и повесил над ним надпись: ПОДАРОК УЧАСТНИКАМ ДОЛГОЙ ПРОГУЛКИ — ЗА СЧЕТ МАГАЗИНА «У ЭВА»! Неподалеку стоял полицейский патрульный автомобиль, и двое полицейских объясняли Эву (как они делали это каждый год), что правила запрещают зрителям предлагать Идущим какую-либо помощь, в том числе и прохладительные напитки.

Они прошли мимо «Карибу пэйпер миллс инкорпорейтед» — громадного закопченного здания, стоящего на берегу грязной речки. Работники этой писчебумажной фабрики выстроились вдоль забора, дружески приветствовали ходоков, махали руками. Последнего из идущих — Стеббинса — они освистали, и Гаррати, оглянувшись через плечо, увидел, что рабочие потянулись обратно в здание.

— Он тебя спрашивал? — осведомился у Гаррати скрипучий голос. Гаррати раздраженно взглянул на надоедливого Гэри Барковича:

— Кто меня спрашивал и о чем?

— Репортер, дурила. Он спрашивал, как ты себя чувствуешь?

— Нет, он ко мне не подходил.

Гаррати очень хотелось, чтобы Баркович убрался прочь. И еще ему хотелось, чтобы острая боль в подошвах убралась прочь.

— А меня спрашивали, — объявил Баркович. — И знаешь, что я им сказал?

— Не-а.

— Я сказал, что чувствую себя великолепно, — с вызовом произнес Баркович. — Сказал, что чувствую в себе колоссальную силу. Сказал, что готов вечно идти вперед. А знаешь, что я им еще сказал?

— Да заткнись ты, — бросил Пирсон.

— Тебя-то, урод долговязый, кто спрашивает? — крикнул Баркович.

— Вали отсюда, — сказал Макврайс. — У меня голова от тебя болит.

Нового оскорбления Баркович не вытерпел. Он зашагал вперед и прицепился к Колли Паркеру:

— Он тебя спрашивал?..

— Греби отсюда, пока я не оторвал тебе нос и не заставил его сожрать, — прорычал Колли Паркер. Баркович поспешно отошел. О Колли Паркере говорили, что он злобный сукин сын.

— От этого типа мне на стенку лезть хочется, — сказал Пирсон.

— Он был бы рад это слышать, — сказал Макврайс. — Ему бы это понравилось. Он сказал репортеру, что хотел бы сплясать на множестве могил. И он говорил, что думал. Именно это и помогает ему идти.

— Если еще раз подойдет, я его сшибу, — заявил Олсон. Голос у него был усталый и тусклый.

— Ша-ша. — Это Макврайс. — Совет Восьмой: не мешать другим Идущим.

— Засунь этот Совет знаешь куда, — возразил Олсон с легкой улыбкой.

— Смотри-ка, — усмехнулся Макврайс, — ты начинаешь оживать.

К семи часам вечера группа, до сих пор двигавшаяся со скоростью, совсем чуть-чуть превышающей минимальную, пошла несколько быстрее. Становилось прохладно, и быст-

рый шаг помогал согреться. Они прошли под платной магистралью, и несколько человек, находившихся в стеклянном магазине у въезда на магистраль, приветствовали их криками.

— Мы ведь, кажется, должны где-то пройти по платной магистрали? — спросил Бейкер.

— В Олдтауне, — ответил Гаррати. — Дотуда примерно сто двадцать миль.

Харкнесс присвистнул.

Очень скоро Идущие вошли в центральную часть Карибу. Теперь они находились в сорока четырех милях от старта.

Глава 4

Последнее игровое шоу будет таким: проигравшего убивают.

Чак Бэррис,
создатель игровых шоу
Проект «Гонг-шоу»

Карибу разочаровал всех. Он оказался в точности таким, как Лаймстоун.

Зрителей здесь было больше, но во всех прочих отношениях это был самый обыкновенный фабричный городок, в котором имелось несколько автозаправочных станций и магазинов, один торговый центр, в котором, согласно развешенным повсюду рекламным объявлениям, проходила НАША ЕЖЕГОДНАЯ РАСПРОДАЖА «ИДИ СЕГОДНЯ ЗА ТЕМ, ЧТО ЦЕННО!», и парк с мемориалом, посвященным ветеранам войны. Маленький, жутко непрофессиональный ансамбль учащихся средней школы сыграл сначала национальный гимн, затем — смесь разных маршей Соузы и наконец проявил свой до ужаса отвратный вкус тем, что изобразил мелодию «Марша в Преторию».

Вновь напомнила о себе та женщина, которая безумно далеко отсюда уже поднимала шум. Она все еще разыскивала своего Перси. На сей раз ей удалось пробраться через полицейский кордон и выбраться прямо на дорогу. Она расталкивала Идущих, а одному из них даже нечаянно поставила подножку. Она вопила, чтобы Перси немедленно шел домой. Солдаты взяли карабины на изготовку, и всем показалось, что она вот-вот сама получит билет за вмешательство в ход Прогулки. Затем один из полицейских замкнул наручник на запястье женщины и уволок ее. Маленький мальчик сидел на мусорном баке с надписью ПУСТЬ МЭН БУДЕТ ЧИСТЫМ, ел сосиску в булочке и внимательно наблюдал, как полицейские заталкивают мать Перси в патрульную машину. Эпизод с матерью Перси был самым запоминающимся из всех, что имели место в Карибу.

— Рей, что после Олдтауна? — спросил Маквpайс.

— У меня нет карты маршрута, — раздраженно бросил Гаррати. — Думаю, Бангор. Потом Огаста. Потом Киттери и граница штата, до нее осталось миль триста тридцать. Хочешь верь, хочешь не верь. Идет? Я сказал все, что знаю.

Кто-то присвистнул:

— Триста тридцать миль!

— Невероятно, — мрачно проговорил Харкнесс.

— Да в этой проклятой Прогулке все невероятно, — сказал Маквpайс. — Интересно, где сейчас Главный?

— Трахается в Огасте, — отозвался Олсон.

Все улыбнулись, а Гаррати отметил про себя: удивительно, но за каких-то десять часов Главный превратился в их глазах из Бога в маммону.

Оставалось девяносто пять человек. Но даже не это самое худшее. Хуже всего увидеть, как покупает билет Маквpайс или Бейкер. Или Харкнесс, который так носится со своей дурацкой идеей насчет книги. Гаррати трусливо отогнал от себя эту мысль.

Карибу остался позади, и теперь они двигались по пустынной дороге. Они миновали перекресток, и еще долго в спину им светил единственный высокий фонарь, освещая их фигуры и создавая на дороге длинные ломаные тени. Вдалеке послышался гудок поезда. Луна освещала неверным светом стелющийся по земле туман и придавала ему жемчужно-опаловый оттенок.

Гаррати отхлебнул воды.

— Предупреждение! Предупреждение двенадцатому! Двенадцатый, у вас последнее предупреждение!

12-й номер был у мальчика по фамилии Фентер. На нем была сувенирная тенниска с надписью Я ПРОЕХАЛ ПО ВАШИНГТОНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ. Фентер облизывал губы. Прошуршал слух, что у него сильно одеревенела нога. Когда десять минут спустя его застрелили, Гаррати почти ничего не почувствовал. Он слишком устал. Он обошел тело Фентера. Глянул вниз, увидел какой-то блестящий предмет у него в руке. Образ святого Христофора.

— Хотите знать, чем я займусь, если выберусь отсюда? — нарушил молчание Макврайс.

— Чем? — спросил Бейкер.

— Сексом. Пока конец не посинеет. Мне в жизни так не хотелось, как сейчас, именно вот сейчас, без четверти восемь вечера первого мая.

— Ты это серьезно? — спросил Гаррати.

— Вполне, — кивнул Макврайс. — У меня и на тебя, Рей, встанет, если ты еще не начал бриться.

Гаррати рассмеялся.

— Прекрасный принц — вот кто я такой, — сказал Макврайс. Его рука коснулась шрама на щеке. — И сейчас мне нужна только Спящая Красавица. Я разбужу ее поцелуем взасос, и мы с ней вдвоем поедем туда, где заходит солнце. Или хотя бы в ближайший мотель.

— Пойдем, — без всякой связи сказал Олсон.

— Что такое?

— Пойдем туда, где заходит солнце.

— Пойдем туда, где заходит солнце, согласен, — продолжал Макврайс. — Так или иначе — истинная любовь. Дорогой мой Хэнк, ты веришь в истинную любовь?

— Я верю, что могу кидать палки, — ответил Олсон, и Арт Бейкер расхохотался.

— Я верю в истинную любовь, — сказал Гаррати и тут же пожалел об этом. Слишком наивно вышло.

— А я знаете почему не верю? — сказал Олсон. Он посмотрел на Гаррати и вдруг оскалил зубы. Страшноватой вышла эта усмешка. — Спросите Фентера. Спросите Зака. Они знают.

— Ничего себе взгляд, — вмешался Пирсон. Он вынырнул откуда-то из темноты и опять пошел рядом с ними. Он хромал; не то чтобы жестоко, но довольно заметно хромал.

— Ну почему же, — возразил Макврайс и, помолчав, загадочно добавил: — Мертвяков никто не любит.

— Их Эдгар Аллан По любил, — сообщил Бейкер. — В школе я писал о нем реферат и читал, что у него было извращение... не... некро...

— Некрофилия, — подсказал Гаррати.

— Вот-вот.

— Что это такое? — спросил Пирсон.

— Это когда тебя сильно тянет переспать с мертвой женщиной, — объяснил Бейкер. — Ну, или с мертвым мужчиной — если ты женщина.

— Или гомик, — вставил Макврайс.

— Черт подери, — прохрипел Олсон, — мы совсем до каких-то гадостей договорились. Обсуждаем, как трахать мертвецов!

— А почему бы и не обсудить? — произнес низкий печальный голос. Абрахам, номер 2. Он был высокий и какой-то развинченный; при ходьбе все время волочил ноги. — На мой взгляд, каждому из нас не мешало бы задуматься на минутку, какая половая жизнь ждет нас в следующем мире.

— Мне — Мэрилин Монро, — заявил Маквpайс. — А ты, дружище Аб, можешь заполучить Элеонору Рузвельт*.

Абрахам жестом попросил его замолчать. Где-то впереди солдаты вынесли предупреждение.

— Секунду. Одну секунду только, чтоб вам... — Олсон говорил медленно, словно испытывал серьезные затруднения с речью. — Вы все совершенно не то говорите. Вы все.

— Трансцендентальные свойства любви, лекция знаменитого философа и великого трахаля Генри Олсона, — сказал Маквpайс. — Автора «Ямки между грудями» и других работ, посвященных...

— Погоди! — заорал Олсон. Его надтреснутый голос напоминал звук бьющегося стекла. — Можешь ты, сука, хоть одну секунду помолчать? Любовь — это залезть и вставить! Это ничто! Это мерзость, вот и все! Вы поняли?

Никто не ответил. Гаррати смотрел вперед, туда, где черные как уголь холмы смыкались с темным, усеянным точками звезд небом. Подумал о том, не начинаются ли судороги в его левой стопе. «Я хочу сесть, — зло подумал он. — К черту все, я хочу сесть».

— Любовь — это пшик! — рычал Олсон. — В жизни есть три настоящие вещи: хорошо пожрать, хорошо потрахаться и хорошо посрать. *Все!* А когда вы станете такими, как Фентер и Зак...

— Помолчи, — раздался сзади усталый голос. Гаррати знал, что это сказал Стеббинс, но, когда он обернулся, Стеббинс по-прежнему шагал вдоль левой кромки дороги, глядя себе под ноги.

В небе пролетел сверхзвуковой самолет и прочертил за собой длинную перистую полосу. Он летел довольно низко, так что Идущие могли видеть мигающие бортовые огни — желтый и зеленый. Бейкер снова принялся насвистывать. Глаза Гаррати почти закрылись. Ноги шли сами по себе.

---

* Элеонора Рузвельт (1884—1962) — супруга 32-го президента США Франклина Делано Рузвельта. Пользовалась большой популярностью как общественный деятель.

Его ум стал уплывать куда-то в полудреме. Обрывки мыслей лениво бродили в голове, наслаивались друг на друга. Он вспоминал, как мама пела ему ирландскую колыбельную, когда он был маленьким... что-то о море и раковинах, о царстве подводном. Вспоминал ее лицо, огромное и прекрасное, как лицо актрисы на киноэкране. Он хотел целовать ее и любить вечно. А когда он вырастет, он на ней женится.

Затем на ее месте возникло добродушное польское личико Джен, ее светлые волосы, свободно спадающие почти до пояса. На ней был купальник-бикини и короткий пляжный халат — ведь они ехали в Рид-Бич. На Гаррати были потрепанные хлопчатобумажные шорты.

Джен уже не было. Ее лицо стало лицом Джимми Оуэнса, мальчишки, который жил в квартале от них. Гаррати было пять, и Джимми было пять, и мама Джимми застукала их, когда они в песочнице около дома Джимми играли в больницу. Оба они, голые, рассматривали друг у друга затвердевшие пенисы. Мама Джимми позвонила тогда его маме, его мама примчалась за ним, усадила на стул у себя в спальне и стала спрашивать, как ему понравится, если она проведет его без одежды по всей улице. Его засыпающее тело содрогнулось от смущения и стыда. Он расплакался тогда и умолял, чтобы она не водила его без одежды... и не говорила отцу.

Ему семь лет. Они с Джимми Оуэнсом стоят у запыленной витрины магазина строительных материалов Бэрра и рассматривают календари с изображениями голых женщин; они знают, на что они пялятся, и в то же время совсем ничего не знают, но чувствуют непонятное, постыдное, но приятное возбуждение. Что-то наползает на них. Там была одна блондинка, бедра ее были прикрыты голубой шелковой тканью, и на нее они долго смотрели, очень долго. И еще они спорили о том, что бывает под одеждой. Джимми сказал, что видел свою мать без одежды. Джимми сказал, что знает. Джимми сказал, что там волосики и открытая щель. А Гаррати не поверил Джимми, потому что рассказ Джимми был отвратителен.

Но он не сомневался, что у женщин там должно быть не так, как у мужчин, и они долго, до самой темноты обсуждали этот вопрос. Напротив магазина Бэрра находилась бейсбольная площадка, и они с Джимми наблюдали за матчем дворовых команд, убивали комаров у себя на щеках и спорили. Даже сейчас, в полусне, он чувствовал, именно чувствовал набрякший бугор между ног.

На следующий год он ударил Джимми Оуэнса по губам дулом духового ружья, и врачам пришлось наложить Джимми четыре шва на верхнюю губу. Это было за год до того, как они переехали. Он не хотел бить Джимми по губам. Это вышло случайно. Он был уверен, хотя к тому времени уже знал, что Джимми был прав, так как он сам увидел свою мать голой (он не хотел видеть ее голой, это вышло случайно). Там внизу волосики. Волосики и щель.

Ш-ш-ш, родной, это не тигр, это твой медвежонок... Море и раковины, царство подводное... Мама любит своего мальчика... Ш-ш-ш... Баю-бай...

— Предупреждение! Предупреждение сорок седьмому!

Кто-то грубо пихнул его локтем под ребро.

— Это тебе, друг. Проснись и пой. — Макврайс широко улыбался ему.

— Сколько времени? — с трудом проговорил Гаррати.

— Восемь тридцать пять.

— Но я же...

— Целую ночь проспал, — договорил за него Макврайс. — Мне это чувство знакомо.

— Ну да, мне так казалось.

— Старый обманный трюк мозга, — сказал Макврайс. — Хорошо, что ноги такой трюк не применяют, правда?

— А я их смазал, — сказал Пирсон с идиотской ухмылкой. — Хорошо, что никто до этого не додумался, правда?

Гаррати пришло в голову, что воспоминания — все равно что линия, прочерченная в пыли: чем дальше, тем более неясной она становится и тем тяжелее разглядеть ее. А в конце — ничего, кроме гладкой поверхности, пустоты, из которой ты

явился на свет. А еще воспоминания чем-то похожи на дорогу. Она перед тобой, реальная, осязаемая, и в то же время начало пути, то место, где ты был в девять часов утра, очень далеко и не играет для тебя никакой роли.

Участники Прогулки одолели почти пятьдесят миль. Заговорили о том, что скоро появится джип Главного, на отметке в пятьдесят миль он ознакомится с положением дел и произнесет небольшую речь. Гаррати решил, что этот слух скорее всего не подтвердится.

Перед ними лежал долгий крутой подъем, и Гаррати решил снять куртку, но передумал. Все-таки он расстегнул «молнию» и решил некоторое время идти спиной вперед. Перед ним мелькнули огни Карибу, и он подумал о жене Лота, которая обернулась и превратилась в соляной столп.

— Предупреждение! Предупреждение сорок седьмому! Второе предупреждение, сорок седьмой!

Гаррати не сразу понял, что эти слова обращены к нему. Второе предупреждение за десять минут. К нему вновь вернулся страх. Ему вспомнился безымянный мальчик, который умер оттого, что слишком часто замедлял ход. А он делает сейчас то же самое.

Он огляделся. Маквайс, Харкнесс, Бейкер и Олсон смотрели на него. Олсон держался особенно хорошо. Гаррати уловил его напряженный взгляд. Олсон пережил шестерых. И ему хочется, чтобы Гаррати стал седьмым. Семь — счастливое число. Он желает, чтобы Гаррати умер.

— На мне что-нибудь написано? — раздраженно обратился к нему Гаррати.

— Нет, — ответил Олсон, отводя взгляд. — Нет, конечно.

Теперь Гаррати шагал сосредоточенно и решительно, размахивая руками в такт ходьбе. Без двадцати девять. Без двадцати одиннадцать — через восемь миль — у него снова не будет предупреждений. Он испытывал истерическое желание выкрикнуть вслух, что он способен преодолеть эти восемь миль, что незачем группе говорить о нем, они не увидят, как он получает билет... пока.

Туман расползался полосками по дороге. Фигуры ребят, движущиеся среди тумана, напоминали острова, почему-то пустившиеся в свободное плавание. На исходе пятидесятой мили Прогулки они прошли мимо небольшого покосившегося гаража, у дверей которого лежал проржавевший бензонасос. Гараж этот показался Идущим не более чем зловещей бесформенной тенью, выступившей из тумана. Единственным источником света в этом месте была флюоресцентная лампа в телефонной будке. Главный не появился. И никто не появился.

Они прошли поворот и увидели впереди желтый дорожный знак. По группе прошелестел слух, и прежде чем Гаррати смог прочитать надпись, он уже знал ее содержание: КРУТОЙ ПОДЪЕМ. АВТОМОБИЛЯМ ДВИГАТЬСЯ НА МАЛЫХ ПЕРЕДАЧАХ.

Вздохи, стоны. Где-то впереди раздался веселый голос Барковича:

— Вперед, братцы! Кто наперегонки со мной?

— Ты, маленькое недоразумение, захлопни свою вонючую пасть, — тихо ответил кто-то.

— Обгони-ка меня, дурила! — взвизгнул Баркович. — Три-четыре! Ну, обгони меня!

— У него ломается голос, — сказал Бейкер.

— Нет, — возразил Макврайс, — это он сам выламывается. Такие люди всегда очень много выламываются.

Очень тихий, мертвенный голос Олсона:

— Кажется, мне не одолеть этот холм. Четыре мили в час я не сделаю.

Они уже подошли к подножию холма. Вот-вот начнется подъем. Из-за тумана вершины не было видно. Вполне возможно, подумал Гаррати, этот подъем не кончится никогда.

Они шли вверх.

Гаррати обнаружил, что вверх идти легче, если смотреть под ноги и слегка наклонить корпус вперед. Надо смотреть вниз, на узенькую полоску земли между стопами, и тогда возникает впечатление, что идешь по горизонтальной поверх-

ности. Конечно, не удастся убедить себя, что легкие работают в нормальном режиме и глотка не пересыхает, поскольку это не так.

Как ни странно, опять прошелестел слух — значит, у кого-то еще хватало дыхания. Говорили о том, что в гору предстоит идти четверть мили. Еще говорили, что в гору предстоит идти две мили. Еще говорили, что никогда ни один Идущий не получал билета на этом холме. Еще говорили, что в прошлом году здесь трое получили билеты. И наконец разговоры прекратились.

— Я не могу. Я больше не могу, — монотонно повторял Олсон. Он дышал коротко и часто, как измученная собака, но все же продолжал идти, и все они продолжали идти. Стали слышны негромкие хрипы в груди и неровное дыхание Идущих. Других звуков не было — только бормотание Олсона, шарканье множества подошв и треск двигателя автофургона, который двигался вдоль обочины рядом с группой.

Гаррати почувствовал, как внутри у него растет панический страх. Он вполне может здесь умереть. Ничего особенного. Он уже задремал на ходу и заработал два предупреждения. До последней черты осталось совсем немного. Стоит ему сбиться с шага, и он получит третье, последнее предупреждение. А затем...

— Предупреждение! Предупреждение семидесятому!

— По твою душу, Олсон, — сказал, тяжело дыша, Макврайс. — Соберись. Я хочу посмотреть, как на спуске ты сплюшешь, как Фред Астор*.

— Тебе-то какое дело? — огрызнулся Олсон.

Макврайс не ответил. Олсон же нашел в себе еще какие-то силы и зашагал с нужной скоростью. Гаррати испуганно подумал: те силы, которые отыскал Олсон, — не последний

---

* Фред Астор — популярный в предвоенные годы американский эстрадный артист. Ему и его партнерше Джинджер Роджерс посвящен фильм Ф. Феллини «Джинджер и Фред».

ли его запас? А еще он вспомнил про Стеббинса, бредущего в хвосте группы. Как ты там, Стеббинс? Не устал еще?

Впереди номер 60, парень по фамилии Ларсон, неожиданно сел на землю. Получил предупреждение. Группа разделилась, чтобы обойти его, как расступились воды Чермного моря перед сынами Израилевыми*.

— Я просто отдохну чуть-чуть, можно? — сказал Ларсон с доверчивой, подкупающей улыбкой. — Я сейчас не могу больше идти. — Его улыбка стала шире, и он продемонстрировал ее солдату, который спрыгнул с автофургона с карабином в одной руке и с хронометром из нержавеющей стали в другой.

— Предупреждение шестидесятому, — сказал солдат. — Второе предупреждение.

— Послушайте, я нагоню, — очень убедительно заговорил Ларсон. — Я просто отдыхаю. Не может же человек все время идти. Ну *не все же время!* Правильно я говорю, ребята?

Олсон прошел мимо него с коротким стоном и отшатнулся, когда Ларсон попытался дотронуться до его штанины.

Гаррати почувствовал, как кровь пульсирует в висках. Ларсон получил третье предупреждение... Теперь до него дойдет, подумал Гаррати, вот сейчас он поднимется и рванет дальше.

По всей видимости, до Ларсона наконец дошло. Он вернулся к реальности.

— Эй! — послышался за спинами Идущих его голос, высокий и встревоженный. — Эй, секундочку, не делайте этого, я встаю. Эй, не надо! Не...

Выстрел. Путь в гору продолжался.

— Девяносто три бутылки на полке, — тихо проговорил Макврайс.

Гаррати не стал отвечать. Он смотрел под ноги и шел вперед, полностью сосредоточившись на единственной задаче:

---

* См. Исход, гл. 14. Чермное море — Красное море.

добраться до вершины холма без третьего предупреждения. Этот подъем, этот чудовищный подъем должен же скоро кончиться. Он обязательно кончится.

Кто-то впереди издал пронзительный, задыхающийся крик, и карабины выстрелили одновременно.

— Баркович, — хрипло сказал Бейкер. — Это Баркович, я уверен.

— А вот и нет, козел! — отозвался из темноты Баркович. — Ошибка — сто процентов!

Они так и не увидели парня, который сошел вслед за Ларсоном. Он шел в авангарде, и его успели убрать с дороги до того, как основная группа подошла к месту его гибели. Гаррати решился поднять взгляд от дороги и тут же об этом пожалел. Он увидел вершину холма — едва-едва увидел. До нее оставалось примерно столько, сколько от одних футбольных ворот до других*. Все равно что сто миль. Никто ничего не говорил. Каждый погрузился в свой отдельный мир страданий и борьбы за жизнь. Невероятно долгие секунды, долгие, как часы.

Неподалеку от вершины от основной трассы отходила незаасфальтированная проезжая дорога, и на ней стоял фермер с семейством. Старик со сросшимися бровями, женщина с мелкими острыми чертами лица и трое подростков — судя по виду, все трое туповатые, — молча смотрели на проходящих мимо ходоков.

— Ему бы... вилы, — задыхаясь, выговорил Макврайс. По его лицу струился пот. — И пусть... его... рисует... Грант Вуд**.

Кто-то крикнул:

— Привет, папаша!

Ни фермер, ни его жена, ни его дети не ответили. Они не улыбались. Не держали табличек. Не махали. Они смотрели. Гаррати вспомнил вестерны, которые он во время оно смотрел по субботам; там герой оставался умирать в пустыне, а

---

* Длина поля в американском футболе — 120 ярдов, или 110 м.

** Грант Вуд — американский художник, работавший в первой половине XX в. Изображал сцены из жизни американской провинции.

над его головой кружили сарычи. Семейство фермера осталось позади, и Гаррати был этому рад. Он подумал, что этот фермер, и его жена, и его туповатые отпрыски будут стоять на этом месте первого мая и на следующий год... и еще через год... и еще. Скольких мальчишек застрелили на их глазах? Дюжину? Или двоих? Гаррати не хотелось об этом думать. Он сделал глоток из фляги, прополоскал рот, пытаясь смыть запекшуюся слюну, затем выплюнул воду.

Подъем не кончался. Впереди Толанд потерял сознание и был убит после того, как оставшийся около него солдат вынес бесчувственному телу три предупреждения. Гаррати казалось, что они идут в гору по меньшей мере месяц. Ну да, как минимум месяц, и это еще скромная оценка, потому что на самом деле идут они четвертый год. Он хихикнул, опять набрал в рот воды, прополоскал и на этот раз проглотил воду. Судороги пока нет. Сейчас судорога его доконала бы. Но она может приключиться. Может, из-за того, что кто-то приделал к его туфлям свинцовые подошвы, когда он отвернулся.

Девятерых уже нет, и ровно треть от этого числа легла здесь, на этом подъеме. Главный предложил Олсону устроить им ад, но это не ад, это нечто весьма похожее. Очень, очень похожее...

О Господи Иисусе...

Гаррати вдруг понял, что у него кружится голова и он тоже вполне может потерять сознание. Он поднял руку и несколько раз с силой ударил себя по лицу.

— Ты в порядке? — спросил его Макврайс.

— Теряю сознание.

— Вылей... — Натужный, свистящий вздох. — Флягу... на голову.

Гаррати последовал совету. Нарекаю тебя Реймондом Дейвисом Гаррати, pax vobiscum*. Очень холодная вода. Но головокружение прошло. Вода пролилась за шиворот, и по телу побежали леденящие ручейки.

---

* Мир с вами *(лат.)*.

— Флягу! Сорок седьмому! — Он вложил в этот крик столько сил, что немедленно вновь почувствовал себя вымотанным до предела. Надо было чуть-чуть подождать.

Один из солдат трусцой подбежал к нему и протянул свежую флягу. Гаррати почувствовал, как непроницаемые мраморные глаза солдата оценивающе смотрят на него.

— Уходи, — грубо сказал он, принимая флягу. — Тебе платят за то, чтобы ты в меня стрелял, а не глазел.

Солдат удалился. Лицо его не дрогнуло. Гаррати заставил себя чуть прибавить шагу.

Они шли вперед, билетов никто не получал, и в девять часов они были на вершине. Двенадцать часов они в пути. Но это не важно. Важно то, что на вершине их обдувает свежий ветер. И птица пролетела. И мокрая рубаха прилипла к спине. И воспоминания в мозгу. Вот что важно, и Гаррати сознательно отдался этим ощущениям. Они принадлежат ему, он их еще не утратил.

— Пит!

— Да.

— Послушай, я рад, что живой.

Макврайс не ответил. Теперь они шли под гору. Идти стало легко.

— Я очень постараюсь выжить, — сказал Гаррати почти виноватым тоном.

Они прошли очередной поворот. До Олдтауна и сравнительно прямой главной магистрали оставалось еще сто пятнадцать миль.

— А разве не это — наша главная задача? — помолчав, сказал Макврайс. Голос у него был теперь глухой и хриплый, словно доносился из пыльного погреба.

Некоторое время все молчали. Бейкер — у него пока не было предупреждений — шел ровной легкой походкой, засунув руки в карманы; голова его слегка покачивалась в такт ходьбе. Олсон снова беседовал с Пресвятой Богородицей. Лицо его казалось белым пятном в ночной тьме. Харкнесс решил поесть.

— Гаррати! — Снова Макврайс.

— Слушаю.

— Ты когда-нибудь видел конец Долгой Прогулки?

— Нет, а ты?

— Черт возьми, нет. Просто я подумал — ты близко живешь и вообще...

— Мой отец Прогулки терпеть не мог. Однажды он показал мне Идущих — ну, как урок, что ли. Единственный раз.

— Я видел.

Гаррати чуть не подпрыгнул, услышав этот голос. Заговорил Стеббинс. Он шел теперь почти рядом с ними, по-прежнему наклонив голову вперед; его светлые волосы походили на какой-то непонятный нимб.

— И как это было? — спросил Макврайс. Голос его стал как будто моложе.

— Тебе не хочется знать, — ответил Стеббинс.

— Я же спросил, правда?

Стеббинс не ответил. Теперь он казался Гаррати интереснее, чем когда-либо. Стеббинс не выдыхался. Он не выказывал никаких признаков изнеможения. Он шел, ни на что не жалуясь, и с самого старта не получил ни одного предупреждения.

— Так как же это выглядело? — услышал он собственный голос.

— Я видел конец Прогулки четыре года назад, — сказал Стеббинс. — Мне было тринадцать лет. Все закончилось примерно в шестнадцати милях после границы Нью-Хэмпшира. Кроме полиции штата, там были Национальная гвардия и шестнадцать взводов федеральной армии. Зрители стояли по обе стороны дороги в шестьдесят рядов на протяжении пятидесяти миль. Человек двадцать или больше затоптали насмерть. Так вышло потому, что зрители пытались идти вместе с участниками, чтобы увидеть окончание. Я устроился в первом ряду. Отец меня устроил.

— Чем твой отец занимается? — спросил Гаррати.

— Служит в Сопровождении. Он все точно рассчитал. Мне не пришлось никуда идти. Прогулка закончилась на моих глазах.

— Что произошло? — негромко спросил Олсон.

— Я услышал их прежде, чем увидел. Все зрители их слышали. Это было похоже на накатывающую на нас звуковую волну. А в поле зрения они оказались только через час. Они не смотрели на толпу, ни тот, ни другой. Мне показалось, они даже не знали, что на них смотрят. Смотрели они только на дорогу. Их как будто распяли, а потом сняли с крестов и велели идти, не вынув гвозди из подошв.

Теперь уже все слушали рассказ Стеббинса. Ужас накрыл их всех, и все молчали.

— Толпа кричала так, как если бы они были в состоянии слышать приветствия. Одни выкрикивали имя одного пацана, другие — второго, но на самом деле можно было расслышать только *Вперед... Вперед... Вперед.* Меня сжали со всех сторон так, что я не мог пошевелиться. Один парень рядом со мной обмочился, или у него случился оргазм, трудно сказать.

Они прошли мимо меня. Один — высокий блондин в расстегнутой рубахе. Одна подошва у него оторвалась или отклеилась и шлепала по дороге. А второй вообще шел босиком. Носки его кончались у щиколоток. Нижняя часть... ну, стерлась в дороге, понимаете? Ступни у него были малиновые. По-моему, он их уже не чувствовал. Может, их можно было бы потом вылечить. Может быть.

— Перестань. Бога ради перестань. — Макврайс. Судя по голосу, ему стало плохо.

— Ты сам хотел знать, — почти сердечно отозвался Стеббинс. — По-моему, ты сам так говорил?

Никакого ответа. Мотор автофургона взвыл, машина набрала скорость, и кто-то впереди получил предупреждение.

— Проиграл высокий блондин. Я все видел. Они только чуть-чуть отошли от меня. Он выбросил вверх обе руки — как Супермен. Только он не взлетел, а упал вниз лицом и че-

рез тридцать секунд получил билет, потому что у него уже было три. У обоих было по три.

Толпа начала вопить. Все вопили и вопили, а потом заметили, что тот парень, который победил, пытается что-то сказать. Все замолчали. Он упал на колени, как перед молитвой, но он не молился, он просто плакал. А потом он пополз на коленях к блондину, прикрыл ему лицо полой его же рубашки. А потом он заговорил, но мы ничего не услышали. Он что-то говорил блондину в рубашке. Он разговаривал с мертвым. К нему подошли солдаты, объявили ему, что он выиграл Приз, и спросили, с чего он хочет начать.

— И что он сказал? — спросил Гаррати. Ему пришло в голову, что, задав этот вопрос, он поставил на карту жизнь.

— Ничего он им тогда не сказал, — ответил Стеббинс. — Он разговаривал с мертвым. Рассказывал ему что-то, но нам ничего не было слышно.

— А что было потом? — спросил Пирсон.

— Не помню, — отстраненно ответил Стеббинс.

Больше никто не сказал ни слова. Гаррати почувствовал приступ паники, как если бы он застрял в узкой подземной шахте и не мог выбраться. Впереди кто-то получил третье предупреждение и в отчаянии что-то прокричал, как будто прокаркал. «Господи, не допусти, чтобы сейчас кого-нибудь застрелили, — взмолился про себя Гаррати. — Я сойду с ума, если сейчас услышу выстрелы. Прошу Тебя, Боже, прошу Тебя».

Через несколько минут в ночи разнесся звук смертоносных выстрелов. Пришел черед невысокого мальчишки в свободной красно-белой шерстяной футболке. Сначала Гаррати подумал, что матери Перси больше не придется беспокоиться о сыне, но погиб не Перси. Куинси или Квентин — что-то в этом духе.

Гаррати не сошел с ума. Он повернул голову, чтобы обругать Стеббинса — скажем, спросить его, как он себя чувствует после того, как внушил парню такой ужас в его последние

минуты, но Стеббинса уже не было рядом, он занял свою привычную позицию.

Они шли вперед — девяносто человек.

Глава 5

Ты не сказал правду, поэтому придется тебе отвечать за последствия.

Боб Баркер
«Правда или последствия»

В девять часов сорок минут вечера, бесконечного вечера первого мая, Гаррати избавился от одного из двух предупреждений. После парня в футболке еще двое Идущих получили билеты. Гаррати почти не обратил на это внимания. Он тщательно исследовал самого себя.

Одна голова; в ней наблюдается некоторый беспорядок и разброд мыслей, но в целом она в неплохом состоянии. Одна шея, затекшая. Две руки, с ними нет проблем. Один корпус, с ним тоже порядок, если не считать ноющего ощущения в желудке, не вполне удовлетворенном пищевыми концентратами. Две чертовски усталых ноги. Мускулы болят. Он спросил себя, как долго эти ноги выдержат его вес самостоятельно, как долго мозгу не придется кричать на них, наказывать их, заставлять работать сверх всяких разумных пределов, чтобы в его теле не застряли пули. Как скоро эти ноги сведет судорога, после чего они подогнутся, откажутся служить и наконец прекратят борьбу и остановятся.

Ноги устали, но пока они как будто еще в приличной форме.

Две ступни. Болят. Они пострадали больше всего, нет смысла отрицать это. Он крупный парень. При каждом шаге с одной ступни на другую переносится сто шестьдесят фунтов веса. Болят подошвы. Время от времени их пронзает стре-

ляющая боль. Большой палец на левой ноге прорвал носок (он вспомнил рассказ Стеббинса, и ползучий ужас проник в мозг) и неприятно трется о туфлю. И все-таки эти ступни действуют, на них до сих пор нет волдырей, и он чувствует, что его ступни пока также в очень неплохом состоянии.

«Гаррати, — ободрил он себя, — ты в отличной форме. Двенадцать уже мертвы, возможно, вдвое больше страдают сейчас от боли, а с тобой все в порядке. Ты хорошо идешь. Молодец. Ты живой».

Разговоры, совершенно умолкшие в ходе рассказа Стеббинса, возобновились. Раз человек жив, ему свойственно разговаривать. Янник, номер 98, намеренно громко обсуждал с Уайменом, 97-м, генеалогическое древо каждого из солдат, едущих в фургоне. Оба сошлись на том, что состоит оно в основном из грязных цветных нечесаных подонков.

Пирсон неожиданно спросил у Гаррати:

— Тебе ставили клизму?

— Клизму? — переспросил Гаррати и задумался над вопросом. — Нет. По-моему, нет.

— Эй, ребята, а кому-нибудь ставили? — продолжал расспросы Пирсон. — Выкладывайте правду.

— Мне ставили, — признался Харкнесс и хихикнул. — Однажды, когда я еще маленький был, я на Хэллоуин сожрал чуть не целую сумку конфет, и мама поставила мне клизму.

— И тебе понравилось? — настаивал Пирсон.

— Ты что, обалдел? Кому понравится получить четверть кварты теплой мыльной воды в...

— Моему младшему брату нравится, — печально сказал Пирсон. — Я спросил сопляка, не жалеет ли он, что я иду, а он остается, и он говорит — нет, мол, мама, может, ему клизму поставит, если он будет хорошо себя вести. Любит он их.

— Гадость какая, — довольно громко сказал Харкнесс. Пирсон угрюмо взглянул на него.

— Я тоже так думаю, — сказал он.

Через несколько минут к группе присоединился Дейвидсон и принялся рассказывать о том, как однажды на Стебен-

виллъской ярмарке он напился пьяным и заполз в палатку, где торговали спиртным, и там его двинула по голове какая-то жирная матрона. Когда Дейвидсон объяснил ей (так он сказал), что он пьян и решил, что в этой палатке делают татуировку, раскрасневшаяся жирная матрона позволила ему (так он сказал) пощупать ее немного. Дейвидсон сказал ей, что ему хотелось наколоть на живот звездно-полосатый флаг.

Арт Бейкер рассказал, как однажды участвовал в состязании, в котором мальчишки поджигали собственные газы, и некто Дейви Попхэм сжег все волосы в заднице (а их у него там было немало) и даже обжег спину. Запах был как от паленой травы, сказал Бейкер. Харкнесс расхохотался так, что заработал предупреждение.

И пошло, и пошло. Одна крутая история следовала за другой, и в конце концов сложившийся карточный домик стал рассыпаться. Еще один человек получил предупреждение, и вскоре после этого второй Бейкер, Джеймс, заработал билет. Хорошее настроение группы улетучилось. Заговорили о девочках, разговоры начали спотыкаться и приобрели сентиментальный характер. Гаррати ничего не говорил о Джен, но когда наступили мучительные десять часов и молочно-белые клочья тумана стали явственно различимы в угольно-черной мгле, ему подумалось, что Джен — самое лучшее создание из всех, кого он когда-либо знал.

Они прошли короткий ряд ртутных фонарей, прошли небольшое селение, где все двери и ставни на окнах домов были закрыты. Переговаривались они вполголоса, и настроение у всех было подавленное. В дальнем конце селения был магазин, и на скамейке около него сидела парочка. И он, и она спали, склонив головы друг к другу. У них была табличка, надпись на которой невозможно было прочитать. Девушка совсем юная, на вид не больше четырнадцати. Молодой человек одет в спортивную куртку, застиранную настолько, что она уже никому не покажется спортивной. Идущие осторожно прошли мимо, стараясь не наступить на их тени на асфальте.

Гаррати оглянулся, не сомневаясь, что шум мотора автофургона разбудил их. Но они спали и не подозревали, что Событие уже обошло их стороной. Он подумал, что девушке, должно быть, здорово влетит от отца. Она совсем-совсем молоденькая. Может быть, подумал он, на их табличке написано УРА, УРА, ГАРРАТИ, ПАРЕНЬ ИЗ МЭНА. Почему-то ему стало слегка не по себе от этой мысли. Оставалось надеяться, что у них другая табличка.

Он съел последний концентрат и почувствовал себя чуть лучше. Теперь у него ничего не осталось на случай, если Олсон будет клянчить. Что-то непонятное творится с Олсоном. Шесть часов назад Гаррати мог бы поклясться, что Олсон на пределе. Но он продолжал идти, и у него уже не осталось предупреждений. Гаррати решил, что человек на многое способен, когда его жизнь висит на волоске. Они уже отшагали около пятидесяти четырех миль.

Последние разговоры утихли, когда безымянное селение осталось позади. Примерно час они шли в молчании, и Гаррати снова стал пробирать холодок. Он доел мамино печенье, смял фольгу и швырнул ее в канаву. Порвана еще одна ниточка, связывавшая его с большой жизнью.

Маквайс извлек из своего небольшого рюкзака зубную щетку и теперь сосредоточенно всухую чистил зубы. Все идет своим чередом, с удивлением подумал Гаррати. Если рыгнешь — надо извиниться. Надо махать в ответ людям, которые машут тебе, потому что иначе невежливо. И никто особенно не спорит ни с кем (Баркович не в счет), потому что спорить тоже невежливо. Все идет своим чередом.

А так ли? Он вспомнил, как Маквайс рычал на Стеббинса, чтобы тот заткнулся. Как Олсон тупо и униженно взял сыр, как собака берет подачку у наказавшего ее хозяина. Здесь есть какой-то чересчур резкий контраст между белым и черным.

В одиннадцать часов почти одновременно произошло несколько событий. Прошелестел слух, что дневной ливень смыл деревянный мост, через который им предстояло перейти. Когда отсутствует мост, Прогулка временно останавли-

вается. Измученные Идущие совсем чуть-чуть повеселели, и Олсон очень тихо пробормотал:

— Слава Богу.

Почти тут же Баркович обрушил поток брани на идущего с ним рядом товарища, приземистого, некрасивого парня с дурацкой фамилией Рэнк. Рэнк ударил Барковича кулаком — что строжайше запрещено правилами — и получил за это предупреждение. Баркович даже не сбился с шага. Он только опустил голову, сгруппировался и завопил:

— Эй ты, сукин сын! Я на твоей могиле еще спляшу! Давай, дурила, поднимай ноги! Поборись со мной, поборись!

Рэнк нанес ему еще один удар. Баркович уклонился, но толкнул соседа. Оба получили предупреждение. Солдаты внимательно, но равнодушно наблюдали за развитием событий — как люди наблюдают за муравьями, дерущимися из-за крошки хлеба, с горечью подумал Гаррати.

Рэнк зашагал быстрее; на Барковича он не смотрел. Баркович же, разъяренный предупреждением (толкнул он Гриббла, того самого, который хотел в лицо назвать Главного убийцей), кричал:

— Эй, Рэнк, твоя матушка сосет конец на Сорок второй улице!

Тогда Рэнк обернулся и пошел на Барковича.

Со всех сторон полетели крики:

— Сделай его! Убери дерьмо!

Рэнк не обратил на них никакого внимания. Он шел на Барковича опустив голову и мычал.

Баркович сделал шаг в сторону. Рэнк ступил на мягкую обочину, споткнулся, ноги у него разъехались на песке, и он с размаху сел. Третье предупреждение.

— Давай, дурила! — дразнил его Баркович. — Вставай!

Рэнк действительно встал. Затем поскользнулся и упал навзничь. Теперь он казался сонным или одурманенным.

Третье событие, имевшее место около одиннадцати, — смерть Рэнка. Щелкнули затворы карабинов. Наступившую тишину прорезал громкий, чистый голос Бейкера:

— Теперь ты, Баркович, уже не ублюдок. Ты убийца.

Грохнули карабины. Пули ударили с такой силой, что подбросили тело Рэнка. Затем оно замерло. Рэнк остался лежать раскинув руки. Одна его рука оказалась на дороге.

— Он сам виноват! — завопил Баркович. — Вы же видели, он меня первый ударил! Совет Восьмой! Совет номер Восемь!

Никто ничего не говорил.

— Ну и пошли вы все! Идите все на фиг!

— Иди к нему, Баркович, и спляши на его могиле, — спокойно сказал Макврайс. — Развлеки нас. Пожалуйста, буги на могиле.

— Твоя мать тоже отсасывает на Сорок второй улице, урод со шрамом! — хрипло отозвался Баркович.

— Жду не дождусь, когда твои мозги разлетятся по дороге, — тихо произнес Макврайс. Его рука потянулась к шраму и принялась тереть, тереть, тереть. — Мне тогда станет веселее, маленький вонючий убийца.

Баркович что-то пробормотал себе под нос. Остальные участники Прогулки отошли от него как от прокаженного, и он шагал теперь совершенно один.

К одиннадцати десяти они отшагали примерно шестьдесят миль и все еще не видели никаких признаков моста. Гаррати уже начал думать, что коллективный разум на сей раз дал маху, но тут они поднялись на небольшой холм и увидели огни и множество озабоченно снующих туда-сюда людей.

Фары нескольких грузовиков освещали деревянный мост, проложенный над быстрой речкой.

— Как я люблю этот мост, — сказал Олсон, доставая из пачки Макврайса сигарету. — Честное слово, люблю.

Но когда они подошли ближе, Олсон издал негромкий утробный звук и швырнул сигарету в траву. Одну из опор моста и две доски действительно смыло дождем, но солдаты Взвода трудились вовсю. На место опоры они установили телеграфный столб, предварительно отпилив от него конец нужной длины и установив для страховки импровизированный якорь — какой-то огромный цементный цилиндр. За-

менить доски у них не было возможности, поэтому на их место они уложили откидной борт грузовика. Это, конечно, не ремонт, но проход по мосту обеспечен.

— Держится на честном слове, — сказал Абрахам. — Может, он развалится, если передние притопнут.

— Маловероятно, — возразил Пирсон и добавил жалобным, надтреснутым голосом: — Ах, *черт*!

Авангард — теперь он состоял всего из троих или четверых — вступил на мост. Послышалась гулкая дробь шагов. И вот они уже на той стороне, идут вперед не оборачиваясь.

Автофургон остановился. Из него выпрыгнули двое солдат и пошли рядом с мальчиками. Еще двое на той стороне сопровождали авангард. Шаги основной группы загромыхали на мосту.

Двое мужчин в плащах и зеленых резиновых сапогах стояли, прислонясь к грузовику с надписью *ДОРОЖНЫЕ РАБОТЫ* на борту. Они курили и наблюдали за Идущими. Когда мимо них проходила группа, состоявшая из Дейвидсона, Макврайса, Олсона, Пирсона, Харкнесса, Бейкера и Гаррати, один из них выбросил сигарету в реку и сказал:

— Вот он. Вот Гаррати.

— Держись, старик! — крикнул второй. — Я поставил на тебя десять баксов! Ты *идешь двенадцать к одному*!

Гаррати разглядел в кузове грузовика очертания припорошенного опилками телеграфного столба. Эти мужики верят, что он, хочет того или нет, не сойдет с дистанции. Он приветственно поднял одну руку и вступил на мост. Задний борт грузовика, заменивший выпавшие доски, заскрипел под ногами, а потом мост остался позади. Под ногами снова была твердая дорога, и только клиновидные отблески света на стволах деревьев напоминали Идущим о передышке, которую они почти получили. Вскоре и отблески пропали.

— Долгую Прогулку когда-нибудь останавливали? — спросил Харкнесс.

— По-моему, нет, — ответил Гаррати. — Опять собираешь материал для книги?

— Нет, — сказал Харкнесс. Судя по голосу, он устал. — Так, личный вопрос.

— Она останавливается ежегодно, — произнес за их спинами Стеббинс. — Один раз.

Ему никто не ответил.

Примерно через полчаса Маквpайс подошел к Гаррати и некоторое время молча двигался рядом. Затем он спросил — очень тихо:

— Как думаешь, Рей, ты победишь?

Гаррати долго, долго думал.

— Нет, — сказал он наконец. — Нет, я... Нет.

Откровенное признание испугало его. Он снова представил, как получает билет, получает пулю; представил последние мгновения окончательного понимания, когда он увидит перед собой бездонные дула карабинов. Ноги его застынут. Желудок заноет. Мускулы, мозг, гениталии сожмутся, живительное кровообращение прекратится.

Он сглотнул. В горле пересохло.

— Сам-то ты что думаешь?

— Думаю, нет, — сказал Маквpайс. — Часов в девять я перестал верить, что у меня есть реальный шанс. Знаешь, я... — Он откашлялся. — Об этом трудно говорить... Знаешь, я ввязался в это дело с открытыми глазами. — Широким жестом он указал на остальных. — У большинства из них глаза были закрыты, понимаешь? Я знал свои шансы. Но я не принял в расчет *людей*. Думаю даже, я не представлял глубинной правды о том, что это такое. Наверное, я представлял себе все это так: когда первого из нас оставят силы, они прицелятся в него, из их ружей вылетят бумажки, на которых будет написано «пиф-паф»... Главный поздравит нас с первым апреля, и мы разойдемся по домам. Понимаешь, о чем я говорю?

Гаррати вспомнил страшный шок, испытанный им, когда Керли рухнул в лужу крови и мозгов, когда его мозги забрызгали асфальт и белую полосу.

— Да, — сказал он, — я знаю, о чем ты говоришь.

— Я не сразу понял правду, но до меня стало доходить быстрее после того, как я лишился иллюзий. Иди или умрешь — вот мораль Прогулки. Простейшая альтернатива. Неверно, что выживает тот, кто сильнее физически; в этом состояла моя ошибка, повлиявшая на решение участвовать. Если бы это было так, у меня был бы небольшой шанс. Но бывает, что слабый человек может поднять автомобиль, если под колесами лежит его жена. Это мозг, Гаррати. — Голос Макврайса упал до шепота. — Этого не может ни человек, ни Бог. Это что-то... в мозгу.

В темноте прокричал козодой. Туман поднимался.

— Некоторые из них будут еще долго идти вопреки всем биологическим и химическим законам. Ты читал, как в прошлом году один парень прополз две мили — со скоростью четыре мили в час? У него одновременно свело обе ноги. Посмотри на Олсона: он давно *обессилел и все-таки идет*. А эта сволочь Баркович? В него как будто залили высокооктановый бензин, он идет на одной ненависти и даже не выдохся. Думаю, у меня так не получится. — Макврайс смотрел вперед, в темноту; белый шрам выступил на его изможденном лице. — Мне кажется... когда я совсем устану... наверное, я просто сяду.

Гаррати молчал, но он встревожился. Очень встревожился.

— По крайней мере я переживу Барковича, — сказал Макврайс — скорее самому себе. — Клянусь, на это я способен.

Гаррати взглянул на часы. 11:30. Они прошли перекресток, где сидел в машине сонный полицейский. Транспорта, который он должен был задерживать, не было. Они прошли мимо, миновав круг, ярко освещенный единственным ртутным фонарем. И вновь их обступила угольно-черная мгла.

— Теперь можно убежать в лес, и никто нас не увидит, — задумчиво сказал Гаррати.

— Попробуй, — хмыкнул Олсон. — У них инфракрасные прожектора и еще видов сорок всяких следящих приборов. Высокочувствительные микрофоны, к примеру. Они слышат

все, о чем мы говорим. Наверное, они при желании могут услышать твое сердцебиение. Рей, тебя видят как днем.

Словно в подтверждение его слов кто-то сзади получил второе предупреждение.

— Давайте наслаждаться жизнью, — мягко сказал Бейкер. Его медлительный южный говор вдруг показался Гаррати странным и неуместным.

Макврайс отошел. Темнота как будто изолировала их друг от друга, и Гаррати почувствовал себя бесконечно одиноким. Время от времени кто-нибудь чертыхался и вскрикивал, когда из леса доносился какой-нибудь звук, и Гаррати с некоторым удивлением понял, что ночной поход среди мэнских лесов должен стать нешуточным испытанием для городских ребят. Слева от дороги послышалось загадочное уханье совы. А справа что-то трещало, потом становилось тихо, опять что-то трещало. Опять раздался возглас:

— Что это было?

Весенние кучевые облака начали собираться над головой, обещая новый дождь. Гаррати поднял воротник куртки и прислушался к звуку своих шагов. Простой прием, помогающий сосредоточиться и лучше видеть в темноте. Утром невозможно было различить шорох собственных шагов, он терялся среди топота еще девяноста девяти пар ног, не говоря уже о шуме мотора фургона. А сейчас он без труда слышал свои шаги. Он знал свою походку, своеобразный звук, который время от времени издавала его левая туфля. Ему казалось, что он слышит свои шаги так же ясно, как удары сердца. Самый главный звук, означающий жизнь или смерть.

В глазах у него защипало, они как будто ввалились. Веки отяжелели. Энергия вытекала из него через какую-то пробоину в теле. Предупреждения выносились с удручающей регулярностью, но выстрелов не было. Баркович заткнулся. Стеббинс снова стал прячущимся сзади невидимым призраком.

Стрелки наручных часов показывали 11:40.

Скоро придет час ведьм, подумал он. Час, когда раскрываются могилы и сгнившие мертвецы покидают их. Час, когда хорошие мальчики засыпают. Час, когда прекращаются любовные игры. Час, когда запоздавшие пассажиры клюют носом в вагонах метро. Час, когда по радио передают Гленна Миллера*, когда бармены подумывают о том, чтобы убирать стулья, когда...

Перед ним опять возникло лицо Джен. Он вспомнил, как целовался с ней в Рождество — почти полгода назад, под веткой омелы**, которую его мать каждый год вешала на большую люстру в кухне. Детские глупости. Вспомни, где ты. Ее удивленные мягкие губы не сопротивлялись. Милый поцелуй. Он мечтал о таком. Его первый поцелуй. Он еще раз поцеловал ее, когда провожал домой. Они стояли у ее дома, прислушиваясь к беззвучному рождественскому снегопаду. И это было больше, чем милый поцелуй. Он обвил руками ее талию. Она обвила его шею, сцепила пальцы, глаза ее закрылись (а он подглядывал), он чувствовал — конечно, сквозь пальто, — как ее мягкая грудь прижимается к его груди. Он хотел сказать, что любит ее, но нет... Это было бы слишком быстро.

А после этого они учили друг друга. Она учила его, что книги надо просто читать и откладывать в сторону, а не изучать (он был зубрилой, что удивило Джен; ее удивление сначала рассердило его, но потом он сумел и сам увидеть в этом смешную сторону). Он учил ее вязать. И это тоже было забавно. Вязать его научил не кто-нибудь, а отец... до того, как Взвод забрал его. А отца Гаррати учил вязать его отец. По-видимому, вязание было чем-то вроде семейной традиции среди мужчин клана Гаррати. Джен увлеклась вязанием и вскоре превзошла его в мастерстве. Он пыхтел над шарфами и варежками, а она принялась за свитера, джемпера, затем

---

* Гленн Миллер (1904—1944) — американский музыкант. Джазовый оркестр под его управлением получил широкую известность благодаря фильму «Серенада Солнечной долины».

** Омела — традиционное рождественское украшение дома.

перешла к вязанию крючком и даже к плетению кружев; от этого она, впрочем, отказалась, едва овладев мастерством. Сказала, что это пустая забава.

А еще он научил ее танцевать румбу и ча-ча-ча, танцы, которым учился сам, проводя каждое воскресное утро (казавшееся ему бесконечным) в Школе современных танцев миссис Амелии Доргенс... Его туда отдала мать, а он сопротивлялся как мог. Но мать, к счастью, была упряма.

Он думал об игре света и тени на почти безупречном овале лица Джен, о ее походке, о модуляциях голоса, о непринужденном и манящем покачивании бедер и с ужасом спросил себя, что же он делает здесь ночью на дороге. Он хотел оказаться рядом с ней. Хотел повторить все, но иначе. Ему вспомнилось загорелое лицо Главного, его седоватые усы, очки с зеркальными стеклами, и его охватил такой страх, что ноги подкосились, как резиновые. *Зачем я здесь?* — пронесся в голове отчаянный вопрос, и не было на него ответа, поэтому вопрос вернулся: *Зачем я...*

В темноте грохнули выстрелы, и послышался звук, который ни с чем невозможно спутать: человеческое тело плюхнулось, как мешок, на дорогу. Страх вернулся, обжигающий, удушливый страх, от которого хотелось нырнуть в кусты и бежать, бежать без оглядки, пока он снова не окажется в безопасности, рядом с Джен.

Макврайс идет, чтобы пережить Барковича. А он будет идти ради Джен. Родственники и подруги участников Долгой Прогулки имеют право на место в передних рядах. Значит, он увидит ее.

Он снова вспомнил, как целовал другую девушку, и ему стало стыдно.

Откуда ты знаешь, что дойдешь? Судорога... волдыри... глубокий порез или носовое кровотечение, которое ты не сможешь унять... долгий подъем, слишком долгий и слишком крутой. С чего ты взял, что сможешь это вынести?

Я справлюсь, я выдержу.

— Поздравляю, — сказал над его ухом Макврайс, и он вздрогнул от неожиданности.

— А-а?

— Полночь. Мы живы, и перед нами новый день, Гаррати.

— Много дней, — добавил Абрахам. — Для меня по крайней мере. То есть, конечно, пусть и у вас так будет.

— Если вам интересно, до Олдтауна сто пять миль, — устало вставил Олсон.

— Кому какое дело до Олдтауна, — отмахнулся Макврайс. — Гаррати, ты там был?

— Нет.

— А в Огасте? Черт, я-то всегда думал, что Огаста в Джорджии.

— Ну да, в Огасте я был. Это столица штата...

— Административный центр, — поправил Абрахам.

— Там резиденция губернатора, пара перекрестков с круговым движением, пара кинотеатров...

— Да? В Мэне так? — спросил Макврайс.

— Ну, в Мэне центр — небольшой город, — улыбнулся Гаррати.

— Подожди, вот дойдем до Бостона! — сказал Макврайс.

Кто-то застонал.

Впереди послышались приветственные возгласы. Гаррати встрепенулся, услышав свою фамилию. Примерно в полумиле впереди стояла заброшенная, полуразвалившаяся ферма. Однако откуда-то лился яркий свет, и перед фермой стоял огромный плакат:

ДОЛГАЯ ПРОГУЛКА
ГАРРАТИ — НАШ!!!

Ассоциация родителей округа Арустук

— Эй, Гаррати, а где родители? — выкрикнул кто-то.

— У себя дома, детей делают, — отозвался смущенный Гаррати. Несомненно, Мэн — это земля Гаррати, и тем не менее

ему несколько надоели все эти плакаты, приветствия, насмешки товарищей. За последние пятнадцать часов он обнаружил — помимо прочего, — что вовсе не жаждет быть в центре всеобщего внимания. Его пугала мысль о том, что жители штата, целый миллион, болеют за него, делают на него ставки (рабочий у моста сказал, что он котируется двенадцать к одному... а хорошо это или плохо?).

— Можно было бы ожидать, что они оставили тут парочку-другую родителей помоложе, в соку, — заметил Дейвидсон.

— Что, авангард ААРП*? — вставил Абрахам.

Впрочем, обмен шуточками проходил вяло и вскоре сошел на нет. Дорога почти всегда убивает потребность шутить. Они миновали еще один мост — цементный, сооруженный над довольно широкой рекой. Вода плескалась внизу, как черный шелк на ветру. Там и сям негромко стрекотали цикады. Около пятнадцати минут первого зарядил холодный дождь.

Впереди кто-то заиграл на гармонике. Музыка вскоре смолкла (Совет Шестой: берегите дыхание), но послушать ее было приятно. Мелодия похожа на «Старого черного Джо», решил Гаррати.

Нет, это все же не «Старый черный Джо», это что-то еще из расистской классики Стивена Фостера. Добрый старый Стивен Фостер. Упился до смерти. Как и Эдгар По — так вроде бы считается. Некрофил По еще и женился на четырнадцатилетней кузине. Значит, он к тому же педофил. Во всем-то они извращенцы, и он, и Фостер. Вот бы им дожить до наших дней и увидеть Долгую Прогулку, подумал Гаррати. Они могли бы написать первый в мире «Мюзикл для больных».

Кто-то впереди пронзительно закричал, и Гаррати почувствовал, как у него холодеет кровь. Очень юный голос. Никаких слов, просто вопль. Темная фигура отделилась от группы, рухнула возле обочины поперек дороги прямо перед автофургоном (Гаррати не мог припомнить, в какой момент фургон, отставший от них у первого моста, вновь присоеди-

* Американская ассоциация родителей и преподавателей.

нился к ним) и поползла в сторону леса. Ударили выстрелы. Раздался треск — мертвое тело свалилось в можжевеловые кусты. Один из солдат спрыгнул с фургона и поднял мертвеца. Гаррати, апатично наблюдавший за происходящим, подумал, что даже ужас изнашивается. Может наступить пресыщение даже смертью.

Гармоника заиграла сатирическую мелодию, и кто-то — судя по голосу, Колли Паркер — велел музыканту заткнуться к чертовой матери. Стеббинс засмеялся. Гаррати неожиданно разозлился на Стеббинса, ему захотелось повернуться и спросить у него, как ему понравится, если кто-нибудь будет смеяться над его собственной смертью. Такой выходки можно было бы ожидать от Барковича. Баркович говорил, что попляшет на многих могилах. Сейчас он может сплясать на шестнадцати.

Вряд ли у него сейчас ноги в подходящем для плясок состоянии, подумал Гаррати. Острая боль пронзила правую ступню. Мышца напряглась так, что у него едва не остановилось сердце, затем боль отпустила. Сжав зубы, Гаррати ожидал возвращения приступа. Второй приступ должен быть сильнее. Второй приступ превратит его ступню в бесполезную деревяшку. Но боль не возвращалась.

— Мне много не пройти, — просипел Олсон. Лицо его белело в темноте как бесформенное пятно. Ему никто не ответил.

Темнота. Проклятая темнота. Гаррати казалось, что он заживо похоронен в ней. Замурован в нее. До рассвета целый век. Многим из них не увидеть рассвета. Солнца. Они остались во тьме на глубине шесть футов. Теперь им требуется только монотонный голос священника, он все-таки пробьется к ним сквозь эту новую тьму, по другую сторону которой будут стоять те, кто придет на похороны, а пришедшие не будут даже знать, что их близкие *здесь*, что они *живы*, что они кричат, и царапаются, и бьются во тьме гробов, воздух улетучивается, воздух превращается в ядовитый газ, надежда исчезает, надежда становится тьмой, а над всем этим звучит ровный голос священника и слышатся нетерпеливые шаги участников похорон, которые торопятся поскорее ока-

заться на теплом майском солнце. А потом придет шуршащий, скребущийся хор собирающихся на пиршество жуков и могильных червей.

«Я сойду с ума, — подумал Гаррати. — Вот прямо сейчас слечу с катушек».

Ветки сосен шелестели на ветру.

Гаррати повернулся спиной вперед и помочился. Стеббинс отступил в сторону, а Харкнесс не то кашлянул, не то всхрапнул. Он шагал в полусне.

Гаррати жадно ловил все звуки жизни: один откашлялся и сплюнул, другой чихнул, а впереди слева кто-то шумно жевал. Еще один Идущий вполголоса спросил товарища, как он себя чувствует. Тот пробормотал в ответ что-то неразборчивое. Янник очень фальшиво напевал тихим шепотом.

Осторожность. Напряженная осторожность. Но она не останется с ним навеки.

— Как только я сюда попал? — неожиданно спросил Олсон, вторя недавним безнадежным размышлениям Гаррати. — Как я позволил втянуть себя в это?

Ему не отвечали. Ему уже очень давно никто не отвечал. Как будто Олсон уже мертв, подумал Гаррати.

Затихший было дождь опять усилился. Они прошли мимо еще одного старого кладбища, мимо церкви, небольшой лавки и вошли в типичную для Новой Англии маленькую деревушку. Старые аккуратные домики. Дорога проходила через «деловую» часть деревни, где собралось с полдюжины жителей. Они приветствовали Идущих, но как-то нерешительно, словно боясь разбудить соседей. Ни одного молодого среди них. Самым молодым, как заметил Гаррати, был мужчина лет тридцати пяти в очках без оправы. Для защиты от дождя он надел поношенную тренировочную куртку. Волосы его слиплись на затылке, и Гаррати с удивлением отметил про себя, что ширинка у него наполовину расстегнута.

— Вперед! Идите! Вперед! Молодцы! — негромко прокричал он, беспрерывно махая пухлой рукой. Он словно обжигал проницательным взглядом каждого, кто проходил мимо.

У выхода из деревни стоял грузовичок с прицепом, из которого выбрался заспанный полицейский. Они прошли мимо последних четырех фонарей, заброшенного покосившегося домишки с надписью на передней двери ЭВРИКА ГРАНДЕ № 81 и вышли из деревни. По неясной ему самому причине Гаррати почувствовал себя так, как будто только что побывал в новелле Ширли Джексон.

Макврайс подтолкнул его локтем и сказал:

— Глянь, какой щеголь.

Щеголем он назвал высокого парня в нелепом зеленом шерстяном прорезиненном плаще военного покроя. Полы плаща хлопали его по коленям. Он шел заложив руки за голову, как будто прикладывал компресс к затылку. И еще он время от времени раскачивался взад-вперед при ходьбе. Гаррати пристально рассмотрел его — со своего рода академическим интересом. Он совершенно не помнил, видел ли этого Идущего прежде... хотя, конечно, лица в темноте меняются.

Одна нога «щегодя» зацепилась за другую, и он едва не упал. Потом пошел дальше. Гаррати и Макврайс как завороженные следили за ним минут десять; мучения парня в плаще заставили их забыть на время о собственной боли и усталости. Парень в плаще не издавал ни звука, не вздыхал и не стонал.

В конце концов он упал и заработал предупреждение. Гаррати подумал, что он уже не сможет подняться, но он поднялся. Теперь он шел почти рядом с Гаррати и его товарищами. У него было чудовищно некрасивое лицо. К лацкану плаща был прикреплен номер 45.

Олсон шепотом спросил:

— Что с тобой?

Парень, казалось, не услышал вопроса. Такое бывает, как Гаррати уже имел возможность заметить. Человек полностью отрешается от всего окружающего. От всего, за исключением дороги. Они жадно пожирают дорогу страшными глазами, как будто идут по натянутому над бесконечной и бездонной пропастью канату.

— Как тебя зовут? — спросил он парня, но ответа не получил. Внезапно он поймал себя на том, что повторяет и повторяет вопрос как идиотское заклинание, которое должно спасти его от уготованной ему судьбы: — Как тебя зовут, друг? Как тебя зовут, как тебя зовут, как тебя...

Макврайс дернул его за рукав:

— Рей!

— Пит, он не отвечает мне, заставь его ответить, заставь назвать имя...

— Не беспокой его, — сказал Макврайс. — Он умирает, не беспокой его.

Парень с номером 45 снова упал, на этот раз на живот. Когда он поднялся, со лба у него сочилась кровь. Теперь он отстал от группы Гаррати, но все услышали, как ему выносится последнее предупреждение.

Они миновали островок особенно глубокой тьмы — тоннель под железной дорогой. Странно, но и в этой каменной утробе то и дело падали дождевые капли. Когда они вышли из тоннеля, Гаррати с облегчением увидел, что перед ними лежит длинный прямой участок ровной дороги.

45-й снова упал. Идущие ускорили шаг. Вскоре грянули выстрелы. Гаррати решил, что имя этого парня уже не имеет никакого значения.

Глава 6

Теперь все участники соревнований в изолированных кабинах.

Джек Барри
«Двадцать один»

Три часа тридцать минут ночи. Самая долгая минута самой долгой ночи в жизни Рея Гаррати. Нижняя точка отлива, мертвая точка, час, когда море отступает, оставляя за со-

бой липкую грязь, разбросанные там и сям пучки водорослей, ржавые пивные банки, драные презервативы, битые бутылки, поломанные поплавки и поросшие мхом скелеты людей в рваных плавках. Мертвая точка отлива.

После парня в плаще еще семь человек получили билеты. Около двух часов трое рухнули почти одновременно, как высохшие стебли кукурузы при первых порывах осеннего ветра. Пройдено семьдесят пять миль, и двадцать четыре человека покинули дистанцию.

Но все это не важно. А важно одно — мертвая точка отлива. Три тридцать, мертвая точка отлива. Вынесено очередное предупреждение, вскоре после этого в очередной раз грохнули карабины. Знакомое лицо на этот раз. Восьмой номер, Дейвидсон, тот самый, кто утверждал, будто однажды залез в палатку во время Стебенвиллской ярмарки.

Секунду Гаррати смотрел на белое, забрызганное кровью лицо Дейвидсона, а потом стал снова смотреть на дорогу. Он уже давно не отрывал взгляда от дороги. Временами белая полоса была сплошной, иногда она прерывалась; случалось, что она раздваивалась и напоминала след автомобильных колес. Как же так, подумал он, в другие дни люди ездят по дороге и не видят на этой полосе следов борьбы жизни со смертью. Или все-таки видят?

Асфальт приковывал к себе его взор. Как заманчиво, как хорошо было бы посидеть на нем. Сначала ты присаживаешься на корточки, и в задубевших коленях как будто стреляют два игрушечных духовых пистолета. Потом заводишь ладони за спину, опираешься ими о прохладную шероховатую поверхность, опускаешь на нее ягодицы и чувствуешь, как твои ноги освобождаются от мучительной тяжести в сто шестьдесят фунтов... Ты ложишься, то есть падаешь навзничь, и лежишь и чувствуешь, как распрямляется твоя затекшая спина... смотришь на кроны деревьев, на волшебное звездное колесо... не слышишь предупреждений, просто смотришь в небо и ждешь... ждешь...

Да.

Слышишь дробные шаги Идущих, покидающих линию огня, они оставляют тебя одного, как будто приносят жертву. Слышишь шепот. Это Гаррати, послушайте, сейчас Гаррати получит билет! Может быть, ты еще успеешь услышать хохот Барковича, еще раз примеряющего свои воображаемые танцевальные туфли. Треск разряжаемых карабинов, а затем...

Он с трудом оторвал затуманенный взгляд от дороги и посмотрел на движущиеся рядом тени, потом на горизонт, надеясь разглядеть хоть какой-нибудь признак приближающегося рассвета. Конечно, ничего там нет. По-прежнему стояла темная ночь.

Они прошли еще два или три селения — темные, спящие. После полуночи они встретили, наверное, около дюжины сонных зрителей, представителей того невымирающего типа людей, которые каждый год тридцать первого декабря упорно дожидаются полуночи и встречают Новый год. Последние же три с половиной часа были нескончаемым потоком бестолково переплетающихся мыслей, кошмарным видением страдальца, мучимого бессонницей.

Гаррати внимательнее вгляделся в лица идущих рядом, но не увидел никого знакомого. Его охватила не поддающаяся разумному контролю паника. Он похлопал по плечу идущего впереди ходока:

— Пит? Это ты, Пит?

Тот выскользнул из-под его руки, что-то недовольно буркнул, но не оглянулся. Олсон шел слева от Гаррати, Бейкер — справа, но сейчас слева не было никого, а тот, кто шел справа, казался гораздо плотнее Арта Бейкера.

Значит, он каким-то образом сошел с дороги и наткнулся на группу припозднившихся бойскаутов. И его уже ищут. На него идет охота. Солдаты Взвода с ружьями, собаками, радарами, выслеживающими устройствами...

Облегчение освежило его. Четыре утра, и впереди идет Абрахам. Стоило ему чуть повернуть голову. Это худое лицо нельзя не узнать.

— Абрахам! — зашептал он громко и отчетливо, как актер на сцене. — Абрахам, ты не спишь?

Абрахам что-то пробормотал.

— Я говорю, ты не спишь?

— Пошел ты на хрен, Гаррати, оставь меня в покое.

По крайней мере он все еще с группой. Ушло чувство полной потери ориентации.

Впереди кому-то вынесли третье предупреждение, и Гаррати подумал: «А у меня нет ни одного! Я мог бы посидеть минуту, а то и полторы. Я бы мог...»

Но ему уже не встать.

«Нет, я встану, — возразил он себе. — Конечно, встану, только...»

Только он умрет. Он вспомнил, что обещал матери встретиться с ней и с Джен во Фрипорте. Обещал с легким сердцем, почти беззаботно. Вчера в девять часов утра его появление во Фрипорте казалось вполне закономерным. Но теперь игра окончена, пришла полномасштабная реальность, и вероятность явиться во Фрипорт на паре окровавленных обрубков сделалась весьма вероятной вероятностью.

Кого-то еще пристрелили... на этот раз сзади. В темноте было трудно прицелиться, и несчастный обладатель билета, как показалось Гаррати, кричал очень долго, пока вторая пуля не оборвала его вопли. Без всякого повода Гаррати подумал о беконе. Тут же его рот наполнился слюной, и сразу показалось, что ему вставили кляп. Ему вдруг захотелось узнать: двадцать шесть убитых за семьдесят пять миль — это необычно много или необычно мало?

Голова его медленно опустилась на грудь, а ноги сами продолжали шагать вперед. Он вспоминал о том, как в детстве ему пришлось побывать на похоронах. На похоронах Фрики Д'Аллессио. На самом деле его звали Джорджем, а не Фрики, но все местные ребята называли его Фрики...

Он помнил, как Фрики дожидался, когда его позовут играть в бейсбол, его всегда звали в последнюю очередь, во время игры он подолгу с надеждой переводил взгляд с капитана

одной команды на капитана другой, как зритель, следящий за теннисным матчем. Его неизменно ставили на позицию центрового, куда попадало не очень много мячей и где он не мог очень сильно подвести команду; у него один глаз почти не видел, и дефект зрения не позволял ему каждый раз правильно определять траекторию полета мяча. Однажды он захватил перчаткой воздух, в то время как мяч опустился ему на лоб со звонким звуком, похожим на звон спелой дыни. Плетеный мяч отпечатал у него на лбу квадрат, который, как клеймо, не сходил целую неделю.

Фрики погиб на Федеральном шоссе 1 недалеко от Фрипорта. Он ехал на велосипеде, и его сбила машина. Эдди Клипштейн, один из друзей Гаррати, видел, как это произошло. Этот самый Эдди Клипштейн на полтора месяца стал господином и повелителем всех окрестных ребят благодаря рассказам о том, как машина стукнула велосипед Фрики Д'Аллессио, как Фрики вылетел из седла, перелетел через руль, как с него свалились его дурацкие сапоги, а он все летел, но поскольку крыльев у него не было, то он летел недолго и шлепнулся на каменное ограждение как кусок мяса, и из головы у него потекла густая жидкость.

Он отправился на похороны Фрики и едва не потерял пакет с завтраком, размышляя, будет ли и в гробу похожая на клей жидкость течь из головы Фрики, но Фрики был в полном порядке — в спортивной куртке, с галстуком и булавкой со значком бойскаутского клуба, он выглядел так, словно был готов встать из гроба, едва начнется бейсбольный матч. Его глаза, и слепой и зрячий, были закрыты, и Гаррати в общем-то испытал облегчение.

Это был единственный труп, который ему довелось видеть до начала Долгой Прогулки, и это был чистый, аккуратный труп. Нисколько не похожий на Эвинга, или на парня в зеленом плаще, или на Дейвидсона, чье синевато-багровое усталое лицо было забрызгано кровью.

Это отвратительно, подумал Гаррати, наконец с горечью осознавая, что так оно и есть. Это просто отвратительно.

Без четверти четыре он схлопотал первое предупреждение и дважды с силой ударил себя по лицу, чтобы как следует проснуться. Он промерз насквозь. Почки его ныли, но он все-таки понимал, что настоятельная необходимость опорожнить мочевой пузырь еще не пришла. Может быть, ему это только пригрезилось, но на востоке звезды вроде бы немного побледнели. Он безмерно удивился, когда сообразил, что в это самое время сутки назад он спал в машине, а мать везла его к каменному знаку на канадской границе. Он почти увидел себя, лежащего неподвижно, растянувшегося на заднем сиденье. Ему отчаянно захотелось вернуться в прошлое. Вернуться во вчерашнее утро.

Без десяти четыре.

Он огляделся и почувствовал какое-то тоскливое удовлетворение от того, что он, один из немногих, полностью бодрствует и находится в полном сознании. Стало заметно светлее. Бейкер шагал впереди — он узнал Арта по трепещущей на ветру полосатой рубахе, — с ним рядом Маквайс. Взглянув налево, он с удивлением увидел Олсона, вышагивающего рядом с фургоном. Он был уверен, что одним из тех, кто получил билет глубокой ночью, был Олсон, и радовался, что ему не придется увидеть, как умирает Хэнк. Было слишком темно, и он не мог рассмотреть, как Олсон выглядит, но видел, что голова его болтается как у тряпичной куклы.

Перси, тот, чья мама появлялась на дороге дважды, шел теперь сзади рядом со Стеббинсом. Перси раскачивался на ходу, как моряк, только что сошедший на берег после долгого плавания. Гаррати отыскал также Гриббла, Харкнесса, Уаймена и Колли Паркера. Почти все его знакомые продолжали путь.

Он чуть ускорил шаг и нагнал Маквайса. Тот шел, опустив подбородок на грудь. Глаза его были полуоткрыты, но взгляд затуманенный и пустой. Из уголка рта тянулась тонкая струйка слюны, и в ней отражался трепетный перламутровый свет близящегося восхода. Гаррати завороженно рассматривал это удивительное явление. Ему не хотелось будить

полудремлющего Макврайса. Пока ему вполне достаточно было находиться рядом с кем-то симпатичным ему, рядом с человеком, также пережившим эту ночь.

Они прошли мимо каменистого луга. Пять коров стояли с унылым видом возле ободранной изгороди, смотрели на Идущих и задумчиво жевали жвачку. С фермерского двора выбежала собачка и пронзительно залаяла. Солдаты взялись за ружья, чтобы немедленно пристрелить собаку, если она помешает кому-либо из Идущих, но она только бегала взад-вперед вдоль обочины, обозначая голосом с безопасного расстояния границы своих владений и бросая чужакам вызов.

По мере приближения рассвета Гаррати впадал в транс. Он не отрываясь наблюдал за тем, как светлеют небо и земля. Он видел, как белая полоса над линией горизонта становится светло-голубой, затем красной, наконец, золотой. Ночь еще не ушла, когда снова грохнули ружья, но Гаррати почти не слышал выстрелов. Красный краешек солнца показался над горизонтом, скрылся за пушистым облаком, затем свет яростно ударил в глаза. День обещал быть погожим, и Гаррати приветствовал его смутной мыслью: «Слава Богу, я смогу умереть при свете дня».

Послышался сонный птичий щебет. Они проходили теперь мимо другой фермы; бородатый мужчина отставил тележку, где лежали мотыги, грабли и мешки с семенами, и помахал Идущим.

Из тенистого леса доносилось хриплое карканье вороны. Первые лучи коснулись щек Гаррати, и он обрадовался теплу, улыбнулся и громко крикнул, что ему нужна фляга.

Макврайс неловко повернул голову, как собака, которую разбудили как раз в ту секунду, когда ей снилось, как она гоняет кошек, и огляделся. Глаза его были все еще мутными.

— Боже, день. День, Гаррати. Который час?

Гаррати взглянул на часы и с удивлением обнаружил, что уже без четверти пять. Он показал Макврайсу циферблат.

— А сколько миль? Не знаешь?

— Думаю, миль восемьдесят. И двадцать семь сошло. Четверть, Пит.

— Да. — Макврайс улыбнулся. — Это верно, ага.

— Верно, черт подери. Тебе лучше? — спросил Гаррати.

— На тыщу процентов.

— Мне тоже. Наверное, потому что светло.

— Боже мой, сегодня мы наверняка увидим людей. Ты читал ту статью про Долгую Прогулку в «Уорлдс уик»?

— Просмотрел, — ответил Гаррати. — Главным образом хотел увидеть свою фамилию в печати.

— Там сказано, что каждый год на Долгую Прогулку принимается ставок на два миллиарда долларов. Представляешь, два *миллиарда*!

Бейкер тоже стряхнул с себя дрему и присоединился к товарищам.

— У нас в школе была такая игра, — сказал он. — Все скидываются по четвертаку, а потом каждый вытягивает из шляпы бумажку с трехзначным числом. У кого оказывалось число, ближайшее к числу миль, пройденных Прогулкой, тот забирал все деньги.

— Олсон! — весело крикнул Макврайс. — Эй, брат, подумай только, какие деньги на тебя поставлены! На твою-то тощую задницу!

Измученным, невыразительным голосом Олсон посоветовал всем, кто поставил деньги на его тощую задницу, совершить непристойный акт и немедленно повторить его. Макврайс, Бейкер и Гаррати рассмеялись.

— Сегодня на дороге должно быть много симпатичных девчонок, — сказал Бейкер и подмигнул Гаррати.

— У меня с этим делом покончено, — ответил Гаррати. — Меня впереди ждет девушка. И я теперь буду паинькой.

— Ни мыслью, ни словом, ни делом не согрешу, — задумчиво произнес Макврайс.

Гаррати пожал плечами:

— Думай как хочешь.

— У тебя один шанс из ста, что ты не в последний раз помашешь сегодня своей девушке, — просто сказал Макврайс.

— Уже один из семидесяти трех.

— Тоже не так много.

Но хорошее настроение не изменяло Гаррати.

— У меня такое чувство, что я могу идти вечно, — сказал он мягко. Двое ходоков, услышав его, поморщились.

Они прошли мимо круглосуточной заправочной станции, и ночной дежурный вышел из будки, чтобы помахать им. Почти все Идущие помахали ему в ответ. Дежурный прокричал особое приветствие Уэйну, 94-му номеру.

— Гаррати, — тихо окликнул его Макврайс.

— Что?

— Я не могу перечислить всех, у кого билеты. А ты можешь?

— Нет.

— А Баркович?

— Нет. Он впереди. Перед Скраммом. Видишь?

Макврайс всмотрелся:

— А, да. По-моему, вижу.

— Стеббинс по-прежнему сзади.

— Я не удивлен. Интересный парень, правда?

— Да.

Они замолчали. Макврайс глубоко вздохнул, снял с плеча рюкзак, достал оттуда несколько миндальных печений, протянул одно Гаррати. Тот взял.

— Скорей бы все кончилось, — сказал он. — Так или иначе.

Они молча съели печенье.

— Наверное, мы уже прошли полпути до Олдтауна, — сказал Макврайс. — Прошли восемьдесят, и восемьдесят осталось. Как думаешь?

— Да, должно быть, так, — ответил Гаррати.

— Значит, дойдем только к ночи.

От слова «ночь» у Гаррати по коже поползли мурашки.

— Да, — сказал он. И вдруг резко спросил: — Пит, откуда у тебя этот шрам?

Маквpайс непроизвольно дотронулся до шрама на щеке.

— Долгая история, — отмахнулся он.

Гаррати пристально посмотрел на него. Волосы его свалялись и спутались от грязи и пота. Измятая одежда висела мешком. Лицо побелело, глаза налились кровью, и под ними обозначились круги.

— Дерьмово выглядишь, — сказал он и вдруг от души рассмеялся.

Маквpайс усмехнулся:

— Ты, Рей, тоже, честно говоря, не годишься для рекламы одеколона.

Они рассмеялись, и смеялись долго и истерично, обнимали друг друга, стараясь в то же время продвигаться вперед. Не самый плохой способ завершить эту ночь. Дело закончилось тем, что оба схлопотали по предупреждению. Тогда они умолкли, перестали смеяться и занялись главным делом дня.

Размышлять, подумал Гаррати. Вот главное дело дня. Размышлять в одиночестве, ибо не важно, будет рядом с тобой кто-нибудь в этот день или нет; в конечном итоге ты один. Казалось, мозгу необходимо преодолеть столько же миль, сколько отшагали ноги. Мысли приходят, и нет никакой возможности от них избавиться. Интересно было бы знать, о чем думал Сократ уже после того, как принял цикуту.

Вскоре после пяти они миновали первую в этот день группу зрителей: четверо маленьких мальчиков сидели, скрестив ноги по-индейски, на росистой траве около палатки. Один из них, неподвижный, как эскимос, был закутан в спальный мешок. Руки их равномерно двигались взад-вперед, как метрономы. Ни один из них не улыбался.

Вскоре дорога, по которой двигалась Прогулка, влилась в другую, более широкую, ровную, заасфальтированную дорогу, размеченную белыми линиями на три полосы движения. Идущие миновали придорожный ресторанчик и все как один засвистели и замахали руками трем молоденьким официанткам, сидевшим на ступеньках, — просто чтобы показать, что

они еще не сломались. Лишь Колли Паркер отчасти сохранял серьезный вид.

— В пятницу вечером, — громко крикнул Колли. — Запомните: я у вас в пятницу вечером.

Гаррати подумал, что все они ведут себя как-то по-детски, но тем не менее приветливо помахал, а официантки, казалось, остались вполне довольны. На широкой дороге Идущие расположились немного просторнее, тем более что при появлении яркого утреннего солнца они постепенно приходили в себя от полудремы. Начиналось второе мая.

Гаррати снова заметил Барковича, и ему пришло в голову, что Баркович, возможно, избрал самую умную линию поведения: нет друзей — не о ком горевать.

Через несколько минут по Прогулке снова зашелестели разговоры; на этот раз затеяли играть в «тук-тук». Брюс Пастор, парень, который шел прямо перед Гаррати, повернулся к нему и сказал:

— Тук-тук, Гаррати.

— Кто там?

— Главный.

— Главный кто?

— Главный трахает матушку перед завтраком, — сообщил Брюс Пастор и захохотал во все горло. Гаррати хихикнул и передал шутку Макврайсу, тот — Олсону. Когда шутка обошла всех и вернулась, Главный трахал перед завтраком свою бабулю. В третий раз он трахал бедлингтон-терьера по кличке Шила, которая часто упоминалась в его пресс-релизах.

Гаррати все еще смеялся над третьим вариантом, когда заметил, что смех Макврайса стал ослабевать и быстро сошел на нет. Взгляд его застыл на деревянных лицах солдат, едущих в фургоне. Они в свою очередь равнодушно смотрели на него.

— По-твоему, это *смешно*? — вдруг взревел он. Крик его разорвал всеобщий смех, и настала тишина. Лицо Макврайса потемнело из-за прилива крови к голове. Только шрам

оставался контрастно белым, резким, как восклицательный знак, и Гаррати со страхом подумал, что у Макврайса инсульт. — Главный трахает *себя самого,* вот что я думаю! — хрипел Макврайс. — А вы, наверное, друг друга трахаете. Смешно, а? Нет, разве не смешно, вы, уроды гребаные! По-моему, так очень *СМЕШНО, или я не прав*?

Другие участники Прогулки с тревогой посмотрели на Макврайса, затем равнодушно отвернулись.

Вдруг Макврайс бегом бросился к фургону. Двое из троих солдат взяли ружья на изготовку, но Макврайс резко остановился и потряс над головой кулаками, как сошедший с ума дирижер:

— *Выходите сюда! Бросайте ружья и выходите! Я покажу вам, что на самом деле смешно!*

— Предупреждение, — произнес один из них совершенно спокойным голосом. — Предупреждение шестьдесят первому. Второе предупреждение.

О Боже, тупо сказал про себя Гаррати. Он получит билет, он уже близко... он подошел к ним так близко... Сейчас он улетит от нас, как Фрики Д'Аллессио.

Макврайс побежал вперед, нагнал фургон, остановился и плюнул на его борт. Стекающая слюна оставляла влажный след на запыленном борту.

— *Идите же!* — вопил Макврайс. — *Идите ко мне сюда! Подходите по одному или все сразу, мне плевать!*

— Предупреждение! Третье предупреждение шестьдесят первому, последнее!

— *Начхать мне на ваши предупреждения!*

Внезапно Гаррати повернулся и кинулся назад, не понимая, что он делает. Тут же он схлопотал предупреждение. И только какая-то дальняя часть его сознания восприняла это. Солдаты уже прицелились в Макврайса. Гаррати схватил его за предплечье:

— Пошли.

— *Иди отсюда, Рей. Я буду драться с ними.*

Гаррати наотмашь ударил Макврайса по щеке:

— Тебя сейчас убьют, придурок.

Стеббинс прошел мимо.

Маквpайс взглянул на Гаррати так, как будто бы впервые узнал его. Тут же сам Гаррати получил третье предупреждение, и он знал, что от билета Маквpайса отделяют считанные секунды.

— Иди к черту, — раздался мертвый, невыразительный голос Маквpайса. Но сам он пошел вперед.

Гаррати шел рядом с ним.

— Я думал, ты сейчас получишь билет, — сказал он.

— Но не получил, спасибо мушкетеру, — мрачно ответил Маквpайс, дотрагиваясь до шрама. — Елки-палки, мы все получим.

— Кто-то должен победить. Возможно, один из нас.

— Вранье, — возразил Маквpайс. Голос его дрожал. — Никаких победителей, никакого Приза. Последнего отведут в какой-нибудь сарай и там пристрелят.

— Да хватит тебе пороть чушь! — в ярости заорал Гаррати. — Ты же сам не понимаешь, о чем бол...

— Проиграют все, — перебил его Маквpайс. Глаза его, как два дракона, укрылись в пещерах глазниц и выглядывали оттуда.

Гаррати и Маквpайс шли теперь одни, прочие Идущие решили — по крайней мере пока — держаться подальше. Маквpайс опасен, и Гаррати, у которого три предупреждения, — тоже, ведь Гаррати пренебрег собственными интересами, когда бросился назад на выручку к Маквpайсу. Если бы не он, Маквpайс скорее всего стал бы двадцать восьмым.

— Проиграют все, — повторил Маквpайс. — Уж ты мне поверь.

Они прошли по бетонному мосту над железнодорожной колеей. На другой стороне их поджидал плакат: ОТКРЫТИЕ СЕЗОНА 5 ИЮНЯ.

Предупреждение Олсону.

Гаррати почувствовал, как ему на плечо опустилась чья-то рука. Он обернулся. Это был Стеббинс.

— Твой друг что-то резко обозлился на Главного, — заметил он.

Макврайс вроде бы ничего не слышал.

— Похоже, да, — согласился Гаррати. — У меня самого была минута, когда мне хотелось пригласить Главного на чашку чая.

— Посмотри назад.

Гаррати посмотрел. К ним подъехал второй автофургон, за ним тут же пристроился выруливший с примыкающей дороги третий.

— Главный едет, — пояснил Стеббинс. — Сейчас все будут радостно кричать. — Он улыбнулся и стал чем-то похож на ящерицу. — Они еще не возненавидели его как следует. Не успели. Они только думают, что ненавидят его. Они думают, что уже побывали в аду. Но подожди до вечера. Подожди до *завтра*.

Гаррати с опаской взглянул на Стеббинса:

— А что, если они начнут свистеть и ругаться, швырять в него флягами и все такое прочее?

— Ты собираешься свистеть, ругаться и швырять фляги?

— Нет.

— И никто не собирается. Сам увидишь.

— Стеббинс!

Стеббинс поднял брови.

— Ведь ты веришь, что победишь?

— Да, — спокойно ответил Стеббинс. — Я вполне уверен. — Он снова занял привычное положение.

В 5:25 билет получил Янник. А в 5:30, как и предсказывал Стеббинс, явился Главный.

Когда его джип показался на вершине холма за спинами Идущих, в группе поднялся нарастающий шум. Затем джип протащился мимо них по обочине. Главный стоял в полный рост. Как и прежде, рука его застыла в приветственном жесте. Необъяснимое чувство гордости холодило грудь Гаррати.

Главного приветствовали не все. Колли Паркер сплюнул на землю. Баркович показал Главному нос. Макврайс лишь

посмотрел на Главного; губы его беззвучно шевелились. Олсон, казалось, вообще ничего не замечал; он не отрываясь глядел себе под ноги.

Гаррати выкрикнул приветствие. Так же поступили и Перси Как-его-там, и Харкнесс, который решил написать книгу, и Уаймен, и Арт Бейкер, и Абрахам, и Следж, только что схлопотавший второе предупреждение.

Главный обогнал их и исчез из виду. Гаррати почувствовал легкий стыд за свое поведение. Как бы то ни было, он зря потратил энергию.

Вскоре они прошли мимо магазина подержанных автомобилей, где их приветствовал оркестр из двадцати одного клаксона. Голос, прогремевший над трепещущими на ветру флажками, проинформировал Идущих — а также зрителей — о том, что «додж» Макларена является рекордсменом по количеству продаж. Гаррати нашел всю эту сцену несколько обескураживающей.

— Тебе получше? — неуверенно спросил он у Макврайса.

— Конечно, — ответил тот. — Все отлично. Я буду идти и смотреть, как они будут падать один за другим. Это же здорово. Я прикинул в уме — в школе у меня всегда было все в порядке с математикой, — и у меня получилось, что при таких темпах мы должны пройти по крайней мере триста двадцать миль. Это даже не рекорд Прогулки.

— Пит, если тебе угодно разговаривать на такие темы, может быть, ты отойдешь подальше? — сказал ему Бейкер. Он впервые был сильно раздражен.

— Прошу прощения, мамочка, — огрызнулся Макврайс, но тем не менее умолк.

Солнце поднималось все выше. Гаррати расстегнул куртку. Затем снял ее и перебросил через плечо. Ни подъемов, ни спусков на этом участке пути не было. Время от времени Идущим попадались жилые домики, придорожные лавки, фермы. Ночью их путь пролегал преимущественно мимо сосновых лесов, сейчас же им все чаще попадались небольшие ранчо и автозаправочные станции. Очень на многих ран-

чо можно было разглядеть таблички ПРОДАЕТСЯ. Дважды Гаррати видел в окнах домов одну и ту же надпись: МОЙ СЫН СЛОЖИЛ ГОЛОВУ ВО ВЗВОДЕ.

— Где же океан? — спросил у Гаррати Колли Паркер. — Похоже на мой родной Иллинойс.

— Иди и не останавливайся, — посоветовал ему Гаррати. Он опять думал о Джен и о Фрипорте. Фрипорт расположен на берегу океана. — Океан впереди. До него примерно сто восемь миль к югу.

— Чтоб его, — бросил Колли Паркер. — Какой дерьмовый штат.

Паркер — мускулистый парень в спортивной майке. И взгляд у него настолько наглый, что даже целая ночь в пути не погасила его.

— Сплошь эти хреновы деревья! В этом дерьмовом штате есть хоть один нормальный город?

— Знаешь, мы здесь все чудаки, — ответил Гаррати. — Мы почему-то предпочитаем вдыхать чистый воздух, а не смог.

— Козел ты! В Джолиете нет никакого смога, — яростно выкрикнул Колли Паркер. — Что ты мне мозги пудришь?

— Смога нет, зато воздух горячий, — парировал Гаррати. Он тоже рассердился.

— Будь мы в моем штате, я б тебе яйца оборвал.

— Ша, ребята, — сказал Маквpайс. Он полностью пришел в себя, и к нему возвратилась его прежняя ироничная манера. — Уладили бы вы ваш спор по-джентльменски, а? Тот, кому первому прострелят голову, ставит другому пиво.

— Терпеть не могу пиво, — машинально откликнулся Гаррати.

Паркер хохотнул и отошел со словами:

— Ну и придурок!

— У него едет крыша, — сказал Маквpайс. — У всех с утра едет крыша. Даже у меня. А день будет славный. Ты согласен, Олсон?

Олсон не ответил.

— Олсон тоже тронулся, — доверительно сообщил Маквайс Гаррати. — Олсон! Эй, Хэнк!

— Может, оставишь его в покое? — вмешался Бейкер.

— Эй, *Хэнк!* — Маквайс повысил голос, игнорируя Бейкера. — Хочешь прогуляться?

— Пошел к черту, — пробормотал Олсон.

— Что?! — весело крикнул ему Маквайс. — Язык-то шевелится, брат!

— К черту! *К черту!* — выкрикнул Олсон. — Иди к черту!

Он снова опустил взгляд на дорогу, а Маквайс оставил попытки расшевелить его... если только он хотел его расшевелить.

Гаррати думал о словах Паркера. Паркер — сволочь. Паркер — дешевый ковбой, крутой парень, герой субботних вечеринок. Супермен в кожаной куртке. Ну что он знает о Мэне? Он, Гаррати, прожил в Мэне всю жизнь, в городке под названием Портервилл, к западу от Фрипорта. Население 970 человек, вместо настоящих светофоров — мигалки. А что с того? А что такого особенного есть в Джолиете, штат Иллинойс?

Отец Гаррати любил повторять, что Портервилл — это единственный город в округе, где могил больше, чем жителей. Но все равно Портервилл — чистый город. Да, высокий уровень безработицы, автомобили ржавеют, и разврата там хватает, и тем не менее Портервилл — чистый город. Чистый, хотя по средам в Фермерском клубе играют (в прошлый раз высшей ставкой была индейка весом в двадцать фунтов плюс двадцать долларов). Чистый и тихий. К чему тут можно придраться?

Он обиженно взглянул в сторону Паркера. Ничего-то этот Паркер не понял. Знает только свой Джолиет, знает какую-нибудь вшивую кондитерскую да мельницу. Ну и пусть подавится.

Он снова стал думать о Джен. Она нужна ему. «Я люблю тебя, Джен», — думал он. Он не тупица, он знает, что за последние сутки она стала значить для него больше, чем зна-

чила на самом деле. Она стала его личным символом жизни. Щитом, прикрывающим от внезапной смерти, от пуль, летящих с автофургона. Его все больше тянуло к ней, потому что она стала символом того времени, когда его шкура принадлежала ему.

Без четверти шесть утра. Гаррати взглянул вбок, на группу машущих руками домохозяек, собравшихся у перекрестка, — мозговой центр некоего неизвестного селения. Одна из женщин была одета в облегающие слаксы и еще более облегающий свитер. Лицо ее было совершенно спокойно. Она махала Идущим, и три золотых браслета бренчали на ее правом запястье. Гаррати машинально помахал в ответ. Он все еще думал о Джен. Джен приехала из Коннектикута, она всегда подтянута и уверена в себе, у нее длинные светлые волосы, и она практически всегда носит туфли без каблуков. Потому, наверное, что она такая высокая. Он познакомился с ней в школе. Отношения развивались медленно, но наконец он влюбился по-настоящему. Господи, как же он влюбился!

— Гаррати!

— А-а?

Харкнесс. Очень сосредоточенный.

— Послушай, у меня начинаются судороги в ногах. Не знаю, сколько я еще смогу пройти.

В глазах у Харкнесса Гаррати прочел мольбу, как будто Гаррати был в состоянии чем-то помочь. А он не знал, что сказать. Голос Джен, ее смех, ее светло-коричневый свитер, ее клюквенно-красные брюки, спуск на санках ее младшего брата (когда она затолкала горсть снега ему за шиворот)... Вот это — жизнь. А Харкнесс — это смерть. Гаррати уже ощутил ее запах.

— Ничем не могу помочь, — сказал он. — Тебе придется выплывать самому.

На лице Харкнесса отразился панический ужас, потом лицо его помрачнело. Он остановился и стащил с ноги туфлю.

— Предупреждение! Предупреждение сорок девятому!

Харкнесс массировал стопу. Гаррати повернулся и пошел спиной вперед, не спуская с него глаз. Два маленьких мальчика в майках Малой бейсбольной лиги тоже пялились на него; у каждого на руле велосипеда висела пара бейсбольных перчаток.

— Предупреждение! Второе предупреждение сорок девятому!

Харкнесс поднялся и захромал вперед в одной туфле, держа вторую в руке. Его здоровая нога подгибалась под тяжестью дополнительного веса. Он выронил туфлю, нагнулся за ней, поднял, попытался перебросить в другую руку и опять выронил. Подбирая ее, он получил третье предупреждение.

Обычно румяное лицо Харкнесса теперь пылало вовсю. Рот его был приоткрыт, и губы сложились в большую влажную букву «О». Гаррати вдруг понял, что успел привязаться к Харкнессу. «Давай же, — говорил он про себя, — жми, Харкнесс, ты можешь».

Харкнесс захромал активнее. Мальчишки в майках Малой лиги вскочили на велосипеды и поехали по обочине, внимательно разглядывая Харкнесса. Гаррати отвернулся, не желая больше наблюдать за ним. Теперь он смотрел вперед и вспоминал, как здорово было целовать Джен, трогать ее упругую грудь.

Справа медленно надвигался корпус авторемонтной станции. Перед ним стоял запыленный помятый пикап, в кузове которого сидели двое мужчин и пили пиво. У поворота к станции на столбе висел почтовый ящик; его открытая щель была похожа на человеческий рот. Где-то заливалась хриплым лаем невидимая собака.

Дула карабинов, обычно направленные вверх, опустились и отыскали среди Идущих Харкнесса.

Наступила долгая, жуткая минута молчания, затем дула опять поднялись. Все по правилам, все как в книге. Опять опустились. Гаррати слышал учащенное, напряженное дыхание Харкнесса.

Мальчишки в бейсбольных майках по-прежнему держались рядом.

— Пошли отсюда! — вдруг рявкнул Бейкер. — Не надо вам этого видеть. Кыш!

Мальчуганы с отстраненным любопытством взглянули на Бейкера и поехали дальше. На Бейкера они смотрели как на какую-то диковинную рыбу. У одного из них, большеглазого, остроголового, коротко стриженного малыша, к рулю велосипеда был приделан пластмассовый рожок для подачи звукового сигнала. Парнишка дал гудок и осклабился. Оказалось, что во рту у него пластинка, которая тут же ослепительно сверкнула на солнце.

Дула карабинов снова опустились. Своеобразный ритуальный танец. Харкнесс шел по самой кромке дороги. В голове у Гаррати пронесся безумный вопрос: ты читал недавно какие-нибудь хорошие книги? Они же сейчас пристрелят тебя. Стоит чуть-чуть отстать...

Вечность.

Стылая пустота.

Дула двинулись вверх.

Гаррати смотрел на часы. Секундная стрелка обошла циферблат раз, другой, третий. Харкнесс поравнялся с ним, обогнал. Суровое, сосредоточенное лицо. Взгляд направлен вперед. Зрачки сузились настолько, что превратились в точки. Губы слегка посинели, еще недавно красное лицо приобрело кремовый оттенок, и только на щеках остались пятна румянца. Но он уже не щадил больную ногу. Хромота почти прошла. Нога в одном носке мерно шлепала по асфальту. Гаррати подумал: как долго можно идти без обуви?

Тем не менее от сердца у него отлегло, и он услышал, что Бейкер облегченно вздохнул. Очень глупо. Чем раньше остановится Харкнесс, тем скорее сможет остановиться он сам. Простая правда Прогулки. Логика. Но была здесь и более глубокая, более истинная логика. Харкнесс принадлежит к группе Гаррати, он частица его клана. Часть маги-

ческого круга, в который входит и Гаррати. Если одна часть круга сломается, это будет означать, что сломаться может любая его часть.

Мальчишки в майках Малой лиги проехали рядом с ходоками мили две, затем потеряли к ним интерес и повернули назад. К лучшему, подумал Гаррати. Неприятно было, когда они таращились на Бейкера, как на зверя в зоопарке. Пусть лучше они не узнают правды о смерти Идущих. Гаррати смотрел на них, пока они не скрылись.

А Харкнесс шел впереди, он был теперь единоличным лидером. Шел он очень быстро, почти бежал. И не смотрел по сторонам. Гаррати захотелось знать, о чем он думает.

Глава 7

Мне нравится думать, что я занятный парень. Знакомые считают меня шизофреником лишь потому, что в обычной жизни я совсем не такой, каким предстаю на экране.

Николас Парсонс
«Распродажа века»
(британский вариант)

Скрамм, 85-й номер, заинтересовал Гаррати не блестящим интеллектом, так как не был особенно умен. Гаррати привлекало не его луноподобное лицо, не стрижка под ежик, не могучее телосложение — Скрамм напоминал громадного лося. Он заинтересовал Гаррати тем, что был женат.

— Правда? — в третий раз переспросил Гаррати. Он никак не мог поверить, что Скрамм не вешает ему лапшу. — Ты действительно женат?

— Ага. — Скрамм поднял голову и с наслаждением посмотрел на восходящее солнце. — Я ушел из школы в четырнадцать лет. Мне не было смысла учиться дальше. Я особых

хлопот не доставлял, просто учеба не шла. А наш учитель истории как-то прочитал нам статью о том, что школы в стране переполнены. И я решил освободить место для кого-нибудь поспособнее и заняться бизнесом. И вообще я хотел жениться на Кэти.

— Ты в каком возрасте женился? — спросил Гаррати. Скрамм интересовал его все больше и больше. Они проходили сейчас по очередному городку, и вдоль дороги стояли зрители с плакатами, но Гаррати едва замечал их. Все эти люди теперь существовали в другом мире, они уже не имели к нему никакого отношения. Как будто толстая стеклянная стена отделяла их от него.

— Мне было пятнадцать, — сказал Скрамм и почесал подбородок, отливающий синевой из-за щетины.

— Тебя не пытались отговорить?

— Был у нас в школе воспитатель, он долго мне долдонил, что надо остаться в школе, если я не хочу всю жизнь быть землекопом, но в конце концов у него нашлись более важные дела, и он от меня отцепился. Наверное, можно сказать, что мне дали свободу выбора. А землекопы тоже нужны, верно? — Он приветливо помахал рукой нескольким девчонкам, которые исступленно приветствовали Идущих. Ветер задирал их плиссированные юбки, открывая исцарапанные коленки. — В общем, землекопом я так и не стал. В жизни ни одной ямы не выкопал. Устроился на работу в Финиксе, на фабрику постельного белья. Три доллара в час. Мы с Кэти — счастливые люди. — Скрамм улыбнулся. — Бывает, сидим мы у телевизора, и вдруг Кэт обнимает меня и говорит: «Счастливые мы с тобой, солнышко». Славная она.

— А дети у вас есть? — спросил Гаррати, чувствуя, что втягивается в совершенно нелепый разговор.

— Ну, Кэти сейчас беременна. Она говорила сначала, что надо подождать, пока мы не накопим достаточно денег, чтобы оплатить акушера. Когда у нас на счету было семьсот, она сказала — давай. Забеременела сразу. — Скрамм посмотрел в глаза Гаррати. — Мой сын пойдет в колледж. Говорят, у таких

дураков, как я, умных детей не бывает, но у Кэти ума хватает на двоих. Кэти окончила школу. Это я ее заставил. Занималась на вечернем отделении. И мой ребенок будет учиться столько, сколько захочет.

Гаррати молчал. Он не мог придумать, что сказать. Маквайс отошел в сторону и оживленно беседовал о чем-то с Олсоном. Бейкер играл с Абрахамом в словесную игру под названием «Привидение». Где Харкнесс — неизвестно. Во всяком случае, он ушел далеко. Да и Скрамм тоже. Скрамм слишком далеко зашел. Эх, Скрамм, по-моему, ты совершил ошибку. Твоя жена, Скрамм, *беременна*, но это не дает тебе здесь никакого преимущества. Семь сотен в банке? Трехзначной суммы недостаточно, Скрамм. И ни одна компания в мире не станет страховать участника Долгой Прогулки.

У обочины стоял человек в клетчатом пиджаке и отчаянно размахивал соломенной шляпой с гибкими полями; Гаррати смотрел сквозь него.

— Скрамм, что будет, если ты заработаешь билет? — осторожно спросил он.

Скрамм мягко улыбнулся:

— Со мной этого не произойдет. Я чувствую себя так, словно готов идти целую вечность. Знаешь, я захотел участвовать в Долгой Прогулке еще в том возрасте, когда впервые чего-то сознательно захотел. Две недели назад я прошел восемьдесят миль и даже не вспотел.

— Но допустим, что-нибудь случится...

Скрамм только усмехнулся.

— Сколько лет Кэти?

— Она примерно на год старше меня. Ей почти восемнадцать. Сейчас ее родичи с ней в Финиксе.

Гаррати решил, что родичи Кэти Скрамм знают что-то такое, о чем Скрамм не догадывается.

— Наверное, ты ее очень любишь, — сказал он с легкой грустью.

Скрамм улыбнулся, обнажив те немногие упрямые зубы, которым удалось дожить до этого дня.

— С тех пор как я на ней женился, я вообще не смотрел на других девушек. Кэти славная.

— И все-таки ты пошел.

Скрамм рассмеялся:

— А разве идти не здорово?

— Для Харкнесса — точно нет, — мрачно произнес Гаррати. — Спроси у него, приятно ли ему идти.

— Ты не просчитываешь последствия, — сказал вклинившийся между Гаррати и Скраммом Пирсон. — Ты *можешь* проиграть. Ты должен признать, что ты *можешь* проиграть.

— Перед началом Прогулки я считался фаворитом в Лас-Вегасе, — возразил Скрамм. — У меня самые высокие ставки.

— Это точно, — хмуро подтвердил Пирсон. — И ты в хорошей форме, это сразу видно. — Сам Пирсон, отшагав ночь, побледнел и осунулся. Без всякого интереса он смотрел на людей, толпившихся на стоянке возле универмага, мимо которого они проходили. — Все, кто стартовал не в форме, уже умерли или умирают. Но семьдесят два человека еще идут.

— Да, но... — Скрамм задумался; его лоб прорезала глубокая морщина. Гаррати почудилось, что он слышит, как работает мыслительный механизм Скрамма: медленно, туго, но необратимо, как смерть, и неотвратимо, как уплата налогов. В этом Гаррати чувствовал что-то жуткое.

— Я не хочу вас обидеть, — продолжал Скрамм. — Вы хорошие ребята. Но вы пришли сюда не с мыслями о победе и о Призе. Здесь многие сами не знают, почему пошли. Возьмите хоть этого Барковича. Он пошел не затем, чтобы получить Приз. Он пошел для того, чтобы посмотреть, как умирают другие. Он этим живет. Как только кто-то получает билет, у него прибавляется сил. Но этого недостаточно. Он засохнет, как лист на ветке.

— А я? — спросил Гаррати.

Скрамм заметно смутился:

— Ах, черт...

— Нет, продолжай.

— Насколько я тебя вижу, ты тоже не представляешь, зачем идешь. То же самое. Сейчас, конечно, ты идешь, потому что боишься... Но и этого недостаточно. Страх выматывает. — Скрамм взглянул на асфальт и потер ладони. — А когда он окончательно вымотает тебя, ты, Рей, тоже получишь билет, как и все.

Гаррати вспомнились слова Макврайса: *Мне кажется... когда я совсем устану... наверное, я просто сяду.*

— Тебе придется долго идти, чтобы осилить меня, — сказал Гаррати, хотя столь простая оценка Скрамма здорово напугала его.

— Я, — сказал Скрамм, — готов идти очень долго.

Ноги несли их вперед. Они миновали поворот, затем дорога пошла под уклон, пересекла железнодорожную колею. Они прошли мимо заброшенного домика и покинули городок.

— По-моему, я знаю, что значит умирать, — уверенно сказал Пирсон. — Во всяком случае, теперь знаю. Конечно, знаю не смерть как таковую, смерть моему пониманию недоступна. Я понимаю, как это — умирать. Если я остановлюсь, мне конец. — Он сглотнул слюну, и в его горле что-то булькнуло. — Что-то вроде точки в конце фразы. — Он серьезно взглянул на Скрамма. — Может, я скажу сейчас то, что сказал бы и ты. Может быть, это не выражает всех моих чувств. Но... я не хочу умирать.

Во взгляде Скрамма чувствовался, пожалуй, упрек.

— Неужели ты думаешь, что знание того, что такое умирание, поможет тебе выжить?

Пирсон вымученно улыбнулся, как улыбался бы страдающий морской болезнью солидный бизнесмен, старающийся удержать в желудке только что съеденный завтрак.

— Во всяком случае, сейчас это — одна из причин, почему я продолжаю идти.

Гаррати почувствовал громадную благодарность к нему, ибо сам он шел не только по этой причине. По крайней мере пока не только по этой.

Совершенно неожиданно, как будто для того, чтобы дать наглядную иллюстрацию к возникшему спору, с одним из шедших впереди парней случился припадок. Он рухнул на дорогу и стал отчаянно корчиться и извиваться на асфальте. Его руки и ноги дергались в конвульсиях. Он явно потерял сознание и издавал какие-то непонятные хриплые звуки, похожие на блеяние овцы. Когда Гаррати проходил мимо него, рука лежащего шлепнулась на его туфлю, и на него накатила волна истерического страха. Глаза парня закатились, и видны были одни белки. На губах и на подбородке пузырилась слюна. Ему вынесли второе предупреждение, но он, конечно же, не воспринимал уже ничего, и по истечении двух минут его пристрелили как собаку.

Вскоре после этого события они дошли до вершины пологого холма и пошли под уклон вдоль зеленых полей. Никакого жилья не было видно. Гаррати благодарил природу за прохладный утренний ветерок, овевающий его потное тело.

— Интересный вид, — сказал Скрамм.

Идущие видели перед собой дорогу миль на двенадцать вперед. Долгий спуск, несколько крутых поворотов посреди лесного массива — извилистая полоска черного шелка на зеленой ткани. Далеко впереди начинался очередной подъем, и дорога терялась из виду в розоватой дымке утреннего солнца.

— Наверное, это и есть Хейнсвиллские леса, — неуверенно сказал Гаррати. — Кладбище автомобилей. Зимой это гиблое место.

— Никогда ничего подобного не видел, — серьезно сказал Скрамм. — Во всем штате Аризона нет такого количества зелени.

— Вот и любуйся, пока в силах, — сказал присоединившийся к группе Бейкер. — Пока солнышко тебя не поджарило. Уже довольно жарко, а сейчас ведь только половина седьмого утра.

— Я думал, ты-то у себя дома к жаре привык, — почти обиженно проговорил Пирсон.

— Привыкнуть к ней невозможно, — возразил Бейкер, перебрасывая пиджак через левую руку. — Приходится просто учиться жить в таких условиях.

— Мне хотелось бы выстроить здесь дом, — сказал Скрамм. Он дважды чихнул — громко, по-бычьи, от души. — Выстроить дом своими руками и каждое утро смотреть на этот пейзаж. Вместе с Кэти. Может, так я и поступлю, когда все это закончится.

Никто не произнес ни слова.

К шести сорока пяти холм был позади, ветер почти не чувствовался, и дневная жара уже давала о себе знать. Гаррати снял куртку, сложил ее и аккуратно намотал на руку. Дорога шла среди лесов, но ее уже нельзя было назвать безлюдной. У обочин стояли машины, и их владельцы, проснувшиеся в этот день пораньше, приветствовали Идущих возгласами, размахивали руками и транспарантами.

В очередной низине Идущие заметили помятый автомобиль, около которого стояли две девушки в обтягивающих летних шортах и не менее обтягивающих блузках и сандалиях. Они кричали и свистели. Лица девушек раскраснелись, они были разгорячены и возбуждены; Гаррати видел в них что-то древнее, порочное и до умопомрачения эротичное. Он почувствовал, как в нем разгорается животная похоть, настолько острая и мощная, что по всему телу прошла парализующая судорога.

Зато Гриббл, известный сторонник решительных действий, ринулся к девушкам. Пыль заклубилась у него под ногами, когда он ступил на обочину. Одна из девушек откинулась на борт машины, слегка раздвинула ноги и вытянула их навстречу Гриббл. Тот положил ладони ей на грудь. Она не стала его останавливать. Он услышал, как ему выносится предупреждение, заколебался, потом ринулся вперед и прижался к ней. Все видели его фигуру, одетую в мокрую от пота белую рубашку и полосатые брюки, его лихорадку, его смятение, ярость, страх, отчаяние. Девушка обхватила ногами его бедра и сжала их. Они поцеловались.

Гриббл получил второе предупреждение, третье, и лишь после этого, когда в запасе у него оставалось, наверное, секунд пятнадцать, бросился очертя голову вперед. Упал, заставил себя подняться, подтянул брюки, схватился за бедра и вернулся, спотыкаясь, на дорогу. Его худое лицо горело болезненным румянцем.

— Не смог. — Он всхлипывал. — Не хватило времени. Она меня хотела, я не смог... Я... — Он уже плакал, но шел шатаясь вперед, прижимая руки к бедрам. Его речь почти исключительно состояла из нечленораздельных стонов.

— Зато пощекотал, а им приятно, — сказал Баркович. — Им завтра будет о чем поговорить в программе «Покажи и расскажи».

— *Заткнись!* — завопил Гриббл. Теперь он еще сильнее сжимал пальцы на бедрах. — Больно, у меня спазмы...

— Яйца у него чешутся, — бросил Пирсон.

Гриббл глянул на него сквозь упавшие на глаза пряди черных волос. Он был похож на застывшую в оцепенении ласку.

— Больно, — невнятно повторил он и внезапно упал на колени, схватившись за нижнюю часть живота. Голова его поникла, опустившись на грудь, спина согнулась. Он дрожал и стонал, и Гаррати заметил капли пота на его затылке и на кончиках волос — отец Гаррати в таких случаях называл человека мокрой курицей.

Через несколько секунд Гриббл был уже мертв.

Гаррати обернулся, чтобы взглянуть на девушек, но они уже забрались в машину. Сквозь стекло можно было разглядеть лишь неясные силуэты.

Гаррати решительным усилием попытался вышвырнуть их образы из головы, но они тут же заползли обратно. Каково бы это было — войти в эту теплую, жаждущую плоть? Бедра ее дернулись, Боже всемилостивый, они *содрогнулись* в каком-то спазматическом оргазме, Боже милосердный, она же испытала неодолимое желание сжать его и приласкать... а главное — ощутить этот жар... *этот жар*...

Он чувствовал, что идет. Чувствовал внутри жаркий взрыв, прилив тепла. Прилив влаги. Черт возьми, сейчас эта влага выступит на брюках, и кто-нибудь заметит. Заметит, укажет на него пальцем и спросит, как бы ему понравилось, если бы ему пришлось идти по улицам без одежды, в голом виде, идти... идти... идти...

«О Джен моя Джен я люблю тебя как я тебя люблю», — думал он, но мысль казалась нечеткой и мешалась с чем-то еще.

Он запахнул куртку на поясе, продолжая как ни в чем не бывало идти вперед, и воспоминание о Джен потускнело и выцвело, как выставленный на солнце негатив полароидного снимка.

Дорога теперь шла под гору. Перед Идущими лежал довольно крутой спуск, и им было непросто двигаться достаточно медленно. Мышцы напрягались, терлись друг о друга, болели. Идущие обливались потом. Невероятно, но Гаррати вдруг захотелось, чтобы вновь наступила ночь. Он с любопытством взглянул на Олсона — ему было интересно, как тому удается идти.

Олсон опять смотрел под ноги. Жилы вздулись на его затылке. Губы застыли в странной усмешке.

— Он почти готов. — Голос Макврайса заставил Гаррати вздрогнуть. — Когда человек начинает отчасти надеяться, что его застрелят, — тогда его ноги смогут отдохнуть, он уже близок к концу.

— А так ли? — сердито спросил Гаррати. — Интересно, откуда кто-нибудь может знать лучше меня, что означают все эти ощущения?

— Дело в том, что ты слишком хороший, — нежно сказал Макврайс и ускорил шаг, обходя Гаррати сбоку.

Стеббинс. Давно он не думал о Стеббинсе. Теперь он повернул голову, чтобы взглянуть на Стеббинса. Стеббинс шел. На длинном спуске группа растянулась по дороге, и Стеббинс отставал теперь почти на четверть мили, но его темно-красные штаны и кофту из ткани шамбре нельзя было спутать

ни с чем. Стеббинс по-прежнему замыкал шествие, как стервятник, выжидающий, пока все остальные рухнут замертво...

Гаррати ощутил закипающий гнев. Ему вдруг захотелось побежать назад и придушить Стеббинса. Для этого не было ни поводов, ни причин, но Гаррати пришлось сделать над собой серьезное усилие, чтобы подавить порыв.

Когда группа одолела спуск, ноги Гаррати сделались резиновыми. Тело его давно онемело от усталости, но теперь тупое оцепенение было нарушено невидимыми иголками, которые вдруг пронизали его ноги, грозя скрутить мышцы судорогами. А что в этом, собственно, странного, подумал он. Они в пути уже двадцать два часа. Пройти без остановки двадцать два часа — невероятно.

— Как ты теперь себя чувствуешь? — спросил он у Скрамма так, как будто в последний раз интересовался его самочувствием часов двенадцать назад.

— Я бодр и свеж, — ответил Скрамм, шмыгнул носом, провел по нему тыльной стороной ладони и сплюнул. — Бодр и свеж, насколько это вообще возможно.

— Похоже, ты простудился.

— Не-а. Это из-за пыльцы. У меня весной всегда так. Сенная лихорадка. Даже в Аризоне* так было. А простуды у меня не бывает.

Гаррати открыл рот, намереваясь что-то сказать, но вдруг услышал далеко впереди короткий сухой треск. Выстрелы. Прошелестел слух. Погорел Харкнесс.

Гаррати почувствовал, как что-то нехорошее поднялось у него внутри, когда он передавал слух дальше. Магическое кольцо разомкнулось. Харкнесс никогда не напишет книгу о Долгой Прогулке. Сейчас Харкнесса волокут на обочину, как мешок с зерном, или заворачивают в холстину, чтобы затащить в автофургон. Для Харкнесса Долгая Прогулка завершилась.

---

* Аризона — один из южных штатов США, где весной, как правило, очень тепло.

— Харкнесс, — проговорил Маквpайс. — Старина Харкнесс купил билет на ферму.

— Стих про него напиши, — бросил Баркович.

— Заткнись, убийца, — спокойно ответил Маквpайс и покачал головой. — Старина Харкнесс, сукин ты сын.

— Я не убийца! — завопил Баркович. — Я еще спляшу на твоей могиле, урод со шрамом! Я...

Гул злых голосов заставил его замолчать. Некоторое время Баркович, что-то бормоча себе под нос, смотрел на Маквpайса, потом прибавил шагу и пошел вперед не оборачиваясь.

— Знаете, чем занимался мой дядя? — неожиданно спросил Бейкер.

Кроны деревьев шумели над головой, и Гаррати изо всех сил старался забыть про Харкнесса и Гриббла и думать только об утренней прохладе.

— Чем же? — спросил Абрахам.

— Он был владельцем похоронного бюро, — сообщил Бейкер.

— Не слабо, — равнодушно отозвался Абрахам.

— Когда я был маленьким, меня это всегда интересовало, — рассеянно продолжал Бейкер. По всей вероятности, он потерял мысль, взглянул на Гаррати и усмехнулся. Странная у него вышла усмешка. — Я хотел сказать — кто будет обмывать его. Ну, это как вопрос о том, у кого стрижется парикмахер или кто должен удалять желчный камень хирургу.

— У врача желчь не может быть в порядке, — торжественно провозгласил Маквpайс.

— Ты понимаешь, о чем я.

— Так кто же выполнил работу? — спросил Абрахам.

— Да-да, — подхватил Скрамм. — Кто?

Бейкер взглянул вверх, на тяжелые раскидистые ветви, под которыми они проходили, и Гаррати опять увидел, насколько он измучен. «Впрочем, — добавил он про себя, — мы все выглядим не лучше».

— Рассказывай, — настаивал Маквpайс. — Не заставляй нас ждать. Кто его похоронил?

— Старая как мир шутка, — заметил Абрахам. — Разве Бейкер сказал, что дядя умер?

— Он умер, — сказал Бейкер. — Рак легких. Шесть лет назад.

— Он курил? — спросил Абрахам и помахал рукой супружеской паре, стоявшей у дороги вместе с двумя детьми и котом. Кота — персидского — они держали на поводке. Кот казался злобным и рвался в бой.

— Нет, — ответил Бейкер. — Даже трубку не курил. Боялся рака.

— Ради всего святого, — снова заговорил Макврайс, — кто же его похоронил? Договаривай, а потом мы обсудим мировые проблемы или поговорим о бейсболе, или об абортах, или еще о чем-нибудь.

— На мой взгляд, проблема абортов — это в самом деле мировая проблема, — серьезно сказал Гаррати. — Моя девушка — католичка, и...

— *Договаривай!* — прорычал Макврайс. — Черт тебя подери, Бейкер, кто похоронил твоего дедулю?

— Дядю. Это мой дядя. Мой дед был юристом, он жил в Шривпорте. Он...

— Мне плевать, — оборвал его Макврайс. — Пусть у почтенного старца было три члена, мне плевать, я хочу узнать, кто похоронил дядю, и тогда мы сможем *сменить тему*.

— В общем-то никто его не хоронил. Он хотел, чтобы его кремировали.

— Хо! Вот это да! — воскликнул Абрахам и издал смешок.

— Моя тетка забрала из крематория урну с его прахом. Урна и теперь у нее дома в Батон-Руже. Она попыталась продолжать его дело — ну, с ритуальными услугами, — но с похоронным бюро, которым управляет женщина, мало кто хотел иметь дело.

— Думаю, вопрос не в этом, — сказал Макврайс.

— А в чем?

— Не в этом. Ей испортил все дело твой дядя.

— Испортил? То есть как? — Бейкеру вдруг стало интересно.

— Ну, согласись, что он стал для нее плохой рекламой.

— Ты хочешь сказать, его смерть?

— Нет, — ответил Маквайс. — Кремация.

Скрамм громко шмыгнул носом.

— Он затащил тебя сюда, старик, — сказал он.

Бейкер и Маквайс переглянулись.

— Дядя? Наверное, да.

— Твой дядя, — с трудом проговорил Абрахам, — действует мне на нервы. А еще, должен сказать...

В эту самую секунду Олсон обратился к сопровождающим с просьбой позволить ему отдохнуть.

Он не остановился и не сбавил шаг настолько, чтобы получить предупреждение, но голос его звучал настолько трусливо, униженно-умоляюще, что Гаррати стало стыдно за него. Он не умолкал. Зрители с ужасом и в то же время с любопытством наблюдали за ним. Гаррати хотелось, чтобы Олсон замолчал, прежде чем успеет осрамить их всех в глазах публики. Самому Гаррати тоже не хотелось умирать, но еще меньше хотелось умереть, публично проявив малодушие. Солдаты смотрят на Олсона, смотрят сквозь него, смотрят мимо него; у них деревянные лица, они как будто глухонемые. Однако они вынесли предупреждение, и Гаррати убедился, что они все-таки не лишены дара речи и слуха.

Без четверти восемь заговорили о том, что до сотни осталось пройти шесть миль. Гаррати читал когда-то, что самая многочисленная группа участников Долгой Прогулки, преодолевшая сто миль, — шестьдесят три человека. Уже можно держать пари, что в этом году рекорд будет побит. Их группа пока состоит из шестидесяти девяти человек. Впрочем, это не имеет никакого значения.

Непрекращающиеся заунывные стенания бредущего слева от Гаррати Олсона, казалось, делали воздух еще горячее и суше. Кто-то из ребят прикрикнул на Олсона, но тот или не услышал, или проигнорировал окрик.

Они прошли по крытому деревянному мосту; доски под ногами скрипели и ходили ходуном. Гаррати слышал, как хлопают крыльями и чирикают встревоженные воробьи, которые свили себе гнезда среди балок. На мосту дул освежающий прохладный ветерок, а когда они миновали мост, солнце стало палить еще сильнее. «Если жарко — потерпи, — сказал себе Гаррати. — Потерпи, рано или поздно дорога опять пойдет среди полей». Хорошее утешение.

Он крикнул, что ему нужна фляга. Один из солдат подбежал к нему, молча протянул флягу и затрусил обратно к фургону. Желудок Гаррати настойчиво требовал пищи. «В девять, — подумал он. — В девять я должен еще идти. Будь я проклят, если помру из-за пустого желудка».

Бейкер внезапно остановился, огляделся вокруг, не увидел у обочины зрителей, спустил штаны и присел на корточки. Получил предупреждение. Гаррати прошел мимо него, но услышал, как солдат объявляет Бейкеру второе предупреждение. Через двадцать секунд Бейкер нагнал Гаррати и Макврайса. Он тяжело дышал и на ходу подтягивал брюки.

— Ух, так быстро я *никогда* не гадил, — выговорил он, задыхаясь.

— А ты всегда засекаешь время? — спросил его Макврайс.

— Не могу долго терпеть, — признался Бейкер. — Черт, некоторые по-большому раз в неделю ходят. А я — раз в день, как штык. Если не получается, принимаю слабительное.

— Слабительные вредны для кишечника, — заявил Пирсон.

— От них одно дерьмо получается, — усмехнулся Бейкер.

Макврайс запрокинул голову и расхохотался.

Абрахам повернулся и вступил в беседу:

— Мой дед в жизни не принимал слабительных, а дожил до...

— Надо полагать, ты за ним следил, — перебил его Пирсон.

— Ты хочешь сказать, что не веришь словам моего дедушки?

— Боже упаси. — Пирсон закатил глаза.

— Так вот, мой дед...

— Смотрите, — сказал Гаррати. Разговор о слабительных нисколько его не интересовал, и он все это время безучастно наблюдал за Перси Как-его-там. Но теперь он смотрел очень внимательно и не верил своим глазам. Перси уже давно шел у самого края дороги. Теперь же он сошел с асфальта и вышагивал по песку. Время от времени он бросал напряженный, испуганный взгляд в сторону солдат, едущих в автофургоне, потом смотрел вправо, на густой лес, от которого его отделяло меньше семи футов. — По-моему, он вот-вот сломается, — сказал Гаррати.

— Ясно как день, шлепнут его, — отозвался Бейкер, понижая голос до шепота.

— Похоже, никто за ним не следит, — заметил Пирсон.

— Так не привлекайте их внимания, идиоты! — сердито сказал Макврайс. — Ради Христа!

В течение десяти минут никто из них не сказал ничего существенного. Они лишь делали вид, что разговаривают, и наблюдали за Перси, который поглядывал на солдат и мысленно оценивал расстояние до густого леса.

— Духу у него не хватает, — пробормотал наконец Пирсон.

Прежде чем кто-либо успел ответить, Перси медленно, неспешно двинулся в сторону леса. Два шага, три. Еще шаг, максимум два — и он будет в лесу. Его ноги в джинсах двигались неторопливо. Легкий ветер трепал светлые, выгоревшие на солнце волосы. Его можно было принять за скаута-натуралиста, поглощенного наблюдением за птицами.

Никаких предупреждений. Перси лишился права их получать в тот момент, когда его правая нога ступила на обочину. Перси покинул дорогу, и солдаты все знали. Никого не провел старина Перси Как-его-там. Раздался отчетливый резкий звук, и Гаррати перевел взгляд с Перси на солдата, стоявшего у заднего борта фургона. Четкая, неподвижная как статуя фигура солдата: ложе карабина прижато к плечу, голова слегка наклонена вперед, в ту сторону, куда направлено дуло.

Гаррати снова не отрываясь смотрел на Перси. Перси устроил им потрясающий спектакль. Перси стоял уже на траве, на самом краю соснового леса. Он застыл словно монумент — подобно человеку, застрелившему его. Их обоих, подумал Гаррати, мог бы изваять Микеланджело. Абсолютно неподвижный Перси, а над его головой — голубое весеннее небо. Одна рука прижата к груди, словно он поэт, вышедший на сцену. Глаза широко открыты, и в них читается экстаз.

Яркая, сверкающая на солнце струйка крови потекла между его пальцев. *Старина Перси Как-тебя-там. Эй, Перси, тебя мама зовет. Эй, Перси, а твоя мама знает, что тебя уже нет? Перси, Перси, какое дурацкое у тебя имя, эй, Перси, ну разве ты не молодец?* Перси стоит, как Адонис, лицом к лицу с одетым в темно-коричневый костюм неумолимым охотником*. Одна, вторая, третья капля крови падает на его запыленные черные туфли, и все это происходит в течение всего трех секунд. *Гаррати не успел сделать даже двух шагов и предупреждения не получил, эх, Перси, ну что скажет твоя мама? Ну скажи мне, скажи, неужто у тебя в самом деле хватит духу, чтобы умереть?*

У Перси хватило духу. Он покачнулся, ударился о небольшое сучковатое дерево, повернулся на каблуках и рухнул навзничь. Изящно-симметричной композиции уже не было. Просто Перси был мертв.

— Да покроется эта земля солью, — неожиданно быстро заговорил Маквайс. — Да не станет расти на ней ни овес, ни пшеница. И прокляты будут сыны этой земли и поселения их. И дома их будут прокляты. О Пресвятая Дева Мария, помоги нам взорвать проклятое место сие!

Маквайс захохотал.

— Заткнись! — рявкнул на него Абрахам. — Не смей говорить такие вещи!

---

* Согласно греческому мифу, юный Адонис, возлюбленный богини Афродиты, был растерзан диким кабаном во время охоты.

— А мир есть Бог, — продолжал Маквpайс, истерически хихикая. — И мы *идем* по Господу, а там, сзади, мухи *ползают* по Господу, но и мухи — это тоже Господь, так будет же благословен плод чрева твоего, Перси. Аминь, Аллилуйя, хлеб с маслом. Отче наш, иже еси завернутый в фольгу, да святится имя Твое.

— Я тебя ударю, — сказал Абрахам. Лицо его побелело. — Пит, я ударю тебя.

— О сила *моли-и-итвы*! — Маквpайс кривлялся и хихикал. — О мыльная пена и тело мое! О священная моя *шляпа*!

— Я ударю тебя, если не замолчишь! — прорычал Абрахам.

— Не надо, — сказал испуганный Гаррати. — Пожалуйста, давайте не будем драться. Будем... хорошими.

— И повеселимся? — невпопад спросил Бейкер.

— Тебя-то кто спрашивает, краснорожий?

— Он был чересчур молод для Прогулки, — печально сказал Бейкер. — Я готов поцеловать свинью в задницу, если ему исполнилось четырнадцать.

— Его испортила мать, — сказал Абрахам. Голос его дрожал. — Это же сразу видно. — Он оглянулся и умоляюще посмотрел на Гаррати и Пирсона. — Ведь видно, правда?

— Больше она его портить не будет, — сказал Маквpайс.

Неожиданно Олсон снова начал что-то бормотать, обращаясь к солдатам. Тот, который расстрелял Перси, сейчас сидел и жевал сандвич. В восемь часов утра группа прошла мимо залитой солнцем бензозаправки, где механик в замасленном комбинезоне поливал из шланга гаревую поверхность заправочной площадки.

— Хорошо бы он нас окатил, — сказал Скрамм. — Я горю как свечка.

— Всем жарко, — заметил Гаррати.

— А я думал, в Мэне вообще не бывает жары, — сказал Пирсон. Прежде его голос не казался таким измученным. — Я думал, Мэн вообще холодный штат.

— Теперь тебе известна истина, — коротко ответил Гаррати.

— А ты классный парень, Гаррати, — сказал Пирсон. — Ты это знаешь? Ты правда классный парень. Я рад, что с тобой познакомился.

Маквpайс рассмеялся.

— Знаешь, что я тебе скажу? — обратился Гаррати к Пирсону.

— Что?

— Язык у тебя разболтался, ты бы его подвинтил. — Ничего остроумнее он не смог придумать с ходу.

Они прошли мимо автостоянки. Там стояли два или три грузовика, несомненно, свернувшие на стоянку специально, чтобы уступить дорогу участникам Долгой Прогулки. Один из водителей прислонился к кузову своей машины — огромного рефрижератора. Ему досталась частичка прохлады, исчезающей в лучах утреннего солнца. Идущие протащились мимо; несколько женщин приветствовали их криками, а водитель, прислонившийся к кузову рефрижератора, — непристойным жестом. Здоровенный мужик в грязной теннисной майке, из ворота которой торчала жирная красная шея.

— Какого хрена он это сделал? — закричал Скрамм. — Старый говнюк!

Маквpайс засмеялся:

— Эй, Скрамм, это же первый честный человек, которого мы встретили с тех пор, как вся эта хренотень началась. Честное слово, он мне нравится!

— Может быть, везет скоропортящиеся продукты из Бостона в Монреаль, — сказал Гаррати. — Мы вытеснили его с дороги. Наверное, он боится потерять работу. Или заказ, если он независимый перевозчик.

— По-твоему, он не пересолил? — прокричал Колли Паркер. — Скажешь, не сволочная это штука? Маршрут объявили месяца за два, а то и раньше. Просто он козел, и все!

— Ты, похоже, неплохо в этих делах разбираешься, — сказал Абрахам, обращаясь к Гаррати.

— Да, знаю кое-что, — ответил Гаррати. — Мой отец занимался перевозками, пока его не... пока он с нами был. Ра-

бота тяжелая, баксы трудно достаются. Может, тот парень подумал, что успеет проскочить. Он бы тут не поехал, если бы существовал более короткий путь.

— Не надо было показывать нам палец, — настаивал Скрамм. — Не надо было с нами так. В конце концов, у него гнилые помидоры, а у нас — вопрос жизни и смерти.

— Твой отец разошелся с матерью? — спросил у Гаррати Макврайс.

— Папу увел Взвод, — коротко ответил Гаррати. Он опасался, что Паркер — или кто-нибудь другой — что-нибудь вякнет, но все молчали.

Стеббинс все так же шел последним. Когда он проходил мимо стоянки, толстяк шофер уже заползал в кабину. Впереди карабины сказали кому-то последнее слово. Тело развернулось, рухнуло и затихло. Двое солдат оттащили его прочь с дороги. Третий солдат швырнул им с фургона мешок.

— Моего дядю увел Взвод, — нерешительно проговорил Уаймен. Гаррати заметил, что подошва левого ботинка Уаймена начала отставать от верха и хлопала по асфальту.

— Взвод уводит только тупых болванов, — отчетливо произнес Колли Паркер.

Гаррати посмотрел на него, желая рассердиться, но вместо этого опустил голову и стал смотреть под ноги. Все верно, его отец и был тупым болваном. Тупым пьяницей, у которого два цента не задерживались в карманах, чем бы он ни пытался заниматься, и у которого не хватило ума держать при себе свои политические взгляды. Гаррати почувствовал себя старым и больным.

— Захлопни свою вонючую пасть, — спокойно сказал Макврайс.

— Подойди и попробуй меня заста...

— Нет, я не собираюсь подходить и заставлять тебя. Просто замолчи, сукин сын.

Колли Паркер вклинился между Гаррати и Макврайсом. Пирсон и Абрахам посторонились. Солдаты в фургоне напряглись, предвидя конфликт. Паркер смерил Гаррати дол-

гим изучающим взглядом. На его широком лице дрожали капельки пота. Смотрел он все еще надменно-высокомерно. Потом несильно хлопнул Гаррати по плечу:

— Послушай, у меня бывает дурной язык. Я ничего плохого не имел в виду. Мир? — Гаррати отрешенно кивнул, и Паркер повернулся к Макврайсу. — А на тебя, малыш, я чихать хотел, — сказал он и прибавил шагу.

— Какой все-таки ублюдок, — угрюмо сказал Макврайс.

— Не хуже, чем Баркович, — возразил Абрахам. — А может быть, даже чуть лучше.

— Кстати, — вмешался Пирсон, — а что бывает, когда уводит Взвод? Это ведь хуже, чем просто умереть, правильно я понимаю?

— Откуда же я могу знать? — ответил Гаррати. — Этого никто из нас знать не может.

Отец Гаррати был светловолосым гигантом с громовым голосом и утробным смехом. Маленькому Гаррати казалось, что такой же звук бывает, когда рушатся горы. Потеряв работу независимого перевозчика, он стал возить грузы из Брансуика на государственных машинах. И семья могла бы неплохо жить, если бы Джим Гаррати не болтал о политике. Но когда человек находится на государственной службе, правительство вспоминает о нем вдвое чаще и вдвое охотнее вызывает Взвод, если ему кажется, что человек переступает черту. А Джим Гаррати не был пламенным поклонником Долгих Прогулок. Поэтому в один прекрасный день он получил телеграмму, а на следующее утро на пороге его квартиры возникли два солдата, и Джим Гаррати ушел с ними, выкрикивая угрозы, а его жена, белая как молоко, закрыла за ними дверь, а когда Гаррати спросил у матери, куда папа ушел с военными дядями, она дала ему такую пощечину, что у него из уголка рта потекла кровь, и велела ему молчать, молчать. С тех пор Гаррати не видел отца. Не видел одиннадцать лет. Чистая была работа. Чистая, стерильная, безукоризненная, гладкая.

— У моего брата были проблемы с законом, — вступил в разговор Бейкер. — Не с правительством, именно с законом. Он

украл машину и перегнал ее из нашего города в Хэттисберг, штат Миссисипи. Получил два года с отсрочкой. А теперь он мертв.

— Мертв? — прозвучал даже не голос, а иссушенный призрак голоса. К ним присоединился Олсон. Его изможденное лицо, казалось, существовало отдельно от корпуса.

— Умер от сердечного приступа, — сказал Бейкер. — Он был всего на три года старше меня. Мама говорила, что он — ее горе, а на самом деле он просто один раз влип. Я гораздо хуже. Три года был ночным рокером.

Гаррати взглянул на Бейкера. Его усталое лицо освещали редкие солнечные лучи, пробивающиеся сквозь ветви деревьев; на этом лице Гаррати увидел стыд, но увидел он и чувство достоинства.

— Преступление, за которое карают Взводы, но меня тогда это не беспокоило. Когда я связался с рокерами, мне было всего двенадцать. Мы все были обыкновенными мальчишками, просто любили покататься по ночам. С возрастом человек делается умнее. Старшие говорили нам, чтобы мы пришли с повинной, но ведь этих людей Взводы не уводили. Я бросил это дело после того, как мы сожгли крест возле дома одного черного господина. Страшно мне было до чертиков. И стыдно. Боже мой, да это же все в прошлом! Ну конечно. — Бейкер рассеянно помотал головой. — Это было нехорошо.

В эту минуту протрещали карабины.

— Еще один закончил, — сказал Скрамм и провел тыльной стороной ладони по носу. Он заметно гнусавил.

— Тридцать четыре, — объявил Пирсон и переложил монетку из одного кармана в другой. — Я взял с собой девяносто девять монет. Как только кто-нибудь получает билет, я перекладываю одну монету в другой карман. И когда...

— Это гнусно! — воскликнул Олсон. Он смотрел на Пирсона, и его глаза горели недобрым огнем. — Это как часы смерти! Как колдовство вуду!

Пирсон ничего не ответил. Он в смущении изучал вспаханные, но еще не засеянные поля, посреди которых они в данный момент проходили. Наконец он пробормотал:

— Я и не собирался об этом говорить. Это просто на счастье, только и всего.

— Это гадко! — хрипел Олсон. — Это подло! Это...

— Да ладно, кончай, — перебил его Абрахам. — Хватит действовать мне на нервы.

Гаррати посмотрел на часы. Двадцать минут девятого. Сорок минут до завтрака. Он подумал о том, как славно было бы сейчас зайти в одно из придорожных кафе, расположившихся там и сям вдоль шоссе, забраться на мягкий табурет у стойки, поставить ноги на перекладину (о, насколько бы ему сразу стало легче!) и заказать стейк с жареным луком и картофелем фри, а на десерт — хорошую порцию ванильного мороженого с клубничным соусом. А можно — большую тарелку макарон с фрикадельками, и чтобы фасоль сбоку. И молока. Целый кувшин молока. К черту тюбики и фляги с дистиллированной водой. Молоко и плотный завтрак, и чтобы было где сидеть и есть. Разве плохо?

— Глупости, — пробормотал Гаррати.

— Ты о чем? — поинтересовался Макврайс.

— Я говорю, что мне хочется присесть и поесть чего-нибудь. Вон как все они. Свиньи гребаные.

Впереди под высоким вязом расположилось семейство, пять человек: мать, отец, мальчик, девочка и седовласая бабушка. Все они ели сандвичи и пили что-то вроде какао.

— Тогда ты будешь делать то же, что и они, — сказал Макврайс. Он помахал им рукой и улыбнулся, причем самую широкую, ослепительную улыбку приберег для бабушки, а та, жуя сандвич с яйцом и салатом, махала ему в ответ; впрочем, жевала она скорее всего деснами.

— Хрен вам я так буду сидеть тут и жрать на виду у тех, кто умирает с голоду.

— Не умираем мы, Рей. Так только кажется.

— Ну, на виду у *голодных*...

— Спокойнее, — сказал нараспев Макврайс. — Спокойнее, мой юный друг. — Его слова звучали как магическое заклинание.

— Да пошел ты. Ты просто не хочешь признать, что я прав. Эти люди — животные. Они приперлись сюда потому, что им хочется увидеть мозги одного из нас на асфальте. Например, твоим они тоже будут рады.

— Не в этом суть, — терпеливо возразил Маквpайс. — Ты ведь сам говорил, что в детстве ходил посмотреть на Долгую Прогулку.

— Ну да, но я же ничего не знал!

— Ну вот, значит, все нормально! — Маквpайс издал короткий неприятный смешок. — Да, они животные. Ты думаешь, ты открыл что-то новое? Я поражаюсь твоей наивности. Когда во Франции совершались казни на гильотине, добропорядочные обыватели толпились на площадях. В Древнем Риме от зрителей отбоя не было на поединках гладиаторов. Гаррати, все это — развлечения. Ничего в этом нового нет.

Он опять рассмеялся. Гаррати, завороженный, не сводил с него глаз.

— Продолжай, — крикнул кто-то. — Маквpайс, ты поднялся на вторую ступеньку. Не хочешь шагнуть на третью?

Гаррати не пришлось даже поворачивать голову. Конечно, это Стеббинс. Костлявый Будда Стеббинс. Ноги сами собой несли его вперед, но он смутно понимал, что они разбухли и сделались нетвердыми, как будто налились гноем.

— Смерть отлично утоляет их аппетиты, — снова заговорил Маквpайс. — Помнишь Гриббла и тех двух девушек? Им хотелось узнать, каково это — когда с тобой совокупляется мертвец. Совершенно Новое Небывалое Ощущение! Не знаю, много ли от этого получил Гриббл, но они — безусловно. Как и любой на их месте. И не важно, что они едят, пьют и сидят. Им хорошо, они острее чувствуют, они наслаждаются тем, что перед ними — мертвецы.

Но, Гаррати, смысл их скромного развлечения даже не в этом. Смысл в том, что они — умные. *Не их* бросили в пасть львам. *Не им* приходится брести из последних сил, когда у них два предупреждения, и надеяться, что удастся выбраться из дерьма. А ты, Гаррати, дурак. И ты, и я, и Пирсон, и

Баркович, и Стеббинс — все мы дураки. Скрамм дурак, потому что думает, будто что-то понимает, когда он не понимает ничего. Олсон дурак, потому что слишком многое до него дошло слишком поздно. Правильно, те — животные. Но зря ты так непоколебимо уверен, что одно это делает нас людьми. — Маквайс долго молчал, стараясь восстановить дыхание. — Помнишь, — сказал он, — как ты пошел назад и заставил меня идти дальше? В который раз случилось такое? Ну, пришил ты к моей жизни часов пять или шесть, ну и что?

— Тогда зачем ты здесь? — спросил его Гаррати. — Если ты столько всего знаешь, если ты такой умный, тогда почему ты участвуешь?

— Да причина у нас у всех одна, — ответил ему Стеббинс. Он мягко, почти нежно улыбался. Губы его немного обветрились, но в остальном лицо оставалось непроницаемым и каменным. — Мы хотим умереть, и поэтому мы здесь. А как по-твоему, Гаррати, — почему? Другой причины нет.

Глава 8

Три-четыре-пять,
гусыня пьет опять.
Обезьянка жует табак,
с трамвая не слезет никак.
Трамвай поломался,
обезьянка поперхнулась,
и все они вместе погибли,
когда лодочка перевернулась*.

Детский стишок

Рей Гаррати укрепил пояс с концентратами на талии и строго сказал себе, что не станет есть по меньшей мере до половины десятого. Приходилось признать, что это решение

* Перевод Ф. Сарнова.

далось ему нелегко. Вокруг него многочисленные Идущие исступленно праздновали завершение первых суток пути.

Скрамм широко улыбнулся Гаррати и сказал что-то дружелюбное, но абсолютно непереводимое, ибо рот его был набит сырным паштетом. Бейкер держал в руках баночку и с регулярностью автомата отправлял в рот маслины — настоящие маслины. Пирсон пережевывал крекеры с тунцом, а Маквpайс медленно посасывал куриный паштет. Глаза его были полузакрыты — то ли он страдал от невыносимой боли, то ли находился наверху блаженства.

Между половиной девятого и девятью еще двое получили свое, в том числе Уэйн, которому в свое время выразил поддержку ночной дежурный на заправке. И все-таки они прошли девяносто девять миль и потеряли всего тридцать шесть человек. Разве это не поразительно, думал Гаррати, чувствуя, как его рот наполнился слюной, когда Маквpайс покончил с куриным концентратом и отшвырнул пустой тюбик в сторону. Отлично. Хочется верить, что все они прямо сейчас упадут замертво.

Подросток в драных джинсах опередил даму средних лет и завладел пустым тюбиком Маквpайса, отслужившим свою службу и начавшим новую жизнь в качестве сувенира. Матрона находилась ближе к трофею, но мальчик оказался проворнее и обошел соперницу на полкорпуса.

— Спасибо! — крикнул он Маквpайсу, расправляя тюбик пальцами. И помчался обратно к товарищам, размахивая добычей. Матрона с досадой проводила его взглядом.

— Ты не хочешь есть? — спросил Маквpайс у Гаррати.

— Заставляю себя выждать.

— И долго?

— До девяти тридцати.

Маквpайс смерил его задумчивым взглядом.

— Старое доброе самоограничение?

Гаррати пожал плечами. Он был готов к фонтану сарказма, но Маквpайс просто продолжал смотреть на него.

— Хочешь знать кое-что? — спросил он наконец.

— Что такое?

— Если бы у меня был доллар... всего только доллар... я бы поставил его на тебя, Гаррати. По-моему, у тебя есть шанс выиграть эту фигню.

Гаррати смущенно рассмеялся:

— Хочешь сглазить меня?

— То есть?

— Сглазить. Все равно что бейсболисту перед матчем говорить, что его команда победит.

— Может, и так, — согласился Макврайс. Он вытянул перед собой руки. Они дрожали, но совсем чуть-чуть. Он сосредоточенно смотрел на них какое-то время. Полубезумный взгляд. — Надеюсь, что Барковичу скоро достанется билет, — добавил он.

— Пит!

— Что?

— Если бы тебе пришлось начать сначала... и если бы ты заранее знал, что благополучно пройдешь такое расстояние... какое мы одолели... ты бы пошел?

Макврайс опустил руки и взглянул на Гаррати.

— Издеваешься? Не сомневаюсь.

— Нет. Я серьезно.

— Рей, не думаю, что я пошел бы еще раз, даже если бы Главный приставил пистолет мне к затылку. Это почти самоубийство, только нормальное самоубийство не так долго тянется.

— Верно, — сказал Олсон. — Чертовски верно. — Он улыбнулся пустой улыбкой узника концлагеря, отчего у Гаррати заныло в желудке.

Через десять минут они увидели натянутое над дорогой красно-белое полотнище с надписью: 100 МИЛЬ!!! ТОРГОВАЯ ПАЛАТА ПЛАНТАЦИЙ ДЖЕФФЕРСОНА ПОЗДРАВЛЯЕТ УЧАСТНИКОВ ДОЛГОЙ ПРОГУЛКИ — ЧЛЕНОВ «КЛУБА СОТНИ» НЫНЕШНЕГО ГОДА!!!

— Знаю я одно место, куда они могут отправить свой «Клуб сотни», — сказал Колли Паркер. — Темное, глубокое, и солнце туда не заглядывает.

Теперь они уже не видели растущих у обочины невысоких сосен и елей — впервые с начала Прогулки они встретили настоящую толпу. Поднялся колоссальный рев, стих, повторился, затем еще раз. Как будто громадные волны накатывались на скалы. Идущих слепили вспышки фотоаппаратов. Полиция штата сдерживала напирающую публику; вдоль обочин были натянуты оранжевые нейлоновые заградительные канаты. Один из полицейских пытался справиться с орущим и вырывающимся маленьким мальчиком. Лицо мальчика было перепачкано, из носа текли сопли. Он размахивал игрушечным планером, а в другой руке держал блокнот для автографов.

— Боже! — воскликнул Бейкер. — Боже правый, вы только посмотрите на них!

Колли Паркер махал и улыбался. Гаррати подобрался к нему поближе и только тогда услышал, как Паркер кричит с сильным акцентом уроженца Среднего Запада:

— Рад вас видеть, свора кретинов! — Улыбка, приветственный жест. — Привет, матушка Макри, коза старая. Рожа у тебя — совсем как моя задница. Эй, как жизнь?

Гаррати зажал ладонями рот и истерически захихикал. В первом ряду мужчина держал в руках плакат с небрежно выполненной надписью СКРАММ. Он только что выпалил из ракетницы. За его спиной полную женщину в нелепом желтом купальном костюме сдавили три студента с банками пива в руках. «Жирная, а прочная», — подумал Гаррати и захихикал громче.

Боже мой, у меня начинается истерика, не допускай ее, вспомни Гриббла... Не надо... Только не это... Не надо...

Но он ничего не мог поделать. Он хохотал и хохотал, у него уже начались колики в желудке и подгибались ноги, и кто-то уже кричал у него над ухом, стараясь перекрыть рев толпы. Это был Макврайс.

— Рей! *Рей!* Что с тобой? Ты в порядке?

— Они смешные! — Он почти плакал от смеха. — Пит, Пит, они такие смешные, что... Ну такие *смешные*!

Девочка в грязном платье с серьезным видом сидела на земле, надувала губы и хмурилась. Когда группа проходила мимо нее, она скорчила жуткую гримасу. Гаррати едва не рухнул от нового приступа смеха и был предупрежден.

«Я могу умереть, — подумал он. — Я могу умереть хохоча, вот будет номер!»

Колли по-прежнему весело улыбался, махал зрителям и поносил их и журналистов, и это было смешнее всего. Гаррати упал на колени и получил еще одно предупреждение. Он издавал теперь только отрывистые, похожие на лай смешки — на большее его легкие уже не были способны.

— Его сейчас стошнит! — завопил кто-то в диком восторге. — Смотри, Элис, сейчас его стошнит!

— Гаррати! Ради всего святого! Гаррати! — надрывался Макврайс.

Он обхватил Гаррати сзади, каким-то образом помог ему подняться, и Гаррати заковылял дальше.

— О Господи, — задыхаясь, проговорил он, — Господи Боже, они меня убивают. Я... не могу... — Он снова разразился слабым, кашляющим смехом. Колени его подогнулись. Макврайс снова рывком поднял его. Воротник Гаррати порвался. Оба получили по предупреждению. «У меня это последнее, — проплыло в голове у Гаррати. — Скоро я увижу пресловутую ферму. Прости, Джен, я...»

— Пошли, дурак, я не могу тебя тащить, — прошипел Макврайс.

— Я не могу, — выдохнул Гаррати. — Дыхания нет, я...

Макврайс быстро дважды ударил его — по правой и по левой щеке, а затем быстро, не оглядываясь, ушел вперед.

Смех прекратился, но живот болел, а воздуха в легких не осталось, и ему казалось, что он уже не сможет сделать вдох. Он плелся вперед, шатаясь как пьяный, и старался восстановить дыхание. Перед глазами плясали черные круги, и он отчасти сознавал, насколько близок к обмороку. Одна нога зацепилась за другую, он споткнулся, но как-то удержал равновесие.

Если я упаду — умру. Мне не встать.

А на него смотрели. Вся толпа смотрела на него. Бешеный рев стих до почти нежного шепота. Они ждали его падения.

Он шагал вперед, сосредоточившись исключительно на том, чтобы переставлять ноги. Когда он учился в восьмом классе, ему попался рассказ писателя по имени Рей Брэдбери, и в том рассказе говорилось о толпах, которые собираются при несчастных случаях со смертельным исходом, о том, что у всех этих людей всегда одно и то же выражение лица, о том, что они всегда как будто знают наверняка, выживет пострадавший или умрет. «Я еще поживу, — мысленно говорил им Гаррати. — Я выживу. Я еще немного проживу».

Он заставил себя шагать в такт ритмичным мозговым импульсам. Все остальное, даже Джен, он выбросил из головы прочь. Для него не существовало жары, Колли Паркера, Фрики Д'Аллессио. Для него не существовало даже непрекращающейся тупой боли в стопах и замороженных от напряжения икроножных мышц. И только одна мысль пульсировала у него в голове как часы. Как сердцебиение. *Еще пожить. Еще пожить. Еще пожить.* В конце концов сами слова утратили смысл и ничего уже не означали.

Из этого состояния его вывели выстрелы.

Толпа мгновенно стихла, в наступившей тишине выстрелы прозвучали ошеломляюще громко, и Гаррати услышал, как кто-то вскрикнул. «Тебе известно теперь, — подумал он, — что ты прожил достаточно долго, чтобы услышать выстрелы, достаточно долго, чтобы услышать собственный крик...»

Но тут он случайно пнул ногой камешек и почувствовал боль, и оказалось, что билет достался не ему, а 64-му, симпатичному улыбчивому парню по имени Фрэнк Морган. Теперь Фрэнка Моргана уже волокли с дороги. Одна дужка его очков еще оставалась за ухом, и оправа упрямо ползла по асфальту вслед за владельцем. Левая линза треснула.

— Я не мертв, — изумленно проговорил Гаррати. Удивление окатило его теплой синей волной, и ноги опять сделались ватными.

— Да, но ты должен был умереть, — отозвался Макврайс.

— Ты спас его, — сказал Олсон. Его слова явно заключали в себе проклятие. — Зачем ты это сделал? *Зачем ты это сделал?* — Его пустые, как латунные дверные ручки, глаза сверкали. — Убил бы тебя, если б мог. Ненавижу тебя. Ты умрешь, Макврайс. Вот подожди, увидишь. Бог покарает тебя за то, что ты сделал. Бог поразит тебя, ты умрешь, превратишься в мешок дерьма.

Бледный, пустой голос. Гаррати почти ощутил запах окутывающего Олсона савана. Он зажал рот ладонями и застонал. Правда в том, что они все окутаны саваном.

— Да пошел ты, — хладнокровно ответил Макврайс. — Я плачу долги, вот и все. — Он взглянул на Гаррати. — Мы квиты, друг. И на этом закончим, верно?

Он ушел вперед, не очень спеша, и вскоре уже шел ярдах в двадцати впереди рядом с кем-то в цветной рубашке.

Дыхание Гаррати восстанавливалось, но очень медленно, и довольно долго он считал, что у него колет в боку... Но это наконец прошло. Макврайс спас ему жизнь. У него случилась истерика, на него напал неудержимый приступ смеха, и Макврайс не дал ему упасть. *Мы квиты, друг. И на этом закончим, верно? Верно.*

— Бог накажет его, — говорил Хэнк Олсон со смертной, нечеловеческой убежденностью. — Бог сшибет его.

— Заткнись, или я тебя сам сшибу, — сказал ему Абрахам.

Становилось все жарче; то там то сям вспыхивали короткие споры. Огромные толпы на обочинах поредели немного, когда группа отошла подальше от телекамер и микрофонов, но не сошли на нет, и даже ряды зрителей оставались сплошными. Эти люди пришли сюда, и они здесь останутся. Лица зрителей слились в одно безымянное Лицо Толпы, пресное, жадное лицо, которое будет множиться и возникать вновь и вновь на протяжении миль. Люди у дверей домов, на газонах, примыкающих дорогах, площадках для отдыха, площадках у заправочных станций (их владельцы собирали плату за место), а в следующем городе, который они будут проходить, —

на тротуарах и автостоянке возле местного супермаркета. Лицо Толпы гримасничало, что-то бубнило, кричало, но в принципе оставалось неизменным. Оно пожирало глазами Уаймена, который по требованию кишечника присел на корточки. Мужчины, женщины, дети — все то же Лицо Толпы, и Гаррати быстро устал от него.

Ему хотелось поблагодарить Макврайса, но он почему-то сомневался, что Макврайс жаждет услышать его благодарность. Он разглядел Макврайса впереди, за спиной Барковича. Макврайс уставился Барковичу в затылок.

Миновало девять тридцать. Присутствие толп, казалось, усиливало жару, и Гаррати расстегнул рубашку. Он спросил себя, знал ли Фрики Д'Аллессио в последнюю минуту, что получает билет. Знал или не знал — наверное, для него это было бы едино.

Впереди их путь пересекала железная дорога, проложенная с востока на запад, и группа вскарабкалась на деревянный мост, где никаких зрителей уже не было. Внизу жарко поблескивали четыре колеи. А впереди, слева и справа от дороги, Гаррати видел лес, а за ним — поселение, почти городок.

Прохладный ветерок тронул его покрытую испариной кожу, и он вздрогнул. Скрамм трижды громко чихнул.

— Я все-таки простудился, — объявил он недовольным тоном.

— Значит, не будешь так хорохориться, — сказал ему Пирсон. — Простуда — сволочная штука.

— Просто придется работать чуть активнее, — возразил Скрамм.

— Ты, наверное, стальной, — отозвался Пирсон. — Если бы я был простужен, то скорее всего упал бы и умер. У меня совсем мало энергии осталось.

— Так ложись умирай! — крикнул ему Баркович. — Сохрани остатки энергии!

— Заткнись, убийца, и иди, — немедленно бросил Макврайс.

Баркович обернулся:

— Макврайс, чего ты у меня за спиной топаешь? Иди еще куда-нибудь.

— Это мое дело. Иду где хочу, черт подери.

Баркович откашлялся, сплюнул и отвернулся от Макврайса.

Гаррати открыл один из карманов с едой и принялся за крекеры с сырным кремом. В желудке у него тут же отчаянно заурчало, и он с трудом подавил порыв проглотить сразу все. После крекеров он выдавил в рот немного мясного концентрата, проглотил его, прополоскал рот водой и заставил себя этим ограничиться.

Они прошли мимо склада древесины; на уложенных рядами досках стояли люди и махали Идущим. На фоне светлого неба они казались похожими на индейцев. Затем группа снова оказалась посреди леса, и на нее как будто обрушилась тишина. На самом деле, конечно, мертвой тишины быть не могло — разговаривали ходоки, тарахтел фургон, кто-то выпускал газы, кто-то смеялся, кто-то за спиной Гаррати стонал в отчаянии. Вдоль обочин кое-где по-прежнему стояли люди, но толпа, встречавшая Идущих при открытии «Клуба сотни», исчезла, и по сравнению с былым оглушительным гулом стало действительно довольно тихо. Птицы щебетали в кронах деревьев, изредка, ослабляя жару, дул ветерок, завывал между стволов, и тогда казалось, что в лесу вздыхает и плачет чья-то заблудившаяся душа. Коричневая белка застыла на ветке, задрав хвост. Ее внимательные глазки ярко сверкали. В крысиных передних лапках она сжимала орех. Она что-то пропищала Идущим, затем прыснула вверх и пропала. Вдалеке, как гигантская муха, прогудел самолет.

У Гаррати сложилось впечатление, что все его товарищи старались молча помогать ему. Макврайс все еще шагал за спиной Барковича. Пирсон и Бейкер беседовали о шахматах. Абрахам шумно ел и вытирал ладонь о рубашку. Скрамм оторвал от майки лоскут и сморкался в него. Колли Паркер обсуждал с Уайменом девочек. Олсон... Но Гаррати не хоте-

лось смотреть на Олсона, который, похоже, видел во всех остальных виновников того, что на него надвигается смерть.

Гаррати начал слегка отставать, очень осторожно, очень постепенно (он отлично помнил о трех предупреждениях), и наконец оказался рядом со Стеббинсом. Его темно-красные брюки сильно запылились. На рубашке под мышками выступили темные пятна пота. Стеббинс мог быть кем угодно, но Суперменом он не был. Он коротко вопросительно посмотрел на Гаррати, потом снова опустил голову. Под рубашкой посредине спины у него явственно выступали позвонки.

— Как получилось, что больше никого нет? — нерешительно спросил Гаррати. — Я имею в виду зрителей.

Сначала он решил, что Стеббинс не собирается ему отвечать. Но тот наконец поднял взгляд, провел рукой по лбу и заговорил:

— Еще будут. Подожди чуток. Они будут сидеть на крышах и глазеть на тебя.

— Но кто-то говорил, что ставок сделано на миллиарды. Можно было думать, что они по всей дороге будут стоять в три ряда. И что телевидение...

— Это не приветствуется.

— Почему?

— А почему ты меня спрашиваешь?

— Да потому что ты *знаешь,* — сердито бросил Гаррати.

— С чего ты взял?

— Елки-палки, ты как Гусеница из «Алисы в Стране чудес». Можешь сказать по-человечески?

— Ты долго выдержишь, если с двух сторон будут постоянно орать? Да ты только от запаха тел скоро сойдешь с ума. Это же все равно что отшагать триста миль по Таймс-сквер под Новый год*.

— Но разве смотреть не разрешается? Кто-то еще говорил, что после Олдтауна будет одна сплошная толпа.

---

* На площади Таймс-сквер в Нью-Йорке в новогоднюю ночь проходят грандиозные массовые гулянья.

— Во всяком случае, я не Гусеница, — сказал Стеббинс с едва заметной улыбкой. — Я больше похож на Белого Кролика*. Правда, золотые часы я оставил дома и на чай меня никто не приглашал. По крайней мере насколько мне известно. Может, потом, когда стану победителем, то попрошу, чтобы пригласили. Когда они спросят меня, какой Приз я желаю, я отвечу: «Хочу, чтобы кто-нибудь пригласил меня к себе на чай».

— К черту!

Стеббинс улыбнулся чуть шире, хотя, как и в прошлый раз, он всего лишь немного раздвинул губы.

— Ну да, начиная примерно с Олдтауна ограничения будут сняты. К тому времени никто уже особенно не думает о таких земных вещах, как запах тела. А после Огасты пойдут непрерывные телерепортажи. Долгая Прогулка как-никак общенациональное мероприятие.

— Так почему же здесь ничего нет?

— Еще рано, — ответил Стеббинс. — Еще рано.

На очередном повороте дороги снова грохнули ружья и напугали прятавшегося под кустом фазана, который тут же резко взлетел, теряя перья. Гаррати и Стеббинс миновали поворот, но мешок с телом был уже закрыт. Гаррати не смог разглядеть, кто сошел.

— Наступает момент, — говорил Стеббинс, — когда толпа перестает на тебя влиять, она больше не заводит тебя и не тормозит. Она перестает существовать. Я думаю, так же бывает на эшафоте. Ты погружаешься в нору.

— Кажется, я понимаю, — сказал Гаррати. Ему стало жутко.

— Если бы ты понимал, то не устроил бы такую истерику, что твоему другу пришлось спасать твою задницу.

— Послушай, а насколько глубока нора?

— Ты глубокий человек?

— Не знаю.

---

* Белый Кролик, как и Гусеница, — персонаж сказки «Алиса в Стране чудес» Л. Кэрролла.

— Это тебе тоже предстоит выяснить. Проникни в неоткрытые глубины Рея Гаррати. Похоже на рекламу туристической фирмы, правда? Ты погружаешься все глубже, пока не окажешься на дне. Потом ты входишь в дно. В конце концов достигаешь предела. И тогда ты уходишь. Таково мое представление. Давай послушаем тебя.

Гаррати не сказал ничего. В данный момент он не имел представления.

Прогулка продолжалась. Продолжалась жара. Солнце зависло над кронами деревьев, среди которых проходила дорога. Тени ходоков превратились в коротконогих карликов. Около десяти часов один из солдат скрылся в глубине кузова фургона и появился вновь с длинным шестом. Две трети шеста были обернуты материей. Солдат вставил конец шеста в щель в полу кузова. Засунул руку под материю и что-то сделал... что-то повернул, возможно, рычаг. Через мгновение над кузовом раскрылся большой серо-коричневый противосолнечный зонт. Он прикрыл большую часть металлического кузова. Солдат и два его товарища по смене уселись в тени зонта, скрестив ноги.

— Сукины дети, подонки! — выкрикнул кто-то. — Получу Приз — скажу, чтоб вас кастрировали!

Судя по всему, солдаты не приняли этот возглас очень уж близко к сердцу. Они все так же смотрели пустыми глазами на Идущих и время от времени поглядывали в сторону компьютерного оборудования.

— Наверное, они эту штуку втыкают в жен, когда возвращаются домой, — сказал Гаррати.

— О, наверняка! — воскликнул Стеббинс и рассмеялся.

Гаррати не хотелось идти рядом со Стеббинсом — пока. Стеббинс заставлял его нервничать. Стеббинса он мог воспринимать лишь в небольших дозах. Он зашагал быстрее, оставив Стеббинса в одиночестве. Десять ноль две. Через двадцать три минуты он сможет избавиться от одного предупреждения, но пока у него остается три. Этот факт не так сильно страшил его, как он предполагал прежде. У него ос-

тавалась непоколебимая, слепая уверенность, что организм по имени Рей Гаррати не может умереть. Другие могут, они — второстепенные персонажи в фильме о нем, кто угодно, но не Рей Гаррати, главный персонаж этого потрясающего сериала «История Рея Гаррати». Может быть, впоследствии он прочувствует ложность этой убежденности так же, как сейчас понимает ее умом... Возможно, это и будет тем последним пределом, о котором рассуждал Стеббинс. Тревожная, нежелательная мысль.

Сам того не сознавая, он оставил позади три четверти группы и вновь оказался за спиной Макврайса. Образовалась колонна из трех усталых ходоков: впереди Баркович, он по-прежнему старается держаться лихим молодцом, но его слегка ведет из стороны в сторону; за ним Макврайс, этот уронил голову на грудь, переплел пальцы и чуть припадает на левую ногу; и замыкающий — сам герой «Истории Рея Гаррати». «А я как выгляжу?» — спросил он себя.

Он потер рукой правую щеку и услышал шорох проступившей щетины. Вероятно, тоже не похож на суперзвезду.

Он еще чуть прибавил шагу, чтобы оказаться рядом с Макврайсом. Тот бросил на него быстрый взгляд и стал опять смотреть на Барковича. В его темных глазах трудно было что-либо прочитать.

Они преодолели короткий, крутой и палимый солнцем подъем и прошли по новому небольшому мосту. Прошло пятнадцать минут, двадцать. Макврайс ничего не говорил. Гаррати дважды откашливался, но так и не сказал ни слова. Ему пришло в голову, что чем дольше идешь в молчании, тем труднее его нарушить. Возможно, Макврайс досадует на себя за то, что спас шкуру Гаррати. Возможно, он раскаивается в этом. При этой мысли Гаррати ощутил холодок внутри. Безнадежный, глупый, бессмысленный поступок, до того бессмысленный, что о нем в самом деле стоило пожалеть. Он открыл рот, чтобы сказать об этом Макврайсу, но Макврайс опередил его и заговорил сам:

— Все в порядке.

При звуке его голоса Баркович вздрогнул, и Маквpайс сказал ему:

— Не с тобой, убийца. С тобой никогда не будет все в порядке. Так что давай, жми.

— Сожрешь ты меня, что ли? — прорычал Баркович.

— По-моему, из-за меня у тебя возникли неприятности, — тихо проговорил Гаррати.

— Я же тебе сказал: долг есть долг, справедливость есть справедливость и конец есть конец, — спокойно ответил Маквpайс. — В другой раз я этого не сделаю. Хочу, чтобы ты знал.

— Я понимаю, — сказал Гаррати. — Я только...

— Не делайте мне больно! — завопил кто-то. — Пожалуйста, не делайте мне больно!

Рыжий парень в рубашке из шотландки; полы завязаны узлом на поясе. Он остановился посреди дороги и плакал. Ему вынесли первое предупреждение. Тогда он потрусил к фургону; слезы оставляли светлые полосы на грязных потных щеках, рыжие волосы пламенели на солнце.

— Не надо... Я не могу... Пожалуйста... Моя мама... Я не могу... больше... Ноги...

Он попытался ухватиться за борт кузова, и один из солдат ударил его по рукам прикладом карабина. Парень заорал и свалился на дорогу.

Теперь он кричал опять, на одной невероятно высокой ноте, такой высокой, что от его крика, наверное, треснуло бы стекло, кричал и кричал:

— *Мои нооооооооооо...*

— Боже, — пробормотал Гаррати. — Почему он не остановится?

Крик все продолжался.

— Думаю, не может, — тоном врача произнес Маквpайс. — Его ноги попали под задние колеса.

Гаррати взглянул, и желудок его подпрыгнул. Маквpайс был прав. Неудивительно, что рыжий кричал про ноги. Их уже не было.

— Предупреждение! Предупреждение тридцать восьмому!

— *...оооооооооооо...*

— Я хочу домой, — очень тихо сказал кто-то за спиной Гаррати. — Боже милостивый, я так хочу домой!

Несколько мгновений спустя рыжий парень был мертв.

— Во Фрипорте я увижу свою девушку, — поспешно сказал Гаррати. — У меня не будет предупреждений, и я смогу ее поцеловать, Господи, как мне ее не хватает, *Господи Иисусе,* ты видел его ноги, Пит? А они все равно предупреждали его, как будто думали, что он встанет и *пойдет*...

— Еще один ушел в Серебряный город, — пропел Баркович.

— Заткнись, убийца, — рассеянно сказал Макврайс. — Она красивая, Рей? Твоя девушка?

— Она прекрасная. Я люблю ее.

Макврайс улыбнулся:

— Собираешься жениться?

— Угу, — кивнул Гаррати. — Мы станем мистером и миссис Образец, четверо детей и пес колли, его *ноги,* у него же *ног* не было, они *переехали* его, это же против правил, кто-то должен сообщить, кто-то...

— У тебя будет два мальчика и две девочки, я правильно понимаю?

— Да, да, она красивая, только зря я...

— А старшего сына ты назовешь Реем-младшим, а собака станет есть с тарелки, где будет написано ее имя, так?

Гаррати медленно, как пьяный, поднял голову:

— Ты смеешься надо мной? Или что?

— Нет! — выкрикнул Баркович. — Он срет на тебя, парень! Не забывай. Но я за тебя спляшу на его могиле, не беспокойся. — Он загоготал.

— Заткнись, убийца, — сказал Макврайс. — Рей, я не издеваюсь над тобой. Давай-ка отойдем от убийцы.

— Поджарь себе задницу! — закричал им вслед Баркович.

— Она тебя любит? Твоя девушка? Джен?

— Думаю, да, — ответил Гаррати.

Макврайс медленно покачал головой:

— Вся эта романтическая брехня... Знаешь, в ней есть правда. По крайней мере для кого-то и на короткое время. Для меня, например. Я был таким же. — Он посмотрел на Гаррати. — Ты все еще хочешь услышать про шрам?

Они миновали поворот, и их весело приветствовали дети, высыпавшие из домика на колесах.

— Да, — сказал Гаррати.

— Зачем?

Он посмотрел на Гаррати, но его опустошенный взгляд был, вероятно, обращен внутрь.

— Я хочу тебе помочь, — сказал Гаррати.

Маквpайс глянул вниз, на левую ногу.

— Мне больно. У меня теперь плохо двигаются пальцы на ногах. Не сгибается шея и болят почки. Гаррати, моя девушка оказалась сукой. Я пошел на Долгую Прогулку по тем же причинам, по каким другие нанимаются в Иностранный легион. Как сказал один великий поэт рок-н-ролла, я отдал ей сердце, она в него всыпала перца, давайте ж сыграем скерцо.

Гаррати молчал. Половина одиннадцатого. До Фрипорта еще далеко.

— Ее звали Присцилла. Ну, догадываешься? Я был типичным маленьким романтиком, мое второе имя Мун-Джун*. Я целовал ее пальцы. Я даже читал ей Китса на заднем дворе, когда дул подходящий ветер. У ее отца были коровы, а запах коровьего дерьма, мягко говоря, плохо сочетается с поэзией Джона Китса. Может, стоило почитать ей Суинберна**, когда ветер дул в другую сторону. — Маквpайс усмехнулся.

— Ты искаженно представляешь свои чувства, — сказал Гаррати.

— Нет, Рей, это ты все видишь в ложном свете, хоть это и не имеет значения. Помнится же только Великая Сказка, а не то, как ты шептал в ее коралловое ушко слова любви, а потом приходил домой и терзал свою плоть.

---

* Лунный Июнь *(англ.)*.

** Джон Китс (1795—1821), Алджернон Чарлз Суинберн (1837—1909) — крупнейшие английские поэты-романтики.

— Ты по-своему искажаешь, я по-своему.

Макврайс, казалось, не услышал его.

— Для всех этих вещей слова слишком тяжеловесны, — сказал он. — Джей-Ди Сэлинджер*... Джон Наулз... даже Джеймс и Кирквуд и этот тип Дон Бридс... Понимаешь, Гаррати, все они разрушили отрочество. Сейчас шестнадцатилетний мальчишка уже не в состоянии сколько-нибудь чистым языком говорить о муках первой любви. Сразу начинаются грубости в духе этого гнусного Рона Говарда.

Макврайс рассмеялся, слегка истерически. Гаррати понятия не имел, о чем толкует Макврайс. Он-то не сомневался в своей любви к Джен и ни капельки ее не стыдился.

Они шли, шаркая ногами. Гаррати ощущал, что отрывается правый каблук. Скоро гвозди не выдержат и каблук отлетит. Сзади закашлялся Скрамм. Гаррати волновала только Прогулка, а не вся эта муть насчет романтической любви.

— Но все это не имеет отношения к моей истории, — сказал Макврайс, словно читая его мысли. — Так насчет шрама. Это случилось прошлым летом. Нам обоим хотелось убежать из дому, подальше от родителей, от коровьего дерьма, чтобы наша Великая Сказка началась всерьез. И вот мы с ней устроились на работу на фабрику, где делали пижамы. Как тебе, Гаррати? Производство пижам в Нью-Джерси!

Жили мы в отдельных квартирах в Ньюарке. Знатный город Ньюарк, в иные дни там можно понюхать дерьмо сразу всех коров штата Нью-Джерси. Родители наши покочевряжились, но, так как жили мы раздельно и устроились на неплохую летнюю работу, кочевряжились они не слишком. Я жил с двумя другими ребятами, и у Прис было три соседки. Мы отправились туда третьего июня; сели в мою машину и около трех остановились в каком-то мотеле, где избавились от проблемы девственности. Я чувствовал себя вором. Ей не очень хотелось, но она решила сделать мне приятное. Мо-

* Джером Дейвид Сэлинджер (р. 1919) — американский писатель, автор знаменитой психологической повести «Над пропастью во ржи».

тель назывался «Тенистый уголок». Когда мы закончили, я опорожнил свои причиндалы в туалете «Тенистого уголка» и прополоскал рот водой из стакана в «Тенистом уголке». Очень романтично, очень возвышенно.

Потом мы приехали в Ньюарк нюхать коровье дерьмо и думать о том, что здесь не то коровье дерьмо. Я отвез ее и поехал к себе. В следующий понедельник мы приступили к работе на Плимутской фабрике ночной одежды. Знаешь, Гаррати, там было не совсем как в кино. Там здорово воняло, мой бригадир оказался козлом, а в обеденный перерыв мы постоянно швыряли клубками в крыс, которые шныряли среди тюков. Но меня это не очень трогало, так как это была любовь. Понимаешь? Это была любовь.

Он сплюнул на обочину, глотнул из фляги и крикнул, что ему нужна новая. Дорога была неровная и к тому же в гору, и Макврайс с трудом переводил дыхание.

— Прис работала на первом этаже и тешила взоры идиотов туристов, которые не находили ничего лучшего, чем глазеть на здание, в котором для них шьют пижамы. Там, у Прис, было неплохо. Стены выкрашены в пастельный тон, хорошее современное оборудование, кондиционеры. Прис там пришивала пуговицы с семи до трех. Ты только представь себе, по всей стране мужчины носят пижамы с пуговицами, пришитыми руками Присциллы. От такой мысли согреется даже самое черствое сердце.

Я работал на пятом. Где тюки. Видишь ли, внизу красили нити, затем посылали наверх по трубам с горячим воздухом. Когда партия заканчивалась, они давали звонок, и тогда я открывал ящик и видел в нем груду нитей всех цветов радуги. Я выгребал их оттуда, укладывал в тюки на две сотни фунтов, волок эти тюки к другим таким же. Оттуда специальная машина забирала их, разделяла нити, и они поступали на ткацкий станок. Какие-то славные ребята резали готовую ткань, шили из нее пижамы, которые шли вниз, в ту милую комнату на первом этаже, где Прис пришивала к ним пуговицы, а всякие тупоголовые мужики глазели на нее и других

девушек сквозь стеклянную стену... как сейчас народ глазеет на нас. Гаррати, я доступно излагаю?

— Шрам, — напомнил Гаррати.

— Я отвлекаюсь, да?

Дорога по-прежнему шла в гору. Маквайс вытер лоб ладонью и расстегнул рубашку. Лес волнами простирался впереди, а на горизонте показались горы. Их вершины на фоне неба выглядели как зубья ножовки. Наверное, милях в десяти впереди, едва различимая в знойном мареве, над морем зелени торчала верхушка пожарной каланчи. Дорога змеилась среди бескрайнего леса.

— Сначала было море восторгов, счастья и Китса. Я еще трижды входил в нее, каждый раз в машине на шоссе и каждый раз на фоне запаха коровьего дерьма, который просачивался в машину с ближайшего пастбища. А еще, сколько бы я ни мылил голову, я никак не мог избавиться от застрявших в волосах волокон, а хуже всего было то, что она стала отдаляться от меня, стала возвышаться надо мной. Я любил ее, я ее правда любил, я знал это, но я уже не мог говорить с ней так, чтобы она меня понимала. Я даже не мог обладать ею. Всюду был этот запах коровьего дерьма.

Понимаешь, Гаррати, оплата труда на фабрике сдельная, то есть ты получаешь определенный процент в зависимости от того, сколько сделано сверх установленного минимума. Я был неважным рабочим. Делал в день в среднем двадцать три тюка, тогда как норма была что-то около тридцати. И это не добавляло мне популярности среди ребят, так как из-за моей низкой производительности страдали и они. Харлан в красильном цеху страдал, потому что не мог быстрее отправлять партии нитей наверх. Ральф, тот, кто опустошал тюки, недорабатывал из-за того, что я мало ему подносил. Малоприятное положение. Они позаботились о том, чтобы мое положение стало малоприятным. Понял?

— Ага, — сказал Гаррати, провел ладонью по затылку и обтер руку о штаны. На них осталось темное пятно.

— А Прис на своих пуговицах зарабатывала. Иногда по вечерам она часами рассказывала мне о своих подружках. Сколько эта делает, сколько та. А главное — сколько делает она сама. А она делала — и соответственно получала — достаточно. И я почувствовал, что означает соревноваться в заработке с девушкой, на которой хочешь жениться. В конце недели я вез домой чек на 64 доллара 40 центов и волдыри на ладонях. Она в неделю получала около девяноста и тут же неслась в банк. А когда я предлагал ей сходить куда-нибудь, по ее реакции можно было подумать, что я предложил ей убить человека.

И я прекратил ее трахать. То есть я бы предпочел выразиться поизящнее — прекратил ложиться с ней в постель, но постели-то у нас с ней и не было. Я не мог привести ее к себе, так как там, как правило, человек шестнадцать баловались пивком, и у нее дома тоже постоянно кто-то был — так по крайней мере она говорила, — а на номер в мотеле у меня не было денег, и я, естественно, не мог предложить ей разделить расходы на *это*, так что просто трахал ее на заднем сиденье машины на шоссе. Могу сказать только, что ей это становилось неприятно. Я это знал и уже начинал ее ненавидеть, но продолжал любить, так что предложил ей выйти за меня замуж. Немедленно. Она стала юлить, стараясь от меня отделаться, но я заставил ее ответить прямо — да или нет.

— И она ответила — нет.

— Разумеется, она ответила — нет. «Пит, мы не можем этого себе позволить, Пит, нам надо подождать». Пит то, Пит се, но настоящей причиной, конечно же, были деньги, которые она зарабатывала пришиванием пуговиц.

— Знаешь, ты поступил чертовски нечестно.

— Ясно, что поступил нечестно! — рявкнул Маквайс. — Я это понимал. Я хотел, чтобы она почувствовала себя жадюгой, эгоистичной маленькой дрянью, потому что из-за нее я чувствовал себя неудачником.

Его пальцы потянулись к шраму.

— Но я не просто из-за нее *чувствовал* себя неудачником, я им *был*. Я ничего не мог ей предложить, только засунуть в нее член, а она не отказывалась, и из-за этого я и мужчиной-то себя не чувствовал.

Сзади грохнули карабины.

— Олсон? — спросил Маквайс.

— Нет. Он идет сзади.

— Ох...

— Шрам, — напомнил Гаррати.

— А может, оставим это?

— Ты спас мне жизнь.

— Да пошел ты...

— Шрам.

— Я подрался, — сказал Маквайс после долгой паузы. — С Ральфом, который тюки опустошал. Он врезал мне и в один глаз, и в другой и сказал, чтобы я сваливал, а не то он переломает мне руки. Я пришел к Прис и сказал, что вечером уезжаю. Она сама видела, в каком я состоянии. Она поняла. Сказала, что так, наверное, будет лучше. Я сказал, что еду домой, и попросил ее вернуться со мной. Она сказала, что не может. Я сказал, что она — рабыня при своих гребаных пуговицах и я жалею, что с ней познакомился. Вот, Гаррати, сколько во мне накопилось яду. Я заявил ей, что она дура и бесчувственная сука и не видит дальше собственной чековой книжки. Все, что я наговорил, было несправедливо, но... по-моему, в этом была известная доля правды. И немалая. Мы были у нее дома. Я впервые был там с ней наедине. Ее соседки ушли в кино. Я попытался увлечь ее в постель, и она резанула меня ножом для бумаг. Забавный такой нож, его ей кто-то прислал из Англии, на нем был нарисован мишка Паддингтон. Она ударила меня ножом, как будто я собирался изнасиловать ее. Как будто я прокаженный и хочу ее заразить. Ты улавливаешь, Гаррати?

— Да, улавливаю, — отозвался Гаррати.

Впереди у дороги стоял микроавтобус с названием службы теленовостей на боку. Как только группа подошла ближе,

лысеющий мужик в блестящем костюме направил на них объектив массивной кинокамеры. Пирсон, Абрахам и Йенсен отреагировали немедленно: каждый взялся левой рукой за яйца, а пальцем правой принялся ковырять в носу. Гаррати пришел в некоторое замешательство от столь синхронного выражения презрения.

— Я плакал, — продолжал Макврайс. — Плакал, как ребенок. Я упал на колени, ухватился за ее подол и начал умолять простить меня, а кровь растекалась по полу; в общем, отвратная вышла сцена. Она вырвалась и убежала в ванную. Ее стошнило. Я слышал, как ее рвет. Потом она вышла и дала мне полотенце. Сказала, что не желает меня больше видеть. Она плакала. Спрашивала, зачем я так с ней себя вел, зачем сделал ей больно. Говорила, что я не имел права. Вот так, Рей, у *меня* на щеке был глубокий разрез, а *она* спрашивала меня, зачем *я* сделал *ей* больно.

— Да.

— Я ушел, все еще прижимая полотенце к щеке. Мне наложили двенадцать швов, и на этом окончена история моего знаменитого шрама, доволен ли ты, Гаррати?

— Ты видел ее потом?

— Нет, — ответил Макврайс. — И в сущности, не испытывал сильного желания. Сейчас она кажется мне совсем маленькой, очень далекой. Сейчас для меня Прис — как пятнышко на горизонте. Она чересчур рациональна, Рей. Что-то... может, мать... Ее мать была очень активной... Что-то заставило ее слишком полюбить деньги. Она скряга. Говорят, всегда лучше видно на расстоянии. Вчера утром Прис еще была важна для меня. Теперь она — ничто. Я думал, что эта история, которую я тебе рассказал, причинит мне боль. Но нет. Кроме того, мне кажется, вся эта чушь имеет мало общего с причинами, по которым я здесь. Все это в нужный момент стало всего лишь удобным предлогом.

— Что ты имеешь в виду?

— Гаррати, почему мы здесь?

— Не знаю. — Голос звучал механически, так могла бы говорить кукла. Фрики Д'Аллессио плохо видел приближающийся мяч, у него был дефект зрения, восприятие высоты нарушено, мяч ударил его в лоб и оставил на нем вмятину. А потом (или раньше... прошлое перемешалось и плыло в памяти) Гаррати ударил своего лучшего друга по губам дулом духового ружья. Может быть, у того остался шрам, как у Макврайса. Джимми. Они с Джимми играли в больницу.

— Ты не знаешь, — повторил Макврайс. — Ты умираешь и не знаешь почему.

— После смерти это уже не важно.

— Да, возможно, — согласился Макврайс. — Но одну штуку тебе надо знать, Рей, тогда все это будет менее бессмысленно.

— Что именно?

— Что тебя использовали. Хочешь сказать, ты не знал этого? В самом деле не знал?

Глава 9

Значит, так, северяне, прошу вас ответить на десятый вопрос.

Аллен Ладден
«Пир в колледже»

В час дня Гаррати вновь провел инвентаризацию. Сто пятнадцать миль позади. Они находились теперь в сорока пяти милях к северу от Олдтауна, в ста двадцати пяти милях к северу от Огасты, центра штата, до Фрипорта оставалось сто пятьдесят миль (или больше... Гаррати страшно боялся, что между Огастой и Фрипортом больше двадцати пяти миль), до границы Нью-Хэмпшира около двухсот тридцати. И был разговор о том, что до границы Нью-Хэмпшира группа доберется наверняка.

В течение довольно долгого времени — минут, может быть, девяноста — никто не получал билета. Все монотонно вышагивали милю за милей среди соснового леса, едва прислушиваясь к приветственным крикам. Гаррати обнаружил, что к постоянной деревянной ноющей боли в обеих ногах и периодически возникающей боли в ступнях добавились приступы боли в левом бедре.

Затем, около полудня, когда жара достигла высшей точки, карабины вновь напомнили о себе. Парень по фамилии Тресслер, номер 92, получил солнечный удар, свалился без сознания и был расстрелян. У другого участника начались конвульсии, он пытался ползти на карачках, издавая невнятные звуки, и заработал билет. Ааронсон, номер 1, остановился на белой линии из-за судорог в обеих ногах и застыл как статуя, обратив напряженное лицо к солнцу; он также был расстрелян. Без пяти минут час еще один, кого Гаррати не знал, получил солнечный удар.

«Вот где я теперь, — подумал Гаррати, обходя дергающийся, бормочущий предмет. Он видел сверкающие, как бриллианты, капельки пота в волосах измученного и приговоренного к смерти мальчишки. — Вот где я теперь, неужели я не могу отсюда выбраться?»

Прогремели выстрелы, и школьники-скауты, сидевшие на тенистом пятачке у обочины возле своего походного домика на колесах, зааплодировали.

— Хочу, чтобы появился Главный, — зло сказал Бейкер. — Хочу видеть Главного.

— Что? — машинально переспросил Абрахам. Он заметно исхудал за последние часы. Глаза ввалились. На щеках и подбородке появился голубоватый намек на бороду.

— Хочу насрать на него, — сказал Бейкер.

— Успокойся, — сказал ему Гаррати. — Просто успокойся.

Он уже успел избавиться от всех предупреждений.

— *Сам* успокойся, — огрызнулся Бейкер. — Подумай, что с тобой будет.

— У тебя нет никакого права ненавидеть Главного. Он тебя не *заставлял*.

— *Не заставлял меня?* НЕ ЗАСТАВЛЯЛ? Да он *УБИВАЕТ* меня, понял?

— Это еще не...

— Замолчи, — резко бросил Бейкер, и Гаррати замолчал. Он провел ладонью по шее и стал смотреть в белесо-голубое небо. Его тень съежилась бесформенной лужицей почти под самыми подошвами. Он достал третью за этот день флягу и осушил ее.

Бейкер обратился к нему:

— Извини. Я не хотел на тебя кричать. Мои ноги...

— Ну конечно, — отозвался Гаррати.

— Все мы такими становимся, — продолжал Бейкер. — Мне иногда кажется, что это и есть самое худшее.

Гаррати закрыл глаза. Ему очень хотелось спать.

— Знаешь, чего мне хочется? — спросил Пирсон. Он уже шел между Гаррати и Бейкером.

— Насрать на Главного, — отозвался Гаррати. — Всем хочется насрать на Главного. Когда он появится в следующий раз, мы всей оравой кинемся на него, стащим с машины, разложим на дороге, снимем штаны...

— Мне не этого хочется. — Пирсон шел походкой человека, находящегося в последней стадии опьянения, которая еще позволяет воспринимать окружающее. Голова его болталась из стороны в сторону. Веки поднимались и опускались, как сумасшедшие жалюзи. — Это не имеет отношения к Главному. Я просто хочу уйти в поле, лечь на спину и закрыть глаза. Просто полежать на спине среди пшеницы...

— В Мэне не сажают пшеницу, — сообщил Гаррати. — У нас растут травы для покоса.

— Хорошо, в траве. И сочинить стихотворение. И уснуть.

Гаррати пошарил в карманах нового пояса: почти все были пусты. Наконец он отыскал бумажный пакетик соленых хлопьев и стал глотать их, запивая водой.

— Чувствую себя решетом, — сказал он. — Пью воду, а через две минуты она выступает на коже.

Опять рявкнули карабины, и еще одна фигура грузно рухнула на дорогу, как движущаяся заводная игрушка, у которой кончился завод.

— Сорк пять, — невнятно пробормотал присоединившийся к ним Скрамм. — Ткими темпами мы и до Порльнда не дыйдем.

— Что-то голос у тебя неважный, — заметил Пирсон; в его собственном голосе можно было при желании уловить осторожную оптимистическую нотку.

— Мне пвезло, у меня телослжение крепкое, — весело откликнулся Скрамм. — У меня, по-моему, темпратура.

— Боже мой, да как же ты еще идешь? — ахнул Абрахам; в его голосе слышался суеверный страх.

— Я? Ты обо *мне*? — парировал Скрамм. — Ты на *него* псмри! — Он указал большим пальцем вбок, на Олсона. — Он как идет, хтел бы я знать!

Олсон не раскрывал рта в течение двух часов. Он не притронулся к последней полученной им фляге. Соседи бросали жадные взгляды на его пояс с едой, к которой он также не притрагивался. Его черные обсидиановые глаза смотрели прямо вперед. Заросшее двухдневной щетиной лицо приобрело болезненно-хитрое выражение. Даже волосы, стоящие торчком на затылке и прядями падающие на лоб, усиливали впечатление потусторонности. Запекшиеся губы покрылись пузырями. Кончик языка свисал над нижней губой, как головка дохлой змеи у входа в пещеру. Он уже утратил нормальный розовый цвет и стал грязно-серым. На него налипла дорожная пыль.

Он уже там, подумал Гаррати, он, безусловно, там. Стеббинс говорил, что со временем мы все туда уйдем. Насколько он погрузился в себя? На футы? На мили? На световые годы? Насколько темно там, на той глубине? К нему пришел ответ: он настолько глубоко, что не видит того, что снаружи. Он прячется в темноте и выглянуть уже не может.

— Олсон! — мягко окликнул его Гаррати. — Олсон!

Олсон не ответил. Лишь ноги его двигались.

— Мне бы хотелось, чтобы он наконец пошевелил языком, — обеспокоенно прошептал Пирсон.

Прогулка продолжалась.

Лес отступил подальше от расширившейся дороги. У обочин опять толпились веселые зрители. Таблички с фамилией Гаррати доминировали среди прочих. Но вскоре лес опять сомкнулся над дорогой. Некоторым Идущим приходилось шагать вдоль самой обочины. А там — симпатичные девочки в шортах и с цепочками. Мальчики в баскетбольных майках и шортах.

Веселый праздник, подумал Гаррати.

У него уже не оставалось сил на то, чтобы жалеть об участии; он слишком устал, и тело его слишком онемело для того, чтобы он мог рефлектировать. Что сделано — то сделано. «Довольно скоро, — подумал он, — мне даже станет трудно разговаривать». Ему захотелось закутаться в себя, как малыш закутывается в плед и воображает, что укрылся от всех неприятностей. Укройся — и жизнь станет намного проще.

Он долго обдумывал то, о чем говорил Макврайс. О том, что всех их надули, обманули. «Не может быть, — упорно убеждал себя Гаррати. — Один из нас не обманут. Один из нас еще обойдет остальных... Разве нет?»

Он провел языком по губам и отпил несколько глотков из фляги.

Они прошли мимо небольшого зеленого дорожного указателя, извещавшего, что в сорока четырех милях впереди их ожидала платная магистраль штата Мэн.

— Вот, — сказал Гаррати, не обращаясь ни к кому в особенности. — Сорок четыре мили до Олдтауна.

Никто ему не ответил, и Гаррати подумал, что стоило бы опять подойти к Макврайсу, но вдруг услышал женский крик. Они в это время проходили очередной перекресток. Движение было перекрыто канатами, но толпа зрителей напирала, и ее сдерживала полиция. Все размахивали руками, плакатами, баночками с мазью для загара.

Кричала крупная краснолицая женщина. Она бросилась на один из барьеров, опрокинула его и сорвала значительную часть заградительного каната. Затем она, вопя и царапаясь, вырывалась из рук подоспевших к ней полицейских. Эти последние кряхтели от натуги.

Я ее знаю, подумал Гаррати. *Разве я ее не знаю?*

Голубой носовой платок, сверкающие воинственным пылом глаза. Даже морская форменная одежда с нашивками. Ее ногти оставили кровавые полосы на щеке полицейского, удерживавшего ее — *пытавшегося* ее удержать.

Гаррати прошел в десяти футах от нее. И, проходя, понял, где видел ее раньше: это была мать Перси. Того самого Перси, который пытался незаметно пробраться в лес и вместо этого перебрался в мир иной.

— Мне нужен мой мальчик! — причитала она. — Мне нужен мой мальчик!

Толпа была в восторге. Никто ей не сочувствовал. Какой-то маленький мальчик плюнул ей на ногу и мгновенно скрылся.

Джен, думал Гаррати, *я иду к тебе, Джен, а все остальное — фигня, Богом клянусь, я приду.* Но прав был Маквpайс. Джен не хотела, чтобы он шел. Она плакала. Она умоляла его переменить решение. Они подождут, она не хочет терять его, пожалуйста, Рей, не будь дураком, Долгая Прогулка — это чистое убийство...

Дело было месяц назад, в апреле. Они сидели на скамейке возле музыкального павильона, он обнимал ее за плечи. Она надушилась теми духами, которые он подарил ей на день рождения. У них был девичий, темный запах, запах плоти, кружащий голову. Мне нужно идти, сказал он. Мне нужно, как ты не понимаешь, мне нужно идти.

Рей, ты не понимаешь, что делаешь. Не надо, Рей, пожалуйста. Я люблю тебя.

Ну да, думал он, шагая по дороге, она была права. Конечно же, я не понимал, что делаю.

Но я даже сейчас не понимаю. Вот какая ситуация, чтоб ей пусто было. Очень простая и очень ясная.

— Гаррати!

Он с удивлением вскинул голову. Он только что снова задремал. А рядом с ним уже шагал Макврайс.

— Как себя чувствуешь?

— Чувствую? — осторожно переспросил он. — Вроде нормально. Да, я вроде в норме.

— Баркович ломается, — с тихой радостью сообщил Макврайс. — Я уверен. Он разговаривает сам с собой. И хромает.

— И ты хромаешь, — возразил Гаррати. — И Пирсон хромает. И я.

— У меня нога побаливает, только и всего. А Баркович... Он все время трет ногу. По-моему, у него растяжение.

— Да за что ты так его ненавидишь? Почему не Колли Паркера? Не Олсона? Не всех нас?

— Потому что Баркович сознает, что делает.

— Ты хочешь сказать, он играет на победу?

— Ты, Рей, не знаешь, что я имею в виду.

— Ты и сам вряд ли знаешь, — сказал Гаррати. — Он, конечно, негодяй. Возможно, и надо быть негодяем, чтобы победить.

— То есть хорошие ребята к финишу приходят последними?

— Черт побери, откуда мне знать?

Они шли мимо небольшого школьного здания с деревянной крышей. Ребятишки во дворе махали руками, приветствуя Идущих. Пять или шесть мальчиков стояли на шатровидной конструкции для лазанья, как часовые; увидев их, Гаррати вспомнил работников склада древесины.

— Гаррати! — закричал один из мальчишек. — Гар-ра-тиии!

Маленький взъерошенный мальчишка пританцовывал там, наверху, и махал обеими руками. Гаррати неохотно помахал ему в ответ. Мальчишка, согнув коленки, повис вниз головой на перекладине, не переставая махать. Гаррати испытал некоторое облегчение, когда школа осталась позади. Очень уж много энергии расходовал тот пацан, тяжело об этом думать.

К ним присоединился Пирсон.

— Я тут задумался, — сказал он.

— Сохраняй силы, — посоветовал ему Маквpайс.

— Неостроумно, брат. Совсем неостроумно.

— О чем ты задумался? — спросил Гаррати.

— О том, насколько хреново остаться предпоследним.

— Почему это так хреново? — спросил Маквpайс.

— Ну... — Пирсон протер глаза, искоса взглянул на поваленную молнией сосну. — Ну, понимаешь, пережить всех, абсолютно всех, кроме этого последнего. Я подумал, что для предпоследнего тоже должен быть Приз.

— Какой? — хладнокровно осведомился Маквpайс.

— Не знаю.

— Может, жизнь? — сказал Гаррати.

— Да кто же ради этого пойдет?

— Наверное, на старте — никто. Но сейчас лично я был бы счастлив получить просто право на жизнь, и к черту Приз, и к черту мои сокровенные желания. А ты как?

Пирсон надолго задумался.

— Знаешь, я не вижу в этом смысла, — сказал он извиняющимся тоном.

— Скажи ему, Пит, — попросил Гаррати.

— А что сказать? Он прав. Или ты не получаешь банана, или получаешь его целиком.

— Дурак ты, — сказал Гаррати, но без особой убежденности. Ему было жарко, он устал, и в его глазах можно было разглядеть пока еще отдаленные признаки начинающейся головной боли. Может быть, подумал он, вот так начинается солнечный удар. Может быть, так даже лучше. Просто уплыть, опуститься в сонное, полусознательное состояние и проснуться мертвым.

— Ну конечно, — охотно согласился Маквpайс. — И все мы дураки, иначе бы здесь не оказались. Мне казалось, мы это давно обсудили. Мы хотим умереть, Рей. Разве это не укладывается в твоей больной, тяжелой голове? Посмотри на Олсона. Это же череп на палке. И ты будешь мне говорить,

что он не хочет умереть? Второе место? Плохо даже то, что один из нас не получит того, чего он в самом деле хочет.

— Копайся в этом психодерьме сколько влезет, я тут ничего не понимаю, — помолчав, сказал Пирсон, — но только я считаю, что второго не надо вышибать.

Гаррати рассмеялся.

— Ты ненормальный, — сказал он.

Смеялся и Макврайс:

— Ты начинаешь смотреть на вещи моими глазами. Попарься еще немного, попыхти, и мы сделаем из тебя истинно верующего.

Идущие шли вперед.

У кого-то нашелся карманный термометр, и ртуть на нем поднялась до отметки семьдесят девять градусов (до восьмидесяти* — после того как он подержал термометр в дрожащей руке). Восемьдесят, подумал Гаррати. Восемьдесят. Не так уж и жарко. В июле бывает на десять градусов больше. Восемьдесят. При такой температуре хорошо посидеть на веранде, поесть цыпленка с салатом. Восемьдесят. Ах, окунуться бы в реку сейчас. Вода на поверхности теплая, зато она холодна внизу, там, где ноги почувствуют ее течение, увлекающее тебя к камням, около которых образовались водовороты, но ты с легкостью можешь переставлять ноги, если, конечно, весишь больше птичьего пера. И эта вода будет омывать тебя, твою кожу, волосы, промежность. При этой мысли разгоряченное тело Гаррати затрепетало. Восемьдесят. Пора раздеваться до трусов и залезать в гамак на заднем дворе с хорошей книгой в руках. Может быть, уснуть. Однажды он затащил Джен в гамак, и они лежали там рядышком и покачивались, пока его пенис не превратился в продолговатый горячий камень, торчащий внизу живота. Джен как будто не имела ничего против. Восемьдесят. О Христос всемилостивый, восемьдесят градусов.

---

* По Фаренгейту около 27°С.

Восемьдесят. Восемьдесятвосемьдесятвосемьдесят. Повторяй, пока это слово не лишится смысла, пока оно не уйдет.

— В жизни мне не было так жарко, — прогнусавил Скрамм. Его широкое лицо побагровело, и по нему стекал пот. Он расстегнул рубашку, обнажив волосатую грудь. Пот лился ручьями.

— Застегнулся бы ты, — посоветовал ему Бейкер. — Когда солнце начнет заходить, простудишься. И тогда тебе плохо придется.

— Жара прклятая, — проговорил Скрамм. — Я весь горю.

— Будет дождь, — заметил Бейкер. — Обязательно должен быть.

— Никто никому ни хрена не должен, — сказал Колли Паркер. — В жизни не видел такого поганого штата.

— Если не нравится, почему домой не идешь? — ответил Гаррати и глупо хихикнул.

— Да заткнись ты, задница.

Гаррати отпил немного из фляги и заставил себя не пить больше. Ему не хотелось, чтобы у него начались судороги от воды. В таком случае ему конец. У него однажды такие судороги были, и одного раза с него достаточно. Он помогал тогда ближайшим соседям, Элвеллам, косить сено. На чердаке сарая Элвеллов стояла адская жара, а они перетаскивали туда по пожарной лестнице здоровенные семидесятифунтовые тюки сена. Гаррати совершил тактическую ошибку — выпил целых три ковша ледяной воды, которую им принесла миссис Элвелл. Вдруг его грудь, живот, голову пронзила дикая боль, он поскользнулся на тюке сена и рухнул с чердака вниз, в кузов грузовика. Мистер Элвелл поддерживал его мозолистой рукой, когда он перелезал через борт и прыгал на землю, ослабевший от боли и стыда. Его отослали домой, его, мальчика, провалившего один из первых экзаменов на право считаться мужчиной. К рукам прилипла сенная труха, сено застряло в волосах. Он брел домой, и солнце поджаривало его и без того обожженный затылок.

Он содрогнулся, и тело вновь ощутило волну жара. Начинающаяся головная боль уже выглядывала из зрачков... Как же легко отпустить веревку...

Он посмотрел на Олсона. Олсон здесь. Язык почернел. Грязное лицо. Глаза слепо смотрят вперед. Я не такой, как он. Боже правый, я не такой. Ради всего святого, я не хочу умирать таким, как Олсон.

— Этот год у всех поубавит гонора, — печально сказал Бейкер. — Мы не дойдем до Нью-Хэмпшира. Могу хоть на деньги спорить.

— Два года назад был дождь со снегом, — сказал Абрахам. — А они перешли границу. Точнее говоря, четверо из них.

— Да, но жара — это другое, — возразил Йенсен. — Когда холодно, стараешься *идти* быстрее, *чтобы согреться. А когда* жарко, идешь медленнее... и застываешь. И что делать?

— Где справедливость? — сердито рявкнул Колли Паркер. — Почему бы не проводить эту сволочную Прогулку где-нибудь в Иллинойсе, где местность ровная?

— А мне Мэн нравится, — прогнусавил Скрамм. — Чего ты столько ррругаешься, Паркер?

— А ты почему все время сопли вытираешь? — огрызнулся Паркер. — Потому что я такой, вот почему. Есть возражения?

Гаррати посмотрел на часы, но *они, оказывается, остановились* в 10:16. Он забыл их завести.

— У кого есть часы? — спросил он.

— Дай посмотрю. — Пирсон искоса посмотрел на свои часы. — Полчаса до полной задницы, Гаррати.

Все рассмеялись.

— Скажи, сколько времени, — сказал Гаррати. — Мои часы остановились.

Пирсон опять посмотрел на часы.

— Две минуты третьего. — Он взглянул на небо. — Это чертово солнце еще долго не зайдет.

Солнце злобно взирало на Идущих поверх деревьев. Оно покинуло зенит, но тень деревьев еще не легла на дорогу. И

ляжет не раньше чем через час. Гаррати казалось, что с южной стороны на горизонте он различает темно-багровую грозовую тучу, но, возможно, он всего лишь принимал желаемое за действительное.

Абрахам вяло обсуждал с Колли Паркером достоинства четырехствольных карабинов. Все прочие, судя по всему, не были расположены к разговорам, поэтому Гаррати в одиночестве шел вдоль обочины, время от времени помахивая зрителям, а чаще не обращая на них внимания.

Идущие шли теперь более плотной группой, нежели прежде. Лидеры находились теперь в поле зрения пелетона — два высоких загорелых парня; вокруг пояса у обоих были повязаны черные кожаные куртки. О них говорилось, что они якобы любовники, но Гаррати верил в это так же, как в то, что луна сделана из сыра. Ничего женственного в них не было, судя по виду, оба они — нормальные, вполне симпатичные ребята... Впрочем, это еще не доказывает, что они не голубые. А если и голубые, то ему, Гаррати, нет до этого никакого дела. Но...

Следом за ребятами в кожаных куртках шел Баркович, сразу за ним — Макврайс, не отрывающий взгляда от спины Барковича. Из заднего кармана Барковича все еще торчала желтая непромокаемая шляпа. Гаррати не показалось, что Баркович ломается. На самом деле, подумал он с горечью, выдыхается как раз Макврайс.

Позади Барковича и Макврайса шла группа из семи или восьми мальчиков, представлявшая собой некое случайно составившееся сообщество, постоянно видоизменяющееся, постоянно теряющее своих членов и принимающее новых. За этой группой шла еще одна, поменьше, затем — Скрамм, Пирсон, Абрахам, Паркер и Йенсен. Команда Гаррати. Неподалеку от старта с ними были и другие, но теперь Гаррати едва ли вспомнил бы их фамилии.

За этой группой двигались еще две, а кроме того, всю колонну пронизывала нить одиночек. Несколько человек, подобно Олсону, были предельно измучены и впали в кататонию,

другие, подобно Стеббинсу, явно не нуждались в чьем бы то ни было обществе. И почти на всех лицах отпечаталось напряженное, испуганное выражение, которое Гаррати теперь так хорошо знал.

Карабины нацелились на одного из одиночек, привлекших внимание Гаррати. Это был невысокий, коренастый парнишка в истрепанной зеленой шелковой куртке. Гаррати припомнил, что последнее предупреждение было вынесено этому парнишке с полчаса назад. Он бросил на карабины быстрый настороженный взгляд и ускорил шаг. Дула карабинов тут же потеряли к нему интерес, по крайней мере на время.

Гаррати ощутил внезапный и необъяснимый душевный подъем. До Олдтауна, до следующего островка цивилизации — если место, где есть мельница, обувная фабрика и фабрика по производству каноэ, можно назвать островком городской цивилизации, — теперь оставалось немногим больше сорока миль. Они войдут в Олдтаун где-то поздним вечером и пройдут по платной магистрали. А идти по магистрали — развлечение по сравнению с шоссе. По травяной полосе можно при желании идти даже босиком. По прохладной росистой траве. Господи, какое наслаждение! Гаррати потер бровь тыльной стороной ладони. Может быть, все это закончится хорошо. Темно-багровая туча несколько приблизилась, и теперь было совершенно ясно, что надвигается гроза.

Сказали свое слово карабины, а Гаррати даже не вздрогнул. Парень в шелковой зеленой куртке получил свой билет, а Гаррати смотрел и смотрел на солнце. Наверное, даже смерть не так страшна. Каждый из них, в том числе и Главный, рано или поздно встретится с ней. Так кто же кого обманывает? Гаррати решил высказать эту мысль Макврайсу при следующем разговоре.

Он чуть ускорил шаг и принял решение помахать первой красивой девушке, которая им встретится. Но пока им встретилась не красивая девушка, а невысокий итальянец. Типичный до карикатурности итальянец, маленький, в потертой

фетровой шляпе, кончики черных усов загнуты кверху. Он стоял около старенького грузовика, задний борт которого был откинут, и махал Идущим, обнажая в улыбке неправдоподобно белые, неправдоподобно квадратные зубы.

На полу кузова грузовика лежал резиновый коврик, а на нем — слой колотого льда, из которого выглядывало множество широких розовых улыбок. Ломтики арбуза.

Гаррати почувствовал, как его желудок дважды перекувырнулся, словно ныряльщик в воздухе. Над кузовом грузовика висел транспарант: ДОМ Л'АНТИО ЛЮБИТ ВСЕХ УЧАСТНИКОВ ДОЛГОЙ ПРОГУЛКИ! БЕСПЛАТНЫЕ АРБУЗЫ!

Несколько Идущих, в том числе Абрахам и Колли Паркер, затрусили к обочине. Все были предупреждены. Они двигались со скоростью выше чем четыре мили в час, но не в нужном направлении. Дом Л'Антио увидел их и рассмеялся радостным, веселым, беззаботным смехом. Затем он хлопнул в ладоши, нырнул в кузов и явился снова, держа в обеих руках розовые, улыбающиеся ломти арбуза. Рот Гаррати наполнился слюной. Но они же не позволят, подумал он. Как не позволили другому торговцу угостить их прохладительными напитками. А потом: Боже правый, как бы это было вкусно. А может, Боже, они были правы, что позволили себе сбавить скорость ради этого? Ну где еще в это время года можно найти арбуз?

Когда участники Долгой Прогулки проходили мимо заградительных канатов, небольшая толпа, собравшаяся вокруг Дома Л'Антио, ревела от восторга. Были вынесены вторичные предупреждения, и как из-под земли появились трое из полиции штата, чтобы пресечь деятельность Дома. Этот последний кричал громко и звонко:

— Да что такое? Да почему нельзя? Вы, тупые фараоны, это же мой арбуз! Я хочу их угостить, я угощу их, а что? Пошли отсюда, свиньи!

Один из полицейских потянулся к ломтям арбуза, которые Дом держал в руках. Второй подобрался к грузовику и захлопнул задний борт.

— Мерзавцы! — закричал Гаррати во всю мощь своих легких. Его вопль прозвучал в жарком дневном воздухе подобно звону разбитого стекла. Один из полицейских штата с удивлением обернулся... на презренное мелкое существо.

— Суки вонючие! — кричал им Гаррати. — Лучше бы ваши матери, *суки,* аборт в свое время сделали!

— Да, скажи им, Гаррати! — закричал кто-то. Оказалось, это был Баркович; он широко ухмылялся и грозил полицейским штата кулаками. — Скажи им...

Но теперь уже кричали все, а полицейские штата — это совсем не то, что солдаты Национальных Взводов. Лица их раскраснелись от смущения, но они тем не менее теснили Дома, не выпускающего из рук улыбающиеся куски арбуза, прочь от дороги.

Дом то ли забыл английский язык, то ли счел его неподходящим для сложившейся ситуации. Он принялся выкрикивать сочные итальянские ругательства. Толпа поддержала его криками. Какая-то женщина в соломенной шляпе швырнула в одного из полицейских транзистор. Он попал полицейскому в голову и сшиб с него каску. Гаррати было жаль полицейского, но он тем не менее продолжал громко ругаться. Он уже не мог остановиться. Он все повторял «сукины дети», хотя раньше не сомневался, что место этому выражению разве что на страницах книги.

Идущие уже решили, что Дом Л'Антио вот-вот навсегда скроется из виду, но маленький итальянец вдруг вырвался и бросился к дороге; толпа волшебным образом расступалась перед ним и смыкалась — или старалась сомкнуться — перед полицейскими. Но один из них быстро захлестнул Дома веревочной петлей под колени и рванул на себя. Прежде чем потерять равновесие, Дом успел подбросить вверх розовые улыбающиеся куски арбуза.

— ДОМ Л'АНТИО ЛЮБИТ ВСЕХ ВАС! — выкрикнул он. Толпа истерически вопила. Дом рухнул в пыль головой вперед, и на его запястьях сзади мгновенно замкнулись наручники.

Когда ломти арбуза взмыли в воздух, Гаррати расхохотался, вскинул обе руки вверх и торжествующе потряс кулаками над головой, когда увидел, как Абрахам с непринужденной грацией поймал кусок арбуза.

Другие Идущие остановились, чтобы подобрать остальные ломти, и были предупреждены в третий раз, но, к удивлению Гаррати, никто не был убит, и в итоге пятеро — нет, поправил себя Гаррати, шестеро ребят получили по куску арбуза. Все прочие либо весело поздравляли тех, кому достался арбуз, либо костерили солдат, чьи деревянные лица, по общему мнению, выражали теперь легкое раздражение.

— Я всех люблю! — промычал Абрахам. Он широко улыбался, и красный арбузный сок стекал по его щекам. Он выплюнул в воздух три арбузных зернышка.

— Проклятие! — весело крикнул Колли Паркер. — Я проклят, и будь я проклят, если это не так!

Он вгрызся в арбуз, шумно и жадно глотнул, потом разломил свой кусок пополам и перебросил половину Гаррати, который чуть не оступился от неожиданности.

— Держи, деревня! — крикнул Колли. — И чтоб потом не говорил, что я тебе ничего не дал!

— Да пошел ты! — смеясь, крикнул в ответ Гаррати.

Холодный, холодный арбуз. Сок попал Гаррати в нос, потек по подбородку и, какое счастье, полился в горло, полился в горло...

Он позволил себе съесть только половину, затем крикнул:

— Пит! — и перебросил остаток Макврайсу.

Макврайс поймал кусок арбуза легким, небрежным движением, характерным, пожалуй, для звезд университетского спорта и для профессиональных бейсболистов. Потом он улыбнулся Гаррати и доел арбуз.

Гаррати огляделся вокруг и почувствовал, как его переполняет безумное чувство триумфа, как радость проникает в самое сердце; ему захотелось пройтись колесом. Почти всем досталось по кусочку арбуза, пусть по крохотному кусочку мякоти, прилипшему к зернышку.

Стеббинс, как обычно, был исключением. Он шел, глядя на асфальт. В руках у него не было ничего, и улыбки на лице тоже не было.

К черту его, подумал Гаррати. Тем не менее частица его радости улетучилась. Ступни опять наливались тяжестью. Он понимал, что дело не в том, что Стеббинсу не досталось арбуза. Стеббинсу просто не нужен арбуз.

Два тридцать пополудни. Пройдена сто двадцать одна миля. Грозовая туча приближалась. Прохладный ветер леденил разгоряченную кожу Гаррати. Опять будет дождь, подумал он. Очень хорошо.

Люди по обеим сторонам дороги сворачивали пледы, подбирали клочки газет, укладывали вещи. Грозовая туча лениво наплывала на Прогулку. Температура резко упала, и стало холодно, как осенью. Гаррати быстро застегнул рубашку.

— Опять начинается, — обратился он к Скрамму. — Ты бы оделся.

— Да ты что! — ухмыляясь, пробасил Скрамм. — Я никогда себя лучше не чуствал.

— Сейчас грохнет! — в восторге прокричал Паркер.

Они находились теперь на вершине медленно понижающегося плато и уже видели завесу дождя, обрушившуюся на лес и приближающуюся к ним вместе с багровыми тучами. Прямо над их головами небо приобрело зловещий желтый оттенок. Похоже на торнадо, подумал Гаррати. Вот тогда и придет конец. Что они станут делать, если ураган обрушится на дорогу и унесет их всех в страну Оз в облаке пыли и арбузных зерен?

Он засмеялся. Ветер буквально выдирал смех из его рта.

— Макврайс!

Макврайс пошел под углом к белой линии, чтобы дать Гаррати возможность нагнать его. Он шел, наклонясь против ветра, и одежда его бешено трепетала и хлопала. Черные волосы и отчетливо различимый на загорелом лице белый шрам делали его похожим на старого полубезумного морского волка, стоящего на капитанском мостике.

— Что? — прокричал он.

— Правила предусматривают вмешательство Бога?

Макврайс задумался.

— Думаю, нет, — ответил он и стал застегивать куртку.

— Что будет, если в нас ударит молния?

Макврайс повернул голову и гоготнул:

— Мы умрем!

Гаррати фыркнул и отошел. Другие Идущие тоже с тревогой поглядывали на небо. Да, сейчас их ждет не небольшой душ, не такой, как тот, что охладил их вчера после жаркого дня. Как сказал Паркер? Грохнет. О да, несомненно, грохнет.

Между ног Гаррати прокатилась бейсбольная кепка. Гаррати огляделся и заметил невысокого мальчика, который печально провожал кепку взглядом. Скрамм словил ее и попытался перебросить владельцу, но ветер подхватил ее, заставил описать в воздухе дугу, подобную дуге бумеранга, и швырнул на яростно раскачивающееся дерево.

Бело-пурпурная ломаная молния прорезала горизонт. Прогрохотал гром. Убаюкивающий шорох ветра среди ветвей сосен превратился в завывания сотни безумных призраков.

Выстрелы, негромкие выстрелы игрушечных пистолетов, едва различимые на фоне грома и воя ветра. Гаррати обернулся, предположив, что Олсон наконец заработал пулю. Но Олсон все еще шел, рубаха его развевалась на ветру, и было хорошо видно, с какой поразительной быстротой тает его плоть. Он где-то успел потерять пиджак, и теперь из коротких рукавов рубахи торчали костлявые, тонкие, как карандаши, руки.

Не его, а кого-то другого отволокли с дороги. Длинные растрепанные волосы, а под ними — маленькое, усталое и совершенно мертвое лицо.

— Если бы этот ветер дул нам в спину, к половине пятого мы были бы в Олдтауне! — весело прокричал Баркович. Он натянул свою яркую непромокаемую шляпу на самые уши. Его заострившееся лицо было веселым и безумным. Вдруг

Гаррати понял. Нужно не забыть сказать Макврайсу. Барковича сумасшедший.

Через несколько минут ветер внезапно стих. Гром доносился лишь в виде отдельных глухих раскатов. И тут же вернулась жара, влажная, почти непереносимая после только что продувавшего их холодного ветра.

— Что случилось? — проревел Колли Паркер. — Гаррати! Что, в этом говенном штате даже грозы говенные?

— Думаю, ты получишь то, чего хочешь, — ответил Гаррати. — Но не знаю, насколько тебе это понравится.

— Йо-хо! Реймонд! Реймонд Гаррати!

Голова Гаррати дернулась. На какую-то ужасную долю секунды ему показалось, что это его мать, и перед ним заплясал призрак Перси. Но на него смотрела всего лишь добродушная старая дама, прикрывающаяся от дождя журналом «Вог».

— Старая перечница, — пробормотал у него над ухом Бейкер.

— Мне она нравится. Ты ее знаешь?

— Тип этот знаю, — зло сказал Бейкер. — Она точь-в-точь как моя тетка Хэтти. Она любила ходить на похороны, слушать, как люди плачут, и так далее, и все вот с такой улыбкой. Как кошка в курятнике.

— Может, это мать Главного, — сказал Гаррати. Он намеревался пошутить, но шутка не удалась. Лицо Бейкера оставалось напряженным и казалось бледным при послегрозовом освещении.

— У тети Хэтти было девять детей. Представляешь, Гаррати, девять. И четверых из них она с такой же улыбкой похоронила. Родных детей. Есть люди, которым нравится смотреть, как умирают другие. Не могу их понять. А ты?

— Тоже нет, — сказал Гаррати. Бейкер начинал действовать ему на нервы. Над головой снова начинали с грохотом перекатываться колеса гигантского невидимого вагона. — Твоя тетя Хэтти умерла?

— Нет. — Бейкер посмотрел на небо. — Она дома. Наверное, сидит на крыльце в качалке. Она уже не может много

ходить. Просто сидит, качается и слушает радио. И улыбается всякий раз, как передают некролог. — Бейкер потер локти ладонями. — Гаррати, ты когда-нибудь видел кошку, которая жрет своих котят?

Гаррати не ответил. Воздух был наэлектризован, отчасти из-за возобновляющейся грозы, отчасти по другой причине. Гаррати не мог понять по какой. Всякий раз, как он зажмуривался, он видел перед собой косые глаза Фрики Д'Аллессио, глядящие на него из тьмы. Наконец он спросил у Бейкера:

— В вашей семье кто-нибудь, случайно, не был гробовщиком?

Бейкер слегка улыбнулся:

— Знаешь, я одно время подумывал пойти учеником в похоронное бюро. Хорошая работа. Даже во времена депрессии всегда будет кусок хлеба.

— А я всегда хотел заняться производством унитазов, — сказал Гаррати. — Заказы от кинотеатров, кегельбанов и так далее. Дело верное. Сколько у нас в стране может быть унитазных фабрик?

— Думаю, мне больше не захочется работать в похоронном бюро, — произнес Бейкер. — Хотя теперь это уже не важно.

Ослепительная вспышка молнии разорвала небо. За ней последовал исполинский раскат грома. Поднялся резкий, порывистый ветер. Облака неслись по небу, как пиратские суда по черной поверхности призрачного моря.

— Вот оно, — сказал Гаррати. — Вот оно, Арт.

— Некоторые говорят, что им все равно, — неожиданно сказал Бейкер. — Говорят: «Когда я умру, с меня хватит чего-нибудь попроще». Вот как они ему говорят. Моему дяде. Но большинству далеко не все равно. Он так всегда мне говорил. Сначала, мол, они говорят: «Для меня сойдет простой сосновый ящик». Но в конце концов заказывают большой... Даже со свинцовой обшивкой, если у них есть деньги. Очень часто даже номер модели в завещании указывают.

— Зачем? — спросил Гаррати.

— В наших местах многим хочется, чтобы их похоронили в мавзолее. Надземное захоронение. Они не хотят лежать под землей, потому что у нас в Луизиане высокий уровень грунтовых вод. Во влажной почве гниение идет быстро. Но можно вспомнить о крысах. Могильные крысы. Они легко прогрызают сосновые гробы.

Невидимые руки ветра толкали Идущих. Гаррати хотелось, чтобы гроза продолжалась подольше. Какая-то сумасшедшая карусель. С кем бы ты ни говорил, неизменно приходишь к этой теме.

— Нет, это не по мне, — сказал Гаррати. — Отложу тысячи полторы специально на то, чтобы после смерти меня не сожрали крысы.

— А я не знаю, — отозвался Бейкер. Он сонно прикрыл глаза. — Знаешь, что *меня беспокоит? Им нужны мягкие ткани*. Я просто вижу, как они прогрызают дыру в моем гробу, расширяют ее и пробираются внутрь. И ползут к моим глазам, и жрут их. И вот я — часть крысы. Я прав?

— Не знаю, — с отвращением сказал Гаррати.

— Нет, спасибо. Мне — со свинцовой обшивкой. И никаких других.

— Собственно говоря, тебе понадобится только один, — сказал Гаррати и нервно хихикнул.

— А вот это верно, — *торжественно подтвердил Бейкер.*

Вспыхнула еще одна розовато-белая молния, и в воздухе запахло озоном. Гроза ударила по ним с новой силой. Но уже не дождем. Градом.

Пять секунд спустя по ним лупили градины размером с мелкую гальку. Несколько человек закричали. Гаррати прикрыл ладонью глаза. Вой ветра усилился до пронзительного крика. Градины молотили лица и тела, прыгали по асфальту.

Йенсен в панике описал на дороге огромный круг; ноги его заплетались, он спотыкался. Солдаты в фургоне раз шесть прицеливались в него, вглядываясь в сплошную колеблющуюся пелену града, чтобы выстрелить наверняка. «Прощай, Йенсен, — подумал Гаррати. — Мне жаль тебя».

Град теперь шел с дождем. Процессия поднималась на холм, градины во множестве катились Идущим навстречу, вниз, и таяли под ногами. Еще одна волна града окатила их, потом дождь, волна града, а дальше дождь накрыл их сплошным покрывалом, а в небе грохотал гром.

— Черт побери! — завопил Паркер, приближаясь к Гаррати. Его лицо покрылось красными пятнами, и сам он походил на водяную крысу. — Ну, Гаррати, это уж точно...

— Да-да, самый говенный штат из пятидесяти одного, — закончил за него Гаррати. — Вот и помочи волосы.

Паркер запрокинул голову, открыл рот и стал пить холодную дождевую воду.

— А-а, к дьяволу, а-а!

Гаррати нагнулся против ветра и догнал Макврайса.

— Как тебе это, Пит? — спросил он.

Макврайс выпрямился и отряхнулся.

— Победить невозможно. Сейчас мне хочется солнца.

— Это ненадолго, — успокоил его Гаррати, но ошибся. И в четыре часа дождь еще лил.

Глава 10

Знаете, почему меня называют Графом? Потому что я графики строить люблю! Ха-ха-ха.

Граф
«Улица Сезам»

Начинался второй их вечер в пути, но заката не было. Примерно в четыре тридцать ливень сменился непрерывной холодной изморосью. Дождь продолжал моросить почти до восьми. Потом небо стало очищаться, и на нем показались яркие, холодно мерцающие звезды.

Гаррати поплотнее завернулся в промокшую одежду. Ему не требовалось слушать сводку погоды, чтобы определить на-

правление ветра. Весенняя погода непостоянна, и теперь холод вытягивал из Идущих тепло, которое еще сохраняли в себе их тела.

Может быть, теплее будет там, где появятся толпы зрителей. Тепло их тел или что-нибудь в этом роде. Сейчас вдоль дороги попадалось все больше зрителей, они, стараясь согреться, собирались в кучки, но оставались пассивны. Они просто смотрели, как Идущие проходят мимо них, и отправлялись домой или спешили к следующему наблюдательному пункту. Если они пришли, чтобы увидеть кровь, то должны были остаться недовольны. После Йенсена Прогулка потеряла только двоих. Эти двое были моложе других и потеряли сознание. Значит, число соперников Гаррати сократилось ровно наполовину. Точнее, больше, чем наполовину. Ушли пятьдесят, против него еще сорок девять человек.

Гаррати шел в одиночестве. Ему было слишком холодно, поэтому спать не хотелось. Он плотно сжимал губы, чтобы унять дрожь. Олсон по-прежнему шел сзади. Ребята вяло спорили, станет ли Олсон пятидесятым, последним из первой половины. Но он не был удостоен этой чести. Пятидесятый билет достался 13-му номеру, Роджеру Финаму. Несчастливый 13-й номер. Гаррати начинало казаться, что Олсон будет идти независимо ни от чего. Может быть, пока не умрет голодной смертью. Он надежно укрылся в таком месте, где его не достанет никакая боль. Если Олсон победит, в этом будет своего рода романтическая справедливость. Ему представился газетный заголовок: В ДОЛГОЙ ПРОГУЛКЕ ПОБЕДУ ОДЕРЖАЛ МЕРТВЕЦ!

Пальцы ног Гаррати онемели. Он шевелил ими, тер о порвавшуюся подкладку туфель и ничего не чувствовал. Настоящая боль жила теперь не в пальцах. В подошвах. Острая, кричащая боль, иглой пронизывающая ногу до бедра при каждом шаге. Ему вспомнилась сказка, которую ему читала мама, когда он был маленький. Сказка про русалку, которой хотелось стать земной женщиной. Но у нее был хвост, и ей сказали — добрая волшебница или кто-то еще, — что она смо-

жет получить ноги, если захочет достаточно сильно. Каждый шаг по твердой земле будет стоить ей боли, словно она будет идти по лезвию ножа, но, если ей так хочется, она может получить ноги, и она сказала — да, согласна, согласна на Долгую Прогулку. И еще она...

— Предупреждение! Предупреждение сорок седьмому!

— Слышу, — сердито пробурчал Гаррати и зашагал быстрее.

Лес поредел. Северная часть штата осталась позади. Они прошли через два небольших тихих городка. Маршрут Прогулки лежал через центральную их часть, и вдоль дороги снова стояли люди, точнее, тени, с трудом различимые в рассеянном из-за дождя свете фонарей. Кричали мало. Наверное, предположил Гаррати, потому что слишком холодно. Слишком холодно и слишком темно, и еще, Боже всемогущий, у него снова предупреждение, и если это не гадость, то что же тогда называть гадостью?

Его ноги опять зашагали медленнее, и он с усилием подстегнул их. Довольно далеко впереди Баркович что-то сказал и разразился неприятным смехом. Он ясно услышал ответ Маквайса:

— Заткнись, убийца.

Баркович велел Маквайсу убираться к черту, но настроение у него, *похоже*, было неважное. Гаррати устало улыбнулся в темноту.

Он отстал от своих и шел теперь почти в арьергарде. С неудовольствием он обнаружил, что ноги опять несут его к Стеббинсу. Что-то в Стеббинсе привлекало его, но он решил не вдумываться, что же именно. Пора оставить вопросы. Ответы на них не прибавляют шансов. И это тоже грандиозная гадость.

Впереди показалась огромная светящаяся стрелка. Внезапно духовой оркестр заиграл марш. Довольно многочисленный оркестр, судя по звуку. Приветственные крики стали громче. В воздухе что-то летало, и Гаррати пришла в голову дикая мысль, что пошел снег. Однако это был не снег. Всего

лишь конфетти. Маршрут переходил на другую дорогу. Дороги пересекались под углом, и путевой указатель извещал, что до Олдтауна оставалось шестнадцать миль. Гаррати почувствовал легкое возбуждение с примесью гордости. Дорога после Олдтауна ему известна. Он мог бы проследить весь маршрут по карте.

— Может, теперь у тебя будет преимущество. Лично я так не думаю, но, может быть, это так.

Гаррати вздрогнул. Стеббинс как будто открыл дверцу в его голове и забрался внутрь.

— Что?

— Это же твои края, так ведь?

— Я не отсюда. Я ни разу не был севернее Гринбуша, если не считать того раза, когда ехал к старту. И ехали мы не по этой дороге.

Духовой оркестр остался позади, звуки труб и кларнетов постепенно стихали вдали.

— Но мы через твой город пройдем?

— Нет, хотя будем недалеко.

Стеббинс кашлянул. Гаррати взглянул на его ноги и с удивлением обнаружил, что Стеббинс сменил свои теннисные туфли на очень мягкие на вид мокасины. Туфли лежали у него за пазухой.

— Берегу теннисные туфли на всякий случай, — пояснил Стеббинс. — Хотя думаю, что закончу в мокасинах.

— А-а.

Они прошли мимо радиовышки, стоящей, как голый скелет, посреди поля. На ее верхушке равномерно пульсировал красный огонек.

— Думаешь увидеть своих?

— Да, — ответил Гаррати.

— А что потом?

— Потом? — Гаррати пожал плечами. — Наверное, буду идти вперед по дороге. До тех пор, пока ты и все прочие не приобретут билеты.

— О, в этом я сомневаюсь, — сказал Стеббинс, тонко улыбаясь. — Ты разве уверен, что тебя никто не одолеет? После того, как ты их увидишь?

— Послушай, ни в чем я не уверен, — ответил Гаррати. — Перед стартом я мало что знал, а теперь я знаю еще меньше.

— Думаешь, у тебя есть шанс?

— И этого я не знаю. Не знаю даже, почему я еще болтаю с тобой. Это же все равно что болтать с дымом.

Далеко впереди в ночи взвыли полицейские сирены.

— Кто-то выскочил на дорогу там, где полицейский кордон не такой мощный, — объяснил Стеббинс. — Гаррати, местные начинают беспокоиться. Подумай только о тех людях, которые там не покладая рук трудятся, чтобы освободить тебе дорогу.

— Тебе тоже.

— Мне тоже, — согласился Стеббинс. Затем он долго молчал. Ворот рубахи свободно хлопал его по затылку. — Просто удивительно, как разум управляет телом, — наконец заговорил он. — Среднестатистическая домохозяйка, наверное, проходит за день миль шестнадцать от холодильника к гладильной доске, от гладильной доски к стиральной машине. В конце дня она, конечно, с радостью ляжет пузом кверху, но она не измучена. Коммивояжер за день пройдет миль двадцать. Это с момента пробуждения до того, как они отправятся спать. Школьник на тренировке футбольного клуба пробежит двадцать пять — двадцать восемь. Все они устают, но никто не бывает к вечеру измучен.

— Ну да.

— А попробуй сказать домохозяйке: сегодня до ужина ты должна отшагать шестнадцать миль.

Гаррати кивнул:

— Она не просто устанет, она выдохнется.

Стеббинс ничего не сказал. У Гаррати возникло дурацкое чувство, будто он разочаровал Стеббинса.

— А что... Разве нет?

— Тебе не кажется, что она постарается отмахать эти шестнадцать до полудня, чтобы потом поскорее скинуть туфли и посмотреть по телику мыльные оперы? Я в этом уверен. Ты устал, Гаррати?

— Да, — коротко ответил Гаррати. — Я устал.

— Выдохся?

— Пожалуй, выдыхаюсь.

— Нет, Гаррати, ты пока еще не выдыхаешься. *Вот кто* измучен. — Он указал большим пальцем вбок, на силуэт Олсона. — Он уже почти на пределе.

Гаррати завороженно посмотрел на Олсона, словно ожидая, что тот упадет при словах Стеббинса.

— К чему ты клонишь?

— Спроси своего легковоспламеняющегося друга Арта Бейкера. Мул пахать не любит. Зато он любит морковку. Вывод: вешай морковку перед его глазами. Без морковки он выдохнется. А если перед ним морковка, он еще долго будет трудиться, несмотря на усталость. Понимаешь?

— Нет.

Стеббинс снова улыбнулся:

— Поймешь. Понаблюдай за Олсоном. Он потерял аппетит, ему уже не хочется морковки. Он сам еще толком об этом не знает, но это так. Понаблюдай за Олсоном, Гаррати. Ты можешь поучиться у Олсона.

Гаррати внимательно посмотрел на Стеббинса, не зная, насколько всерьез следует принимать его слова. Стеббинс громко рассмеялся. Рассмеялся весело, от души; другие участники Прогулки удивленно повернули головы.

— Подойди к нему. Поговори с ним, Гаррати. А если он тебе не ответит, просто побудь с ним рядом и рассмотри его как следует. Никогда не поздно учиться.

Гаррати сглотнул слюну:

— Ты хочешь сказать, что я получу очень важный урок?

Смех Стеббинса смолк. Он крепко сжал запястье Гаррати.

— Возможно, это самый важный урок в твоей жизни. Тайна той жизни, что над смертью. Сократи это уравнение, Гаррати, и ты сможешь позволить себе умереть. Умереть легко и счастливо, как пьяница над стаканом вина.

Стеббинс отпустил его руку. Гаррати медленно помассировал запястье. Похоже, Стеббинс опять игнорирует его. Он отошел от Стеббинса и направился к Олсону.

Гаррати казалось, что его как будто тянет к Олсону невидимая нить. Он приблизился к Олсону сбоку. Ему захотелось вчитаться в его лицо.

Когда-то, очень давно, он долго не мог заснуть ночью, настолько его напугал фильм с... кем? Кажется, с Робертом Митчамом в главной роли. Митчам играл священнослужителя церкви Возрождения, который одновременно был маньяком-убийцей. Сейчас фигура Олсона отчасти напоминала Гаррати того актера. Потеряв в весе, Олсон как будто сделался длиннее. Кожа его шелушилась от обезвоживания. Глаза ввалились. Волосы трепались на голове, как ковыль на ветру.

Ну да, все верно, он полностью превратился в робота, в автомат. Может ли быть, чтобы внутри у него скрывался еще какой-то Олсон? Нет. Его уже нет. Нет никаких сомнений, что тот Олсон, который сидел на траве, шутил и рассказывал про парня, застывшего на старте и там же получившего билет, тот Олсон исчез. Осталась мертвая плоть.

— Олсон, — прошептал он.

Олсон шел вперед. Хромающий дом с привидениями на двух ногах. Олсон был грязен. От Олсона плохо пахло.

— Олсон, ты можешь говорить?

Олсон тащился вперед. Лицо его превратилось в черноту, и он *двигался*, да, он *двигался*. Что-то в нем еще происходило, что-то еще тикало в нем, но...

Что-то, верно, *что-то* осталось, но что?

Они вступили на очередной подъем. Гаррати все сильнее не хватало воздуха, и вскоре он задышал часто, как собака. От его мокрой одежды валил пар. Внизу, во тьме, серебря-

ной змейкой извивалась река. Скорее всего Стиллуотер. Стиллуотер протекает вблизи Олдтауна. До них донеслось несколько, совсем немного, не слишком воодушевленных криков. А впереди, за крутым поворотом реки (может, это и Пенобскот), горели огни. Олдтаун. А островок света поменьше — это Милфорд и Брэдли. Олдтаун. Они добрались до Олдтауна.

— Олсон, — заговорил он. — Это Олдтаун. Вон те огни впереди — это Олдтаун. Мы подходим, брат.

Олсон не отвечал. Теперь Гаррати вспомнил, что мешало Олсону говорить, но это вроде бы уже не имело особого значения. Олсон представился ему «Летучим голландцем», который продолжал свои странствия и после того, как исчезла вся его команда.

Они быстрым шагом преодолели долгий спуск, прошли поворот, формой напоминавший букву «S», и миновали мост, сооруженный, как гласил указатель, над рекой Медоу-брук. За мостом их ожидала еще одна табличка: «КРУТОЙ ПОДЪЕМ. АВТОМОБИЛЯМ ДВИГАТЬСЯ НА МАЛЫХ ПЕРЕДАЧАХ». Некоторые Идущие застонали.

Подъем действительно оказался крутым. Дорога лежала перед ними как горка для катания на санках. Холм, правда, был невысокий, они даже в темноте видели вершину. Но подъем в самом деле крутой. Очень крутой.

Они пошли вверх.

Гаррати нагнулся вперед и почти сразу почувствовал, что дыхание начало восстанавливаться. «На вершине опять буду задыхаться, как собака, — подумал он... и добавил про себя: — Если я дойду до вершины». Обе ноги протестовали все громче. Протестующий вопль начинался у бедер и спускался к стопам. Ноги взывали к нему, они наотрез отказывались и дальше заниматься этой хреновой работой.

Будете, мысленно сказал им Гаррати. Будете, иначе умрете.

Нам все равно, ответили ему ноги. Нам безразлично, пусть мы умрем, умрем, умрем.

Мышцы размягчались, таяли, как мороженое на жарком солнце. Они беспомощно дрожали. Они дергались, как марионетки в руках неумелого кукловода.

Предупреждения гремели справа и слева, и Гаррати подумал, что очень скоро тоже получит предупреждение. Он сосредоточил взгляд на Олсоне, отчаянно стараясь шагать с ним в ногу. Они вместе взойдут на этот смертоносный холм, и он заставит Олсона открыть ему тайну. А потом будет легко, ему не будет дела ни до Стеббинса, ни до Макврайса, ни до Джен, ни до отца, да, и даже до Фрики Д'Аллессио, чья голова раскололась, как головка пластмассовой куклы, на федеральном шоссе 1.

Что там, в сотне футов впереди? В пятидесяти? Что?

Он задыхался.

Прогремели выстрелы. Последовал громкий пронзительный крик, заглушенный новой серией выстрелов. Они получили еще одного на этом холме. Гаррати ничего не видел в темноте. Кровь мучительно пульсировала в висках. Он обнаружил, что ему совершенно наплевать, кому достался билет. Не важно. Только боль имеет значение, боль, разрывающая его ноги и легкие.

Поворот. Дорога стала ровной. Еще более крутой поворот в начале спуска. Дорога теперь шла слегка под гору, следовательно, можно восстановить дыхание. Но ощущение таяния в мышцах не уходило. Скоро откажут ноги, спокойно подумал Гаррати. Они не донесут меня до Фрипорта. Вряд ли они донесут меня хотя бы до Олдтауна. По-моему, я умираю.

В ночной тишине стал слышен шум, дикий, экстатический гул. Человеческий голос, множество голосов, раз за разом повторяющих одно и то же слово:

Гаррати! Гаррати! ГАРРАТИ! ГАРРАТИ! ГАРРАТИ!

Господь Бог или его отец сейчас отсечет ему ноги, а он еще не успел узнать тайну, тайну, тайну...

Гром: *ГАРРАТИ! ГАРРАТИ! ГАРРАТИ!*

Это не отец и не Господь Бог. Похоже, это все учащиеся Олдтаунской средней школы в полном составе в унисон скан-

дируют его фамилию. Когда они разглядели его белое, измученное, напряженное лицо, ритмическое скандирование превратилось в беспорядочный неумолчный крик. Стоявшие в первых рядах размахивали автоматическими ружьями. Мальчишки оглушительно свистели и целовали своих девушек. Гаррати помахал им, улыбнулся, кивнул и осторожно приблизился к Олсону.

— Олсон, — шепнул он. — Олсон.

Возможно, глаза Олсона зажглись на мгновение. Как будто изношенный стартер разбитого автомобиля выпустил одну-единственную искру.

— Скажи мне как, Олсон, — шептал он. — Скажи, что надо делать.

Школьники и школьницы (*Неужели я ходил когда-то в школу?* — подумал Гаррати. *Или мне это приснилось?*) остались позади, но продолжали кричать.

Глаза Олсона тяжело задвигались в провалившихся глазницах, как будто они заржавели и нуждались в смазке.

— Да, вот так, — оживленно зашептал Гаррати. — Говори. Говори со мной, Олсон. Расскажи мне. Расскажи.

— А, — сказал Олсон. — А. А.

Гаррати придвинулся еще ближе, положил руку Олсону на плечо и оказался в зловонном облаке пота, несвежего дыхания и мочи.

— Прошу тебя, — сказал Гаррати. — Постарайся.

— Га. Го. Госп. Господень сад...

— Господень сад, — неуверенно повторил Гаррати. — Так что про Господень сад, Олсон?

— Он. Зарос. Сорной. Травой, — печально сказал Олсон. Голова его свободно болталась. — Я.

Гаррати молчал. Он не мог говорить. Начался еще один подъем, и он опять задыхался. А Олсон, казалось, вообще уже не дышал.

— Я не. Хочу. Умирать, — закончил Олсон.

Взгляд Гаррати буквально прикипел к черному сгустку плоти, в который превратилось лицо Олсона.

— А? — Олсон со скрипом повернулся к нему и медленно поднял разваливающуюся голову. — Га. Га. Гаррати?

— Да, это я.

— Сколько времени?

Гаррати уже успел заново завести часы и установить их на истинное время. Одному Богу известно зачем.

— Без четверти девять.

— А? Всего? Не. Не позже? — По изможденному старческому лицу Олсона пробежало легкое удивление.

— Олсон... — Гаррати осторожно потряс Олсона за плечо, и все тело Олсона зашаталось, как подъемный кран при сильном порыве ветра. — В чем здесь дело? — Он вдруг хихикнул, как ненормальный. — В чем здесь дело, Олфи?

Олсон намеренно пристально взглянул на Гаррати.

— Гаррати, — прошептал он. Изо рта у него воняло, как из канализационной трубы.

— Что?

— Сколько времени?

— Черт тебя побери! — заорал на него Гаррати и быстро оглянулся, но Стеббинс смотрел на асфальт. Если он и смеялся над Гаррати, то в темноте этого не было видно.

— Гаррати.

— Что? — уже спокойнее спросил Гаррати.

— Хрис. Христос спасет тебя.

Олсон снова поднял голову и свернул к обочине. Он направлялся к автофургону.

— Предупреждение! Предупреждение семидесятому!

Олсон не сбавлял шага. В его фигуре чувствовалось какое-то посмертное достоинство. Толпа умолкла. Зрители следили за происходящим во все глаза.

Олсон двигался уверенно. Он ступил на обочину. Положил обе руки на борт фургона. Неуклюже полез вверх.

— Олсон! — в изумлении закричал Абрахам. — Эй, это же Хэнк Олсон!

Четверо солдат совершенно синхронно направили на него дула карабинов. Олсон ухватился за ближайшее дуло и вы-

рвал ружье у солдата с легкостью, как будто доставал ложечку из стаканчика с мороженым. Оно полетело в толпу. Зрители бросились от него врассыпную, как будто им швырнули живую гадюку.

Одно из оставшихся трех ружей выстрелило. Гаррати ясно видел вспышку. Видел, как порвалась рубашка Олсона в том месте, где пуля вошла в его живот, и как этот кусочек металла вылетел из его спины.

Олсон не остановился. Он протянул руку к ружью, которое только что прострелило его, и направил его дуло в небо в ту самую секунду, как оно выстрелило во второй раз.

— Бей их! — дико завопил идущий впереди Макврайс. — Бей их, Олсон! Убивай их! Убивай их!

Два других карабина выстрелили в унисон. Две пули крупного калибра отбросили Олсона от фургона, и он рухнул навзничь, раскинув руки, как распятый на кресте человек. Один его бок почернел; пули вырвали оттуда кусок мяса. Еще три пули ударили в его тело. Солдат, которого Олсон разоружил, уже достал (без всякого труда) из глубины кузова новый карабин.

Олсон сел. Руки его были прижаты к животу, и он спокойно смотрел, как солдаты, стоящие в открытом кузове приземистого грузовичка, молча оценивают ситуацию. Солдаты тоже смотрели на него.

— Сволочи! — всхлипнул Макврайс. — Кровавые мерзавцы!

Олсон начал подниматься. Очередная серия пуль вновь уложила его.

За спиной Гаррати послышался какой-то звук. Гаррати не нужно было оборачиваться, чтобы понять: Стеббинс. Стеббинс тихо смеялся.

Олсон опять сел. Дула карабинов были по-прежнему направлены на него, но солдаты не стреляли. По их позам можно было подумать, что им любопытно понаблюдать.

Медленно, задумчиво Олсон поднялся на ноги. Руки его были прижаты к животу. Он, казалось, нюхал воздух, чтобы

определить направление движения. Затем он медленно повернулся в нужную сторону и заковылял вперед.

— Освободите его! — в шоке хрипло прокричал кто-то. — Ради Христа, освободите его!

Синие, похожие на связки сосисок внутренности Олсона медленно вываливались из живота между его пальцев. Теперь они болтались, как змейки, у него между ног. Олсон пытался затолкать их обратно (*затолкать обратно,* подумал Гаррати, ошеломленный и напуганный до предела). Он отшвырнул в сторону большой сгусток крови и желчи. Он опять шел вперед, только согнувшись. Лицо его было безмятежно.

— Боже мой, — пробормотал Абрахам, поворачиваясь к Гаррати; он зажимал рот обеими руками. Лицо его побелело, глаза выкатились, и в них светился сумасшедший ужас. — Господи, Рей, какой отвратительный кошмар, Господи Иисусе!

Абрахама вырвало. Блевотина текла по пальцам.

Итак, старина Аб потерял свое печенье, рассеянно подумал Гаррати. Дружище Аб, не получается следовать Совету Тринадцатому.

— Они выпустили ему кишки, — сказал Стеббинс за спиной Гаррати. — Да, вот именно. Причем сделали это намеренно. Чтобы отбить у остальных охоту ссориться с Караулом из Легкой бригады.

— Убирайся от меня, — прошипел Гаррати, — иначе я вышибу тебе мозги!

Стеббинс быстро отстал.

— Предупреждение! Предупреждение восемьдесят восьмому!

До него донесся негромкий смех Стеббинса.

Олсон упал на колени и уперся руками в асфальт. Голова его повисла.

Взревел карабин. Пуля ударилась об асфальт возле левой руки Олсона и отскочила. Медленно, неуклюже Олсон снова стал подниматься на ноги. Они играют с ним, подумал Гаррати. Им было чертовски скучно, вот они и затеяли игру с

Олсоном. И как вам Олсон, ребята? Хорошо вас Олсон развлекает?

Гаррати плакал. Он подбежал к Олсону, опустился возле него на колени, прижал его усталое, горящее в лихорадке лицо к груди. Зарылся, всхлипывая, в иссохшие, отвратительно пахнущие волосы Олсона.

— Предупреждение! Предупреждение сорок седьмому!

— Предупреждение! Предупреждение шестьдесят первому!

К нему приближался Макврайс. Снова Макврайс.

— Поднимайся, Рей, поднимайся же, ты ему не поможешь, ради Бога поднимайся!

— Это *нечестно!* — кричал Гаррати сквозь слезы. На его скуле осталось липкое вонючее пятно — кровь Олсона. — Это же нечестно!

— Я знаю. Идем. Идем.

Гаррати поднялся. Они с Макврайсом пошли спиной вперед, не сводя глаз со стоящего на коленях Олсона. Олсон поднялся на ноги. Встал на белую полосу на дороге. Воздел руки к небу. Толпа тихо ахнула.

— Я *НЕ ТАК* СДЕЛАЛ! — прокричал Олсон и рухнул на дорогу, недвижимый, мертвый.

Солдаты выпустили в него с фургона еще две пули, затем деловито убрали тело с дороги.

— Да, вот так.

Минут десять все шли молча. Гаррати испытывал странную радость от присутствия Макврайса.

— Я начинаю видеть кое-что во всем этом, Пит, — сказал он. — Тут есть порядок. Не все здесь бессмысленно.

— Да? Не стоит на это рассчитывать.

— Он говорил со мной, Пит. Он не был мертв, пока они не застрелили его, Пит. Он был живой. — Сейчас это обстоятельство представлялось ему самым важным в истории Олсона. И он повторил: — *Живой.*

— Думаю, это не имело никакого значения, — сказал Макврайс, утомленно вздыхая. — Он был всего лишь номером.

Пунктом в списке. Номер пятьдесят три. И это означает, что мы чуть ближе к завершению, ничего больше.

— Ты же на самом деле так не думаешь.

— Не надо мне объяснять, что я думаю, чего не думаю, — сердито сказал Маквpайс. — Оставим этот вопрос, хорошо?

— По-моему, до Олдтауна осталось миль тринадцать, — сказал Гаррати.

— Да начхать!

— Не знаешь, как там Скрамм?

— Я ему не доктор. Может, сам с ним понянчишься?

— Черт, да что тебя грызет?

Маквpайс громко рассмеялся:

— Мы с тобой здесь, мы здесь, и ты еще спрашиваешь, что меня *грызет*! Вопрос о подоходном налоге в будущем году, вот что меня грызет. Вопрос о ценах на зерно в Южной Дакоте, вот что меня грызет. Олсон, у него вывалились *кишки*, Гаррати, в самом конце он шел, а у него *кишки вываливались*, вот что меня грызет, вот что меня *грызет*... — Он замолчал, и Гаррати заметил, что он борется с позывами к рвоте. Потом Маквpайс резко произнес: — Скрамм плох.

— Правда?

— Колли Паркер потрогал его лоб и сказал, что он весь пылает. И он бредит. Говорит что-то о жене, о Финиксе, Флагстаффе, что-то бормочет об индейцах хопи, о фарфоровых куклах... Трудно понять.

— Он еще долго сможет продержаться?

— Да кто же знает? Он может всех нас пережить. Он сложен как бык, и он страшно старается. Боже, как я устал.

— А как Баркович?

— Начинает понимать кое-что. Он знает, что многие из нас были бы рады видеть, как он покупает билет и отправляется на ферму. Он настроился пережить меня, маленькое дерьмо. Не нравится, как я колю ему глаза. Да ни к чему, конечно, вся эта хренотень. — Маквpайс опять издал громкий смешок. Гаррати не нравился этот его смех. — Но он боится. С легкими у него получше, а вот ноги почти обессилели.

— У нас у всех так.

— Ну да. Впереди Олдтаун. Тринадцать миль?

— Правильно.

— Гаррати, можно, я тебе кое-что скажу?

— Конечно. Я унесу это с собой в могилу.

— Вероятно, так и будет.

Кто-то в первых рядах зрителей запустил хлопушку, и Гаррати с Макврайсом вздрогнули. Женщины закричали, дородный мужчина выругался; рот у него был набит попкорном.

— Знаешь, почему все это настолько ужасно? — сказал Макврайс. — Да потому, что все это просто банально. Понимаешь? Мы запродали себя, продали свои души за очень банальные вещи. Олсон, он был банален. Он был великолепен, да, но одно не исключает другого. Он был великолепен и банален. Великолепно ли, банально ли он умер, или то и другое вместе, но он умер, как жук под микроскопом.

— Ты не лучше Стеббинса, — печально проговорил Гаррати.

— Хорошо бы Присцилла убила меня, — сказал Макврайс. — По крайней мере это не было бы...

— Банально, — договорил за него Гаррати.

— Верно. Я думаю...

— Послушай, я хочу подремать, если получится. Не возражаешь?

— Нет. Извини. — Макврайс был обиженно сдержан.

— Ты меня извини, — сказал Гаррати. — Да не принимай ты близко к сердцу. Это же...

— Банально, — подхватил Макврайс, в третий раз рассмеялся тем же неприятным смехом и удалился. Гаррати пожалел — и уже не в первый раз, — что у него в ходе Долгой Прогулки появились друзья. От этого будет тяжелее. Уже сейчас ему от этого тяжело.

В желудке у него заурчало. Скоро придется опорожнить кишечник. Он мысленно сжал зубы. Зрители будут тыкать пальцами и ржать. Он нагадит посреди улицы, как дворняга,

а потом люди будут подбирать его дерьмо и раскладывать по бутылочкам на сувениры. Невозможно поверить, что люди могут так поступать, но Гаррати знал, что такое случается.

Олсон, его кишки.

Маквpайс, Присцилла, фабрика по пошиву пижам.

Скрамм, лихорадка.

Абрахам... Сколько стоит его высокая шелковая шляпа, господа?

Голова Гаррати упала на грудь. Он засыпал. Прогулка продолжалась.

По холмам, по долам, по равнинам и горам. По мостам, городам, бардакам. Он захихикал. Сознание мутилось. Ноги ступали по асфальту, и отрывающаяся подошва хлопала теперь сильнее, как покосившийся ставень в заброшенном доме.

Мыслю, следовательно, существую. Латынь, первый год обучения. Старый афоризм на мертвом языке. Тише-мыши-кот-на-крыше. Кто-привел-его-туда? Джекки-Флинни-тише.

Я существую, вот я.

Еще одна хлопушка разорвалась. Опять волна приветственных возгласов. Сквозь рычание мотора автофургона Гаррати услышал, как солдаты называют его номер и выносят предупреждение, и задремал крепче.

Папа, я не радовался, когда тебе пришлось уйти, но потом, когда тебя не стало, я не скучал по тебе по-настоящему. Прости. Но не поэтому я здесь. Нет у меня подсознательного стремления к смерти, извини, Стеббинс. Извини, конечно, но...

Опять выстрелы, они разбудили его, и опять возник знакомый мешок, в котором еще один из них отправился на встречу с Иисусом. Толпа вскрикнула от ужаса и одобрительно заревела.

— Гаррати! — завопила какая-то женщина. — Рей Гаррати! — Резкий, сорванный голос. — Мы с тобой, дружок! *Мы с тобой, Рей!*

Голос ее перекрыл шум толпы, головы зрителей стали поворачиваться, всем хотелось получше разглядеть Парня из

Мэна. Отдельные выкрики слились в нарастающий радостный рев.

Толпа снова начала скандировать. Гаррати слышал свою фамилию бесчисленное количество раз, и в конце концов она превратилась для него в набор ничего не значащих звуков, не имеющих к нему отношения.

Он помахал толпе и опять стал засыпать.

Глава 11

Вперед, засранцы! Что, вечно хотите жить?

Безымянный участник
Первой мировой войны,
старший сержант

В Олдтаун они вошли около полуночи. Процессия дважды свернула на боковые улицы, вышла на шоссе 2 и двинулась через центральную часть города.

Все, что видел Рей Гаррати в Олдтауне, казалось ему размытым и нереальным, как в ночном кошмаре. Гул приветствий разросся настолько, что как будто отнимал у человека всякую способность рационально мыслить. Благодаря причудливому оранжевому свету дуговых электрических фонарей ночь превратилась в сверкающий, лишенный тени день. В этом свете даже самое дружелюбное лицо выглядело так, словно оно принадлежало выходцу из склепа. Конфетти, клочки газет, обрывки страниц телефонных справочников, длинные ленты туалетной бумаги вылетали из окон вторых и третьих этажей и парили в воздухе. Точь-в-точь Нью-Йорк, торжественное чествование победителей первенства США по бейсболу среди любителей.

В Олдтауне не погиб никто. Когда в первом часу группа пошла по набережной Стиллуотера, оранжевых фонарей ста-

ло чуть меньше и толпы немного поредели. Начиналось третье мая. В нос ударил густой запах, исходящий от бумажной фабрики, сочный запах химикатов, жженой древесины, отходов и подступающего рака желудка. Конические горы стружки здесь были выше зданий в центре города. Штабеля дров высились до небес. Гаррати дремал, ему снилось облегчение, освобождение. Прошла вечность, и вдруг кто-то толкнул его локтем под ребро. Макврайс.

— Что такое?

— Заходим на трассу. — Макврайс был возбужден. — Есть слух. У них там на входе сучий военный караул. Будет салют из четырехсот стволов!

— Четыре сотни ушли в Долину Смерти, — пробормотал Гаррати, стирая с глаз сонную пелену. — Я сегодня много раз слышал салют из трех стволов. Мне неинтересно. Дай поспать.

— Не в том дело. После их салюта мы тоже дадим салют. Газовый залп сорока шести пар губ.

Гаррати слегка улыбнулся. Губы его одеревенели и не слушались. Но какая-то улыбка получилась.

— Так?

— Конечно. Точнее... сорока пар губ. Несколько человек сейчас далеко не в лучшей форме.

Гаррати на миг увидел Олсона, «Летучего голландца» в человеческом обличье.

— Хорошо, я участвую, — сказал он.

— Тогда подтягивайся к нам поближе.

Гаррати кивнул. Они с Макврайсом присоединились к Пирсону, Абрахаму, Скрамму и Бейкеру. Ребята в коже шли впереди, но уже ближе к пелетону.

— Баркович участвует? — спросил Гаррати.

Макврайс фыркнул:

— Он полагает, что это лучшая идея в мире, не считая платных туалетов.

Замерзший Гаррати напряг мышцы и издал невеселый смешок:

— Готов спорить, он фукнет сильнее любого из нас.

Они подходили к платной магистрали. С правой стороны Гаррати увидел высокую насыпь, а над ней — неверный свет еще нескольких дуговых ламп, на этот раз матово-белых. Впереди, может быть, в полумиле от группы, опустился наклонный скат, по которому им предстояло взойти на магистраль.

— Почти пришли, — сказал Маквайс.

— Кэти! — неожиданно завопил Скрамм, и Гаррати невольно ускорил шаг. — Кэти, я еще не сломался!

Он повернулся к Гаррати. Ни следа узнавания в пустых, воспаленных глазах. Щеки пылали, губы потрескались.

— Нехорошо ему, — сказал Бейкер извиняющимся тоном, словно он был причиной плачевного состояния Скрамма. — Мы его время от времени поили водой и лили воду на голову. Но его фляга почти пуста, и, если ему понадобится еще, он должен кричать сам. Правила есть правила.

— Скрамм, — сказал Гаррати.

— Кто здесь?

Глаза Скрамма бешено вращались.

— Я. Гаррати.

— А-а. Видел Кэти?

— Нет, — осторожно ответил Гаррати. — Я...

— Пришли, — сказал Маквайс.

Крики толпы снова зазвучали на полную мощность, и впереди показался из темноты призрачно-зеленый указатель: МАГИСТРАЛЬ 95 ОГАСТА — ПОРТЛЕНД — ПОРТСМУТ — ЮГ.

— Вот и мы, — прошептал Абрахам. — Дай нам Боже пройти еще сколько-то на юг.

Они входили на платную магистраль по наклонной плоскости, которая содрогалась у них под ногами. Они оказались в пятне света под первым рядом ламп. Дорога сделалась почти горизонтальной, и Гаррати почувствовал знакомый прилив возбуждения. Затем отлив.

Вдоль дороги зрителей теперь сменили солдаты. Они молча держали ружья «на караул». Форменные мундиры ярко сверкали при свете фонарей; солдаты Сопровождения, сидящие в пыльном фургоне, по сравнению с ними выглядели убого.

Идущие как будто бы вынырнули из глубины бурного моря криков и оказались на вольном воздухе. Им был теперь слышен только стук их шагов и затрудненное дыхание. Наклонный вход на магистраль казался бесконечным, Идущие шли и шли между рядами солдат в красных мундирах. Солдаты замерли, вскинув левую руку в приветствии.

Вдруг откуда-то из темноты грянул голос Главного, усиленный электрическим динамиком:

— Ружья *заря-жай!*

Щелкнули затворы.

— К салюту *приго-товьсь!*

Солдаты подняли винтовки, приставив приклады к плечу, образовав что-то вроде стальной изгороди поверх голов Идущих. Все инстинктивно вздрогнули — у них, как у собак Павлова, уже выработался условный рефлекс: взведенные курки означают смерть.

— *Пли!*

Четыре сотни винтовок выпалили в ночи — потрясающий, оглушительный звук.

— *Пли!*

Снова кислый, тяжелый от кордита* пороховой запах. В какой это книге кто-то стрелял из ружья над поверхностью воды, чтобы заставить всплыть тело утопленника**?

— Голова, — застонал Скрамм. — Бог мой, у меня голова болит.

— *Пли!*

В третий и последний раз грохнули ружья.

---

* Кордит — бездымный нитроглицериновый порох.

** Вероятно, Гаррати вспоминает «Приключения Гекльберри Финна» Марка Твена.

Маквpайс тут же повернулся на каблуках и зашагал спиной вперед. Лицо его покраснело от натуги, когда он закричал:

— Ружья *заря-жай!*

Сорок языков облизнули губы.

— К салюту *приго-товьсь!*

Гаррати набрал воздуха в легкие и задержал дыхание.

— *Пли!*

Жалкий вышел результат. Жалкий легкий шум в необозримой ночи, жалкий, жалкий вызов. Звук не повторился. Деревянные лица солдат караула не дрогнули, и тем не менее на них как будто бы отпечатался упрек.

— А, хрен с ними, — бросил Маквpайс, развернулся и пошел вперед, опустив голову.

Теперь дорога стала ровной. Идущие взошли на платную магистраль. Впереди мелькнул джип Главного, быстро удаляющийся в южном направлении, холодный флюоресцентный свет блеснул в стеклах черных очков, и у обочин вновь появились толпы зрителей, только теперь они находились дальше от Идущих, так как шоссе на этом участке состояло из четырех автомобильных полос, даже из пяти, если считать проходящую по центру дороги травяную полосу.

Гаррати поспешно свернул на эту центральную полосу и зашагал по подстриженной траве, чувствуя, как роса пропитывает его истертые туфли. Кто-то получил предупреждение. Ровная, однообразная дорога простиралась впереди: две широких бетонных полосы, зеленая трава между ними и поперечные полосы белого света ламп. Идущие отбрасывали длинные, резкие, четкие тени, как будто их освещала летняя луна.

Гаррати достал флягу, сделал большой глоток, завинтил крышку и снова задремал. До Огасты восемьдесят миль, быть может, восемьдесят четыре. Мокрая трава под ногами успокаивает...

Он споткнулся, едва не упал и мгновенно проснулся. Какому-то дураку взбрело в голову высадить на травяной поло-

се сосны. Гаррати знал, что это дерево — символ штата, но сосны посреди дороги — не слишком ли это? Да как же можно идти по траве, когда...

Нет, конечно, не надо идти по траве.

Гаррати вышел на левую полосу, по которой шло большинство ребят. Сзади на магистраль поднимались еще два автофургона, чтобы Взвод мог держать под контролем всех оставшихся в живых Идущих. Не следует идти по траве. Вот и опять над тобой подшутили, старик. Не смертельно, всего лишь очередное маленькое разочарование. Вполне банальное. Главное... не давать себе воли желать чего-нибудь, рассчитывать на что-то. Двери закрываются. Закрываются одна за другой.

— Они за ночь свалятся, — сказал он вслух. — Свалятся за ночь, как жуки со стенки.

— Я бы не стал на это рассчитывать, — произнес Колли Паркер. Судя по голосу, он тоже устал и раскис; наконец и его пробрало.

— А почему?

— Понимаешь, Гаррати, это все равно что просеивать крекеры через решето. Мелкие крошки провалятся быстро. Потом маленькие куски разломятся и тоже провалятся. Но большие крекеры... — Паркер улыбнулся, и его смоченные слюной зубы сверкнули в темноте. — *Целые* крекеры не искрошатся долго.

— Но все же... так долго идти...

— Я все еще хочу жить, — резко сказал Паркер. — И ты, Гаррати, и не вешай мне лапшу. Вы с этим твоим Макврайсом можете просто шагать вперед, и чихать вам на всю вселенную и друг на друга тоже, и все прочее — чепуха, самообман, просто он помогает убить время. Но не надо мне вешать лапшу. В итоге остается одно: ты все еще хочешь жить. Как и большинство остальных. Они будут умирать медленно. Постепенно. Я, может, и получу билет, но пока еще чувствую себя способным дойти до Нового Орлеана и не упасть на колени перед этими мокрососами в машине.

— Правда? — Гаррати почувствовал, как его накрывает волна отчаяния. — Правда?

— Да, правда. Успокойся, Гаррати. Нам все равно еще долго идти. — И он широкими шагами направился вперед, к двум парням в кожаных куртках, Майку и Джо, возглавляющим группу. Голова Гаррати упала на грудь, и он опять задремал.

Разум медленно уплывал от тела, превращаясь в огромную слепую видеокамеру, наполненную мотками непроявленной пленки, запечатлевшей кого угодно и что угодно, камера прокручивала ее беспорядочно, безболезненно, беспрепятственно. Он думал о том, как его гигант отец в зеленых резиновых сапогах выходил из дому. Думал о Джимми Оуэнсе, он ударил Джимми Оуэнса дулом духового ружья, ну да, ему хотелось ударить его, потому что это Джимми предложил, чтобы они оба разделись, это Джимми предложил, чтобы они потрогали друг друга, это Джимми предложил. Дуло сверкнуло, описало в воздухе дугу, *нарочно* описало эту дугу, кровь брызнула («О прости Джим Боже Джим тебе нужен бинт»), растеклась по подбородку Джимми, и он повел Джимми домой... Джимми кричал... кричал.

Гаррати поднял голову в недоумении; несмотря на ночной холодок, его прошиб пот. Впереди кто-то кричал. Карабины были направлены на невысокую, почти солидную фигуру. Похожую на Барковича. Выстрелы прозвучали одновременно, и вскоре невысокую, почти солидную фигуру отволокли прочь, как тюк с бельем. Прыщавое лунообразное лицо не было лицом Барковича. Гаррати это лицо показалось довольным, умиротворенным.

Оказалось, что он раздумывает над вопросом: не лучше ли все-таки сбежать отсюда в смерть? Он легкомысленно отмахнулся от этой мысли. Но разве же это не истина? Безжалостная мысль. К концу ноги будут болеть вдвое, а то и втрое сильнее, а ведь боль уже сейчас представляется непереносимой. А хуже всего даже не боль. Смерть, извечная смерть и запах падали, бьющий в нос. И крики толпы — неизменный фон размышлений. Этот звук убаюкивает. Он стал провали-

ваться в дремоту, и на этот раз к нему пришел образ Джен. Поначалу он ничего не помнил о ней. Пришла смутная мысль: в каком-то смысле полудрема лучше сна. Воображаешь, что боль в ступнях и бедрах относится к кому-то другому, с кем ты связан лишь очень слабо, а мыслями можно управлять почти без усилия. Так что ты можешь заставить их работать на тебя.

Он медленно восстановил перед мысленным взором ее образ. Маленькие ступни. Крепкие, но такие женственные ноги — худые икры, плавно переходящие в широкие деревенские бедра. Тонкая талия, крупные, исполненные гордости груди. Умные, мягкие черты лица. Длинные светлые волосы. Волосы шлюхи, почему-то подумалось ему. Однажды он так ей и сказал, что у нее волосы шлюхи, — у него просто вырвалось, и он думал, что она рассердится, но она даже не ответила. Ему показалось, что втайне она польщена...

На этот раз он был вынужден проснуться из-за непроизвольного, неумолимого сокращения кишечника. Он продолжал идти сжав зубы, и в конце концов это ощущение прошло. Светящийся циферблат его часов сообщил ему, что время приближалось к часу ночи.

Господи Боже, не заставляй меня спускать штаны на глазах у этих людей. Прошу Тебя, Боже. Я отдам Тебе половину выигрыша, если победа будет за мной, только пошли мне запор. Прошу Тебя. Прошу Тебя. Прошу...

Кишки его снова сильно, болезненно сжались, вероятно, доказывая тот факт, что Гаррати был пока в основном здоров, несмотря на перегрузки организма. Он заставил себя идти, пока не вышел из круга безжалостно яркого света. Только тогда он поспешно расстегнул пояс, чуть помедлил, приспустил брюки так, чтобы они все же прикрывали гениталии, и присел. Колени отозвались взрывом боли. Мышцы икр и бедер заявили отчаянный протест, когда их положение так резко переменилось.

— Предупреждение! Предупреждение сорок седьмому!

— Джон! Эй, Джонни, глянь-ка туда, вон на того бедного придурка!

Они показывали на него пальцами, и он не то видел, не то воображал, что видит в темноте их пальцы. Внезапно засверкали вспышки, и Гаррати со стоном отвернулся. Ничего не может быть хуже. Ничего.

Он чуть не опрокинулся навзничь, но сумел опереться о землю рукой.

Девичий визг:

— *Вижу!* Вижу его *штуку!*

Бейкер прошел мимо, не взглянув на него.

Был один жуткий момент, когда ему показалось, что его поступок напрасен, что тревога ложная, — но тут же выяснилось, что все правильно. Ему удалось справиться. Потом, хрипя и задыхаясь, он выпрямился и захромал вперед почти бегом, застегивая на ходу штаны, а часть его осталась сзади, от нее в темноте поднимался пар, на который жадно смотрели люди, может быть, тысяча человек: в бутылочку! Поставим на камин! Дерьмо человека, отдавшего жизнь дороге! *Знаешь, Бетти, я тебе, кажется, говорил, у нас было кое-что примечательное... Там, в игровой, над стереоколонками. Через двадцать минут его застрелили...*

Он догнал Макврайса и пошел рядом с ним, опустив голову.

— Приспичило? — спросил его Макврайс; в его голосе слышалось несомненное восхищение.

— Здорово приспичило, — отозвался Гаррати и испустил неуверенный вздох облегчения. — Знаешь, я кое-что забыл.

— Что именно?

— Туалетную бумагу дома оставил.

Макврайс крякнул:

— Как говорила моя бабушка, если у тебя нет головы на плечах, надо раздвигать задницу пошире.

Гаррати звонко, от души расхохотался, и в его смехе звучали истерические нотки. Он чувствовал себя легче, свобод-

нее. Неизвестно, как обернется его судьба, но *этого* ему уже делать не придется.

— Значит, ты справился, — сказал Бейкер, оказавшийся с ними рядом.

— Господи, — воскликнул удивленный Гаррати, — да почему бы вам всем попросту со мной не попрощаться?

— Ничего смешного, когда вся эта публика на тебя таращится, — серьезно ответил Бейкер. — Знаете, я только что услышал кое-что. Не знаю, верить или нет. Не знаю даже, хочу ли я верить.

— Что такое? — спросил Гаррати.

— Джо и Майк! Пацаны в кожаных куртках, про которых все говорили, что они любовники! Они оба индейцы из племени хопи. Похоже, Скрамм пытался нам об этом сказать, а мы его не поняли. Но... послушайте... Говорят, они братья.

У Гаррати отвисла челюсть.

— Я прошел вперед и как следует присмотрелся к ним, — продолжал Бейкер. — И черт меня побери, если они не похожи, как братья.

— Это извращение! — сердито выкрикнул Маквайс. — А как ты думаешь? Их родных увел Взвод, только тогда им бы позволили такое!

— Ты когда-нибудь общался с индейцами? — тихо спросил Бейкер.

— Только из племени пассайков, — бросил Маквайс. Судя по всему, он все еще сердился.

— Здесь, как раз за границей штата, есть резервация семинолов, — сказал Бейкер. — Они необыкновенные люди. У них нет такого понятия «ответственность», как у нас. Они гордые. И бедные. Думаю, что хопи смотрят на мир примерно так же, как семинолы. Они умеют умирать.

— Тем не менее это неправильно, — упорствовал Маквайс.

— Они из Нью-Мексико, — возразил Бейкер.

— Это же как аборт, — рявкнул Маквайс, и Гаррати захотелось с ним согласиться.

Разговоры в группе начинались и быстро затихали — отчасти из-за рева толпы, а главным образом, решил Гаррати, из-за монотонности пути. Подъемы долгие, пологие, эти холмы даже холмами не назовешь. Идущие дремали, пыхтели, вроде бы затягивали потуже пояса и отдавались во власть темного, непостижимого пространства, разворачивающегося перед ними. Небольшие группки разделились, и по дороге теперь двигались тройки, пары, одинокие островки.

Толпа не ведала усталости. Все непрерывно кричали, и голоса сливались в один хриплый рев, размахивали плакатами, хотя прочитать надписи в темноте было невозможно. Имя Гаррати повторялось с удручающим постоянством, а группы прибывших из других штатов выкрикивали фамилии Барковича, Пирсона, Уаймена. Другие имена проносились мимо и исчезали со скоростью ряби на телеэкране.

Над головами людей взлетали шутихи и рассыпались снопами искр. Кто-то выпустил в холодное небо сигнальную ракету, и зрители с криками шарахнулись в стороны. Ракета прочертила в небе яркую пурпурную дугу и с шипением приземлилась на гравий возле обочины. То один, то другой зритель обращал на себя всеобщее внимание. Один мужчина перемежал приветствия в адрес Гаррати с призывами поддержать его, зрителя, кандидатуру на выборах во втором округе; женщина прижимала к обширной груди небольшую клетку, в которой сидела крупная ворона; несколько молодых людей в майках с эмблемой Нью-Хэмпширского университета составили пирамиду; беззубый человек со впалыми щеками, одетый в костюм Дяди Сэма, держал в руках плакат с надписью: МЫ ОТДАЛИ ПАНАМСКИЙ КАНАЛ КОММУНИСТИЧЕСКИМ НИГГЕРАМ*. Но в целом толпа была такой же однообразной и скучной, как и сама дорога.

Гаррати дремал урывками, и в его голове милые образы сменялись кошмарными. В одном из сновидений низкий

* Согласно действующим договоренностям, суверенитет США над Панамским каналом действует до 1 января 2000 года.

гулкий голос спрашивал его снова и снова: Ты *приобрел опыт?* Ты *приобрел опыт?* Ты *приобрел опыт?* Гаррати не мог определить, принадлежал этот голос Стеббинсу или же Главному.

Глава 12

Я шел по дороге, и рухнул я в грязь.
Я палец поранил, и кровь полилась.
Все еще здесь?

Детская считалка

Каким-то образом Рей Гаррати дожил до девяти часов утра. Он достал флягу, прогнулся, насколько мог, и окатил себя водой. Потеплело пока лишь настолько, что при дыхании пар не шел изо рта, поэтому вода оставалась ледяной и частично смыла непроходящую сонливость.

Он оглядел своих товарищей по Прогулке. Черная, как и шевелюра, щетина на щеках Маквайса отросла настолько, что ее уже можно было назвать бородой. Колли Паркер заметно осунулся, но держался бодрее, чем прежде. Бейкер казался эфирной тенью. Лицо Скрамма уже не так пылало, зато он постоянно кашлял. Его глубокий, чрезвычайно громкий кашель напомнил Гаррати о том, как сам он в пять лет болел воспалением легких.

Ночь запомнилась сонной чередой названий на висящих над дорогой указателях. Визи. Бангор. Хермон. Хэмпден. Уинтерпорт. За ночь солдаты убили всего двоих, и Гаррати начинал думать, что Паркер был прав, когда сравнивал Идущих с крекерами.

Начинался новый солнечный день. На дороге образовались новые группы. Идущие отпускали шутки насчет бород, но не насчет ног... только не насчет ног. Ночью Гаррати чувствовал, как лопаются пузыри на правой пятке, но толстый носок от-

части защищал открытую рану. Они только что прошли мимо указателя, гласившего: ОГАСТА 48. ПОРТЛЕНД 117.

— Дальше, чем ты говорил, — с упреком сказал ему Пирсон. Пирсон выглядел ужасно изможденным; волосы его безжизненно болтались у щек.

— Я тебе не ходячая карта, — ответил Гаррати.

— Все равно... Это твой штат.

— Дурак.

— Да, наверное. — В усталом голосе Пирсона не было злости. — Послушай, я бы не пошел снова даже через сто тысяч лет.

— До этого еще надо дожить.

— Да. — Голос Пирсона упал. — Про себя я уже все решил. Если я так устану, что не смогу идти дальше, я побегу вбок и смешаюсь с толпой. Они не решатся стрелять. Может, смогу убежать.

— Это все равно что на стенку наткнуться, — возразил Гаррати. — Люди вытолкнут тебя обратно на дорогу, чтобы посмотреть на твою кровь. Ты что, не помнишь Перси?

— Перси действовал не думая. Просто пытался уйти в лес. Ну да, из Перси они вышибли мозги. — Пирсон с любопытством посмотрел на Гаррати. — А ты устал, Рей?

— Хрен тебе, нет. — Гаррати шутливо взмахнул руками, как крыльями. — Я парю над землей, разве не видно?

— Мне неважно, — признался Пирсон и облизал губы. — Даже соображаю нормально с трудом. А в ноги как будто воткнули по гарпуну.

За их спинами появился Маквpайс.

— Скрамм умирает, — мрачно сказал он.

Гаррати и Пирсон одновременно хмыкнули.

— Воспаление легких, — добавил Маквpайс.

Гаррати кивнул:

— Этого я и боялся.

— Хрипы в легких слышны за пять футов, как будто в них Гольфстрим течет. Если сегодня опять будет жарко, он просто сгорит.

— Бедный наш бык, — сказал Пирсон с неосознанным, но явным облегчением. — Мне казалось, он может продержаться дольше всех. И он женат. Что делать его жене?

— А что она *может* сделать? — отозвался Гаррати.

Они шли на некотором расстоянии от толпы зрителей, уже не замечая тянущихся к ним рук; легко научиться соблюдать дистанцию после того, как тебя раз-другой коснутся чьи-нибудь пальцы. Маленький мальчик ныл, что хочет домой.

— Я поговорил со всеми, — сказал Маквайс. — Ну, почти со всеми. Я считаю, победитель должен будет что-то для нее сделать.

— Например? — спросил Гаррати.

— Об этом победитель договорится с женой Скрамма. А если он окажется сволочью и не исполнит долга, мы все вернемся и не дадим ему покоя.

— Согласен, — сказал Пирсон. — А что мы теряем?

— Рей?

— Да. Конечно. Ты говорил с Гэри Барковичем?

— С этой гнидой? Да он родной матери искусственное дыхание не сделает, если она захлебнется.

— Я с ним поговорю, — заявил Гаррати.

— Ничего не получится.

— Все равно. Я иду к нему.

— Рей, поговорил бы ты еще со Стеббинсом. По-моему, он только с тобой и разговаривает.

Гаррати фыркнул:

— Заранее знаю, что он мне скажет.

— Он скажет — нет?

— Он скажет — зачем. А я не найду ответа.

— Тогда ну его.

— Нельзя. — Гаррати уже взял курс на щуплую, оседающую фигурку Барковича. — Он единственный, кто до сих пор верит в свою победу.

Баркович дремал. Глаза его были полузакрыты. Легкий пушок, покрывавший оливковые щеки, делал его похожим на очень старого плюшевого мишку, с которым плохо обраща-

ется хозяин. Свою желтую шляпу он или потерял, или выбросил.

— Баркович!

Баркович резко проснулся:

— Что такое? Кто здесь? Гаррати?

— Да. Послушай, Скрамм умирает.

— Кто? Ах да. Тот безмозглый. Тем лучше для него.

— У него воспаление легких. Может быть, он до полудня не продержится.

Баркович медленно повернул голову, и его коричневые блестящие пуговичные глазки глянули на Гаррати. Да, в это утро он был поразительно похож на изодранного игрушечного медвежонка.

— Дай-ка посмотреть на твое серьезное лицо, Гаррати. Тебе-то что за дело?

— Он женат — на случай, если ты не знал.

Баркович раскрыл глаза так, что они, казалось, могут выпасть из глазниц.

— Женат? ЖЕНАТ? ТЫ МНЕ ГОВОРИШЬ, ЧТО ЭТОТ ТУПОГОЛОВЫЙ...

— Заткнись, сука! Он услышит!

— Чихал я на него с высо-окой колокольни! Он ненормальный! — Баркович яростно посмотрел на Скрамма. — *ТЫ СООБРАЖАЛ, ЧТО ДЕЛАЕШЬ, ТУПИЦА, В БИРЮЛЬКИ ТЫ ИГРАЛ, ЧТО ЛИ?* — орал он во всю мощь своих легких. Скрамм посмотрел на Барковича мутными глазами, потом неохотно поднял руку и помахал. Он явно принял Барковича за зрителя. Абрахам, идущий рядом со Скраммом, показал Барковичу средний палец. Баркович ответил ему тем же жестом, вновь повернулся к Гаррати и неожиданно улыбнулся.

— О Господи, — сказал он. — Да у тебя, Гаррати, все на лице написано. Ты собираешь милостыню для женушки умирающего, я угадал? Очень мило с твоей стороны.

— Так на тебя не рассчитывать? — жестко спросил Гаррати. — Что ж, ладно.

Он пошел прочь.

Уголки рта Барковича дрогнули. Он удержал Гаррати за рукав:

— Погоди, погоди. Я, кажется, не сказал «нет»? Ты слышал, как я сказал «нет»?

— Нет...

— Правильно, потому что я не говорил. — На лице Барковича опять появилась улыбка, но на этот раз в ней сквозило отчаяние. И в ней не было ничего сволочного. — Послушай, я с вами повел себя не так, как надо. Я не хотел. Черт, если бы ты меня узнал, ты бы понял, что я неплохой парень, которого просто вечно заносит. Дома за мной тоже не ходили толпами друзья. Я имею в виду школу. Честное слово, не знаю почему. Я неплохой парень, такой же, как и все, но меня вечно заносит. В такой Прогулке нужно иметь пару друзей. В одиночестве нет ничего хорошего, ты согласен? *Боже мой,* Гаррати, ты же сам знаешь. Этот Рэнк. Гаррати, он первый начал. Он хотел поджарить мне задницу. Мне все хотят поджарить задницу. В школе я вел список парней, которым хотелось поджарить мне задницу. Этот Рэнк. Я не хотел его убивать, у меня такого и в мыслях не было. То есть это не моя вина. Вы, ребята, видели только самый конец, вы не видели... как он жарил мне задницу... — Баркович умолк.

— Да, наверное, так, — согласился Гаррати, чувствуя себя лицемером. Баркович может переписывать историю для себя лично, но сам Гаррати слишком ясно помнил эпизод с Рэнком. — Ладно, так что же ты решил? Продолжаем разговор?

— Конечно, конечно. — Баркович судорожно вцепился в рукав Гаррати и тянул его на себя, как шнур аварийного выхода в автобусе. — Я позабочусь, чтобы она как сыр в масле каталась до конца своих дней. Я только хотел тебе сказать... чтобы ты знал... Человеку нужны друзья... много друзей, понимаешь? Если приходится умирать, кому же приятно умирать среди тех, кто тебя ненавидит? Вот так я думаю. Я... я...

— Да, конечно. — Гаррати начал трусливо замедлять шаг, чтобы отстать от Барковича; он по-прежнему ненавидел

Барковича, но в то же время испытывал к нему какую-то жалость. — Большое спасибо.

Его пугало проявление чего-то человеческого в Барковиче. Почему-то это его пугало. Он не знал почему.

Он чересчур замедлил шаг, получил предупреждение и в течение десяти минут медленно отставал, чтобы оказаться рядом с бредущим в арьергарде Стеббинсом.

— Рей Гаррати, — сказал Стеббинс. — Поздравляю с третьим мая, Гаррати.

Гаррати осторожно кивнул:

— Взаимно.

— Вот, пересчитывал пальцы на ногах, — светским тоном сообщил Стеббинс. — Замечательные они друзья, потому что всегда вместе. А ты о чем думаешь?

Гаррати во второй раз изложил ситуацию со Скраммом и его женой, а тем временем еще один получил свой билет (на его потертой джинсовой куртке было вышито: АНГЕЛ АДА НА КОЛЕСАХ), и из-за этого речь Гаррати сразу показалась тривиальной и бессмысленной. Закончив говорить, он стал напряженно ждать. Как станет анализировать эту идею Стеббинс?

— Почему бы и нет, — дружелюбно сказал Стеббинс, взглянул на Гаррати и улыбнулся. Гаррати заметил, что усталость оставляет свои следы даже на Стеббинсе.

— Говоришь так, как будто ничего не теряешь, — заметил он.

— Верно, — весело согласился Стеббинс. — Да на самом деле нам всем нечего терять. Поэтому и отдавать легче.

Гаррати мрачно посмотрел на Стеббинса. Очень уж много правды в его словах. Грош цена их благородству в отношении Скрамма.

— Гаррати, старик, пойми меня правильно. Я, может быть, немного циник, но я не злой. Если бы, сдержав обещание, я мог заставить Скрамма сойти быстрее, я бы так и сделал. Но я не могу. Гаррати, я не знаю наверняка, но не сомневаюсь, что в каждой Долгой Прогулке находится такая же овечка,

как Скрамм, и ребята делают в отношении ее подобный жест, и я готов спорить, что происходит это именно на этом этапе Прогулки, когда начинают уплывать старая реальность и старые понятия о бренности. В старое время, до Перемен и до Взводов, когда еще были миллионеры, так вот, в старое время миллионеры основывали благотворительные фонды, строили библиотеки и делали тому подобную благостную ерунду. Всякому охота защититься от идеи бренности. Кто-то обманывает себя тем, что будто бы остается жить в детях. А эти сбившиеся с пути пацаны, — Стеббинс обвел жестом костлявой руки всех участников Прогулки и засмеялся, но Гаррати услышал в его голосе грусть, — не смогут иметь даже внебрачных детей. — Он подмигнул Гаррати. — Я тебя шокирую?

— Меня... Наверное, нет.

— В этой разношерстной шайке выделяешься только ты, Гаррати, и твой друг Маквpайс. Не понимаю, как вы оба здесь оказались. Но готов спорить, что причины лежат глубже, чем вы думаете. Вчера, по-моему, ты принял меня всерьез? Насчет Олсона?

— Вроде бы так, — медленно проговорил Гаррати.

Стеббинс радостно рассмеялся:

— А ты легковерен, Рей. У Олсона не было тайн.

— Вчера я не думал, что ты меня разыгрываешь.

— О, что ты. Именно этим я и занимался.

Гаррати напряженно улыбнулся:

— Знаешь, что я подумал? Я подумал, что вчера у тебя было озарение, а теперь ты хочешь это скрыть. Возможно, это озарение тебя напугало.

Взгляд Стеббинса помрачнел.

— Думай как хочешь, Гаррати. Это твои похороны. А что, если ты сейчас исчезнешь? Обещание ты получил.

— Может, ты хочешь избежать озарений. Наверное, это твои проблемы. Тебе хочется думать, что тебя надули. Но не исключено, что с тобой играли по-честному.

— Уходи.

— Давай, признай это.

— Ничего я не признаю, кроме твоей полной глупости. Иди вперед и говори себе, что с тобой играют по-честному. — Щеки Стеббинса чуть порозовели. — Любая игра кажется честной, когда всех участников надули в самом начале.

— Ты весь взмок, — сказал Гаррати, но в его голосе уже не чувствовалось уверенности. Стеббинс коротко улыбнулся и опустил взгляд на дорогу.

Спуск закончился, и тут же начался долгий подъем. Гаррати чувствовал, как на коже выступил пот, когда он ускорил шаг, стараясь догнать Макврайса, Пирсона, Абрахама, Бейкера и Скрамма, которые собрались в плотную группу — точнее, собрались вокруг Скрамма. Они теперь были похожи на обеспокоенных секундантов, обступивших потрясенного сильным ударом боксера.

— Как он? — спросил Гаррати.

— Почему спрашиваешь их? — сердито спросил Скрамм. Его голос, прежде хриплый, теперь упал до шепота. Лихорадка прекратилась, лицо сделалось бледным и восковым.

— Хорошо, спрашиваю тебя.

— А-а, не так плохо, — сказал Скрамм и закашлялся. Его булькающий, дребезжащий кашель как будто доносился из-под воды. — Я не так уж плох. Ребята, то, что вы делаете для Кэти, здорово. Мужчина, конечно, сам должен о своих заботиться, но мне, как видно, не до гордости. При том, что сейчас со мной происходит.

— Не разговаривай много, — посоветовал ему Пирсон, — а то выдохнешься.

— Да какая разница? Сейчас или потом — какая разница? — Скрамм стеклянными глазами оглядел товарищей, потом медленно покачал головой: — Ну почему я должен был заболеть? Я хорошо шел, честное слово. Фаворит тотализатора. Мне нравится идти, даже когда я устал. Смотреть на людей, воздух вдыхать... Почему? Неужели Бог? Это Бог так со мной обошелся?

Гаррати вновь почувствовал приятное возбуждение от предчувствия чужой смерти и содрогнулся. Тут же он попытался стряхнуть это чувство. Так нечестно. Нечестно, когда умирает друг.

— Сколько времени? — неожиданно спросил Скрамм, и Гаррати с суеверным страхом вспомнил Олсона.

— Десять минут одиннадцатого, — ответил Бейкер.

— Прошли миль двести, — добавил Маквайс.

— У меня ноги не устали, — сообщил Скрамм. — А это все-таки кое-что.

С обочины донесся крик маленького мальчика. Его голос за счет пронзительности перекрывал гул толпы.

— Эй, ма! Посмотри на большого! Посмотри на оленя, ма! Ма! Смотри!

Взгляд Гаррати скользнул по толпе и остановился на мальчике, стоящем в первом ряду. На нем была майка с нарисованным на ней Рэнди-роботом. В руке он держал недоеденный сандвич с джемом. Скрамм помахал ему.

— Дети прелесть, — сказал он. — Точно. Надеюсь, у Кэти будет мальчик. Мы оба хотели мальчика. Если девочка — тоже хорошо, но вы, ребята, понимаете... Мальчик... У него будет твоя фамилия, и он передаст ее дальше. Скрамм, конечно, не Бог весть какая фамилия. — Он рассмеялся, а Гаррати вспомнились слова Стеббинса о способах защиты от бренности.

К их группе присоединился розовощекий парень и сообщил новость. У Майка, возможно, брата Джо, одного из ребят в коже, внезапно схватило живот.

Скрамм провел ладонью по лбу и зашелся в бешеном приступе кашля, с которым, однако, быстро справился.

— Эти ребята из наших лесных краев, — сказал он. — Мы могли бы приехать вместе, если б я знал. Они индейцы хопи.

— Да, — сказал Пирсон. — Ты нам говорил.

— Разве? — удивился Скрамм. — Да не важно. Похоже, я отправлюсь в путь не один. Интересно...

На лице его появилось выражение решимости. Он ускорил шаг, потом снова слегка сбросил скорость и повернулся

лицом к друзьям. Сейчас он был спокоен, умиротворен. Гаррати, сам того не желая, завороженно смотрел на него.

— Думаю, ребята, больше я вас не увижу. — В голосе Скрамма звучало чувство достоинства — и ничего больше. — Прощайте.

Макврайс ответил первым.

— Прощай, брат, — хрипло сказал он. — Счастливого пути.

— Ну, удачи тебе, — сказал Пирсон и отвернулся.

Абрахам побледнел. Он хотел что-то сказать и не смог. Тогда он отвернулся, жуя губами.

— Не огорчайся, — сказал Бейкер. На его лице застыло торжественное выражение.

— Прощай, — проговорил Гаррати, с трудом разжимая застывшие губы. — Прощай, Скрамм, счастливого тебе пути, хорошего отдыха.

— Хорошего отдыха? — Скрамм слегка улыбнулся. — Может, настоящая Прогулка еще впереди.

Он прибавил шагу и вскоре нагнал Майка и Джо, индейцев с бесстрастными лицами, одетых в рваные кожаные куртки. Майк не позволял кишечнику задерживать себя. Он шел вперед с постоянной скоростью, прижав обе руки к животу.

Скрамм заговорил с ними.

Все наблюдали. Казалось, эти трое совещались очень долго.

— Черт, что они там задумали? — испуганно прошептал Пирсон, ни к кому не обращаясь.

Наконец совещание закончилось. Майк и Джо держались чуть позади Скрамма. Хотя шли они довольно далеко от основной группы, Гаррати слышал надсадный кашель Скрамма. Солдаты очень внимательно следили за троицей. Джо положил руку на плечо брата и с силой сжал его. Они переглянулись. Гаррати не смог прочитать каких-либо чувств на их бронзовых лицах. Затем Майк чуть ускорил шаг и поравнялся со Скраммом.

Секунду спустя Скрамм и Майк повернулись на каблуках и зашагали в сторону зрителей. Люди, чувствуя напряжен-

ность предсмертной минуты, вскрикнули и подались назад, словно боясь подхватить заразу.

Гаррати взглянул на Пирсона и увидел, что тот сжал губы.

Скрамм и Майк получили предупреждения. Дойдя до заграждения у обочины, они повернулись лицом к приближающемуся фургону. Два средних пальца одновременно указали вверх.

— Я трахал твою мамочку. Мне понравилось! — прокричал Скрамм.

Майк что-то произнес на своем языке.

Идущие испустили одобрительный крик, и Гаррати почувствовал, как у него наворачиваются слезы. Толпа молчала. Поблизости от Майка и Скрамма никого не было. Они получили по второму предупреждению, после чего сели рядом на землю и стали тихо беседовать. До чего странно, подумал Гаррати, проходя мимо, ведь похоже, что Скрамм и Майк говорят на разных языках.

Он не оглянулся. И никто не оглянулся, даже тогда, когда все было кончено.

— Пусть тот, кто выиграет, сдержит слово, — неожиданно сказал Макврайс. — Так будет лучше.

Никто не ответил.

Глава 13

Джонни Гринблам, сойди вниз!

Джонни Олсен
«Правильна новая цена»

Два часа дня.

— Мошенничаешь, гад! — закричал Абрахам.

— Я не мошенничаю, — спокойно сказал Бейкер. — Ты мне должен доллар сорок, петушок.

— Я с шулерами не играю.

Абрахам зажал в кулаке десятицентовую монету.

— А я обычно не играю в орлянку с теми, кто меня называет шулером, — мрачно заявил Бейкер и тут же улыбнулся. — Но для тебя, Аб, я сделаю исключение. Ты знаешь столько способов выигрывать, что я просто не могу удержаться.

— Заткнись и бросай, — сказал Абрахам.

— О, умоляю тебя, не говори со мной таким тоном, — униженно запричитал Бейкер. — Я могу упасть замертво!

Гаррати рассмеялся. Абрахам подбросил монету, поймал ее на ладонь и прижал к левому запястью.

— Ты мне подходишь.

— О'кей.

Бейкер подбросил монету выше, более ловко поймал ее и как будто перевернул на ладони. Гаррати был в этом уверен.

— Ты показываешь первым, — объявил Бейкер.

— Не-а. Я в прошлый раз показывал первым.

— Ну, Аб, я показывал первым три раза подряд до того. Может быть, мошенничаешь как раз ты.

Абрахам что-то пробурчал, подумал и открыл свою монету. Реверс: река Потомак в обрамлении лавровых листьев.

Бейкер приподнял ладонь, посмотрел на монету и улыбнулся. Его монета тоже легла реверсом вверх.

— Ты мне должен доллар пятьдесят.

— Бог ты мой, ты, выходит, решил, что я туп! — взвыл Абрахам. — Ты решил, что я идиот, так? Признавайся! Решил обвести деревенского увальня вокруг пальца?

Бейкер как будто задумался.

— Говори, говори! — рычал Абрахам. — Я тебя слушаю!

— Ну, раз уж ты спрашиваешь, — начал Бейкер, — вопрос о том, деревенский ли ты увалень, мне в голову не приходил. То, что ты дебил, давно установлено. Что до того, чтобы обвести тебя вокруг пальца... — он положил руку на плечо Абрахама, — так это, друг мой, как пить дать.

— Играем на все, — хитро прищурясь, предложил Абрахам. — Ва-банк. И первым показываешь ты.

Бейкер обдумал предложение и посмотрел на Гаррати:

— Рей, что думаешь?

— О чем думаю? — Гаррати потерял нить разговора. В его левой ноге определенно возникло новое ощущение.

— Ты бы сыграл ва-банк с этим типом?

— Почему бы и нет? По крайней мере у него не хватит ума обдурить *тебя*.

— Я думал, ты мне друг, Гаррати, — холодно произнес Абрахам.

— Согласен, доллар пятьдесят, ва-банк, — сказал Бейкер, и тут левую ногу Гаррати пронзила такая боль, что по сравнению с ней вся боль последних тридцати часов показалась детским лепетом.

— *Нога, моя нога, моя нога!*— закричал он, не в силах удержаться.

— О Боже, Гаррати, — сказал Бейкер с легким удивлением, не более того, и они прошли мимо. Гаррати казалось, что все проходят мимо него, а он застыл на месте, потому что левую ногу сдавили смертоносные мраморные тиски, а товарищи проходили мимо, оставляя его позади.

— Предупреждение! Предупреждение сорок седьмому! Не паниковать. Паника означает неминуемый конец.

Он сел на асфальт, вытянув перед собой негнущуюся, как бревно, ногу, и принялся массировать крупные мышцы. Он пытался разогреть их. Все равно что пытаться массировать слоновую кость.

— Гаррати? — Это Макврайс. В его голосе испуг... Конечно же, это только так кажется? — Что такое? Судороги?

— Да, наверное. Иди. Все будет нормально.

Время. Для него время ускорило ход, а все остальные как будто едва ползут. Медленно шагает Макврайс, поднимает ногу, показывая подошву, опускает ее, поднимает другую; сверкают стершиеся шляпки гвоздей, видна потрескавшаяся, тонкая как шелк кожа. Медленно прошел мимо чуть ухмыляющийся Баркович. В напряженном молчании зрители отодвигались подальше от того места, где сидел Гаррати. Тол-

па двигалась большими волнами. Второе предупреждение, подумал Гаррати, сейчас будет второе, давай же, нога, давай, сволочь. Я не хочу получать билет, не хочу, иди же, дай мне еще пожить.

— Предупреждение! Второе предупреждение сорок седьмому!

Да-да, знаю, думаете, я считать не умею, думаете, я тут позагорать решил?

Признание смерти, неизбежной и неоспоримой, как фотоснимок, пыталось проникнуть в него и поглотить его. Парализовать его. С отчаянной решимостью он оттолкнул страх. Боль в бедре была непереносимой, но Гаррати ее почти не чувствовал, настолько он был поглощен своими усилиями. Осталась минута, нет, пятьдесят секунд, то есть сорок пять, мое время уходит, утекает...

На лице Гаррати сохранялось отстраненно-заинтересованное, почти профессорское выражение. Он отчаянно массировал пальцами застывшие узловатые мышцы. Пытался согнуть ногу. Мысленно разговаривал с ней: «Давай же, давай, чертовка». У него уже болели пальцы, но он и этого не замечал. Стеббинс, проходя мимо, что-то пробормотал. Слов Гаррати не расслышал. Наверное, к лучшему. Теперь он сидел совсем один на белой разделительной линии, между правой и левой полосами движения.

Группа только что покинула городок, утащив за собой все его население, и никого не осталось позади, только маленький мальчик Гаррати, он сидит посреди пустоты, а вокруг него шуршащие на ветру конфетные обертки, смятые окурки и прочий хлам.

Нет никого, только один солдат, молодой, светловолосый, по-своему красивый. В одной руке у него серебряный хронометр, в другой — винтовка. И нет жалости в его лице.

— Предупреждение! Предупреждение сорок седьмому! Третье предупреждение сорок седьмому!

Судорога не отпускала. Он умрет. В конце концов ему выпустят кишки, и это факт.

Он оставил ногу в покое и безмятежно посмотрел на солдата. Интересно бы знать, подумал он, кто же победит. Интересно, переживет ли Макврайс Барковича. Интересно, больно ли получить пулю в голову, что наступит потом: сразу полная тьма или он еще успеет почувствовать, как мысли уносятся прочь.

Убегают последние секунды.

Судорога ослабла. Кровь потекла по сосудам, мышца ощутила тепло и покалывание. Светловолосый солдат с красивым вообще-то лицом убрал в карман хронометр. Губы его беззвучно двигались — он отсчитывал последние секунды.

«Но я не могу встать, — думал Гаррати. — Сидеть так хорошо. Я посижу, и пусть звонит телефон, черт с ним, почему не взять трубку?»

Голова Гаррати опустилась на грудь. Солдат смотрел на него сверху вниз как в шахту или в глубокий колодец. Медленным движением он перехватил карабин обеими руками, его указательный палец мягко коснулся спускового крючка, и дуло начало подниматься. Левая рука солдата твердо поддерживала ложе карабина. Обручальное кольцо блеснуло на солнце. Все происходило так медленно. Страшно медленно. Только... не вешайте трубку.

Вот оно, подумал Гаррати.

Вот, значит, как это. Умереть.

Большой палец правой руки солдата невероятно медленно отводил предохранитель. За его спиной стояли три сухопарые женщины, вещие сестры*, не вешайте трубку. Подождите еще минутку у телефона, мне придется здесь умереть. Солнце, тени, голубое небо. Высоко-высоко — облака. Еще видна вдалеке спина Стеббинса, синяя рубаха, промокшая от пота между лопатками, прощай, Стеббинс.

Все звуки громом отдавались у него в ушах. Он не знал, чем это объяснить: работой ли воображения, или обострен-

---

* Вещие сестры — таинственные предсказательницы из трагедии У. Шекспира «Макбет».

ным восприятием, или же приближением смерти. Щелкнул рычаг предохранителя — как будто ветка хрустнула. Он втянул в себя воздух; получился звук, похожий на свист ветра в тоннеле. Сердце стучало как барабан. Вдруг высокий голос запел — он слышал пение не ушами, а центром мозга; он брал все более и более высокие ноты, и к Гаррати пришла безумная уверенность, что он слышит испускаемые мозгом волны...

Громко стеная, он неуклюже поднялся на ноги и бросился бежать вперед, неуклонно увеличивая скорость. Ноги были ватными. Палец солдата, лежащий на спусковом крючке, побелел. Он взглянул на прикрепленный к его поясу полупроводниковый компьютер, содержащий небольшое, но мощное звуковое устройство. Гаррати в свое время читал о таких приборах в «Популярной механике». Они способны вычислять скорость каждого из Идущих с любой заданной точностью, вплоть до четвертого десятичного знака.

Палец солдата отпустил спусковой крючок.

Гаррати перешел с бега на очень быструю ходьбу; во рту пересохло, сердце колотилось со скоростью механического молота. Белые вспышки пульсировали перед глазами, и был тяжкий миг, когда ему показалось, что он теряет сознание. Но это состояние прошло. Ступни, рассерженные тем, что он лишил их права на заслуженный отдых, яростно протестовали. Сжимая зубы, он боролся с болью. Мышца левой ноги все еще подергивалась, что внушало тревогу, но он не хромал. Пока.

Он взглянул на часы. Два часа семнадцать минут пополудни. В течение ближайшего часа от смерти его будут отделять секунды две.

— Вернулся в страну живых, — заметил Стеббинс, когда Гаррати поравнялся с ним.

— Точно, — шепнули оцепеневшие губы Гаррати.

Он чувствовал прилив злобы. Они продолжали бы идти, даже если бы ему достался билет. Они не стали бы его оплакивать. От него остался бы только номер и фамилия в офи-

циальных списках: ГАРРАТИ РЕЙМОНД, № 47, СОШЕЛ НА 218-й МИЛЕ. А в газетах штата через пару дней появились бы вызывающие ажиотаж статьи: ГАРРАТИ МЕРТВ. ПАРЕНЬ ИЗ МЭНА СОШЕЛ 61-м!

— Надеюсь, я выиграю, — пробормотал он.

— Ты так думаешь?

Гаррати вспомнил лицо светловолосого солдата. Эмоций на нем не больше, чем на картофелине.

— Сомневаюсь, — ответил он. — У меня уже три гири на шее. А ведь это значит, что я теперь вне игры, ведь так?

— Считай последнее нечестным приемом, — посоветовал Стеббинс. Он уже опять глядел себе под ноги.

Гаррати прибавил шагу, хотя мысль о двух секундах камнем засела у него в голове. Теперь предупреждений не будет. И никто даже не успеет сказать ему: вставай, Гаррати, не трать время.

Он подошел к Макврайсу. Тот оглянулся.

— Я думал, ты уже вышел, друг, — сказал Макврайс.

— Так оно и есть.

Макврайс тихо присвистнул.

— Да, не хотелось бы мне сейчас оказаться на твоем месте. Как нога?

— Лучше. Слушай, я не могу разговаривать. Я пройду на некоторое время вперед.

— Харкнессу это не помогло.

Гаррати покачал головой:

— Хочу убедиться, что способен развивать скорость.

— Хорошо. Тебе составить компанию?

— Если есть силы.

Макврайс рассмеялся:

— Ваши деньги — наше время, солнышко.

— Тогда пошли, пока у меня запал не прошел.

Гаррати увеличивал скорость до тех пор, пока не почувствовал, что ноги готовы взбунтоваться. Они с Макврайсом быстро пробирались сквозь группу. Вторым шел Гарольд Куинс, долговязый парень со злым лицом, а впереди

него на некотором расстоянии — оставшийся в живых индеец в коже, Джо. Взглянув на него поближе, Гаррати изумился бронзовому оттенку его загара. Джо не отрываясь смотрел на горизонт; лицо его оставалось бесстрастным. Многочисленные замки-«молнии» на его куртке тихонько звякали, и создавалось впечатление, что где-то вдалеке играет музыка.

— Привет, Джо, — сказал Макврайс, и Гаррати подавил в себе истерический порыв добавить: ты прекрасно выглядишь.

— Салют, — коротко отозвался Джо.

Они обогнали его, и теперь вся дорога принадлежала им — две широких бетонных полосы, испачканные темными пятнами масла, разделенные посредине зеленой травяной полосой. По обе стороны дороги стояли непрерывные цепи людей.

— Вперед, и только вперед, — продекламировал Макврайс. — Солдаты-христиане идут на войну. Слышал это, Рей?

— Сколько времени?

Макврайс посмотрел на часы:

— Два двадцать. Послушай, Рей, если ты собрался...

— Бог мой, всего-то? Я думал... — К горлу подступил плотный, жирный ком. Его охватывала паника. Он не справится. Слишком мал запас времени.

— Послушай, если ты зациклишься на времени, то быстро свихнешься, побежишь в толпу, и они тебя как собаку пристрелят. Ты упадешь с высунутым языком, а по подбородку будет течь слюна. Постарайся забыть про время.

— Не могу. — Внутри у него все переворачивалось, ему было неуютно, жарко, его тошнило. — Олсон... Скрамм... Они умерли. Дейвидсон умер. Я тоже могу умереть, Пит. Теперь я в это поверил. Смерть дышит мне в спину!

— Подумай о своей девушке. О Джен. О ее лице. Или о маме. Или о кошке. Или вообще ни о чем не думай. Просто иди вперед. Сосредоточься на этом.

Гаррати старался сохранить самообладание. Отчасти это ему даже удалось. Но все-таки не совсем. Ноги отказывались повиноваться приказам мозга, они казались старыми и ненадежными, как отработавшие свой срок электрические лампочки.

— Ему недолго осталось, — отчетливо произнесла какая-то женщина в переднем ряду.

— Твоим сиськам недолго осталось, — огрызнулся Гаррати, и толпа весело приветствовала его. — Они козлы, — пробормотал Гаррати. — Настоящие козлы. Извращенцы. Сколько времени, Маквpайс?

— Что ты сделал прежде всего, когда получил подтверждение? — мягко спросил Маквpайс. — Что ты сделал, когда узнал, что точно будешь участвовать?

Гаррати нахмурился, быстро провел рукой по лбу и ушел из залитого потом, внушающего ужас настоящего в тот полный неожиданностей и переживаний день.

— Я был один. Моя мама работает. Это было в пятницу после обеда. В ящике лежало письмо, и по штемпелю Уиллингтона, штат Делавэр, я понял, что это оно. Только я был уверен, что отвергнут из-за физических или моральных недостатков или из-за тех и других вместе. Я его дважды прочитал. Не то чтобы я скакал от восторга, но мне было приятно. Действительно приятно. И я был уверен в себе. Тогда у меня не болели ступни и мне не казалось, что кто-то всадил мне в спину кинжал. Я чувствовал себя одним из миллиона. Мне не хватило ума понять, во что я на самом деле влип. — Он помолчал в задумчивости, вдыхая весенний воздух. — Я не мог отступить. Слишком много глаз смотрело на меня. Думаю, другими двигало то же самое. Это и есть один из крючков, на которые мы попадаемся. Я пропустил 15 апреля, последний срок для отказа, и еще через день в мою честь устроили торжественный обед в здании городского управления. Пришли все мои друзья, а после десерта все закричали: «Речь! Речь!» Я поднялся и промычал что-то. Я, мол, сделаю все возможное, если попаду туда, и все аплодировали как бешеные.

Они вели себя так, как будто я прочитал им Геттисбергскую речь*. Понимаешь, о чем я?

— Понимаю, — сказал Макврайс и засмеялся; но глаза его не смеялись.

Неожиданно сзади грохнули карабины. Гаррати конвульсивно дернулся, и его ноги почти приросли к асфальту. Каким-то образом ему удалось не остановиться. Слепой инстинкт, подумал он. Что будет в следующий раз?

— Сукины дети, — тихо проговорил Макврайс. — Это Джо.

— Сколько времени? — спросил Гаррати, но, прежде чем Макврайс успел ответить, он вспомнил, что у него самого на руке часы. 2:38. Мысль о двух секундах гирей висела за спиной.

— Тебя никто не пытался отговорить? — спросил Макврайс. Они далеко оторвались от остальных. Гарольд Куинс шагал больше чем в ста ярдах позади. Для контроля за ними Взвод отрядил солдата. Гаррати порадовался, что за ними следит не тот блондин. — Никто не пытался уговорить тебя воспользоваться правом на отказ тридцать первого апреля?

— Сначала — никто. И мама, и Джен, и доктор Паттерсон — это лучший друг мамы, они уже лет пять вместе, — все сначала были довольны, они гордились мной, ведь по всей стране тесты сдают очень многие мальчишки старше двенадцати лет, а успешно проходит их один из пятидесяти. Все равно остается несколько тысяч кандидатов, и тогда составляется два списка: сто Идущих и сто запасных. И повлиять на выбор невозможно, сам знаешь.

— Они вытягивают фамилии из барабана наугад. По телевизору смотрится потрясающе. — Голос Макврайса слегка дрогнул.

---

* Геттисбергская речь — знаменитая своей краткостью речь, произнесенная президентом США Авраамом Линкольном при открытии мемориального кладбища солдат, павших в сражении при Геттисберге (1863), одном из важнейших сражений Гражданской войны Севера и Юга.

— Да. Главный вытаскивает из барабана две сотни фамилий, но они объявляют только фамилии. И ты не знаешь, попал ты в основную группу или в запасную.

— И они тебя не извещают до дня последнего отказа, — подхватил Макврайс. Говорил он так, как будто от дня последнего отказа их отделяло не четверо суток, а по крайней мере несколько лет. — Да, они любят поддерживать напряжение.

Кто-то из зрителей выпустил в воздух целую флотилию красных, синих, зеленых, желтых воздушных шаров, и они уплыли в небо широкой дугой. Легкий южный ветер подхватил их и медленно понес прочь.

— Да, видимо, так, — сказал Гаррати. — Мы смотрели телевизор в тот день, когда Главный вытягивал фамилии. Я был семьдесят третьим. Я буквально упал со стула. Не мог поверить.

— Верно, — согласился Макврайс. — Такое не может произойти с *тобой*. Такие вещи всегда случаются с кем-то другим.

— Ну да, чувство именно такое. Вот тогда все стали на меня наседать. Не то что после пятнадцатого числа, там был банкет, речи и бла-бла-бла. Джен...

Он замолчал. А почему бы и нет? Все остальное он рассказал. Не важно. К концу Прогулки один из них обязательно будет мертв. А возможно, и оба.

— Джен сказала, что пойдет со мной на край света, когда угодно, куда угодно, если только я воспользуюсь правом тридцать первого апреля. Я сказал, что в этом случае покажусь себе предателем и трусом, она разъярилась и заявила, что лучше так, чем умирать, потом она долго плакала. Умоляла. — Гаррати посмотрел в глаза Макврайсу. — Не знаю. Если бы она попросила меня о чем угодно, кроме этого, я бы попытался исполнить ее желание. Но это... Я не мог. У меня как будто камень в горле застрял. Через какое-то время она осознала, что я не в состоянии сказать: «Да, хорошо, я набираю 800». Мне кажется, она начала понимать. Может быть, по-

нимать так же, как я сам, хотя — Бог свидетель — я понимал не так уж и хорошо.

Потом подключился доктор Паттерсон. Он диагност, и у него до отвращения логический ум. Он сказал: «Послушай, Рей. Если мы возьмем и основной, и запасной составы, то твои шансы выжить — пятьдесят к одному. Пожалей мать, Рей». Я был вежлив сколько мог, но в конце концов сказал ему, чтобы он отвязался. Сказал, что его шансы жениться на моей матери не выше, но я никогда не замечал, чтобы это заставляло его отступиться.

Гаррати пальцами расчесал густые соломенные волосы. Он позабыл о двух секундах.

— Знаешь, он не рассердился. Он впал в неистовство и принялся проповедовать. Он говорил, что если я желаю разбить материнское сердце, что ж, могу идти. Он говорил, что я бесчувственный древесный жук, да, по-моему, так он и сказал, бесчувственный, как древесный жук. Может, в его семье была такая присказка, не знаю. Он спросил, нравится ли мне играть чувствами матери и прелестной Джейнис. Тогда я представил ему свои неоспоримые аргументы.

— О, как интересно, — улыбаясь сказал Макврайс. — Какие же?

— Сказал, что, если он немедленно не отвяжется, я ему врежу.

— А что твоя мама?

— Она вообще говорила мало. Думаю, не могла в это поверить. И она думала о том, что я получу, если выиграю. Мне кажется, мысль про Приз — все, что пожелаешь, до конца жизни — ослепила ее. У меня был брат, Джефф. Он умер от воспаления легких, когда ему было шесть лет, и — как ни жестоко это звучит — не знаю, как бы мы выкручивались, если бы он выжил. И еще она считала, что я смогу отказаться, если окажусь в основном составе. Главный — хороший человек, так она говорила. Я уверена, говорила она, что он позволит тебе не участвовать, если поймет наши обстоятельства. Но за попытку избежать участия в Долгой Прогулке на-

казание такое же, как и за дурные отзывы о ней, — Взводы. А потом мне позвонили и сообщили, что я — один из Идущих. Я попал в основной состав.

— Я — нет.

— Правда?

— Правда. Правом тридцать первого апреля воспользовались двенадцать основных. Я был двенадцатым запасным. Мне сообщили четыре дня назад после одиннадцати вечера.

— О Боже! Неужели?

— Угу. Накануне.

— А ты не... расстроился?

Макврайс молча пожал плечами.

Гаррати посмотрел на часы. 3:02. Наверное, все будет нормально. Чудесный, прохладный весенний день. Солнце начинало клониться к закату, и удлинившаяся тень Гаррати приобрела несколько более уверенный вид. С ногой все было в порядке.

— Ты по-прежнему думаешь, что мог бы просто... сесть? — спросил он Макврайса. — Ты ведь пережил большинство. Шестьдесят одного.

— Я считаю, не важно, скольких мы с тобой пережили. Рано или поздно приходит время, когда воля попросту сходит на нет. И что ты *думаешь,* уже не имеет значения, понимаешь? Я когда-то много времени уделял рисованию маслом. И не так уж плохо мазал. А потом — бац! И не то чтобы я растерял умение, просто прекратил. Не чувствовал, что продолжать необходимо. Лег спать с любовью к живописи, а проснулся — куда что делось.

— Не думаю, что выживание можно сравнить с хобби.

— Не могу сказать. Как прикажешь воспринимать ныряльщиков? Или охотников на крупную дичь? Или альпинистов? Или даже какого-нибудь рабочего с фабрики, который считает, что хорошо провел субботний вечер только в том случае, если как следует подрался? Все эти увлечения как раз и превращают искусство выживания в хобби. Выживание становится условием игры.

Гаррати не ответил.

— Давай-ка побыстрее, — мягко предложил Макврайс. — Мы теряем скорость.

Гаррати прибавил шагу.

— Мой отец — совладелец передвижного кинотеатра, — начал Макврайс. — Он решил связать меня и запереть в погребе под буфетом, чтобы не пустить сюда, и плевать на Взводы.

— А что ты? Переупрямил его?

— На это у нас просто не было времени. Когда мы получили извещение, у меня оставалось всего десять часов. Мне предоставили самолет, а в аэропорту Преск-Айла меня должна была ждать машина. Отец рвал и метал, я сидел, кивал, соглашался, а потом к нам в дверь постучали, мама открыла дверь и увидела, что на пороге стоят два огромных, отвратного вида солдата. Ты *таких зверюг и не видел. Знаешь, в их* присутствии, наверное, часы останавливались. Отец как взглянул на них, так сразу сказал: «Пити, иди наверх и собери рюкзак». — При этом воспоминании Макврайс засмеялся и поправил лямки рюкзака на плечах. — А потом мы оглянуться не успели, как все оказались на борту самолета, даже моя сестренка Катрина. Ей всего-то четыре года. В три часа мы приземлились и поехали на машине к границе. По-моему, только Катрина по-настоящему все поняла. Она все повторяла: «У Пити приключение». — Макврайс отрывисто взмахнул руками. — Они сейчас живут в мотеле в Преск-Айле. Они не хотели возвращаться домой, пока все не закончится. Пока не закончится, так или иначе.

Гаррати посмотрел на часы. 3:20.

— Спасибо, — сказал он.

— За то, что опять спас тебе жизнь? — весело рассмеялся Макврайс.

— Да, это точно.

— А ты уверен, что это любезность с моей стороны?

— Не знаю. — Гаррати помолчал. — Все равно я тебе кое-что скажу. Я никогда не перестану ощущать ограниченность

во времени. Даже если у тебя нет предупреждений, все равно тебя от кладбищенской ограды отделяют всего две минуты. Это не много.

Прогремели выстрелы, словно солдаты услышали высказанную им мысль. Получивший билет Идущий издал высокий захлебывающийся вскрик, как индюк, которого неожиданно схватил неслышно подкравшийся фермер. Толпа глухо ахнула. Этот звук можно было с равной степенью вероятности принять за глубокий вздох, жалобный стон или шумный выдох при оргазме.

— Это ничто, — согласился Макврайс.

Они шли вперед. Тени удлинились. Появились на свет Божий куртки, словно некий фокусник извлек их все сразу из своего волшебного цилиндра. В какой-то момент Гаррати ощутил теплый аромат трубочного табака, который пробудил в нем горькое и одновременно сладкое воспоминание об отце. Чья-то собака ускользнула от хозяина и выбежала на дорогу. За ней волочился красный пластиковый поводок. Она высунула розовый язык, изо рта показалась пена. Она тявкнула, неуклюже попыталась поймать обрубок собственного хвоста, так же неуклюже атаковала Пирсона и была расстреляна. Пирсон с досадой выругал стрелявшего в нее солдата. Пуля, выпущенная из крупнокалиберного карабина, отбросила ее к левой обочине, где она и осталась лежать, вздрагивая и тяжело дыша. Глаза ее подернулись пленкой. Никто не изъявлял желания протестовать. Маленький мальчик прошел мимо полицейских, вышел на левую обочину и остановился, захлебываясь от плача. Солдат приблизился к нему. В толпе пронзительно завопила женщина. Пораженный страхом Гаррати решил было, что солдат собирается застрелить ребенка, как только что застрелил собаку, но солдат равнодушно оттолкнул мальчика назад, в толпу.

В шесть часов вечера солнце коснулось горизонта, и небо окрасилось в оранжевый цвет. Похолодало. Многие Идущие подняли воротники. Зрители переминались с ноги на ногу и растирали ладони.

Колли Паркер, как обычно, жаловался на климат дерьмового штата Мэн.

Будем в Огасте без четверти девять, подумал Гаррати. А оттуда — прыг-скок во Фрипорт. Его охватило уныние. И что тогда? Ну увидишь ты ее на две минуты, если только заметишь в толпе — не дай Боже не разглядеть. А что потом? Загибаться?

Он вдруг решил, что ни Джен, ни мама наверняка не появятся во Фрипорте. Разве что он увидит ребят, которые учились с ним в школе, не зная, что под одной крышей с ними растет самоубийца. И еще — Женское Попечение. Эти обязательно будут там. За двое суток до начала Прогулки Женское Попечение устроило чаепитие в его честь. Это было в прежние времена.

— Давай возвращаться назад, — предложил Макврайс. — Только медленно. Надо бы оказаться рядом с Бейкером. Войдем в Огасту вместе. Как три мушкетера. Что скажешь, Гаррати?

— Согласен, — отозвался Гаррати. Мысль ему понравилась.

Мало-помалу они начали отставать, уступая лидерство недоброму Гарольду Куинсу. Они поняли, что вернулись к своим, когда Абрахам, восставший из мрачной прострации, спросил их:

— Все-таки решили вернуться и посмотреть на бедных смертных?

— А что, он и в самом деле похож, — сказал Макврайс, изучая усталое, поросшее трехдневной щетиной лицо Абрахама. — Особенно при таком освещении.

— Четырежды двадцать и семь лет тому назад, — нараспев произнес Абрахам, и Гаррати с суеверным страхом подумал, не вселился ли в Абрахама некий дух, — наши отцы заселили эти земли...* Черт, дальше не помню. Это нужно было учить наизусть для высшей отметки на экзамене по истории.

* Цитата из Геттисбергской речи Авраама Линкольна.

— Внешность отца-основателя и разум осла-сифилитика, — с грустью проговорил Макврайс. — Абрахам, тебя-то как засосало в это говно?

— Хвастовством взял, — немедленно отозвался Абрахам. Он хотел сказать что-то еще, но тут прозвучали выстрелы. И знакомый шорох тяжелого мешка, который волокут по асфальту.

Бейкер оглянулся и пояснил:

— Это Галлант. Он весь день шел как труп.

— Хвастовством взял, — повторил Гаррати и засмеялся.

— Конечно. — Абрахам почесал то место под глазом, где вскочили прыщи. — Знаете, что такое тест по эссе?

Все кивнули. Написание эссе на тему «Почему вы считаете себя готовым к участию в Долгой Прогулке?» было стандартной частью академического раздела испытаний.

Гаррати почувствовал, как его правую пятку заливает теплая жидкость. Он не знал, кровь ли это, или гной, или пот, или все сразу. Больно вроде бы не было, хотя носок давно уже порвался.

— Понимаете, — продолжал Абрахам, — дело в том, что я вовсе не чувствовал себя готовым. Я решил сдавать экзамен исключительно под влиянием минутного настроения. Я просто шел в кино, и получилось так, что проходил мимо спортзала, где другие сдавали экзамен. Вы сами знаете, чтобы в нем участвовать, нужно представить разрешение на работу. Мое разрешение чисто случайно в тот момент было у меня в кармане. Если бы у меня его не оказалось, я бы не потащился за ним домой. Сходил бы в кино, как обычно, и не был бы сейчас здесь, не умирал бы в такой милой компании.

Все молча слушали его.

— Я прошел физические тесты, рассказал о своих целях и так далее. И вдруг, уже в конце, вижу анкету на трех страницах. Написано: «Просьба ответить на следующие вопросы по возможности объективно и честно». Ну, думаю, еще какое-то дерьмо. А дальше я оборжался. Такие идиотские вопросы, сдохнуть можно.

— Ага, как часто вы ходите по-большому, — сухо сказал Бейкер. — Нюхали ли вы табак?

— Ну да-да, в этом роде, — подтвердил Абрахам. — Я и забыл уже про этот хренов табак. В общем, наплел им чего положено, ну, вы понимаете, и потом перешел к эссе насчет того, почему я чувствую себя готовым. Мне и думать-то не о чем было. Потом к нам подошел какой-то кретин в военной форме и сказал: «У вас пять минут. Прошу всех закончить вовремя». Так что я написал: «Чувствую, что готов к участию в Долгой Прогулке, потому что я раздолбай и с. сын, без меня мир станет лучше, а если я вдруг выиграю и разбогатею, то накуплю картин Ван Гога и развешаю во всех комнатах своей виллы, закажу себе шестьдесят первосортных шлюх и не стану никого беспокоить». Потом подумал минуту и добавил в скобках: «Каждой из шестидесяти шлюх в старости я буду выплачивать пенсию». *Я думал, они взбесятся. Потом,* примерно через месяц, когда я уже обо всем забыл, вдруг получаю письмо, где говорится, что меня признали готовым. Я чуть джинсы не обмочил.

— И после этого тебя включили в списки? — спросил Колли Паркер.

— Ну да. Это трудно объяснить. Понимаете, все сочли это хорошей шуткой. Моя девушка предложила сделать с письма фотокопию и перевести ее на майку, ведь она считала, что я отмочил лучшую шутку века. И все остальные смотрели на это точно так же. Мне жали руку и говорили что-нибудь вроде: «Привет, Аб, здорово ты надрал Главному яйца!» Было так смешно, что из-за этого я иду до сих пор. И должен вам сказать, — добавил Абрахам с болезненной улыбкой, — этот смех, по сути, был бунтом. Все считали, что я буду до самого конца драть Главному яйца. А потом я однажды проснулся участником Прогулки. Я попал в основной состав, мою фамилию вытянули шестнадцатой. Так что в итоге оказалось, что это Главный надрал яйца *мне*.

По рядам Идущих прошел негромкий гул, отдаленно напоминающий веселый смех. Гаррати поднял голову. Огром-

ный дорожный указатель над их головами сообщал: ОГАСТА 10.

— Ты мог бы умереть от смеха, верно? — заметил Колли.

Абрахам долго молча смотрел на него, потом мрачно сказал:

— Отец-основатель не слишком доволен.

Глава 14

> И запомните: если вы будете помогать себе руками, или указывать любой частью тела, или используете какую-либо часть слова, вы потеряете надежду выиграть десять тысяч долларов. Вы должны только называть. Удачи вам.
>
> *Дик Кларк*
> *«Пирамида ценой в десять тысяч долларов»*

Все охотно сошлись на том, что у них осталось очень мало душевных сил, чтобы испытывать ужас или эмоциональный подъем. Но, устало подумал Гаррати, когда Прогулка ушла в весело ревущую тьму федерального шоссе 202, оставив Огасту в миле позади себя, совершенно ясно, что это не так. Они похожи скорее на плохо настроенную гитару, на которой бренчит бездарный музыкант: струны на ней не порваны, просто они звучат недружно, не в лад.

Огаста оказалась не похожа на Олдтаун. Олдтаун — это провинциальная пародия на Нью-Йорк. Огаста — новый город, город ежегодных празднеств, город миллионов пирующих, пьяниц, кукушек и маньяков.

Идущие увидели и услышали Огасту задолго до того, как вошли туда. Вновь и вновь перед Гаррати вставал образ волн, бьющихся о далекий берег. Гул толпы они услышали за пять миль до города. Благодаря огням небо над Огастой отливало

пастельным цветом, пугающим, апокалиптическим, и Гаррати вспомнил картинки в учебнике истории в параграфе, где говорилось о последних днях Второй мировой войны, о немецких воздушных налетах на Восточное побережье Америки.

Идущие тревожно переглядывались и теснее сбивались в группы, как маленькие дети, испугавшиеся грозы, или как коровы во время бурана. Атмосфера ощутимо накалялась, шум Толпы нарастал. В нем слышался неодолимый голод. Гаррати живо представил себе, как великий бог Толпы направляется из Огасты им навстречу на ярко-красных паучьих ножках и пожирает их всех живьем.

Сам город уже задушен, проглочен и похоронен. Огасты уж нет — в самом прямом смысле, нет толстых матрон, нет хорошеньких девушек, нет самодовольных мужчин, нет ребятишек в мокрых штанишках, размахивающих комьями сахарной ваты. Нет спешащего к дороге итальянца, разбрасывающего ломти арбуза. Одна Толпа, существо без тела, лица, разума. Толпа — это лишь Голос и Глаз, и неудивительно, что Толпа явилась одновременно Богом и маммоной. Гаррати чувствовал это. И он знал, что остальные тоже это чувствуют. Идешь словно между двух колоссальных электропроводников и чувствуешь, как электрические разряды вызывают звон в ушах, заставляют каждый волос на голове стоять дыбом, как язык начинает бешено дергаться во рту, как глаза мечут искры и перекатываются в глазницах. Толпе нужно угождать. Толпе нужно поклоняться и бояться ее. И наконец, Толпе нужно приносить жертвы.

Они пробирались по дороге, по щиколотку увязая в конфетти. Они теряли друг друга в бурном море рекламных листовок. Гаррати наудачу выхватил из сошедшей с ума темноты один лист и увидел, что разглядывает рекламу бодибилдинга. Он схватил другой лист и оказался лицом к лицу с Джоном Траволтой.

Возбуждение достигло пика, когда группа оказалась на вершине первого на 202-м шоссе холма. Сзади осталась

платная магистраль, а впереди у ног Идущих лежал город. Внезапно два мощных красно-белых луча прорезали тьму, и показался Главный. Он стоял в своем джипе, вскинув вверх шомпол в приветственном жесте. Он — фантастика! невероятно! — совершенно не обращал внимания на окружающую его толпу, в которой никто не щадил себя, а старался как мог.

Что касается Идущих — струны не порваны, только сильно расстроены. Все, кто остался в живых — тридцать семь человек, — бешено вопили теперь, но их хриплые голоса были абсолютно не слышны. Зрители не могли узнать о том, что Идущие кричат, но откуда-то они об этом все-таки знали, каким-то образом они поняли, что годовой круг поклонения смерти и стремления к смерти замкнулся, и толпа совершенно сошла с ума и корчилась теперь в пароксизмах нарастающего экстаза. Гаррати почувствовал внезапную острую боль в левой стороне груди и все же не мог перестать кричать, хотя и понимал, что находится на самом краю катастрофы.

Всех их спас парень по фамилии Миллиган; Гаррати запомнились его бегающие глазки. Он упал на колени, зажмурился, прижал ладони к вискам, словно стараясь удержать мозг на месте. Потом он упал вперед, и кончик его носа проехался по дороге, как мягкий мел по школьной доске. Как необычно, подумал Гаррати, сейчас его нос сотрется об асфальт. Затем явилась милосердная пуля. После этого Идущие перестали кричать. Боль в груди, отступившая лишь частично, страшно перепугала Гаррати. Он пообещал себе, что безумие прекратится.

— Приближаемся к твоей девочке? — спросил Паркер. Он не ослаб, но сделался мягче, и теперь Гаррати нормально с ним ладил.

— Миль пятьдесят. Может, шестьдесят.

— Сукин ты сын, Гаррати, везет тебе, — тоскливо произнес Паркер.

— Мне? — Он с удивлением посмотрел на Паркера, стараясь понять, не смеется ли тот над ним. Паркер не смеялся.

— Ты увидишь маму и свою девушку. Черт возьми, а кого увижу я, пока еще не пришел конец? — Он адресовал толпе непристойный жест, который зрители, судя по всему, приняли за приветствие и бешено заорали. — Я скучаю по дому, — сказал он. — И я боюсь. — Неожиданно он закричал в толпу: — *Свиньи! Все вы свиньи!*

Зрители взревели еще громче.

— Я тоже боюсь. И скучаю по дому. Я... То есть мы... — Он искал слова. — Мы все очень далеко от дома. Дорога не пускает нас домой. Может быть, я их увижу, но не смогу к ним прикоснуться.

— Но по правилам...

— Я знаю, что по правилам разрешен физический контакт с кем угодно при условии, что не сходишь с дороги. Я о другом. Между нами стена.

— Легко тебе говорить. Ты все-таки их увидишь.

— Может, от этого станет только хуже, — сказал Макврайс, незаметно пристроившийся к ним сзади.

Они только что миновали перекресток с Уинтропской дорогой и светофор, работающий в режиме желтого мигающего предупредительного сигнала. Страшный желтый глаз равномерно открывается и закрывается, отбрасывая на асфальт восковой отблеск.

— Все вы ненормальные, — дружелюбно сказал Паркер. — Ухожу от вас.

Он прибавил шагу и вскоре пропал из виду в мерцающей мгле.

— Он думает, что мы с тобой любовники, — сказал довольный Макврайс.

Гаррати вскинул голову:

— Кто — он?

— Не такой уж он скверный парень, — задумчиво проговорил Макврайс. — Может быть, он даже отчасти прав. Может, потому я и спас твою шкуру. Может, ты и есть мой любовник.

— Это с моей рожей? Я думал, вы, извращенцы, предпочитаете тоненьких, — отшутился Гаррати. Тем не менее ему стало не по себе.

Маквpайс обрушил на Гаррати неожиданный удар:

— Ты позволил бы мне отдрючить тебя?

Гаррати задохнулся.

— Какого черта ты...

— Да помолчи, — раздраженно бросил Маквpайс. — Да к чему приведет вся твоя правильность? Я даже не хочу успокаивать тебя, поэтому не стану утверждать, что шучу. Так что скажешь?

У Гаррати комок застрял в горле. Да, ему хотелось возбуждения. Мальчик ли, девочка ли — это уже не имеет значения, поскольку все они идут на смерть. Вот только Маквpайс... Ему не хотелось, чтобы Маквpайс прикасался к нему таким образом.

— Да, ты действительно спас мне жизнь... — начал Гаррати и умолк.

Маквpайс засмеялся:

— И я должен чувствовать себя подлецом, так как ты у меня в долгу и я собираюсь этим воспользоваться, так? Верно?

— Делай что хочешь, — резко сказал Гаррати. — Только хватит со мной играть.

— Понимать это как «да»?

— Как хочешь! — заорал Гаррати. Пирсон, уставившийся, как в гипнотическом трансе, на свои ноги, с изумлением поднял голову. — Делай что хочешь, черт тебя дери!

Маквpайс снова рассмеялся:

— С тобой все в порядке, Рей. Можешь не сомневаться.

Он хлопнул Гаррати по плечу и стал отставать.

Озадаченный Гаррати смотрел на него.

— Просто ему еще мало, — усталым голосом изрек Пирсон.

— Что?

— Мы прошли почти двести пятьдесят миль, — простонал Пирсон. — У меня ноги налились свинцом. Причем отравленным. У меня горит спина. А этому Маквpайсу с его

капризами все мало. Он ведет себя как голодный, который жрет слабительное.

— Как ты думаешь, он хочет, чтобы ему сделали больно?

— Господи, как думаешь ты? Он должен написать на куртке: УДАРЬ МЕНЯ. Ему нужна компенсация, только я не понимаю за что.

— Не знаю, — сказал Гаррати. Он хотел еще что-то добавить, но увидел, что Пирсон его уже не слушает. Пирсон опять смотрел под ноги, и на его изнуренном лице отпечатался страх. Он потерял обувь. Его белые спортивные носки были хорошо видны в темноте.

В миле от указателя ЛЬЮИСТОН 32 их ожидало составленное из электрических лампочек приветствие: ГАРРАТИ 47. Буквы располагались в виде полукруга.

Гаррати захотел подремать, но не смог. Он хорошо понимал, что имел в виду Пирсон, когда говорил, что у него горит спина. Его собственный позвоночник превратился в раскаленный стержень. Мышцы, расположенные на задней части бедра, пылали огнем. Онемение подошв сменилось острой, пронзительной болью, куда более сильной, чем та, что ушла в свое время. Он уже не чувствовал голода, но тем не менее поел концентрата. Некоторые из Идущих превратились в обтянутые кожей скелеты — жуть из фильмов о концлагерях. Гаррати не хотелось становиться таким же... Хотя и он таким стал. Он провел ладонью по боку. На его ребрах можно играть, как на ксилофоне.

— Давно не было новостей от Барковича, — сказал он, надеясь вывести Пирсона из его кошмарной прострации. Пирсон представлялся ему новым воплощением Олсона.

— Угу. Кто-то говорил, что в Огасте у него онемела нога.

— Это правда?

— Так мне сказали.

Гаррати почувствовал внезапное желание отстать и взглянуть на Барковича. Его было трудно разглядеть в темноте, и Гаррати получил предупреждение, но в конце концов нашел Барковича. Тот двигался теперь в арьергарде. Шел, хро-

мая, вперед. Он настолько сосредоточился на ходьбе, что лицо его прорезали морщины. Глаза сузились настолько, что стали похожи на монеты, видимые с ребра. Куртки у него уже не было. Он разговаривал сам с собой низким, монотонным голосом.

— Привет, Баркович, — окликнул его Гаррати.

Баркович вздрогнул, оступился, получил предупреждение... Третье.

— Какого черта! — заверещал он. — Видишь, что ты наделал? Ты доволен? Ты и твои дерьмовые друзья?

— Неважно выглядишь, — сказал Гаррати.

Баркович хитро усмехнулся:

— Это часть Плана. Помнишь, я вам говорил про План? Вы мне не поверили. Олсон не поверил. И Дейвидсон. И Гриббл. — Голос Барковича упал до шепота, и чувствовалось, что рот у него наполнился слюной. — Гаррати, я же сплясаааал на их могилах!

— Нога болит? — тихо спросил Гаррати. — Правда, все это ужасно?

— Мне осталось пережить всего тридцать пять. Все сдохнут за ночь. Вот увидишь. Когда взойдет солнце, на ногах останется меньше двенадцати. Увидишь. И ты, Гаррати, и твои хреновы друзья. К утру все умрут. *К полуночи.*

Неожиданно Гаррати почувствовал прилив сил. Он знал, что Баркович скоро сойдет с дистанции. Ему захотелось побежать, даже несмотря на ноющие почки, на боль в позвоночнике и в ногах, побежать и сообщить Питу Маквайсу, что тот сдержит слово и переживет Барковича.

— О чем ты попросишь? — спросил Гаррати вслух. — Ну, когда выиграешь?

Баркович радостно улыбнулся, словно ждал этого вопроса. Лицо его меняло очертания в неверном свете луны, как будто его мяли руки великана.

— Протезы, — прошептал он. — Я попрошууууу протезы. Пусть мне эти отрежут, на хрен они мне, если они шуток не понимают. У меня будут протезы, а эти я брошу в стираль-

ную машину в общественной прачечной и буду смотреть, как они там крутятся, крутятся, крутятся...

— Я думал, тебе захочется иметь друзей, — печально сказал Гаррати. Он задыхался от охватившего его завораживающего ощущения триумфа.

— Друзей?

— У тебя же их нет, — сочувственно пояснил Гаррати. — Мы все будем рады увидеть, как ты умрешь. О *тебе,* Гэри, никто не пожалеет. Может, я окажусь у тебя за спиной и успею плюнуть на твои мозги, когда они выплеснутся на асфальт. Может, так я и сделаю. А может, мы все так сделаем.

Безумие, безумие, голова плывет, как тогда, когда он ударил Джимми дулом духового ружья, и кровь... Джимми кричал... В голове туман, и чувство дикой, первобытной справедливости...

— Не надо меня ненавидеть, — захныкал Баркович. — Почему вам так хочется ненавидеть меня? Я не хочу умирать, как и вы. Чего вам надо? Чтобы я осознал свою вину? Осознаю! Я... я...

— Все мы плюнем на твои мозги, — в беспамятстве повторил Гаррати. — Ты тоже хочешь меня отстрахать?

Пустые, недоумевающие глаза Барковича смотрели на него.

— Ты... прости меня, — прошептал Гаррати и поспешил прочь от Барковича. Он чувствовал себя униженным и загаженным. Черт тебя дери, Макврайс, думал он, почему? Почему?

Прогремели выстрелы, и еще двое одновременно рухнули на дорогу, и один из них — непременно Баркович. Это по моей вине на этот раз, думал Гаррати, это я — убийца.

Потом Баркович засмеялся. Баркович смеялся громче и безумнее, чем сама толпа, его даже можно было расслышать.

— Гаррати! Гааарратиииии! Я спляшу на твоей могиле, Гаррати! Я *спляааааашу*...

— Заткнись! — грохнул Абрахам. — Заткнись, маленькое дерьмо!

Баркович замолчал, потом захныкал.

— Пошел к черту, — пробормотал Абрахам.

— Зачем ты так? — с упреком сказал Колли Паркер. — Ты скверный ребенок, Аб, ты заставил его плакать. Он пойдет домой и пожалуется маме.

Баркович не унимался. У Гаррати мурашки ползли по коже от этого пустого, глуховатого хныканья. В нем чувствовалась безнадежность.

— Маленький пусенька пожалуется мамочке? — отозвался идущий впереди Куинс. — А-а-а, Баркович, что, *плохо* тебе?

Оставь его в покое, мысленно завопил Гаррати, оставь его в покое, ты не представляешь себе, как ему больно. Хотя — разве это не лицемерие? Я же хочу смерти Барковича. Придется это признать. Мне хочется, чтобы Баркович сломался и сдох.

А сзади, наверное, Стеббинс смеется над всеми.

Гаррати ускорил шаг и догнал Макврайса, который семенил вперед и бессмысленно глазел на толпу. А толпа жадно пожирала его глазами.

— Помог бы ты мне решить, — сказал Макврайс.

— Непременно. Какой у тебя вопрос?

— Кто в клетке. Мы или они.

Гаррати рассмеялся от всего сердца:

— Да мы все. А клетка в зоопарке у Главного.

Макврайс не стал смеяться вместе с Гаррати.

— Кажется, Баркович скоро выпадет в осадок?

— Думаю, да.

— Теперь мне уже не хочется это увидеть. Это низко. К тому же это обман. Строишь, строишь все на каком-то желании... Принимаешь решение... А потом желание пропадает. Правда, плохо, когда великие истины оборачиваются такой фальшью?

— Никогда об этом не задумывался. Ты знаешь, что уже почти десять?

— Все равно что всю жизнь заниматься прыжками с шестом, а потом приехать на Олимпийские игры и спросить себя: а зачем, собственно, мне понадобилось прыгать через эту чертову планку?

— Да.

— Тебе уже почти нет никакого дела, да? — обеспокоенно спросил Макврайс.

— Меня теперь все труднее расшевелить, — признался Гаррати. Затем он помолчал. Что-то уже давно не давало ему покоя. К ним присоединился Бейкер. Гаррати посмотрел на Бейкера, затем — на Макврайса. И снова на Бейкера. — Вы видели Олсона?.. Его волосы? Перед тем как он получил...

— Что такое? — спросил Бейкер.

— Они поседели.

— Ерунда, — поморщился Макврайс, но в голосе его вдруг послышался ужас. — Нет. Пыль или еще что-нибудь...

— Они поседели, — повторил Гаррати. — Мне подумалось, что мы провели на этой дороге вечность. Волосы Олсона... ну, волосы Олсона впервые заставили меня об этом задуматься, но... Может быть, это — какое-то безумное бессмертие?

Невероятно мрачная мысль. Гаррати смотрел вперед, в темноту. Легкий ветерок овевал его лицо.

— Я иду, я шел, я буду идти, я дойду, — протянул Макврайс. — Хотите, переведу на латынь?

Мы подвешены во времени, подумал Гаррати.

Ноги их двигались, а сами они — нет. Вишневые огоньки сигарет, вспышки фотоаппаратов, бенгальские огни можно было принять за звезды, составляющие странные, очень низкие зловещие созвездия, протянувшиеся вдоль дороги и уходящие в никуда.

— Брр, — произнес Гаррати, содрогнувшись. — От этого легко с ума сойти.

— Это точно, — согласился Пирсон и нервно хихикнул.

Начинался долгий подъем с множеством поворотов. Асфальт сменился бетонным покрытием, по которому особенно тяжело идти. Гаррати казалось, что подошвы туфель стали

тонкими, как бумага, и что он чувствует под ногами каждый камешек. Под порывами ветра валяющиеся на дороге конфетные обертки, коробки из-под попкорна и тому подобные отбросы, лениво шурша, ползли по асфальту. Кое-где Идущим приходилось буквально прокладывать себе путь через горы мусора. Несправедливо, думал Гаррати, испытывая острую жалость к себе.

— Что у нас впереди? — извиняющимся тоном обратился к нему Макврайс.

Гаррати прикрыл глаза и постарался представить себе карту штата.

— Все городки я не помню. Мы должны прийти в Льюистон — это второй по величине город штата, он крупнее Огасты. Пройдем по центральной улице, она раньше называлась Лисбон-стрит, потом ее переименовали в Коттер-Мемориал-авеню. Регги Коттер — единственный уроженец Мэна, победивший в Долгой Прогулке. С тех пор прошло много лет.

— Он уже умер? — спросил Бейкер.

— Да. У него отслоилась сетчатка, и к концу Прогулки он ослеп на один глаз. Потом выяснилось, что в мозгу у него образовался тромб. После Прогулки он прожил еще примерно неделю. — Ему очень захотелось смягчить тяжелое впечатление от этого рассказа, и он беспомощно повторил: — С тех пор прошло много лет.

Некоторое время все молчали. Конфетные обертки шуршали под ногами, и по звуку можно было подумать, что где-то вдали ревет лесной пожар. На горизонте показалась бледная светлая полоса, и Гаррати подумал, что это, должно быть, огни двух городов-близнецов — Льюистона и Обурна, а это значит, что Прогулка пришла на землю Дюссеттов, Обюшонов, Лавеков, на землю, где основной закон — *Nous parlons francais ici**. Гаррати вдруг почувствовал почти непреодолимое желание положить в рот жвачку.

— Что будет за Льюистоном?

---

* Мы здесь говорим по-французски *(фр.)*.

— Пройдем сначала по сто девяносто шестому, потом по сто двадцать шестому до Фрипорта, там я увижу маму и Джен. Там мы перейдем на федеральное шоссе номер один. И по нему будем идти до самого конца.

— Большое шоссе, — пробормотал Макврайс.

— А как же.

Прогрохотали ружья. Все вздрогнули.

— Это или Баркович, или Куинс, — сказал Пирсон. — Не могу разобрать. Один из них еще идет.

Из темноты донесся резкий, булькающий, леденящий кровь смех Барковича.

— Нет еще, суки! Я еще цел! Нет еще! *Нееееееееет*...

Голос его звучал все выше и выше. Словно взбесилась пожарная сирена. Руки Барковича вдруг взлетели вверх, как два голубя, и Баркович принялся рвать собственное горло.

— *Боже!* — вскрикнул Пирсон, и его вырвало прямо на одежду.

Все бросились прочь от Барковича, вперед и в стороны, а Баркович продолжал вопить, булькать, терзал свою глотку и шел вперед. Рот его был похож на дергающееся темное пятно неправильной формы.

Гаррати отвернулся и ускорил шаг. В голове у него пронеслась неясная мысль: хвала Тебе, Боже, что я не предупрежден. На всех лицах отпечатался тот же ужас, что и на его лице. Роль Барковича отыграна. Гаррати подумал, что конец Барковича не предвещает всем остальным ничего хорошего на этой темной и кровавой дороге.

— Мне нехорошо, — сказал Пирсон. Голос его звучал невыразительно. Он рыгнул и некоторое время шел согнувшись. — Ох. Нехорошо. Господи. Мне. Нехорошо. Совсем. Ох...

Макврайс смотрел прямо перед собой.

— Думаю... Мне хочется сойти с ума, — задумчиво произнес он.

Только Бейкер не сказал ничего. И это было странно, так как Гаррати внезапно показалось, что в воздухе слабо запах-

ло жимолостью Луизианы. Он как будто услышал, как квакают в низинах лягушки. Как томно, лениво стрекочут цикады, прогрызая твердую кору кипарисов, чтобы забраться под нее и заснуть на семнадцать лет без всяких снов. Еще он видел, как качается в кресле тетушка Бейкера, увидел ее сонно улыбающиеся пустые глаза; она прислушивается к доносящемуся из старенького радиоприемника треску, шуму, прислушивается к отдаленным голосам. Корпус приемника, сделанный из красного дерева, покрыт паутиной трещин. Она качается, качается, качается. И сонно улыбается. Как сытая, очень довольная кошка, которая съела масло.

Глава 15

Пока вы выигрываете, мне безразлично,
будете вы выигрывать или проигрывать.

Бывший главный тренер команды
«Грин-бей паркерс»

В мутную белизну тумана вползал дневной свет. Гаррати вновь шел в одиночестве. Он даже не знал, сколько человек приобрели билеты ночью. Может, пятеро. Его ступни стонали. В них развилась жестокая мигрень. Он чувствовал, как они распухают при каждом шаге. Ягодицы болели. В спине горел ледяной огонь. Но ступни распухли и страдали от жесточайшей боли, кровь в них свернулась, и вены превратились в недоваренные спагетти.

И все же червь предвкушения все еще рос у него внутри: до Фрипорта оставалось всего тринадцать миль. Сейчас они вошли в Понтервилл, и зрители почти не различали их в густом тумане, но все равно после Льюистона Гаррати периодически слышал свое имя, выкрикиваемое толпой. Как будто гигантское сердце, пульсируя, выталкивало его.

Фрипорт, Джен, думал он.

— Гаррати? — Знакомый голос, но воспоминание размылось. Это Макврайс. Его лицо — заросший щетиной череп. Глаза блестят лихорадочным блеском. — Доброе утро, — прохрипел Макврайс. — Мы дожили до нового дня.

— Да, Макврайс. Сколько сошло за ночь?

— Шестеро. — Макврайс извлек из своего пояса банку ветчины, раскрыл ее и принялся пальцами засовывать в рот куски. — После Барковича шестеро. — Он сунул банку обратно. Его пальцы по-стариковски дрожали. — Пирсон тоже.

— Правда?

— Да, Гаррати. Нас осталось не так много. Всего двадцать шесть.

— Не много.

Идти сквозь туман — все равно что идти сквозь невесомое облако пыли.

— *Нас* тоже не много. Мушкетеров. Ты, я, Бейкер, Абрахам. Колли Паркер. И Стеббинс. Если тебе будет угодно причислить к нам Стеббинса. А почему нет? Черт, почему нет? Давай, Гаррати, будем считать и Стеббинса. Шесть мушкетеров и двадцать оруженосцев.

— Ты по-прежнему думаешь, что я выиграю?

— Здесь всегда весной такой туман по утрам?

— Как тебя понимать?

— Нет, я не думаю, что ты выиграешь. Рей, победит Стеббинс. Его ничто не доконает, он твердый как алмаз. Говорят, теперь, когда не стало Скрамма, Стеббинс котируется в Вегасе девять к одному. Да что там, он же выглядит почти так же, как в самом начале.

Гаррати кивнул, как будто ожидая это услышать. Он отыскал тюбик говяжьего концентрата и начал есть. Он не поменял бы этот концентрат даже на непрожаренный гамбургер. Впрочем, непрожаренные гамбургеры у Макврайса давно кончились.

Макврайс негромко шмыгнул и вытер нос рукой.

— Тебе это не кажется странным? Снова топтать родную землю после трех суток пути?

Червь предвкушения шевельнулся внутри, и Гаррати ответил:

— Нет. Мне это представляется самой естественной вещью на свете.

Они преодолевали долгий спуск, и Макврайс всматривался в белую пустоту.

— Туман усиливается.

— Это не туман, — возразил Гаррати. — Это уже дождь.

Дождь слегка моросил, и казалось, что он не намерен прекращаться очень долго.

— Где Бейкер?

— Где-то сзади, — ответил Макврайс.

Не говоря ни слова — слова сделались почти ненужными, — Гаррати стал отставать. Дорога шла мимо черного здания неработающего государственного универмага; в витрине стоял плакат с надписью МАЙ — МЕСЯЦ СЕКСА.

В тумане Гаррати не отыскал Бейкера и в конце концов оказался рядом со Стеббинсом. Твердый как алмаз, сказал Макврайс. Но ему показалось, что на поверхности этого алмаза появились небольшие трещины. Теперь дорога шла параллельно полноводной и безнадежно загрязненной реке Андроскоггин. На противоположном берегу в тумане виднелись башенки Портервиллской текстильной фабрики, похожей на зловещий средневековый замок.

Стеббинс не поднял головы, но Гаррати видел, что Стеббинс знает о его появлении. Он ничего не говорил, зачем-то упорно дожидаясь, чтобы Стеббинс заговорил первым. Они свернули на мост и перешли через реку. Никаких зрителей на мосту не было. Внизу плескалась грязная соленая вода Андроскоггина. У берегов на поверхности плавала желтая, похожая на сыр пена.

— Ну?

— Побереги дыхание, — сказал Гаррати. — Оно тебе еще понадобится.

За мостом их снова поджидала толпа. Дорога свернула влево, и группа начала долгий и трудный подъем на крутой Брикярд-Хилл. Река постепенно уходила влево, а справа над дорогой нависал почти отвесный склон. Зрители облепили все кусты, все деревья, они жались друг к другу и выкрикивали имя Гаррати. Когда-то он встречался с девушкой по имени Каролин. Она жила на Брикярд-Хилле. Теперь она замужем, у нее ребенок. У него могло бы что-то получиться с ней, но слишком он молод и глуп.

Где-то впереди задыхающийся Паркер выругался громким шепотом; голос его почти не был слышен на фоне шума толпы. Ноги Гаррати дрожали и подкашивались, но после Брикярд-Хилла до Фрипорта других холмов не будет. Что произойдет дальше — не имеет значения. Если ему суждено уйти в ад, так тому и быть. Наконец дыхание у всех выровнялось (у Каролин красивая грудь, она любила носить кашемировые свитера), и Стеббинс, все еще чуть задыхаясь, повторил:

— Ну?

Прогремели выстрелы. Из Прогулки вышел мальчик по имени Чарли Филд.

— Да так, ничего, — ответил Гаррати. — Я искал Бейкера и наткнулся на тебя. Макврайс считает, что ты выиграешь.

— Макврайс идиот, — равнодушно отозвался Стеббинс. — Гаррати, ты действительно веришь, что увидишь свою девушку? Среди такой толпы?

— Она будет в первом ряду, — сказал Гаррати. — У нее пропуск.

— Полиция станет только сдерживать напор, ее некому будет провести в первый ряд.

— Неправда, — возразил Гаррати. Он рассердился, потому что Стеббинс произнес вслух именно то, чего сам Гаррати втайне опасался. — Зачем ты говоришь мне такие вещи?

— На самом деле ты хочешь увидеть мать.

— Что? — Гаррати отшатнулся.

— Разве ты не хочешь жениться на ней, когда вырастешь? Гаррати, этого хотят все маленькие мальчики.

— Ты с ума сошел!

— Разве?

— Да!

— Гаррати, а с чего ты взял, что заслуживаешь победы? Интеллект у тебя второго сорта, физические данные второго сорта, и либидо, вероятно, второго сорта. Гаррати, я на что хочешь могу спорить, что ты в ту девочку так и не входил.

— Захлопни свою вонючую пасть!

— Ты же девственник, точно? Может, с некоторыми гомосексуальными наклонностями? Не бойся, расскажи Папе Стеббинсу.

— Дойду хоть до Виргинии, а тебя переживу, сука!

Гаррати трясся от ярости. Кажется, никогда в жизни он не был так зол.

— Все нормально, — успокаивающе сказал Стеббинс. — Я все понимаю.

— Х...сос! Ты!..

— О, интересное слово. Что тебя заставило им воспользоваться?

Гаррати подумал, что вот-вот или бросится на Стеббинса, или потеряет сознание от ярости. Однако ни того ни другого не произошло.

— Дойду хоть до Виргинии, — повторил он. — Дойду хоть до самой Виргинии.

Стеббинс замер на мгновение, поднявшись на цыпочки, и улыбнулся:

— Гаррати, я чувствую, что могу дойти до Флориды.

Гаррати поспешил прочь от Стеббинса. Ему хотелось разыскать Бейкера. Он чувствовал, как приступы гнева постепенно переходят в приступы острого стыда. Вероятно, Стеббинс решил, что Гаррати — легкая добыча. Вероятно, он прав.

Бейкер шел рядом с незнакомым парнем, опустив голову на грудь. Губы его слабо шевелились.

— Эй, Бейкер, — окликнул его Гаррати.

Бейкер вскинул голову и вздрогнул всем телом, как отряхивающаяся собака.

— Гаррати, — произнес он. — Ты.

— Да, я.

— Мне снился сон... Настоящий кошмар. Сколько времени?

Гаррати посмотрел на часы:

— Скоро без двадцати семь.

— Как думаешь, этот дождь на весь день?

— Ду... *А-ах!* — Гаррати оступился и мгновенно потерял равновесие. — Черт, каблук отлетел.

— Выкинь их, — посоветовал Бейкер. — Скоро гвозди начнут впиваться в подошву. И идти труднее, когда один каблук есть, а другого нет.

Гаррати скинул башмак, и тот отлетел в сторону, почти к ногам зрителей, и упал на асфальт, как маленький искалеченный щенок. Великая Толпа потянулась к нему десятками рук. Одна рука взяла башмак, другая выхватила его, и началась жестокая схватка. Второй башмак оказалось не так просто сбросить, он был плотно зашнурован. Гаррати присел, получил предупреждение, развязал шнурок и снял башмак. Сначала он подумал швырнуть его в толпу, затем решил просто оставить на дороге. Неожиданно его захлестнула огромная, иррациональная волна отчаяния. Он повторял про себя: *Я потерял обувь. Я потерял обувь.*

Холодный асфальт под ногами. Изодранные остатки носков быстро промокли. Ступни почему-то казались неуклюжими, глупыми. Отчаяние Гаррати уступило место жалости к собственным ногам.

Он быстро догнал Бейкера; тот тоже шел босиком.

— Мне почти конец, — просто сказал Бейкер.

— Нам всем.

— Я вспоминаю сейчас все хорошее, что у меня было в жизни. Первый танец с девочкой; там какой-то взрослый пьяный здоровяк все пытался к нам привязаться. Я тогда

вывел его на улицу и дал пинка под зад. Я только потому с ним справился, что он был в стельку пьяный. Моя девочка смотрела на меня так, как будто на ее глазах совершилось самое великое мировое событие после изобретения двигателя внутреннего сгорания. Мой первый велик. Вспоминаю, как читал «Женщину в белом» Уилки Коллинза*... Гаррати, это моя любимая книжка, можешь кому угодно сказать. Как я сидел у лесного пруда, дремал и как раки ловились тысячами. Как спал у себя на заднем дворе, положив на лицо раскрытую книжку комиксов. Гаррати, вот я обо всем этом думаю. В последнее время. Как старик. Как будто я стар и впадаю в маразм.

Серебристые капли раннего утреннего дождя падали на дорогу. Даже толпа казалась уставшей и вела себя несколько тише. Теперь сквозь пелену можно было разглядеть лица. Они казались неясными, размытыми, как будто Идущие смотрели на них сквозь оконное стекло во время ливня. Бледные, мрачные, малоподвижные лица. Вода капает с полей шляп, с зонтиков, с растянутых над головами газет. Гаррати ощущал внутри глубокую боль, и казалось, что ему станет легче, если он заплачет, но он не мог плакать, так же как не мог успокоить Бейкера, сказать ему, что смерть — это нормально. Конечно, может быть, смерть — это нормально, но может быть, и нет.

— Надеюсь, там не будет темно, — сказал Бейкер. — Только этого я хочу. Если будет... Если будет потом, то надеюсь, там не будет темно. Не хочу вечно идти в темноте и не знать, кто я и что здесь делаю... Не *знать* даже, ждет ли меня впереди что-нибудь другое.

Гаррати хотел заговорить, но ему помешали выстрелы. События теперь развивались быстрее. Затишье, столь точно предсказанное Паркером, подошло к концу. Губы Бейкера скривились.

---

* Уильям Уилки Коллинз (1824—1889) — английский писатель, один из зачинателей детективного жанра.

— Вот что меня больше всего пугает. Этот звук. Гаррати, зачем мы это сделали? Наверное, мы тогда сошли с ума.

— Думаю, настоящей причины нет.

— Все мы — как мыши в мышеловке.

Прогулка продолжалась. Продолжался дождь. Группа проходила по тем местам, которые Гаррати знал. Они шли мимо полуразвалившихся лачуг, где никто не жил, мимо заброшенного небольшого школьного здания (школу перевели в новое), мимо курятников, мимо груженных кирпичом грузовиков, мимо свежевспаханных полей. Он как будто вспоминал каждое поле, каждый домик. Он весь дрожал от возбуждения. Казалось, что дорога летит, летит. Ноги вновь обрели новую (ложную) упругость. Но может, и прав был Стеббинс, может, ее не будет.

По поредевшим рядам прошелестел слух: один из парней, идущих впереди, считает, что у него начинается приступ аппендицита.

Еще недавно Гаррати вздрогнул бы от ужаса, услышав это сообщение, но сейчас он мог думать только о Джен и Фрипорте. Стрелки его часов двигались по кругу. Они как бы жили своей отдельной жизнью. Всего пять миль. Они пересекли городскую черту Фрипорта. Где-то впереди его мать и Джен уже стоят в переднем ряду возле Центрального свободного торгового рынка, как и было условлено.

Небо чуть посветлело, но не прояснялось. Дождь опять превратился в мелкую изморось. Асфальт превратился в темное зеркало, в черный лед, в поверхности которого Гаррати мог почти разглядеть отражение собственного лица. Он провел рукой по лбу. Лоб разгоряченный, лихорадочный. Джен, ох, Джен. Знай, я...

Парня, у которого начались рези в животе, звали Клингерман. 59-й номер. Он уже кричал. Крики его постепенно сделались монотонными. Гаррати вспомнилась та единственная Долгая Прогулка, свидетелем которой он был — также

во Фрипорте, — и парень, который монотонно стонал: *Не могу. Не могу. Не могу.*

Клингерман, подумал он, закрой рот.

Но Клингерман продолжал идти и продолжал кричать; обе руки он прижимал к правому боку. И стрелки часов Гаррати продолжали двигаться. Уже восемь пятнадцать. Ты ведь будешь там, Джен, правда? Правда. Хорошо. Я уже не знаю, чего ты хочешь, я знаю только, что я еще жив и мне надо, чтобы ты была там. Может быть, подашь мне знак. Только будь там. Только будь там.

Восемь тридцать.

— Подбираемся к этому хренову городу, да, Гаррати? — простонал Паркер.

— *Тебе-то* что за дело? — издевательски поинтересовался Маквpайс. — Тебя там наверняка не ждет девушка.

— Девушки у меня везде есть, придурок, — сказал Паркер. — Они все, как только видят это лицо, вопят и бесноватся.

Лицо, о котором он говорил, было теперь худым и измученным, оно сделалось тенью прежнего лица Колли Паркера.

Восемь сорок пять.

Гаррати поравнялся с Маквpайсом и намеревался уйти вперед, но Маквpайс удержал его.

— Помедленнее, друг, — сказал он. — Оставь силы на вечер.

— Не могу. Стеббинс сказал, ее там не будет. Там, мол, некому будет провести ее в первый ряд. Я должен убедиться. Я должен...

— Успокойся — вот все, что я хочу сказать. Стеббинс мог бы напоить ядом родную мать, если бы это помогло ему выиграть. Не слушай Стеббинса. Она там будет. Во-первых, ее присутствие станет великолепной рекламой.

— Но...

— Никаких «но», Рей. Сбавь скорость и живи.

— Засунь всю эту пошлость себе в задницу! — заорал Гаррати. Потом облизнул губы и провел дрожащей рукой

по лицу. — Прости... Прости меня. Не надо было. Еще Стеббинс сказал, что на самом деле я хочу увидеть только мать.

— А ты не хочешь ее видеть?

— Конечно, хочу! Какого черта ты думаешь, что я... Нет... Да... Не знаю. Когда-то у меня был друг. И мы с ним... Мы разделись... А она... она...

— Гаррати, — произнес Макврайс и положил ему руку на плечо. Клингерман теперь кричал очень громко. Кто-то из передних рядов зрителей спросил, не дать ли ему алка-зельтцера. Эта реплика вызвала всеобщий смех. — Ты рассыпаешься, Гаррати. Успокойся. Соберись.

— *Убирайся!* — закричал Гаррати, поднес кулак ко рту и укусил костяшки пальцев. Через секунду он добавил: — Просто отойди от меня.

— Хорошо. Конечно.

Макврайс зашагал прочь. Гаррати хотел снова позвать его и не смог. В четвертый раз наступило девять утра. Они повернули назад, и толпа осталась внизу, когда они вступили на подвесной мост. Миновав его, они оказались во Фрипорте. Впереди их ожидал центр развлечений, где Гаррати и Джен иногда гуляли после кино. Они повернули направо и вышли на федеральное шоссе 1, которое кто-то назвал «большим шоссе». Большое или нет, главное, оно последнее. Гаррати мерещилось, что стрелки его часов вот-вот отлетят от циферблата. Перед группой лежал центр города. Кафе Вулмена, приземистое уродливое здание, спрятавшееся за ложным фасадом, будет с правой стороны. Из-за дождя часы теперь тикали глухо, безжизненно. Толпы на тротуарах росли. Кто-то врубил городскую пожарную сирену, и ее вой теперь накладывался на стенания Клингермана. Кошмарный дуэт Клингермана и пожарной сирены города Фрипорта.

Кровеносные сосуды Гаррати застыли, превратились в медные провода. Он слышал, как бьется пульс, слышал его то в кишечнике, то в горле, то между глаз. Двести ярдов. Они

все выкрикивали его имя *(РЕЙ-РЕЙ-НЕ-БОЛЕЙ!)*, но он все еще не видел знакомых лиц в толпе.

Он вышел к правой обочине, оказавшись всего в нескольких дюймах от вытянутых рук Толпы, и одна длинная мускулистая рука даже схватила его за рубашку, и он отскочил, словно боясь, что его затянет в молотилку. Солдаты немедленно прицелились в него, готовясь выстрелить при малейшей попытке нырнуть в людское море. Осталось всего лишь сто ярдов. Он видел большую коричневую вывеску Вулмена, но нигде не было ни матери, ни Джен. Боже, Боже мой, Стеббинс прав... И даже если они здесь, как ему отыскать их среди этой движущейся, волнующейся массы?

Он издал мучительный стон, как будто извергал из себя собственную плоть. Он споткнулся, непослушные ноги подогнулись, и он чуть не упал. Стеббинс оказался прав. Ему захотелось остановиться, не идти дальше. Разочарование, чувство утраты настолько ошеломили его, что он ощутил в себе пустоту. Куда он шел? Куда идти теперь?

Пожарная сирена выла, Толпа орала, Клингерман кричал, дождь лил, а маленькая замученная душа Рея Гаррати колотилась у него в голове.

Я не могу больше. Не могу, не могу, не могу. Однако ноги продолжали шагать. *Где я? Джен? Джен?.. ДЖЕН!*

Он увидел ее. Она махала ему голубым шелковым шарфом, который он подарил ей на день рождения. Капли дождя, как драгоценные камни, сверкали в ее волосах. Рядом с ней в простом черном плаще стояла его мать. Толпа прижала их друг к другу, и они беспомощно раскачивались вместе со всеми. На плече Джен пристроилось дурацкое рыло телекамеры.

Где-то внутри у него разорвалась бомба и наполнила его горечью. Зеленая болезненная волна. Он неуклюже припустил бегом; распухшие ноги хлюпали в промокших носках.

— Джен! Джен!

Он слышал слова у себя в мозгу, а собственного голоса не слышал. Телекамера упорно следила за ним. Поднялся невообразимый шум. Гаррати читал на движущихся губах Джен свое имя. Он должен оказаться рядом с ней, он должен...

Чья-то рука резким рывком остановила его. Снова Макврайс. Бесполый, искаженный динамиком голос солдата объявил обоим первое предупреждение.

— Только не в толпу! — прокричал Макврайс в самое ухо Гаррати. Боль ланцетом врезалась в его мозг.

— Пусти меня!

— Рей, я не дам тебе убить себя!

— *Оставь меня и катись!*

— Ты хочешь умереть на ее руках? Так?

Время уплывает. Она плачет. Он видит слезы на ее щеках. Он вырвался из рук Макврайса. Вновь ринулся к ней. Он тяжело, зло всхлипывает. Ему хочется спать. Он обретет сон на ее руках. Он любит ее.

Рей, я люблю тебя.

Он читает эти слова по ее губам.

А Макврайс все еще рядом. Яркий луч телевизионной осветительной установки. Боковым зрением Гаррати увидел ребят из своего класса; они развернули огромное знамя, и почему-то на нем было его лицо со школьной фотографии, увеличенное до размеров морды Годзиллы, он ухмылялся самому себе, плачущему и рвущемуся к Джен.

Динамик пролаял второе предупреждение. Как глас Божий.

Джен...

Она рвется к нему. Руки ее тянутся к нему. Их пальцы соприкасаются. Холодная ладонь. Ее слезы...

Мама. Ее руки тянутся...

Он схватил ее за руку. Одна его рука сжимала руку Джен, другая — мамину руку. Он дотронулся до них. Исполнено.

Исполнено, прежде чем рука Макврайса, неумолимого Макврайса опять опустилась на его плечо.

— *Отпусти меня! Отпусти!*

— Ты что, ненавидишь ее, друг? — рявкнул ему в ухо Макврайс. — Чего ты хочешь? Умирая, залить их своей кровью? Тебе этого захотелось? Ради всего святого, иди!

Он вырывался, но Макврайс силен. Может быть, Макврайс прав. Он посмотрел на Джен. Теперь в ее расширившихся глазах стоял страх. Его мать жестами показывала ему: «Будут стрелять». А на губах Джен он читал только одно слово, похожее на проклятие: *Иди! Иди!*

Конечно, надо идти, тупо подумал он. Я — парень из Мэна. В эту секунду он ненавидел ее — хотя если он и совершил свой поступок, то лишь для того, чтобы заманить ее, а также мать, в ловушку, которую он расставил для себя самого.

Магическим громом прогрохотало третье предупреждение — ему и Макврайсу; зрители притихли и наблюдали за происходящим жадными глазами. Теперь на лицах Джен и матери Гаррати отразился панический ужас. Мама закрыла лицо руками, и ее жест напомнил Гаррати руки Барковича, взлетевшие к горлу, как встревоженные голуби.

— Если тебе непременно надо, сделай это за поворотом, трус дешевый! — кричал Макврайс.

Гаррати захныкал. Макврайс снова переиграл его. Макврайс очень силен.

— Ладно, — сказал он, не зная, слышит ли его Макврайс. Он уже шел. — Хорошо, хорошо, только отпусти меня, пока не сломал мне позвоночник. — Он всхлипнул, икнул, утер нос.

Макврайс осторожно отпустил его, но был готов схватить снова.

Как завороженный, Гаррати обернулся, но Джен и мама уже исчезли в толпе. Ему казалось, он никогда не забудет нарастающей паники в их глазах. Его уверенность испарилась. Он не получил ничего, кроме взмаха голубого шарфа.

Он не смотрел больше назад. Предательские ноги, спотыкаясь, несли его прочь из города.

Они вышли из Фрипорта.

Глава 16

Выступила кровь! Листон шатается!
Клей потряс его комбинацией ударов!..
Клей наступает... Клей убивает его!
Клей его убивает!
Дамы и господа, Листон упал!
Сонни Листон упал! Клей танцует на ринге...
Машет... Приветствует зрителей!
Да, дамы и господа, у меня нет слов,
чтобы описать эту сцену!

Радиокомментатор
*«Второй бой Клей — Листон»**

Таббинс сошел с ума. Таббинс — невысокий очкастый парнишка с усеянным веснушками лицом. На нем были чересчур свободные синие джинсы, которые ему приходилось все время подтягивать. Говорил он не много, но, в общем, был приятным парнем, пока не тронулся.

— БЛУДНИЦА! — бормотал Таббинс под дождем. Он запрокинул голову, и дождевая вода стекала с его очков на щеки, текла по губам, по подбородку. — ВАВИЛОНСКАЯ БЛУДНИЦА ЯВИЛАСЬ СРЕДИ НАС! ОНА ПРОПОВЕДУЕТ ЛОЖЬ НА УЛИЦАХ И РАЗДВИГАЕТ НОГИ НА НЕЧИСТЫХ БУЛЫЖНИКАХ! О НИЗОСТЬ! О НИЗОСТЬ! БЕРЕГИТЕСЬ ВАВИЛОНСКОЙ БЛУДНИЦЫ! С УСТ ЕЯ ТЕЧЕТ МЕД, НО В СЕРДЦЕ У НЕЯ ЖЕЛЧЬ И ЧЕРВЬ ДРЕВОТОЧАЩИЙ...

— И еще у нее гонорея, — устало добавил Колли Паркер. — Елки-палки, да это хуже, чем Клингерман. — И громко крикнул: — Эй, помолчи, Табби!

— БЛУД И РАЗВРАТ! — завопил Таббинс. — НИЗОСТЬ! ГРЯЗЬ!

---

* Кассиус Клей, более известный как Мохаммед Али, и Сонни Листон — знаменитые американские боксеры-тяжеловесы 1960—1970 гг.

— К чертям его, — пробормотал Паркер. — Я его сам убью, если он не заткнется.

Он провел дрожащими костлявыми пальцами по губам, опустил руки к поясу, и ему потребовалось тридцать секунд на то, чтобы добраться до кармана, в котором лежала фляга. Поднося флягу ко рту, он едва не выронил ее, и половина воды пролилась. Паркер беспомощно заплакал.

Три часа дня. Портленд и Южный Портленд остались позади. Минут пятнадцать назад они прошли под мокрым дорожным указателем, возвещавшим, что до границы Нью-Хэмпшира осталось всего 44 мили.

Всего, подумал Гаррати. Всего — что за глупое слово. Какой идиот забрал себе в башку, что нам нужно такое глупое маленькое слово?

Он шел рядом с Макврайсом, но Макврайс после Фрипорта разговаривал исключительно односложно. Гаррати почти не осмеливался заговаривать с ним. Он снова оказался в долгу, и ему было стыдно. Ему было стыдно потому, что он знал, что не поможет теперь Макврайсу, если представится случай. Джен уже нет, и мамы нет. Они ушли, навеки и непреложно. Если он не победит. А теперь ему очень хотелось победить.

Странно. Он не помнил, чтобы прежде ему когда-нибудь хотелось победить. Даже на старте, когда он был еще свеж (а было это давно, когда по Земле ходили динозавры), он не *хотел* выиграть. Он лишь бросал вызов. Но из дул карабинов вылетали не флажки с надписью ПИФ-ПАФ. Это не бейсбол. Здесь все по-настоящему.

А знал ли он об этом на протяжении всего пути?

Боль в ступнях, казалось, усилилась вдвое в тот момент, когда он решил, что хочет выиграть, и при долгих вдохах в груди у него кололо. Ощущение лихорадки росло; не исключено, что он заразился от Скрамма.

Он хочет победить, но даже Макврайс не в силах перенести его через невидимую финишную линию. Нет, едва ли ему удастся победить. В шестом классе он показал лучший ре-

зультат на конкурсе по орфографии и отправился на районный конкурс, но районным конкурсом руководила не мисс Петри, которая всегда разрешала взять ход назад. Мягкосердечная мисс Петри. Он стоял там, не веря своим глазам. Конечно, где-то должна скрываться ошибка, но ее не было. Просто он не заслуживал успеха и не заслуживает его и сейчас. Он может одолеть большинство соперников, но не всех. Его ноги уже достаточно сердились и восставали, и решительный бунт не за горами.

После Фрипорта погибли лишь трое, в том числе злополучный Клингерман. Гаррати знал, о чем думают все остальные. Слишком много билетов уже роздано, чтобы оставшиеся в живых так просто сдались. Каждому остается пережить всего двадцать конкурентов. Теперь все они будут идти до тех пор, пока тело или разум не откажутся *им служить*.

Они прошли по мосту над небольшим ручьем, на поверхности которого, обычно гладкой, из-за дождя появилась рябь. Грохнули ружья, толпа взревела от восторга, и Гаррати почувствовал, как вползающая в его мозг упрямая надежда забралась внутрь на бесконечно малую величину глубже.

— Тебе понравилось, как выглядела твоя девушка?

Абрахам, похожий на узника концентрационного лагеря. По какой-то невообразимой причине он сбросил и куртку, и рубашку, обнажив костлявую грудь и выступившие ребра.

— Да, — ответил Гаррати. — Надеюсь, я смогу к ней вернуться.

Абрахам улыбнулся:

— Надеешься? Правильно, я тоже начинаю припоминать это слово. — В словах его прозвучал смягченный вызов. — Это был Таббинс?

Гаррати прислушался, но не услышал ничего, кроме неумолчного рева толпы.

— Ну да, конечно, да. Наверное, Паркер его сглазил.

— Я все повторяю себе, — сказал Абрахам, — что должен делать только одно: ставить одну ногу впереди другой.

— Да.

Абрахам погрустнел:

— Гаррати... Нехорошо говорить...

— Что такое?

Абрахам долго молчал. На ногах у него были тяжелые оксфордские ботинки, на взгляд Гаррати (чьи босые ноги давно промокли, онемели и замерзли), безумно тяжелые. Они шлепали и волочились по дороге, на которой теперь появилась третья полоса движения. Толпа как будто вела себя тише или просто располагалась не так ужасающе близко, как на всем пути после Огасты.

Абрахам был крайне расстроен.

— Нехорошо... Даже не знаю, как сказать.

Гаррати, сбитый с толку, пожал плечами:

— Давай, говори как есть.

— Так вот. Мы кое о чем договариваемся. Все, кто остался.

— Может, напишешь?

— Своего рода... обещание.

— Правда?

— Никому никакой помощи. Каждый идет сам или останавливается.

Гаррати посмотрел вниз, на ноги. Спросил себя, как давно ему в последний раз хотелось есть и как скоро он потеряет сознание, если не поест. Ему пришло в голову, что оксфордские ботинки Абрахама подобны Стеббинсу — они могут донести Абрахама отсюда до моста «Золотые Ворота»* и даже не потрескаются... По крайней мере так они выглядят.

— Довольно жестокая мысль, — наконец сказал он.

— Сама ситуация достаточно жестока, — возразил Абрахам, не глядя на него.

— Ты уже со всеми переговорил?

— Нет. Человек двенадцать.

— Ты прав, нехорошая штука. Понимаю, тебе нелегко предлагать такое.

— Нам всем с каждой милей тяжелее, а не легче.

---

* Висячий мост «Золотые Ворота» находится в Сан-Франциско.

— Что они сказали?

Разве он не знает, что они сказали? Что же еще они могли сказать?

— Они «за».

Гаррати открыл рот и закрыл его. Посмотрел вперед, на Бейкера. Бейкер шел в насквозь промокшей куртке. Он склонил голову на грудь. Одно бедро неуклюже выворачивалось. Левая нога здорово одеревенела.

— Зачем ты снял рубашку? — неожиданно спросил он у Абрахама.

— От нее кожа зудела. Сыпь выступила. Рубашка синтетическая была. Может, у меня аллергия на синтетику, откуда мне теперь знать? Так что скажешь, Рей?

— Ты говоришь как кающийся грешник.

— Так что скажешь? Да или нет?

— По-моему, я должен Макврайсу пару раз.

Макврайс шел рядом, но невозможно было сказать, слышит ли он их разговор или шум толпы полностью заглушает их голоса. Давай, Макврайс, подумал он. Скажи ему, что я ничего тебе не должен. Говори, сукин сын.

Но Макврайс молчал.

— Хорошо. Считайте, что я с вами, — сказал Гаррати.

— Отлично.

Отныне я — животное. Грязная, измученная, тупая скотина. Сделал это. Продался.

— Я не буду пытаться.

— И никто не попытается помочь тебе.

— Угу.

— Ничего личного, Рей. Ты сам понимаешь. Но мы теперь вынуждены.

— Держись или умирай.

— Именно.

— Ничего личного. Назад, к закону джунглей. — Мгновение он думал, что Абрахам обидится, но тот испустил быстрый, усталый, ничего не выражающий вздох. Возможно, он слишком измучен и уже не способен обижаться.

— Ты согласился. Ты дал слово, Рей.

— Наверное, — сказал Гаррати, — я сейчас должен взвиться и завопить, что сдержу обещание, потому что мое слово нерушимо. Но я хочу быть честным. А хочу я, чтобы этот билет достался тебе, Абрахам. И чем скорее, тем лучше.

Абрахам облизал губы.

— Ага.

— Хорошие ботинки, Аб.

— Ага. Только дьявольски тяжелые. Выиграешь в прочности — проиграешь в весе.

— Ты в них уже не потанцуешь, верно?

Абрахам рассмеялся. Гаррати смотрел на Макврайса. Непроницаемое лицо. Может быть, он слышал. Может, нет. Дождь усилился, сделался холоднее. Струи падали теперь отвесно. Кожа Абрахама белая, как рыбье брюхо. Без рубашки он больше похож на каторжника. Гаррати подумал: говорил ли кто-нибудь Абрахаму, что без рубашки у него нет ни единого шанса продержаться до утра? Уже как будто начинаются сумерки. Макврайс! Ты слышал нас? Я продал тебя, Макврайс. Нет больше мушкетеров.

— А-а, я не хочу умереть вот так, — сказал Абрахам. Он плакал. — Не хочу умирать на глазах у людей, чтобы они умоляли меня подняться и пройти еще несколько миль. Достоинства в этом не больше, чем в смерти идиота, который глотает собственный язык и одновременно делает кучу в штаны.

Гаррати обещал никому больше не помогать в четверть четвертого. К шести часам вечера билет получил только один. Никто не разговаривал. Кажется, подумал Гаррати, все соблюдают молчаливый уговор — не обращать внимания на то, как ускользают последние мгновения жизни, просто игнорировать этот факт, делать вид, что ничего не происходит. Группы — от которых, увы, мало кто остался — распались окончательно. На предложение Абрахама согласились все. Макврайс. Бейкер. Стеббинс засмеялся и спросил, не нужно ли ему проколоть палец и расписаться кровью.

Наступал очень холодный вечер. Гаррати уже задавал себе вопрос, в самом ли деле где-то существует такая штука — солнце, или она ему приснилась. Даже Джен превратилась в сон, в сон в летнюю ночь, а лета того никогда не было.

Зато отца он видел как будто еще более ясно. У отца густая шапка волос — такие же волосы достались Гаррати в наследство — и мясистые шоферские плечи. С таким телосложением он мог играть в футбол, хоккей или регби последним защитником. Он вспоминал, как отец поднимал его на руках, вертел так, что начинала кружиться голова, ерошил ему волосы, целовал. Любил.

Он с грустью понял, что во Фрипорте толком и не увидел мать, но она была там, стояла в потертом черном плаще, она надела его «на счастье»; воротник этого плаща всегда был щедро усыпан белой перхотью вне зависимости от того, как часто она мыла голову. Наверное, он глубоко ее ранил тем, что все внимание отдал Джен. Возможно, он и хотел ее ранить. Но сейчас это не важно. Это в прошлом. А сейчас перед ним открывается будущее, хотя оно и сплетено в тугой узел.

Заплываешь все дальше, подумал он. Все дальше и глубже, и вот ты уже плывешь не в бухте, а в открытом океане. Когда-то все это казалось таким простым. Даже забавным, да. Он поговорил с Макврайсом, и Макврайс объяснил ему, что в первый раз спас ему жизнь, повинуясь чистому рефлексу. Во второй раз он поступил так, чтобы избавить от отвратительной сцены красивую девушку, с которой он никогда не будет знаком. Как не будет знаком и с беременной женой Скрамма. Гаррати ощутил внезапный приступ грусти и тоски. Он так давно не вспоминал Скрамма. Он решил, что Макврайс по-настоящему взрослый. И спросил себя, почему *ему* самому так и не удалось повзрослеть.

Прогулка продолжалась. Город за городом проходили мимо.

Гаррати впал в странно приятную меланхолию. Это его состояние было прервано каким-то неправильным треском ка-

рабина и хриплым криком. Он поднял взгляд и с изумлением увидел, что Колли Паркер стоит в кузове автофургона, а в руках у него — ружье.

Один из солдат выпал из фургона на дорогу и уставился в небо безжизненными глазами. В центре его лба была аккуратная маленькая дырка, по краям которой чернел пороховой след.

— Ублюдки! Сволочи! — кричал Паркер. Остальные солдаты выпрыгнули из фургона. Паркер оглядел остолбеневших Идущих. — Пошли, ребята! Пошли! Мы можем...

Все Идущие, и Гаррати в том числе, смотрели на Паркера так, как если бы он вдруг заговорил на иностранном языке. И тут один из солдат, выпрыгнувших из фургона, когда Паркер вскарабкался в кузов, аккуратно выстрелил в спину Колли Паркеру.

— Паркер! — закричал Макврайс. Казалось, один он понял, что произошло, и увидел, что они, может быть, упускают свой шанс. — Нет! Паркер!

Паркер охнул, словно кто-то ударил его обернутой войлоком гирей. Пуля прошила его, и Колли Паркер стоял в кузове автофургона, а его кишки вываливались наружу, на разорванную рубашку цвета хаки и синие джинсы. Одну руку он выбросил вперед, словно намеревался произнести гневную обличительную речь, и так и застыл.

— Боже.

— Сволочи, — сказал Паркер.

Он дважды выстрелил в асфальт из ружья, которое недавно выхватил у покойного солдата. Пули жалобно просвистели, и Гаррати почувствовал, как одна из них рассекла воздух у его лица. В толпе кто-то завопил от боли. Затем карабин выскользнул из рук Паркера. Паркер повернулся на каблуках почти по-военному и рухнул на дорогу, где и остался лежать на боку, быстро дыша, как умирающая собака, угодившая под колеса автомобиля. Глаза его сверкнули, и он попытался заговорить, хотя рот его был наполнен кровью.

— Вы. Св. Св. Сво. Свол. Сво. — Он умер, злобно глядя на проходящих мимо.

— Что случилось? — крикнул Гаррати, не обращаясь ни к кому в особенности. — Что с ним *случилось*?

— Он на них напал, — ответил Макврайс, — вот что случилось. Он должен был понять, что у него ничего не выйдет. Он пристроился к ним сзади и напал на спящих во время смены. — И добавил хрипло: — Гаррати, он хотел, чтобы мы к нему присоединились. И мне кажется, мы могли бы справиться.

— Ты о чем? — Гаррати вдруг почувствовал, что он испуган.

— А ты не знаешь? — отозвался Макврайс. — Ты не знаешь?

— Присоединиться к нему?.. Что?..

— Забудь. Просто *забудь*.

Макврайс отошел в сторону. Гаррати пробрала дрожь. Он не мог с ней сладить. Он не понимает, о чем говорил Макврайс. Он не хочет понимать, о чем говорил Макврайс. Даже думать об этом не хочет.

Прогулка продолжалась.

К девяти часам вечера дождь прекратился, но звезд на небе не было. Билетов больше никто не получал, но Абрахам регулярно издавал нечленораздельные стоны. Было очень холодно, но ни один человек не предлагал Абрахаму свою одежду. Гаррати хотелось смотреть на это как на некую высшую справедливость, но от этих мыслей ему становилось только хуже. Боль перешла в постоянную тошноту, как будто внутри у него рос отвратительный зеленый гриб. Его пояс с едой был почти полон, но ему удалось выдавить в себя только небольшой тюбик рыбного концентрата.

Бейкер, Абрахам, Макврайс. Из его друзей в живых оставались только эти трое. Еще Стеббинс, если его можно назвать чьим-то другом. Скорее, знакомый. Или полубог. Или дьявол. Что угодно. Как знать, доживет ли кто-нибудь до утра. Как знать, доживет ли до утра он сам, чтобы получить ответ на этот вопрос.

Задумавшись, он едва не налетел в темноте на Бейкера. В руках у Бейкера что-то звякало.

— Что ты делаешь? — спросил Гаррати.

— У-мм? — На него глянули пустые глаза Бейкера.

— Что ты делаешь? — терпеливо повторил Гаррати.

— Считаю мелочь.

— И сколько у тебя?

Бейкер позвенел монетами и улыбнулся:

— Доллар двадцать два цента.

Гаррати заулыбался:

— Да, состояние. И что ты будешь с ним делать?

Бейкер уже не улыбался. Его сонные глаза глядели в холодную мглу.

— Мне нужен большой, — сказал он. Его южный акцент заметно усилился, он теперь сильнее растягивал слова. — Со свинцовой обшивкой снаружи. Внутри надо обить розовым шелком, а под голову — белую атласную подушку. — Его совершенно пустые глаза мигнули. — Чтоб не сгнил до Страшного суда, когда мы все пред Ним предстанем. Одетые плотью нетленной.

Ужас теплой тонкой струйкой начал проникать в Гаррати.

— Бейкер! Бейкер, ты сходишь с ума?

— А что делать? Мы все сошли с ума, когда решили попытаться. Это зло нельзя одолеть. В этом мире. Свинцовая обшивка, вот и билет...

— Приди в себя, иначе к утру будешь мертв.

Бейкер кивнул. Костлявое, туго обтянутое кожей лицо.

— Вот и билет. Я хотел умереть. А ты? Разве не из-за этого?

— Замолчи! — крикнул Гаррати. Его снова била дрожь.

Начался крутой подъем, и разговор оборвался. Гаррати шел наклонясь вперед. Он дрожал от холода, его бросало в жар; болела спина, болела грудь. Он не сомневался, что очень скоро мускулы просто откажутся поддерживать его тело. Он думал об обшитом свинцом гробе, в котором Бейкер будет лежать во тьме тысячелетий, и спрашивал себя, не последний

ли это предмет, о котором ему пришлось подумать в жизни. Остается надеяться, что нет, надо только направить мысли на другой путь.

Солдаты время от времени выкрикивали предупреждения. Теперь они вновь дежурили в полном составе — тот, которого убил Паркер, был незаметно заменен. Справа и слева слышались монотонные приветствия зрителей. Гаррати думал о том, каково будет лежать в глубочайшей тишине, в вековечной пыли с закрытыми глазами, видеть бесконечные, бездумные сны, лежать века и века в воскресном костюме. Ничто не будет тебя беспокоить — деньги, успех, страх, радость, боль, горе, секс, любовь. Асолютная пустота. Ни отца, ни матери, ни возлюбленной, ни любовницы. Мертвые — сироты. Конец мукам ходьбы, конец долгому кошмару, конец этой долгой дороге. Тело обретет мир и покой. Совершенная тьма смерти.

Как там будет? Как?

Внезапно его искореженные, больные мускулы, заливающий лицо пот, даже боль — все это показалось ему дорогим и настоящим. Он удвоил усилия, добрался до вершины холма и продолжал исступленно дышать на протяжении всего спуска.

В 11:40 умер Марти Уаймен. Гаррати уже забыл Уаймена, так как он не разговаривал и не подавал о себе вестей в течение двадцати четырех часов. И в смерти его не было ничего выдающегося. Он просто лег на дорогу, и его застрелили. И кто-то прошептал — Уаймен. И еще кто-то прошептал — восемьдесят три, верно? И все.

В полночь они находились всего в восьми милях от границы Нью-Хэмпшира. Прошли мимо летнего кинотеатра, который длинным неясным пятном белел в темноте. На экране был натянут плакат: АДМИНИСТРАЦИЯ КИНОТЕАТРА ПРИВЕТСТВУЕТ УЧАСТНИКОВ ДОЛГОЙ ПРОГУЛКИ! В 12:20 вновь полил дождь, Абрахам начал кашлять. Такой же влажный, резкий кашель мучил Скрамма незадолго до его смерти. К часу ночи дождь превратился в ливень; у

Гаррати заболели глаза и начался озноб. Ветер дул Идущим в спину.

В четверть второго Бобби Следж попытался нырнуть в толпу под покровом темноты. Солдаты быстро и аккуратно расстреляли его. Гаррати подумал, что убил Следжа, возможно, тот самый блондин, который едва не выдал билет ему самому. Он знал, что блондин на дежурстве; он ясно различал его лицо в свете фар стоящих у обочины машин. И от души жалел, что не этого блондина подстрелил Паркер.

Без двадцати два Бейкер рухнул и ударился головой об асфальт. Гаррати рванулся к нему, даже не раздумывая. Все еще сильная рука удержала его за плечо. Это был Маквайс. Разумеется, это должен был быть Маквайс.

— Нет, — сказал он. — Мушкетеров больше нет. Теперь все всерьез.

Они прошли мимо не оглядываясь.

Бейкер получил три предупреждения, затем наступило бесконечное молчание. Гаррати ждал выстрелов, но их не было. Он посмотрел на часы. Прошло больше четырех минут. Вскоре Бейкер появился рядом с ним и Маквайсом. Он не смотрел по сторонам. На лбу его появилась отвратительная кровавая рана, зато взгляд стал более осмысленным. Пустое, сонное выражение исчезло.

Незадолго до двух они вошли в Нью-Хэмпшир. Такого столпотворения им еще не приходилось видеть. Прогремел орудийный залп. Фейерверк осветил ночное небо. Все пространство, на сколько хватало глаз, заполонили толпы. Духовые оркестры, соревнуясь друг с другом в громкости звучания, играли марши. На Идущих обрушился гром приветствий. В ночном небе возникло огромное световое изображение Главного, и Гаррати бессознательно подумал о Боге. Лицо Главного сменилось лицом временного губернатора Нью-Хэмпшира, который прославился тем, что в 1953 году едва ли не в одиночку взял штурмом в Сантьяго немецкую ядерную базу. В результате лучевой болезни он потерял ногу.

Гаррати опять дремал. Мысли его делались бессвязными. Фрики Д'Аллессио скорчился под качалкой тетушки Бейкера. Он был похож на пухлого Чеширского кота и улыбался, обнажая зубы. Между слегка раскосых зеленых глаз среди шерсти можно было разглядеть зажившую рану, нанесенную бейсбольным мячом. Они вместе смотрели, как солдаты ведут отца Гаррати к черному автофургону без номеров. Один из солдат, шедший рядом с Гаррати-старшим, оказался тем самым блондином. Отец Гаррати был в одних трусах. Второй солдат оглянулся через плечо, и Гаррати показалось, что это Главный. Потом он увидел, что это Стеббинс. Гаррати посмотрел на кресло-качалку и увидел, что Чеширский кот с головой Фрики пропал и только улыбка арбузной долькой парила в воздухе...

Ружья опять стреляют, Боже, на этот раз они стреляют в него, это конец, вот и все... Он проснулся и пустился бегом; боль из ступней тут же поднялась до промежности, и Гаррати не сразу понял, что стреляли не в него, стреляли в кого-то другого, кто-то другой упал ничком на мокрый асфальт.

— Святая Мария, — прошептал Макврайс.

— Отводящая беды, — подхватил идущий за их спинами Стеббинс. Он приблизился к убитому и теперь улыбался, как Чеширский кот из сна Гаррати. — Дай силы дожить мне до полной победы.

— Идем, — сказал Макврайс. — Умная ты задница.

— Моя задница, — торжественно объявил Стеббинс, — нисколько не умнее твоей.

Макврайс и Гаррати рассмеялись; смех получился несколько нервным.

— Ну разве что самую малость, — добавил Стеббинс.

— Шагай-шагай, молчком-молчком, — нараспев произнес Макврайс.

Он провел дрожащей ладонью по лицу и двинулся вперед, глядя прямо перед собой. Плечи его очертаниями напоминали поломанный лук.

До трех часов свалился еще один — неподалеку от Портсмута он упал на колени, был застрелен и остался лежать под

дождем. Абрахам, постоянно кашляя, шел в безнадежной лихорадке; его как будто окутывало сияние смерти, и Гаррати пришла мысль о метеоритах. Абрахам наверняка сгорит заживо — настолько далеко зашла его простуда.

Бейкер упрямо и мрачно шагал вперед, решив избавиться от предупреждений прежде, чем Прогулка избавится от него. Гаррати видел его сквозь сплошную пелену дождя. Он шел прихрамывая и держась руками за бока.

Маквpайс начинал сдавать. Гаррати не заметил, когда это началось. Это могло начаться в любое мгновение, когда Гаррати не видел его лица. Только что он был еще силен (Гаррати не забыл, как Маквpайс схватил его за плечо, когда упал Бейкер), и вот он уже идет как старик. Страшновато.

Стеббинс оставался Стеббинсом. Он все двигался и двигался вперед, как и ботинки Абрахама. Похоже, он чуть-чуть припадал на одну ногу, но, возможно, его хромота была плодом воображения Гаррати.

Пятеро из прочих десяти уже вошли в глубинный мир, открытый Олсоном, куда уже не проникали боль и сознание того, что ждет впереди. Как огромные призраки, они двигались во тьме, и Гаррати не хотелось смотреть на них. Это шли мертвецы.

Незадолго до рассвета выбыли сразу трое. Толпа издала новый взрыв восторга, видя, как три тела тяжело рухнули на дорогу, словно подрубленные деревья. Гаррати подумалось, что начинается цепная реакция, которая сейчас захватит их всех и прикончит. Но продолжения не последовало. Реакция закончилась тем, что Абрахам рухнул на колени и пополз; его невидящие глаза были обращены к фургону и стоящим позади людям. Глаза овцы, напоровшейся на колючую проволоку. Вскоре он упал вниз лицом. Его тяжелые оксфордские ботинки заколотили по мокрому асфальту и затихли.

Начиналась влажная симфония рассвета. Начинался пятый, последний день Прогулки, сырой и хмурый. Над почти пустой дорогой выл, как заблудившаяся в незнакомом и страшном месте собака, ветер.

Часть третья
КРОЛИК

Глава 17

Мама! Мама! Мама! Мама!

Преподобный Джим Джонс
в минуту отречения

В пятый и последний раз раздали концентраты. Теперь раздавал их всего один солдат. На дороге оставалось девять участников Прогулки. Некоторые из них тупо смотрели на свои пояса, словно никогда раньше не видели подобных штук, и в конце концов выпустили их из рук, как будто держали скользких змей. Гаррати казалось, что он возился несколько часов, прежде чем ему удалось завершить сложный ритуал застегивания пояса на талии. При мысли о еде его сжавшийся, высохший желудок запротестовал и он почувствовал тошноту.

Теперь рядом с ним вышагивал Стеббинс. В голове Гаррати пронеслась уродливая мысль: мой ангел-хранитель. Стеббинс, заметив, что Гаррати смотрит на него, широко улыбнулся, отправил в рот два крекера, намазанных арахисовым маслом, и начал шумно жевать. Гаррати затошнило.

— Что такое? — спросил Стеббинс, жуя. — Не можешь?

— Тебе что за дело?

Стеббинс проглотил пищу, как показалось Гаррати, с видимым усилием.

— Никакого. Если ты упадешь в голодный обморок, тем лучше для меня.

— Я думаю, мы войдем в Массачусетс, — с тоской сказал Макврайс.

Стеббинс кивнул:

— Первая Прогулка за семнадцать лет. Публика с ума сойдет.

— Откуда ты столько знаешь о Долгой Прогулке? — резко спросил его Гаррати.

Стеббинс пожал плечами:

— Все ведь записано. Им нечего стыдиться. Как и сейчас, правильно?

— Стеббинс, что ты будешь делать, если победишь? — спросил Макврайс.

Стеббинс засмеялся. В его тонком, покрытом пухом, мокром усталом лице было что-то львиное.

— А ты как думаешь? Что я куплю желтый «кадиллак» с красным верхом и дом и в каждой комнате поставлю цветной телевизор и стереоколонки?

— Я бы предположил, — сказал Макврайс, — что ты пожертвуешь две-три сотни тысяч в пользу Общества жестокого обращения с животными.

— Абрахам был похож на овцу, — неожиданно сказал Гаррати. — На овцу, запутавшуюся в колючей проволоке. Так мне показалось.

Они прошли под дорожным указателем, возвещавшим, что до границы Массачусетса осталось только пятнадцать миль; лишь небольшой участок федерального шоссе 1 проходил по территории Нью-Хэмпшира. Шоссе пересекало узкую полосу земли, отделяющую Мэн от Массачусетса.

— Гаррати, — дружелюбно сказал Стеббинс, — пошел бы ты потрахался со своей матушкой.

— Извини, ты не на ту кнопку жмешь. — Гаррати решительно извлек из пояса плитку шоколада и отправил ее в рот целиком. Желудок скорчился, но он все-таки проглотил шоколад. После непродолжительной, но интенсивной борьбы

с желудком Гаррати понял, что сумеет удержать шоколад внутри. — Мне представляется, я смогу пройти целый день, если захочу, — заметил он, — и еще два дня, если понадобится. Отстань, Стеббинс. Кончай свою психологическую войну. Она тебе не поможет. Поешь лучше крекеров с арахисовым маслом.

Губы Стеббинса плотно сжались — всего на миг, но Гаррати заметил. Он раскусил Стеббинса. Настроение его резко поднялось. Он наконец набрел на золотую жилу.

— Давай, Стеббинс, — сказал он, — расскажи нам, зачем *ты* здесь. Сам понимаешь, нам недолго оставаться вместе. Расскажи. Это останется между нами тремя, ведь мы теперь знаем, что ты не Супермен.

Стеббинс раскрыл рот и на удивление быстро выбросил наружу только что проглоченные крекеры. Они вылетели на дорогу совершенно целые и, по-видимому, даже не тронутые желудочным соком. Стеббинс пошатнулся и получил предупреждение — всего лишь второе с начала Долгой Прогулки.

Гаррати чувствовал, как кровь стучит в ушах.

— Давай, Стеббинс. Ты готов. Соберись. Расскажи нам.

Лицо Стеббинса приобрело оттенок старой сырной корки, но он снова обрел самообладание.

— Зачем я здесь? А вы хотите знать?

Маквайс с любопытством смотрел на него. Рядом никого не было, ближе всех находился Бейкер, но он шел по самой кромке дороги и внимательно вглядывался в Лицо Толпы.

— Зачем я здесь или зачем иду? Что вы хотите знать?

— Я хочу знать все, — ответил Гаррати. И он сказал правду.

— Я кролик, — начал Стеббинс.

Дождь не утихал. Капли падали с носов Идущих, висели на мочках ушей, как сережки. Шедший впереди босой парень (его ступни сделались багровыми из-за множества лопнувших сосудов) упал на колени, прополз сколько-то, наклонив голову так, что она отчаянно болталась из стороны в сторону, попытался подняться, упал, потом все-таки

встал и устремился вперед. Пастор, с удивлением отметил про себя Гаррати. Он все еще с нами.

— Я кролик, — повторил Стеббинс. — Ты таких видел, Гаррати. Маленькие серые механические кролики, за которыми охотятся гончие на соревнованиях. Как бы быстро собака ни бежала, кролика ей не поймать. Потому что этот кролик не из плоти и крови. Он всего лишь обрубок палки, насаженный на систему колесиков и винтиков. В Англии в прежние времена для этих целей использовали живых кроликов, но собаки иногда их ловили. Новый способ более надежный.

— Он провел меня.

Светло-голубые глаза Стеббинса смотрели на дождевую завесу.

— Можно даже сказать... Он заколдовал меня. Превратил в кролика. Помните Кролика из «Алисы в Стране Чудес»? Но ты, наверное, прав, Гаррати. Пора перестать быть кроликами, свиньями, овцами. Пора становиться людьми... Даже если мы не сможем подняться выше уровня извращенцев и развратников, что сидят в театральных ложах на Сорок второй улице.

В глазах Стеббинса появилось бешеное ликование. Он посмотрел на Гаррати и Макврайса — и те отвернулись. Стеббинс сошел с ума. В этом нельзя было сомневаться. Стеббинс абсолютно безумен.

Его обычно глухой голос теперь звучал словно с амвона:

— Откуда я столько знаю о Долгой Прогулке? О Долгой Прогулке я знаю все! Мне положено! *Главный — мой отец, так-то, Гаррати! Он мой отец!*

Бездумный крик толпы нарастал; возможно, толпа выражала одобрение тому, что сказал Стеббинс, но она не слышала его слов. Выстрелили карабины. Вот почему кричала толпа. Карабины выстрелили, и мертвый Пастор покатился по дороге.

В живот и в мошонку Гаррати вполз холодок.

— Господи, — ахнул Макврайс. — Это правда?

— Это правда, — почти добродушно откликнулся Стеббинс. — Я его внебрачный сын. Понимаете... Я думал, он не знает. Я думал, он не знал, что я его сын. Вот в чем я ошибся. Он, Главный, — старый сучара. Думаю, у него десятки детей на стороне. И я хотел выплеснуть все это на него, выплеснуть на весь мир. И в случае победы я собирался попросить в качестве Приза, чтобы меня приняли в доме моего отца.

— Он все знал? — прошептал Макврайс.

— Он сделал из меня кролика. Маленького серого кролика, который нужен для того, чтобы собаки бежали быстрее... И дольше. По-моему, это сработало. Мы должны дойти до Массачусетса.

— А теперь? — спросил Гаррати.

Стеббинс пожал плечами:

— В конце концов кролик обрастает плотью и кровью. *Я* иду. Говорю. И мне кажется, если конец придет не скоро, то я поползу на брюхе, как змея.

Они прошли под линией электропередачи. Множество людей в сапогах со специальными крючьями висели на опорах над толпой. Они были похожи на богомолов, облепивших кусты.

— Сколько времени? — спросил Стеббинс. Лицо его расплылось из-за дождя. Оно стало лицом Олсона, лицом Абрахама, лицом Барковича... Затем, к ужасу Гаррати, лицом самого Гаррати, беспомощным, измученным, исхудалым, с заострившимися чертами, погруженным в себя. Полусгнившее лицо пугала, торчащего посреди давно заброшенного поля.

— Без двадцати десять, — ответил Макврайс и усмехнулся. Бледный призрак его былой циничной усмешки.

Стеббинс кивнул.

— Гаррати, дождь зарядил на весь день?

— Думаю, да. Очень похоже.

Стеббинс опять медленно кивнул:

— Я тоже так думаю.

— Давайте будем идти, пока не уйдем от дождя, — неожиданно предложил Маквpайс.

— Хорошо. Спасибо.

Они продолжали идти, причем почему-то в ногу, хотя боль по-разному скрутила всех троих.

В Массачусетс они вошли всемером: Гаррати, Бейкер, Маквpайс, с трудом передвигающийся скелет по имени Джордж Филдер, Билл Хафф («с двумя «ф», как он прежде сказал Гаррати), долговязый мускулистый парень Миллиган, чье состояние пока, по-видимому, не вызывало опасений, и Стеббинс.

Позади остался восторженный рев толпы, собравшейся у перекрестка. Нудный дождь продолжался, не усиливаясь и не ослабевая. Весенний ветер завывал и хлестал Идущих со всей бездумной жестокостью молодости. Со зрителей он срывал кепки, они взмывали в белесое небо, как «летающие тарелки», и описывали в воздухе круги.

Совсем недавно — сразу после исповеди Стеббинса — Гаррати почувствовал противоестественную легкость во всем теле. Ноги, казалось, вспомнили, какими они были раньше. Боль в шее и спине уходила, как при анестезии. Гаррати чувствовал себя альпинистом, преодолевшим последний подъем и вышедшим на вершину, в переменчивый мир облаков, в холодный солнечный блеск, в пьянящий разреженный воздух... Туда, откуда можно двигаться только вниз... лететь со скоростью свободного падения.

Фургон ехал чуть впереди. Гаррати увидел светловолосого солдата, скорчившегося в кузове под полотняным зонтом. Он старался выбросить из себя всю боль, все муки, вызванные холодным дождем, и передать их слуге Главного. Блондин безразлично разглядывал его.

Гаррати оглянулся на Бейкера и увидел, что тот страдает от сильнейшего носового кровотечения. Его щеки были перепачканы кровью, и с подбородка стекала кровь.

— Он умирает, да? — спросил Стеббинс.

— Конечно, — отозвался Макврайс. — Они все умирали или умирают. Это для тебя новость?

Резкий порыв ветра швырнул дождевые струи им в лицо, и Макврайс зашатался. Заработал предупреждение. Толпа продолжала приветствовать Прогулку. Казалось, ничто не могло пронять толпу, она оставалась глуха. Хотя по крайней мере сегодня было меньше фейерверков. Хотя бы этому безобидному удовольствию дождь помешал.

Они обогнули большой холм, и сердце Гаррати дрогнуло. До него донесся слабый возглас Миллигана.

Дальше дорога шла между двух высоких холмов, как будто между двух торчащих кверху женских грудей. Холмы были усеяны народом. Идущие шли как бы между двух высоких людских стен.

Внезапно напомнил о себе Джордж Филдер. Его череп поворачивался влево-вправо на шее-палочке.

— Они нас сожрут, — забормотал он. — Упадут на нас и нас сожрут.

— Не думаю, — коротко возразил Стеббинс. — Никогда не было такого, чтобы...

— Они нас сожрут! Нас сожрут! Нассожрут! Сожрут! Сожрут! Нассожрутнассожрут...

Джордж Филдер стал описывать на дороге громадные неровные круги и размахивать руками как сумасшедший. Глаза его горели ужасом, как у мыши, попавшей в мышеловку. Гаррати показалось, что какая-то электронная игра вдруг слетела с катушек.

— *Нассожрутнассожрутнассожрут...*

Он орал на самой высокой ноте, но Гаррати едва слышал его. Рев толпы отчаянно бил по барабанным перепонкам. Гаррати даже не услышал выстрелов, принесших Филдеру билет; он слышал только вопль, изрыгаемый Глоткой Толпы. Тело Филдера неуклюже, но вместе с тем изящно сплясало посреди дороги румбу: каблуки колотили асфальт, корпус извивался, плечи подергивались. Затем, явно устав плясать,

он сел на дорогу, развел ноги и так и умер сидя; подбородок его опустился на грудь, как у мальчика, который заигрался в песочнице и встретил Песочного человека*.

— Гаррати, — заговорил Бейкер. — Гаррати, у меня кровь.

Холмы остались позади, и Гаррати теперь слышал его — с трудом.

— Да, — сказал он. Говорить так, чтобы кто-то услышал, было нелегко.

У Арта Бейкера из носа хлестала кровь. Щеки и шея покрылись коркой запекшейся крови. Даже воротник рубашки пропитался кровью.

— Это не очень страшно, правда? — спросил Бейкер. Он плакал от страха. Он знал, что это страшно.

— Нет, не очень, — ответил Гаррати.

— Дождь теплый, — говорил Бейкер. — Я же знаю, это все дождь. Это все дождь, правда, Гаррати?

— Правда, — с горечью сказал Гаррати.

— Я хотел бы приложить лед, — сказал Бейкер и отошел. Гаррати проводил его взглядом.

Билл Хафф («через два «ф») получил билет без четверти одиннадцать, а Миллиган — в половине двенадцатого, сразу после того, как в воздух из толпы взвились сразу шесть «летающих блюдец». Гаррати ожидал, что Бейкер получит билет раньше, чем Миллиган или Хафф, но Бейкер продолжал идти, несмотря на то что уже вся верхняя часть его рубашки пропиталась кровью.

Голова Гаррати уже играла джаз. Дейв Брубек, Телониус Монк, Каннонболл Эддерли — музыка, которую все втихаря слушают, когда вечеринка становится слишком шумной и пьяной.

Как будто бы он когда-то был любим, как будто бы он когда-то и сам любил. Но сейчас в его голове играла музы-

---

* Согласно германским поверьям, Песочный человек приходит к детям по вечерам и сыплет им в глаза песок, отчего они засыпают. Этот образ переосмыслен в сказке Э. Т. А. Гофмана «Песочный человек».

ка, мама стала не более чем дополнением к шубе, Джен сделалась всего лишь манекеном. Все кончено. Даже если он победит, если ему удастся переиграть Макврайса, Стеббинса и Бейкера, все равно все кончено. Он никогда не вернется домой.

Он уже плакал. Зрение затуманилось, ноги начали заплетаться, и он упал. Твердый асфальт, отвратительно холодный, но на нем удивительно хорошо отдыхать. Он получил два предупреждения прежде, чем сумел подняться, и заковылял, как краб. Ему удалось заставить ноги работать.

Бейкер шел вперед зигзагами, словно пьяный. Макврайс и Стеббинс шагали рядом, опустив головы. Гаррати вдруг решил, что они сговариваются убить его, так же, как когда-то давно некто по фамилии Баркович убил безликого статиста по фамилии Рэнк.

Он заставил себя ускорить шаг и догнал их. Они безмолвно расступились, давая ему возможность оказаться между ними. (Перестали говорить обо мне, ага? Ведь вы говорили. Думали, я не догадываюсь? Думали, я сошел с ума?) И все же он чуть-чуть успокоился. Ему хотелось быть с ними, оставаться с ними до самой смерти.

Они прошли под транспарантом, который показался Гаррати квинтэссенцией безумного абсурда Вселенной, квинтэссенцией хохота мировых сфер. Транспарант гласил: 49 МИЛЬ ДО БОСТОНА! ВЫ ДОЙДЕТЕ! Он засмеялся бы, если бы мог. Бостон! Совершенно нереальное, неправдоподобное слово.

Бейкер вновь оказался рядом.

— Гаррати!

— Что?

— Уже?

— Как?

— Мы уже, да? Гаррати, пожалуйста.

Бейкер умоляюще смотрел на Гаррати. Как бык на бойне.

— Да. Уже. Мы уже, Арт. — Гаррати понятия не имел, о чем пытался заговорить Бейкер.

— Сейчас я умру, Гаррати.

— Понятно.

— Если ты победишь, окажешь мне одну услугу? Боюсь просить других. — Бейкер широким жестом указал на дорогу, как будто на ней оставалось еще несколько десятков участников Прогулки. С дрожью Гаррати подумал, что они, возможно, и вправду здесь, призраки всех участников идут с ними рядом, и Бейкер увидел их в свои последние минуты.

— Что угодно.

Бейкер положил руку ему на плечо, и Гаррати вдруг разрыдался. Казалось, сердце лопнуло у него в груди и вытекало теперь наружу вместе со слезами.

— Свинцовый, — сказал Бейкер.

— Пройди еще чуть-чуть, — попросил Гаррати сквозь слезы. — Пройди еще чуть-чуть, Арт.

— Нет, не могу.

— Понятно.

— Может быть, увидимся, — сказал Бейкер и рассеянно стер кровь с лица.

Гаррати шел, наклонив голову, и плакал.

— Не смотри, когда они будут стрелять, — попросил Бейкер. — Обещай мне.

Гаррати кивнул. Он был не в силах говорить.

— Спасибо. Ты был мне другом, Гаррати. — Бейкер попытался улыбнуться, потом вслепую протянул правую руку, и Гаррати сжал ее обеими руками.

— Потом и не здесь, — добавил Бейкер.

Гаррати закрыл лицо руками. Ему пришлось наклониться, чтобы не застыть на месте. Каждый всхлип отдавался в нем такой болью, какой до сих пор Прогулка ему не приносила.

Он рассчитывал, что не услышит выстрелов. Но он их услышал.

Глава 18

Объявляю нынешнюю Долгую Прогулку завершенной. Дамы и господа, граждане, перед вами ваш победитель!

Главный

Они находились в сорока милях от Бостона.

— Гаррати, расскажи нам что-нибудь, — попросил Стеббинс. — Расскажи что-нибудь такое, что отвлекло бы нас от наших бед.

Стеббинс невероятно постарел; он в самом деле стал стариком.

— Да, — сказал Макврайс. Он тоже состарился и высох. — Расскажи, Гаррати.

Гаррати медленно переводил взгляд с одного на другого, но не видел на их лицах ничего, кроме беспредельной усталости. Его душевный подъем давно миновал; отвратная, ноющая боль возвращалась.

Он закрыл глаза. Когда он открыл их после долгой паузы, то увидел, что мир двоится перед ним и весьма неохотно встает на место.

— Хорошо, — сказал он.

Макврайс три раза торжественно хлопнул в ладоши... У него три предупреждения; у Гаррати одно; у Стеббинса — ни одного.

— Однажды жил-был...

— Эй, вашу мамашу, кто хочет послушать сказку? — проговорил Стеббинс.

Макврайс хихикнул.

— Вы будете слушать меня? — сварливо сказал Гаррати. — Вы хотите меня слушать или нет?

Стеббинс споткнулся и налетел на Гаррати. Оба получили предупреждения.

— По мне, какая угодно сказка лучше, чем никакой.

— Вообще-то это не сказка. Если действие в ней происходит в небывалом мире, это еще не значит, что это сказка. Это не значит...

— Ты будешь рассказывать или нет? — сердито спросил Маквpайс.

— Однажды, — начал Гаррати, — жил-был Белый рыцарь. И отправился он в Священный Поход. Он вышел из замка и в скором времени вошел в Заколдованный лес...

— Рыцари ездят на лошадях, — поправил его Стеббинс.

— Хорошо, он проехал на коне через Заколдованный лес. *Проехал.* Потом у него было много необыкновенных приключений. Он победил несколько тысяч гоблинов и троллей, убил чертову уйму волков. Верите? Наконец он добрался до королевского дворца и попросил разрешения пригласить на прогулку леди Гвендолин, Королеву фей.

Маквpайс гоготнул.

— Король воспротивился, так как он считал, что все рыцари на свете недостаточно хороши для его дочери Гвен, великой Королевы фей, но Королева фей так полюбила Белого рыцаря, что пригрозила отцу, что убежит в Дикие леса, если... если...

Его накрыла темная волна забытья, и он почувствовал, что уплывает. Крики толпы представлялись плеском морских волн в длинной, сужающейся пещере. Потом это ощущение стало медленно уходить.

Он огляделся. Голова Маквpайса упала на грудь, и он, быстро засыпая, направился к зрителям.

— Эй! — закричал Гаррати. — Эй, Пит! *Пит!*

— Оставь его, — сказал Стеббинс. — Ты дал слово, как и мы все.

— К черту, — бросил Гаррати, подбежал к Маквpайсу и потряс его за плечи.

Маквpайс выпрямился, посмотрел на него сонным взглядом и улыбнулся:

— Нет, Рей. Пора присесть.

Грудь Гаррати наполнилась ужасом.

— Нет! Не так!

Макврайс вновь посмотрел на него, опять улыбнулся и покачал головой. После этого он сел на асфальт, скрестив ноги. Гаррати решил, что он похож на побитого толпой монаха. Белый шрам резко выделялся в промозглых сумерках.

— Пит! — завопил Гаррати.

Он попытался поднять Макврайса на ноги, но тот был слишком тяжел. Макврайс даже не смотрел на него. И вдруг двое солдат оттащили от него Макврайса. И прицелились ему в голову.

— *Нет!* — закричал Гаррати. — *Меня! Меня! Убейте меня!*

Вместо пули он получил третье предупреждение.

Макврайс открыл глаза и снова улыбнулся. А через мгновение его уже не было в живых.

Теперь Гаррати шел вперед бессознательно. Слепые его глаза смотрели на Стеббинса, а тот с любопытством глядел на него. Гаррати провалился в орущую пустоту.

— Окончи сказку, — сказал Стеббинс. — Окончи сказку, Гаррати.

— Нет, — сказал Гаррати. — Не буду.

— Тогда пошли, — сказал Стеббинс с победоносной улыбкой. — Если души действительно существуют, то его душа еще здесь. Ты можешь его догнать.

Гаррати взглянул на Стеббинса и сказал:

— Я зарою тебя в землю.

Ох, Пит, думал он. И у него уже не оставалось слез.

— Ты? — переспросил Стеббинс. — Увидим.

В восемь часов вечера они проходили через Данверс, и Гаррати наконец понял. Прогулка почти окончена, потому что победить Стеббинса невозможно.

Я слишком долго думал об этом. Макврайс, Бейкер, Абрахам... Они не думали, они просто шли. Как будто все это естественно. Да это же естественно. В каком-то смысле это самая естественная вещь в жизни.

Он тащился вперед. Глаза выкатились из орбит. Нижняя челюсть отвисла, и дождевая вода лилась ему в рот. В какой-то смутный, страшный момент ему показалось, что он видит кого-то, кого он знает, знает как самого себя, манящую и плачущую фигуру, движущуюся впереди в темноте. Но что с того? Он уже не может идти.

Гаррати решил, что он скажет Стеббинсу. Стеббинс шел впереди; теперь он заметно прихрамывал. Он выглядел явно изнуренным. Гаррати очень устал, но уже не боялся. Он чувствовал себя нормально.

Он заставил себя ускорить шаг и в конце концов поравнялся со Стеббинсом.

— Стеббинс, — окликнул он.

Стеббинс повернул голову и посмотрел на него, но глаза его какое-то время ничего не видели. Затем он протянул руку и вцепился в рубашку Гаррати. Толпа протестующе закричала, но только Гаррати находился достаточно близко к Стеббинсу, чтобы заметить ужас в его глазах. Ужас и тьму, и потому только Гаррати понял, что Стеббинс ухватился за него в последней отчаянной попытке найти помощь.

— *Ох, Гаррати!* — закричал он и упал.

Рев толпы достиг апокалиптического масштаба. Грохот рушащихся гор, грохот землетрясения. Этот грохот мог бы уничтожить Гаррати и уничтожил бы, если бы Гаррати слышал. Но он слышал только собственный голос.

— Стеббинс! — отчаянно завопил он, наклонился над Стеббинсом, присел на корточки. Каким-то образом ему удалось перевернуть его. Стеббинс все еще смотрел ему в глаза, но отчаяния во взгляде уже не осталось. Голова безжизненно перекатилась набок.

Гаррати поднес сложенную ковшиком руку ко рту Стеббинса.

— Стеббинс! — вновь позвал он.

Но Стеббинс был мертв.

Гаррати потерял к нему интерес. Он поднялся на ноги и пошел вперед. Над землей разнеслись приветственные кри-

ки, в небо взметнулись огни фейерверков. Впереди взревел мотор джипа.

Никаких машин на дороге нет, придурок. Тебя могут пристрелить за такую галлюцинацию.

В джипе неподвижно стоял Главный. Он поднял руку в приветственном жесте. Он готов исполнить первое желание, всякое желание, любое желание, смертное желание. Он готов выдать Приз.

Они пристрелили мертвого уже Стеббинса, и Гаррати в одиночестве шел по дороге туда, где джип Главного остановился у белой центральной линии, туда, где Главный уже выходил из машины, шагал ему навстречу, а на его добродушном лице ничего нельзя было прочитать из-за темных очков.

Гаррати шагнул в сторону. Он не один на дороге. Впереди идет темная фигура и манит его за собой. Он знает этот силуэт. И узнает наверняка, если приблизится. Кого еще он не сумел пережить? Барковича? Колли Паркера? Перси Какего-там? Кого?

— *ГАРРАТИ!* — орала возбужденная толпа. — *ГАРРАТИ, ГАРРАТИ, ГАРРАТИ!*

Может быть, Скрамм? Или Гриббл? Или Дейвидсон?

Рука легла ему на плечо. Он раздраженно стряхнул ее. Темная фигура манила его к себе, приглашала плюнуть на дождь, приглашала подойти ближе и принять участие в игре. И вправду, пора начинать. Так еще долго идти.

Вытянув руки перед собой, словно прося о милостыне, Гаррати шел вперед, за темной фигурой.

И когда рука снова легла ему на плечо, он где-то нашел силы и побежал.

Содержание

ДОРОЖНЫЕ РАБОТЫ. *Перевод А. Санина*

Пролог 7

Часть первая. НОЯБРЬ 9

20 ноября 1973 года 9

21 ноября 1973 года 26

22 ноября 1973 года 42

23 ноября 1973 года 46

25 ноября 1973 года 58

26 ноября 1973 года 62

27 ноября 1973 года 82

28 ноября 1973 года 98

Часть вторая. ДЕКАБРЬ 124

5 декабря 1973 года 124

6 декабря 1973 года 127

7 декабря 1973 года 150

8 декабря 1973 года 161

9 декабря 1973 года 164

10 декабря 1973 года 165

12 декабря 1973 года 172

17 декабря 1973 года 179

18—19 декабря 1973 года 182

19 декабря 1973 года 198

21 декабря 1973 года 204

24 декабря 1973 года 207

25 декабря 1973 года 209
26 декабря 1973 года 216
31 декабря 1973 года 224

Часть третья. ЯНВАРЬ 245
5 января 1974 года 245
7 января 1974 года 250
8 января 1974 года 259
9 января 1974 года 262
10 января 1974 года 265
11 января 1974 года 268
12 января 1974 года 270
13 января 1974 года 274
14 января 1974 года 280
15 января 1974 года 281
16 января 1974 года 283
17 января 1974 года 284
18 января 1974 года 288
19 января 1974 года 291
20 января 1974 года 293
20 января 1974 года 296
20 января 1974 года 297
Эпилог 312

ДОЛГАЯ ПРОГУЛКА. ***Перевод А. Георгиева***

Часть первая. НА СТАРТ 317
Глава 1 317
Глава 2 336

Часть вторая. ВПЕРЕД ПО ДОРОГЕ 353
Глава 3 353
Глава 4 374
Глава 5 391
Глава 6 408
Глава 7 428
Глава 8 451
Глава 9 473

Глава 10 494
Глава 11 511
Глава 12 522
Глава 13 532
Глава 14 550
Глава 15 562
Глава 16 575

Часть третья. КРОЛИК 589
Глава 17 589
Глава 18 599

Представляем культовый роман Стивена Кинга «СИЯНИЕ» В НОВОМ ПЕРЕВОДЕ!

Потрясающий роман Мастера, который и сейчас, спустя тридцать с лишним лет после триумфального выхода в свет, читается так, словно был написан вчера. Книга, вновь и вновь издающаяся едва ли не на всех языках мира.

... Проходят годы, десятилетия, но история писателя Джека Торранса, его сынишки Дэнни, наделенного необычным даром, и поединка с темными силами, обитающими в роскошном отеле «Оверлук», по-прежнему завораживает и держит в неослабевающем напряжении читателей самого разного возраста...

К выходу готовится «ДОКТОР СОН» — продолжение легендарного романа «Сияние»!

Дэнни Торранс, сын писателя, уничтоженного темными силами отеля «Оверлук», до сих пор тяготится своим необычайным даром. Ведь способность «сиять» вновь и вновь напоминает ему о трагических событиях, пережитых в детстве и едва не сломавших ему жизнь.

На плаву Дэнни поддерживает лишь работа в хосписе, где его способности помогают облегчить пациентам мучительную боль. Но однажды к Дэну приходит двенадцатилетняя девочка Абра, которая излучает «сияние» невероятной, немыслимой силы. И девочке этой угрожает смертельная опасность — на нее объявлена настоящая охота.

Дэн Торранс — единственный, кто может ее спасти...

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

16+

Кинг Стивен
(Бахман Ричард)
Дорожные работы
Долгая Прогулка

Романы

Компьютерная верстка: Л.О. Огнева
Технический редактор О.В. Панкрашина

Подписано в печать 10.10.17. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 31,92. Доп. тираж 1033 экз. Заказ №2000.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Отпечатано в ОАО «ИПП «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.
Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.
Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.
Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

...В обычном маленьком городке живет обычный человек, медленно, но верно погружающийся в пучину черной ненависти к себе и окружающим. Нужен всего лишь повод, чтобы ненависть выплеснулась на волю потоком хлещущей крови. И когда повод находится, обычного человека, ставшего убийцей, уже не остановить.

...Это была страшная игра — игра на выживание. Это была Долгая Прогулка. Прогулка со Смертью, ибо смерть ожидала каждого упавшего. Дорога к счастью — потому что победивший в игре получал все. *На долгую прогулку* вышли многие — но закончит ее только один. Остальные лягут мертвыми на дороге — потому что дорога к счастью для одного станет последней дорогой для многих.

www.ast.ru
ISBN 978-5-17-086678-6
9 785170 866786